

Д.С. ЛИХАЧЕВ

Русская
культура

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
2000

УДК 808 (161.1)
ББК 71.0
Л 65

Оформление и макет
И.В. Балашова

Составление и подбор иллюстративного материала
А.Р. Мариупольской

Фотоотъемки

*В. Некрасова, А. Нитецкого, И.Стин и А.Фирсова,
П.Завладовского, Ю.Маркина, А.Сапроненкова*

Перевод на английский язык *К.Куж*

По программе
государственной поддержки
культуры и искусства издание получило
грант Президента Российской Федерации

Издание выпущено при поддержке Института
«Открытое общество. Фонд содействия»

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА И СОВЕСТЬ	7
КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНАЯ СРЕДА	9
ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА РОССИИ	21
ДВА РУСЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	33
ТРИ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ	45
РОЛЬ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ОТЕЧЕСТВА	51
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИИ	67
МЫСЛИ О РОССИИ	81
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	91
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	103
ПРОВИНЦИЯ И ВЕЛИКИЕ «МАЛЫЕ» ГОРОДА	127
КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА И КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	159
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	175
ЗАМЕТКИ ОБ АРХИТЕКТУРЕ	185
ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ	197
РАЗНОЕ О ЛИТЕРАТУРЕ	211

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНО ОБ ИСКУССТВЕ	265
«МЕЛОЧИ» ПОВЕДЕНИЯ	291
ПРО ТО И ПРО СЕ	309
О НАУКЕ И НЕНАУКЕ	321
ИЗ ПРОШЛОГО И О ПРОШЛОМ	335
О ПРИРОДЕ ДЛЯ НАС И О НАС ДЛЯ ПРИРОДЫ	347
О ЯЗЫКЕ УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ, СТАРОМ И НОВОМ	355
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ	371
РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	387
О РУССКОМ И ЧУЖЕСТРАННОМ	403
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Интервью с акад. Д.С.Лихачевым</i>	419
ПРИМЕЧАНИЯ	421
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	427
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	434
SUMMARY	
• 438	

Культура и совесть

Если человек считает, что он свободен, означает ли это, что он может делать все, что ему угодно? Нет, конечно. И не потому, что кто-то извне воздвигает ему запреты, а потому, что поступки человека часто диктуются эгоистическими побуждениями. Последние же не совместимы со свободным принятием решения.

Свобода выдвигает свои «нелзя», — и не потому, что что-то произвольно запрещено, а потому, что корыстные соображения и побуждения сами по себе не могут принадлежать свободе. Корыстные поступки — вынужденные поступки. Вынужденность ничего не запрещает, но она лишает человека его свободы. Поэтому настоящая, внутренняя свобода человека существует только при отсутствии внешней вынужденности.

Человек, поступающий эгоистично в личном, национальном (националистическом, шовинистическом), классовом, сословном, партийном или каком-либо ином плане, — не свободен.

Поступок свободен только тогда, когда он продиктован свободным от эгоизма намерением, когда он бескорыстен.

Страж свободы человека — его совесть. Совесть освобождает человека от корыстных (в широком смысле) расчетов, побуждений. Корысть и эгоизм — внешни по отношению к человеку. Совесть и бескорыстие внутри человеческого духа. Поэтому поступок, совершенный целиком по совести, — свободный поступок.

Итак, совесть — страж подлинной, внутренней свободы человека. Совесть противопоставляет давлению извне. Она защищает человека от внешних воздействий. Конечно, сила совести может быть больше или меньше; случается она вовсе отсутствует.

Внешние силы, поражающие человека (экономические, политические, телесные недомогания и пр.), вносят во внутренний мир человека хаос, дисгармонию. Возьмем простейшие примеры. Партийные интересы могут прийти в противоречие с заботами о собственном благе. Собственное благо может быть понято в разные моменты различно: обогащение, политический авторитет, здоровье, наслаждение и т.д. могут тянуть человека к совершенно различным поступкам, но сочетающимся между собой. Пораженный внешними силами человек дисгармоничен.

Совесть бескорытна (побуждает человека к бескорыстному поведению) и, следовательно, сама свободна в самом широком смысле этого понятия. Она основа возможности полной независимости человека (даже в тюрьме, лагере, в карцере, на дыбе и т.д.), его внутренней цельности, сохранения его индивидуальности, личности.

Истинно свободен может быть только человек, живущий «под чужой кровлей», утверждал св. Франциск Ассизский. Иными словами, тот, кого внешние обстоятельства жизни не поражают, не подчиняют его дух, его поступки...

Совесть противопоставляет всем корыстным, эгоистическим внешним воздействиям, нивелирующим индивидуальность человека, уничтожающим человека как личность, разрушающим его гармоничность.

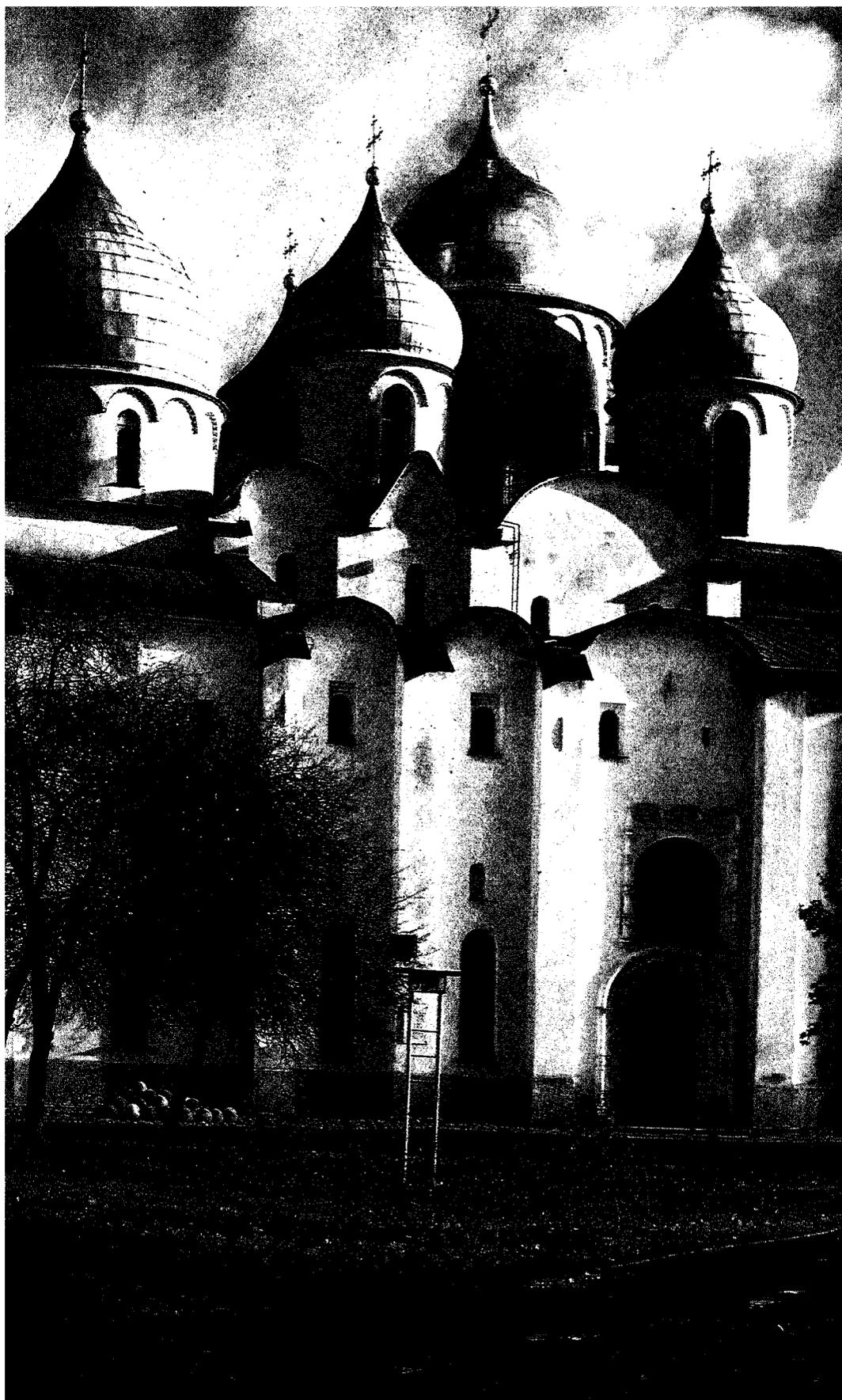
Все, что человек делает из расчета или под влиянием внешних обстоятельств, неизбежно приводит к внутренним конфликтам, к дисгармоничности.

Совесть очень таинственна по своей сути. Это не только бескорыстие. В конце концов может быть и бескорыстие зла. Особенно это ясно, если верить в существование злого начала в мире, дьявола (отсюда можно представить себе дьявола как личность).

Почему поступки, совершенные под воздействием совести, не противоречат друг другу, а составляют некую цельность? Не означает ли это, что добро восходит к одной цельной и высокой личности — к Богу?

Наша личная свобода, которая определяется нашей совестью, имеет свое пространство, свое поле действия, которое может быть более широким и менее широким, более глубоким и менее глубоким. Размеры и глубина действия свободы человека зависит от степени культуры человека и человеческого сообщества. Совесть действует в пределах культуры человека и человеческого сообщества, в пределах традиций народа... Перед людьми большой культуры большой выбор решений и вопросов, широкие творческие возможности, где совесть определяет степень искренности творца и, следовательно, степень его талантливости, оригинальности и т.д.

Среда действия совести не только бытовая, узкочеловеческая, но и среда научных исследований, художественного творчества, область веры, взаимоотношения человека с природой и культурным наследием. Культура и совесть необходимы друг другу. Культура расширяет и обогащает «пространство совести».

КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНАЯ СРЕДА

Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации.

Сегодня много говорится о единстве различных «пространств» и «полей». В десятках газетных и журнальных статей, в теле- и радиопередачах обсуждаются вопросы, касающиеся единства экономического, политического, информационного и иных пространств. Меня же занимает прежде всего проблема пространства культурного. Под пространством я понимаю в данном случае не просто определенную географическую территорию, а прежде всего *пространство среды*, имеющее не только протяженность, но и глубину.

У нас в стране до сих пор нет концепции культуры и культурного развития. Большинство людей (в том числе и «государственных мужей») понимают под культурой весьма ограниченный круг явлений: театр, музеи, эстраду, музыку, литературу, — иногда даже не включая в понятие культуры науку, технику, образование... Вот и получается зачастую так, что явления, которые мы относим к «культуре», рассматриваются в изоляции друг от друга: *свои* проблемы у театра, *свои* у писательских организаций, *свои* у филармоний и музеев и т.д.

Между тем культура — это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства.

Если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями.

Культура — это святыни народа, святыни нации.

Что такое, в самом деле, старое и уже несколько избитое, затертое (главным образом от произвольного употребления) понятие «Святая Русь»? Это, разумеется, не просто история нашей страны со всеми присущими ей соблазнами и грехами, но — религиозные ценности России: храмы, иконы, святые места, места поклонений и места, связанные с исторической памятью.

«Святая Русь» — это святыни нашей культуры: ее наука, ее тысячелетние культурные ценности, ее музеи, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Ибо хранящиеся в России памятники античности, произведения итальянцев, французов, немцев, азиатских народов также сыграли колоссальную роль в развитии российской культуры и являются российскими ценностями, поскольку, за редкими исключениями, они вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития. (Русские художники в Петербурге учились не только в Академии художеств, но и в Эрмитаже, в галереях Кушелева-Безбородко, Строганова, Штиглица и других, а в Москве в галереях Шукиных и Морозовых.)

Святыни «Святой Руси» не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены: это смертный грех.

Смертный грех народа — продажа национальных культурных ценностей, передача их под залог (ростовщичество всегда считалось у народов европейской цивилизации самым низким делом). Культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим. Подобно тому как мы не имеем морального права расхищать природные богатства, не учитывая прав собственности, жизненных интересов наших детей и внуков, точно так же мы не вправе распоряжаться культурными ценностями, которые должны служить будущим поколениям.

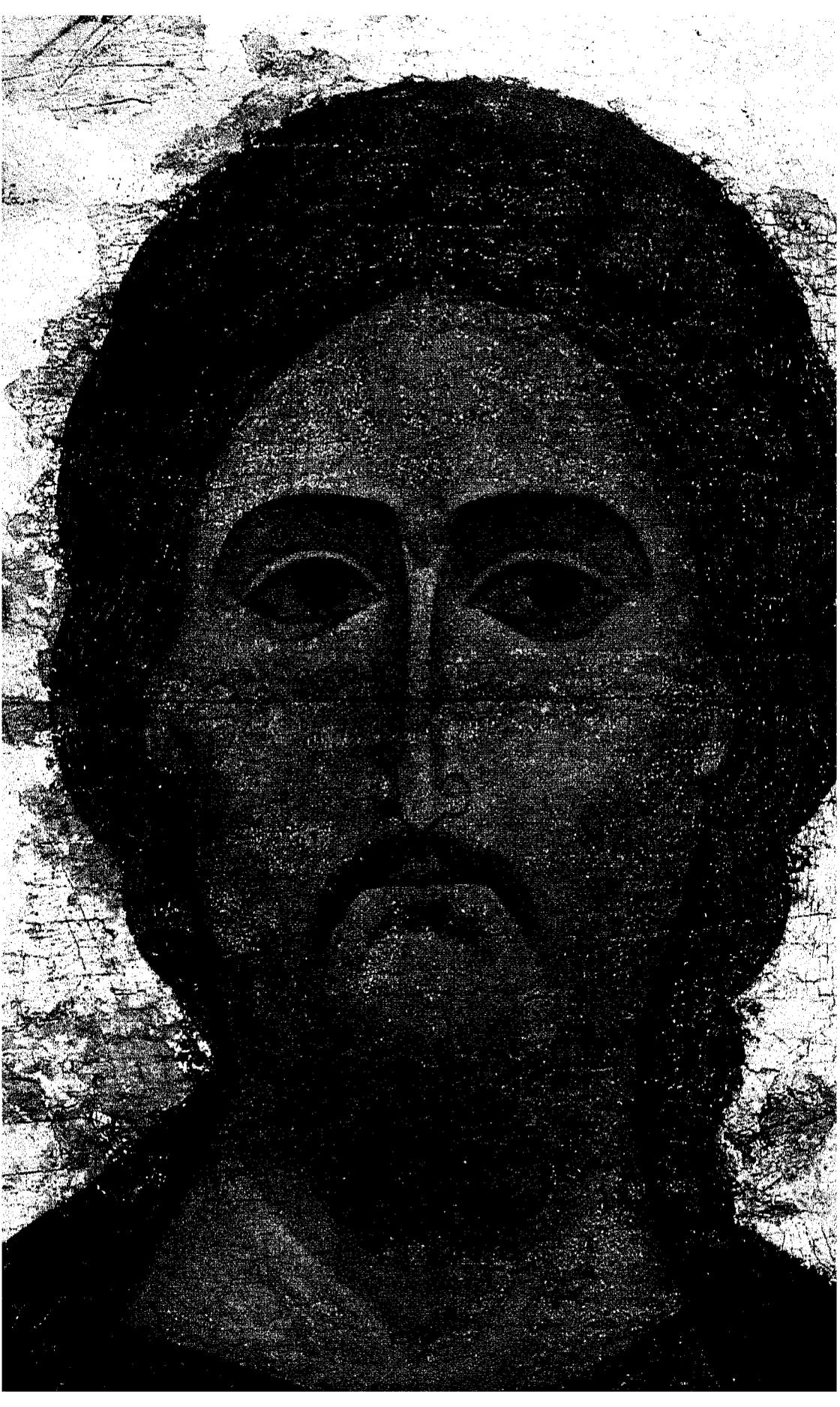
Мне представляется чрезвычайно важным рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания...

Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части.

Не углубляясь в частности и детали, не останавливаясь на некоторых различиях между существующими концепциями в области теории искусства, языка, науки и т.д., обращу внимание только на ту общую схему, по которой изучаются искусство и культура в целом. По этой схеме существуют творец (можно назвать его автором, создателем определенного текста, музыкального произведения, живописного полотна и т.д., художником, ученым) и «потребитель», получатель информации, текста, произведения... По этой схеме культурное явление разворачивается в некотором пространстве, в некоторой временной последовательности. Творец находится в начале этой цепи, «получатель» в конце — как завершающая предложение точка.

Подобная культурологическая схема не позволяет достаточно полно и всесторонне понять и оценить культурные явления, сам процесс культурного творчества, восприятия его результатов и в конечном счете ведет к недооценке культуры, к недооценке факта присутствия в ней человека.

*Христос. Начало XIII в.
Фрагмент иконы Деисусного чина
из Успенского собора Московского Кремля.
Москва, Третьяковская галерея*

Первое, на что необходимо обратить внимание, восстанавливая связь между творцом и тем, кому предназначено его творчество, это на *сотворчество* воспринимающего, без которого теряет свое значение и само творчество. Автор (если это талантливый автор) всегда оставляет «нечто», что дорабатывается, домысливается в восприятии зрителя, слушателя, читателя и т.д. Особенно очевидно это обстоятельство сказывалось в эпохи высокого подъема культуры — в античности, в романском искусстве, в искусстве Древней Руси, в творениях XVIII века.

В романском искусстве при одинаковом объеме колонн, их одинаковой высоте капители все же значительно отличаются. Отличается и сам материал колонн. Следовательно, одинаковые параметры в одном позволяют воспринять неодинаковые параметры в другом как одинаковые, иными словами — «домыслить одинаковость». Это же самое явление мы можем уловить и в древнерусском зодчестве.

В романском искусстве поражает и другое: чувство принадлежности к священной истории. Крестоносцы привозили с собой из Палестины (из Святой земли) колонны и ставили их (обычно одну) среди сходных по параметру колонн, сделанных местными мастерами. Христианские храмы воздвигались на поверженных остатках языческих храмов, тем самым позволяя (а в известной мере и принуждая зрителя) домысливать, довоображать замысел творца.

(Реставраторы XIX века совершенно не понимали этой особенности великого средневекового искусства и обычно стремились к точности симметричных конструкций, к полной идентичности правой и левой сторон соборов. Так, с немецкой аккуратностью был достроен в XIX в. Кельнский собор: две фланкирующие фасад собора башни были сделаны абсолютно одинаковыми. К этой же точной симметрии стремился великий французский реставратор Виомле ле Дюк в парижском соборе Нотр-Дам, хотя различие оснований обеих башен по размерам достигало более метра и не могло быть произвольным.)

Не привожу других примеров из области зодчества, но примеров в других искусствах довольно много.

Жесткая точность и полная законченность произведений противопоставлена искусству. Не случайно, что многие произведения Пушкина («Евгений Онегин»), Достоевского («Братья Карамазовы»), Льва Толстого («Война и мир») не были завершены, не получили полной законченности. Благодаря своей незавершенности на века остались актуальными в литературе образы Гамлета и Дон Кихота, допускающие и даже как бы провоцирующие различные (зачастую противоположные) истолкования в разные исторические эпохи.

Культуру объединяет прежде всего явление, названное югославским ученым Александром Флакером *стилистической формацией*. Эта весьма емкая дефиниция имеет прямое отношение не только к зодчеству, но и к литературе, музыке, живописи и в известной мере к науке (стиль мышления) и позволяет выделить такие общеевропейские культурные явления, как барокко, классицизм, романтизм, готика и так называемое романское искусство (англичане называют его норманнским стилем), которое также распростра-

Богоматерь. Фрагмент иконы Деисусного чина
из Успенского собора Московского Кремля.
Москва, Третьяковская галерея

няется на многие стороны культуры своего времени. Стилистической формой может быть назван стиль модерн.

В XX веке корреляция разных сторон культуры наиболее отчетливо проявилась в так называемом авангарде. (Достаточно вспомнить и назвать ДЕФ, конструктивизм, агитискусство, литературу факта и кинематографию факта, кубофутуризм (в живописи и поэзии), формализм в литературоведении, беспредметную живопись и т.д.)

Единство культуры в XX веке выступает в некоторых отношениях даже ярче и теснее, чем в предшествующие века. Не случайно Роман Якобсон говорил о «едином фронте науки, искусства, литературы, жизни, богатом новыми, еще не изведенными ценностями будущего».

Для понимания единства стиля важно, что это единство *никогда не бывает полным*. Точное и неукоснительное следование всем особенностям какого-либо стиля в любом из искусств — удел малоталантливых творцов. Настоящий художник хотя бы частично отступает от формальных признаков того или иного стиля. Гениальный итальянский зодчий А.Ринальди в своем Мраморном дворце (1768—1785) в Петербурге, в целом следуя стилю классицизма, неожиданно и умело использовал и элементы рококо, тем самым не только украсив свое здание и чуть-чуть усложнив композицию, но и как бы пригласив истинного ценителя зодчества искать разгадку своего отступления от стиля.

Одно из величайших произведений зодчества — Стрельнинский дворец под Петербургом (находящийся сейчас в ужасном состоянии) создавался многими архитекторами XVIII—XIX веков и являет собой оригинальнейшую, своеобразную архитектурную шараду, заставляющую искушенного зрителя додумывать замысел каждого из принимавших участие в строительстве архитекторов.

Соединение, взаимопроникновение двух и более стилей отчетливо дает себя знать и в литературе. Шекспир принадлежит и барокко и классицизму. Гоголь соединяет в своих произведениях натурализм с романтизмом. Примеров можно было бы привести множество. Стремление создавать для воспринимающего все новые и новые задачи заставляло зодчих, художников, скульпторов, писателей менять стиль своих произведений, задавать читателям своего рода стилистические, композиционные и сюжетные загадки.

Единство творца и сотворяющего с ним читателя, зрителя, слушателя — только первая ступень единства культуры.

Следующая — это *единство материала* культуры. Но *единство существующее в динамике и различии...*

Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, создатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. Как сказано в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других, связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство «культурного осознания» мира.

Русский язык необычайно богат. Соответственно богат и тот мир, который создала русская культура.

Богатство русского языка обусловлено рядом обстоятельств. Первое, и главное, что он создавался на громадной территории, чрезвычайно разнообразной по своим географическим условиям, природному многообразию, разнообразию соприкосновений с другими народами, наличию второго языка — церковнославянского, который многие крупнейшие лингвисты (Шахматов, Срезневский, Унбегаун и другие) даже считали для формирования литературных стилей *первым*, основным (на который позже уже наслаивалось русское просторечие, множество диалектов). Наш язык вобрал в себя и все то, что создано фольклором и наукой (научная терминология и научные понятия). К языку, в широком смысле, относятся пословицы, поговорки, фразеологизмы, ходячие цитаты (допустим, из Священного Писания, из классических произведений русской литературы, из русских романсов и песен). В русский язык органично вошли и стали его неотъемлемой частью (именами нарицательными) имена многих литературных героев (Митрофанушки, Обломова, Хлестакова и других). К языку относится все увиденное «глазами языка» и языковым искусством созданное. (Нельзя не учесть, что в русское языковое сознание, в мир, увиденный русским языковым сознанием, вошли понятия и образы *мировой* литературы, *мировой* науки, *мировой* культуры — через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский.)

Итак, мир русской культуры благодаря ее восприимчивости необычайно богат. Однако мир этот может не только обогащаться, но и постепенно, а иногда и катастрофически быстро, беднеть. Обеднение может происходить не только потому, что многие явления мы просто перестали «творить» и видеть (например, исчезло из активного употребления слово «учтивость» — его поймут, но сейчас его почти никто не произносит), но потому, что сегодня мы все чаще прибегаем к словам пошлым, пустым, стертым, не укорененным в традиции культуры, легкомысленно и без видимой надобности заимствованным на стороне.

Колоссальный удар русскому языку, а следовательно, и русскому понятийному миру принесло после революции запрещение преподавания Закона Божия и церковнославянского языка. Стали непонятными многие выражения из псалмов, богослужения, Священного Писания (особенно из Ветхого Завета) и т.д. Этот крупнейший урон русской культуре еще придется изучать и осмысливать. Двойная беда, что вытесненные понятия были к тому же понятиями в основном именно *духовной культуры*.

Культуру народа как единое целое можно уподобить горному леднику, движущемуся медленно, но необычайно мощно.

Это хорошо видно на примере нашей литературы. Совершенно неверно бытующее представление, будто литература только «питается» жизнью, «отражая» действительность, прямолинейно стремится ее исправить, смягчить нравы и т.п. На самом же деле литература в огромной мере самодостаточна, чрезвычайно самостоятельна. Питаясь во многом за счет ею же самой созданных тем и образов, она бесспорно влияет на окружающий мир и даже формирует его, но весьма сложным и зачастую непредсказуемым способом.

Давно было указано и исследовано такое, например, явление, как развитие культуры русского романа XIX века из сюжетопостроения и образов пушкинского «Евгения Онегина», саморазвитие образа «лишнего человека» и т.п.

Одно из самых ярких проявлений «саморазвития» литературы мы можем найти в произведениях Салтыкова-Щедрина, где персонажи древнерусских летописей, некоторых сатирических произведений, а затем книг Фон-визина, Крылова, Гоголя, Грибоедова продолжают свою жизнь — женятся, рожают детей, служат — и при этом наследуют в новых бытовых и исторических условиях черты своих родителей. Это дает Салтыкову-Щедрину уникальную возможность характеризовать современные ему нравы, направленные мысли и социальные типы поведения.

Такое своеобразное явление возможно только при двух условиях: литература должна быть чрезвычайно богата и развита, и, второе, — она должна быть широко и заинтересованно *читаема* обществом. Благодаря этим двум условиям вся русская литература становится как бы *одним произведением*, при этом произведением, связанным со всей европейской литературой, адресованным читателю, знающему литературу французскую, немецкую, английскую и античную — хотя бы в переводах. Если обратиться к ранним произведениям Достоевского, да и любого другого крупного писателя XIX и начала XX века, мы видим, какую широкую образованность предполагали в своих читателях (и находили, конечно!) русские классики. И это тоже свидетельствует об огромном масштабе российской (или, точнее все же, русской) *культуросферы*.

Русская культуросфера одна способна убедить каждого образованного человека в том, что он имеет дело с великой культурой, великой страной и великим народом. Для доказательства этого факта нам не требуется в качестве аргументов ни танковых армад, ни десятков тысяч боевых самолетов, ни ссылок на наши географические пространства и залежи природных ископаемых.

Сейчас вновь вошли в моду идеи так называемого евразийства¹. Когда речь идет о проблемах экономического взаимодействия и цивилизованного сотрудничества Европы и Азии, идея евразийства выглядит приемлемой. Однако когда сегодняшние «евразийцы» выступают с утверждением некоего «туранского» начала русской культуры и истории, они уводят нас в область весьма сомнительных фантазий и, в сущности, очень бедной мифологии, направляемой больше эмоциями, чем научными фактами, историко-культурными реалиями и просто доводами рассудка.

Евразийство как некое идейное течение возникло в среде русской эмиграции в 20-х годах и развилось с началом издания «Евразийского временника». Оно сформировалось под влиянием горечи потерь, которые принес России октябрьский переворот. Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей-эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны и западные нормы и ценности для нее вовсе не годят-

ся. На этом ущемленном национальном чувстве, увы, было основано и стихотворение А.Блока «Скифы».

Между тем азиатское начало в русской культуре лишь мерещится. Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал — «картографически». Если смотреть на Россию с Запада, то мы, конечно, находимся на Востоке или, по крайней мере, между Востоком и Западом. Но ведь французы видели и в Германии Восток, а немцы в свою очередь усматривали Восток в Польше.

В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы — с Запада или Юга. Характерно, что даже у «всечеловека» Пушкина мотивы из Гафиза или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии и Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) «потурченцев», то есть представителей коренного этноса, принявших ислам.

Для России, да и для Европы (Испании, Сербии, Италии, Венгрии), гораздо большее значение имело противостояние Юга и Севера, чем Востока и Запада.

С юга, из Византии и Болгарии, пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура — Скандинавия. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией.

Для существования и развития настоящей, большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству.

Такая культуросфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре, сохраняющей в себе все культуры прошлого и настоящего: античность, ближневосточную культуру, исламскую, буддистскую и т.д.

Европейская культура — культура общечеловеческая.

И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать *общечеловеческой культуре* через принадлежность именно к *культуре европейской*.

Мы должны быть *русскими европейцами*, если хотим понять духовные и культурные ценности Азии и античности.

Итак, культура представляет собой единство, целостность, в которой развитие одной стороны, одной сферы ее теснейшим образом связано с развитием другой. Поэтому «среда культуры», или «пространство культуры», представляет собой нерасторжимое целое, и отставание одной стороны неизбежно должно привести к отставанию культуры в целом. Падение гуманитарной культуры или какой-либо из сторон этой культуры (например, музыкальной) обязательно, хотя, быть может, и не сразу очевидно, скажется на уровне развития даже математики или физики.

Культура живет общими накоплениями, а умирает постепенно, через утрату отдельных своих составляющих, отдельных частей единого организма.

КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНАЯ СРЕДА

Культура имеет типы культур (например, национальные), формации (например, античность, Ближний Восток, Китай), но культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности.

Умирание культуры может быть вызвано двумя, казалось бы, различными причинами, противоположными тенденциями: или национальным мазохизмом — отрицанием своей ценности как нации, небрежением собственным культурным достоянием, враждебностью к образованному слою — творцу, носителю и проводнику высокой культуры (что мы нередко наблюдаем сейчас в России); либо — «ущемленным патриотизмом» (выражение Достоевского), проявляющим себя в крайних, зачастую бескультурных формах национализма (также сейчас чрезвычайно у нас развившихся). Здесь мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления — *национальной закомплексованности*.

Преодолевая в себе эту национальную закомплексованность справа и слева, мы должны решительно отвергнуть попытки увидеть спасение нашей культуры исключительно в нашей географии, исключительно в поисках прикладных геополитических приоритетов, обусловленных нашим пограничным положением между Азией и Европой, в убогой идеологии евразийства.

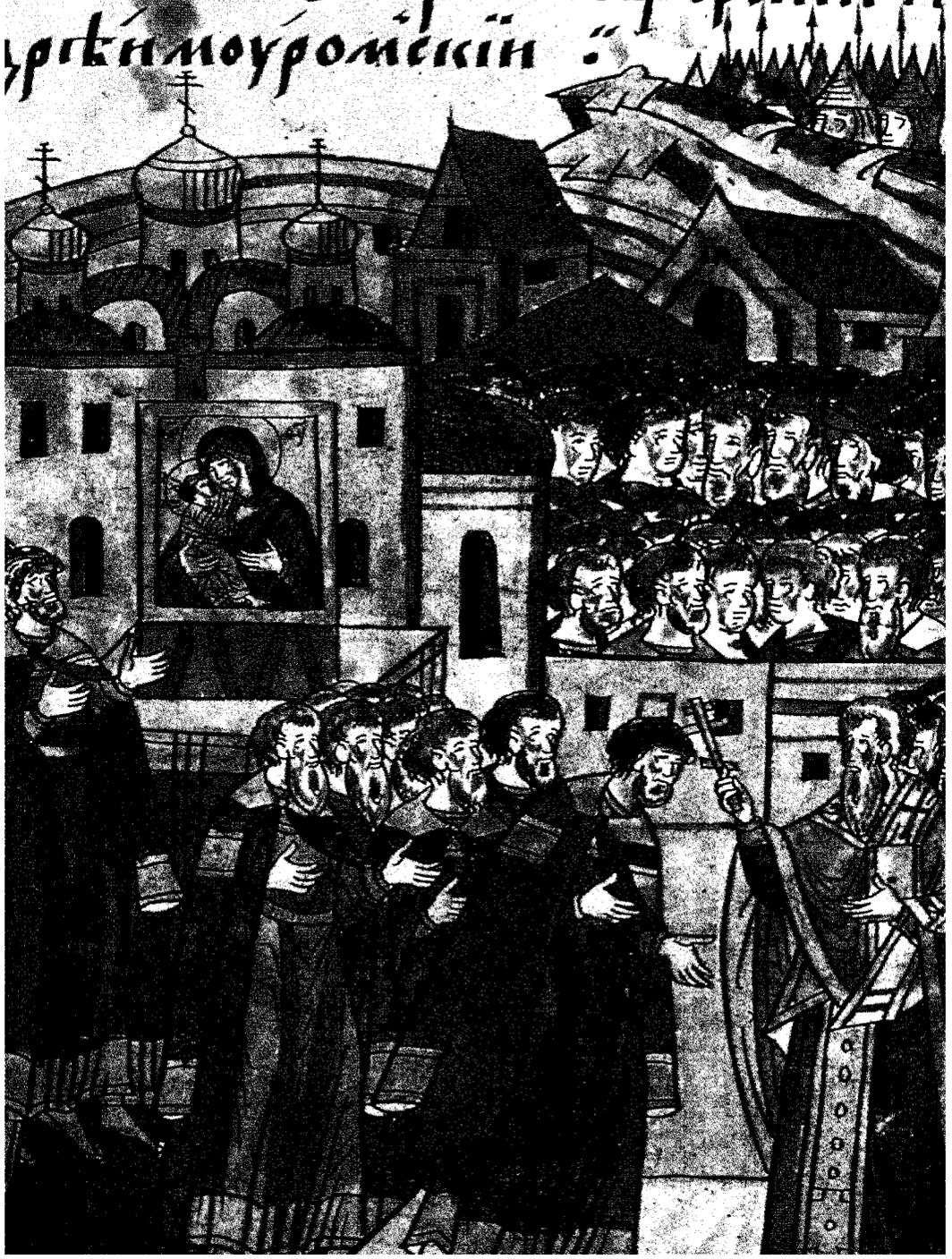
Наша культура, русская культура и культура российских народов, — *европейская, универсальная культура*; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества.

(Лучшее доказательство универсального характера нашей культуры — положение дел, спектр и объем исследовательских работ, проводившихся в дореволюционной Российской императорской Академии наук, в которой при незначительном числе ее членов были на самом высоком научном уровне представлены тюркология, арабистика, китаеведение, японистика, африканистика, финноугроведение, кавказоведение, индология, собраны богатейшие коллекции на Аляске и в Полинезии.)

Концепция Достоевского об универсальности, общечеловечности русских верна лишь в том отношении, что мы близки к остальной Европе, обладающей как раз этим качеством общечеловечности и одновременно позволяющей сохранить собственное национальное лицо каждому народу.

Наша первейшая и насущная задача сегодня — не дать ослабнуть этой *европейской общечеловечности* русской культуры и посылить поддержать равномерное существование всей нашей культуры как единого целого.

17
А . ПЕРЕСЛАДСКІИ ПОЕПОДА АНРГЕН
ЗОПН . ЛОУКНСА ПОДОДИМЕРА АН
МА ПОЕПОДА ДАНИШЕ БЕЛО ОУСТА . КО
ИИТЪ КОПАНОПН . КНЗЪ ФЕЩОРГ
ІН . КМАЗЪ ГОРЪ МЕЩЕРСКІИ .
УРГЕН МОУРОМІСКІИ .

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА РОССИИ

Я не проповедаю национализм, хотя и пишу с искренней болью по родной для меня и любимой России. Эти заметки возникали по разному поводу. Иногда как отклик, как реплика в невольном споре с автором очередной статьи (каких немало ныне в печати), содержащей те или иные примитивные суждения о России, ее прошлом. Как правило, плохо зная историю страны, авторы подобных статей неверно судят о ее настоящем и крайне произвольны в своих прогнозах на будущее.

Подчас мои суждения связаны с кругом моего чтения, с раздумьями о некоторых этапах отечественной истории. В своих заметках я никак не претендую на то, чтобы расставить все по своим местам. Кому-то эти записи могут показаться достаточно субъективными. Но не спешите с выводами о позиции автора. Я просто за *нормальный* взгляд на Россию в масштабах ее истории. Читатель, думается, в конце концов поймет, в чем суть такого «нормального взгляда», в каких чертах национального русского характера скрыты истинные причины нашей нынешней трагической ситуации...

Итак, прежде всего несколько мыслей о том, какое значение для России имеет ее географическое положение.

I

Евразия или Скандославия? О том, что для Русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше значило ее положение между Севером и Югом, и о том, что ей гораздо больше подходит определение Скандославии, чем Евразии, так как от Азии она, как ни странно, получила чрезвычайно мало, об этом я уже говорил¹.

Отрицать значение воспринятого из Византии и Болгарии христианства в самом широком аспекте их воздействия означает становиться на крайние позиции вульгарного «исторического материализма». И речь идет не просто о смягчении нравов под влиянием христианства (мы по себе сейчас хорошо знаем, к чему в области общественной нравственности приводит атеизм как официальное мировоззрение), а о самом направлении государственной жизни, о междукняжеских отношениях и об объединении Руси.

*Герасим, епископ Коломенский,
благословляет князя Дмитрия и его воинство.
Лицевой летописный свод XVI в., т. II
(Куликовская битва) л. 121 СПб. БАН*

Обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном — военно-дружинное устройство.

В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и возыме-ли определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа.

В самом деле: обращение к заветам христианской любви сказывалось на Руси не только в личной жизни, что в полной мере трудно учитываемо, но и в политической. Приведу только один пример. Ярослав Мудрый начинает свое политическое завещание сыновьям следующими словами: «Се аз отхожду света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете в любви межю собою, Бог будетъ в вас, и поко-рять вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавид-но живуще, в расприх и котораяющесе (враждаю. — Д.Л.), то погыбнете сами и погубите землю отцев своих и дед своих, иже налезоса трудом своим вели-кым; но пребывайте мирно, послушающе брат брата». Эти заветы Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава были сопряжены с установлением взаимоотношений князей между собой и пра-вопорядком, наследования княжеств.

Гораздо сложнее, чем духовное влияние Византии с Юга, было значение для государственного строя Руси Скандинавского Севера. Политический строй Руси в XI—XIII веках представлял собой, по аргументированному мнению В.И.Сергеевича, смешанную власть князей и народного веча, существенно ограничивавшего на Руси права князей². Княжеско-вечевой строй Руси сложился из соединения северо-германской организации княжеских дружин с исконно существовавшим на Руси вечевым укладом.

Говоря о шведском государственном влиянии, мы должны помнить о том, что еще в XIX веке писал немецкий исследователь К.Леманн: «Шведский строй в начале тринадцатого века (следовательно, спустя три века после призвания варягов. — Д.Л.) еще не достиг государственно-правового понятия «государства». «Riki» или «Konungsriki», о котором во многих местах говорит древнейшая запись вестготского права, является суммой отдельных государств, которые связаны друг с другом только личностью короля. Над этими «отдельными государствами», «областями» нет никакого более высокого государственно-правового единства... Каждая область имеет свое собственное право, свой собственный административный строй. Принадлежащий одной из прочих областей является иностранцем в том же смысле, как принадлежащий другому государству»³.

Единство Руси было с самого начала русской государственности, с X века, гораздо более реальным, чем единство шведского государственного строя. И в этом несомненно сыграло свою роль христианство, пришедшее с Юга, ибо Скандинавский Север еще долго оставался языческим. Призванные из Швеции конунги Рюрик, Синеус и Трувор (если таковые действительно суще-

ствовавали) могли научить русских по преимуществу военному делу, организации дружин. Княжеский же строй в значительной мере поддерживался на Руси собственными государственными и общественными традициями: вечевыми установлениями и земскими обычаями. Именно они имели значение в период зависимости от татар-завоевателей, ударивших главным образом по князьям и княжеским установлениям.

Итак, в Скандинавии государственная организация существенно отставала от той, которая существовала на Руси, где междукняжеские отношения сложились в основном при Владимире Мономахе и его старшем сыне Мстиславе, а затем продолжали меняться под влиянием внутренних потребностей в XII и XIII веках.

Когда в результате нашествия Батгя, явившегося чрезвычайным бедствием для Руси (что бы ни писали о нем евразийцы, подчинявшие факты своей концепции), был разгромлен княжеско-дружинный строй русской государственности, опорой народа остался только его общинно-государственный быт (так думал и крупнейший украинский историк М.С.Грушевский).

Традиции государственности и народ. Отвечая на вопрос о значении Скандинавии для установления на Руси определенных форм государственной власти, мы подошли и к вопросу о роли демократических традиций в русской исторической жизни. Общим местом в суждениях о России стало утверждение, что в России не было традиций демократии, традиций нормальной государственной власти, мало-мальски учитывающей интересы народа. Еще один предрассудок! Не будем приводить всех фактов, опровергающих это избитое мнение. Пунктирно наметим только то, что говорит против...

Договор 945 года между русскими и греками заключается словами «и от всякая княжя и от всех людей Руския земли», а «люди Руской земли» — это не только славяне, но на равных основаниях финно-угорские племена — чудь, меря, весь и прочие.

Князья сходились на княжеские собрания — «снемы». Князь начинал свой день, совещаясь со старшей дружиной — «боярами думающими». Княжеская дума — постоянный совет при князе. Князь не предпринимал дела, «не поведав мужем лепшим думы своея», «не стадав с мужми своими».

Следует учитывать также издавнее существование законодательства — Русской Правды. Первый же Судебник был издан уже в 1497 году, что значительно раньше, чем аналогичные акты у других народов.

Абсолютная монархия. Как ни странно, но абсолютизм появился в России вместе с влиянием Западной Европы при Петре Великом. Допетровская Русь имела громадный опыт общественной жизни. Прежде всего, надо назвать вече, существовавшее не только в Новгороде, но во всех городах Руси, здесь и княжеские «снемы» (съезды), здесь земские и церковные соборы, Боярская дума, сельские сходы, народные ополчения и т.д. Лишь при Петре, на грани XVII и XVIII вв., эта общественная деятельность была прекращена. Именно с Петра прекратили собираться выборные учреждения, прекратила свое существование и Боярская дума, имевшая власть не соглашаться с государем. Под документами Боярской думы наряду с обычной формулировкой «Великий государь говорил, а бояре приговорили» можно встретить и такие формулировки: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили». Патриарх в своих рещениях часто расходился с царем. Многочисленные примеры

тому можно встретить в период правления царя Алексея Михайловича и патриаршества Никона. И Алексей Михайлович вовсе не был бездеятельным и безвольным человеком. Скорее обратное. Конфликты царя и патриарха достигали драматических ситуаций. Не случайно Петр, воспользовавшись удобным случаем, упразднил патриаршество и заменил патриаршее управление коллегиальными решениями Синода. Петр был прав в одном: легче подчинить себе чиновничье большинство, чем одну сильную личность. Это мы знаем и по нашему времени. Может существовать гениальный и популярный полководец, но не может быть гениального и популярного генерального штаба. В науке великие открытия, сделанные одним человеком, почти всегда встречали сопротивление большинства ученых. За примерами ходить недалеко: Коперник, Галилей, Эйнштейн.

Впрочем, это не значит, что я отдаю предпочтение монархии. Пишу это на всякий случай во избежание всевозможных недоразумений. Я отдаю предпочтение сильной индивидуальности, а это нечто совсем другое.

Теория «московского империализма» — «Москва — Третий Рим». Странно думать, что в еще не подчинившемся Москве Пскове старец небольшого Елеазарова монастыря создал концепцию агрессивного московского империализма. Между тем давно указан смысл и источник этих кратких слов о Москве как Третьем Риме и раскрыта подлинная концепция происхождения ее великокняжеской власти — «Сказание о князьях владимирских».

Император, по византийским представлениям, был протектором Церкви, при этом единственным в мире. Ясно, что после падения Константинополя в 1453 году, в обстановке отсутствия императора, русской Церкви необходим был другой протектор. Он и был определен старцем Филофеем в лице московского государя. Другого православного монарха в мире не существовало. Выбор Москвы в качестве преемницы Константинополя как нового Царьграда явился естественным следствием представлений о Церкви. Почему же потребовалось целых полвека, чтобы прийти к подобной мысли, и почему Москва в XVI веке не приняла этой идеи, заказывая отставному митрополиту Спиридону совсем другую концепцию — «Сказание о князьях владимирских», преемниками которых были московские государы, носившие титул «владимирских»?⁴

Дело объясняется просто. Константинополь впал в ересь, присоединившись к Флорентийской унии с католической церковью, а признавать себя вторым Константинополем Москва не хотела. Поэтому и была создана концепция о происхождении князей владимирских непосредственно из Первого Рима от Августа кесаря.

Только в XVII веке концепция Москвы как Третьего Рима приобрела несвойственный ей вначале расширительный смысл, а уж совсем глобальное значение получили в XIX и XX веках несколько фраз Филофея в его посланиях к Ивану III. Гипнозу одностороннего политического и исторического понимания идеи Москвы как Третьего Рима были подвержены Гоголь, Константин Леонтьев, Данилевский, Владимир Соловьев, Юрий Самарин, Вячеслав Иванов, Бердяев, Карташев, С.Булгаков, Николай Федоров, Флоровский и тысячи, тысячи других. Меньше всего представлял себе огромность своей идеи сам ее «автор» — старец Филофей.

Православные народы Малой Азии и Балканского полуострова, оказавшиеся в подчинении мусульман, до падения Константинополя признавали

*Сретение иконы Владимирской Богоматери. 1640.
Икона из церкви Алексея митрополита в Глинищах в Москве*

себя подданными императора. Это подчинение было чисто умозрительное, тем не менее оно существовало, пока существовал византийский император. Существовали эти представления и в России. Они исследованы в прекрасном труде Платона Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века»⁵, оставшемся малоизвестным из-за последовавших за выходом этой книги событий.

Крепостное право. Говорят и пишут, будто крепостное право сформировало характер русских, но при этом не учитывают, что вся северная поло-

вина Российского государства никогда не знала крепостного права и что крепостное право в центральной его части водворяется сравнительно поздно. Раньше России крепостное право формируется в прибалтийских и прикарпатских странах. Юрьев день, позволявший крестьянам уходить от своего помещика, сдерживал жестокость крепостной зависимости, пока не был упразднен. Крепостное право в России отменено раньше, чем в Польше и в Румынии, раньше, чем отменили рабство в Соединенных Штатах Америки. Жестокость крепостного права в Польше усиливалась и национальной рознью. Крепостные крестьяне в Польше были по преимуществу белорусы и украинцы.

Полное освобождение крестьян в России подготавливалось уже при Александре I, когда были введены ограничения крепостного права. В 1803 году провозглашается закон о вольных хлебопашцах, а еще до этого император Павел I указом 1797 года установил высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков — три дня в неделю.

Если обратиться к другим фактам, то нельзя обойти вниманием организацию Крестьянского банка в 1882 году для субсидирования покупки земли крестьянами.

То же и в рабочем законодательстве. Целый ряд законов был принят в пользу рабочих при Александре III: ограничение фабричных работ малолетних в 1882 году — раньше, чем аналогичные законы приняли в других странах, ограничение ночных работ подростков и женщин в 1885 году и законы, регулирующие фабричный труд рабочих в целом, — 1886—1897 годы.

Мне могут возразить: но ведь есть и противоположные факты — отрицательных действий правительства. Да, особенно в революционное время 1905 и последующих годов, однако, как это ни парадоксально, положительные явления в своем идейном значении только усиливаются, когда за них приходится бороться. Значит, народ добивался улучшения своего существования и боролся за свою личную свободу.

Говорят, что Россия знала революции только «сверху». Неясно, что должно быть объявлено этими «революциями»? Петровские реформы, во всяком случае, не были революцией. Реформы Петра I укрепляли власть государства до размеров деспотии.

Если же говорить о реформах Александра II, и прежде всего об отмене крепостного права, то эта отмена была скорее не революцией, а одним из замечательных этапов эволюции, толчком к которой послужило восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Восстание это, хотя и было подавлено, однако живая сила его ощущалась в России на протяжении всего XIX века. Дело в том, что всякая революция начинается с изменения идеологии, а заканчивается прямым переворотом. Изменение общественной идеологии дало себя явно почувствовать на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года.

«Тюрьма народов». Очень часто приходится читать и слышать, что царская Россия была «тюрьмой народов». Но никто при этом не упоминает, что в России сохранялись религии и вероисповедания — католическое и лютеранское, а также ислам, буддизм, иудаизм.

Как многократно отмечалось, в России сохранялось обычное право и привычные народам гражданские права. В Царстве Польском продолжал действовать кодекс Наполеона, в Полтавской и Черниговской губерниях — Литовский статут, в Прибалтийских губерниях — Магдебургское городское

право, местные законы действовали на Кавказе, в Средней Азии и Сибири. Конституция — в Финляндии, где еще Александр I организовал четырехсословный Сейм.

И опять приходится сказать: да, имелись и факты национального угнетения, но это не означает, что надо закрывать глаза на то, что национальная вражда не достигала размеров нынешней или что значительная часть российского дворянства была татарского и грузинского происхождения.

Для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу. Притягательные силы к другим народам, особенно слабым, малочисленным, помогли России сохранить на своих пространствах около двухсот народов. Согласитесь — это немало. Но этот же «магнит» постоянно отталкивал главным образом жизнедеятельные народы — поляков, евреев. В поле силовых линий, притягивавших и отталкивавших от русских другие народы, оказались втянуты даже Достоевский и Пушкин. Первый подчеркивал в русских их всечеловечность, а вместе с тем в противоречии с этим своим убеждением нередко срывался в бытовой антисемитизм. Второй, заявляя, что к памятнику его придет всякий живущий в России народ («...всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»), написал стихотворение «Клеветникам России», в котором «волнения Литвы» (то есть в терминологии того времени — Польши) против России счел спором славян между собой, в который не должны вмешиваться другие народы.

Отрыв России от Европы. Была ли Россия в течение семисот лет своего существования до Петра оторвана от Европы? Да, была, но не в такой мере, в которой это провозглашалось самим создателем подобного мифа Петром Великим. Миф этот потребовался Петру для прорыва в Северную Европу. Однако еще до татарского нашествия у России существовали интенсивные отношения со странами Южной и Северной Европы. Новгород входил в Ганзейский союз. В Новгороде был готский вымол, у готландцев в Новгороде имелась своя церковь. А еще до того «путь из Варяг в Греки» в IX—XI веках был главным путем торговли стран Балтики со странами Средиземноморья. С 1558 по 1581 год Русское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы.

В XVII веке основное население Нарвы оставалось русским, русские не только вели обширную торговлю, но занимались и литературой, о чем свидетельствует опубликованный мною «Плач о реке Нарове 1665 г.», в котором жители Нарвы жалуются на притеснения со стороны шведов⁶.

Англичанин Джальс Флетчер в своем сочинении о России («О государстве Русском». СПб., 1906) пишет, что когда Нарва была русской, то через таможеню ежегодно проходило до 100 судов с русским льном и пенькой.

Культурная отсталость. Распространено мнение, что русский народ крайне некультурен. Что это значит? Действительно, поведение русских в своей стране и за рубежом «заставляет желать лучшего». Попадают в «загранки» далеко не выдающиеся представители нации. Это известно. Известно и то, что чиновники, а особенно взяточники, на протяжении 75 лет большевистской власти считались наиболее надежными и «политически грамотными». Однако русская культура, насчитывающая тысячу лет своего суще-

ствования, бесспорно, я бы сказал, «выше среднего». Достаточно назвать несколько имен: в науке — Ломоносов, Лобачевский, Менделеев, В.Вернадский, в музыке — Глинка, Мусоргский, Чайковский, Скрябин, Рахманинов, Прокофьев, Шостакович, в литературе — Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Булгаков, в архитектуре — Воронихин, Баженов, Стасов, Старов, Штакеншнейдер... Стоит ли перечислять все области и давать примерный список их представителей? Говорят — нет философии. Да, того типа, что в Германии, мало, но русского типа вполне достаточно — Чаадаев, Данилевский, Н.Федоров, Вл.Соловьев, С.Булгаков, Франк, Бердяев.

А русский язык — его классической поры — XIX века? Разве не свидетельствует он сам по себе о высоком интеллектуальном уровне русской культуры?

Откуда все это могло бы взяться, не будь появление всех ученых, музыкантов, писателей, художников и архитекторов подготовлено состоянием культуры на ее высших уровнях?

Говорят также, что Россия была страной чуть ли не сплошной неграмотности. Это не совсем точно. Статистические данные, собранные академиком А.И.Соболевым по подписям под документами XV—XVII веков, свидетельствуют о высокой грамотности русского народа. Первоначально этим данным не поверили, но их подтвердили и открытые А.В.Арциховским новгородские берестяные грамоты, писанные простыми ремесленниками и крестьянами.

В XVIII—XIX веках русский Север, не знавший крепостного права, был почти сплошь грамотным, и в крестьянских семьях до последней войны существовали большие библиотеки рукописных книг, остатки которых удаётся сейчас собирать.

В официальных переписях XIX—XX веков старообрядцев обычно записывали неграмотными, так как они отказывались читать печатные книги, а старообрядцы на Севере и на Урале, да и в ряде других районов России составляли основную часть коренного населения.

Исследования Марины Михайловны Громыко и ее учеников показали, что объем знаний крестьян по земледелию, рыболовству, охоте, русской истории, воспринятой через фольклор, был весьма обширен. Просто существуют разные типы культуры. И культура русского крестьянства, конечно, была не университетской. Университетская культура появилась в России поздно, но в XIX и XX веках быстро достигла высокого уровня, особенно в том, что касалось филологии, истории, востоковедения⁷.

Так что же произошло с Россией? Почему огромная по численности и великая по своей культуре страна оказалась в таком трагическом положении? Десятки миллионов расстрелянных и замученных, умерших от голода и погибших в «победоносной» войне. Страна героев, мучеников и... тюремных надсмотрщиков. Почему?

И опять идут поиски особой «миссии» России. На этот раз наиболее распространенной идеей становится старая, но «перевернутая» идея: Россия выполняет свою миссию — предостеречь мир от гибельности искусственных государственных и общественных образований, показать несбыточность и даже катастрофичность социализма, надеждами на который жили «передовые» люди, особенно в XIX веке. Это невероятно! Я отказываюсь верить даже в одну сотую, одну тысячную долю благодетельности такой «миссии».

Никакой особой миссии у России нет и не было!

Судьба нации принципиально не отличается от судьбы человека. Если человек приходит в мир со свободной волей, может выбирать сам свою судьбу, может стать на сторону добра или зла, сам отвечает за себя и сам себя судит за свой выбор, обрекая на чрезвычайные страдания или на счастье признания — нет, не собой, а Высшим Судьей своей причастности к добру (я намеренно выбираю осторожные выражения, ибо никто не знает точно, как происходит этот суд), то и любая нация точно так же отвечает за свою судьбу. И не надо ни на кого сваливать вину за свою «несчастьность» — ни на коварных соседей или завоевателей, ни на случайности, ибо и случайности далеко не случайны, но не потому, что существует какая-то «судьба», рок или миссия, а в силу того, что у случайностей есть конкретные причины..

Одна из основных причин многих случайностей — национальный характер русских. Он далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в «едином регистре»: религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости.

«Бесмысленный и беспощадный» — сказал Пушкин о русском бунте, но в моменты бунта эти черты обращены прежде всего на самих себя, на бунтующих, жертвующих жизнью ради скудной по содержанию и малопривлекательной по выражению идеи.

Широк, очень широк русский человек — я бы сузил его, заявляет Иван Карамазов у Достоевского.

Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем. Причины этого требуют особого разговора. Скажу только, что они вполне конкретны и не требуют веры в судьбу и «миссию». Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело и к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше. Такого рода доводы, не отраженные в документах (газетах, листовках, лозунгах), я тем не менее запомнил совершенно отчетливо. Это было уже на моей памяти.

Несчастье русских — в их легковерии. Это не легкомыслие, отнюдь нет. Иногда легковерие выступает в форме доверчивости, тогда оно связано с добротой, отзывчивостью, гостеприимством (даже в знаменитом, ныне исчезнувшем, хлебосольстве). То есть это одна из обратных сторон того ряда, в который обычно выстраиваются положительные и отрицательные черты в контрдансе национального характера. А иногда легковерие ведет к построению легковесных планов экономического и государственного спасения (Никита Хрущев верил в свиноводство, затем в кролиководство, потом поклонялся кукурузе, и это очень типично для русского простолюдина).

Русские часто сами смеются над собственным легковерием: все делаем на авось и небось, надеемся, что «кривая вывезет». Эти словечки и выраже-

ния, отлично характеризующие типично русское поведение даже в критических ситуациях, не переводимы ни на один язык. Тут вовсе не проявление легкомыслия в практических вопросах, так его толковать нельзя, — это вера в судьбу в форме недоверия к себе и вера в свою предназначенность.

Стремление уйти от государственной «опеки» навстречу опасностям в степи или в леса, в Сибирь, искать счастливого Беловодья и в этих поисках угодить на Аляску, даже переселиться в Японию.

Иногда эта вера в иностранцев, а иногда поиски в этих же иностранцах виновников всех несчастий. Несомненно, что в карьере многих «своих» иностранцев сыграло роль именно то обстоятельство, что они были нерусскими — грузинами, чеченцами, татарами и т.п.

Драма русского легковерия усугубляется и тем, что русский ум отнюдь не связан повседневными заботами, он стремится осмыслить историю и свою жизнь, все происходящее в мире, в самом глубоком смысле. Русский крестьянин, сидя на завалянке своего дома, рассуждает с друзьями о политике и русской судьбе — судьбе России. Это обычное явление, а не исключение.

Русские готовы рисковать самым драгоценным, они азартны в выполнении своих предположений и идей. Они готовы голодать, страдать, даже идти на самоожжение (как сотнями сжигали себя староверы) ради своей веры, своих убеждений, ради идеи. И это имело место не только в прошлом — это есть и сейчас.

Нам, русским, необходимо наконец обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, — опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы о всемирно-исторической «миссии» русского народа и на его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства, которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие «демократических традиций», которые на самом деле у нас были, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т.д. и т.п. У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов.

Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической диктатуры.

Мы свободны — и именно поэтому ответственны. Хуже всего все валить на судьбу, на авось и небось, надеяться на «кривую». Не вывезет нас «кривая»!

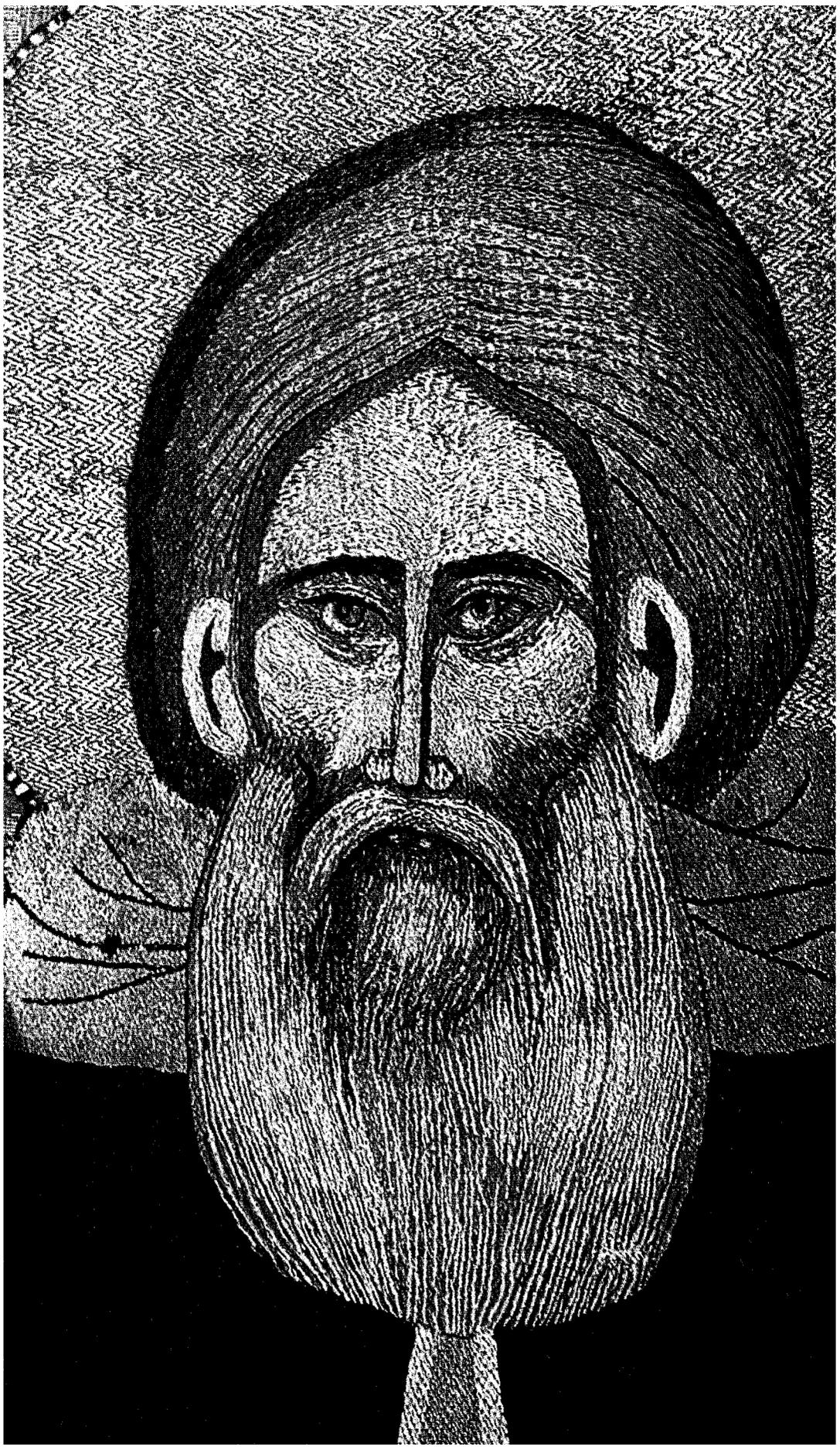
Мы не соглашаемся с мифами о русской истории и о русской культуре, созданными в основном еще при Петре, которому необходимо было оттолкнуться от русских традиций, чтобы двигаться в нужном ему направлении. Но означает ли это, что мы должны успокоиться и считать, что мы пребываем в «нормальном положении»?

Нет, нет и нет! Тысячелетние культурные традиции ко многому обязывают. Мы должны, нам крайне необходимо продолжать оставаться великой державой, но не только по своей обширности и многолюдству, а в силу той великой культуры, которой должны быть достойны и которую не случайно,

когда хотят ее унижить, противопоставляют культуре *всей* Европы, *всех* западных стран. Не одной какой-либо стране, а именно *всем* странам. Это часто делается произвольно, но подобное противопоставление само по себе уже указывает на то, что Россию *можно* ставить рядом с Европой.

Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, — библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России «толстые» журналы), — если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы безусловно будем занимать ведущее место на Севере Европы и Азии.

И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно.

ДВА РУСЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русской культуре более тысячи лет. Ее зарождение обычно для многих культур: она создалась на основе соединения двух предшествующих.

Новые культуры не самозарождаются в каком-то изолированном пространстве. Если такое и бывает, то такое одинокое саморазвитие не дает оригинальных и длительных результатов. В целом любая культура рождается «между» и не на пустой поверхности.

Отметим следующие особенности зарождения русской культуры.

Прежде всего русская культура родилась на огромном пространстве Восточно-Европейской равнины, и самосознание своей огромной протяженности постоянно сопровождало ее политические концепции, политические притязания, историософские теории и даже эстетические представления.

Далее. Русская культура родилась на многонациональной почве. От Балтийского моря на Севере до Черного моря на Юге жили многочисленные этнические образования — племена и народности восточнославянские, финно-угорские, тюркские, иранские, монгольские. Древнейшие русские летописцы постоянно подчеркивают многоплеменный характер Руси и гордятся им.

Россия всегда и в дальнейшем имела многонациональный характер. Так было от образования Русского государства и до самого последнего времени. Многонациональный характер был типичен для русской истории, русской аристократии, русской армии, науки. Татары, грузины, калмыки составляли отдельные подразделения в русской армии. Грузинские и татарские княжеские фамилии составляли более половины русского дворянства в XVIII—XX вв.

Далее. Та встреча двух культур, о которой я говорил вначале, потребовала из-за своих расстояний огромной энергии. И при этом огромность расстояний между воздействовавшими культурами усугублялась колоссальными различиями в типах культур: Византии и Скандинавии. С Юга на Россию воздействовала культура высокой духовности, с Севера — огромного военного опыта. Византия дала России христианство, Скандинавия — род Рюриковичей. Разряд колоссальной силы произошел в конце X в., от которого и следует вести отсчет существованию русской культуры.

Сплав двух культур — христианско-духовной и военно-государственной, полученный с Юга и Севера, так и оставался не слившимся до конца. Два русла двух культур сохранялись в русской жизни, позволяя до самого после-

Успенский собор Московского Кремля. 1475—1479. Зодчий Аристотель Фиораванти

днего времени оспаривать единство русской культуры. Пришедшая на Русь византийская культура была связана с императорской властью в византийской форме, не привившейся на Руси. Явившаяся же на Русь скандинавская культура оказалась связана с быстро обрусевшим княжеским родом Рюриковичей, лишившимся своего скандинавского характера.

В этих своих новых формах византийская и скандинавская культуры не сливались на Руси и отчетливо приобрели различный характер: византийская культура была усвоена только наполовину с болгарским языком-посредником и приобрела ярко выраженный духовный характер. Скандинавская культура стала основой государственности материально-практического и даже материалистического характера.

Общая черта двух направлений русской культуры на всем протяжении ее существования — напряженные и постоянные размышления над судьбой России, над ее предназначением, постоянное противостояние духовных решений этого вопроса государственным.

Архангельский собор Московского Кремля. 1505—1508. Зодчий Алевиз Новый

Глубокое, принципиальное различие византийско-духовной культуры и примитивно-практической государственной, скандинавской, вынудило обе культуры отстаивать себя идеологически. Византийская церковная культура обосновывала свою правоту религиозной предназначенностью Руси — страны и народа. Светская же власть Руси утверждала себя «юридически» — наследственными правами всего княжеского рода или той или иной его ветви.

Предвещателем духовной судьбы России и русского народа, от которого в значительной мере пошли все другие идеи духовной предназначенности России, явился в первой половине XI в. киевский митрополит Иларион¹. В своей речи «Слово о Законе и Благодати» он попытался указать на роль России в мировой истории.

«Юридическими» же обоснователями законности того или иного из представителей княжеского рода в их борьбе за государственную власть явились многочисленные летописцы. Летописцы внимательно следили за всеми пе-

ремещениями на княжеских столах (престолах), утверждая «законность» своего князя и его права на общерусское главенство.

Обе концепции «русской предназначенности» (духовной и генеалогической) распространялись по всей территории Руси и с модификациями существовали от XI в. до нашего времени. Концепция Илариона, считавшего Русь и ее главный город Киев преемниками миссий Константинополя и Иерусалима, продолжала существовать и после завоевания Руси в XIII веке татарами, а на падение Киева ответила усложнением концепции, видя в городах Владимире и Москве преемников Киева и Второго Рима — Константинополя.

Концепция же летописцев о происхождении княжеского рода от Рюрика искала примирения с татарской властью.

Нет сомнения, что духовное направление в развитии русской культуры получило значительные преимущества перед государственным.

На Руси усиленно насаждаются отшельнические монастыри. Монастыри становятся энергичными рассадниками духовного просвещения. Влияние греческого исихазма растет, и в монастырях укореняется национальное и религиозное самосознание. Усиленно развивается книжность, в частности делается много переводов с греческого.

С конца XIV в. укрепляется влияние Троице-Сергиева монастыря и основывается множество монастырей в той или иной степени зависимости от Троице-Сергиевого, в свою очередь дающие начало другим монастырям: Андроников монастырь, Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Валаамский, Спасо-Прилуцкий, Соловецкий. Новые мощные монастыри распространяются по всему Северу.

С падением татарского ига (условно можно считать 1476 г.) духовное направление в русской культуре имело все преимущества перед государственным, которому еще только предстояло возобновлять свои силы.

Церковное направление под пером псковского старца Елеазарова монастыря Филофея² в сжатой, почти афористической форме сформулировало идею Москвы — Третьего Рима.

Государственное направление также создало четкую, но чисто «юридическую» династическую концепцию русской государственности: русский царский род через Рюрика восходит к римскому императору Августу. Великие князья (цари) Москвы — законные наследники Августа. Они явились, минуя отпавший от православия (в результате Флорентийской унии) Второй Рим... Последняя теория возобладала в дипломатической практике Москвы. Она была изображена на царском месте в главном соборе России — Успенском в Московском Кремле.

Впоследствии в XIX в. обе теории перестали различаться, смешались в одну, что глубоко неверно. Теория старца Филофея чисто духовная, не претендующая на какие-либо новые завоевания и присоединения. Она утверждает только духовную зависимость Москвы от двух предшествующих христианских государств: переход благодати. Теория же Спиридона-Саввы, изложенная им в «Сказании о князьях владимирских», — чисто светская и утверждает законность притязаний Москвы на все владения императора Августа. Это теория империалистическая в прямом и переносном смысле.

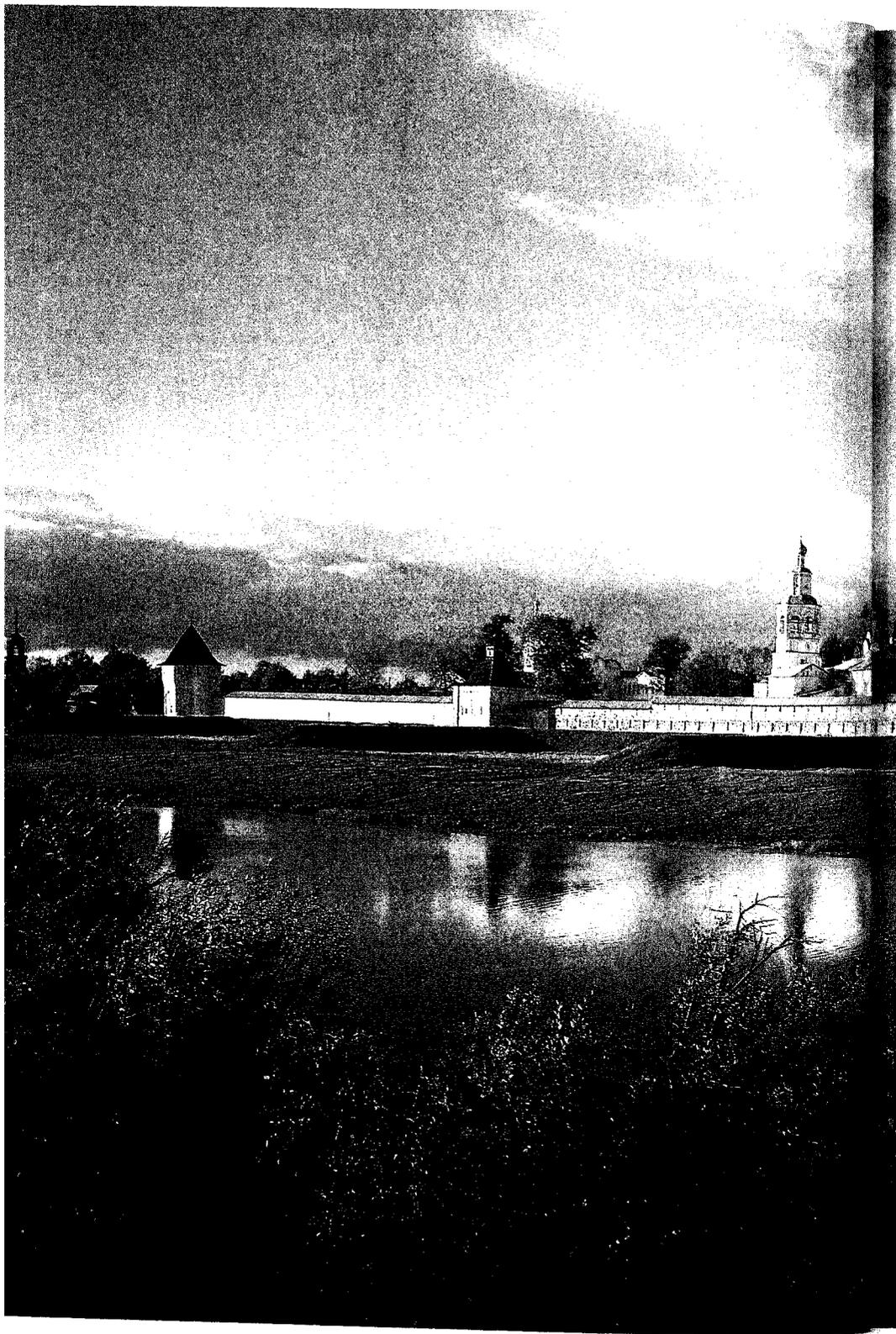
Характерна разгоревшаяся в XVI в. борьба духовной и государственной власти. Эта борьба велась подспудно, ибо формально приоритет духовной власти, церкви, над светской в сущности никто не оспаривал. Это было в духе русской культуры.

Св. Димитрий Прилуцкий с житием. Освященная копия-реконструкция иконы начала XVI в. школы Дионисия. Написана для Спасо-Прилуцкого монастыря в 1995 г. Иконописец А.В.Нитецкий

Главной святыней Московского государства всегда являлся Успенский собор Московского Кремля — усыпальница московских митрополитов, а не Архангельский собор Московского Кремля — усыпальница московских великих князей и царей.

Характерно, что согласно Сказанию о происхождении московских князей из Первого Рима, а не от Второго Москва приглашает к себе строителей Московского Кремля именно итальянских архитекторов, но из городов, признававших приоритет духовной власти папы, и в первую очередь архитектора Аристотеля Фиораванти из Милана — города папистов. Московский Кремль строится с теми же зубцами, что и Милан, символизирующими ду-

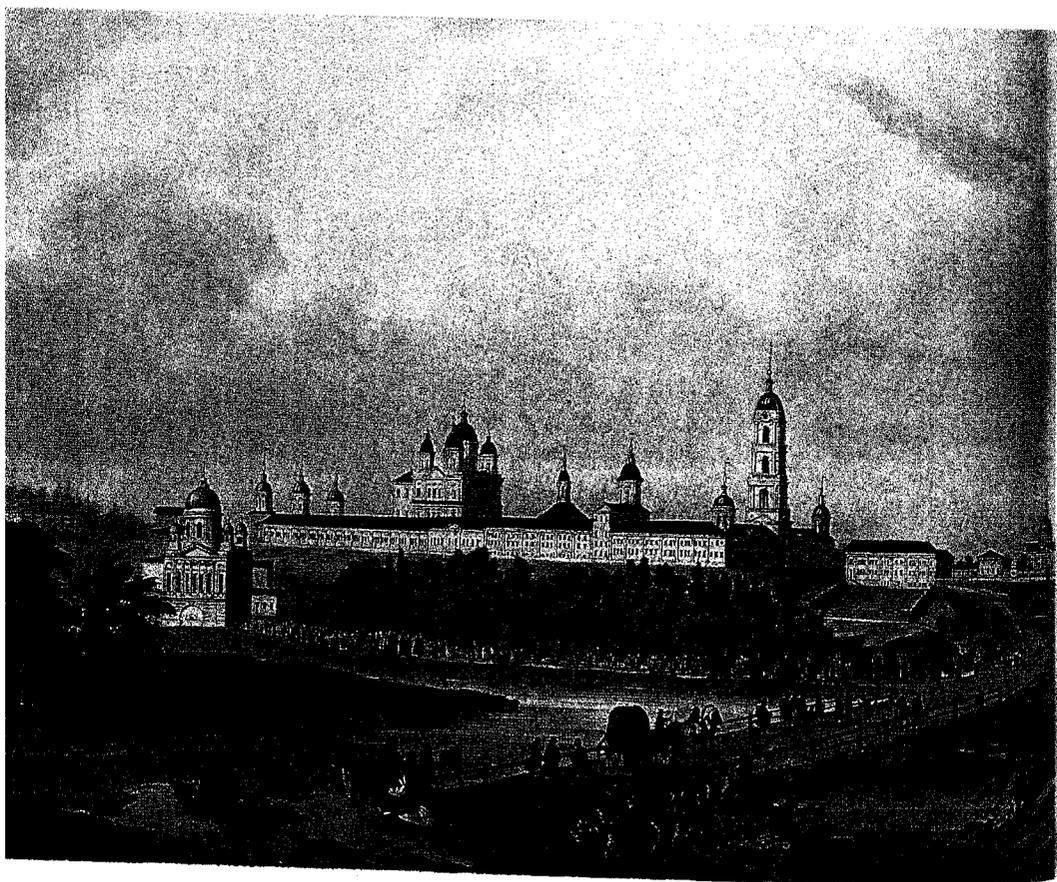
Спасо-Прилуцкий монастырь. XV—XVI вв.

ховную власть папы. Московский Кремль оказывается со всех сторон огражденным взмахами орлиных крыльев — знаками гибелинов (эти зубцы принято у нас ошибочно называть «ласточкиными хвостами»).

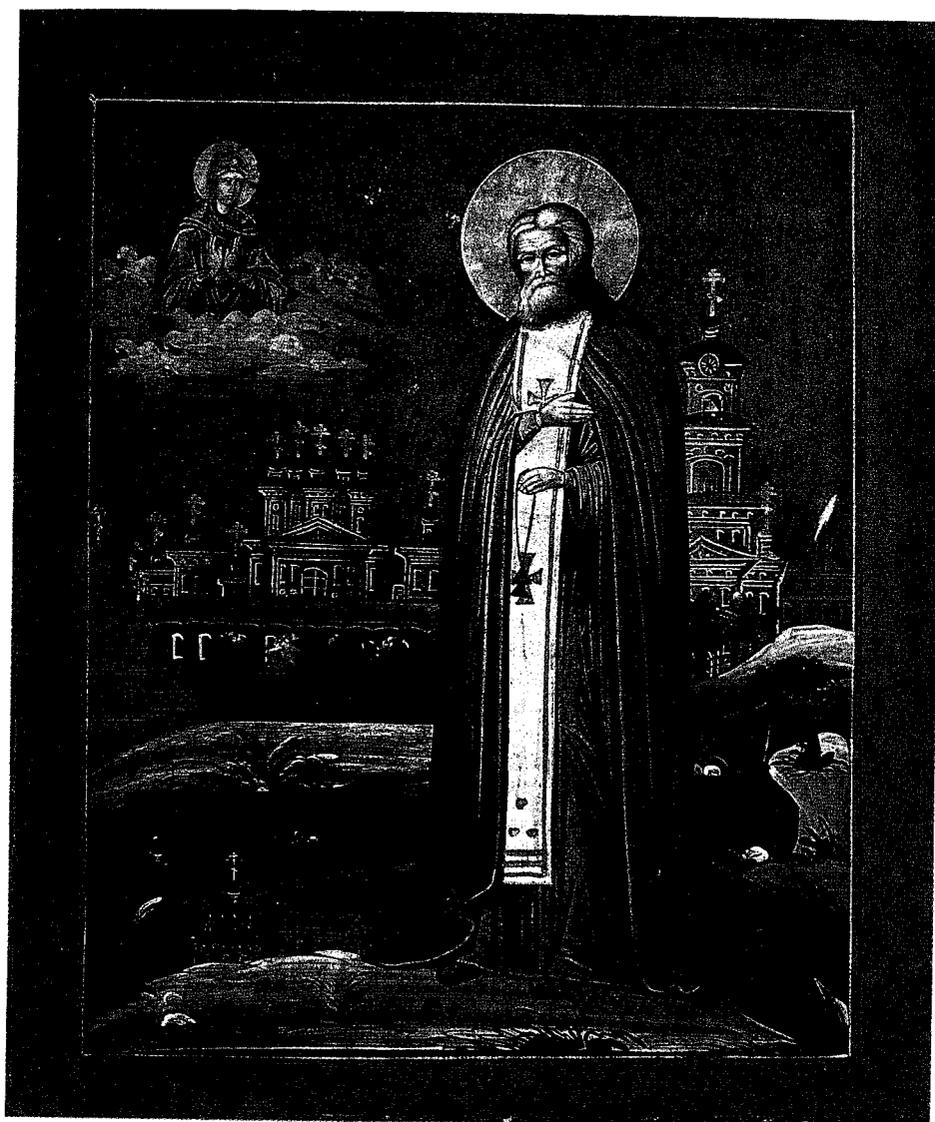
Борьба двух начал в русской культуре продолжается и в последующем. В борьбу втягиваются еретические движения. Монастырская жизнь разделяется на иосифлянское, связанное с государственной идеологией, и нестяжательское, связанное с духовными и мистическими настроениями, с отказом от богатств и от подчинения государству.

Иосифляне побеждают. Иван Грозный подвергает жестокой расправе неподчиняющуюся ему церковь. Сам стремится духовно руководить церковью, пишет послания. Глава русской церкви митрополит Филипп³ схвачен во время богослужения, отправлен в Тверской Отроч монастырь и вскоре задушен.

Тем не менее гибель царствующей династии, не получившей законного продолжателя, и наступившая затем Смута позволяет вновь, как и ранее в период раздробления Русского государства в XII в., татарского ига в XIII—XV вв., возобладать духовному началу. Церковь и духовное начало в русской культуре помогает спасти Россию, создавая общий духовный подъем, давая деньги и оружие⁴. И самым первым шагом на пути к духовному возрождению было установление в 1589 г. единовластия патриаршества, укрепление личного начала в управлении церковью и духовной жизнью страны.

Вид Саровской пустыни. XVIII—XIX вв. Литография фирмы Джузеппе Дациаро

Преп. Серафим Саровский. Икона начала XX в. Москва, Музей Андрея Рублева

Личностное начало в культуре, в духовной жизни народа чрезвычайно важно.

После возрождения России в начале XVII в. две возглавляющие культуру личности играли первенствующую роль: патриарх и монарх.

Благодаря появлению сильной личности патриарха и возрождению монархии семнадцатый век обнаружил новые проблемы во взаимоотношении духовной и светской власти.

Светская власть за предшествующее время пострадала больше, чем церковная. Церковь приняла на себя многие функции светской власти. Первое время при малолетнем царе Михаиле Федоровиче Романове его отец патриарх Филарет пытался руководить государством. В середине и второй половине XVII в. притязания гораздо более серьезные определились у патриарха Никона, прямо называвшего себя «великим государем».

Стремясь распространить свою власть на все вновь присоединенные к России области Малороссии-Украины, где веками складывались свои обрядовые формы, отчасти под католическим влиянием, Никон решил реформировать церковную службу, сделать ее одинаковой для старой и новой частей государства.

Однако притязания духовной власти подменить собою светскую и реформировать церковь не удалась и закончились бедствием для русской духовной жизни на целых три столетия. Большинство русского народа не приняло никоновских реформ либо приняло их с внутренней неприязнью, расхолодившей веру. Это ослабило церковь. Сопrotивление старообрядчества позволило Петру легко отменить патриаршество и восстановить первенство светского начала в русской культуре. Тем самым Петр похоронил личностное начало в управлении церковью и создал коллегиальное безличное управление через послушный ему Синод. Хорошо известно, что подчинение деспотической власти гораздо легче организуется при коллегиальном управлении, чем при единоличном. Так оно и случилось. Церковь оказалась в подчинении у государства и стала чрезвычайно консервативной. Третий Рим оказался не символом духовных связей с предшествующими двумя Римами, а знаком государственной силы и государственных амбиций. Россия превратилась в империю с имперскими притязаниями.

В середине XVIII в. в государственной жизни России господствовало только светское, «материалистическое» начало и преимущественный практицизм. Возрождение духовного начала повелось снова, как и раньше, с Афона и некоторых монастырей на Балканах. Первым и явным успехом было зарождение в России недалеко от Калуги Оптиной пустыни, возродившей некоторые черты нестяжательства заволжских старцев. Второй победой была нравственная, духовная жизнь Саровской пустыни, давшей в первой половине XIX в. русской духовной жизни святого Серафима Саровского⁵.

Возрождение духовного начала шло разными тропами и дорогами. Отдельно теплилась духовная жизнь в старообрядчестве, отдельно в среде русской интеллигенции. Достаточно вспомнить светлый ряд писателей и поэтов — Гоголь, Тютчев, Хомяков, Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и мн. др. В XX в. это уже огромная масса философов, для которых все еще основной проблемой размышлений являлась Россия, ее судьбы, прошлое и будущее: С.Булгаков, Бердяев, Флоренский, Франк, Мейер, Зеньковский, Ельчанинов и мн. др. Сперва в России, а затем в эмиграции создаются объединения русских мыслителей, их печатные издания.

Что же ожидает эту антитезу духовно-церковного и материалистически-государственного направления в развитии культуры? Не надо быть пророком, чтобы сказать, что государственное направление культуры должно будет пойти общеевропейским путем развития, которого потребуют постоянные отношения с иностранными государствами. Государство денационализируется. Оно уже сейчас не выражает волю народа. Депутаты в массе своей не способны создать новую государственную теорию. Для этого нужны личности и личностная власть. Кроме того, коллектив правителей рано или поздно приходит к заботе о своих интересах, к стремлению сохранить свое положение. «Парламентское болото» становится основной тормозящей си-

лой всех нововведений. Депутаты ограничиваются заманчивыми для избирателей и неосуществимыми программами, потакают обывательским вкусам. Партии уже не могут выражать какие бы то ни было национальные идеи. В самых различных формах они помышляют лишь о защите своих депутатских интересов и на этой только почве способны к объединению.

Бессилие коллективных форм управления (главенство парламента, советов, комиссий, комитетов и пр.) приводит к ослаблению культурной инициативы государства.

Напротив, духовная культура начинает по-своему выигрывать без вмешательства государства, хотя и без его материальной поддержки. Всякие формы государственной идеологии — пережиток средневековья и в той или иной форме несут в себе недопустимые для практической государственной деятельности пережитки. Государство, не перестав быть идеологичным, не в состоянии защитить свободу человека. Напротив, государство, перестав быть идеологичным, перестает тем самым видеть в интеллигенции врага, не покушается более на интеллектуальную свободу.

Высокие достижения культуры возможны прежде всего в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей.

црѣ великіи князь пошесть ѿ црѣ свое
 моу макарію митрополитѣ црѣ съ
 щати ^{посев} . Того мѣсѣтѣ петрїа . л . де
 пнелю . благопѣрныи црѣ великіи
 князь и гдрь ѿ црѣ своемоу макарію м
 трополитѣ црѣ съшоу същати ^{посев} . Ми
 трополитѣ же макаріе сошесть мѣ со
 боромъ црѣ шюцаго гдѣа москвы
 вечернюю пѣвню о поспѣшеніи мѣ

ТРИ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Меня давно интересует в историософском плане: каковы главные особенности европейской культуры и отношения к ним России.

Каковы главные особенности европейской культуры?

Если определять географические границы Европы, то это не представит особых трудностей. Это дело в значительной мере условное. Мы можем условиться считать Европу до Урала, до Босфора, до Кавказа.

Однако определить ее духовные границы значительно труднее. Географические границы и духовные — не совпадают.

Культура Северной Америки, например, без сомнения европейская, хотя и лежит вне географических пределов Европы.

И вместе с тем мы должны признать: если географические границы Европы при всей их «материальности» условны, то духовные особенности европейской культуры безусловны и определены.

Эти духовные особенности европейской культуры могут быть восприняты непосредственно. Их существование, с моей точки зрения, не требует доказательств. Они могут быть охарактеризованы и названы.

Прежде всего европейская культура — *личностная* культура.

Затем она *восприимчива* к другим личностям и культурам (в этом ее *универсализм*).

И наконец, это культура, основанная на *свободе* творческого самовыражения личности.

Коснемся восприимчивости к другим культурам. Достоевский в своей знаменитой речи на Пушкинских торжествах приписывал эту восприимчивость только русскому человеку, на самом же деле «всечеловечность», восприимчивость к чужим культурам является общей основой всей европейской культуры в целом.

Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все «камни», все «могилы». Все они «родные». Он воспринимает все ценное в культуре не только умом, но и сердцем.

Европейская культура с самого начала изучает, понимает и включает в себя культуры Античности, Ближнего Востока, Египта, а в последние два столетия — все культуры мира: Китая, Японии, Индии, Африки и т.д.

Возведение храма Покрова Богородицы на «Рву»
/храм Василия Блаженного/. 1555.
Лицевой летописный свод. Синодальный том, л. 167.
Москва, Исторический музей

Европейская культура — это культура универсализма, при этом универсализма *личностного* характера. Личность человека, его индивидуальные особенности, отличия, его талант и убеждения — более всего ценятся в европейской культуре.

Личностный характер европейской культуры определяет ее особое отношение ко всему «другому», т.е. ко всему, находящемуся за пределами данной культуры.

Это не только *терпимость*, но в известной мере и *тяготение* к другому. Отсюда и принцип *свободы*, внутренней свободы человека.

Все три принципа европейской культуры — ее личностный характер, ее универсализм и ее свобода — немыслимы друг без друга. Стоит отнять одно, как разрушаются два оставшиеся. Стоит отнять универсализм и признавать только свою, национальную культуру, как гибнет свобода. И наоборот. Эту страшную опасность показали национал-социализм, фашизм и сталинизм.

Основа личности — свобода самовыражения. Только свобода представляет человеку личное достоинство.

Личность вырастает только при существовании «обратной связи» с другими личностями. Свобода — это реализация творческой личности.

Итак, три основания европейской культуры: *личностность*, *универсализм* и *свобода*. Без одного из этих оснований не могут существовать два других, но и полное осуществление одного из них требует реализации двух других.

Три основания европейской культуры очевидным образом связаны с ее миссией, с ее высшим предназначением: сохранить в своих недрах, в своей науке и в своем эмоциональном понимании все культуры человечества — как ныне существующие, так и ранее существовавшие.

У каждой культуры и у каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея.

Но именно эта миссия и эта идея подвергаются целенаправленным атакам зла и могут обернуться «антимиссией».

Зло, по моему убеждению, — это прежде всего отрицание добра, его отражение со знаком минус.

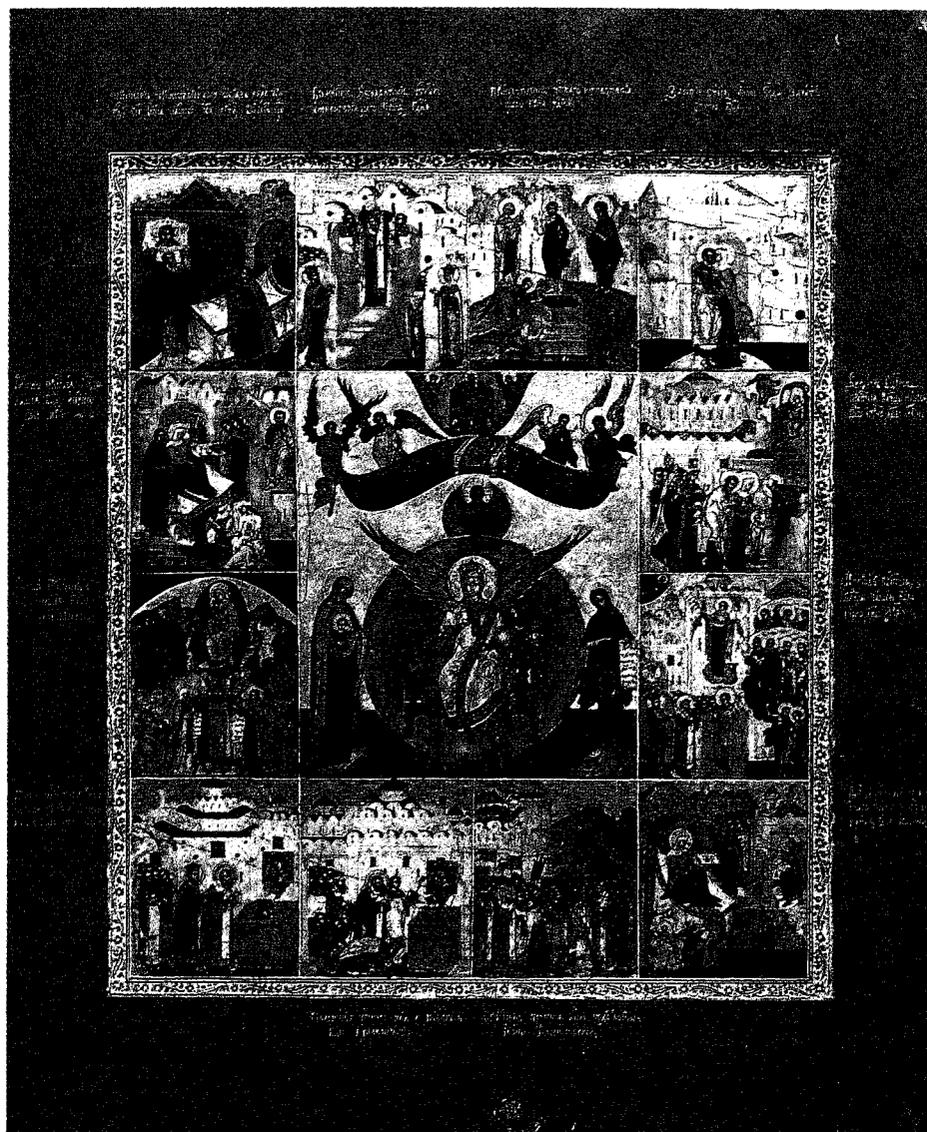
Зло выполняет свою негативную миссию, атакуя наиболее характерные черты культуры, связанные с ее миссией, с ее идеей.

Чем сильнее добро, тем опаснее его «противовес» — зло, несущее в себе индивидуальные черты культуры, но опять-таки со знаком минус.

Так, например, если народ щедр и щедрость его является наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительство, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется инертность, косность, доведенные до полной бессердечности и душевной пустоты.

Призрачная индивидуальность зла — это отражение со знаком минуса творческой индивидуальности добра. Зло лишено самостоятельного творческого начала. Зло состоит в нетворческом отрицании и нетворческом противостоянии добру.

Из сказанного мною о характерных особенностях зла становится понятным, почему в европейской культуре зло проявляет себя прежде всего в форме борьбы с личностным началом в культуре, с терпимостью, со свободой творчества, выражает себя в отрицании всего того, в чем состоят основные ценности европейской культуры. Зло в Европе — это прежде всего религиоз-

София — Премудрость Божия. Икона начала XVII в. Москва, Третьяковская галерея

ные противостояния Средневековья и тоталитаризма XX века с его расизмом, стремлением подавить творческое начало, сведя его к одному скудному направлению, уничтожением целых наций и сословий.

Исходя из сказанного, обратимся к чертам добра и зла в русской культуре, в русском народе.

Славянофилы единодушно указывали на главный признак (особенность) русской культуры — ее *соборность*. И это верно, если ограничиваться только положительной стороной русской культуры.

Соборность — это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу. В музыке — это хоровое начало. И оно, действительно, очень характерно для русской церковной музыки, для музыки опер-

ной (оно отчетливо выражено у Глинки, Мусоргского и др.). В хозяйственной жизни — это община (но только в лучших ее проявлениях) и т.д.

С этим соседствует терпимость в национальных отношениях. Вспомним, что легендарное начало Руси было ознаменовано *совместным* призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские и финно-угорские племена, а в дальнейшем государство Руси было всегда многонациональным. Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII—XX веков, в создании которой помимо русских участвовали немцы, татары, поляки, украинцы, белорусы, финно-угорские народы и т.д.

И это крайне характерно и для русской науки, для ее многонациональных интересов. Российская императорская Академия наук создала замечательное славяноведение, востоковедение. В ней работали великие китаеведы, арабисты, монголоеды, иранисты, индологи, японоведы, финно-угроведы, слависты, тюркологи. Петербург и Москва были центрами армянской и грузинской культур.

Стоит обратить внимание и на то, что старая столица России Петербург была средоточием различных европейских искусств. Здесь строили итальянцы, немцы, голландцы, французы, шотландцы и т.д. Здесь в различных областях творчества проявили себя немцы, шведы, французы, поляки — инженеры, ученые, коммерсанты, художники, музыканты, ремесленники, декораторы, садоводы и т.д.

Стремление народа к свободе, к «воле» выражалось в постоянных передвижениях населения на Север, Восток и Юг. Крестьянство стремилось уйти от власти государства в казачество, за Урал, в дремучие леса Севера. При этом следует заметить, что национальная вражда с местными племенами была относительно незначительной. Не подлежит сомнению и глубокая привязанность народа к старине, выразившаяся в традиционности церковного распорядка и в движении староверов, также стремившихся уйти подальше от государственной власти.

Вершины добра соседствуют с глубочайшими ущельями зла. И русскую культуру постоянно одолевали «противовесы» добру в ее культуре: взаимная вражда, тираничность, национализм, нетерпимость и т.д. Снова обращу внимание на то, что зло стремится разрушить наиболее ценное в культуре.

Отсюда в России были постоянно нападения на свободу личности, тиранические формы правления, закрепощение крестьян, ссылки «политических», религиозные преследования (особенно старообрядцев), национальные преследования.

Амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Русский народ — народ крайностей и быстрого и неожиданного перехода от одного к другому, а поэтому — народ непредсказуемой истории.

Поразительно, что атакам зла подвергались в русской культуре все ее европейские, христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода.

Зло действовало особенно интенсивно в эпоху Грозного (оно не было характерно для русской истории), в царствование Петра, когда европеизация соединялась с закабалением народа и усилением государственной тирании.

Своего апогея атаки зла в России достигли в эпоху Сталина и «сталинщины». Да и в последующее время они не ослабевали, хотя крепло сопротивление.

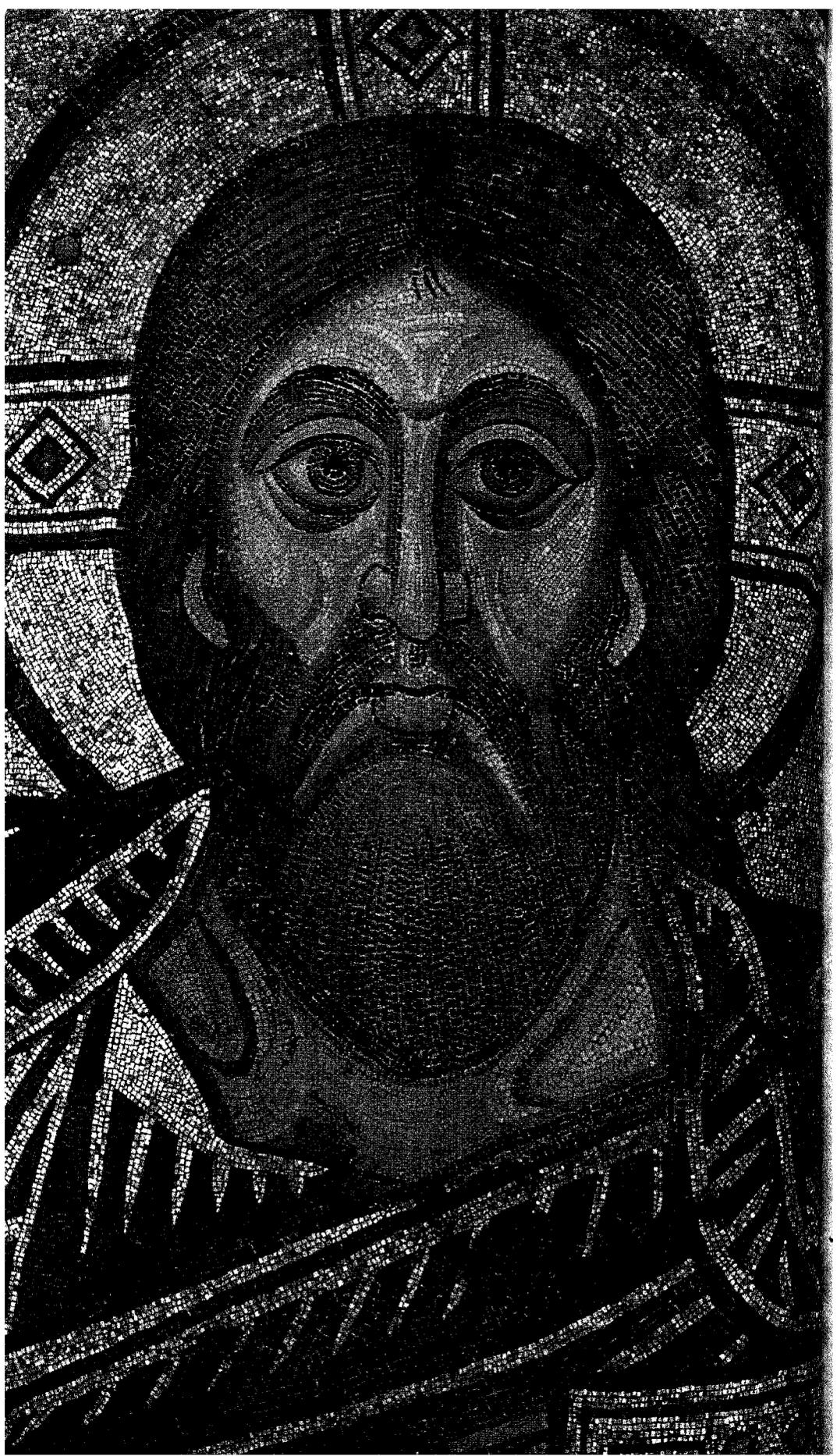
Характерна одна деталь. Русский народ всегда отличался своим трудолюбием, и точнее, «земледельческим трудолюбием», хорошо организованным земледельческим бытом крестьянства. Земледельческий труд был свят.

И вот именно крестьянство и религиозность русского народа были усиленно уничтожаемы. Россия из «житницы Европы», как ее постоянно называли, стала «потребительницей чужого хлеба». Зло приобрело материализованные формы.

Обращу внимание на одну поразительную особенность зла в наше время.

Как известно, простейшая и наиболее сильная ячейка общества, его слитности при условии свободы — семья. И в наше время, когда русская культура имеет возможность выпутаться из сетей зла — нетерпимости, тирании, деспотизма, оков национализма и прочего, — именно семья как бы «беспричинно», а на самом деле, вероятнее всего, целенаправленно, становится главной мишенью зла. Мы все должны, особенно у нас на родине, осознать эту опасность.

Зло атакует в обход!

РОЛЬ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ОТЕЧЕСТВА

Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. Так же, как украинской и белорусской. Потому, что характерные черты русской, белорусской и украинской культуры — восточнославянской культуры Древней Руси — восходят к тому времени, когда христианство сменило собой язычество.

Древняя Русь не имела великой культуры-предшественницы на собственной территории. Ни финские, ни тюркские племена на севере и юге не оставили наследства, которое могло бы оплодотворить культуру восточных славян. Но зато на юге, вне территории Руси, была та культура-посредница и та культура-субстрат, которая сыграла выдающуюся роль в появлении высокой культуры Руси. Не случайно восточные племена так тянулись к этой культуре, населяя старые греческие колонии — Тмутаракань и Корсунь, отправляясь походами на Византию и в конце концов с необыкновенной охотой и быстротой восприняв оттуда греческое христианство. Даже если учесть, что русские христианские источники всячески смягчали и замалчивали столкновение русских язычников с новыми христианами — быстрота и «благополучие» христианизации Руси заслуживает удивления. Она может объясняться только тем, что Русь нуждалась в христианстве, как в некоей культуре-субстрате, на которой должна была вырасти великая и самостоятельная культура Древней Руси.

Христианство — письменная религия, приобщившая Русь к высокоразвитой мифологии, к истории европейских и малоазийских стран. Произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени. Причем это произошло, когда византийская культура переживала пик своего расцвета IX—XI веков.

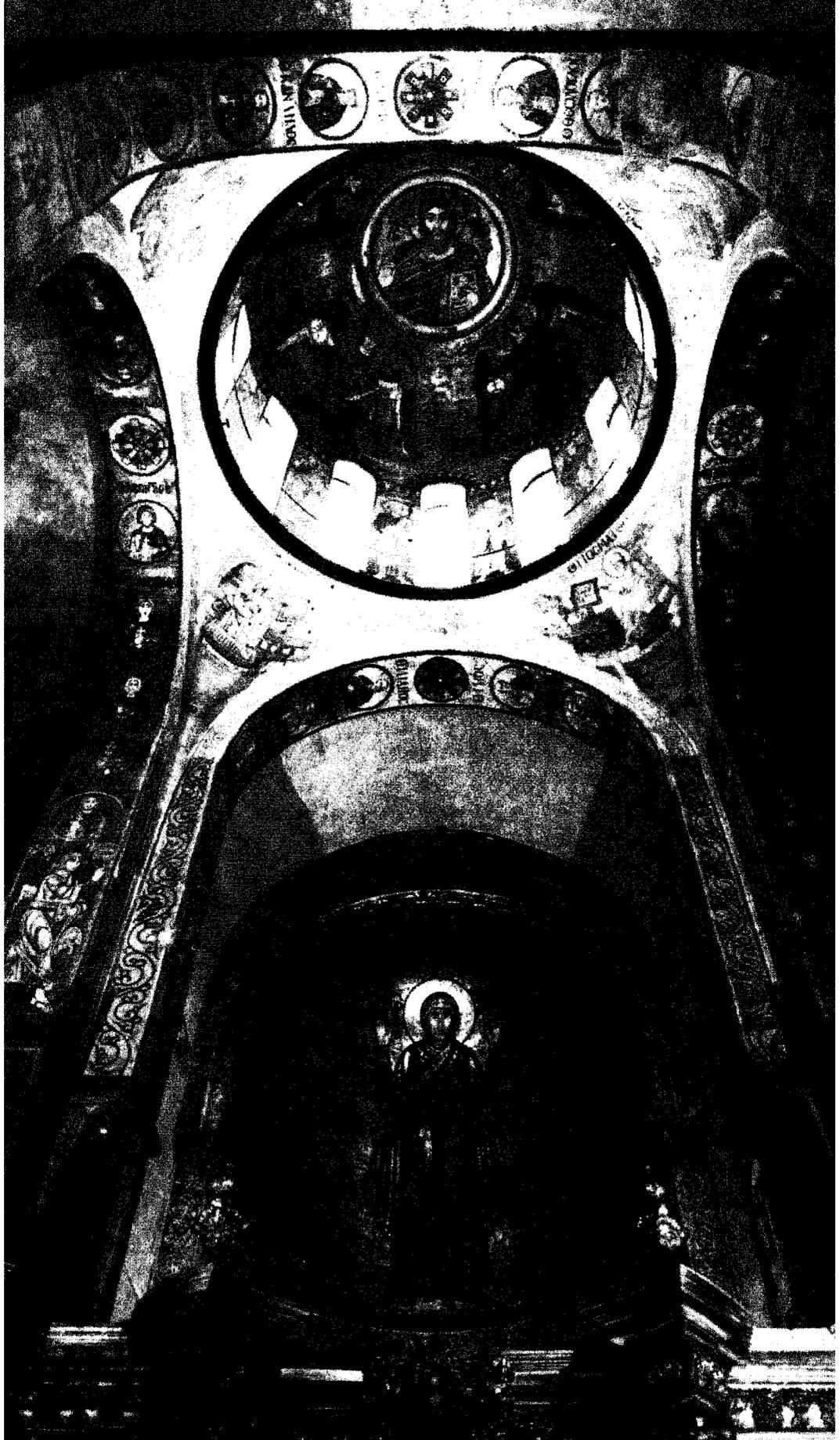
Вспомним, как это происходило... Русь спасла византийского императора Василия в момент восстания Варды Фоки. Владимир¹ направил на помощь императорам Василию II и Константину VIII шеститысячный отряд отборных своих войск — варягоругов, и они подавили восстание. В результате чего, очевидно, Василий II и обещал выдать свою сестру Анну за Владимира. Но, когда император Василий II и его бездеятельный соправитель Константин VIII укрепились на престоле, Василий II забыл о своем обещании, решил его не выполнять, потому что его дед Константин Багрянородный запрещал ви-

*Христос Пантократор.
Мозаика центрального купола собора
св. Софии в Киеве. 1043—1046*

зантыйским императорам родниться с инородцами, а тем более язычниками. И ссылался при этом на надпись в алтаре Софии, где говорится о том, что представительницы императорской фамилии не должны выходить замуж за инородцев. Но Владимир сумел доказать свое право военной силой. Он осадил Корсунь. Корсунь пала. Тогда Василий II отдал свою сестру за Владимира I, и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту, она породнилась с императорским домом Византии. И Владимир Мономах был потомком византийских императоров. Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры. Необычный расцвет виден уже по строительству Софии в Киеве. Это до сих пор центральное архитектурное сооружение в городе. А вспомним полоцкую Софию. Это тоже центральный храм в Полоцке. И новгородский храм Софии. Сколько бы небоскребов ни построили рядом, София будет оставаться центром Новгорода. Если только это будет Новгород, а не какой-то другой, чужой нашей культуре город. Затем собор Спаса в Чернигове: и сейчас это центр Чернигова. Успенский собор во Владимире — центральный храм в своем городе. Повсюду возникают храмы, равных которым у соседей по размерам и по красоте не было, ведь в Чехии, в Моравии и в Польше в это время возводились маленькие храмы-ротонды. А к востоку — великая страна с большими храмами — с фресками, мозаикой, замечательными иконами, замечательной литературой. Скажем, «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Это исключительное произведение, потому что таких богословско-политических речей не знала Византия. Там только богословские проповеди, а здесь историческая политическая речь, утверждающая существование Руси, ее связь с мировой историей, ее место в мировой истории. Это поразительное явление, так же точно, как поразительное явление — Начальная летопись. Потом произведения Феодосия Печерского², затем сам Владимир Мономах, в своем «Поучении» соединяющий высокое христианство с воинскими языческими идеалами. Таким образом, Русь становится мировой державой, а Киев — соперником Константинополя.

Я думаю, Русь так быстро включается в мировую культуру потому, что была богатейшая основа в виде фольклора, в виде развитой правовой системы: «Русская Правда» создана, очевидно, до христианизации Руси. Почва была подготовлена еще великим путем из Варяг в Греки. Ведь Русь владела северо-восточным европейским путем. В XII веке он перекочевал на запад, но двумя столетиями раньше великий путь из Варяг в Греки был основным. И христианство идет именно по этому пути. И недаром создается легенда о том, что апостол Андрей³ путешествовал по этому пути. Здесь, в Херсонесе (той же Корсунь), в Киеве, Новгороде — в этих двух центрах Руси — на этом великом пути и возникает наше христианство. Оно появляется уже в тех языческих войсках, которые нападали на Константинополь. Если по договору с греками 911 года Русь представлена главным образом язычниками, то договор 944 года в первую очередь подписан христианами.

Это указано в договоре. Если прочесть в Повести временных лет договор 944 года, там сказано, что русь-христиане клянутся в церкви Ильи, а русь-язычники клянутся у своих богов в Киеве. Русь была поразительной держа-

Панорама Троице-Сергиевой лавры. XV—XVIII вв.

вой, в которой соединялись и финно-угорские народы, и тюркские народы, и народы иранские, и восточные славяне. Это видно по именам и по именам богов. Что такое Мокошь? Племя Мокошь. Что такое Перун? Это финно-угорский Перкун. А у нас — Велес-Волос, Стрибог... Русь нуждалась в политическом объединении. И за несколько лет до принятия христианства, в 980 году, Владимир пытается создать пантеон языческих богов. Но это не выходит. Я думаю, что тут причины совершенно объективные: язычество все было раздроблено по местностям и племенам. И объединить можно было только верхушки язычества, но не всю религию целиком. Кроме того, это религия без развитой письменности, и сказалась изолированность язычества от всей Европы, от Византии.

Язычество было хорошо до времени, ведь и в язычестве была своя мораль. И очень важная. Вот вышла замечательная книга Марины Михайловны Громько «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» (1986), где доказывается, что каждый обряд заключает в себе некую моральную норму. Что такое толока? Это общая работа всей деревни. Но в христианской Руси, на той стадии экономического развития, когда потребность в общей работе отпала, потому что крестьянин владел своей землей и мог ее обрабатывать сам, толока превратилась в форму помощи бедным семьям. Тем, у которых не было главы семейства. Вот и дохристианская славянская деревня объединялась во время толоки. И еще о так называемом

И БГО ПОСЛА БОЦА И ШЕ И ГЪ МЕНА СЕРГІА ТЮ
ДО ПЪВОРЦА . СПИСАНО БЫ СТЬ Ш ПРЕМО РЪ ШЦ
СОУЩА . ПЛАСИМОВИЕ

*Дионисий Глушицкий/? / Кирилл Белозерский. 1424.
Икона из Кирилло-Белозерского монастыря. Москва, Третьяковская галерея*

«двоеверии». Я думаю, что это кабинетный миф. Двоеверие не могло существовать, потому что невозможно одновременно верить и в языческих богов, и быть христианином. Это невозможно. Поскольку высшее язычество было раздробленным, оно и было уничтожено Владимиром довольно мирным путем. Столкнули в воду этих идолов, простоявших в Киеве всего несколько лет. О них плакали, и о них забыли. И заметьте — не порубили, не сожгли. Проводили с почестями: так обветшалую икону будут класть на воду, доверяя ее реке. И все. Древние боги ушли. А вот язычество в своих земледельческих и бытовых нравственных формах живо до сих пор. Пример — хотя бы домовые. Или Мокошь. И эта Мокошь никак не противоречит христианству. Вспомним, что Раскольников у Достоевского кланяется на площади земле, просит у земли прощения. Есть научные работы о поклонении и исповеди земле. У земли просили прощения, когда плуг или соха драли землю. Люди пели песню, мол, прости, земля родимая, за то, что твою грудушку вспарываю. На вере в землю, на уважении к земле строилось земледелие. Это не двоеверие, а особая любовь к земле. Двоеверие — это термин XIX века. И вот что еще очень важно. Вернемся к той же толоке. Люди, чтобы помочь другим, одевались в праздничные одежды, пели веселые песни, наряжали лошадей. Потом устраивали гонки, игры, пирование. Это был праздник. Помощь и милосердие не были вымученными. Не тяжелая обязанность, а праздничный обряд — вот что такое толока. Так же точно, как и вера в могущество

Кирилло-Белозерский монастырь. XV—XVI вв.

деревьев. Вспомним священные рощи Руси. Перынь — священная роща, может быть, последняя, которая гибнет в Новгороде от невнимания властей. Она постоянно поддерживалась и возобновлялась новгородцами, а сейчас в роще какой-то лагерь — люди вытаптывают Перынь... Вера в деревья, в их целительную силу — как это важно! То, что мы сейчас пытаемся привить всякими научными способами, — все это достигалось жизнью, верованиями: дерево живое, и если жить под большим дубом, то долго проживешь, потому что он отдаст часть своей силы. Разве не так? И христианство это приняло: Троица — праздник всего живущего на свете.

В одной из своих книг я воспроизводил изображение древнерусской иконы, на которой деревья кланяются Богородице. А вспомните иконы с Власием — заместителем языческого Волоса, с Флором и Лавром, где разноцветные кони. Кони, как цветы.

Я думаю, что этот процесс — замены Волоса на Власия — шел более-менее безболезненно. Потому что восстание волхвов в 1071 году было вызвано в первую очередь голодом, а не защитой старых богов. Волхвы уверяли, что какие-то ведуны держат жито за горбом. И надо спороть им горбы, чтобы был хлеб. Так что восстание это не чисто религиозное, а экономическое.

Княжеское поведение в миру долгое время определялось языческим кодексом чести и славы. Идеал война был не христианским, но языческим. Таким он и оставался. Владимир Мономах рассказывает, сколько он походов

совершил, с какой быстротой он из Киева достигает Чернигова. Он хвастает этим. И это не христианское поведение. Но очень похоже на поведение Святослава, который ходил «воз по себе не возяше», и питался, конину ли, зверину ли нарезав потонку, под седло подклав, возил с собой. А спал на попоне. Вот языческий идеал князя. Повторю, мы не знаем подробностей высшего языческого культа. Мы знаем обряды, а они в каждой местности свои. И знаем этические нормы язычества.

По «Слову о полку Игореве» ясно, что языческое мировоззрение не забыто в XII веке. Но оно приняло ту форму, которая характерна и для XVIII или XIX века, когда писатели обращались к языческим античным богам как к определенным символам. Те же «стрелы Стрибога» у автора «Слова» — это уже не религиозная, а эстетическая стадия язычества. В прежних богов уже не верили, как в богов. Но экологическая система язычества была принята и христианством. Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определенную культурную ценность, которая с приятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания. Есть такие строки в одном из псалмов: «всякое дыхание да хвалит Господа...» Языческое представление о «всяком дыхании» поднято здесь на недостижимую для язычества ступень. Но государство не могло жить разрозненными верованиями. Ведь христианство принимается в момент, когда Владимир объединил Русь. Приходится говорить о государственной необходимости, обеспечить которую язычество было не в состоянии. Государство Владимира держалось не на полицейской системе и не на одной системе военной. Это было многонациональное государство, потому столь необходима была интернациональная религия. Уже после крещения Руси Иштван I (Стефан I) введет христианство в Венгрии, где до этого оно существовало лишь местами — у славянских племен, принявших христианство от Кирилла и Мефодия, великих болгарских проповедников. Иштван вводит христианство западного образца, он объединяет Венгрию силой, как Карл Великий крестил перед этим саксонцев оружием. А у нас и оружия не потребовалось. У нас этот процесс был довольно мирным. Что здесь очень важно для понимания восточного варианта христианства? Вот патриарх Фотий⁴, тот, при котором Аскольд и Дир неудачно штурмовали Константинополь, отправляет болгарскому князю Борису-Михаилу несколько посланий, где говорит, что истина опознается красотой.

Как в человеческом лице ничего нельзя изменить, если это здоровое и красивое лицо, так для Фотия истинная религия опознается красотой. И послы Владимира, отправившиеся в разные страны в поисках истинной религии, вернувшись, говорят князю, что надо принимать именно греческую веру, ибо у греков видели они красоту.

Знал или не знал Владимир изречение Фотия, но этим было пронизано все. В том числе и решение послов, конечно, не столь лаконичное, как это представлено в летописи.

Летописи мы можем доверять. Даже если ставить под сомнение посланку послов, и саму поездку, и аргументацию, как же не доверять самому выбору? Главный аргумент — храмы, покорявшие живой, истинной красотой. Владимир озабочен постройкой храмов, а Иштван I в Венгрии не озабочен. Так же, как Польша и Моравия, принявшие христианство с Запада, не озабочены. А Владимир строит, строит, строит. Приглашает греков. Создает целую

*Св. Власий. Икона второй половины XV в. Из церкви св. Флора и Лавра.
Петрозаводск, Карельский художественный музей*

сеть ремесел. И потом это сказывается на всей русской культуре. Это проявляется в примате эстетического момента над философским. Кто лучшие русские философы? Державин (в оде «Бог»), Тютчев, Достоевский, Владимир Соловьев. Даже Чернышевский стремится быть писателем. Можно спорить — хорошим или плохим, но русские философы — это все писатели, художники. И «умозрение в красках» — это иконы. Какой наш самый великий трактат начала XV века? Троица Рублева.

В стремлении к красоте и постижению мира через красоту было преимущество, но и был и недостаток. Университетского образования на Руси не было, но страна была грамотная. Очень грамотная. В свое время это доказывал по подписям под документами академик А.И.Соболевский, а теперь это ясно по раскопкам в Новгороде. Мы уже перестали удивляться берестяным грамотам. Уни-

верситетов нет, зато искусство никак не отстает от Запада. И идет по самобытному пути. Самобытность в чем? Наши храмы веселые, украшенные. Если хотите, тут даже какой-то элемент Востока. Или, точнее, элемент веселой красоты. Православное христианство — самое веселое христианство. Вспомним у Тютчева: «Я лютеран люблю богослуженью»⁵. Но поэт подчеркивает мрачность этого богослужения. Обратите внимание, что и католические храмы суровы в своей грандиозности. Тогда как русский храм благодаря светлому, яркому, сияющему иконостасу, благодаря очеловеченному устройству пространства, его космизму и золоту огня просто красив. И светел.

Надо сказать, что Русь никогда не была отгорожена от других стран: она впитала в себя и византийскую культуру, и западную, и скандинавскую, и культуру южных соседей — кочевников. Потому что своя основа была необычайно сильна. Какой язык был у нас еще до влияния церковного, книжного языка! Как поразительны по краткости и красоте обращения князей к войску и речи на княжеских съездах! Эта не фольклорная, но ораторская, устная традиция была необычайно сильна.

Чрезвычайно интересна роль монастырей в христианизации Руси. Мы привыкли к тому, что культура развивается главным образом в городах. На самом же деле смерды с самого начала становятся крестьянами, то есть христианами. В древнейшей летописи смерды упоминаются только один раз. Значит, в крестьянской среде христианство распространялось очень быстро. И это невозможно было при помощи меча, но возможно при помощи самого язычества, которое христианизовывалось и делало понятным христианство. Смерды видели в христианстве как бы продолжение своего язычества.

Но открывались новые горизонты, и они готовы были эти горизонты принять. Русь поняла, что, помимо кругового календарного времени, есть и горизонтальное, в которое втянуты соседние народы. Или, скажем, вертикальное время. Круг стал спиралью.

Христианство у нас начало развиваться по великому пути из Варяг в Греки потому, что тут видели иностранцев, иноземные товары, знали о существовании других народов. И тут появляется понимание, что история не ограничивается местными курганами, что есть история человечества.

У славян была письменность, но письменность неорганизованная. Ведь черноризец Храбр⁶ говорит о том, что славяне писали чертами и резами, но без устройства. Для первой письменности использовались или свои знаки, или даже греческие буквы. Скажем, знак того, что в этом сосуде находится вино, и такого-то сорта, а в этом — зерно. С христианством пришла письменность иного, высочайшего класса. Это была письменность с устройством, со знаками препинания, с разделением на слова, с определенной грамматикой. Это письменность литературного языка и богатейшей литературы. Появляются сложнейшие понятия: значит, язык был подготовлен к принятию христианской идеи, к принятию письменности. И тут примечательна роль монастырей. Как осваивались новые земли? Они осваивались монастырями, где прежде всего занимались письменностью. Самое богоугодное дело — письмо. Вот почему при продвижении христианской культуры на север сначала образуются монастыри. Ярославль — это Спасский монастырь. Вологда — Кирилло-Белозерский монастырь. И там главным образом развивается письменность. Потом Валаам. И там письмо. Потом Соловки — и там та же картина. При монастырях колоссальные книгописные мастерские. Книга осваивала

*Чудо Архангела Михаила о Флоре и Лавре. Конец XV в.
Новгородская школа. Москва, Третьяковская галерея*

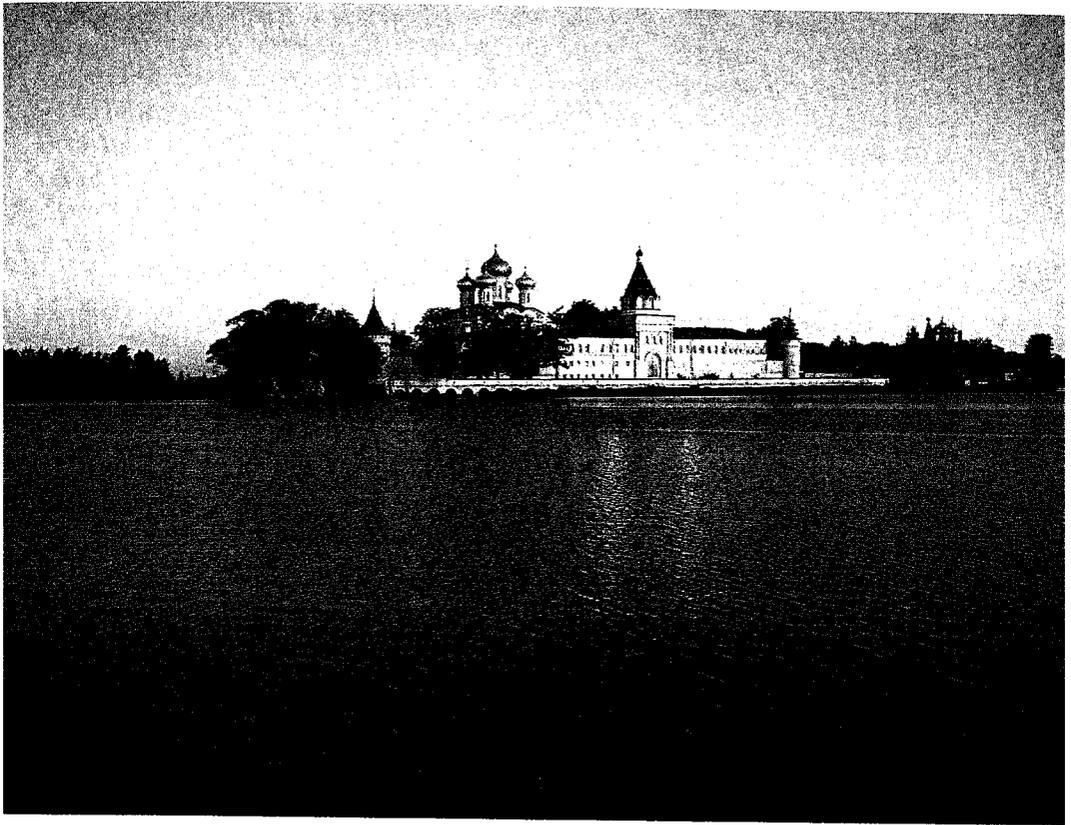
новые территории. Теперь ясно, что в Сибирь везли книги. И этим завоевали Сибирь. Не столько оружием, сколько книгой. Монастыри строились за городом. И Киево-Печерский монастырь был за городом, и Троице-Сергиев, главный центр русской книжности, монастырь — мать многих русских монастырей. Совершенно ясно, что книжность идет на окраины и на окраинах происходит огромная книжная работа.

У нас бытовало мнение, будто монастыри были рассадниками мракобесия. Но кто же переписывал книги? Кто вводил новые системы хозяйст

ния, как, скажем, на Соловках? Кто выводил новые сорта плодов? Проблемы генетики и селекции именно в монастырях занимались еще в Древней Руси! Ведь было известно около трехсот сортов яблок! Я уж не говорю об эстетике — эстетике церковного пения, эстетике церковного слова, живописи, архитектуры, которой мы сейчас восхищаемся и которая всегда была на высочайшем уровне. На все это нельзя закрывать глаза. А кроме того, мы знаем, какую роль сыграла церковь в истории России: скажем, в период феодальной раздробленности она выступала за единство, против междоусобиц; она вдохновляла на борьбу с иноземными захватчиками. Мы говорим о победе Дмитрия Донского в Куликовской битве, но обходим молчанием Сергия Радонежского, вдохновителя этой победы, как говорит о нем церковь, «возвещал еси и великому князю Димитрию о победе многочисленных прегордых агарян, хотящих Россию огнем и мечом опустошити». Сергей Радонежский пошел на нарушение церковных канонов, дал Дмитрию двух схимников⁷. И это не значит, что дал двух богатырей. Два богатыря, какими бы они ни были, ничего бы не значили в такой битве. Но они создали уверенность у войска, что это святая битва, что умершие здесь пойдут в рай, что эта битва не просто убийство ради спасения родины, а священная война. Они идут защищать свою землю и потому разрушают на Оке за собой перевозы. Они перешли. И назад не пойдут: они тут станут на Рязанской земле.

О влиянии христианства на русскую историю, на русский национальный характер, в частности на эстетические представления русского народа, писалось много. Нет нужды повторяться. Но об одной особенности религиозного сознания русских не писалось вовсе. Если сравнить Сергия Радонежского с Франциском Ассизским (а такое сравнение делалось постоянно), то выступает огромная разница в большом и принципиальном. Франциск считал бедность одним из главных достоинств монашества. То же считал и Сергей. Но Франциск проповедовал нищету, бродяжничество монахов, а Сергей запрещал уходить из монастыря и просить милостыню. Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать хлеб. Сергей выполняет всю крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжения по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках. Иульгия Осоргина спасается даже у себя дома в хозяйственных заботах, приравниваемых к подвигам благочестия. Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество. Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель — трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государство в целом или простая помещичья семья с ее слугами.

Сергий Радонежский был проводником определенных идей и традиций: с церковью связывалось единство Руси. Андрей Рублев пишет Троицу «в похвалу преподобному отцу Сергию» и — как сказано у Епифания⁸ — «дабы воззрением на Святую Троицу уничтожался страх розни мира сего». Князья ссорились, наводили татар на Русскую Землю, как когда-то половцев. Шло постоянное соперничество за великое княжение, за титул великого князя. А церковь-то была едина. И поэтому главная идея рублевской Троицы — идея единства, столь важная во тьме разделения нашего.. Дмитрий Донской начинает не с объединения территории, а с объединения национально-нравственного. Этим-то и замечателен московский князь, ставший во главе рус-

Ипатьевский монастырь. XVI—XVIII вв. Вид со стороны реки Костромы

ского войска. И Москва от этого выиграла в глазах всей Руси. Она выиграла не потому, что, как пытаются это доказать, стояла на очень выгодных торговых путях, а потому, что в этой сложнейшей ситуации возглавила политику объединения Русской Земли. То есть Москва выиграла духовно.

У нас бытует неправильное, вульгарное представление об экономических законах. Эти законы, конечно, в основе всего, но когда они приводят к духовному процветанию, в какой-то момент духовное начало начинает играть главную роль. Москва не была экономически сильнее Твери или Новгорода, она оказалась духовно сильнее.

В Москву переехал митрополит Всея Руси, и Москва стала символом духовного объединения.

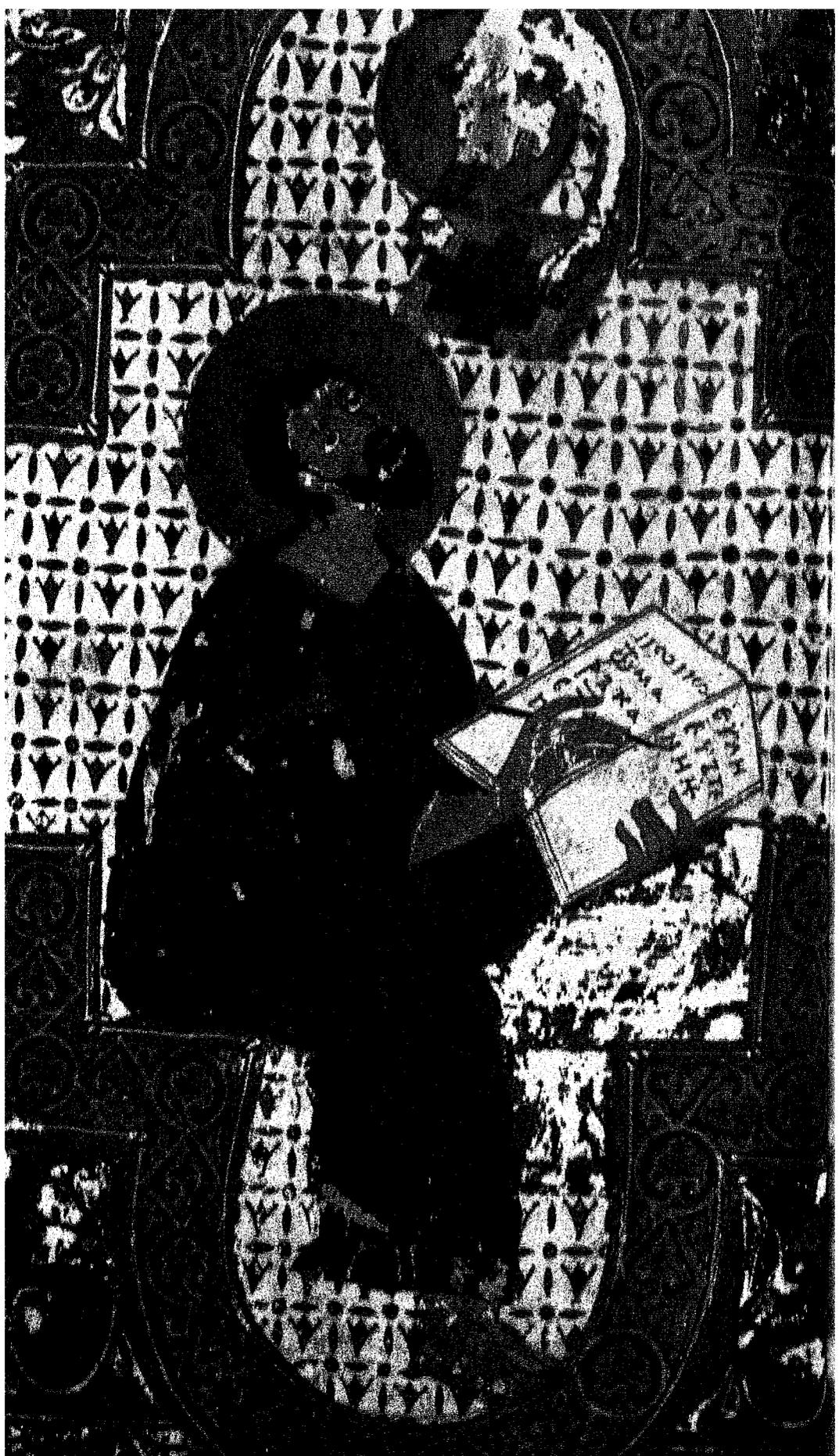
Возвращаясь к вопросу о церковном расколе XVII века, следует признать, что в какой-то мере никонианские реформы были обязательны, но могли быть иными. Москва стала центром и для Украины, и для Белоруссии, и поэтому православная церковь должна была иметь единые обряды. Инициатором раскола был Никон, потому что он отменил старое двоеперстие ради нового троеперстия. К тому времени обряды у греков, как говорили на Руси, «испоганились», было много «новизны», а в России сохранялись традиционные обычаи. Можно было найти какое-то компромиссное решение, но Никон взял сторону Украины для объединения ее и Белоруссии с Россией. На Украине же было «от грек идущее» троеперстие. Сейчас ясно, что во многих случаях старообрядцы были правы, поэтому, как известно, никонианам при-

шлось подделывать некоторые документы. Кроме того, Никон обладал чрезвычайно жестоким характером. Как и Алексей Михайлович, тоже обладавший крутым характером: недаром он был отцом Петра. Никон и Алексей начали вводить обрядовое единообразие очень жестокими мерами, чем усилили раскол русской церкви. Вот пример роли личности в истории. Я думаю, что очень многое зависело от Петра I. Хотя сам Петр любил православное богослужение и пел на клиросе и ни в коем случае не был атеистом. Петровские реформы были продолжением реформы Никона и привели к страшному падению авторитета церкви. Если исповедник лишается права тайны исповеди, если священник государственным указом обязан доносить, то какой же может быть авторитет у церкви? Тут и расцветает старообрядчество. Расцветает не столько при Алексее Михайловиче, сколько при Петре и Николае I. Роль Николая I в этом процессе очень отрицательная: он гонением на староверов во многом разрушил экономику России. Наиболее состоятельный и работающий класс — старообрядцы. И уральскую промышленность старообрядцы создали. Законы Николая I против них разрушили русскую металлургию. При Екатерине и при Александре I русская артиллерия была первой в мире. Россия была передовой по количеству и качеству выплавляемого металла. Если вы спросите археологов, копающих на Бородинском поле, они скажут, что сразу видны отличия русских ядер от французских. У русских качество отливки другое, нет раковин. Захваченные англичанами русские пушки старой отливки стоят во многих английских и шотландских городах. До сих пор англичане восхищаются качеством отливки этих пушек. А при Николае Россия начинает отставать. Самодержавие нельзя было отождествлять с православием. Я не берусь судить, насколько тут вина церкви, хотя вина, скажем, архимандрита Фотия⁹ и других была. Гарантия авторитета церкви — отдельность ее от государства. Церковь и государство переплелись, и все вины государства падали на церковь. Эта формула погубила тогдашнее православие или, во всяком случае, подрубил его. Церковь должна быть отделена от государства... Тысячелетие назад христианство стало государственной религией Древней Руси и объединило Русь, а потом Россию, Белоруссию и Украину. В этом была сила, в этом же и слабость: подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести. Дальнейшее было предопределено: верующий — значит, монархист. А христианство — это не идеология, буржуазная или социалистическая. Это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни. Когда человек идет в церковь ради моды или только ради перемены мировоззрения — это тоже ложь. Церковь — это не одна перемена мировоззрения, это уже перемена образа жизни, обычаев. У верующего и быт должен быть религиозным, с соблюдением постов, праздников и так далее. А многие ходили в церковь из чувства протеста против официальной лжи. И в этом тоже был элемент лжи. Христианство требует не одного христианского мировоззрения, а действий. Без действий вера мертва. А действий-то и не было.

Иногда поговаривают о втором крещении Руси. Это очень неточное выражение. Христианство было на Руси и до крещения Руси, до принятия христианства. И княгиня Ольга крестилась, и церковь Ильи существовала в Киеве. Крещение Руси — официальное принятие христианства государством, соединение церкви и государства. Говорить о втором крещении Руси ни в коем случае нельзя, это было бы несчастием для христианства — воссоедине-

ние церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова. Вообще общественный прогресс заключается в свободе, в увеличении сектора свободы. Сектор свободы по всем линиям увеличивается, а сектор свободы церкви в том, что она отрешается от своей зависимости от государства. Зависимости какой? Либо поощрительной, либо непоощрительной.

Если говорить о современной церкви, то надо, особенно сегодня, отмечая тысячелетие крещения Руси и 2000 лет христианства, подчеркнуть: мы стоим за полное, действительное отделение церкви от государства. Наше государство должно быть действительно внерелигиозным, оно не должно вмешиваться в дела церкви. Разумеется, и церковь не должна вмешиваться в дела государства.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Русская история представляется мне как разворачивающаяся драма одинокой и непонятой культуры, то отбрасываемой из-за своего одиночества к самому обрыву непонимания, то заявляющей о себе как бы одинокими гениальными произведениями и личностями.

Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории: впечатления «на собственной коже». Для меня, например, памятен Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург — и его мастера, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Соловков, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32 года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского дома, ужасы блокады — и все это в моей зрительной и слуховой памяти.

«Хованщина», «Борис Годунов», «Град Китеж» — оперы эти были для меня как бы обрамленными в художественную форму моих личных впечатлений проходящего столетия.

Мои занятия историей, русской культурой сливались в единую, сильно окрашенную чувствами картину русского тысячелетия — мученичества и героизма, исканий и падений...

В истории русской культуры бывают периоды трагических катаклизмов, когда кажется, что все начинается сначала.

Так было с принятием христианства. Казалось, что языческая культура кончилась, кончился фольклорный период русского словесного искусства. Но вот прошли столетия, и сейчас мы знаем — культура слова не исчезла, но перешла в другие формы — не исчез фольклор, не исчезли и фольклорные достижения в новых формах — формах письменного слова.

Периодом перемен была эпоха царствования Грозного. «Неполезная» литература, литература беллетристического характера как будто бы была обрублена. Но прошло полвека, и в начале XVII века мы видим, что опыт остался. Он стал даже выше, несмотря на молчание второй половины XVI века.

Почти что апокалипсическим катаклизмом в истории русской культуры была эпоха Петровских реформ. Все началось сначала. Но сейчас специалистам по многовековой русской литературе ясно — перерыва не было. Линии развития пережили кризис, но возродились и продолжали развиваться на новом уровне — на уровне усвоения западноевропейского опыта.

Каждый из этих катаклизмов, когда казалось — все должно начаться с самого начала, своеобразен по своему характеру. Перерывы были с задержками, перерывы были перед новым скачком вперед. Задержки шли изнутри и задержки вызывались внешними событиями. Все по-разному.

К таким внешне обусловленным перерывам принадлежит и середина XIII века — время монголо-татарского завоевания.

Что, собственно, произошло в это время? Евразийцы были склонны преуменьшать значение восточного нашествия, другие, напротив, преувеличивали. Однако ни те, ни другие не пытались охарактеризовать события в их существе, а это безусловно важнее, чем все попытки оценить перерывы количественно.

Для Запада и для нас характерно преувеличение специфичности русской истории. Искать специфичность следует, но только там, где она действительно может быть научно установлена. Все тычут нам в нос Грозным. Однако в то время, когда у нас свирепствовал Грозный, герцог Альба кроваво расправлялся со своими врагами в Голландии, а в Париже была Варфоломеевская ночь.

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что древняя, «допетровская» Русь была страной со сплошной малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам, крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи «цветут» изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах — даже вдали от городов и сел. В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых оригинальных произведений и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетической культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и искусстве чтения, о различных системах правописания и пунктуации... А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная!»

Почему так? Догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, истори-

ки судили о Древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, классового гнета, обнищании народных масс. И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать. Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в веках XI—XVI нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. И именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, ту «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалаась исконной и типичной для Древней Руси.

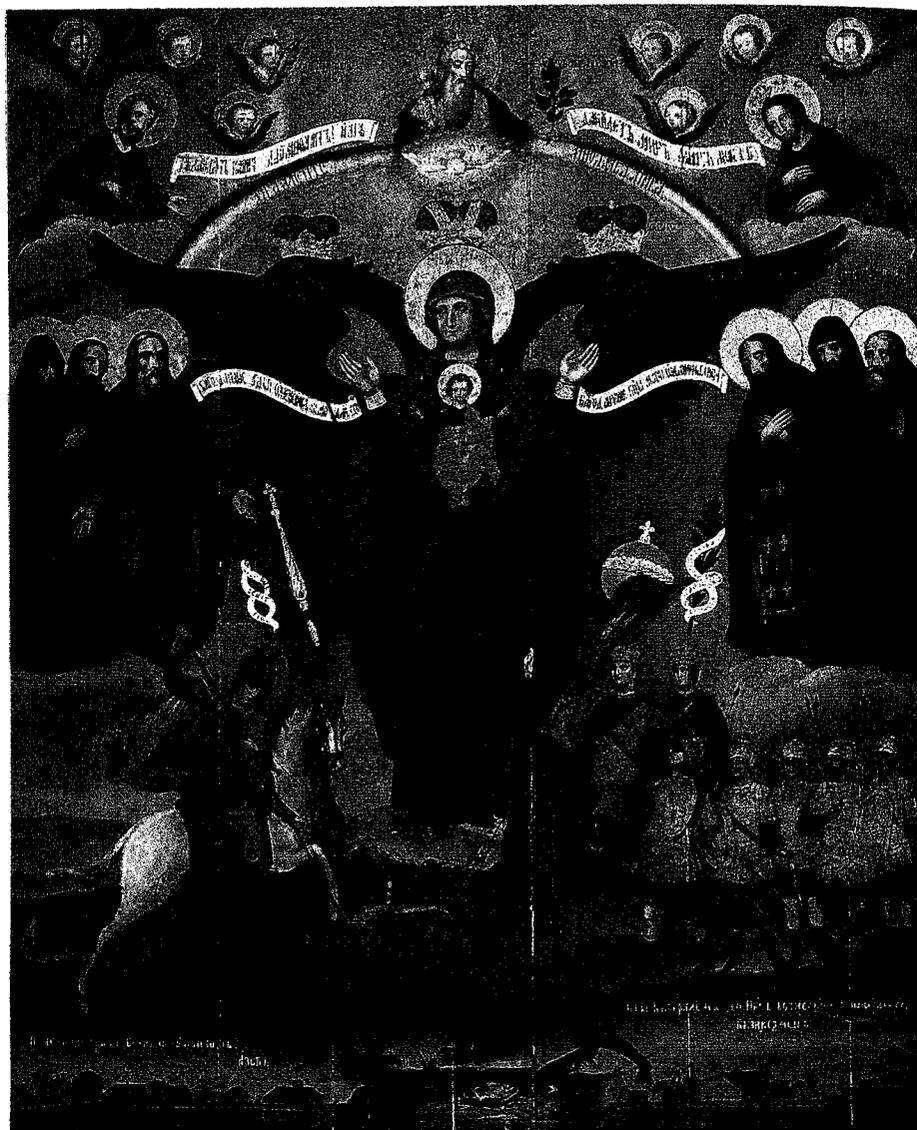
Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской жизни. Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре, высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, — как, например, на Русском Севере...

Плохое знание истории. Особенно русской... Но любовь поговорить о ней и на основе кочующих мифов скептически поразмышлять о современных проблемах. Вряд ли это свойственно только нашей стране. То же самое я заметил во Франции и в Англии. Читают книжку маркиза де Кюстина¹, в 30-х годах прошлого века побывавшего в России и без знания русского языка набравшегося обрывков сведений. Издают и переиздают Кюстина. А он был в России 2,5 месяца! Да и книга его была агитацией против России перед Крымской войной.

Но мифы о русской истории, русском характере устойчивы, многолетни, примитивны, создают новые загадки, которые мы ленивы разгадывать. Однако они успокаивают. Можно успокаивать оптимизмом, а можно успокаивать и пессимизмом: ничего, мол, не может исправиться — все в этой стране было всегда, бесполезно пытаться что-либо изменить.

Сталин, мол, имел своих предшественников (при этом указывается только один — Грозный; Петра вряд ли кто-нибудь сочтет предшественником Сталина — различие в таланте и образованности слишком велико). Революции в России происходили только сверху («революцией» при этом объявляется освобождение крестьян). Народ вечно подчинялся, безропотно, рабски. Это в стране, где были бесчисленные восстания — Разин, Булавин, Пугачев, — где развивалось казачество, старообрядцы тысячами уходили на Север и на Восток, на Запад и на Юг, самосжигались сотнями но не подчинялись власти, где

Богоматерь Азовская. Икона начала XVIII в. Москва, Исторический музей

интеллигенция была в постоянном противостоянии власти, где декабристы — единственный в мире случай — пошли против своих же собственных классовых сословных интересов во имя свободы страны и народа.

В подвиге декабристов есть много народного. Русь еще в своем восточнославянском единстве, до татаро-монгольского ига, когда она не выделила из себя три основных восточнославянских народа — украинцев, великорусов и белорусов, знала уже мужество непротivления. Святые Борис и Глеб без сопротивления принимают смерть от своего брата Святополка Окаянного во имя государственных интересов. Черниговский князь Михаил и его боярин Федор добровольно едут в Орду и там принимают смерть за отказ выполнить языческий обряд.

«Страна почти сплошь неграмотная в прошлом!» И это та страна, где старообрядцы упорно придерживались своих письменных памятников, а их записывали счетчики неграмотными, так как они отказывались читать новопечатные книги. Это страна, давшая в XIX в. лучшую в мире литературу...

А сколько мифов в интерпретации Петровской эпохи. Мифов, кстати, создававшихся самим Петром, чтобы оправдать свои действия. Миф о косности и неподвижности Древней Руси. Миф о ее замкнутости (следовательно, и от Греции, Болгарии, Скандинавии, западнославянских стран, даже от Италии, Голландии, Швеции в XVII в.). Петр создавал свой миф, чтобы проводить свою политику. А нам-то зачем все это нужно?

Рассматривая мнения нашего общества о петровских реформах, В.О.Ключевский писал: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу». Ключевский назвал последнее явление «встречной работой прошлого»².

ПИСЬМО О ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМАХ

Глубокоуважаемый Дюла Свак!

Мне очень жаль, что наш разговор о Петре Первом в фойе Будапештского форума культуры нам не удалось довести до конца: меня звали звонки на заседание. Вопрос о том, была ли деятельность Петра I прогрессивной или губительной для русской культуры, чрезвычайно запутан в литературе и общественной мысли XVIII—XX веков, но запутан он вовсе не безнадежно. В коротком ответе на Ваше письмо по этому поводу моим мыслям будет тесно для мотивированного изложения своих взглядов, но подвести все-таки некоторые основания под будущие ответы возможно.

Прежде всего вопрос должен быть поставлен так: совершил ли Петр I некий переворот в общих тенденциях русской культуры или деяния Петра I шли в общем русле ее развития? Я стою на последней точке зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европеизация России началась со Смутного времени, и Россия всегда была связана с другими странами: Скандинавией, Византией, западнославянскими странами, южнославянскими странами и пр. Петру не пришлось «прорубать окно» в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европы. Но и здесь он не произвел «открытия». Интерес к Англии начался еще в XVI веке, интерес к Голландии был широк еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр I вводил в России венгерское платье, но и это не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси уже в XI—XII веках.

Идея «просвещенной монархии», «царя-труженика» была изложена еще до Петра в стихах Симеона Полоцкого — учителя детей отца Петра — Алексея Михайловича.

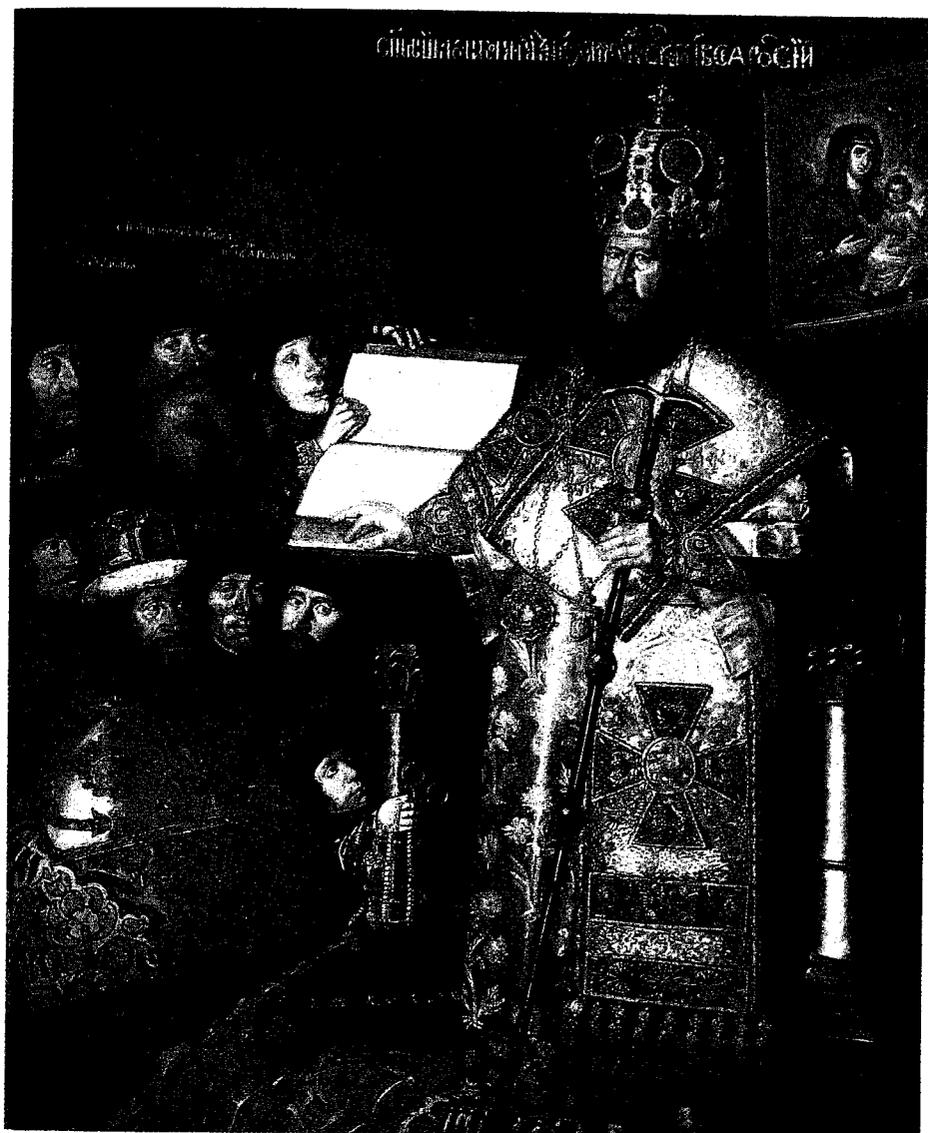
Петр сменил в России всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу поближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но уже в XVII веке эта смена «знаковой системы» была глубоко подготовлена в России.

Второй Ваш вопрос: не слишком ли дорогую цену заплатил народ за все «благдеяния» Петра? Да, слишком дорогую. Не говоря уже о многом другом, Петр устал трупам болота, на которых строился Петербург. Можно было бы, не так торопя, прийти к таким же результатам несколько медлен-

*Неизвестный художник. Портрет Царя Алексея Михайловича. 1670.
Щербаков, Краеведческий музей*

нее, — растянув реформы на весь XVIII век. Но это мы рассуждаем с современной точки зрения, — мы, умудренные большим историческим опытом. А реально, если бы и не было «торопливого» Петра, то легко возникли бы другие исторические деятели, только менее талантливые и менее способные к государственному творчеству. Дело в том, что деспотизм — одна из отрицательных сторон любой «просвещенной монархии». «Просвещенная монархия» не просто стремилась осуществить счастье народа, — она навязывала это счастье часто насильственными способами. «Король-Солнце» Людовик XIV тоже не был ягненком. Да это было бы и невозможно в системе «идеологического государства», какой представлялась Франция при Людовике XIV. Можно было бы привести и другие примеры.

*Патриарх Никон с клиром. Ок. 1660. Парсуна работы Даниила Вухтерса. Фрагмент.
Новоиерусалимский монастырь*

Петру удалось провести сближение России с северо-западной Европой, сближение, которое было неизбежным и зародилось ранее. На Западе в эпоху Петра существовало два стиля — классицизм и барокко. В России со второй половины XVII века господствовало только барокко, которое приобрело формы, позволившие барокко стать заменителем Ренессанса. Барокко было типичным не только для искусства, но для характера науки, мышления, поведения человека и т.д. Петр был типичным представителем барокко. Петр — «человек барокко» со всеми его противоречиями, контрастами, темпераментом, загадочностью и т.д.

Обвинять в чем-либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий.

*Неизвестный художник. Портрет Царицы Натальи Нарышкиной.
Конец XVII в. Ярославль, Городской музей*

Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами.

С уважением

Ваш Д.Лихачев

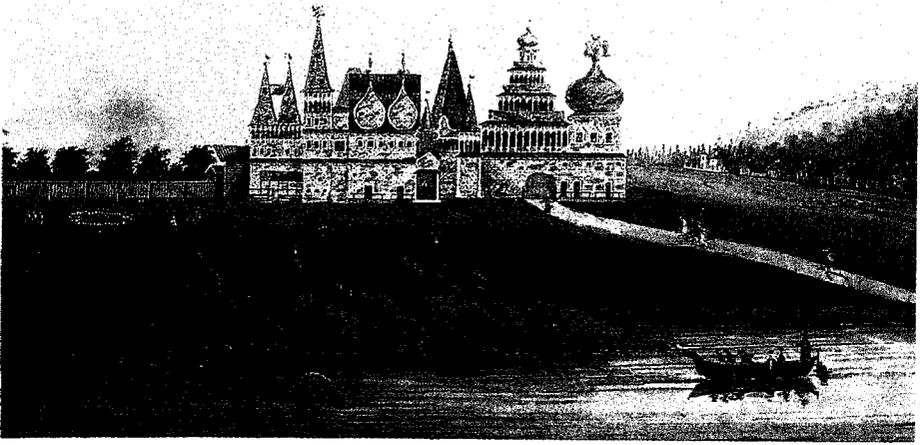
По поводу жалоб на Петра за основание столицы в краю гнилого климата С.М.Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» удачно говорит: «Что касается неудобств климата и почвы, то нельзя требовать от людей, физически сильных, чтоб они предчувствовали немощи более слабых своих потомков»³.

Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека. История человека оказалась без человека..

Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические работы не только безличностными, но и безличными, а в результате малоинтересными. Читательский интерес к истории растет необычайно, растет и историческая литература, но встречи читателей с историками в целом не получается, ибо читателей, естественно, интересуется в первую очередь человек и его история.

В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности.

И, в самом деле, если личность человека не играла в истории той большой роли, которая отводилась ей историками XIX века, то сама история играла огромную роль в становлении личности. Командуя историей или сам командуемый ею, человек все же находится в центре наших гуманитарных знаний и художественного творчества всех областей искусства.

Вид царского дворца в селе Коломенском

Вторая половина XVIII века — эпоха, по-своему поворотная в судьбах человеческой личности. Если человеческая личность в Древней Руси развивалась хотя и медленно, но все же гармонично, и выработывала свои яркие индивидуальности, то эпоха Петра в каком-то отношении подавила человеческую личность. Гигантская фигура Петра I не сама подавила собой людей его эпохи. Он не был тираном типа Ивана Грозного. Петр пытался контролировать свой деспотизм, вводя его в известные правила и придавая всему государственному быту России какие-то стабильные формы. Однако стабильные формы эти не всегда были удачны. Созданная Петром «табель о рангах», разделившая всех государственных людей его времени на четырнадцать классов, налегала на человеческую личность как гигантская чугунная плита и особенно придавила людей после смерти Петра — единственного, кто мог с ней справиться и мог ее в нужных случаях обходить.

Только во второй половине XVIII века личность человека начинает постепенно обретать силы, находить в себе чувство собственного достоинства и получать в жизни иные цели, кроме рептильного продвижения по служебной лестнице о четырнадцать ступенях...

Обнаружить характерные черты человека этого времени не так-то просто. Неотменная табель о рангах продолжает скрывать от нас, как тяжелая неуклюжая ширма, естественные движения человеческой души. Дворянство этой эпохи во многих случаях еще стеснялось быть людьми без званий и отличий, старательно обеспечивая себе ступеньку на лестнице табели о рангах, скрываясь за орденами и муаровыми лентами на заказываемых портретах...

Наши общественные науки губят чувство патриотизма, без которого невозможна ни культура, ни нравственность, ни само существование государства. Об этом надо говорить на всю страну, об этом должны знать все, и в первую очередь — историки, лингвисты, литературоведы, обществоведы,

Ян Верелкс. Портрет Петра I. 1697

политологи. Преподавание ограничивается общими, обезличенными и бес-событийными рассуждениями. Интерес к истории убит. Неизвестными остаются самые элементарные факты и имена. Неизвестны Авраамий Палицын⁴, Пересвет и Ослябя⁵, «гражданин Минин и князь Пожарский»⁶, (в самом Нижнем Новгороде!), а что уж говорить о докторе Гаазе⁷! Затуманены мозги о принципах крепостного права и об освобождении крестьян...

В результате неправильных методологических предпосылок в нашей исторической науке и совершенно неверной установки на приоритет образования над воспитанием, отсутствия элементарных знаний литературы и культуры нашей страны в наших душах вместо любви к Родине — пустое место (в лучшем случае, «духовное нечерноземье!»), вместо любви к своему народу — ненависть к другим (в худшем случае). Вместо патриотизма — всякого рода обоснованные и необоснованные «анти» (антисемитизм, антируссизм, антиитторкизм и т.п.).

Русская история предстает в искаженном виде. Ее заменили сплошные мифы.

Необходимо восстановить историю России, освободив ее от мифов, разумеется, без националистической идеализации!

Это задача не только педагогики, но — прежде всего — исторической науки. Нам необходимо знать себя, свою историю, свои наивысшие человеческие достоинства и чрезвычайные недостатки, которые все время им противостоят. О наших действительных достоинствах (о многих из них я неоднократно писал) и действительных (но не мифических) недостатках надо говорить прямо.

Из отрицательного, что безусловно свойственно России, — это идя вперед клеймить все старое, отрекаться от своего прошлого. Это свойство в полной мере проявил Петр I, но это характерно для многих деятелей русской культуры и «некультуры» XIX и XX вв. (до сегодняшнего дня).

Другое качество, которое необходимо учитывать, — умение во всем доходить до крайности. Уж если создавать новую столицу — так не в центре государства, а на его рубежах! (Так сказать, географический аспект.) Если создавать книжные центры — то не в городах, а в лесах и на островах (Кириллов, Валаам, Соловки и пр.)! В искусстве — быть «авангарднее» авангарда! В общественной жизни — отрекаться от национальных обычаев и традиций. К счастью, эта черта не абсолютная, но ее надо иметь в виду, ибо ею обусловлено стремление охаивать самих себя, искать правды где-нибудь на стороне, покидать свою страну и пр.

Хорошо сказано С.М.Соловьевым: «Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем»⁸.

Русь X—XII веков, когда составлялось летописание, была не только славянским, но финно-угорским объединением с единым восточнославянским языком, из которого в дальнейшем произошли языки русский, украинский и белорусский, но в быту существовал и угро-финский. И очень важно, что древнейшие письменные памятники финского языка найдены именно на территории Новгорода — одного из двух политических и культурных центров Древней Руси. Один из пяти районов Новгорода назывался «Чудин конец». Чудь была финно-угорским племенем. В Киеве был Чудин двор, который упоминает летописец, описывая топографию Киева. Возможно, это был двор знатного чудины, а может быть, какое-то финское подворье, достаточно богатое и известное, на которое летописцу ориентировался, чтобы быть понятным своими читателями.

Автор «Повести временных лет» был хорошо осведомлен о народах, соседивших с Русью и входивших в состав Руси. В начале «Повести», описывая расселение славянских племен, он пишет: «В странах же Иафета (сына библейского Ноя) сидят русские, чудь, и всякие народы: меря, мурома, весь (вепсы), мордва, заволочская чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, леттола (предки латышей), ливы». И далее летописцу снова возвращается к вопросу о том, какие народы где живут: «А на Белоозере живет весь, на Ростовском озере меря, а на Клещине озере тоже меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне,

древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели на Бугу, а затем ставшие называться волянянами. А вот другие народы, дающие дань Руси (замечу: дань княжескому роду Руси давали и славяне): чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах». До появления князей, согласно рассказу «Повести», северные славянские племена и финно-угорские платили дань варягам (норманнам) за море, а когда решили призвать к себе князей из варяжских стран, то в союзе выступали и славянские племена, и финно-угорское племя весь. И снова напоминает летопись о том, что на севере Руси варяги пришельцы, а постоянное население славянское и угро-финское, указывая на то, где живут какие племена.

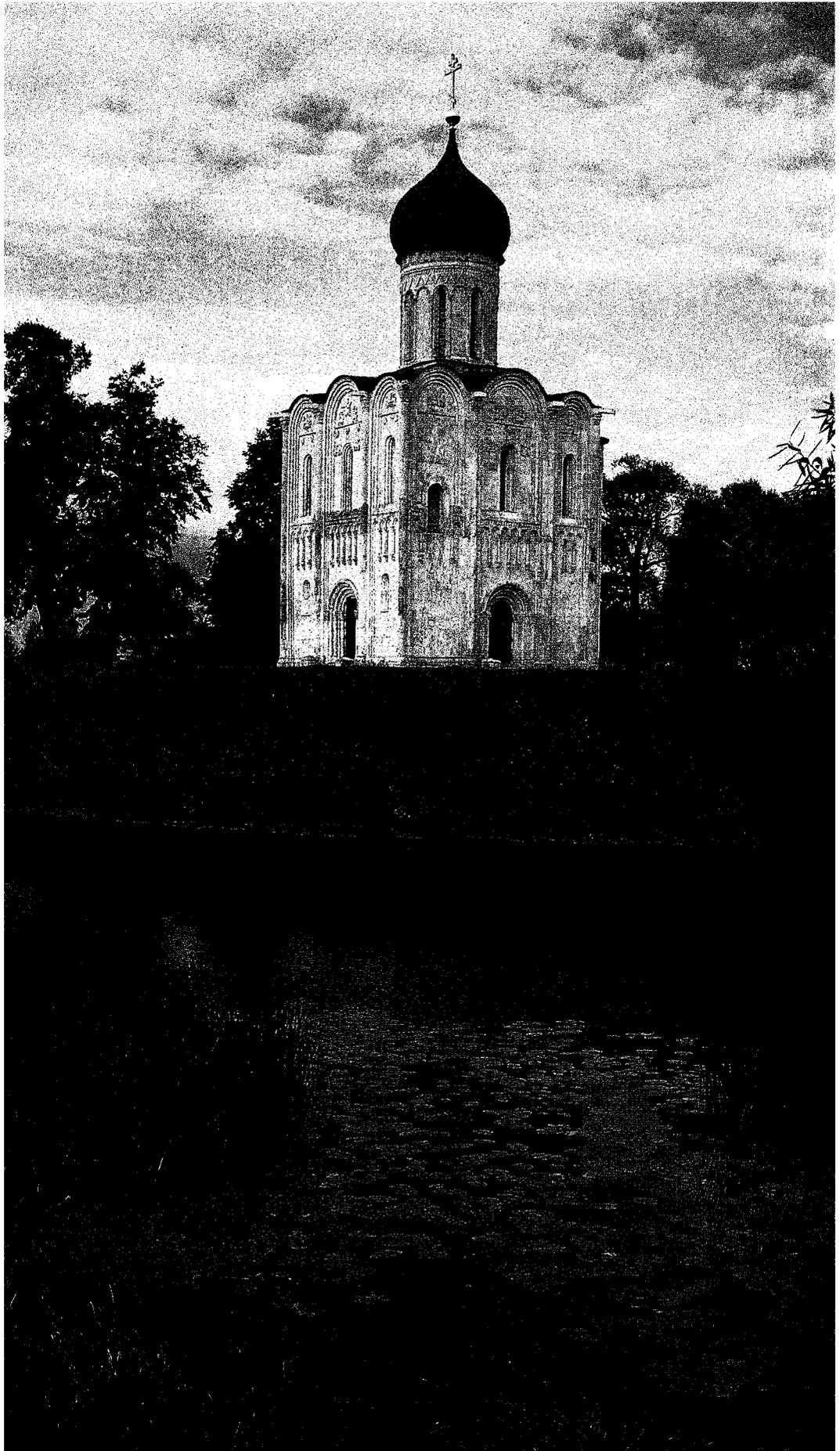
Когда умер Рюрик, владевший после смерти своих братьев один всем многонациональным Русским Севером, его преемником стал Олег, и он в 882 году пошел походом на юг Руси во главе войска, состоявшего из славянских и финно-угорских племен: «Выступил в поход Олег, взяв с собой много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей...» Этим походом Олег утвердил Киев центром своего государства. А затем в 907 году Олег пошел походом на Византию и снова взял с собой войско из всех племен — славянских и финно-угорских: «И пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве, взял же, с собой множество варягов, и славян, и чудь, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, хорватов, и дулебов, и тиверцев...» Этот многонациональный характер Киевского государства, подчеркиваемый «Повестью временных лет», замечателен. Государство Руси было самым большим государством, когда-либо существовавшим в Европе: от Карпат на западе до Волги на востоке, от Балтийского и Белого морей на севере до Черного моря на юге, где располагалось Тмутараканское княжество, связанное с Чернигово-Рязанской областью. Естественно, что такое огромное государство не могло долго сохранять свое единство. Экономический рост отдельных городов и областей усиливал центробежные силы. Государство Руси стало распадаться, но распадаться не путем выделения отдельных племен, населявших Русь и находившихся первоначально в союзе друг с другом, а по княжествам, образовавшимся вокруг отдельных городов. Скандинавы не случайно называли Русь Гардарикией — страной городов. Династические и княжеские интересы, концентрировавшиеся вокруг городов, оказались в разделении Руси на княжества сильнее, чем племенные и национальные.

Два сильных центра существовали в Русском государстве: Новгород на севере и Киев на юге. Постепенно роль государственного переходила на юг — в Киев, захваченный, как мы уже видели, Олегом. И это решило национальную судьбу Руси. Киев был славянским городом со славянским окружением. Новгород был также в основном славянским городом, но в окружении сельского населения, состоявшего из славян и финно-угров. Последних, возможно, было даже больше, чем первых. Но решали все города, ставшие усиленно развиваться. В результате славянский язык (вернее восточнославянский, разговорный и деловой, и церковнославянский, по происхождению своему староболгарский) естественно стал языком Киевского государства. На *русском* языке говорили князья, сохранявшие только в отдельных случаях норманнские имена (Олег, Ольга, Ингварь — Игорь), на русском языке велись летописи, писались литературные произведения, на церковнославян-

ком молились и писались возвышенные сочинения. В союзе восточнославянских и финно-угорских племен с самого начала, при всем равноправии племен, перевес получили славяне — перевес культурный и государственный. То, что князья никак не ущемляли права неславянских племен, явилось великим благом для государства, воспитало у славян исконное чувство дружелюбия к другим народам, в соседстве с которыми они жили и в пределах государства и в окружении этих народов, а когда на южных границах Руси появились племена тюркского происхождения, войны с ними носили скорее междоусобный характер, чем национальный. Так было первоначально — до появления на юге сильных национальных объединений тюрков, а затем монголо-татар.

Было бы нелепо предполагать, что черты русского характера были врождены русским. На самом деле они воспитывались историей, историческими ситуациями, в которые чаще всего попадала Россия, и до нее общая родина всех восточнославянских народов — Русь, Русьская земля.

И характер народа не един. Мы замечаем, как свои отличия в русском характере формировались и формируются у поморов, другие в Сибири, третьи по Волге — в средней и нижней ее части. Россию нельзя оторвать и от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело. Россия по богатству своих культурных типов, по сложности вплетения в них различных черт, по энергии своих разных проявлений, наконец по интенсивности своих отношений с другими национальностями — едва ли не единственная в своем роде страна.

МЫСЛИ О РОССИИ

Россия будет жива до тех пор, пока смысл ее существования в настоящем, прошлом или будущем будет оставаться загадкой и люди будут ломать себе голову: зачем Бог создал Россию?

Более шестидесяти лет я занимаюсь историей русской культуры. Это дает мне право хотя бы несколько страниц посвятить тем ее чертам, которые считаю самыми характерными.

Один из умнейших людей итальянского Возрождения, Максим Триволлис, известный на Руси как Максим Грек¹, проведший в России большую часть своей горькой жизни, учившийся в трех итальянских университетах — в Венеции, Падуе и Флоренции, в таком символическом образе изобразил Московскую Русь: «шествуя по пути жестоце и многих бед исполненнем, обретох жену, седящу при пути и наклонну имущу главу свою на руку и на колену свою, стоящу горце и плачущу без утехи, и облочену во одежду черну, якоже есть обычай вдовам женам, и окрест беша звери, львы и медведи, и волчи, и лиси... Василия имя есть мне... Чего ради при пути сем пuste седиши, — спрашивает жену Максим, — обступаема столь лютыми звери? И она паки мне: пуст убо путь сей, о преходниче (прохожий. — Д.Л.), окаянного века сего последнего образует...»

У Максима Грека не было ни пустых слов, ни пустых образов, тем более. И побывал он в России не как маркиз де Кюстин два с небольшим месяца, а хватил горькой судьбы, изнутри тюрьмы изучил Россию, а это не лучшее место для ее изучения: всегда так было.

Жена сидит при пути. И действительно, Россия всегда ощущала себя ищущей пути в будущее или устремляющейся в будущее по этому пути. Тогда, когда она принимала христианство; тогда, когда искала единства, освобождения от иноземного ига, осуществления вечного Третьего Рима, приобщения к Европе...

Даже само положение ее столиц было на окраинах государства. То на Великом пути из Варяг в Греки (Новгород и Киев). То на границах Запада и Востока. То выносила свою столицу на самую окраину Русского государства (при Петре, а перед тем пытался Грозный поближе к Белому морю — в Вологде). На окраины двигалось казачество, на окраинах искали счастливой жизни — в Сибири и за Сибирью, где якобы цветет свободой народное Бело-

*Церковь Покрова на Нерли. 1165.
Лужковичная глава XVII в.*

водское царство. На окраины уходила, казалось бы, самая консервативная часть общества, старoverы. Уходили они и за пределы России.

На окраинах строились и книжные центры — монастыри, в лесах за пределами больших городов: Троицкий монастырь, со всеми его монастырскими братьями, Кириллов монастырь, Спасо-Каменный, Валаам, Соловки и пр. и пр. Книги, которые писались в этих монастырях, осваивали пустыни лесов, озер, морей. Воистину «при пути сем пусте...» жила русская книжность, «обступаема только лютыми звери».

Звери эти, впрочем, тоже символы, как и жена в черных одеждах, сидящая «при пути». Это различные теории и идеи — идеи, указующие путь единственный и конечный, ведущий к последнему пределу, ибо по достижении его история должна прекратить свой путь; это путь конечный. И недаром жена в черных, траурных одеждах.

И тем не менее Россия отнюдь не неподвижна. Она вся в пути или «при пути». Вся полна устремленности к будущему, презирует настоящее, дом свой, откуда давно ушла... А сидит она потому, что плачет в типичной позе плачущих русских женщин: облокотясь о колено, подперев наклоненную голову рукой...

Мы идем по дороге, но еще не знаем точно всех ее поворотов и цели, к которой она ведет.

Сейчас, именно сейчас закладываются основы будущего России. Какой она будет? О чем необходимо заботиться в первую очередь? Как сохранить лучшее из старого наследия?

Думать о восстановлении старых территорий, старого военного могущества бессмысленно, и все попытки в этом направлении могут привести только к окончательному краху «единой и неделимой». В конце концов авторитет народа и страны, их значение в человеческом мире вовсе не определяется количеством квадратных километров занятой территории и тем более не количеством ядерных ракет. Атавистическая вера в силу может быть, однако, свойственна не только отдельным людям, но и целым народам. Гордость грубой силой именно атавизм, нечто унаследованное нами от тех эпох, когда физическая сила и громадные размеры были нужны, чтобы пользоваться уважением соседей. Да и все попытки оттородиться сейчас «естественными границами» (горными хребтами и реками) в нынешних условиях развития средств передвижения — не более, чем такой же атавизм.

Достоинство нации. Новое мышление, которым знаменуется наше время, по крайней мере наше столетие, влечет за собой коренной пересмотр оценки наций и народов — их вклада в мировую культуру, их нравственных достоинств.

Сейчас, в конце XX — начале XXI в., нравственное достоинство нации куда важнее достоинства «физического». При этом совершенно ясно, что высокая культура, терпимость, стремление к добрососедству, уважение к другим, забота о семье вызывают уважение и доверие «чужих».

Первые вопросы, с которыми иностранные деятели обращаются к представителям русской культуры (в Италии, Франции, США, Японии), касаются состояния культуры в нашей стране. Понятно, что иметь соседом высоко-

культурный, морально сильный народ предпочтительней, чем неуверенный, нервно хватающийся за оружие (ядерное в том числе), озабоченный только экономической состоятельностью (при этом — за счет соседей).

Поэтому пора понять, что признавать нас своими будут наши соседи только в том случае, если мы будем сохранять нравственное достоинство и культуру или хотя бы культурность. Забота о нашей культуре — это то, что больше всего поможет нам и в нашем экономическом возрождении. Россия должна сохранить свое первенство в культуре на всем пространстве бывшего Советского Союза, а это первенство пока существует, и его существование не надо доказывать. С нами остаются: и наш богатейший язык, на который переведены все классические произведения мира, и наша собственная литература, и наша музыка, и наша живопись, наш эпос, наша лирическая песнь, наш театр и даже наша природа, еще не до конца разоренная.

Как высота горного хребта определяется высотой его вершин, а не глубиной его ущелий и пропастей, так и культура России — не в поведении отдельных ее опустившихся граждан, а в том, что у нас не может быть отнято и что накоплено тысячелетием: Пушкиным, Достоевским, Толстым, Чеховым, нашей духовной музыкой, нашими композиторами — Глинкой, Чайковским, Мусоргским, Римским-Корсаковым, Рахманиновым, Прокофьевым, нашими настенными росписями и иконами, Александром Ивановым, Нестеровым, Серовым, Малевичем; в науке — Ломоносовым, Лобачевским, Менделеевым, Вернадским, Александром Веселовским, Шахматовым, Павловым, а в театре — Шаляпиным и Станиславским, Собиновым и Лемешевым, Анной Павловой, Кшесинской, Спесивцевой, Карсавиной, Нижинским, Улановой, Дудинской... И в религиозной сфере — Сергием Радонежским, Серафимом Саровским, оптинскими старцами. Разве не в этом и подобном наше национальное достоинство? Этого богатства не лишат нас самые наглые контрабандисты. И именно на это наследие нам необходимо опираться, если мы хотим сохранить свое ведущее положение на Востоке Европы. И эти претензии на сохранение культуры не смогут опровергнуть любые «националзавистники».

И о русском языке мы должны помнить и гордиться им. Русский язык — это не только средство общения, это еще и хранилище духовной культуры, ее сгущение до алгебраической полноты. Сфера русского языка — это не только гигантский запас слов, но и богатство значений этих слов, обилие идиоматических выражений, выражений, возникших на литературной, церковной, философской, научной, фольклорной основе. Я обо всем этом говорю не из бахвальства. Нам необходимо, крайне необходимо, знать наши богатства, наши ценности, гордиться ими, чтобы лучше их сохранять, не стесняясь наших нынешних рубищ.

Итак, культура! Вот о чем мы должны прежде всего думать, заботясь о нашем будущем.

Достоинство наций мало отличается от достоинств отдельных людей. Мы уступаем дорогу женщинам, старикам, детям, больным. Так же точно в государственной жизни мы должны покровительствовать малочисленным народам, стремиться сохранить их культуру, самобытность, языки. Люди должны быть уступчивы как в своей частной жизни, так и в государственной, понимать нужды слабых или оторванных от своей основной родины, охранять слабых от притеснений «коренной народности».

Сейчас по всему миру идут, как лесные пожары в засушливое лето, вспышки грубой силы. Те, кого недавно еще притесняли, спешат сами сделаться притеснителями. Недавно притесняемые народы забыли, что такое быть «национальным меньшинством», и применяют все приемы былых угнетателей; браня «империалистов», учатся у них имперскому поведению.

Особенно страшны языковые притеснения, запрещения, диктаты. Язык — самое ценное, чем обладает народ, особенно малочисленный. Язык — выражение культуры народа, а не только средство общения.

Вообще, хорошее государство то, которое меньше всего вмешивается в частную жизнь, мало вмешивается в дела людей, охраняет их от преступников и делает это незаметно. Чем меньше в стране слышно о государстве, тем, значит, это государство сильнее и организованнее. Тем, следовательно, сильнее в стране *уклад жизни*. *Уклад и традиции* важнее законов и указов. «Незаметное государство» — примета культуры народа.

Как можно меньше «заборов», как можно более открытости в общении ученых, артистов, художников, писателей, коммерсантов, медиков! Государственный эгоизм — несчастье для людей.

Еще одно качество народа имеет первостепенное значение в нравственном авторитете народа и так же, как терпимость к другим нациям, воспитывается историей — доброта. Но может ли доброта быть качеством народа, а не просто отдельной личности? Доброта — это дар общения, это социальное чувство и при этом очень заразительное. Почувствовав счастье добродетели, человеку уже трудно покинуть его, и он передает свои навыки доброты другим представителям народа. Доброта заразительна, как может быть заразительно веселье. Доброта связана с традицией. Вспомним в Древней Руси посещение тюрем на Пасху, а в остальное время — обязательная подача милостыни арестантам. Ведь в иных городах Руси даже в XIX в. арестанты целиком жили за счет подаваний. Доброту воспитывала входившая в церковный обычай подача милостыни нищим на паперти. О доброте и «нищелюбии»² писалось и говорилось в церковных поучениях.

Насмешка над добротой («добренький») — зломыслие. Конечно, злости было в русской жизни сверхдостаточно, по преимуществу в годы одичания нации, в годы восторга перед силой и военной мощью. Она кажется удобной для воспитания воинственности, но на самом деле ведет к потере мужества, так как злость — это и эгоизм, в ней не может быть основы для самопожертвования, которого в первую очередь требует мужество.

Много ли народов добрых? Да все, если их не принуждают к обратному власти предрержащие.

Чем выше нация, тем меньше она боится других наций, их «засилия».

Чтобы нация сохранялась, ей необходимо развивать свою культуру.

Сила России всегда была в том, что она всегда гордилась своей многонациональностью. Каким успехом пользовались в XVIII в. статуэтки, изображающие представителей разных народов! Русский маскарадный костюм — это прежде всего костюмы народов России. Русская кухня — блюда различных народов России. Парадное окружение царя — в костюмах и мундирах различных народностей. И глубоко ошибется тот, кто подумает, что это разнообразие в платьях должно выражать силу России и покорность ей других народов. Просто красиво! Красиво же потому, что разнообразно, многоцветно,

богато. И самые знатные господа и дамы стремились позаимствовать какие-нибудь национальные мотивы.

Возмутительно отношение к «национальным меньшинствам» в новых государствах. И это у народов, претендующих на культурность и кичащихся своей культурой, своими традициями! Но я утверждаю с полной ответственностью: они не знают и игнорируют собственную историю, если не осознают, сколь много они получили от своих соседей, без которых просто не могли бы существовать и развиваться, создавать свою культуру.

Подобно тому, как Римская империя подготовила распространение единой христианской культуры многих народов на всей территории Европы, Россия в меньшем масштабе объединила культуры многих народов на Востоке Европы. При этом Российское государство всегда само было многонациональным по составу своих государственных деятелей, и русское население подавлялось в нем не менее жестоко, чем польское, латышское, узбекское, еврейское.

И при всем том у нас общие святыни и общие культурные завоевания. Ни украинская, ни русская, ни грузинская, армянская, татарская культуры не могут быть ограничены своими государственными границами. И то, что называется «советской властью», не является только русским явлением. В терроре принимали участие все народы; все народы были в той или иной степени в числе угнетателей и угнетенных, были палачами и их жертвами. К этому необходимо только приглядеться. Теперь, когда Россия становится в национальном отношении более однородной (хотя полностью она однородной никогда не будет, и это к счастью), следует подумать о том, чтобы дать возможность развиться лучшим чертам остающихся десятков российских народностей, используя в полную мощь общечеловеческую направленность в первую очередь русского народа.

Делить территорию России так, как ее делят сейчас вновь организовавшиеся «независимые государства», можно только выключив память: культурную память, историческую память, да и память родины — независимо от того, как оценивать эту родину. Может быть, она была для многих мачехой, а не матерью, но она все же была.

Лежат русские кости на Кавказе, лежат на Балканах и на Карпатах, на Алеутских островах и во многих местах Америки до Калифорнии. Почему они там лежат и кто погнал русских на восток, юг, запад и север — это другой вопрос, но те, чьи кости белеют по всему полушарию, думали, что они совершают для России благое дело. Да и совершили же: освободили румын, болгар и сербов от турецкого ига, дали финнам и прибалтам говорить на своем языке и даже писали грамматики.

Русские востоковеды изучали языки угро-финнские, тюркские, иранские, монгольские, китайские, японский, арабский, индийские. Занимали ведущее место в изучении Византии, переводили Коран и Талмуд. Да мало ли забытых заслуг у Императорской Академии наук.

Память о России сохраняют дороги, по которым ехали и шли на поклонение в Соловки и в Киево-Печерскую лавру, на Валаам и в Новый Афон на Кавказе, а на Урал и в Сибирь по торговым и промышленным делам — му-

жественные землепроходцы. Сохраняют память моря, по которым плыли простые люди в Святую Землю и на Алеутские острова.

Мало ли исхоженных троп и тропинок на всех просторах России и не встречались ли на них сотни (да, сотни) народов?

Не отразилась ли русская народная песня в изумительном пении цыган, которыми увлекались Державин, Аполлон Григорьев, Лев Толстой, Блок...

Отразилась русская культура в культуре человечества и на другом уровне. Так или иначе, в большей мере или в меньшей степени система Станиславского учитывается во всем мире. От русского балета, который сам берет свое начало в балете французском и итальянском, ведут сейчас свое происхождение балетные школы всего мира. А русская музыка и исполнительское искусство?

Из запасников музеев Москвы и Петербурга, из их госфондов, систематически пополнялись музеи в Киеве и Минске, Средней Азии и Армении, и не только произведениями «иностранных» мастеров, но в большей степени русскими.

Разве все это забывается? И можно ли вычеркнуть значение России, русского искусства, русской науки в культурах Армении, Грузии, Азербайджана, Молдавии, Прибалтики?

А Черноморский флот? Он с честью побеждал на Черном море и на Эгейском. Его победы что-то значили для южного и восточного славянства в целом. Иначе еще долго продлилась бы турецкая власть на Балканах... Русской кровью политы не только бастионы Севастополя, но и поля Восточной Пруссии, укрепления Порт-Артура.

Еще и еще раз скажут: от России было много плохого. Но ведь было и хорошее. Была история и было прошлое, в котором всегда смешивается то и другое. А без прошлого нет современности и прошлое играет огромную роль в становлении культуры настоящего.

И как жаль всего того, что было и исчезло во имя ложных идей «интернационального долга». Сколько берез вырублено, сколько церквей и усадеб разграблено и разрушено, сколько богатств ушло и в неизвестности украшает чужие дома и чужие музеи. А ведь какими родными были они и для крестьян, и для монахов, и для купцов, и для тех самых помещиков, которые ведь не все же были «угнетателями» и «эксплуататорами».

Конечно, сколько мучений было у простых русских людей от своих же русских господ. Ради чего? Но ведь худшие мучения были от равных или даже низших себе по культуре. Такова была жизнь, такой она и остается, верша великую судьбу великой культуры.

Испорченные реки, затопленные лучшие пахотные земли, чтобы дать воду братьям на юге. Исчерпаны месторождения ценных руд и всяческих ископаемых не только для русских. При Сталине, как утверждают, государственный бюджет строился с убытком для русских областей, чтобы субсидировать окраины. Но взгляните на русские города и сравните их сейчас с городами наших независимых от нас республик. Стоило бы пожить в старой русской деревне, чтобы убедиться в трудолюбии русского народа, в его умении создавать свой быт и считаться с окружающими людьми и, главное, с соседними народами.

Андрей Рублев. Троица. Ок.1411. Москва, Третьяковская галерея

Нищая Россия с ее «ветровыми просторами» — там, где могло бы жить богатое и крепкое устойчивым бытом население.

И те, что ненавидят русских, пусть вспомнят (если они только мало-мальски образованные) о Достоевском, Мусоргском, Скрябине, Рахманинове, Чехове — и всех тех, кто составляет истинную славу России. Неужели не ясно, что не всякий великий народ может противопоставить этим именам не менее сильную рать имен. Впрочем, ценности культуры несоизмеримы, и культура каждого народа бесценна. И идеалы у каждого народа свои, собственные, индивидуальные, почему и нельзя их сравнивать «по росту» — чья культура выше, а чья ниже. И все-таки...

Мне жаль не только солдат Суворова и Кутузова, — мне жаль почему-то наших литературных героев. Жаль Татьяну Ларину, жаль Савельича, жаль Наташу Ростову и Пьера Безухова, жаль князя Мышкина... Неужели о них будут помнить, вырывая их из их среды, из России, или не признавать и не понимать Волошина³ потому, что он всему предпочел Крым? Нет, не будет забыта Россия в старых ее границах, пока существует и читается русская классическая литература, пока существует русская музыка с кавказскими, крымскими, украинскими мотивами, русское изобразительное искусство. Нет, не избавится «независимым государствам» от России, как и нам, русским, от них.

И не о политических границах хлопочу я, но о духовных. Не выселить нам Волошина из Крыма, не запретить Пушкину путешествовать по Закавказью, как и не выселить Мицкевича из Литвы, Вильно (Вильнюса) и Ковно (Каунаса).

И над всем этим стоит задуматься тем, кто стремится «отряхнуть прах с ног». Стоит ли устанавливать пограничные посты там, где самое ценное, ради чего мы живем, не знает границ — культура каждого народа и человечества в целом. Ну, пусть будут административные деления, но зачем же государственные границы с раскрашенными в разные цвета пограничными столбами?

Каким путем должно идти развитие городов и сел России? Планы развития Петербурга и Москвы не удалась, и я думаю, не случайно. Рост Петербурга и Москвы гибелен для этих городов. Необходимо прекратить гибель лесных массивов и парков, окружающих еще наши города-гиганты. Но как быть с вполне законным стремлением людей жить «поближе к культуре» — к театрам, музеям, библиотекам? Есть один верный способ не только сохранить наши города в их историческом облике, но и дать доступ к ним всем живущим в России: это скоростные дороги. Если направить все новое строительство из Москвы в сторону Петербурга, а из Петербурга в сторону Москвы и сделать это одновременно со строительством скоростных магистралей — благо это позволяет рельеф нашей страны. Мы можем получить в будущем ожерелье городов и сел, жители которых смогут ощущать себя петербуржцами и москвичами, посещать лучшие наши музеи и театры, участвовать в работе научных учреждений и вместе с тем не отрываться от природы, благо она между Москвой и Петербургом не совсем еще разрушена. Я представляю себе эту культурную магистраль между нашими двумя крупнейшими городами не как «мегалинеарный» город, вытянувшийся в струнку, а как своеобразное ожерелье, в которое будут включены во всем их художественном и историческом своеобразии Тверь, Клин, Вышний Волочек, Осташков, а может быть, и Новгород.

Таких городов, связанных между собой наподобие ожерелий скоростными линиями, может быть много, и если мы примем этот принцип, то можем в будущем изменить географию наших городов.

Мы должны предусмотреть грядущее переселение к нам наших сограждан, и не только русских. Это совершенно ясно, и не готовиться к этому было бы легкомысленно. Мы должны предложить им хлеб, кров и культуру — повсеместно. Как это сделать? Небольшие города и села — вот наша первая забота. Области и областная культура! Но, чтобы города наши и села не превращались в стой-

ла и казармы. И в связи с тем, что я сказал перед этим о культуре: нам надо заботиться о культуре великой русской провинции — той, что рождала и воспитывала наших гениев. Не будем считать это слово «провинция» обидным: провинции России всегда давали свежие силы для культуры.

В чем должна выразиться забота о культуре провинции? Прежде всего в развитии через преподавание в школе и местную прессу интереса к своим родным местам, в расширении краеведческих обществ, в развитии библиотек, которые должны становиться небольшими центрами культуры и приохотить молодежь к чтению, ибо чтение имеет первостепенное значение в воспитании интеллигентной личности.

И еще, о чем следует помнить — это о земледелии как о явлении культуры. Русская культура всегда была культурой, тесно связанной с земледелием — и в крестьянстве, и в дворянстве. Владельцы усадеб не были «дачниками» в своих усадьбах, а знания оседло живущего крестьянина, хозяина своего наследственного участка, — о почве, растениях, погоде и т.д. — поистине бывали огромны, как это доказывали замечательные работы М.М.Громько и ее учеников.

Земледельческие, скотоводческие, охотоведческие и рыболовецкие знания были главными воспитателями всех народов России, давая им не только практические, но и нравственные навыки. Об этом — особый разговор.

Загадывая на века вперед (а это надо делать сейчас уже), следует задуматься над предложением акад. Н.И.Вавилова, сделанным им в 1931 г., об изменении географии земледелия: «Одним из основных государственных мероприятий ближайшего будущего в борьбе с засухой, столь частой в наших степных районах, является коренное изменение географии земледелия, продвижение его в более северные достаточно увлажненные зоны. Осеврение земледелия становится одной из первоочередных народнохозяйственных задач». Необходимость в «осеврении» земледелия диктуется сейчас жизнью. Я не стану пересказывать идей Н.И.Вавилова. Надо обратиться к его работам и к специалистам, таким, например, как лауреат Государственной премии проф. А.А.Ливеровский.

Вообще — это только призыв подумать о будущем. Нельзя безразлично относиться к своему будущему. Приглашая подумать о том, на чем должен базироваться авторитет России, как она должна жить в новой сложившейся ситуации, я вовсе не хочу, чтобы мы вновь пошли путем чиновничьих планов и «пятилеток». Мы просто должны иметь направление в жизни, исходить из нашего многовекового опыта, гордиться им и пытаться двигаться в подсказываемом нам разумом направлении. Наше положение совсем не такое плохое. Давайте оглядимся.

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Экология как наука. Экология, если судить по названию, — это наука. Между тем способ употребления этого названия совсем иной; говорят: «в данном районе хорошая или плохая экология», «экологическая катастрофа», «экологическая обстановка» и пр. Экологи похожи по характеру своей деятельности на пожарных: они призываются, чтобы спасать, выгнать, устанавливать и т.д.

На самом деле экология должна быть наукой не только по названию. Ей следует изучать обстановку до того, как она стала плохой или осталась благополучной.

В чем состоят задачи экологии как науки? Экология изучает мир как целое. Цель такого изучения — возможность помощи миру, его «лечения» и выяснения безопасности вносимых человеком изменений в мир.

Я говорю «мир», ибо речь может идти и о природе, и о человеке. Понятие цельности и целесообразности мира воплощено в слове — «*oikos*» (греч.) дом. Домом может служить как природа — живая и «мертвая», так и та часть мира, которой человек окружает себя. Понятие последнего требует пояснений. Человек строит свой дом — культуру. Сюда входят привычки, обыкновения, занятия, все им создаваемое вокруг себя — в чем он живет и что следует называть культурой в широком смысле этого слова, включая науку, технику, религию и пр. Легко нарушена может быть природа как органическое целое и культура как органическое целое.

Казалось бы, предмет изучения в том и другом случае, т.е. в изучении цельности природы, природных связей всего со всем, связей во всем, что создано человеком, чем человек сам по своему желанию окружил себя (окружил себя по результатам своей деятельности), бесконечен и заранее предполагает бесконечность своего изучения.

Однако экология вместе с тем основывается на определенных представлениях о природе.

Мир создан как целое с многообразными внутренними связями, которые нельзя нарушать. Все биологические, физические, космологические связи, весь план мира существуют для того, чтобы мир мог существовать в своих связях, сохраняя в себе существование человека.

Тем не менее в мире не все совершенно (абсолютно) благополучно и идеально. Неблагополучно многое и в самом человеке.

*Тихон Филатьев. Иоанн Предтеча в пустыне. 1689.
Фрагмент иконы из церкви Козьмы и Дамиана в Кадашах в Москве*

Следовательно, цели экологии как науки, основанной на определенной философии, состоят в том, чтобы внести очень ограниченные поправки в различные частные редкие случаи, когда природа «ошиблась».

С этим связано не только сохранение Вселенной как органического целого, но и профилактическая помощь природе со стороны человека как единственного существа в природе, которое может говорить и защищать права природы на достойное существование: права растений, животных, рыб, даже ландшафтов с горами, лесами и всей красотой, которая тоже нуждается в защите.

Итак, главная моя мысль состоит в том, что экология есть наука (а не практическая деятельность только), основанная на определенных представлениях о мире как органическом целом. В свое время В.И.Вернадский предложил понятие «ноосфера», имея в виду, что сфера человеческого влияния есть сфера влияния разума (от греч. «noos» — разум). История, однако, демонстрирует в большей степени неразумное и разрушительное влияние человека, чем разумное. Поэтому я предложил более скромный термин — «гомосфера» — сфера влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности — как разумной, так и неразумной. Примеры неразумной деятельности по истреблению природы, природных запасов и культурных ценностей не стоит перечислять. Можно даже сказать, что эта деятельность все увеличивается, и если не будут приняты разумные меры, то миру грозит полное уничтожение. Исходя из всего этого, я в свое время предложил осторожный термин для защиты человеческой культуры — экология культуры¹, встретивший первоначально некоторые возражения, но впоследствии принятый и распространившийся широко в мировой научной и публицистической прессе.

Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа — дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления — материально воплощенные и воплощенные в виде идей и различного рода духовных ценностей.

Культурная экология — это и произведения архитектуры, различных искусств, литературы в том числе, это и язык, это и все культурное наследие человечества. Выбросите что-либо из сферы экологии культуры — и человек лишится части своего «дома». Поэтому заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре. Культура может быть более высокой и менее высокой, культура может быть более удобной для жизни и менее удобной. То и другое не совпадает, хотя и соприкасается. Но соприкасаются между собой и экология природы и экология культуры, ибо человек не противостоит природе, а составляет собой часть природы. Поэтому экология культуры вместе с экологией природы составляют собой единое целое, лишь условно различаемое в целях удобства изучения.

Органическое, очень сложное единство свойственно не только природе, но и человеческой культуре в целом. Единство часто нарушается и в природе, и в культуре, однако как некая идеальная форма существования природы человека оно есть, и от человека зависит установить единство еще и обоих целых — природного и человеческого.

Но сперва о единстве культуры. В отличие от целостности природы целостность культуры изучается в различного рода историях культуры. Давно установлено, что отдельные культуры, взаимодейляя и соотносясь не только в географическом пространстве, но и в историческом времени, стремятся к некоему, не всегда достигаемому единству. Прогресс в разного рода средствах сообщения увеличивает возможности объединения культур (не всегда, впрочем, без значительных потерь), от которых так или иначе спасают музеи, библиотеки, архивы, да просто бережное отношение к памятникам, свойственное уважающим свое прошлое нациям и людям образованным.

Необходимо, впрочем, сказать, что так называемые истории культуры, изучающие культуру одного народа, одного континента или целого человечества, упускают многие связи, которые выходят за рамки наших узких современных представлений о культуре. Особенно это следует сказать о явлениях общечеловеческого характера, вообще всего того, что выходит за рамки одной национальности или группы национальностей.

Изучая экологию культуры, необходимо обратить внимание, что экологические катастрофы захватывают собой чрезвычайно широкие сферы культуры. Некоторые примеры: вывоз культурных ценностей и выведение их из сферы, доступной для той или иной группы людей (простейшие примеры: высокая плата за вход в музеи, библиотеки и пр.). К экологическим бедствиям, происходящим в наше время, следует отнести обеднение лексики русского языка, замену русских слов однозначными иностранного происхождения, исчезновение склонения сложных числительных, экспансию предлога «о» («намерение о...», «идея о...», «рассмотрение о...» и т.п.). Исчезновение поговорок и пословиц в устной речи одних и отдельных выражений из басен Крылова или «Горя от ума» Грибоедова у других. Зоной экологического бедствия может оказаться кино, классический репертуар театров, частично музыка и т.д. и т.п.

Изучению экологии культуры подлежат взаимоотношения между отдельными областями культуры, например, между искусством и наукой — зависимости их друг от друга, равномерности их развития в обществе. В пределах науки изучению подлежат взаимоотношения гуманитарных наук и «естественных», «точных» (к которым принадлежат и некоторые гуманитарные — например, лингвистика) и «неточных» (к которым частично принадлежат и «естественные», вроде географии). Особый интерес имеет изучение органического единства в пределах человеческого поведения: падение сексуальной стыдливости и стыдливости отправлениями человеческого тела; уменьшение общей стыдливости и снижение интереса к личной репутации в человеческом обществе, в результате чего исчезает чувство чести, честность, наступает хаос в науке, в экономической области и т.д. и т.п.

Нет необходимости говорить о том, в какой мере «экология культуры», изучающая органическое единство и равновесие всех сторон человеческой культуры, представляет интерес для нормального развития человеческого общества, для создания определенной системы воспитания, правильного распределения средних и высших учебных заведений в стране и более или менее продуманного распределения разных образовательных дисциплин и дисциплин специальных.

Экология культуры — это не просто «забота о сохранении памятников культуры», как это в большинстве случаев сейчас воспринимается, — это слож-

нейшая и ответственнейшая дисциплина, призванная играть первенствующую роль в культурной политике государства и в понимании взаимосвязанности всех частей культуры и возможных срывов в этой области.

Экология — проблема нравственная

Казалось бы, связь между экологией и нравственностью понятна сама собой. Это так, но в то же время она требует раскрытия.

Человек остается один в лесу, в поле. Он может натворить бед, и единственное, что сдерживает его (если сдерживает!) — его нравственное сознание, чувство ответственности, совесть.

Но и человечество в целом, в нынешнем его осознании, также существует «наедине с природой». Не означает ли это, что только от нравственности человечества зависит отношение человечества к окружающему его миру, к природе в частности? Но ведь совесть одного человека — нечто реальное при всей ее неопределенности, но совесть всего человечества как единого целого — это абстракция.

Дело, следовательно, не так просто.

В XX столетии роль этики, самые этические принципы усложнились чрезвычайно. Сейчас вообще требуется не просто чувство моральной ответственности, но крайне необходима научно-прикладная разработка проблем этики в различных областях.

Например, требует внимательного изучения, определения и выводов в виде точно сформулированных правил научная этика. Не только этика взаимоотношений между учеными, между руководителями и учениками, но и этика отношения к предшественникам, нравственное понимание того, что такое «предшественник» в той или иной научной деятельности, в том или ином научном открытии. Например, в очень сложном вопросе об авторстве научной идеи, научного подхода. Требуют своего этического рассмотрения цели и способы ряда научных экспериментов: например, в области «тенной инженерии» (вспоминается печально знаменитый термин «инженеры человеческих душ»). Допустимо ли создание удобрений, вредно отражающихся на природе и на человеке — потребителе?

Без высокой нравственности и культуры не может существовать современное общество, подчеркиваю, — современное особенно. Ибо благодаря существованию сложнейшей техники и ответственнейшей науки наш мир стал более подвержен возможному воздействию со стороны человека.

Во все времена, в любом обществе без культуры и нравственности не могут действовать законы экономики, юриспруденции, законы исторические (ведь любое появление тиранов тормозит развитие общества, хотя может показаться, что «добрая тирания» может загнать общество в счастливое будущее). Нравственность — это то, что превращает «население» в упорядоченное общество, смиряет национальную вражду, заставляет «большие» нации учитывать и уважать интересы «малых» (а вернее, малочисленных). Нравственность в стране — самое могучее объединяющее начало. Необходима наука о нравственности современного человека!

Невозможно помыслить нормальное общество без сострадания, жалости, милосердия, доброты, благотворительности, без ответственного отношения к детям, старикам, больным, в чем-то ущербным, просто бедным. Общество не может существовать без бескорыстия состоятельных, ученых, художников...

Чем движется доброта и бескорыстие? Желанием прославиться? Но тогда уже нет или очень мало бескорыстия, ибо слава — это тоже корысть...

Я думаю, что мы плохо представляем себе, что такое доброта. Мы думаем, что доброта только дает, но доброта и получает! Когда человек совершает акт милосердия, он становится счастливее сам, становится духовно богаче. Это и есть «духовная отдача» доброты, «духовная корысть». А кроме того, добрый поступок служит умиротворению общества, семьи. Товарищество сменяет собою просто коллектив. Появляется товарищество (рабочих, служащих) вместо «кадров предприятия».

Можно много распространяться на эту тему, жаль, что над ней мало думают.

Я хочу вернуться к тому, с чего начал: нравственность нужна особенно в современном обществе. Почему? А ведь мы не замечаем, что живем в последние десятилетия в совершенно особом мире. Мы с вами сейчас инопланетяне, и не заметили, как ими стали! Изменились не мы, изменилась планета, на которой мы живем: стала маленькой, перенаселенной и чрезвычайно зависимой от нас.

В самом деле, мир науки невероятно усложнился по сравнению с тем, каким он был десятки лет назад. От каждого ученого требуется нравственность в «тысячи вольт напряжения». Стоит совершить ошибку в опыте, который стоит иногда сотни тысяч и миллионы рублей, и скрыть эту ошибку, подтасовать факты, нарушить товарищество ученых, как «полетят» выводы целой отрасли науки или затормозятся надолго. Мы знаем это на примерах Лысенко, Марра, Вышинского. Вспомните войну против кибернетики, генетики, космополитизма, формализма... В науке сейчас нужны не только честь, честность вместо честолюбия, лести, подхалимства, но и осторожность, скромность: полное осознание масштабов себя и всего своего.

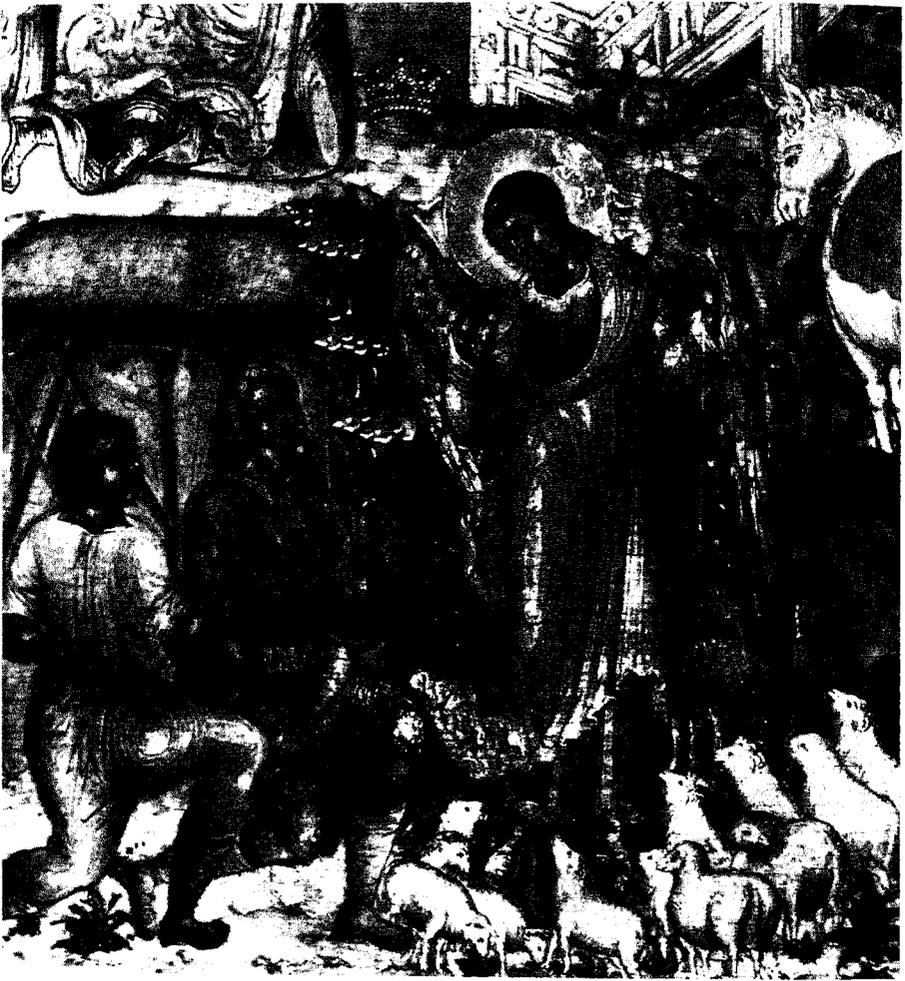
А в промышленности? Все большее значение приобретает качество, а не количество: будет ли это качество бетона, металла, готовых изделий всех «кругов жизни», которые легко из кругов мечтаемого рая могут стать кругами ада.

А в истории? В медицине? В армии? Сколько нравственных проблем решает сейчас водитель транспорта, строитель плотины, нефтепровода, АЭС...

Совсем особая область — дипломатия государств, нравственная ответственность «высоких договаривающихся сторон» и отдельных дипломатов.

В последнее время со всей остротой проявилась нравственная сторона национальных взаимоотношений, отношений к культуре и культурным памятникам других народов, в том числе и исчезнувших на данной территории. Важнейшая область «усложнившейся этики» — работа чиновников, правдивость их информации, недопустимость так называемого «административного вранья», то есть лжи, с помощью которой начальники отделяются от обращающихся к ним за помощью, продвигают свои планы, проекты, финансирование своих замыслов и т.д., и т.д.

Наибольшей сложностью, ответственностью и драматизмом отличаются отношения человека к природе в силу «немоты» последней. И опять-таки не все здесь так просто, как кажется. Мало того, разработка проблемы нравственного отношения к живой и «мертвой» природе даже не начиналась. Здесь необходима ясная и всеми признаваемая философия экологии, исходя из которой будет строиться и этика экологии.

*Рождество Христово. Ок. 1680.
Фрагмент иконы из церкви Ильи Пророка в Ярославле*

Мы говорим «человек и природа», «отношение человека к природе», то есть мы разделяем человека и природу. С моей точки зрения, это глубоко ошибочно. Человек не противостоит природе: он сам — неотделимая часть природы. Но если «часть», то какая? Здесь мы сталкиваемся с проблемами чисто мировоззренческого порядка и необходимостью признания того положения, что мир, за исключением какой-то неясной части, основан на разумных основаниях. То есть мы должны признать разумное начало в мире. Наука в различных дисциплинах все ближе подходит к этому признанию.

Мир представляет собой органическое целое. Одна из важнейших философских книг золотого века русской культуры конца XIX — начала XX века философа Н.О.Лосского так и называлась «Мир как органическое целое» (1916). Сейчас, чтобы основать философию экологии, а на ней — этику экологии, мировоззренческая сторона этой книги при всех ее достоинствах, к сожалению, уже недостаточна. Необходимо привлечение более широких, а главное, современных данных, чтобы сделать наглядной взаимосвязь всего существующего в мире.

*Недреманное око. Середина XVII в.
Фреска в главном алтаре церкви Троицы в Никитниках в Москве*

Прежде всего необходимо, как мне представляется, обратить внимание на следующее: при миллионах разновидностей живых существ — зверей, птиц, насекомых, растений — человек единственное существо, обладающее речью и разумом. Это призывает человека к тому, что он должен говорить и отвечать за все живое в мире, за все существа, за растительный мир, даже за так называемый «мертвый», в отношении которого мы не можем быть до конца уверенными, что он «мертвый».

Человек не только нравственно отвечает за всех живых и за все мертвое, лишённое осмысленной, «умной» речи (не только эмоциональных возгласов), но и морально обязан за них говорить, защищать их права, их интересы.

Человек — носитель самосознания Вселенной.

Я давно уже говорю о том, что наш «дом», в котором живет человечество, состоит не только из природного комплекса (в который входит и человек как часть природы), но и из комплекса культуры.

Мы живем в среде исторических памятников, произведений искусств, результатов научных исследований, технических достижений и т.д. Поэтому экология, с моей точки зрения, состоит из двух частей: части охранения природы и части охранения культуры. Последняя тем более важна, что она касается самой сущности человека. Человек есть часть природы, но он есть и часть созданной тысячелетиями культуры.

Погибнуть человечество и природа в целом могут не только биологически вместе с уничтожением всего живого, но и духовно, вследствие гибели культуры. И тут и там может действовать право неразумного сильного, которое создает опаснейшую ситуацию.

Такое сочетание бездуховного человечества и бескультурной природы вполне возможно с помощью бездуховной «техники переустройства». Больше того, мы уже идем по этому пути, не замечая этого.

Человек — часть природы, и отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы «самосознание вселенной», лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание... Таковую обезглавленную природу не будет смысла сохранять.

Объединение под одним названием «экология» двух ее частей — экологии природы (с человеком) и экологии культуры (тоже с человеком) тем более разумно, что очень часто природа и культура страдают от общих причин. Приведу элементарный пример. Кислые дожди в Петербурге разрушают одновременно в Летнем саду и мраморные статуи XVII—XVIII веков, и окружающие деревья. В результате одно следствие: может погибнуть и фактически уже медленно погибает в Петербурге Летний сад.

И отношение к природе, и отношение к культуре требуют общих правил нравственности, общего осознания человеком себя как части природы и части культуры.

В истории существуют три этапа подхода к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, — насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, — разумного изъятия, изъятия с «оглядкой», но также насильственного, и третий этап — может быть, отдаленного будущего, — полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного.

Эти три этапа были очень кратко, но достаточно четко намечены в большом труде Владимира Соловьева «Оправдание добра». Им посвящена там всего страничка. Позволю себе привести полностью это место из труда Соловьева. Его положения не совпадают с тем, что пишу я, только в начальной части, зато очень важна заключительная часть.

«...Два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными. Первое, общее условие, состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себе доверяющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены мате-

*Илья Пророк с житием. Вторая половина XVII в.
Фрагмент иконы из церкви Ильи Пророка в Ярославле*

риальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия: жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей. К этим двум присоединяется необходимо еще третье условие, на которое, насколько мне известно, еще

никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанность человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: *возделывать* землю, т.е. служить земле (выделено мною — Д.Л.). Возделывать землю не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия. И так, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь страдательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая цель нашей деятельности, но она входит как особый самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправной: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. *Способы* (выделено здесь и дальше В.С.Соловьевым) не могут быть здесь указаны, они составляют задачу *искусства* (в широком смысле греческой *techné*). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. *Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни*².

Далее В.С.Соловьев еще раз подчеркивает необходимость того, чтобы «человек пользовался своим превосходством над природой не для своего только, но и для ее собственного возвышения».

Признавая, что мир составляет органическое единство, нельзя утверждать, что это единство настолько совершенно, что его нельзя улучшать. И в этом отношении, с моей точки зрения, на помощь человеку должна прийти не только любовь к земле как таковой, но и наука — настоящая наука, а не наукообразия и наукообразные решения на основе подогнанных умозаключений и фактов «под ответ». И так:

Отношение к Земле, к Почве — то, которое существовало у потомственных крестьян и которое было основой не только их благополучия, но и их праздничных радостей.

Отношение к деревьям, эксплуатация которых (продуманная рубка лесов) должна обязательно сопровождаться не только «восполняющими» посадками, но и значительно расширяющими лесные массивы с учетом красоты восстанавливаемых и создаваемых вновь пейзажей.

Отношение к рекам, озерам, к источникам, к воде вообще, при котором учитываются интересы и всего живого, обитающего в них, а также красота природы.

Отношение к памятникам культуры (историческим, архитектурным, музейным, библиотечным, архивным и т.д.) как к величайшей ценности, оправдывающей существование мира, вселенной. Отношение к собственному дому...

И так далее.

Все это должно строиться на нравственной основе, на основе определенной философии экологии, научного изучения целостности мироздания, мира как органического и разумного целого.

Перед нами опыт древних культур, среди них и древнерусской. Она вся была пронизана нравственным началом. Человек ощущал себя частью мира. В красном — восточном углу избы крестьянин вешал иконы — навстречу солнцу. Изба была и храмом. Церковная служба напоминала человеку об истории в ее тогдашнем понимании. Его жизнь обладала высшим смыслом. Отношение к земле-кормилице было религиозным: крестьянин исповедовался земле. «Мать сыра земля!» Она была для человека святыней. Он почитал колодузы и родники. На берегах рек происходили сговоры жениха и невесты. Реке доверяли старые иконы: пускали их плыть вниз по течению. Существовали чтимые роши и деревья. Служба на Троицу была службой всему живому: церковь украшали березками, пол устилали травой.

Литература была посвящена исключительно вопросам морали и мировоззрения. Любимой книгой был Шестоднев, в котором воспевалась разумность всего происходящего в природе. Природа в Шестодневе описывалась как органическое целое. Это гимн разумности мироустройства.

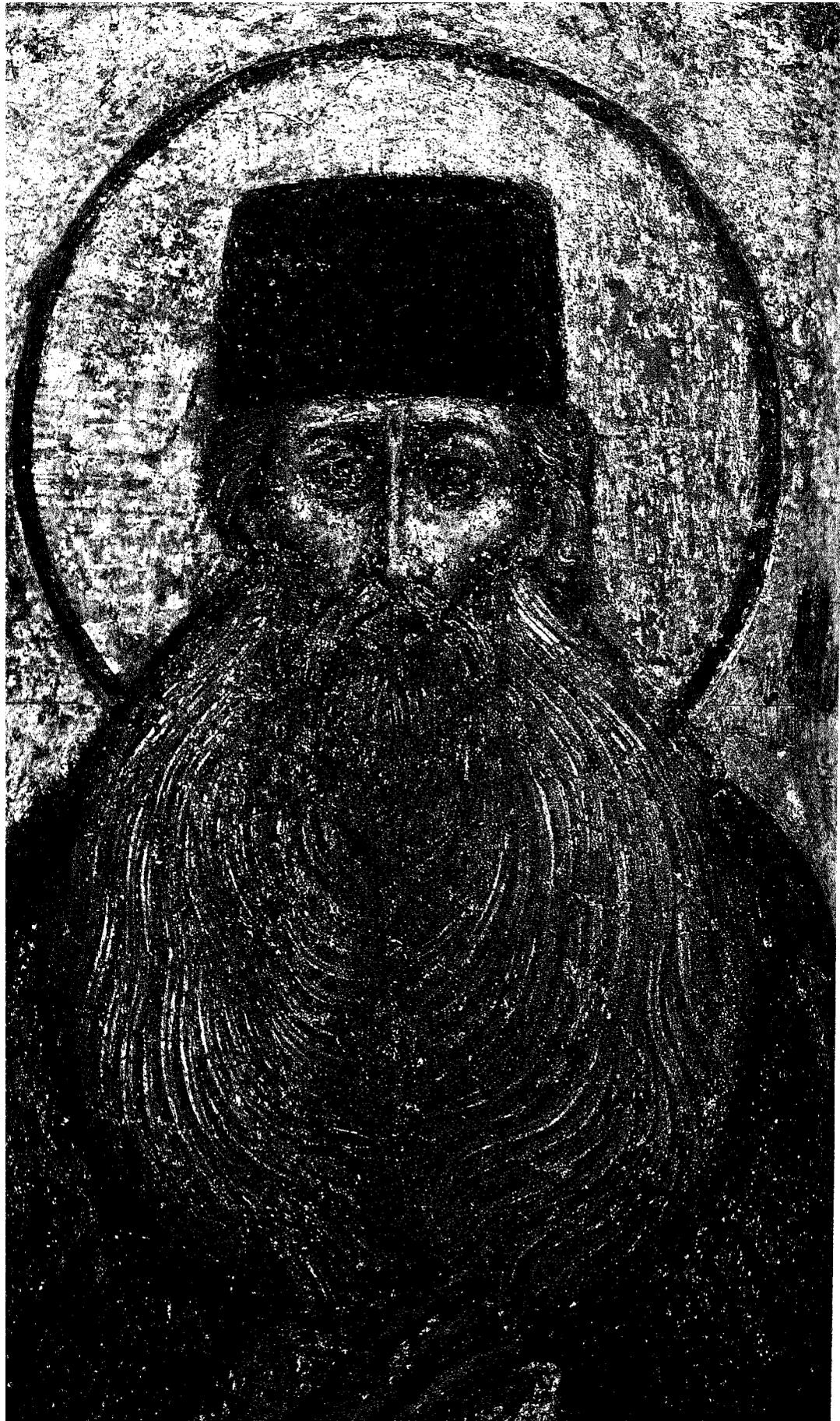
Конечная цель человеческой деятельности — преобразование мира. Преобразование это следует понимать не в смысле изменения его лица — внешней переделки мира, а в смысле выявления в мире всего заложенного в нем разумного начала и освобождения этого разумного начала от мешающего ему зла, противоречащего этому разумному началу, его самовыявлению.

Разумное начало камня — быть строительным материалом для прекрасных архитектурных творений. Разумное начало земли — в растительности, на ней произрастающей. Разумное начало растительности — служить для превращения Земли в один цветущий сад, прообразом которого служил рай. И так далее.

Прообраз этой деятельности человека — художественное творчество. Само слово «техника» не случайно происходит от греческого слова, означающего искусство. Мир в результате деятельности техники-искусства или искусство-техники должен стать полностью совершенным и совершенно полным с сохранением всего лучшего, что в нем было, то есть всего того, что входит в «кристалл единства».

Таков должен быть идеал человеческой деятельности и такова конечная большая (настоящая) цель техники.

Человечество не может жить сиюминутными заботами, без ясной цели впереди.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель.

История русской интеллигенции есть история русской мысли. Но не всякой мысли. Интеллигенция есть еще и категория нравственная. Вряд ли кто включит в историю русской интеллигенции Победоносцева, Константина Леонтьева. Но в историю русской мысли хотя бы Леонтьева включать надо.

Русской интеллигенции свойственны и определенные убеждения. И прежде всего: она никогда не была националистической и не имела ощущения своего превосходства над «простым народом», над «населением» (в его современном оттенке значения).

Слово «интеллигенция» в других языках определяется как «заимствованное из русского».

Я бы определил понятие «интеллигенция» как интеллектуально независимую часть общества. Это не просто образованные люди или люди, работающие в умственной сфере, в сфере интеллектуального труда. Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, вероисповедных, коммерческих, даже просто карьерных.

Если, однако, по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласных с его мнением, то эта «добровольная продажа себя в рабство» лишает его возможности причислять себя к интеллигентам. Так же как перестает быть врачом человек, лечащий вопреки полученным им медицинским знаниям.

В равной степени интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден следовать слепо догмам какого-либо учения. Даже если, создав свое мировоззрение или взгляды, интеллигент отказывается от их пересмотра из упрямства.

Вместе с тем человек, не уважающий интеллектуальную свободу других, преследующий других за убеждения, не может считаться интеллигентом, ибо интеллектуальная свобода предполагает уважение к этой свободе, где бы и в чем бы она ни проявлялась.

Здесь вступает в силу моральный фактор. Интеллектуальная свобода в известной мере всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила, которая не только не лишает человека свободы, но гаранти-

Максим Грек. 1697.

Фрагмент росписи Покровского придела церкви Ильи Пророка в Ярославле

рует эту свободу. Человек, подчиняющийся совести, не подчиняется ничему больше, и подчиняться совести он может только абсолютно свободно. В этом единственное в своем роде свойство совести.

Конечно же, интеллигенция, интеллигентные люди, а не просто люди умственного труда (без них в известной пропорции не может существовать ни одна страна) есть повсюду. Но для России интеллигенция особенно характерна. Это произошло не потому, что Россия особенная страна, а русские какой-то особенный народ, а в силу стечения исторических обстоятельств.

В России благодаря слабости (или, как теперь принято говорить, «прозрачности») границ между сословиями и относительной легкости перехода из одного общественного состояния в другое создались особые условия для образования лиц, по существу не примыкающих ни к одной группе общества, а потому свободных от социальной идеологии. В необразованных слоях общества это приводило к образованию групп бродячих людей: «босяков», казаков, различного типа «беглых», удалившихся на окраины государства и т.д. Когда же эти избежавшие сословных ограничений люди были еще свободны благодаря хорошему образованию, знанию иностранных языков, высокому воспитанию — из них образовывались интеллигенты.

Интеллигенты при всех режимах оказывались своего рода «внутренней эмиграцией».

Первое массовое выступление интеллигентов было декабристское восстание. Среди декабристов преобладали люди, свободно шедшие против своих сословных интересов. Характерно, однако, что именно интеллектуальная свобода воспрепятствовала декабристам одержать победу: они не смогли объединиться в единую и сплоченную партию, иметь единую программу. Интеллигентские движения редко одерживали верх, и жалеть об этом не приходится. В этом организационная слабость, но духовная, нравственная сила интеллигенции — людей интеллектуальной свободы, предназначенность которых творить, а не подминать под себя остальных...

Однако интеллигенция была постоянной мишенью для нападок государства. И первое, что делало государство, укрепляя свою власть, это стремилось уничтожить интеллигенцию и все, что способствовало ее образованию.

С самого момента своего прихода к власти большевики арестовывали, ссылали и выслали из страны интеллигентов, закрывали кружки, общества, даже места встреч интеллигенции, казалось бы, совсем невинные (рестораны, кафе, ученые общества), правительство большевиков не допускало вольнослушателей в университеты, закрывало газеты и журналы, в которых обсуждались общемировоззренческие вопросы, стремилось дискредитировать интеллигенцию в глазах народа, лживо объединяло интеллигенцию с буржуазией и дворянством, стремилось дискредитировать ее нравственно, устраивая ложные судебные процессы, уничтожало изучение иностранных языков и препятствовало поездкам ученых, писателей и художников за границу (или, напротив, высладало, но навсегда).

«Тайная свобода» интеллигенции больше всего тревожила всегда государство, особенно государство тиранического и идеологизированного типа.

Два основных качества определяют интеллигентность интеллигента: европейская (именно европейская) образованность и интеллектуальная свобода.

Почему, спросите вы, «европейская» и разве не всякая образованность может определить принадлежность человека к интеллигенции? Конечно, вся-

кая... Но у европейской культуры есть одна особая черта: она опирается на знание других культур — одновременных ей и ранее существовавших. Она основана прежде всего на прочном усвоении древних культур Ближнего Востока, Египта и средиземноморской Античности. Именно эти три культуры легли в основу христианства. Христианство объявило религию внациональной, наднациональной. «Несть элина и иудея»¹. Отсюда — терпимость европейской культуры к другим культурам и способность к их творческому усвоению. Университеты Европы — это прежде всего огромнейшие хранители и «усвоители» других культур, где эти культуры переосмысливались как «свои», нужные, целебные и питающие.

Итак, первая черта интеллигента — европейская образованность. Переходим ко второй черте — интеллектуальной свободе. Именно она отличает интеллигента просто от «образованца» (удачный термин А.И.Солженицына). Образованный человек может продавать свои знания, работать на злодейское государство, партию, узко понятую национальность. Одним словом, «образованец» может быть несвободным, зафрахтованным человеком. Когда приписывают интеллигенции убийство Александра Второго — «царя Освободителя» или относят к интеллигентам различных людей, может быть, и умственно одаренных, но дисциплинированно выполняющих приказы какой-либо партии, более или менее властной и тираничной, это глубочайшая ошибка. Рабство всегда было чуждо интеллигенции, и если даже человек, прежде свободный, решается продать свою свободу какой-либо организации, стать ее интеллектуальным рабом (это не касается тех образованных людей, которые, работая за плату, не лишают себя свободы выбора), он перестает быть интеллигентом.

Казалось бы, Достоевский со всей ясностью показал в «Бесах», во что превращается человек, продавший свою интеллектуальную свободу и действующий по указаниям из «центра», который к тому же оказывается мнимым. Единственный персонаж «Бесов», который, казалось бы, не утрачивает своей независимости, Ставрогин (фамилия его сама как бы указывает на его независимость: вспомним о ставропигиальных, т.е. независимых от местных иерархов, монастырях) и тот оказывается в плену у Верховенского и его заговора и с утратой независимости после совершенного преступления (или нескольких преступлений) кончает жизнь самоубийством.

Что же удерживает интеллигенцию в пределах интеллектуальной личной свободы? Ведь если интеллигент не подчиняется внешним воздействиям, то не означает ли это, что он оказывается без руля и ветрил? И что может объединить людей, не зависящих от внешних причин, не подчиняющихся навязанным им условиям? Не означает ли интеллектуальная свобода обреченности интеллигентов на полное одиночество?

Неподчиненность интеллигента внешним воздействиям, партийным установкам, государственным интересам или агрессивной идеологии вовсе не означает слабости, а, напротив, свидетельствует о силе интеллигента, его способности сопротивляться, отстаивать свою честь, порядочность, завоевывать репутацию и быть, самое главное, *личностью*. Сила эта в нем самом — *совесть*. Совесть может объединить его с другими людьми совести, ибо совесть по большей части выступает с одинаковыми внутренними требованиями к человеку и охраняет его свободу. Если человек подчиняется совести, то это означает, что в нем достаточно силы противостоять внешним требованиям,

В.А. Тропинин. Портрет князя С.Г.Волконского². 1824. С-Петербург, Эрмитаж.
Н.И.Уткин. Портрет М.И.Муравьева-Апостола³. 1823—1824.

которые в той или иной степени могут его закрепить. Враг совести — чувство, объединяющее людей в стадо, — стадность. Интеллигенты, примыкающие к стаду, губят в себе интеллигентность, и их образование становится бесполезным — бесполезным прежде всего для них самих как личностей. Обратим внимание, что европейская культура — личностная культура.

Что в русской интеллигенции национально русское? Думаю, что это тяга к интеллектуальной свободе и независимости, прежде всего, от государства. Еще до появления интеллигенции, как некоей более или менее спаянной своим стремлением к интеллектуальной свободе группы народа, стремление к независимости от государства заставляло людей уходить в казачество навстречу исконно враждебным земледельческим народам — степнякам, а с XVI века — в Сибирь открывать и осваивать все новые и новые места. Уходить на север к Студеному морю, жить по своей воле в суровых условиях русского Севера. А затем старообрядчество! Снова уход в леса, стремление не поступиться совестью, вплоть до самосожжения. Самосожжения, но не вооруженного бунта. Не напоминают ли эти самосожжения, казалось бы, бессмысленного стояния декабристов на Сенатской площади? Люди не подчинялись, но не шли штурмом брать Зимний дворец, кстати сказать, самый незащищенный дворец монархов в Европе.

Декабристское стояние на площади впервые обнаружило у нас наличие сильной группы интеллигенции. Сильной не грубой силой, а своим высоким нравственным уровнем, позволившим ей не считаться с собственными словесными и профессиональными интересами.

Это пренебрежение к собственным интересам и высокий нравственный дух сыграли с русской интеллигенцией недобрую шутку. Интеллигенция слишком много и слишком искренне говорила о своей вине перед народом, и народ поверил в вину интеллигенции. Оторвавшиеся от крестьянства слои населения так и стали считать, что перед ними виноваты и с интеллигенции,

П.Ф.Соколов. Портрет Н.М.Муравьева¹. 1822. Автолитография.
П.Ф.Соколов. Портрет А.Г.Муравьевой². Декабрь 1825 — до 5 января 1826.

гнилой и болтаивой, «приходится». В результате — революция, а вернее, бунт против людей образованных, совестливых, беззащитных, не имевших опоры.

Террор выбитых из нормальной структуры общества людей (помогла первая мировая война) против интеллигенции начался сразу же после октябрьского переворота. Ужасаясь террором 1936—1939 годов, люди забывают, что тогда было истреблено гораздо меньше людей, чем в предшествующие годы. Воображение масс поразило то, что партийцы стали убивать, и даже с маскарадной судебной помпой, своих же партийных. Тогда же, когда истребляли интеллигенцию, это считалось как бы и естественным: сами же признавались в своей вине перед народом...

Подвергавшаяся пыткам моральным и физическим интеллигенция, а вместе с ней и духовенство (та его наибольшая часть, которая держалась крепкой верой) вели себя на редкость достойно. Сколько было проявлено героизма, сколько было мучеников в невидимых обществу «каторжных норах». Но кто об этом знает? Документы составлялись только на признания, на подтверждение следовательской концепции того или иного «дела». Все, что не подтверждало заранее разработанный следователем сценарий «преступления», все это не сохранялось или даже просто не записывалось.

Сейчас, когда начинают публиковаться различные «дела» из архивов, интеллигенция снова идет на распятие. На распятие идет уже мертвая интеллигенция, бессильная себя защитить. Мой долг, как «свидетеля века», защитить ее, хотя бы в своих воспоминаниях. Но что знаю я? Мой круг воспоминаний слишком узок и слишком зыбок против волны тенденциозно составленных документов. Но кто-то должен все же противопоставить правду следовательской точке зрения. И это тем более страшно, что толпа склонна верить прежде всего дурному и скандальному, чем благородному и обычному. А обычным в годы ленинско-сталинских репрессий было именно сопротивление.

И я свидетельствую: интеллигенция в основном с честью выдержала все тяжёлые испытания XX века.

О русской интеллигенции⁶

Нынешняя обстановка заставляет меня обратиться с письмом, в котором — и не в первый уже раз — я отзываюсь на вопрос о том, каково же все-таки положение, каковы роль и значение интеллигенции в нашем обществе?

Это — не статья, это именно письмо, в котором автор говорит пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт.

Итак — что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное.

К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям.

Я пережил много исторических событий, насмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов. В иностранных языках и в словарях слово «интеллигенция» переводится, как правило, не само по себе, а вкупе с прилагательным «русская».

Безусловно прав А.И.Солженицын: интеллигент — это не только образованный человек, тем более не тот, которому он дал такое обозначение, как «образованец» (что-то вроде как «самозванец» или «оборванец»), это, может быть, и несколько резко, но Александр Исаевич понимает под этим обозначением слой людей образованных, однако продажных, просто слабых духом.

Интеллигент же — представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение «творческая интеллигенция» — точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть «нетворческой». Все интеллигенты в той или иной мере «творят», а с другой стороны, человек пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с «идеологическим уклоном», с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник.

К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Я убежден, впрочем, что можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов. Это касается людей «с лобной психикой», отстаивающих свои старые, когда-то ими высказанные или даже проведенные в жизнь мысли, которые сами для себя сковывают свободу. Достоевский называл такие убеждения «мундирами», а людей с «убеждениями по должности» — людьми в мундирах.

Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям

выгодности, — это высшая безнравственность. Если интеллигентный человек по размышлении приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, это его не может уронить.

Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной.

Вопрос о нравственных основах интеллигентности настолько важен, что я хочу остановиться на нем еще.

Прежде всего я хотел бы сказать, что ученые не всегда бывают интеллигентны (в высшем смысле, конечно). Неинтеллигентны они тогда, когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда. И тогда, подчиняя все интересам своей специальности, они жертвуют интересами людей или культурными ценностями.

Самый несложный случай — это когда люди работают на войну или производят опыты, связанные с опасностью для человека и страданиями животных.

В целом забота о специальности и ее углублении — совсем не плохое правило жизни. Тем более что в России слишком много непрофессионалов берется не за свое дело. Это касается не только науки, но также искусства и политики, в которой также должен быть свой профессионализм.

Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью.

Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России — это прежде всего независимость мысли при европейском образовании. (Почему европейском — скажу ниже.) А независимость эта должна быть от всего того, что ее ограничивает, — будь то, повторяю, партийность, деспотически властвующая над поведением человека и его совестью, экономические и карьерные соображения и даже интересы специальности, если они выходят за пределы допустимого совестию.

Вспоминаю кружок русской интеллигенции, собиравшийся в Петрограде в 20-е годы вокруг замечательного русского философа Александра Александровича Мейера, — кружок «вторничан», потом получивший название «Воскресение» (мейеровцы переменили день своих собраний со вторника на воскресенье). Главным для «вторничан» была интеллектуальная свобода — свобода от требований властей, времени, выгоды материальной, от сторонних взглядов (что скажет княгиня Марья Алексевна). Интеллектуальная свобода определяла собой мировоззренческое поведение таких людей, как сам А.А.Мейер и окружавшие его: К.А.Половцев, С.А.Аскольдов-Алексеев, Г.Федотов, Н.П.Анциферов, М.В.Юдина, Н.И.Конрад, К.С.Петров-Водкин, Л.А.Орбели, Н.В.Пигулевская и многие другие.

Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим Смутным временем, и мой долг человека — свидетеля века — восстановить справедливое к ней отношение. Мы слишком часто употребляем выражение «гнилая интеллигенция», представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих «классом-гегемоном». Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следователь-

кой версии, выбитой из подследственных иногда пытками, и не только физическими. Самое страшное было положение семейных. Ничем не ограниченный произвол следователей угрожал пытками членам семьи, и мы не вправе строго судить тех, кто, не вникая даже в суть подписываемого, подтверждал версии следователей (так было, например, в знаменитом «Академическом деле» 1929—1930 годов).

Какими высокими и мужественными интеллигентами были интеллигенты из потомственных дворян! Я часто вспоминаю Георгия Михайловича Осоргина, расстрелянного 28 октября 1929 года на Соловках. Он уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно для соловецких властей приехала жена (урожденная Голицына). Неожиданность произошла от полного беспорядка в тогдашних лагерях: власти на материке не знали, что по своему произволу предпринимали начальники на острове. Так или иначе, но под честное слово дворянина Осоргина выпустили из камеры смертников на свидание с женой, обязав не говорить ей, что его ожидает. И он выполнил свое обещание, данное палачам. Через год после короткого свидания Голицына уехала в Париж, не зная, что на следующий же день Георгий Михайлович был зверски расстрелян.

Или одноногий профессор баллистики Покровский, который сопротивлялся в Святых воротах (увы, снесенных сейчас реставраторами) и бил своей деревянной ногой конвоиров только для того, чтобы не быть «послушным стадом».

Или Г.Г.Тайбалин. Рискуя жизнью, он приютил в своем медпункте старика мусульманина, «лучшего певца Старой Бухары», совершенно незащитного, ни слова не знавшего по-русски и уже по одному этому обреченного на гибель.

Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых было устранено от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политтрамота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы, а для рабочих были созданы рабфаки. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования и для тех, кто учился в университете; петербургские профессора А.И.Введенский и С.И.Поварнин читали лекции на дому, вели занятия по логике, а А.Ф.Лосев издавал свои философские работы за собственный счет.

Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного Октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. Не один только А.А.Мейер собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве.

Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности.

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т.д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смею утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опасней полужначества. Полужнайки уверены, что они знают все или по крайней мере самое важное, и действуют нагло и «бескомпромиссно». Сколько людей были выброшены этими полужнаиками на улицу! Остальным приходилось подкармливать не только А.А.Ахматову, но и Б.М.Эйхенбаума, Д.Е.Максимова, К.Л.Комаровича, даже и академика Л.А.Орбели, пока ему не дали отдельную лабораторию. Академик И.Ю.Крачковский из собственных средств платил заработную плату своим сотрудникам, когда занятия древними восточными языками были объявлены реакционными.

Ну, а кто были первыми русскими интеллигентами? Если бы Владимир Мономах не писал свое «Поучение» преимущественно для князей, то совесть его и знание пяти языков могли бы стать основанием для причисления его к первым русским интеллигентам. Но поведение его не всегда соответствовало вечным и всеобщим правилам морали. Совесть его была ограничена княжескими заботами.

В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV — начале XVI века Максим Грек — человек итальянской и греческой образованности, до своего монашества носивший имя Михаила Триволиса и принадлежавший к ученому кругу Альда Мануция. В России он подвергался гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов.

Князь Андрей Курбский был бы интеллигентом, если бы он, будучи военачальником, не «отъехал» от Ивана Грозного. Как князь он имел право выбирать своего сюзерена, но как воин, командующий войсками, он бежал не по совести.

Не было на Руси подлинных интеллигентов и в XVII веке. Были люди образованные и по европейским меркам. Но высокой русской интеллигенции нового времени в Древней Руси еще не было.

Бессмысленно задаваться вопросом — была ли культура Руси до Петра «отсталой» или не отсталой, высокой или не высокой. Нелепо сравнивать культуры «по росту» — кто выше, а кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество (к тому же чрезвычайно разнообразное по своим стилевым особенностям), высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившую ценнейшие реликвии религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой.

Неправильно думать, что интеллигенция появилась непосредственно после перехода России на позиции западноевропейской (европейской она была всегда) культуры.

При Петре не было интеллигенции. Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением.

Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, он избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время своих поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего «профессионалы»: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд — шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. Поэтому, может быть, у Петра лучше всего отношения складывались с архитекторами среднего таланта и не сложились они с Леблонем, предложившим свой план строительства Петербурга. Может быть, Петр был и прав. Изучая его указания, сопровождавшиеся иногда мелкими набросками, нельзя не удивляться самостоятельности его градостроительной концепции. Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей.

Европа торжествовала при Петре в России потому, что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь «из Варяг в Греки», который был прерван в России татаро-монгольским игом и построить у его начала Петербург. Именно это иго установило непроходимую стену с Западом, но не установило прочных культурных связей с Востоком, хотя русский государь принял под свой скипетр на равных основаниях Казанское и Астраханское царства, признав их князей и вельмож.

Петр восстановил связи с Европой, но попутно лишил Россию земских соборов, упразднил патриаршество и еще более закрепостил крестьян.

Для России всегда была основной проблема Севера и Юга, а не Запада и Востока, даже в ее Балканских, Кавказских или Туркестанских войнах. Защита христианства была для России и защитой европейских принципов культуры: личностной, персонифицированной, интеллектуально свободной. Поэтому-то русская интеллигенция с таким восторгом воспринимала освобождение христианских народов на Балканах и сама подвергалась гонениям за эти же самые европейские принципы.

Первые настоящие, типично русские интеллигенты появились в конце XVIII — начале XIX века: Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. К ним нельзя отнести даже Державина — слишком он зависел от властей. Пушкин несомненно интеллигент. Он не получал золотых табакерок и хотя жил в основном от гонораров, но в своем творчестве не зависел от них. Он шел свободной дорогой и «жил один».

Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов и интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их «тайные союзы» не обязывали их следовать какой-то «партийной линии».

В то же время терроризм, зародившийся в России, и «профессиональные революционеры», все эти Ткачевы и Нечаевы (а может быть, и Чернышевс-

кие?), были глубоко антиинтеллигентскими личностями. Не интеллигенты были и те, кто становился на колени перед «народом» или «рабочим классом», не принадлежа ни к тому, ни к другому. Напротив, сам рабочий, обладающий достаточно высоким профессиональным и непрофессиональным кругозором и природной совестливостью (а таких было немало до той поры, пока именем «рабочего класса» не стали твориться преступления), мог приближаться к тому, что мы называем общей интеллигентностью.

Но вернемся к нашему времени.

Усиленная духовная активность интеллигенции пришлось на первое десятилетие советской власти. Именно в это десятилетие репрессии были в первую очередь направлены против интеллигенции. В последующие тридцатые годы репрессии были не только против интеллигенции (против нее они были всегда), но и против крестьянства, ибо крестьянство, которое и сейчас принято называть «безграмотным», обладало своей тысячелетней культурой. Духовенство, городское и сельское, отдельные представители которого еще до революции проявляли себя как интеллигенты (отец Павел Флоренский), снова выделило из своей среды ряд замечательных представителей интеллигенции (Сергей Булгаков, Викторин Добронравов, Александр Ельчанинов и другие).

Итак, большинство русской интеллигенции не запятнало себя отступничеством. Я мог бы назвать десятки имен людей, которые честно прожили свою жизнь и не нуждаются в оправдании себя тем, что «мы так верили», «мы так считали», «такое было время», «все так делали», «мы тогда еще не понимали», «мы были под наркозом» и пр. Эти люди исключают себя из числа интеллигентных, обязанностью которых всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи. Не буду приводить фамилии всех тех самозванных интеллигентов, участие которых в различного рода кампаниях и проработках с самого начала не было случайностью. Их было много, но винить из-за них всю русскую интеллигенцию, против которой столько лет были направлены репрессии, никак нельзя. К тому же, не было бы старой интеллигенции, не было бы и диссидентов помоложе. Интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима.

Годы борьбы государства с интеллигенцией были одновременно годами, когда в официальном языке исчезли понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности своим принципам, правдивости, беспристрастности, порядочности, благородства. Репутация человека была подменена характеристиками «треугольников», в которых все эти понятия и представления начисто отсутствовали, а понятие же интеллигентности было сведено к понятию профессии умственного труда.

Неуважение к интеллигенции — это и нынче неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, оставшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке.

В будущем, когда станут публиковаться отдельные дела ЧК, ОГПУ или КГБ, опять-таки следует иметь в виду, что в протоколы следствий заносились только те материалы, которые подтверждали заранее составленную следователем версию. Бесследно исчезали из дел те, кто «помог следствию» или давал предварительные материалы для ареста — агентурные данные. Из дел исчезли все прояв-

ления мужества подследственных. Арестованных не освобождали: «Органы зря не берут!» Эта мысль укреплялась с годами все сильнее.

Поэтому и нынче публиковать «дела» следует только с комментариями — на научной основе.

Интересно, как выслушивали интеллигентные люди свои приговоры. Позволю себе привести и еще некоторые воспоминания.

Это было в 1928 году, примерно в начале октября. Нас всех по делу студенческого кружка «Космическая Академия наук» и Братство Серафима Саровского вызвали к начальнику тюрьмы (ДПЗ — Дом предварительного заключения на Шпалерной улице в Ленинграде). Начальник с важным и крайне мрачным видом сидел насупившись, а мы все стояли. Впереди стоял Игорь Евгеньевич Аничков, получивший воспитание за границей и бывший типичным представителем старой русской интеллигенции. Загробным голосом начальник объявил: «Выслушайте приговор». Отлично помню, что слово «приговор» он произнес с правильным ударением на последнем слоге. Затем медленно и важно он стал читать этот самый приговор — неизвестно чей, ибо суда не было. Все это время Игорь Евгеньевич стоял со скучающим видом. Едва начальник закончил чтение, Игорь Евгеньевич небрежно спросил: «Это все? Мы можем идти?» И не дожидаясь ответа, двинулся к выходу. Мы все тронулись за ним мимо растерявшихся конвоиров. Это было великолепно.

Черта, определявшая характер русской интеллигенции, — это отвращение к деспотизму, воспитала в ней стойкость и чувство собственного достоинства.

Ну, а что же: интеллигенция — это западное явление или восточное? Ответ на этот вопрос лежит в том, признаем ли мы Россию Западом или Востоком. Один из главных столпов интеллигентности — характер образованности. Для русской интеллигентности образованность всегда была чисто западного типа.

Если Россия — это Восток или даже Евразия, то западноевропейский характер ее образованности позволяет легко оторвать интеллигенцию от народа, оправдать в известной мере отрицательное отношение к ней господствовавшего в России слоя полуинтеллигенции, полуобразованцев и образованцев. И не поэтому ли, не из желания ли оторвать одно от другого, евразийство за последние годы приобретает у нас мракобесный, черный характер?

На самом же деле Россия — это никакая не Евразия. Ибо Запад от Востока отделяет разность культур, а не условная граница, проведенная по карте. Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких отличий между западным Петербургом и восточным Владивостоком.

Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и неслала в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе.

Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур. Главная связующая среда России с Западом — это, конечно, интеллигенция, хотя и не одна она.

Для России проблема «Восток — Запад» играет меньшую роль, чем связи «Юг — Север». На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так.

Взгляните все на ту же карту Европы, в частности — Восточной Европы. Заметьте: основными путями сообщения в течение долгого времени были реки,

в основном текущие по меридианальным направлениям с севера на юг или с юга на север. Они связывают между собой бассейны Балтийского и Черного морей в конечном счете со Средиземноморьем. Путь из «Варяг в Греки» (я пишу их с большой буквы, так как Варяги и Греки — это не народы, а страны) был главным торговым путем, путем и военным и распространения культуры.

Автор «Повести временных лет» XI века именно так и описывает географические пределы Руси, начиная с водораздела, «Оковского леса», и по направлению рек, берущих там свое начало: какие реки текут в какое море. Границ нет — есть направления течения рек.

Русь имела два равноправных центра на этих путях — Новгород и Киев. С севера по этому пути приходили по найму и приглашению варяги. На Севере обосновались Рюриковичи, спустившиеся на Юг к Киеву и осевшие как государственная сила по всему пути от Ладоги до Херсонеса. С Юга из Византии с помощью болгарского посредства пришла духовная культура, европейская религия христианства, связавшая тесными узами Русь с Западной Европой. Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X—XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию, а не как Евразию. Кочевники Востока и южных степей Руси очень мало внесли в создание Руси, даже когда оседали в пределах русских княжеств в качестве наемной военной силы.

Русские смешивались прежде всего с финно-угорскими народами, вместе с которыми, по легенде, они призывали братьев Рюрика, Синеуса и Трувора. (См. в «Повести временных лет» под 862 годом: «Реша (сказали. — Д.Л.) руси, чюдь (будущие эстонцы. — Д.Л.), словени и кривичи и весь (вепсы, финно-угорское племя. — Д.Л.): «Земля наша велика и обилна, а наряда (государственной организации. — Д.Л.) в ней нет. Да поидете княжить и володети нами». И далее: «И по тем городом суть находници (пришельцы) варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, в Полотьски кривичи (славянское племя. — Д.Л.), в Ростове меря (финно-угорское племя. — Д.Л.), в Беле-озере весь, в Муроме мурома (финно-угорское племя. — Д.Л.); и теми всеми обладаше Рюрик».)

Характерно, что все восточные сюжеты, которые есть в древней русской литературе, пришли к нам с Юга через греческое посредство или с Запада. Культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI века появляются восточные мотивы в нашем орнаменте.

Полоцк, будущий центр Белоруссии, тоже возник на речных торговых путях. Все три столицы — Новгород, Киев и Полоцк — имели своими храмами храмы Софии — «Премудрости Божьей». Ими промыслительно знаменовалось культурное единство трех восточнославянских народов.

Только жесточайшее татаро-монгольское нашествие, преуменьшать разрушительные последствия которого можно лишь в силу желания во что бы то ни стало связать нас с Востоком, смогло уничтожить это единство Руси, скрепленное храмами Софии — символами мудрости мироустройства в его единстве. Все это вовсе не значит, будто Россия неизменно имела союзников на Западе и противников на Востоке, история этого никак не подтверждает, но ведь и речь идет вовсе не о военных союзах, а об истоках русской национальной культуры.

Истоки эти у России и Востока разные, это так, но это вовсе не отрицает, а скорее обуславливает сегодняшнюю необходимость взаимопонимания и взаимопомощи. Именно в этом, а не в другом каком-то смысле и должна пониматься нынче идея евразийства. У каждой страны есть свой Восток и свой Запад, свой Юг и свой Север, и то, что для одной страны Восток, для ее соседей Запад. Мир-

ное же соседство в том и состоит, чтобы этнические границы не становились политическими «границами на замке», чтобы разнообразие никого не ущемляло, но обогащало.

«Когда враг не сдается, его уничтожают!» — сказал Горький. Однажды это высказывание стало предсказанием — это факт, однако неужели же оно действует и по наше время?

Ведь и в наше время одна национальная интеллигенция уничтожает другую, в иных случаях — с оружием в руках. И в наше время интеллигенция подвергается осмеянию и уничтожению, и с чьей же стороны? Со стороны другой части интеллигенции, а если так, это значит, что та, «другая», часть необоснованно присвоила себе само определение «интеллигенция».

Дискуссии, разное видение мира и его будущего, конечно же, свойственны интеллигенции, но взаимное уничтожение привнесено в ее среду тем же Горьким, теми же полузнайками и «образованцами», не говоря уж о ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Так неужели и нынче всю тяжесть бремени, все исторические задачи, возложенные на интеллигенцию, она может решить только путем бесконечных распрей и взаимного озлобления, выводящим ее за пределы интеллигентности, в то время как вся история культуры, равно как и совсем недавний наш практический опыт, подсказывает нам совершенно иной, противоположный путь?

И неужели мы станем по-прежнему, «по-большевистски», недооценивать интеллигенцию и ее роль в жизни наших народов?

Репрессированная наука⁷.

Представить себе все бедствия «репрессированной науки» чрезвычайно трудно. Дело ведь не только в том, что отдельные ученые или отдельные направления в науке подверглись гонениям, запрещениям, уничтожению... Гонениям и репрессиям сопутствовали бедствия еще более широкие.

В науке насаждалось представление, что с самого начала исследования может быть правилен только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный ученый, «вождь» своей науки. Иными словами, наука развивалась (если это можно назвать развитием) под давлением мысли об изначальной правильности одного направления и неправильности всех остальных. И это «правильное» направление, выбранное по чисто внешним признакам, объявлялось поединно марксистским. Тогда не было и не могло быть предположения, что научная истина рождается где-то на перекрестке путей, где-то посередине или в совсем особой, другой области. Предопределенность истины считалась неоспоримой — особенно в общественных науках, но не только в них.

Поэтому создавалось представление о поисках истины как о поисках уже чего-то имеющегося, как выбор заранее существующих точек зрения. И этот выбор должен был делаться по политическим соображениям часто самого схоластического характера. Наука, общественные дисциплины в особенности, политизировалась и схематизировалась до предела. По существу, всем этим отвергалась самая возможность открытий в науке. Частные исследования, хотя прямо и не запрещались, но и не одобрялись. Роль в науке неожиданностей, а также выводов «непредсказанных», вытекающих из экспериментов, рукописных источников, из незаинтересованных соображений и т.д., игнорировалась. Предполагалось, что в науке следует «доказывать» (точнее говоря, подбирать доказательства) для уже заранее определенной по

политическим соображениям точки зрения. Считалось непреложным, что в науке действуют две противостоящие воли: одна классово-приемлемая и другая классово-враждебная этой первой — соответствующей пролетарской идеологии. Отсюда стремление увидеть в несогласиях вылазки врагов, стремление не доказывать свою точку зрения, а «разоблачать» любую другую. Отсюда появление в науке огромного числа «врагов» существующего строя, государственной власти, вредителей, просто преступников, подлежащих аресту и наказанию — вплоть до расстрела.

Движение науки вперед мыслилось как расправа с теми, кто был не согласен с единственным, изначально правильным направлением. Вместо научной полемики — обличения, разоблачения, запрещение заниматься наукой, а во множестве случаев — аресты, ссылки, тюремные сроки, уничтожение. Уничтожению подвергались не только институты, лаборатории, ученые, научные школы, но и книги, рукописи, данные опытов. «Вражеские вылазки», «классовые враги в науке», «вредители», «буржуазная контрабанда в науке» и пр. — такими выражениями пестрели «научные труды» 30—50-х гг. Людей преследовали за хранение книг с именами арестованных, за их упоминание в трудах, а с другой стороны, за отсутствие ссылок на «труды корифеев». Последние, как предполагалось и утверждалось, никогда не ошибались, не говорили и не писали чего-либо случайно, без великого смысла. Все это разрослось до масштабов тотальной социальной политики.

Можно ли исчислить жертвы репрессий только числом расстрелянных и замученных человеческих душ? Сколько было «побочных» жертв! Упала рождаемость, стар и млад умирали от нужды и неустроенности, от душевного гнета и невозможности заниматься делом, к которому люди чувствовали призвание. Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не смогли пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей отказались заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности!

И все-таки... Вспоминая все горькое, что принес нам наш «способ жизни», мы непременно должны обратить внимание и на другую сторону. Приходится удивляться стойкости многих крупных и менее известных ученых. Впрочем, можно ли считать «мальми» ученых, которые хотя бы и в своей узкой области, даже подсобной не отступали от своих убеждений, оказываясь без средств к жизни и в обстановке полного отчуждения? С риском для своей свободы они сохраняли книги и рукописи, отказывались давать показания против своей совесты, не отрекались от своих учителей и руководителей, не подписывали чело-веконенавистнических обращений и заявлений.

Зло по большей части шумно и крикливо. Поэтому кажется, что злых людей всегда много. Они всюду выступают, громко заявляют о своем существовании, чтобы поверили в их искренность и «принципиальность». В общем шуме им даже легче скрыть свои голоса, и они заботятся о том, чтобы и другие выступали, печатали обращения, осуждали вместе с ними. Настоящие же ученые хранят науку в тиши. Преимущество научных традиций совершается через личные примеры, с глаз на глаз..

Я знал настоящих петербургских интеллигентов: это и мой учитель словесности Леонид Владимирович Георг, основатель русского научного краеведения Иван Михайлович Гревс, его ученик (и мой «соделец») Николай Павлович Андиферов, философ Александр Александрович Мейер, историки Анатолий Васи-

льевич Предтеченский, Борис Александрович Романов, Сигизмунд Натанович Балк, биолог Николай Иванович Вавилов и его брат физик Сергей Иванович Вавилов, востоковед Николай Иосифович Конрад, литературоведы Борис Михайлович Эйхенбаум, Михаил Михайлович Бахтин, Юрий Михайлович Лотман и многие, многие другие.

Вокруг разговоров об интеллигентности.

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью.

Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового.

Что такое интеллигентность, культурность человека? Знания, эрудиция, осведомленность? Нет, нет и нет! Избавьте человека от всех его сведений, лишите его памяти, но если он при этом сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, широкий круг чужих идей, если он сохранит навыки «умственной социальности», сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — вот это и будет интеллигентный и культурный человек.

Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

А кроме того, интеллигент — это человек «особой складки»: терпимый, легкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам — в том числе шовинистического характера.

Многие думают, что раз приобретенная интеллигентность затем остается на всю жизнь. Заблуждение! Огонек интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение — главный, хотя и не единственный воспитатель интеллигентности и главное ее «топливо». «Не уташайте духа!»

Изучить десятый иностранный язык гораздо легче, чем третий, а третий легче, чем первый.

Способность приобретать знания и самый интерес к знаниям растут в каждом отдельном человеке в геометрической прогрессии. К сожалению, в обществе в целом общая образованность падает, и место интеллигентности заступает полунинтеллигентность.

Нравственный климат в обществе определяется степенью его культуры.

Недостаток культуры в нашем обществе волнует меня больше всего. Никакие законы истории или издаваемые государством, никакие надежды на будущее не оправдаются, если не будет поднят общий культурный уровень нашей жизни, «культурный тонус» нашего общества.

Сейчас это особенно важно осознать, так как уровень культуры не просто низок — он падает. Десятилетия истребления интеллигенции, десятилетия падения школьного образования и «остаточный принцип» в отношении финансирования культуры, бесконечные катастрофы с наиболее важными хранительницами культуры — библиотеками (научными и «народными»), неправильная издательская политика, при которой публиковалось не то, что требовалось читателю, а то, что ему навязывалось по разным соображениям, сыграли свою отрицательную роль. И все это на фоне общего застоя нашей культуры, который начался гораздо раньше самого так называемого «застойного периода». Боязнь не только самостоятельной мысли, но вообще всякой самостоятельности привели к тому, что даже самое поведение людей сильно изменилось к худшему — к вызывающе неряшливому.

Не удивляйтесь сказанному: постараюсь объяснить, какое отношение не только к науке, экономике, политическому мышлению, но и общему поведению людей, даже к их облику имеет культура.

Не буду вдаваться в чрезвычайно сложные вопросы — что такое культура и интеллигентность. Остановлюсь на чем-то, представляющемся мне элементарно ясным.

Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Можно много знать и не быть культурным человеком. Культура — это прежде всего результат знаний, знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность.

В самом деле, чем больше человек знает, тем яснее он понимает недостаток своих знаний. Сама наука развивается не столько путем ответов на вопросы, сколько путем постановки все новых и новых тем, в основном возникающих в результате полученных наукой ответов, которые не столько объясняют для нас мир, сколько открывают в нем неизвестное. Часто повторяемый афоризм «я знаю, что я ничего не знаю» не является кокетливым самоуничтожением. Это закон упорядоченного знания.

В науке XVIII века жила уверенность, что мир скоро будет объяснен до конца и все в нем станет понятным. Человечество стояло как будто бы на грани полного познания мира — во всех областях. Сейчас теоретики-физики знают, что мы очень далеки от подлинного объяснения мира. Это знание того, что мы очень мало осведомлены о вселенной, о строении материи, об экономике, об искусстве (в теоретическом отношении) и т.д., — свойственно сейчас всем наукам (кроме самых отсталых), всем ученым...

Отсюда особая осторожность подлинно знающих людей, осознающих зыбкость человеческих знаний, и — рядом с ними — чрезвычайная самоуверенность полужнаек. Самоуверенность и агрессивность, крайняя ненависть к осторожным культурным людям, которые представляются им просто нерешительными или даже умышленно сопротивляющимися.

Полужнайке кажется, что он знает все и прежде всего рецепты благополучия человечества, быстрый выход из временных затруднений. Полужнайке кажется, что ученый или просто культурный человек — плохой проводник его самоуверенной политики, но еще и живой укор его невежеству — укор крайне оскорбительный для полужнаек, уверенных в своем «всезнайстве».

Агрессивный полужнайка ищет панацей от всех общественных бед то в сплошной насильственной коллективизации, то в более элементарных вещах вроде «ветвистой пшеницы», свиноводства, кролиководства, массовых посевов кукурузы, плотин различного рода гигантских предприятий, в уверенности, что в природе все можно менять (это еще Салтыков-Щедрин заметил). Отсюда — естественный рост командно-административных методов управления. Отсюда же — грубость с подчиненными, нежелание менять раз принятое решение («лобная психика») малокультурных людей («полужнаек»). Отсюда же — существовавшее в свое время пристрастие полужнаек к «командирской» военной или полувоенной одежде, к военной и милицеейской терминологии в языке. Некультурность видна во всем облике «полужнайки», в его поведении. Принципиальная агрессивность во всем: в мировоззрении, в отношении к гласности, в отношении к природе, к истории, к различным течениям в искусстве (особенно к тем, которые не сразу понятны и требуют от человека несвойственной полужнайкам восприимчивости)! Агрессивность

идет рука об руку с уверенностью, что все инакомыслящие — враги, а если не враги, то принадлежат к народностям, искони не обладающим какими-то свойствами или обладающим только дурными. Отсюда же — уверенность, что все беды — от злых свойств каких-то народностей или от многовековых таинственных заговоров, тайных обществ...

Одним словом, полужнайка ведет себя так, как будто бы он находился в полужнакомом ему лесу в сумерках: стволы деревьев он принимает за разбойников, жаждущих на него напасть, он не видит дороги и с радостью бросается на все, что покажется ему дорогой или тропинкой. А самое главное — цель для него оправдывает средства, ибо он верит только в им самим сконструированное будущее и для него не существует ни прошлого, ни уроков истории. Он движется на ощупь и вот-вот станет на четвереньки, чтобы душить и уничтожать любое препятствие: «ликвидировать», «пускать в расход». Он верит в «высшую меру», точнее в убийство, как в наиболее действенный способ борьбы с преступностью.

Итак, полужнайка, полуинтеллигентность воспитывает определенные, очень опасные черты характера, поведения, отношения к окружающему миру — людям и природе, к истории, памятникам культуры и искусству. В наиболее кризисных ситуациях полуинтеллигентность создает таких людей, как Гитлер, Муссолини, Сталин и «иже с ними». Создает сообщество таких же полужнаек с психологией стадности, «вождизмом» (наиболее агрессивный из полужнаек легко становится вождем или, точнее, вожаком стаи). Полужнайка — опаснейшая социальная болезнь.

Но если полужнайка — болезнь, болезнь, вызванная частичной незаполненностью мозговой деятельности, приводящей к самоотравлению, то, может быть, эту болезнь можно все же лечить? Это чрезвычайно трудно. Во-первых, никто из полуинтеллигентов или полужнаек не осознает себя таковыми. Они окружают себя людьми такого же невысокого интеллектуального уровня, среди которых чувствуют себя вполне сносно. Во-вторых, они обычно ведут борьбу за практическое использование знаний. Они покровительствуют техническим наукам и техническим профессиям, их «немедленной полезности», ибо в технике есть что-то понятное по результатам.

Но самое главное, тип полуинтеллигента со всеми «выходами» этого состояния в мироощущение и общественное поведение складывается, в основном, еще в юности. Огромное значение имеет семья и средняя школа, дополнительное — высшее образование. Последнее дает только окончательную шлифовку. Техническое образование дает совсем мало. Главное, формирующее человека, его нравственный мир и, в какой-то мере, отношение к окружающему, дается гуманитарными науками, гуманитарной культурой в целом, искусством.

Но дело не так безнадежно. Спасает высокий профессионализм в своей области, который может быть достигнут и в зрелом возрасте, и даже в старости. Осознанный профессионализм в какой-то одной области (технической, медицинской, педагогической и т.п.) заставляет человека не вмешиваться в то, чего он не знает в достаточной мере. Профессионализм учит, приучает. На примере своей хорошо освоенной профессии специалист понимает важность знаний в целом. Мне приходилось встречать вполне интеллигентных столяров, наборщиков, крестьян. В них была приобретенная их специальностью, хорошим знанием и владением своим ремеслом «мудрость». Мудрые

старики — это в основном хорошие работники в прошлом. Мне иногда представляется, что можно составить список профессий, которые очень часто воспитывают с годами мудрое отношение к людям, природе и прошлому.

Итак, мы поговорили о бедах полуинтеллигентности, о бедах не их самих, полуинтеллигентов, но о бедах, сыпалющихся от полуинтеллигентных людей на окружающих и окружающее. Поговорим об интеллигентности. Какими чертами отличается она, как сказывается на поведении интеллигентных людей и на человеческом обществе.

Интеллигентного человека характеризует прежде всего уважительное отношение к окружающему и окружающим, сознание того, что он не обладает полнотой знаний, а находится только на пути к знаниям. Поэтому он постоянно пополняет свои знания, особенно в области гуманитарной культуры. Отсюда — осторожное отношение к другим людям и их убеждениям, отрицание насилия как пути к счастью, неверие в принцип «цель оправдывает средства». Отсюда — отсутствие самоуверенности в поведении и в манере себя держать. Отсюда уважение к опыту истории, к культуре вообще. И вместе с тем интеллигентный человек лишен комплекса неуверенности в себе. Это объясняется отсутствием боязни чужого мнения, чужих предложений и готовностью согласиться с мнением специалистов, людей так или иначе заинтересованных.

По существу, внешне неуверенный интеллигент гораздо увереннее в себе любого агрессивного полуинтеллигента. Когда полуинтеллигент категоричен, не способен изменить своего прежнего мнения, болезненно относится к своему престижу, груб с подчиненными, то это все признаки слабости, впрочем редко осознающиеся самими полуинтеллигентами.

Почему я все время говорю о роли гуманитарных наук и искусства в воспитании общей интеллигентности юношества? Здесь дело простое. Литература, живопись — вообще все искусства учат жизненному опыту. Они не только позволяют человеку прожить несколько жизней, пережив различные жизненные ситуации, возвышают чувства, которые могли бы остаться обыденными, ничем не примечательными: например, кончину друга, любовь и пр., но и заметить в обычном необычное, красоту простого явления, в иных случаях представляющегося скучным и серым. Они знакомят с «чужим» сознанием — другого человека, другого народа, другой страны, с красотой природы. Искусства воспитывают эстетически и этически. А кроме того, искусства развивают интуицию, которая очень важна во всех науках. Недаром великие ученые увлекались и увлекаются музыкой, сложными формами живописи, поэзией.

«Красота спасет мир!» На многие вопросы помогает ответить искусство. Причина проста: зло зовет к хаосу, и поэтому во все века и у всех народов оно изображается как безобразное, доброта зовет к гармонии и единению, и поэтому она — прекрасна.

Истина, добро и красота едины, человечество всегда объединяло три этих ипостаси одной сущности. Но литература и живопись еще и непосредственно проповедают нравственность.

Искусства должны приучать видеть в мире добро и красоту — борющееся добро и борющуюся красоту.

Я за разные типы средних школ. Только тогда учащиеся будут гордиться своей школой, своими учителями. Надо возродить в учащихся гордость своими знаниями, своим умением в той или иной области. Нельзя отделять труд

от учения. Учение, приготовление уроков, пребывание в классе — это и есть труд, труд упорядоченный, приучающий к аккуратности, к чувству долга за приготовление к занятиям.

Но я слишком много, кажется, говорю о средней школе... Это не случайно, ибо средняя школа, как и семья, в первую очередь воспитывает интеллигентность. А нельзя ли это восхождение к интеллигентности совершить как-либо побыстрее? Не будем обманываться — нельзя. Нельзя, но крайне необходимо. Интеллигентность должна быть свойством всего народа, всей страны. Интеллигентность в какой-то мере «заразительна», если она авторитетна. В нашей стране слишком долго (с 60-х годов XIX в.) интеллигентность считалась чем-то чуть ли не позорным. Антиинтеллигентские настроения проникли даже в литературу (вспомните Вассисуалия Лоханкина у Ильфа и Петрова — образ интеллигента, подчеркнуто отрицательный).

Вспомните, в советской литературе так ли уж часто встречается персонаж — интеллигентный рабочий. А между тем не сразу, но в конечном счете интеллигентными должны стать и рабочие, и крестьяне, и все служащие от самых мелких до самых крупных, и все руководители предприятий, областей, министерств (что не всегда сейчас бывает). Для этого нужно, чтобы каждый осознал свою полную причастность к культуре, ощутил в себе достоинство человека, не лгал бы в «служебных целях» — для утверждения своего проекта, сметы, плана и т.д. Правдивость перед самим собой — это общественная позиция, на основе которой только и может укрепиться правдивость общественная, подлинная гласность, которую следует рассматривать не только как право получать информацию, но и как обязанность руководителей своевременно информировать о всем, что может представлять интерес для других.

Агрессивность «бездуховности» и социальность культуры.

Сейчас много говорят о «бездуховности» нашего общества. Поправляю: «бездуховность» охватила не только наше общество, — она характерна для нынешнего времени в целом и для всего человечества. В той или иной мере, конечно. Я не берусь давать точные определения того, что такое «бездуховность». Это, во всяком случае, падение роли духовной культуры, отсутствие интереса к высшим ступеням культуры, отсутствие простого знания того, что такое культура, элементарной осведомленности.

Техника заполонила собой все и не оставила у человека времени и возможности посвящать себя истинной культуре. Но природа не терпит пустоты. Техника и весь комфорт, который с нею связан, может вытеснить духовную жизнь в человеческой деятельности, но не заменить ее. Заменяла духовную жизнь внешняя цивилизация и многое с нею связанное. Это многое обладает одним свойством: страшной агрессивностью. Агрессивность охватывает опустошенную потребность к деятельности человека. В человеке заложена потребность не только к умственной работе, но к деятельности вообще. Агрессивные формы культуры (если их можно только назвать культурой!) распространяются в наше время с быстротой эпидемии. Когда здоровенный безголосый парень орет через микрофон сто раз одну и ту же фразу, короткую (длинной не сочинить), не имеющую особого смысла, и при этом весь покрывается потом от напряжения и смотрит обезумевшими глазами, — удивляюсь не ему, а тем, кто его с не меньшим азартом слушает. Это агрессивность в чистом виде. И не случайно после таких концертов публика, пришедшая в раж, стремится удовлетворить свой позыв к агрессивности: начи-

нает бить и ломать мебель в зале, а выходя на улицу, опрокидывать плевательницы, тумбы, ларьки, тележки.

Любовь мужчины и женщины всегда служила основным стимулом и содержанием искусства, поэзии — в первую очередь. Но, когда любовь заменяется голым «сексом», сексом без одежды, то ни о каком Эросе в высоком смысле не приходится говорить. Чистая агрессивность и при этом в самом святом. Разве те, кто приходят на эротические сеансы, воспитываются ухаживать за любимой девушкой? Разве они, выходя с них, стремятся подарить ей цветы, произвести на нее впечатление своей деликатностью, внимательностью, уважительным отношением, культурой поведения, блеснуть знаниями, способностями? Преклониться перед любимой, перед «вечной женственностью»? «Вечная женственность» — смешная старомодность. Прабабушкин нафталин. На самом деле все просто до предела — как у насекомых. Чистая агрессивность в любви.

От духовной пустоты и порожденная ею агрессивность в идеологии. Это надо знать политикам, которые хотят воспитать в нас навыки парламентаризма. Упрощенные концепции жизни (куда там до мировоззрения!) заполняют поведение человека агрессивностью, доминируют у молодежи. Отсюда опасность распространения крайних политических теорий: от «Памяти», монархизма правого толка до анархизма. «Черное знамя» — это так красиво! «Когда окружающие тебя боятся — это так приятно!» Во всем этом есть эрзац храбрости, эрзац убежденности. Отсюда же стремление поразить окружающих невероятной одеждой, чудовищной прической, выразить свое презрение к окружающим неопрятностью своего платья. «А нам-то что? Пусть смотрят и терпят!» Агрессивность — это и брань, и аргументы в разных его формах. Для агрессивности характерно стремление сколачиваться в группы, собираться в банды.

Пустота агрессивна. Она угрожает лопнуть с треском, иногда даже с опасностью для жизни окружающих, для зрения их во всяком случае... Иногда бездуховному человеку хочется даже пострадать, ввязаться в драку. Это придает ему обличье человека, «страдающего за убеждения». Пустота создает шум, в котором скрывается бездуховность.

Поэтому бессмысленно полагаться в борьбе с растущей агрессивностью на запрещения, разгоны милицией беснующейся толпы и пр. Агрессивным людям нужны свидетели, зрители, скандалы. Они испытывают от этого только удовлетворение. Лучше, если это возможно, как можно меньше замечать эту громкую пустоту. Агрессивность, как и всякая истерика, должна тушиться спокойствием и безразличием. Это хорошо усвоила английская полиция, «охраняющая» манифестации протестующих от возмущенной ими толпы.

«Мне отмщение и Аз воздам» — говорит Бог в Библии. Люди, не мстите — зло (если оно только действительно зло, а не отчаяние правых) само покарает себя.

Но, конечно, одного спокойствия недостаточно в борьбе с растущей агрессивностью. Надо понять ее истоки, если они кроются только в пустоте. Основанная на бездуховности агрессивность, не имеющая определенной, серьезной цели, всегда найдет себе эту цель и противостоящую силу, в которой бездуховная агрессивность так нуждается (заметьте, что я постоянно говорю об агрессивности не самой по себе, а вызванной бездуховностью).

Лучшая форма борьбы с агрессивностью бездуховности — спокойно противопоставить ей духовность, культуру. И здесь мы подходим к центральной

моей мысли. Как я уже сказал, агрессивность происходит от потребности в деятельности. Эта деятельность — в чистом виде, без содержания. Жажда деятельности — естественное свойство человека. Ее нужно вооружить полноценным содержанием. Именно культура дает достойное, высокое содержание этой жажде активности. Благодаря культурным интересам стремление к активности приобретает полезные формы — полезные и для общества в целом и для отдельной личности. Необходимо противопоставить агрессивности неагрессивную по своей природе культуру. Настоящая культура не нуждается для своего развития в насилии. Она сама в себе несет притягательность. Она никого не отталкивает, но всех приглашает. Поэтому-то культура вечна и дает выход жаждущему деятельности человеку.

Вечное в духовной области, — это красота и нравственность. Не утрачена красота многих русских былин (особенно собранных в знаменитом сборнике XVIII в. Кириши Данилова), плачей Арины Федосовой, народных лирических песен. К классике относится и «Слово о полку Игореве», и поэзия Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Некрасова, Фета, Блока и др., проза того же Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Бунина и пр. Не утрачена красота многих античных произведений — в зодчестве, скульптуре, философии, литературе. К классике относятся сотни произведений западной литературы, живописи, скульптуры. Особое значение имеют классические произведения музыки, ибо музыка обладает наибольшей объединяющей людей силой.

Классика — это то, что остается постоянным в мировой культурной традиции, продолжает участвовать в жизни культуры. А самое главное — она воспитывает каждого человека, который к ней приобщается, причащается ею и от этого становится чище, содержательнее. В каком смысле «содержательнее»? Содержательнее культурным опытом. Классические произведения литературы позволяют прожить не одну жизнь. Классическая поэзия обогащает человека лирическим опытом поэзии. Поэзия обладает врачующими свойствами. Собственная жизнь человека читающего, слушающего, созерцающего, воспроизводящего вслух стихи, бесконечно обогащается.

Культурный человек — это не тот, кто много читал классических произведений, много слушал классическую музыку и т.д., а тот, который обогатился всем этим, которому открылась глубина мысли прошедших веков, душевная жизнь других, который многое понял и, следовательно, стал терпимее к «чужому», стал это чужое понимать. Он приобрел уважение к «чужому» (к другим народам, к их культуре, верованиям). Культурный человек сознает, что если он что-то не понимает из того, что другие признают, то это не потому, что все кругом из понимающих обманщики, надуватели, притворщики, чтобы прослыть культурными и утонченными. Хотя, вообще говоря, число людей, притворяющихся ценителями авангарда (допустим), и даже художников, изображающих своим творчеством авангард, «изобретающих» собственные «направления» в авангарде, хоть отбавляй.

Итак, люди, ставшие терпимее к чужому на основании знаний бессмертного в искусстве и в философии, умеющие открывать на основании своих знаний и культурного опыта новые ценности в прошлом и настоящем, — это и есть люди культуры, интеллигенты. Интеллигенты — это не просто люди, занятые умственным трудом, имеющие знания или даже просто высшее образование, а воспитанные на основе своих знаний классической культурой, исполненные духа терпимости к чужим ценностям, уважения к другим. Это

люди мягкие и ответственные за свои поступки. Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, по мягкости поведения, отсутствию подозрительности и комплекса собственной неполноценности. Агрессивен только полуинтеллигент, теряющий себя в «камланиях» и шаманизме «массовой культуры».

Из всех моих соображений об агрессивности, порождаемой бездуховностью, и, напротив, социальности культуры — следует один непреложный вывод. Если мы хотим создать нормальное общество, если мы хотим нормального экономического, научного, технического развития, нам следует во что бы то ни стало принимать широкие и глубокие меры по поднятию культуры в нашей стране. Хотя, повторяю, то, что уже было мною сказано: падение гуманитарной культуры, насколько я могу судить, идет во многих странах, не только в нашей.

Люди, стоящие на низших уровнях социального и культурного развития, имеют такой же мозг, что и люди, окончившие Оксфорд или Кембридж. Он не «загружен» полностью. Задача состоит в том, чтобы дать полную возможность культурного развития всем людям. Не оставлять у людей «незанятого» мозга. Ибо пороки, преступления — таятся именно в этой части мозга. И потому еще, что смысл человеческого существования в культурном творчестве всех.

ПРОВИНЦИЯ И ВЕЛИКИЕ «МАЛЫЕ» ГОРОДА

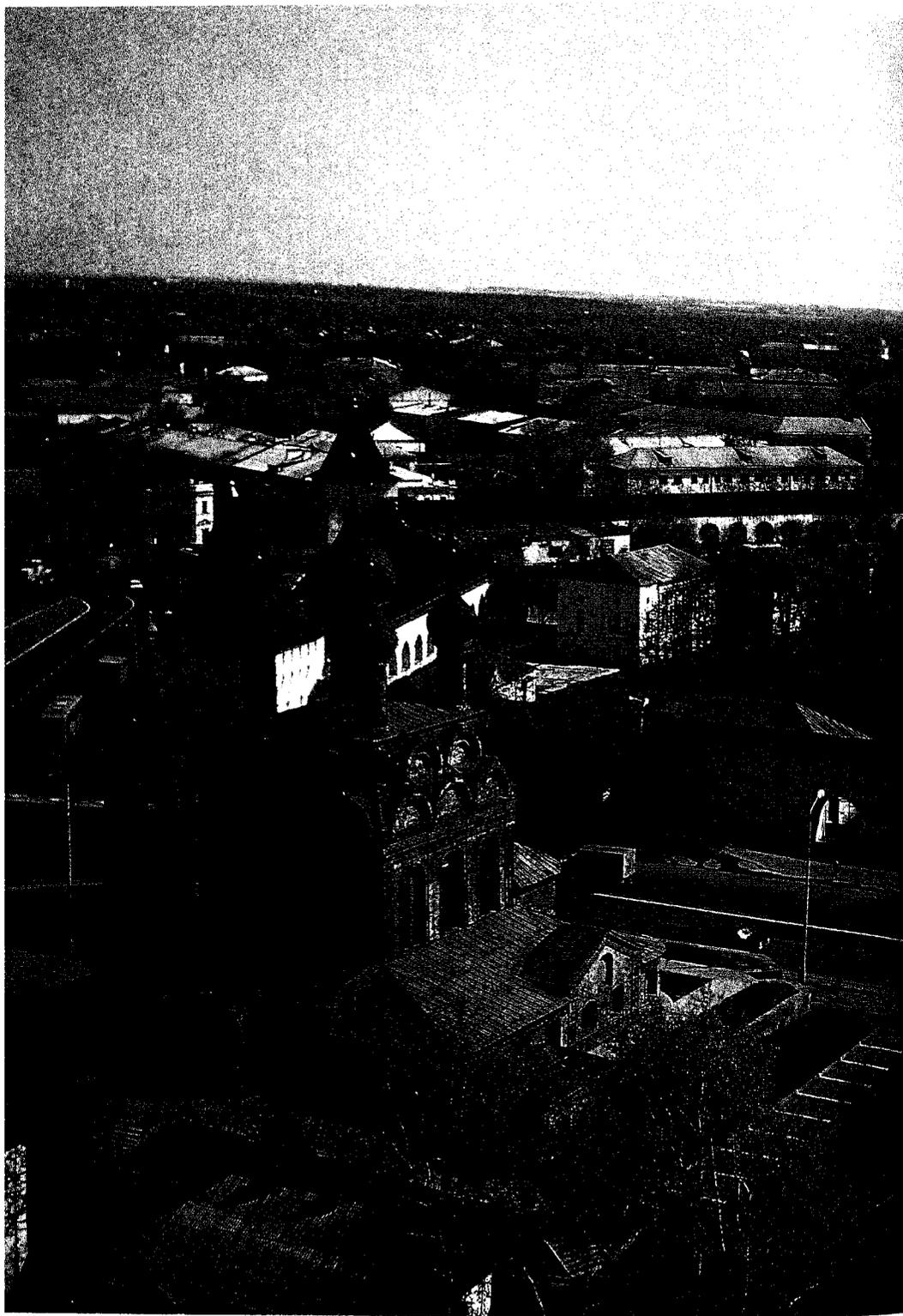
У нас есть планы экономического развития, планы выхода из экономического кризиса, но нет даже предложений создать план выхода из культурного кризиса, из той культурной отсталости, в которой очутилась наша страна за последние 82 года, вернее за 85, так как развитие культуры остановилось не в 1917 г., а в 1914 г. — с момента начала первой мировой войны. Однако первые десятилетия (со времени Октябрьской революции) были эпохой войны с культурой, с интеллигенцией, со свободой творчества, мысли, с культурой общения. Страна оказалась в плену у догматического террора. Сейчас в этой войне как бы перемирие и застой. Нет ощутимой войны против культуры, но нет и признаков выхода из тупика. В культуре же не может быть остановок. Остановка в культурной жизни — это упадок, упадок, который будет все нарастать и приведет нашу страну в разряд третьестепенных цивилизаций, если его не остановить. Культура станет только воспоминанием о прошлом, и то в меру его доступности будущему. Ведь чтобы понять культуру прошлого, надо самим иметь определенный уровень в настоящем. Нам грозит культурное одичание и ощущение своего одиночества в стране, обладавшей одной из самых великих культур мира.

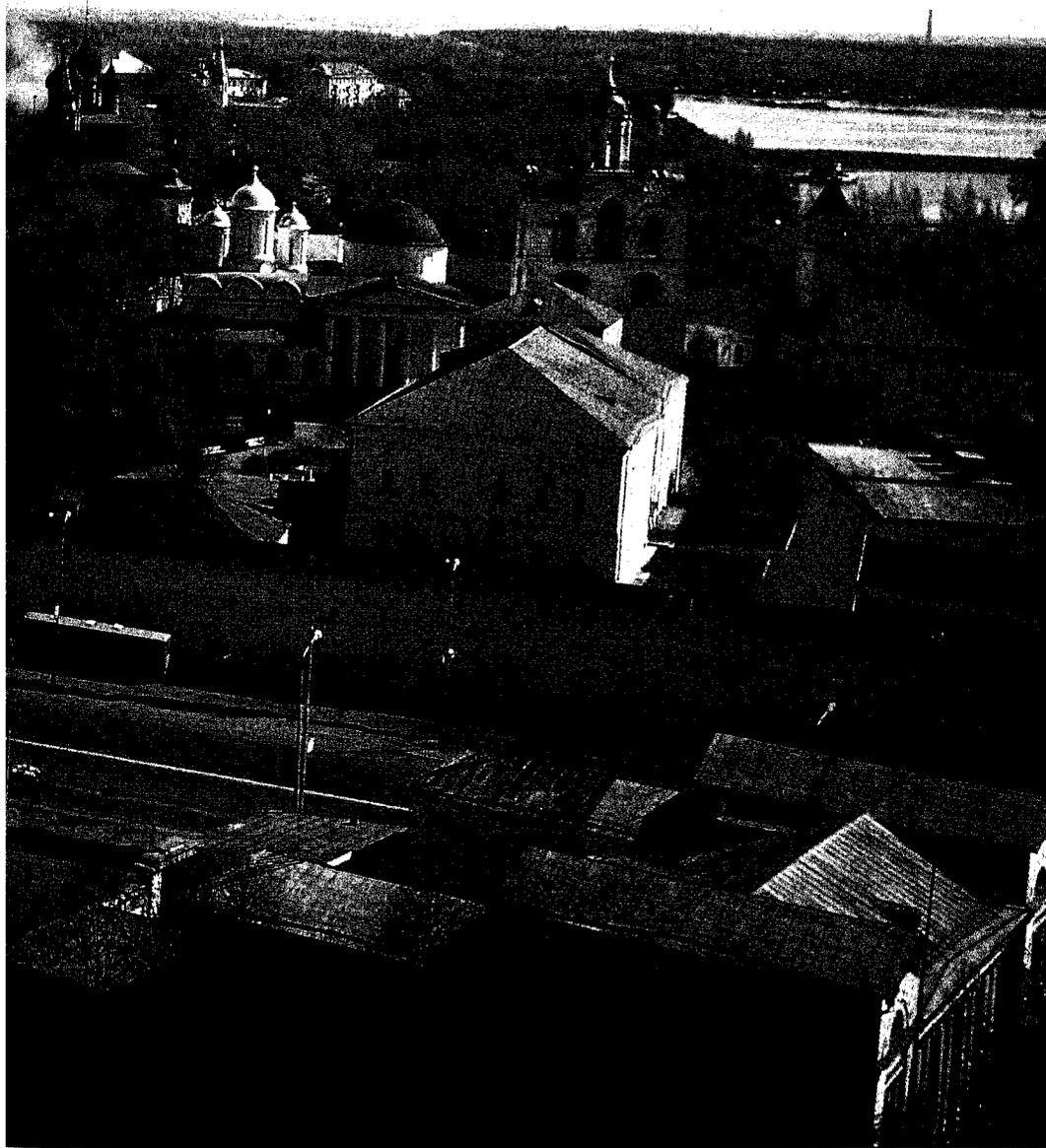
Прежде всего надо спасать культуру провинции. В Древней Руси, в XVIII, XIX и начале XX вв. именно провинция держала уровень не только численности населения, но и уровень экономического благополучия, уровень культуры. Вспомним, что большинство талантов и гениев в нашей стране родилось и получило первоначальное образование не в Петербурге, и не в Москве. Эти города только собирали все лучшее, объединяли, способствовали процветанию культуры, но рождала гениев именно провинция.

Следует помнить одну забытую истину: в столицах живет по преимуществу «население», народ же живет в стране, в стране многих сотен городов и сел.

Самое важное, что нужно сделать, возрождая культуру, это вернуть культурную жизнь в наши небольшие города. Уверен, что, возрождая нашу провинцию (это слово вовсе не обидно), мы решим и жилищную проблему в наших больших городах и ряд экономических проблем. Однако в первую очередь надо поддержать малые города: дать им экономические льготы, удешевить в них жизнь, а кроме того, сделать жизнь в них привлекательной. Пусть в них будут любительские хоры, любительские спектакли, клубы врачей или учителей, уютные

*Ярославль. Вид с колокольни
Спасо-Преображенского собора
Спасского монастыря*

*Ярославль. Вид на церковь Богоявления /1684—1693/
и Спасский монастырь. XVI—XIX вв.*

библиотеки, как своеобразные маленькие культурные центры с постоянно собирающимися читателями, чтобы отметить какую-либо замечательную дату, пусть будут собрания местных коллекционеров, любителей старины, а самое главное, непременно чтобы в каждом маленьком городе или большом селе было свое общество краеведов. Нет городов, в которых не было бы их истории, собственных примечательных событий в прошлом или выдающихся людей. А если к этому прибавится в городе хотя бы кружок любителей природы, то будет решен вопрос и с «малой экологией».

Вообще: как важно вернуться к «структуре небольшого». Из-за увлечения «самыми большими», «самыми мощными», «самыми производительными» и т.д. — мы стали крайне неповоротливы. Мы думали, что создаем самое выгодное и самое передовое, а на самом деле пытались в современном мире создавать технические и культурные монстры, динозавры — такие же неуклюжие, такие же неживучие и такие же быстро и безнадежно устаревающие конструкции, которые теперь уже и модернизировать нельзя.

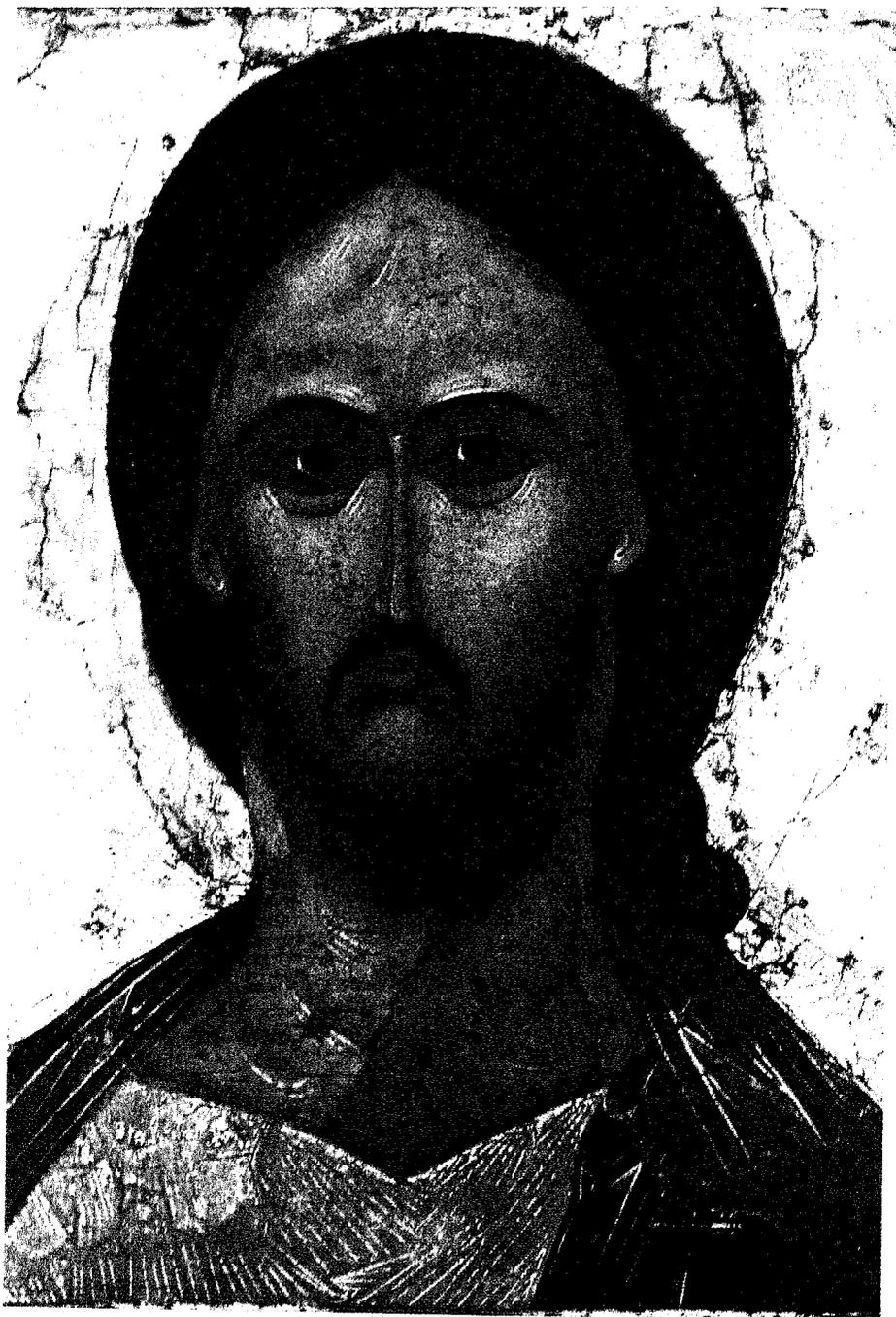
Между тем малые города, малые селения, малые театры, небольшие образовательные учреждения гораздо легче откликаются на все новые веяния жизни, гораздо охотнее перестраиваются, менее консервативны, не грозят людям грандиозными катастрофами и во всех смыслах легче «подстраиваются» к человеку и к его потребностям.

Ярославль. Церковь Ильи Пророка. 1647—1650
Потоп. Роспись северной паперти церкви Ильи Пророка. 1715—1716

ПОТОПЪ. БИТІЯ

Спас оплечный. XVI в. Самарский художественный музей

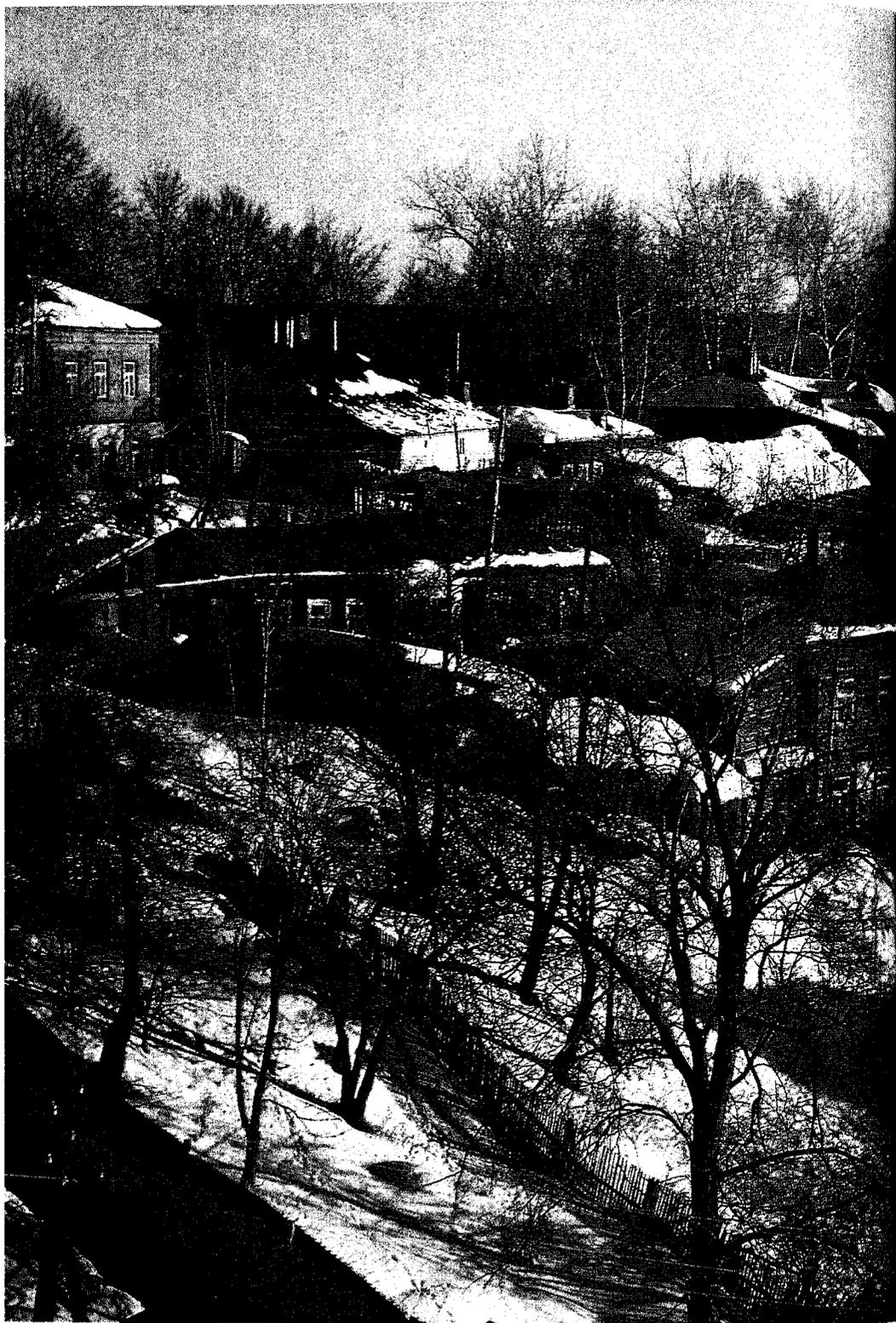

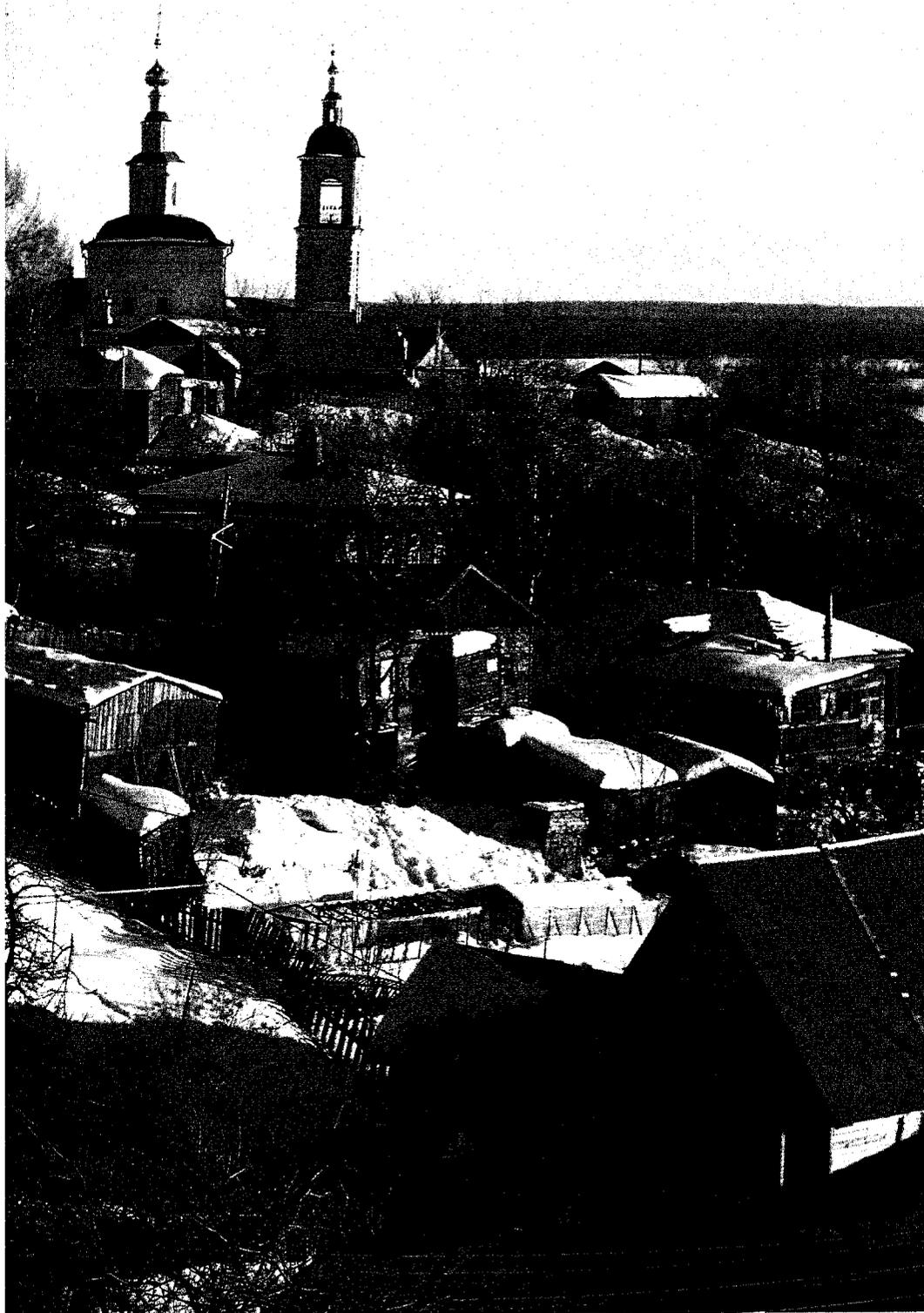
Самарская Лука

Итак, малые города — это проблема самая нужная в наше время. Давайте вводить в жизнь все малое и мириться с «самым большим» только в крайних случаях.

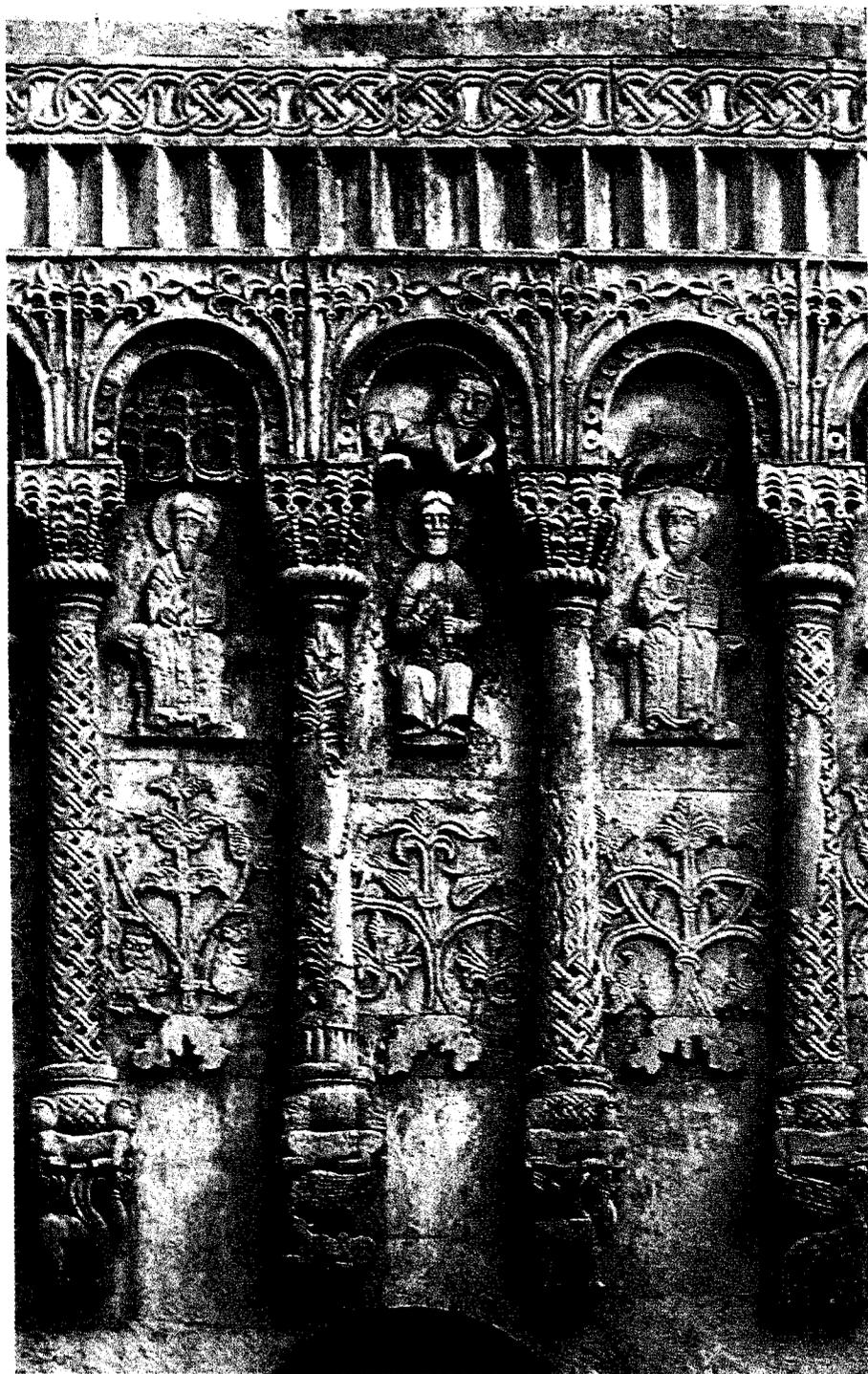
Второе, на что нужно обратить внимание, думая о плане развития культуры в нашей стране, — это о необходимости поднимать культуру с ее «гуманитарного конца». Любые технические знания и любая техника не создадут культурных людей. Напротив, облегчая человеку передвижение, труд, и то, что называется «принудительную информацию» по телевидению и радио, техника поощряет пассивность, тогда как искусство и общая гуманитарная культура человека развивает интуицию и инициативу, столь необходимые в творчестве, в изобретательстве, в науке всех ее видов, и позволяет человеку легче осваивать новые профессии. Культурный человек, принадлежа к определенным культурным традициям (национальным, семейным, профессиональным и т.д.), смелее в откликах на все новое, он шире в своем понимании чужого, он имеет больше возможностей освоить новое, он свободнее, и это главное. Культура человека делает окружающий его мир для него интереснее и в конечном счете позволяет ему быть счастливее. Вот почему так важно повышать гуманитарную культуру как основу всякой культуры иного типа.

Техника, экономика, цивилизация в специальном значении этого слова — это все не может быть самоцелью. Культура же сама по себе — цель развития отдельного человека, нации, страны и человечества. Вот почему развитие культуры не должно затрудняться налогами, любыми формами обложения. В пользу чего? В пользу экономического прогресса? Но сама экономика служит культуре!

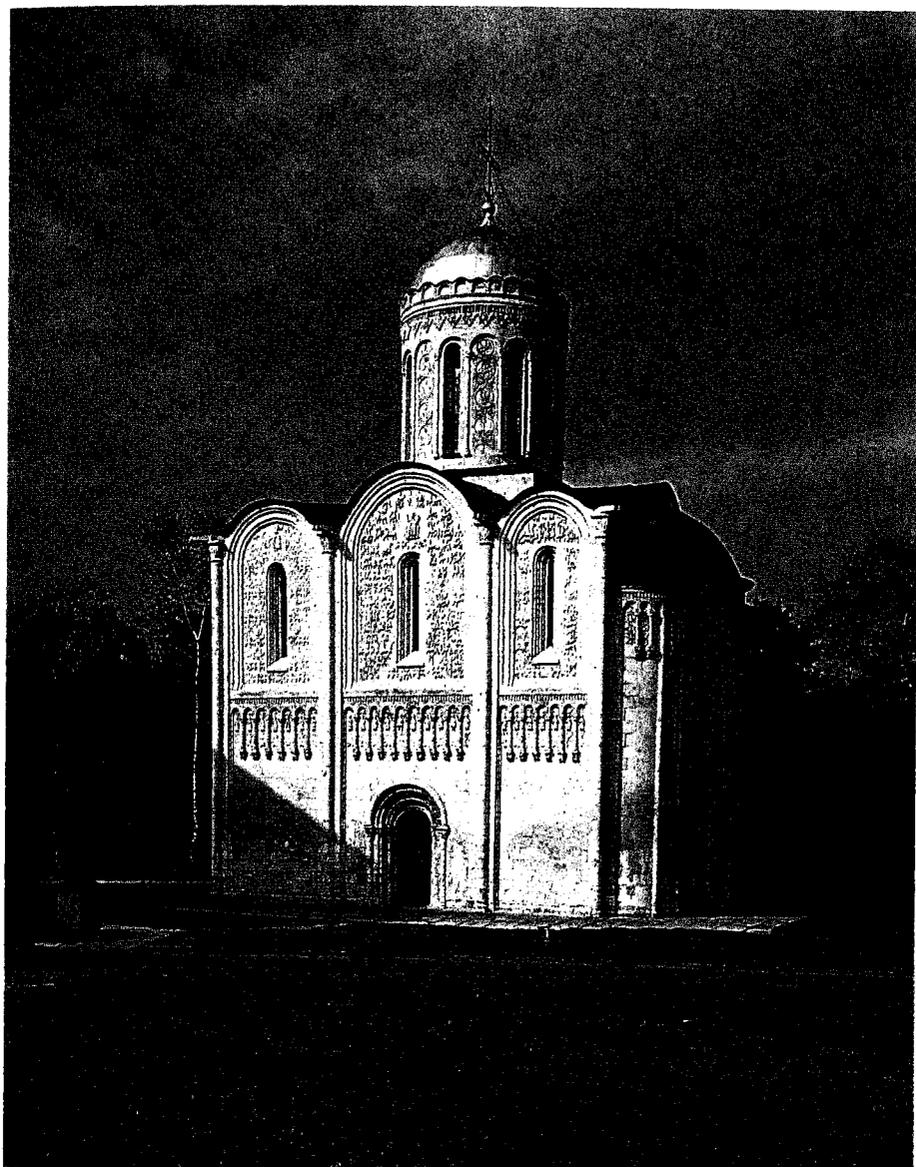

Владимир зимой. Вид на Вознесенскую горку

Аркатурный пояс Дмитриевского собора во Владимире

Дмитриевский собор во Владимире. 1194—1197

Я был в Новгороде сразу по его занятии нашими войсками. Немногие жители обитали в немецких землянках, вырытых в земляном валу Новгорода. И раздавались голоса — нет, не большинства, а почти всех надо сперва выстроить жилые дома, а потом уже заняться восстановлениями и реставрациями. К счастью (редкий случай), начальство оказалось прозорливее «большинства», и в Новгороде стали одновременно восстанавливать его драгоценные памятники и строить новое жилье. Благодаря этому правильному решению Новгород быстро вышел в первый ряд наших городов, ибо культура привлекла к себе талантливых специалистов, а знание истории города позволило в основном сохранить старую планировку, старые масштабы, оказавшиеся наилучшими и для новой городской жизни, восстановить былую красоту.

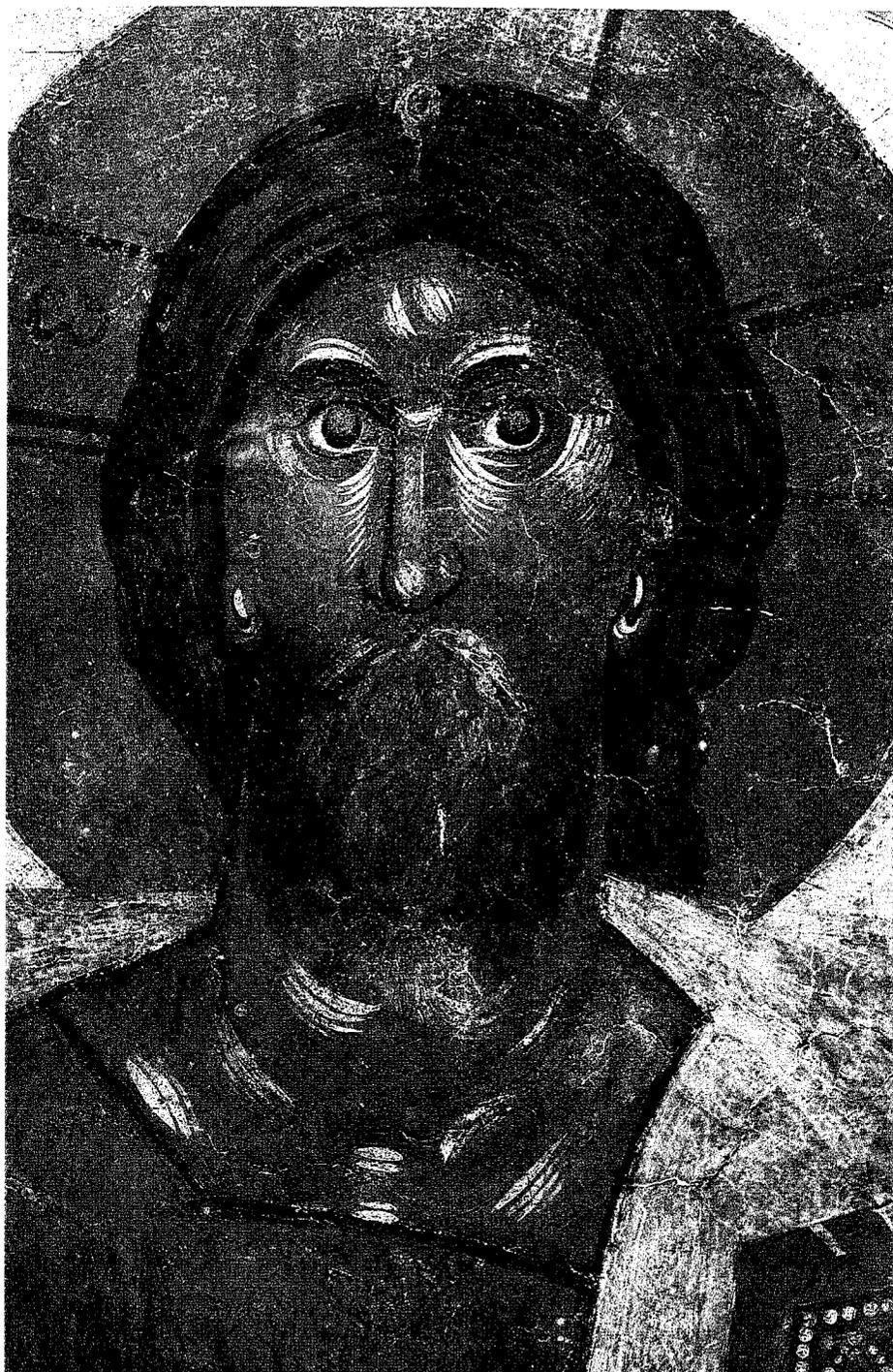

Ярославо Дворице в Новгороде

Каждый наш исторический город обладает своим индивидуальным лицом, красив по-своему. Но красоту нужно разгадывать. Она не дается прямо в руки.

Наши предки, меньше, чем мы, занятые техникой, больше уделяли внимания красоте, понимали ее с «полуслова» и сохраняли столетиями.

Два города в Древней Руси стали центрами ее культуры — Киев и Новгород. Новгород, оказавшийся в XIX веке в стороне от железной дороги, больше сохранился. Отчетливо сохранились и следы его красоты. Это единственный город в Европе, в котором до сих пор существует земляной вал, по которому когда-то шли деревянные укрепления с каменными башнями. И какой вид открывается с этого вала. На некотором расстоянии от Новгорода шло кольцо церквей, частично сохранившееся до сих пор. Позади Красного (т.е. «красивого») поля было видно шествие белых строений: Рюриково городище, Нередица, Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волотово, Хутынь. Именно «шествие», обращенное алтарями на восток, они как бы двигались навстречу солнцу. В самом городе выделялся заатоголовый Софийский собор, выше которого не строилась ни одна церковь. Выше строились церкви только за пределами города — Георгиевский собор Юрьева монастыря, Антониев монастырь и Хутынь на горушке. Планировка также была продумана, и согласно «закону градскому» нельзя было загораживать вид на озеро и на Волхов. Согласно бытине о Садко в древнейшей ее версии Кириши Данилова, Садко выходит из Кремля и кланяется Ильмень-озеру, передавая ему привет от Волги.

*Феофан Грек. Пантократор. 1378.
Роспись в куполе церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород*

Можно было бы долго рассказывать о том, как продуманно с художественной точки зрения строились древнерусские города. До сих пор следы этой продуманности видны в Новгороде-Северском, в Путивле, в Ярославле, во Владимире. В отличие от Новгорода они строились на высоком берегу реки, и прямо из центра города открывался вид на заливные луга. Это была ландшафтная связь с природой. А как строились монастыри или небольшие городки типа Плеса на Волге!

И вот к чему я клоню. Нынешние градостроители, прежде чем заниматься составлением генеральных планов развития исторических городов, обязаны прожить в этих городах достаточно долго, изучить их историю, их эстетическую сторону. В исторических городах должны быть созданы художественные советы из художников, педагогов, музейных работников, местной общестственности. Задача этих советов — изучать художественные особенности своих городов, выпускать труды, публиковать статьи в местной прессе. Пусть эти работы будут казаться в какой-то своей части субъективными: уверен, что ошибок и расхождений в оценке красоты своих городов будет меньше, чем у составителей «генеральных планов».

Задача таких художественных советов состоит не столько в сохранении отдельных зданий, сколько в сохранении *облика городов*. Ведь здания, построенные в разные времена, очень часто хорошо сочетаются друг с другом. Есть стили «социальные» и «антисоциальные». Допустим, здание в эклектическом стиле может отлично сочетаться с храмом XVII или XVI века. Эклектика (стиль выборочно бравший, выбиравший, отсюда и название стиля) «социален» по своей природе, то есть он сочетается со зданиями других эпох. То же можно сказать о скромных зданиях XIX и XVIII веков. Они составляют средостение между пышными церквями XVI и XVII веков и строениями современного интернационального, денационализованного стиля второй половины XX века. Но все это должны оценить художественные советы, чтобы сохранить не только красоту отдельных строений, но весь район или весь город как единое самостоятельное художественное целое.

Сразу после Великой Отечественной войны, в 50—60-х годах, я часто выступал в печати со статьями в защиту исторической красоты Новгорода. И с гордостью должен сказать, что хотя в те времена аргументировать в пользу сохранения городов было трудно (обычное возражение — «людям негде жить» — сильно действовало), тем не менее под влиянием моих статей удалось сохранить земляной вал, по которому проектировали провести объездную дорогу, сохранить от застройки Красное поле и район между Новгородом и Аркажами. Строительство удалось направить по шоссе в сторону Петербурга, где порча города была бы менее заметна. Удалось добиться переноса моста ниже по течению Волхова, сохранив Кремль с его бесценными музеями от превращения его в проходной двор. И т.д.

Но вот новая угроза нависла над Новгородом. Вот письмо местных жителей Новгорода в защиту их родного города от некомпетентного вмешательства петербургских проектировщиков. Если бы только их письмо дошло до новгородского руководства. Если бы только художественные советы были созданы в других наших чудных русских городах. Если бы художественные советы, охрана памятников были выведены из подчинения главным архитекторам и были бы подлинными и независимыми органами общестственности.

В защиту древнего Новгорода!

Средства массовой информации — газеты, журналы, телевидение и радиовещание — в условиях гласности и демократизации нашего общества почти ежедневно сообщают о крайне неблагоприятном состоянии, в котором находятся памятники национального прошлого. При этом все чаще речь заходит уже не об отдельных памятниках, а о целых городах и районах. Особенно тревожное положение сложилось в Новгороде. Недавно Новгороду исполнилось 1125 лет. Но торжественная дата никак не соответствует виду как самого города, так и памятников новгородской архитектуры, живописи и природы. Более того, есть все основания думать, что мы стоим на пороге дальнейшей порчи города, сохраняющихся в нем произведений искусства, изумительных по красоте пригородных пейзажей...

Разработанный и находящийся теперь в стадии утверждения генеральный план развития Новгорода до 2005 года предусматривает не сокращение, а расширение промышленных районов, которые уже сейчас в процентном соотношении равны жилым зонам и зонам отдыха и туризма. Непродуманное, недальновидное планирование хозяйственной деятельности в Новгороде оказывает разрушительное воздействие на все виды исторических ценностей древнейшего русского города, которые по праву входят в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

Обсуждение упомянутого плана в Министерстве культуры РСФСР показало поразительное равнодушие официальных властей города к судьбе его исторического облика. Да и сами планировщики скорее приспособливают историческое ядро Новгорода к новому городу, а не новый, растущий город к древнему, что было бы здесь естественно так же, как это делается, скажем, в Суздале. Преданы забвению основные положения первого послевоенного генерального плана, разработанного академиком А.В.Щусевым в 1945 году. Научная общественность, представители которой были приглашены на обсуждение в Министерство культуры РСФСР, высказались, в частности, против постройки железобетонного пешеходного моста через Волхов в центральной части города. Речь шла о крупном инженерном сооружении, которое не может не испортить всей панорамы Новгорода.

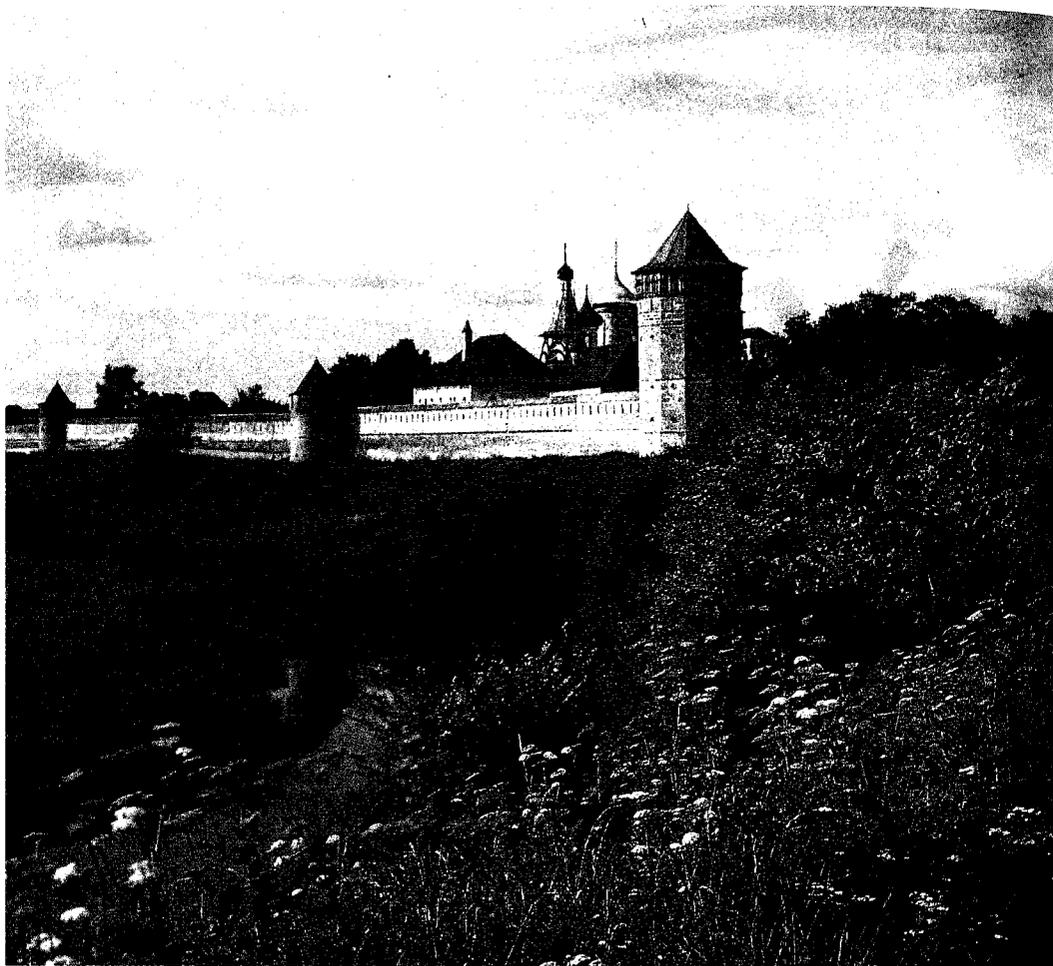
Исторический центр Новгорода разделен на две равные половины рекой Волхов: на левом берегу находится кремль с Софийским собором XI века, на правом — Торговая сторона с вечевой площадью и соборами XII—XVI веков. Деление города, впрочем, относительное, условное, поскольку с древнейших времен обе его половины соединялись мостом. Первое летописное известие о Великом мосте через Волхов относится к 1138 году, когда он был поставлен взамен обветшавшего старого, из чего нетрудно сделать вывод, что мост существовал и в XI столетии. И какой мост! Это была едва ли не самая оживленная улица города. Мост неоднократно горел, его сносили полая вода и ледоходы. Его множество раз разбирали во время социальных распрей Торговой стороны с Софийской стороной. Здесь собирались вечевые собрания, происходили публичные казни и дипломатические встречи. Без всякого преувеличения можно сказать, что история Великого моста — это история самого Великого Новгорода. Вот почему проектировать и строить новый мост через Волхов следовало бы с величайшей осторожностью, с оглядкой на прошлое, предусматривая по возможности наиболее полное соответствие его форм старому мосту. Ведь речь идет по существу о реконструкции одного из древнейших исторических памятников Новгорода!

Деревянный мост через Волхов просуществовал вплоть до начала XIX века, когда городу понадобилась более удобная транспортная магистраль, которая функционировала бы независимо от разливов реки и напивавших со стороны Ильменского озера льдов. Так в 1820-х годах возник первый полукаменный-полудеревянный мост, повторявший своими очертаниями все ранее бывшие мосты. Маломогучий, он продержался около восьмидесяти лет, пока петербургские инженеры не возвели в 1902 году куда более монументальное сооружение, железные фермы которого поднялись почти до куполов поблизости стоящего Софийского собора. Знарок истории города, горячий защитник его старины А.И.Анисимов оценил это творение нового века как «полуазиатское-полуевропейское чудовище», испоганившее самое сердце древнего Новгорода. В годы второй мировой войны мост был взорван, а в 1954 году новый транспортный мост был разумно поставлен в стороне от кремля. Не обладая никакими архитектурными достоинствами, он исправно несет свою нелегкую службу до сих пор. Но городу нужен еще один, пешеходный мост. Требуется он и постоянно нарастающему туристическому потоку. Так возникла мысль о восстановлении старого моста, который напрямую соединил бы кремль и Ярославово дворище на Торговой стороне. Можно было бы приветствовать это решение, если бы новый мост строился горизонтальным на уровне тех каменных устоев, которые сохранялись по обоим берегам Волхова от моста XIX и XX веков. Ссылаясь, однако, на то, что Волхов при большой воде судоходен и по нему плавают мелкие суда местного назначения и один весьма скромных размеров пароходик, соединяющий центр города с близлежащим Юрьевым монастырем, проектировщики предложили выстроить дугообразный железный мост. Проверочные построения, основанные на теодолитных съемках, выполненных Центральным научно-исследовательским институтом градостроительства и Московским архитектурным институтом, показывают, что стрела его подъема почти равна высоте древних стен кремля. Конкурс на постройку нового моста не проводился. Предложение построить низкий горизонтальный разводной мост, исходивший от лиц, заинтересованных в сохранении исторического облика города, было отклонено на том основании, что разводные мосты нигде, кроме Петербурга, теперь не строят, а если сооружать его в Новгороде, он будет стоить дорого. Как будто не дорог сам Новгород! Не подумали даже о том, что, например, в Голландии разводные мосты — простейшие явления, и они пропускают суда по обычному дорожному светофору. Споры о новом мосте продолжались много лет, но ни разу он не сделался предметом широкого обсуждения.

Подлинным бедствием для Новгорода является прогрессирующая утрата исторических ландшафтов в черте самого города и в его ближайших окрестностях. Московское шоссе к востоку от древних городских валов еще в 1950-х годах перерезало низменную местность мощной насыпной дамбой, на которой еще совсем недавно возникла автозаправочная станция. При строительстве дороги был засыпан исторический Федоровский ручей, память о котором осталась лишь в названии церкви Феодора Стратилата «на ручью». Обочины московского шоссе застраиваются неказистыми хозяйственными зданиями. А ведь еще на нашей памяти отсюда открывался изумительный по красоте вид в сторону церкви Рождества на поле, Волотова и Ковалева — с бесконечными стожками собранного сена на заливных лугах. В пригородной деревне Волоново, одном из самых поэтических мест под Новгородом, где до войны стояла и, несомненно, будет восстановлена церковь XIV века, всюду разрастается новое городское кладбище,

а напротив расположенная церковь Спаса на Ковалеве для удобства туристов соединена с московским шоссе насыпной дамбой.

Еще более удручающим является пренебрежение местных властей к единственному в своем роде историческому ландшафту к югу от города, где находятся Юрьев монастырь, Перынь, Спас-Нередица, Благовещение на Городище и Липна. До 1916 года вид в сторону Ильменского озера сохранялся точно таким, каким он был сотни лет назад. Начавшееся без согласования с местными деятелями культуры строительство поблизости от Нередицы железной дороги вызвало в 1916 и 1917 годах многомесячную полемику в газетах и журналах. Вся передовая печать выступила тогда в защиту Новгорода от посягательства проектировщиков, за отмену южного варианта и за перенос новостроящегося железнодорожного полотна к северу от города. Но совет министров царской России утвердил уже осуществлявшийся проект с оговоркой, что после окончания войны новгородский участок дороги Нарва — Валдай будет изменен на северный вариант. В условиях поражения России в первой мировой войне и начавшейся затем революции дорога не была закончена, но памятником этого преступного проекта являются монументальные железобетонные опоры для железнодорожного моста и песчаная насыпь в непосредственной близости от Нередицы. Дамба пересекла речку Нередицу и низину на противоположном берегу Волхова, что вызвало стремительное заболачивание местности и последующую порчу нередицких фресок XII века. Казалось бы, исторический опыт должен был подсказать самое бережное отношение города к окружающим его природным ландшафтам и к его южным окрестностям в частности, где все находится в естественном равновесии и не терпит грубого вмешательства человека. Но нет! У подножия одной из опор построена безликая водокачка, а к ней протянута железнодорожная ветка. На западном берегу Волхова, напротив церкви Петра и Павла XII века, возникли производственные постройки, а на восточном берегу — скучнейшая туристическая гостиница. Недавно в печати промелькнуло сообщение, что возможен проект возобновления железнодорожного полотна и строительство моста на существующих опорах около Нередицы. В таком случае Новгород навсегда лишится остатков своей былой славы города-памятника: его исторический центр будет наглухо изолирован от окрестностей и будет существовать в кольце железобетонных мостов и дамб. Необходимо тщательно изучить гидрологическую обстановку в городе и пригородах, строить не дамбы, а эстакады, чтобы не нарушать сложившееся равновесие водного бассейна. Пока не поздно, следует разобрать опоры 1916 года, снести полуразмытую насыпь около Нередицы, восстановить русло речки Нередицы, демонтировать водокачку, убрать свалки и хозяйственные постройки на западном берегу Волхова, запретить всякое строительство к югу от Ярославова дворища на Торговой стороне и к югу и юго-западу от кремля на Софийской стороне (где предполагается новый микрорайон с 5-ти и 9-этажными панельными домами). Иными словами, сделать все возможное для сохранения историко-художественного ландшафта в южной оконечности города. Сделать это необходимо, иначе, как было заявлено Новгородским обществом любителей древностей еще в 1916 году, «Русская земля лишится одного из самых замечательных видов своих, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец, Петропавловскую крепость и Биржу, виды из Замоскворечья на Москву-реку с Кремлем и храмом Василия

Суздаль. Спасо-Евфимиев монастырь. XVI—XVII вв.

Блаженного и на Днепр от памятника св. Владимиру в Киеве, то есть такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собою целые эпохи в истории народа и которые надлежит оберегать как самые дорогие национальные памятники».

Сохранение исторических ландшафтов — одна из задач всеобщего, международного дела охраны памятников. И одна из наиболее осуществимых, поскольку для этого требуется только одно: оградить подобные ландшафты от бездумной, близорукой застройки... Медленно и неуклонно теряется замечательная первозданность Ферапонтова, давно требующего создания здесь обширного архитектурно-художественного и природного заповедника. Нельзя допустить и окончательной порчи новгородских ландшафтов. Сохранение подобных исторических зон — не прихоть чудаков, желающих приостановить ход истории, а настоятельная необходимость, наша национальная задача. Выдающийся педагог К.Д. Ушинский высказал в свое время очень простую и правильную мысль: «Я вынес, — говорил он, — из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно

Суздаль. Кидекша. Колокольня. XVII в.

соперничать влиянию педагога». А другой великий русский человек, Петр Ильич Чайковский, сказал так: «Восторги от созерцания природы выше, чем от искусства». Природа беззащитна, и уродовать ее так же безнравственно и преступно, как избивать ребенка или старика. Если в нас еще сохраняется совесть и чувство национального достоинства, если мы не на словах, а на деле любим свою Родину, нужно принимать немедленные меры против тех, кто уничтожает лучшее из созданий нашего мира — природу, и один из самых величественных памятников отечественной и мировой культуры — Великий Новгород.

На этом кончается длинное письмо новгородцев. Хотя оно длинное и написано не сегодня, о нем не следует забывать. Многие проблемы остались

теми же или будут вновь и вновь возникать со сменой руководителей. События забывают ошибки и повторяют их вновь и вновь в почти неизменном виде всегда очень велик. У ошибок тоже есть «традиция». Есть свои «традиции» и у простого невежества.

Мне пришлось говорить на Ярославщине со многими руководителями местных отделов культуры. Однако искренней заинтересованности в судьбе обременительного, хотя и славного наследства, которое досталось Ярославщине от прошлого, я не встретил почти ни у кого.

Товарищ из областного отдела культуры жалобно сказал:

— К глубокому сожалению, время сохранило на Ярославщине очень мало памятников гражданской архитектуры...

Можно очень многое возразить этому товарищу. Можно отослать его к популярным изданиям по истории древнего ярославского искусства, где он почерпнет несколько азбучных истин. Но еще уместнее припомнить в связи с этим блестящее высказывание покойного польского юмориста о том, что людям, не имеющим отношения к искусству, лучше не иметь к нему отношения. Однако этот товарищ имеет. И самое непосредственное. И другие, ему подобные, тоже имеют. Один из них вынашивает идею о том, чтобы снести как можно больше ярославских памятников, а потом все средства бросить на какой-нибудь один. Другой с облегчением сказал мне, что Рыбинское море затопило, к счастью, очень много церквей: «И так у нас в области больше, чем в других областях. Стыдно перед товарищами». Третий сказал раздумчиво, когда мы проезжали с ним в автобусе мимо церкви в селе Крест:

— Эту мы скоро снесем. И построим тут небоскреб, восьмизэтажный дом.

Здесь добавлю только, что церковь эта в десятке километров от Ярославля, кругом полно пустырей, и кому там нужен первый ярославский небоскреб, да еще на месте старинного храма, — это уж и совсем понять невозможно.

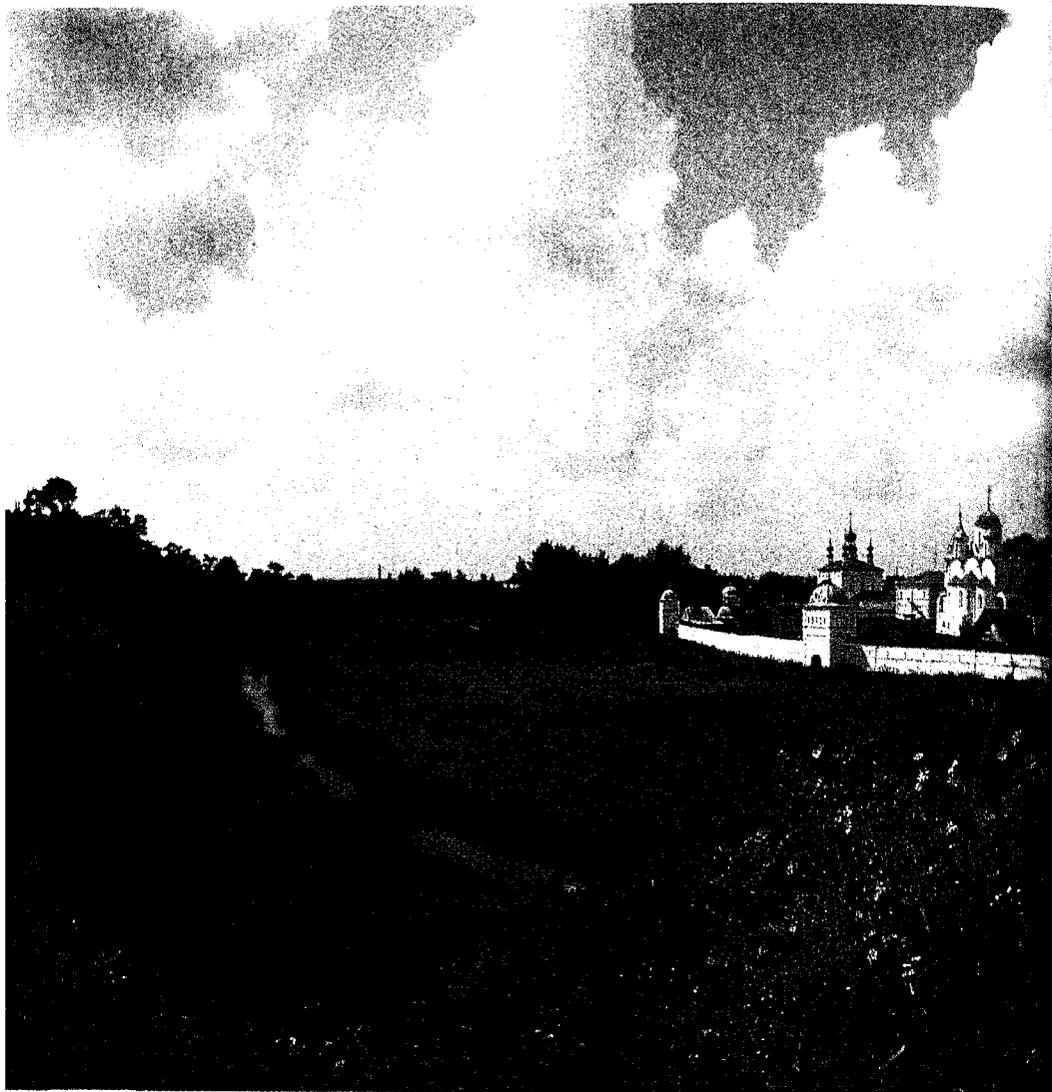
В начале прошлого века Бетанкур предложил разобрать ростовский кремль и построить из этого кирпича гостиный двор в Ростове. Последняя книжка о Ростове, как и прежние издания, заслуженно клеймя этого человека с нерусской фамилией, замечает, что он «не оценил национальной красоты ансамбля». Наверняка не оценил. Однако потом было много других людей с исконно русскими фамилиями, которые разбирали древние уличские и переславские храмы... Эти люди, не понимавшие ни искусства, ни традиций, громили древние здания в Ростове, Великом Устюге, Ярославле. Они всегда ссылались на насущные задачи, на текущий момент и потребности настоящего, иногда даже будущего. Это их имел в виду Пушкин, говоря: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

В ряде исторических древнерусских городов явно стремление новых градостроителей заслонить современными домами старые церкви. Таковы «градостроительные лицемерия» в Пскове, где «спрятана» церковь Сергия с Залужья, в Нижнем, где застройка по гребню горы стремится заслонить церкви, в Астрахани, где совершенно очевидна попытка заслонить вид с Волги на древний кремль и его изумительный Успенский собор с помощью гостиницы «Лотос» и других «коробок».

Однако эффект достигается этим совершенно обратный: древняя красота оказывается противопоставленной современному безобразию (безобраз-

Богоматерь Умиление. XIV в. Из Покровского монастыря в Суздале

ности), и вместо того чтобы заставить жителей и посетителей городов забыть о старой красоте, они вызывают сильнейшую по ней ностальгию. Даже разрушенные здания все же стоят призраками красоты перед нашими современниками, все более интересующимися прошлым. Их изображения смотрят на нас в историях искусства, со старых картин, с открыток. Они остались в памяти старых людей.

М.П.Погодин где-то сказал: «Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы, но не станем вырывать старых».

Развитие культуры, особенно в провинции, должно происходить в особом экономическом режиме. Оно не может существовать, и нигде в мире не существует, за счет собственных средств. Доход от культуры не прямой. Но доход этот очень велик и сказывается во всех сферах жизни народа: культура

Суздаль. Покровский монастырь. XVI—XIX вв.

упорядочивает жизнь, снижает процессы, ведущие к хаосу, поднимает уровень духовной и экономической жизни. Культура ведет к тому, что жизнь народа становится самоорганизующейся.

Многие твердят: «сперва накормить народ, а потом уже заботиться о культуре». Отсюда — «остаточный принцип» в наших отношениях к культуре. Культура у нас на самом последнем месте во всех заботах и финансовых ассигнованиях. Но ведь от нашей внутренней культуры зависит и экономика, и техника, и наука. Культура и экономика взаимозависимы. Ни о чем не следует забывать. Элементарная честность населения — предпосылка развития экономики. Нам очень повредила вульгарно понимаемая формула — «бытие определяет сознание». В очень многих конкретных случаях именно *сознание необходимости перемен влечет за собой перемены в бытии* народа. Никакие экономические законы в обществе не действуют, если нет культу-

Богоматерь в молитве. XV в. Ростов Великий, Городской музей

ры общения. Техника требует интуиции, интуиция же создается культурой изобретателя, проектировщика.

Оставим заботе министерства просвещения подъем преподавания гуманитарных дисциплин: истории, литературы, языка, музыки (хотя бы пения), рисования, логики и пр.

Оставим также заботе министерства культуры чрезвычайно важное сейчас спасение наших гибнущих библиотек, архивов, музеев, памятников истории и культуры.

Дело общественности создавать общества коллекционеров, любителей того или иного искусства или ремесла, общества друзей музеев, старых садов и усадебных парков (кстати, в США есть общество друзей Павловского парка; в Павловске и Петербурге такого нет!), ассоциации краеведов для воспитания *духовной оседлости*, привязанности к своим местам и т.д.

Перед общественными организациями, занимающимися проблемами подъема культуры в нашем обществе, два направления деятельности. Одно как бы местное, в котором скрыто всеобщее, другое — всеобщее, в котором заложено и местное.

Ростов Великий. Торговые ряды и Кремль. Вид с воздуха

По первому направлению следует развивать духовную оседлость людей, их привязанность и уважение к своей местности и к своей стране. Здесь важна деятельность самых разнообразных краеведческих организаций по всей России. Не надо стеснять и унифицировать деятельность в этом отношении общественности. Многое зависит от особенностей местности, в которой они существуют. Одни общества и кружки пусть занимаются деревянным зодчеством, которым славен их город или село. Другие общества возродят традиционные для их местности промыслы. Третьи должны работать над созданием истории своего края. Важно, чтобы краеведение стало любимым занятием местного населения, чтобы краеведческие учреждения собирали местную интеллигенцию на доклады, организовывали экскурсии и концерты. Вокруг местных музеев должны организовываться кружки «друзей музея». Мне кажется, было бы очень важно организовывать ассоциации «друзей реки», на которой расположен город. Ведь река — святое место для многих русских и нерусских городов. Забота о чистоте реки, красоте ее берегов — должна быть главной заботой любого города на реке.

Второе направление деятельности общественных организаций культуры, — возрождение интереса к классике. Необходимо создание по всей стра-

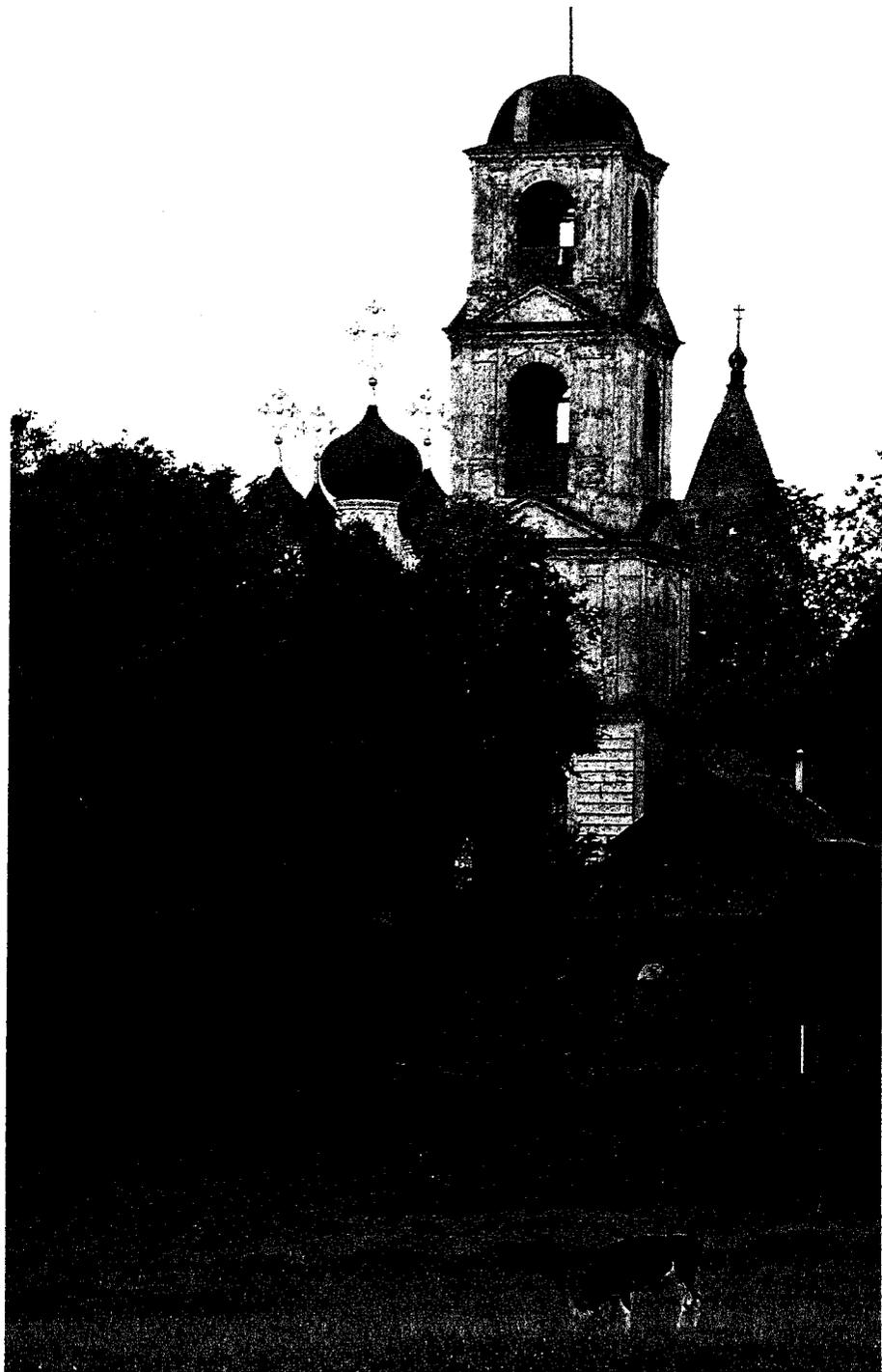
*Никола Можайский. XVII в.
Дерево. Резьба, раскраска. Переславль-Залесский, Музей*

не отделений, филиалов, даже просто групп общества «Классика». Их деятельность может быть чрезвычайно разнообразна: от изучения классических языков (латинского, греческого, церковнославянского, арабского) до создания хоров подлинной народной песни. Именно подлинной, т.е. той, что проверена поколениями наших предков.

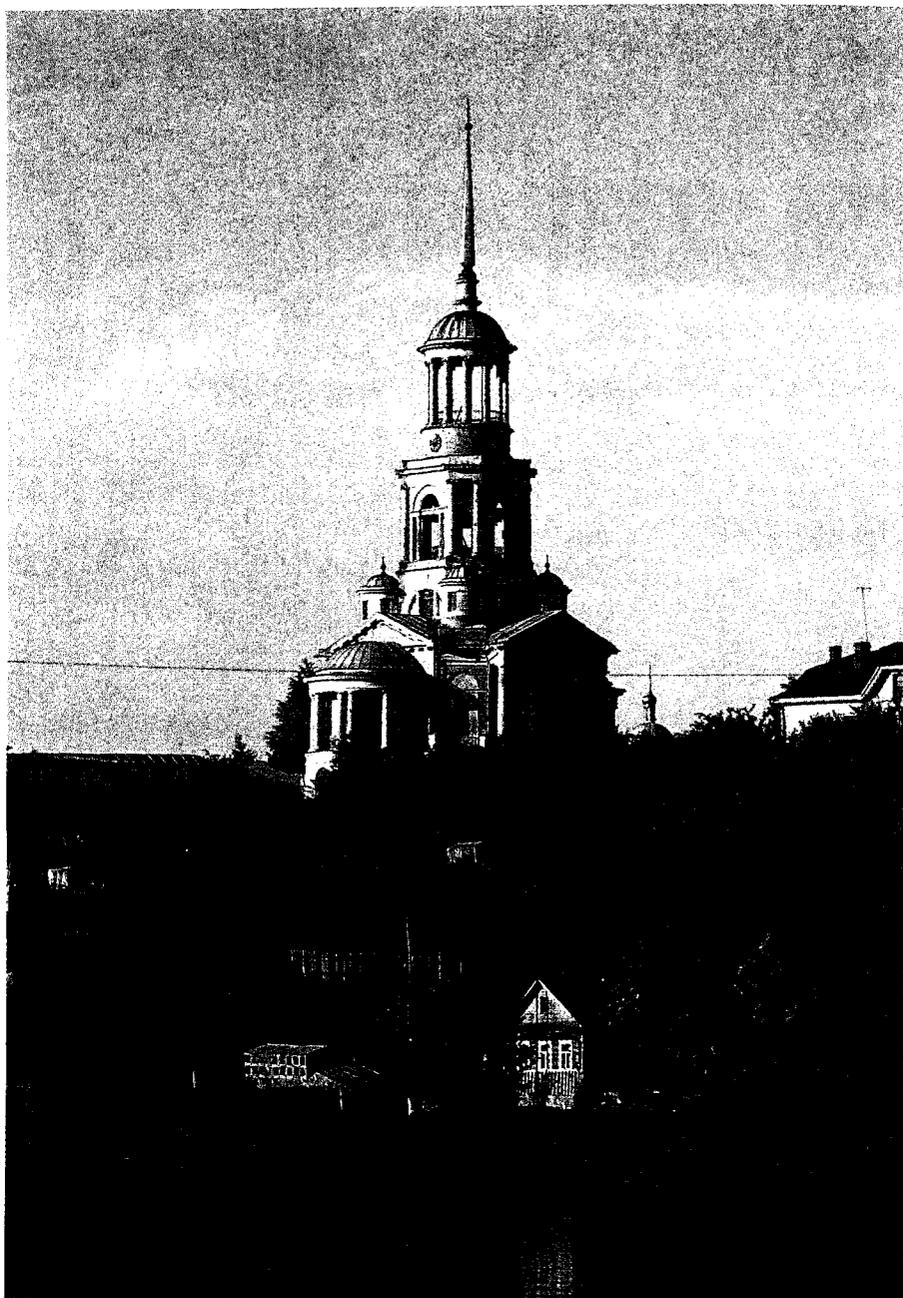
Музеи, как воспитательные учреждения, должны быть бесплатными для молодежи (это делается во всех странах), на концерты классической музыки учащиеся также должны приобретать либо бесплатные билеты, либо билеты по сниженным ценам. Культура не может быть на безоговорочном хозрасчете. Ее «отдача» поступает не сразу.

Чтобы движение за подъем культуры в нашей стране имело ощутимый успех, оно должно широко обсуждаться и освещаться в печати. Государство обязано выработать концепцию развития культуры в нашей стране и подвергнуть ее широкому обсуждению.

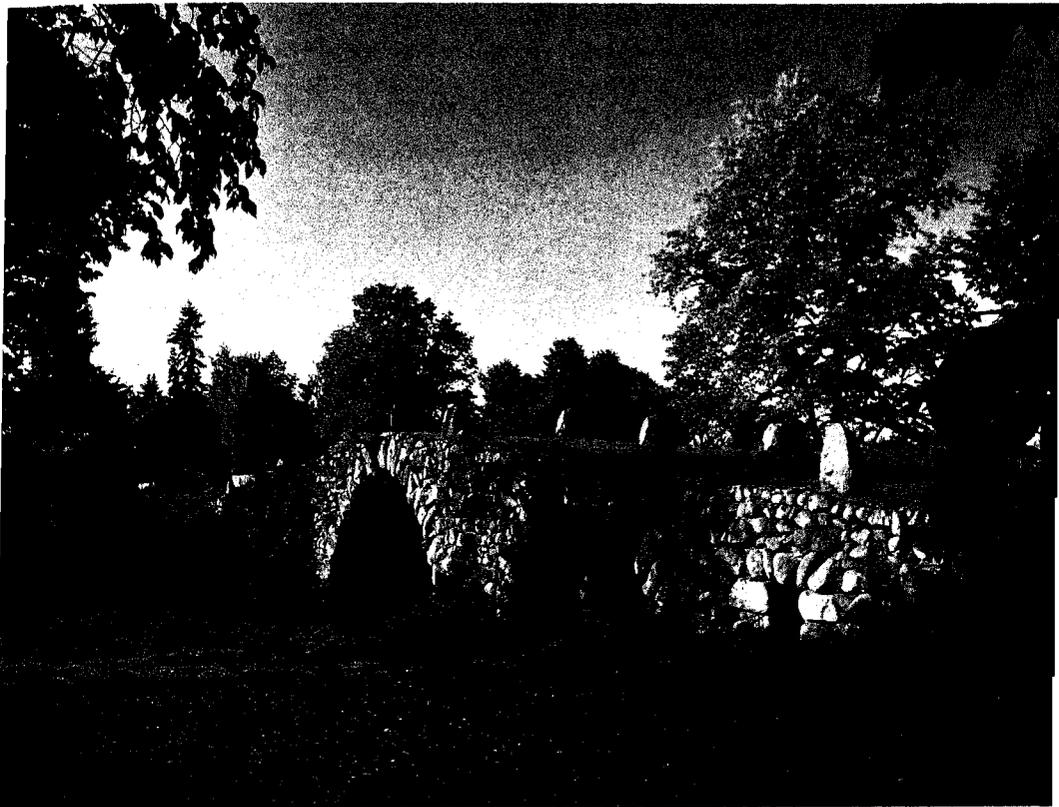
В связи с вопросом о преимуществах гуманитарных знаний над знаниями техническими или почерпнутыми из области естественных наук стоит вопрос и о том, чему отдать предпочтение в средней школе — воспитанию или образованию. До последнего времени школа у нас была не воспитывающей, а обучающей. Поэтому так важен был вопрос и о ранней специализации. Но специальности в жизни меняются сейчас очень быстро — возникают новые и исчезают старые. Средняя школа должна воспитывать человека, способного осваивать

Переславль-Залесский. Никитский монастырь. XVI в.

Торжок. Надвратная церковь Борисоглебского монастыря. 1811. Архитектор Н.А.Львов

Торжок. Митино. Чертов мост

новую профессию, быть достаточно способным к различным профессиям и быть прежде всего нравственным. Ибо нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество. Без нравственности невозможно и развитие любой науки, ибо крайне трудно проверить эксперименты, вычисления, ссылки на источники и пр. Воспитывают же людей: впрямую — религия, а более сложным путем — музыка (особенно, я бы сказал, хоровое пение), литература, искусство, изучение логики, психологии, изучение языков (даже если их в будущем не придется применять в жизни).

В сообществе с гуманитарными знаниями воспитывают учащегося и знания технико-естественные. Математика развивает мышление и интуицию, естествоведение — нравственное отношение к природе (экология только тогда действенна, когда она идет рука об руку и с моральным развитием человечества), ручной труд (в нем также имеется своя моральная основа) — воспитание трудолюбия; впрочем, трудолюбие развивается любым школьным предметом при правильном его преподавании). Одним словом, воспитание в школе должно основываться на взвешенном и продуманном отношении между гуманитарными знаниями и знаниями естественно-техническими при преобладании, конечно, как явствует из вышесказанного, гуманитарных.

Что же представляет собой та нравственность, которая должна лежать в основе воспитания и которой учат нас гуманитарные дисциплины? Ответ на этот вопрос не может быть дан даже в очень обобщенном виде в короткой главе. Но одно следует подчеркнуть: нравственность едина для всего человечества. Она не может различаться по классам, сословиям и нациям. То, что нравственно для одного народа, нравственно и для другого. Когда говорят — «это мораль коммунальной кухни», «мораль капиталистов», «мораль пещерного человека», то в этом случае только иронизируют. Ирония звучит или скрыта в словах «социалистическая мораль», «мораль сверхчеловека».

Можно наметить два источника средств на культуру. Первый — это меценатство больших предприятий и торговых организаций над школами, высшими учебными заведениями, музеями, библиотеками, архивами, даже садами и парками. Ведь в конце концов от культурного уровня работающих зависят и успехи их собственной работы, качество продукции — к какой бы категории она ни относилась.

В самом деле, почему Нижегородскому автомобильному заводу не взять под опеку Макарьевский монастырь, который когда-то был самым крупным центром торговли между Востоком и Западом и расположен в одном из красивейших мест Волги? Ведь в конце концов можно было бы часть потраченных предприятиями средств засчитывать за налоги, как это делается повсюду в мире.

Второй источник средств — армия. Армия могла бы не только помогать учреждениям культуры, передать часть своих помещений библиотекам и архивам, которые задыхаются сейчас в тесноте и втайне уничтожают часть своих фондов, чтобы принимать новые поступления. Армия могла бы взять на себя заботу по обучению военнослужащих полезным профессиям, в которых так нуждается страна, — от плотников, печников, кровельщиков, трактористов до компьютерщиков и научных работников. И тогда не было бы разрывов между гражданской службой и службой в армии, которая во многих случаях ведет к личным трагедиям. Наконец, почему военнослужащим не заниматься в немногие часы, предоставляемые им для отдыха, честными заработками? Ведь занимались же в Петербурге дворцовые гренадеры сапожничьим делом, а матросы Гвардейского флотского экипажа починкой плетеных стульев. Сочетание военной службы с занятием доходным ремеслом, например переплетным, ювелирным, столярным, электротехническим и пр., намного бы оздоровило атмосферу в армии, укрепило бы связи военнослужащих с соседними жителями, подготовило бы их к будущей жизни в гражданском обществе, дало бы многим из них в руки полезные профессии.

В отличие от программ по экономике и технике программа по развитию культуры должна быть, конечно, более долгосрочной. Она не только не может ограничиваться «500 днями» или «500 неделями»: она должна быть постоянной. И, конечно, она не должна быть идеологизированной. Единственным «идеологическим» требованием к культуре должна быть свобода. Ибо нельзя сказать, какие мировоззренческие концепции явятся в будущем. Заключение культуры в рамки идеологических требований неизбежно будет держать культуру в рамках застоя. Между тем, чем многообразнее будут наши театральные, музыкальные, живописные, литературные концепции, тем активнее будет совершаться движение культуры, тем более высоким требованиям она будет отвечать. Соперничество в культуре необходимо. Ни один из творческих союзов: писательских, театральных, кинематографических, живописных — не может претендовать на монополию творчес-

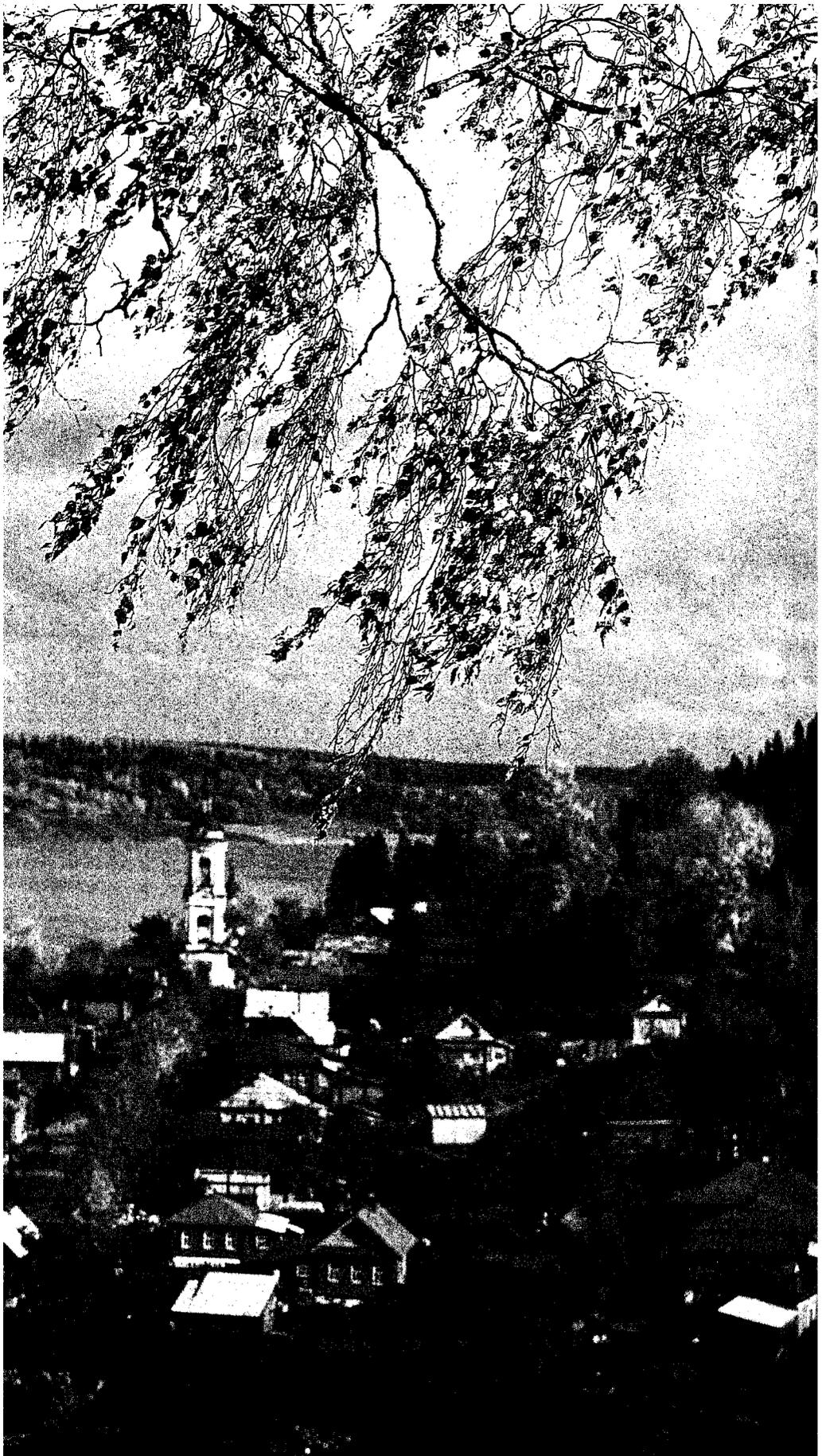
ких принципов, на монополию оценок. И в этом отношении полезно было бы ограничить власть почетных званий и наград.

И, наконец, последнее, наблевшее, о котором необходимо сказать, потребовав решительных и скорейших мер, пока еще не поздно.

Необходимы законы о сохранении памятников культуры, музейных ценностей, библиотечных фондов, архивных и археологических, находящихся еще в земле. Должна быть разработана система действенных мер с определенной системой наказания за нарушение этих законов.

Наказания необходимы, но в еще большей мере необходимы поощрения и они могут быть различного характера. Создание новых музеев и библиотек, доступность их для всех жителей, а особенно для молодежи, развитие туризма по местам культурно значительным — все это требует государственной организации, общественной заботы и внимания министерств культуры, которые сейчас, к сожалению, слишком сужены проблемами театров, кинематографии и эстрады.

Будем понимать всю сложность вопросов, которые должны быть введены в круг наших забот, и ни в коем случае не упускать их из поля зрения. Государственная программа развития культуры не может быть решена за короткий срок. К тому же она должна быть гибкой и постоянно корректироваться в связи с неизменно возникающими новыми заботами.

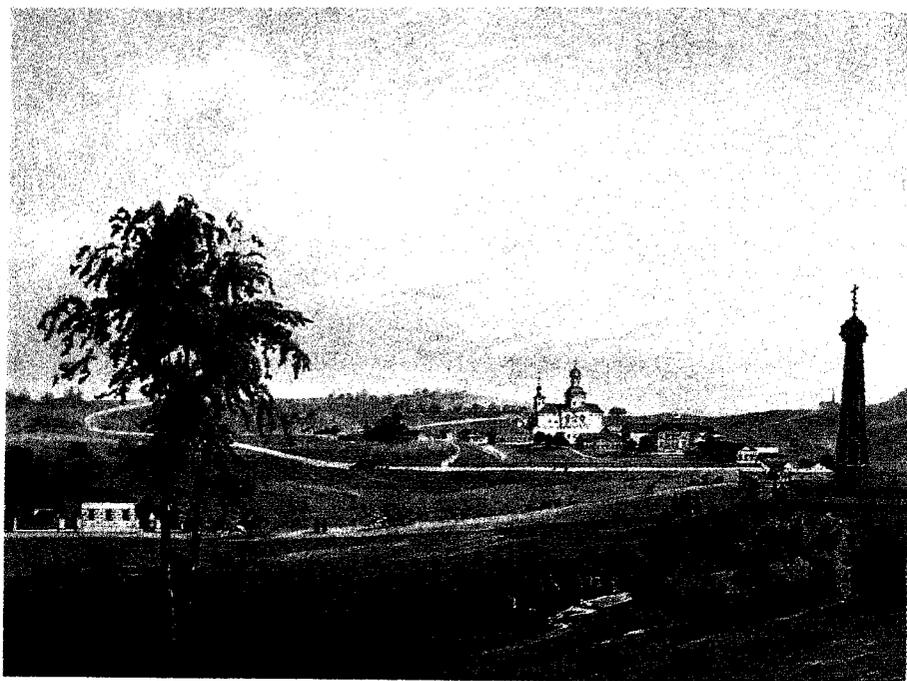
КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА И КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Краеведение принадлежит к типу комплексных наук. Оно соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т.д. Объединяющее начало состоит в том, что все эти сведения относятся к одной местности. Последних может быть огромное множество. Ближе всего по своему типу краеведение к географии. Сведения в обеих науках объединяются по территориальному признаку. Но география, в отличие от краеведения, не придает такого большого значения отдельным замечательным людям, истории науки, истории литературы, истории искусства (в частности архитектуры). Краеведение ближе к истории вообще и ближе к изучению отдельных людей, разумеется в местной обстановке, чем география. В этом замечательная особенность и сила краеведения.

В самом деле, география обходится без оценок. География как наука «спокойнее», строже и бесстрашнее. Но это и является своего рода ее «общественным недостатком». Краеведение оценивает значительность происшедших на изучаемой территории событий, значительность связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей, редкость и важность природных данных (животных, рыб, насекомых, растений, даже климата и т.д., и т.п.). С этой точки зрения «моральная отдача» краеведения как науки, воспитательная роль краеведения исключительно велика. И при всей необходимости географии как науки краеведение гораздо более «воспитывающая наука», наука, требующая от человека неравнодушного отношения к предмету и выводам своего изучения.

Есть еще одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет «двух уровней». Одно уровня — для ученых-специалистов и другого — для «широкой публики». Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и его восприятии (потреблении) участвуют широкие массы. В этом отношении краеведение в системе наук занимает исключительное место. Оно учит людей не только любить свои места, но и любить знание о своих (и не только «своих») местах.

Занятие краеведением не только требует знаний в области истории, искусствоведения, литературоведения, природоведения и пр., но приучает людей всем этим интересоваться и повышать свой культурный уровень, созда-

Вид Бородина. Литография фирмы Джузетте Даццаро

вать новые и пополнять старые музейные и архивные хранилища, связываться со специалистами, читать научную литературу.

В собирании материалов для краеведения могут участвовать как высококвалифицированные ученые разных специальностей (науки, участвующие в создании краеведения, перечислены мною выше), так и ученики средних школ, собирающие различные данные по заданию более опытных исследователей: например, ведущие опрос населения, устанавливающие наличие тех или иных старинных предметов, валяющихся по чердакам или хранящихся в «бабушкиных сундуках», а также просматривающие старые газеты, регистрирующие мемориальные деревья и пр., и пр. Всего не перечислишь.

Участие людей всех возрастов в такого рода собирании краеведческого материала имеет само по себе огромное воспитательное значение. Оно есть уже одна из акций патриотического характера, создающая в своем крае более высокий уровень духовной культуры.

Краеведение может стать в той или иной местности самым массовым видом науки. Это основа для развития добровольных обществ друзей того или иного памятника, той или иной темы, для объединения молодежи вокруг определенных тем или занятий, возрождения кустарных производств, разведения местных редких растений, животных и пр., создания заповедников, вообще — «добрососедства» с историей, культурой или природой...

Краеведение — научная дисциплина, облагораживающая предмет своего изучения единственно своим изучением. Биолог, исследующий любые явления жизни, не вносит никакого нового начала в самый объект исследования. Можно применить открытия биолога для изменения тех или иных форм жизни, но само по себе одно только исследование не изменяет предмет изучения. Литературоведение и искусствоведение любых объектов открывает в

Березино сегодня

них что-то новое для читателя, зрителя, слушателя. Но это «новое», если оно, конечно, верно, не вносит в предмет ничего сверх замысла творца, автора. Предмет искусства благороден сам по себе.

Иное дело краеведение. Краеведение придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания того, что именно ее изображал И. Левитан. Мы по-особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского.

И ведь в сущности происходит то же самое, когда мы узнаем сведения по растительности местности, по ее животному миру, геологии, климату и т.д. и т.д.

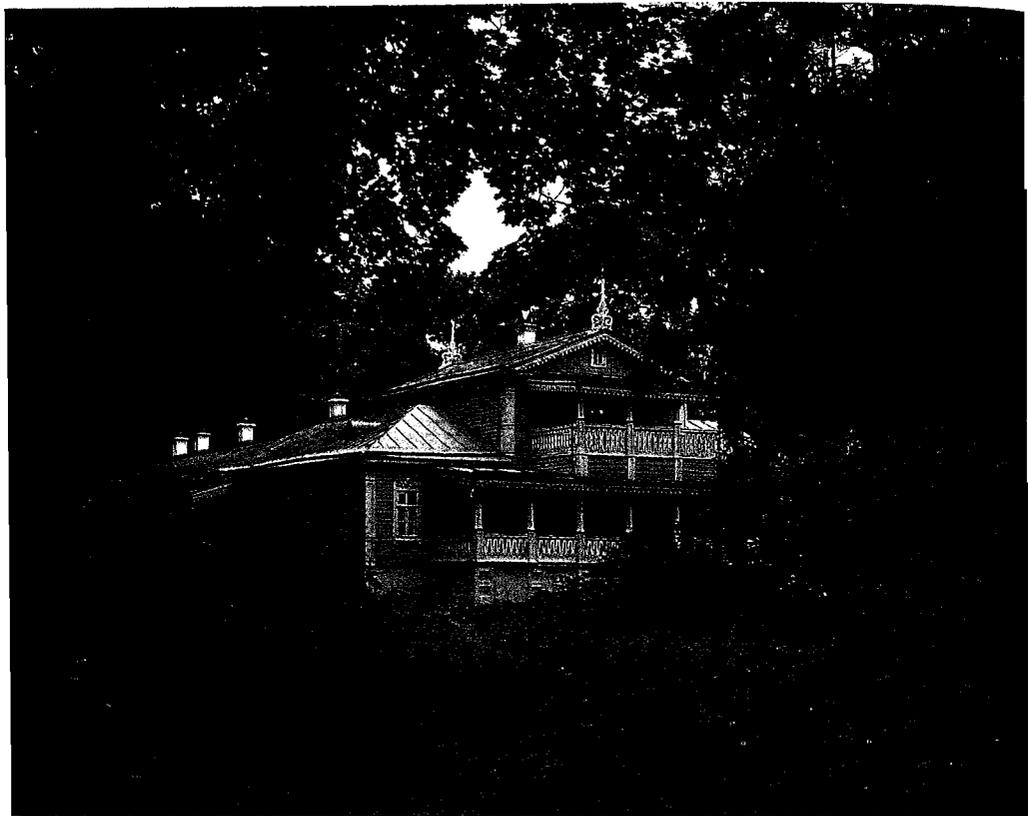
Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать.

Куликово поле. Слияние Непруды с Доном. Современный вид

Существует экология биологическая, т.е. экология, необходимая для элементарной жизни, но есть и экология культуры, без которой невозможна для человека культурная, духовная жизнь — жизнь, воспитывающая в нем нравственность, уважение к окружающему, к прошлому, заботу о будущем.

Я возвратился из поездки до Астрахани и обратно. Теплоход современный, огромный, комфортабельный. На нем более трехсот пассажиров. Но не было ни одного, который оставался бы равнодушен при виде затопленных лесов и ободранных памятников архитектуры на берегах. Не успевало скрыться из виду одно когда-то красивое здание с провалившейся крышей, как появлялось в поле зрения другое. И так все двадцать два дня путешествия. Беда, лебедиными крыльями бьет беда! А еще больше огорчало, когда мы вообще не видели здания, еще недавно высившегося на берегу, но безжалостно снесенного под тем предлогом, что вид его из-за безнадзорности и запустения стал безобразен. Это же вопиющая безответственность и бесхозяйственность. Неужели нельзя приспособить погибающие церкви, старые усадьбы к нуждам окружающего населения или оставить их как памятники, знаки минувшего, покрыв только добротными крышами, предотвратив дальнейшее разрушение?! Ведь почти все они удивительно красивы, поставлены на самых видных местах. Они плачут глазами своих пустых окон, глядя на проплывающие дворцы отдыха. И огорчало это решительно всех. Повторю, не было ни одного человека, которого зрелище «уходящей культуры» оставляло бы равнодушным.

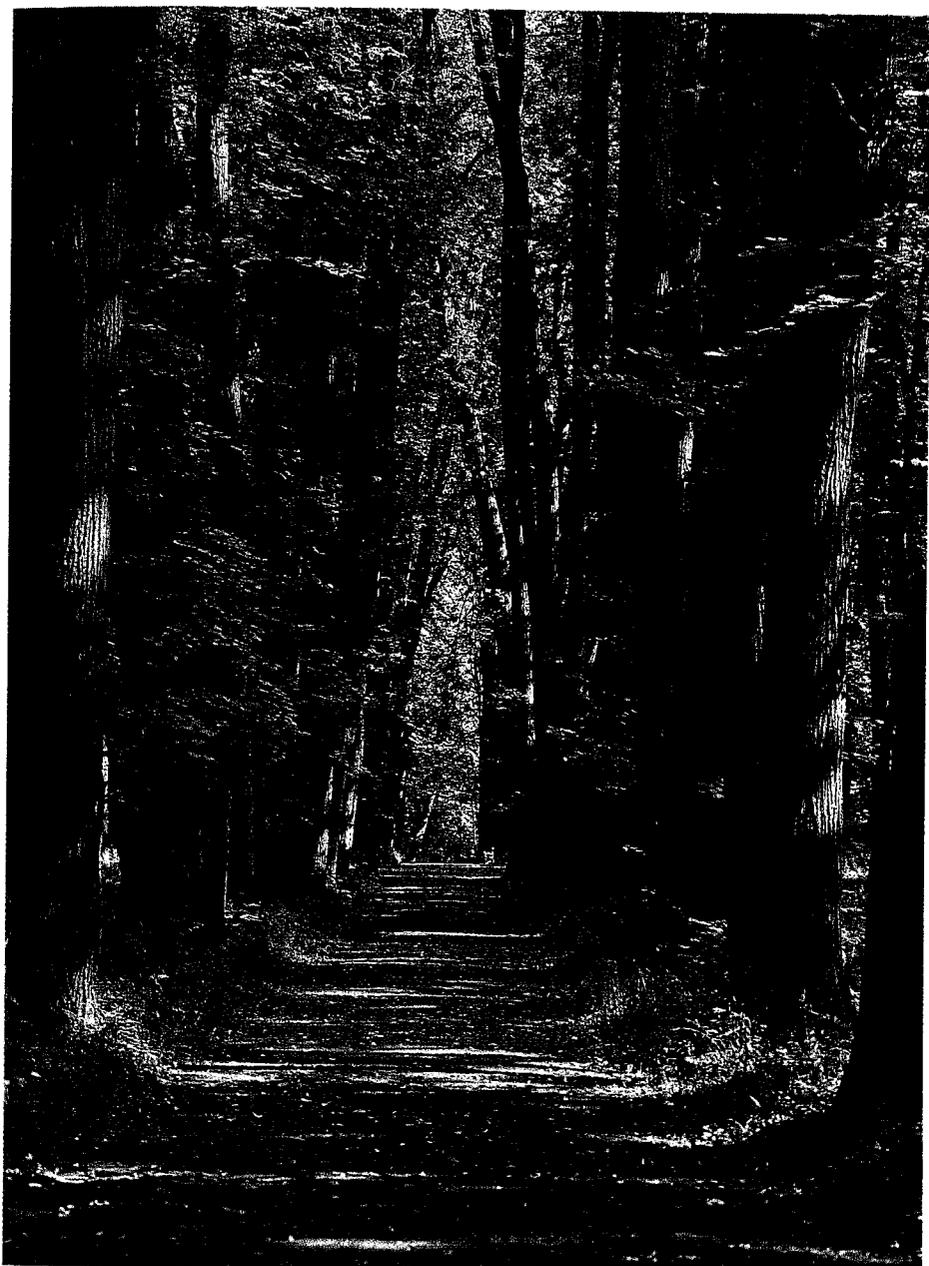
Усадьба И.С.Тургенева Спасское-Лутовиново

Разрушенные церкви по берегам Волги «постепенно переходят в ведение природы». Кто-то сказал подобное о развалинах в Афинах...

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотов, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленные целители души. А ведь памятники старины воспитывают, как ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места — места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. И те, что есть, окружены любовью местных энтузиастов, добровольных музейных работников — работников «на общественных началах». Но как часто они безнадзорны у тех, кто за них должен отвечать по долгу службы!

Необходимо для охранных историко-культурных заповедников создавать единое управление. Таких зон, в которых внимательно охранялся бы пейзаж, вся историческая среда, в нашей стране немало: Соловки, Плес, места битв: Бородинской, Куликовской и пр., и пр. Все они страдают от того, что может быть определено двумя словами: «нет хозяина». Земля, исторические памятники, леса — принадлежат десяткам организаций, каждая из которых

Спасское-Лутовиново. Аллея в парке

своевольничает, а иногда и лжет, уверяя, что они восстанавливают старину, строят в «национальном стиле», в стиле местности, не «нарушают», а «подчеркивают» и пр., и пр.

В 1967 году я был в Шотландии. Там исторические места, красивые пейзажи на особых условиях принадлежат «Национальному тресту». Ни одна новая постройка не может быть построена без «Национального треста». Трест ведет все восстановительные и ремонтные работы, превращает, не нарушая наружного вида, сельские домики XVIII и других веков в удобные жилища

внутри, убирает телеграфные столбы, заменяя наружную проводку незаметной подземной, заботясь о сохранении животного мира, растительного покрова и пр.: все комплексно.

Это мудрое устройство следовало бы во многом учесть и нам.

Надо быть крайне осторожным со всякого рода «декоративно-театральными» проектами восстановлений. Следует помнить, что самый последний, один подлинный камень дорожке всякой декоративной мишуры.

Подлинное народное искусство не должно быть подменено производством сувениров по плановой системе, без свободного творчества. Предоставьте народным мастерам большую свободу работать над чем они хотят, по своему вкусу, вечерами, в свободное время. Я, например, всегда предпочитал за границей покупать народные вещи на базаре, а не в сувенирных киосках. Если народное творчество мы подменим производством однотипных сувениров по разработанным профессионалами-художниками образцам, — мы убьем настоящее народное искусство.

В ряду современных широких преобразований старым и дремучим остается отношение на периферии местных властей к музеям. Летом 1987 года я проехал на теплоходе от Петербурга до Астрахани и на всех стоянках смотрел (в который уже раз) музеи и памятники. Все остается по-старому, — вернее, отношение к ним старое, а последствия этого отношения дают все новые и новые отрицательные результаты. Не буду указывать на конкретные примеры, ибо в отдельных случаях положение за время печатания книги может измениться.

Попробую реконструировать точку зрения многих и многих из руководителей волжских городов. Музеи — это якобы только хранилища картин и памятников. Они привлекают туристов — и это для них главное. Необходимость научной работы и их значение как воспитательных центров не учитывается. Музеи не стали еще ни научными центрами, ни воспитательными учреждениями.

Между тем воспитание эстетического вкуса неразрывно с воспитанием нравственным. А настоящее хранение не может осуществляться без изучения; изучение же не может осуществляться без научных конференций, иногда широкой тематики, ибо нет памятников «местного значения». Все музейные центры принадлежат всей стране, и местные власти отнюдь не собственники картин, скульптур, предметов прикладного искусства.

Воспитание школьников проходит в школах, воспитание студентов — в вузах; воспитание же и школьников, и студентов, и «взрослых» — в музеях, художественных галереях, мемориальных квартирах и домах, лекториях.

Волга известна каскадом гидроэлектростанций, но Волга не менее ценна (а может быть, и более) «каскадом музеев». Художественные музеи Рыбинска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Саратова, Плеса, Самары, Астрахани — это целый «народный университет» по искусству для тысяч и тысяч туристов, едущих на теплоходах. Их можно было бы так организовать, что каждый из них был бы своего рода образовательным классом со своим особым назначением. «Можно было бы», но не надо, так как история каждого из этих музеев — уже памятник культуры своего края. Важна история создания и пополнения каждого из музеев, и перемещать их экспонаты не следует. Их можно только пополнять — из фондов центральных музеев и за счет приобретений и пожертвований.

Сейчас мода пошла на «музеи одной картины». О «музеях одной картины» читали и слышали руководители. А почему не устраивать юбилеи одной картины и, не снимая с экспозиции или ставя картину на отдельный мольберт в том же музейном зале, где она обычно висит, читать о ней доклады высокого научного уровня? Пусть для немногих, а они уже, эти немногие, разносят все услышанное интересное другим, приохотят ходить в музеи. Экскурсовод, сотрудник музея, хранитель — это высокое звание. И надо дать музейной работе (составлению каталогов, изучению истории музеев, реставрации) — статус научной работы, которую сотрудники музеев могли бы защищать как диссертации, самые необходимые в нашей культурной жизни. Кстати, как интересны и как необходимы хорошие иллюстрированные каталоги.

И мало у нас мемориальных квартир-музеев и домов-музеев. Я помню — с каким трудом в Петербурге удалось добиться установки доски на доме, где родился А.А.Блок. С не меньшим трудом шло устройство в Саратове домов-музеев художников-саратовцев В.Э.Борисова-Мусатова и П.В.Кузнецова. В Астрахани — Велимира Хлебникова, значение которого в русской поэзии все более и более осознается сейчас исследователями и рядовыми читателями. Сколько лет длилось восстановление в непосредственной близости от Москвы усадьбы Мураново, связанной с именами Тютчева, Аксаковых, Гоголя? Можно было бы перечислять сотнями места русской культуры, восстановление которых так необходимо для нравственного возрождения нашего общества.

Художественный музей в Ульяновске прекрасен, но для него было построено превосходное здание еще в 1912 году. С тех пор он расширился в несколько раз, и вывести из здания краеведческий музей не могут. А рядом снесли, чтобы расширить площадь, прекрасной сохранности дом губернатора, который вполне годился бы для музея. Перед нами грубая недооценка воспитательного значения мемориальных музеев, мемориальных мест.

А во всей нашей стране разве достаточно готовится специалистов искусствоведов? Ведь понимание искусства должно воспитываться специальным изучением, как и понимание серьезной музыки. Мы сетуем на распространение низкопробной музыки. А где можно получить обыкновенному горожанину элементарные сведения по серьезной классической музыке? Ведь и дом-музей Скрябина в Москве долгое время был труднодоступен для посетителей.

Закончу тем, с чего начал: необходимо, крайне необходимо, чтобы престиж музеев был поднят у местных руководителей и чтобы пресса шире и глубже освещала их интенсивную научную жизнь и ее неотложные нужды.

Город без художественного музея — ущербный город, еще в большей мере, чем город без театра или кинематографа. Это город — слепой к эстетическим ценностям, глухой к прошлому.

На музеях лежит ответственнейшая задача нравственного воспитания людей, развития у них эстетического вкуса и поднятия культурного уровня.

И еще одно: состояние наших кладбищ. Разве оно не вызывает у нас чувство возмущения отношением к нашему прошлому? Почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, про-

честь чью-то фамилию, имя и отчество, даты жизни — почему все это стало нас страшить и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

Но если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих... Каждый может сделать что-то доброе в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе.

Вот в Петербурге, в центре Васильевского острова, находится поразительное по составу надгробий Смоленское кладбище. Там похоронены многие замечательные люди. И идет настоящее наступление на это кладбище. Все время кусок за куском соседние заводы отрезают его части под свои нужды — для постройки новых корпусов, новых сооружений.

А меж тем это кладбище — прекрасный парк. Причем парк поучительный: идя по нему, можно переноситься в разные эпохи, видеть памятники XVIII, XIX, начала XX века, вспоминать людей, покоящихся здесь, чьи имена не чужды русскому слуху, — писателей, инженеров, издателей, ученых; они достойны того, чтобы память о них сохранилась и могилы их остались неприкосновенны. Должны быть все-таки святыни.

Сейчас меня очень беспокоит и положение с дворцами и парками в городе Ломоносове — бывшем Ораниенбауме. После строительства дамбы там пройдет дорога. А мы городу Ломоносову обязаны очень многим. Это был тот пятачок под Ленинградом, который не захватили фашистские войска. И теперь город Ломоносов единственное садово-парковое место, где сохранились подлинные дворцы и подлинные сады.

Они эталонны. Скажем, в Пушкине, Петергофе, Павловске восстанавливаются паркетные полы во дворцах, но они восстанавливаются по памяти, по рисункам и т.п. А какими они были действительно, можно видеть в Китайском дворце в Ораниенбауме, там поразительные паркеты, но эти уникальные паркеты гниют. Да, да, гниют. А гниют они по очень простой причине, потому что грунтовые воды подходят близко к полам. Дренажная же система в парке давным-давно не очищалась. Поэтому грунтовые воды поднимаются почти на уровень тех самых редчайших паркетов. И когда идет экскурсия по дворцу, я сам был тому свидетелем, на полы кладут огромные куски фанеры, чтобы люди, стоящие вокруг экскурсоводов, не проваливались, не продавливали паркет.

Простая логика подсказывает, что надо сделать все, чтобы освободить Китайский дворец от подземной сырости, спасти от гибели; беречь необходимо и ораниенбаумские парки, во что бы то ни стало; они, между прочим, прекрасно сохранились, их не нужно вырубать, их не нужно засаживать вновь, надо только навести в них порядок.

В свое время «Литературная газета» рассказывала, как интенсивно ведется восстановление Даниловского монастыря в Москве. Очень хорошо. А рядом, в той же Москве, есть Симонов монастырь и неподалеку остатки церкви, в которой были похоронены герои Куликовской битвы, Пересвет и Ослябя. В течение скольких уже лет приводится в порядок это святое для каж-

дого русского человека место! Сколько было решений, постановлений, выступлений общественности по этой проблеме! Но до сих пор попасть в этот мемориал невозможно. Я уж не говорю о самом Симоновом монастыре — древнейшем, замечательном памятнике истории и архитектуры, монастыре-воине. Ему действенного внимания вообще не уделяется¹.

Если говорить о Москве, то нельзя не упомянуть о превращении Арбата в пешеходную улицу. Идея интересна и важна. Но с озабоченностью читаю и слышу, что реставрированный Арбат авторы проекта намереваются превратить в нечто среднее между огромным магазином сувениров и баром-рестораном. Своеобразный Пассаж длиной в улицу. Но зачем же дублировать проходящий в ста метрах Новоарбатский проспект? Зачем насыщать мемориальный Арбат бесконечными торговыми и общепитовскими заведениями?

По-моему, это должна быть улица культуры. Здесь уже отреставрирован дом, где провел несколько месяцев Пушкин, действует Театр имени Евг. Вахтангова. Так давайте в освобожденных помещениях разместим не сувенирные лавки, кафе, бары, а музеи, выставочные залы, небольшие кинотеатры. А уж если магазины, то букинистические, антикварные, традиционные для Арбата. Принято замечательное решение о создании музеев личных коллекций. Так почему бы несколько арбатских особнячков, первые и вторые этажи в домах не отдать под эти музеи? И прекрасное патриотическое дело, у истоков которого стоит И.С.Зильберштейн, получит достойное и логичное развитие. А в других помещениях можно размещать выставки, читальные залы и тому подобное.

Словом, проблем в деле сохранения и использования памятников много, и их необходимо решать быстро, конструктивно и компетентно. Но мое твердое убеждение: пока охраной памятников истории и культуры будут заниматься различные организации, дублируя друг друга, — реально, а не бумажно, в государственном масштабе дело с места не сдвинется. «У семи нянек дитя без глазу», — к сожалению, эта пословица в данном случае применима. Решать проблему необходимо не откладывая. Она связана с духовным воспитанием народа, с нравственным климатом советского общества. Пора навести здесь соответствующий нашему времени и благотворным современным общественным тенденциям порядок. Бережливость должна распространяться и на памятники истории: они во многом наши маяки.

И ведь есть прекрасные примеры. Повторю, о чем говорил: если вы приедете в Пензу, побываете в Пензенской области, то сможете убедиться, как превосходно организовано там музейное дело, как бережно сохраняется память о великих земляках. Именно в Пензе я провел бы для руководителей культуры российских и не только российских городов, районов, областей своеобразный показательный урок отношения к истории родного края.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. И экология начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экология не должна ограничиваться задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, сле-

Тарханы. В парке.

дования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности — нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Вспоминаю, как был я на Бородинском поле вместе с замечательнейшим энтузиастом своего дела реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Удивительные люди встречаются именно среди реставраторов и музейных работников. Именно такой внутренне богатый человек и был со мной на Бородинском поле. Он многие годы живет несколькими днями Бородинской битвы и днями, которые предшествовали битве.

Я ненавижу войну, я перенес ленинградскую блокаду, нацистские обстрелы мирных жителей, я был очевидцем героизма, с каким защищали советские люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу. Может быть, поэтому Бородинская битва, всегда поражавшая меня своей нравственной силой, обрела здесь для меня новый смысл. Нравственная сила русских была удесятерена необходимостью защитить Москву. И мы обнажили головы перед памятниками, что были воздвигнуты на Бородинском поле благодарными потомками.

И здесь, на этой национальной святыне, политой кровью защитников Родины, в 1932 году был взорван чугунный памятник на могиле Багратиона. Те, кто это сделал, совершили преступление против самого благородного из чувств — признательности герою, защитнику национальной свободы России, признательности русских брату-грузину, командовавшему с необыкновенным мужеством и искусством русскими войсками в самом опасном месте битвы. Как расценить тех, кто в те же годы намалевал гигантскую надпись на стене монастыря, построенного на месте гибели генерала Тучкова его вдовой: «Довольно хранить остатки рабского прошлого!» Понадобилось вмешательство газеты «Правда» в 1938 году, чтобы надпись эта была уничтожена.

Или пример уже более близкий к нам по времени. Петербург в своем архитектурном облике связан прежде всего с именами Растрелли, Росси, Кваренги, Захарова, Воронихина. По дороге с главного аэродрома стоял Путевой дворец Растрелли. Первое большое здание Петербурга — и Растрелли! Оно было в очень плохом состоянии — стояло близко от линии фронта, но советские бойцы сделали все, чтобы сохранить его. И если бы его реставрировать, какой праздничной была бы эта увертюра к Петербургу. Снесли! И пусто в душе, когда это место проезжаешь.

А сравнительно недавно в Москве снесли дом, в котором жил В.Г.Белинский. Сначала исчезла с этого дома в Рахмановском переулке мемориальная доска, а затем не стало и самого дома. Парадоксально, но произошло это накануне 175-летия со дня рождения великого критика, революционного демократа. И это вместо того, чтобы открыть в этом доме после реставрации музей Белинского.

Кто же эти люди, убивающие живое прошлое, прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает. Это чиновники, призванные заниматься культурными проблемами, но никакого отношения к культуре не имеющие, некомпетентные и невежественные. Иногда это сами архитекторы — из тех, которым очень хочется поставить «свое творение» на выигрышном месте. Иногда это реставраторы, заботящиеся о том, чтобы выбрать себе наиболее «выгодные» объекты, о том, чтобы восстановленное произведение искусства принесло им славу, и восстанавливающие старину по своим собственным, иногда очень примитивным представлениям о красоте и исторической подлинности.

Мы должны более последовательно заботиться о том, чтобы вокруг памятников был нормальный нравственный климат, чтобы все — от школьни-

ков и до работников городских, областных, республиканских и союзных организаций — знали, какие памятники доверены их знаниям, их общей культуре, их чувству ответственности перед будущим.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Да и нет между ними пропасти. Где точная граница между природой и культурой? Разве нет в среднерусской природе присутствия человеческого труда?

Но есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико — оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань.

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосполнимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно беззащитен, он не восстановит самого себя.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве; но нельзя восстановить здание как «документ», как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности. Это будет только «видимость». От умерших остаются только портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах «новоделы» имеют смысл, и со временем они сами становятся «документами» эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старо Място или улица Новый Свет в Варшаве навсегда останутся документами патриотизма польского народа в послевоенные годы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, равнодушными, могут нанести вред тому, что в земле уже не открыто, и тому, что есть на земле, уже служившему людям. Даже сами реставраторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Типичный и грустный пример тому — случившееся в Муранове. Уничтожают памятники и градостроители. Особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний. На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, вот и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей. И начинают сносить без боли душевной, не задумываясь.

Градостроителям, как никому больше, нужны знания в области экологии культуры. Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на основе его решать местные экологические проблемы. В первые годы после революции краеведение пережива-

ло бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах. И здесь роль школы, новой школы, должна быть значительно расширена.

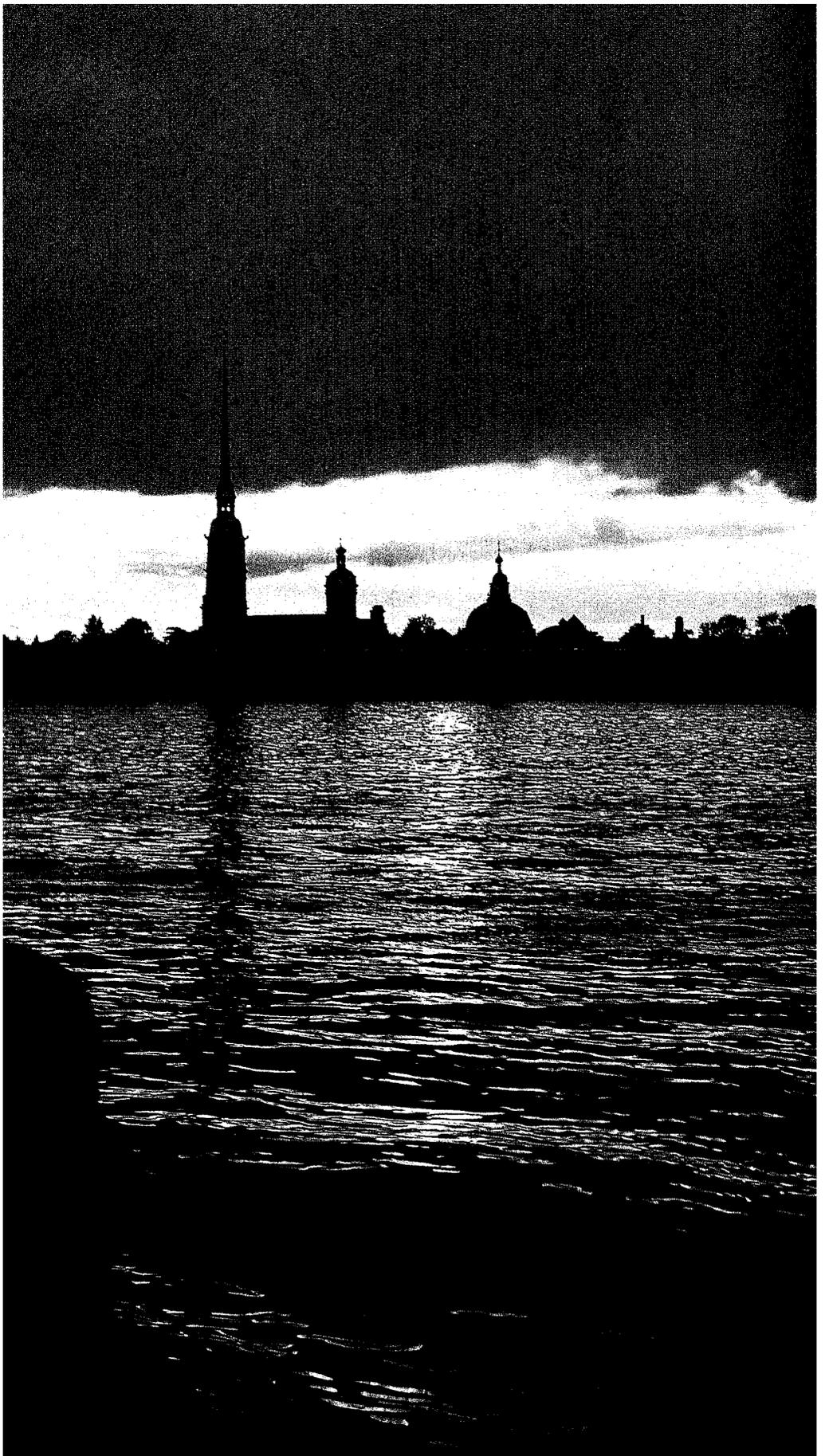
Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

В заключение я бы хотел сказать следующее. Памятники культуры не могут просто храниться — вне людских знаний о них, людской о них заботы, людского «делания» рядом с ними. Музеи — это не кладовые. То же самое следует сказать и о культурных ценностях той или иной местности. Традиции, обряды, народное творчество требуют в известной мере своего воспроизведения, исполнения, повторения в жизни. Записанные, но хранящиеся только в записях, собранные, но только зарегистрированные и лежащие без движения — они перестают существовать, разрушаются, утрачивают какие-то (хотя бы маленькие) связи с жизнью. Краеведение как явление культуры замечательно тем, что оно теснейшим образом позволяет связать культуру со строительством музеев, собраний, архивов, педагогической деятельностью, объединением молодежи в кружки и общества, развитием туризма, созданием хоров и кустарных артелей.

Культура из лежащей втуне становится действенной и «работающей».

Краеведение не только наука, но и деятельность!

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО¹

Я никогда не думал, что, родившись в Петербурге, я снова окажусь в нем. Городу не просто возвращено его прежнее название. Он снова возвращается к своей исконной сущности, хотя до полного возрождения его европейского характера еще далеко.

Каким гениальным градостроителем был Петр! О том, что он был гениален в других областях, всем хорошо известно. Но никто не обращал внимания на то, что он был гениален градостроительно.

Почему наш Петербург расположился в неудобном, казалось бы, для города месте — в устье Невы, где, для того чтобы пройти по побережью, надо пересечь несколько рек и каналов — Большую Неву, Малую Неву, Большую Невку, Малую Невку, Фонтанку, Мойку? Почему Петр не построил этот город где-нибудь около Финляндского вокзала или Смольного, где традиционно и ставились города — Ниеншанц, например? Там переезд с одного берега на другой был бы значительно короче. Традиционно все города ставились тут, в течение более чем тысячелетия, — на этой одной только реке, а не на десятках рек, которые впадают в Финский залив.

Почему это было сделано Петром? Потому что Петр думал о столице, о столице торговой. Ему нужны были набережные. Поэтому если вы сравните Петербург с любой другой столицей Европы, да и не только Европы, почти все они расположены на реках. Но река не занимает там доминирующего положения. Лондон — на Темзе, Париж — на Сене... Понятно, почему города возникали на реках. Реки — торговые пути.

Но в отличие от всех других столиц Петербург расположен на нескольких десятках рек, тогда существовавших и после частично засыпанных.

Если вы взглянете на то, как устроены реки в столицах Европы, то увидите, что по большей части вначале, в средние века, они были устроены без набережных. Дома уходили прямо в воду — так, как сейчас в Венеции, частично — в Лондоне, где только богатая парадная часть города имеет набережную, набережные проезды.

В Петербурге, в отличие от всех этих городов, набережные проезды идут по всем рекам. Это — десятки верст набережных. Поэтому все пристани — военные, торговые и т.д. — могли свободно размещаться на огромном пространстве. Петр изменил традициям этой местности и не стал строить Петербург около Ниеншанца, а расположил этот город на таком, казалось бы,

Вид на Петропавловскую крепость

Петр I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади в С.-Петербурге. 1723.

неуместном месте, но на самом деле на очень удобном для будущего развития. Это было сделано с расчетом на столетия вперед.

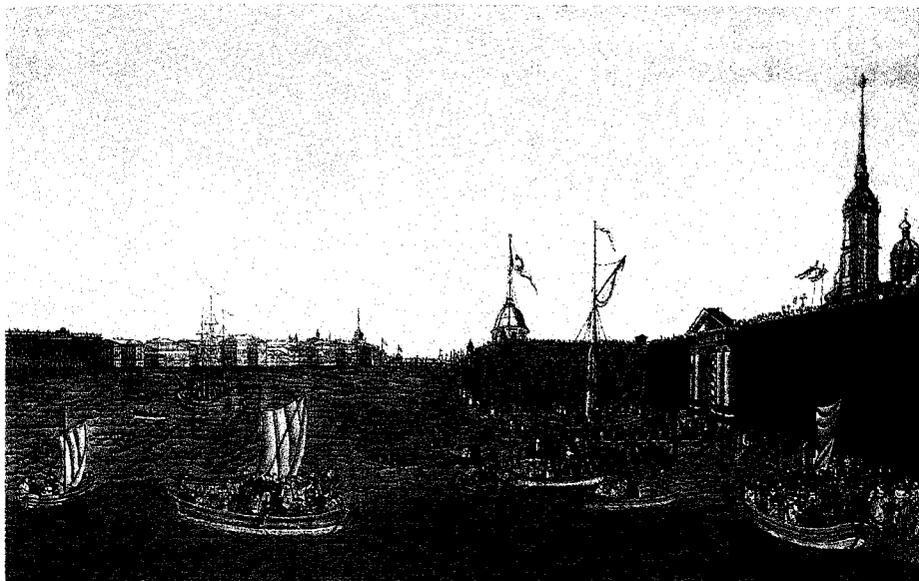
Есть еще одна особенность Петербурга — то, что он расположен на абсолютно плоской местности. Когда я первый раз юношей приехал в Москву, меня поразило, что нужно идти то вверх, то вниз. Я не привык чувствовать под ногами почву. Для меня в Петербурге мостовые и тротуары были как бы полом, незаметным в движении. Ни вверх, ни вниз ходить не приходилось.

И Нева так же точно не является рекой. Это — проток от Ладожского озера к Финскому заливу, к Балтийскому морю. И проток этот ясно отмечен еще в «Повести временных лет».

Там сказано, что Ладожское озеро *впадает* в море Балтийское. Значит, Нева не рассматривается как река. Действительно, в ней нет речного режима. Когда я спросил академика Берга, почему произошла такая ошибка в «Повести временных лет» (академик Греков считал, что летописцы не знали севера, не знали, что существует Нева), Берг ответил: они знали лучше, чем академик Греков, — это действительно не река, а впадение озера; на Неве нет речного режима воды, нет разливов весной, осенью, вода держится всегда на одном уровне, кроме двух месяцев сентября и октября, когда могут быть нагонные волны со стороны моря. Но это не обычные речные подъемы воды.

В Петербурге все основные линии горизонтальные из-за плоскости земли и из-за плоскости и постоянства уровня воды. Первый горизонт абсолютно точный — это горизонт соединения набережных с водой. Второй горизонт — это верх набережных, которые все идут на одном уровне, не поднимаясь и не опускаясь, причем довольно низко. Третья горизонтальная линия — это горизонтальная линия крыш домов, слегка неровная.

Одним словом, Петербург подчинен горизонтальным линиям. Если в нем есть вертикали, то это — перпендикуляры, возведенные к горизонтальным

Нева. День Преполовения. 1815. Раскрашенная гравюра. С.-Петербург, Музей истории города

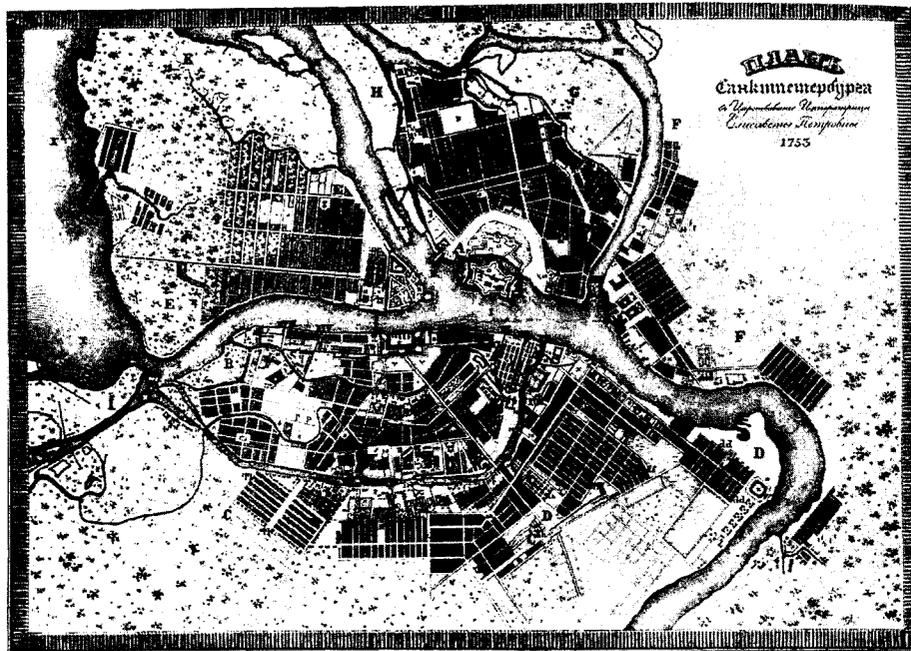
линиям. Это — три шпиля: Адмиралтейский, Петропавловский и Инженерного замка. Они подчеркивают горизонтальность Петербурга.

Этим же объясняется и прямизна петербургских улиц, потому что в гористой, неровной местности нельзя сделать таких прямых улиц, какие существуют в Петербурге. Прямизна всей планировки связана с этим же. Это единая система Петербурга, которой не имеет ни один город.

И вот возникает вопрос. В течение двухсот лет действовал закон, установленный еще Петром: строить все не выше Зимнего дворца. Это подчеркивало третью линию горизонта, волнистую, но все-таки никогда не превышавшую уровень Зимнего дворца, во всяком случае в центре. Поэтому появление куполов — скажем, Исаакиевского собора — тоже должно быть оправдано. Но это характерная черта столиц. Это характерно так же, как для Рима — купол св. Петра, как для Лондона — купол собора Павла. Это характерно и для тех городов, где высятся готические здания с двойными башнями — как в Париже Нотр-Дам.

И вот первым в европейской науке, кто обратил внимание на необходимость этого правила горизонтальных линий, был принц Уэльский Чарльз. У него, между прочим, было прекрасное выступление о красоте Праги. Он приехал в Прагу после войны один только раз для получения степени почетного доктора Карлова университета и лекцию свою посвятил Праге, красоте этого города, анализу этой красоты.

Принц Чарльз выпустил книгу «A Vision of Britain», которую я бы мечтал видеть изданной у нас. Издать ее сейчас нелегко — она вся в цвете. Кстати сказать, принц Чарльз — акварелист. Он изобразил акварелью и воображаемые планировки городов, и существующие. Он подобрал фотографии со своими исключительно интересными замечаниями и сделал снимки старого Лондона и Лондона, испорченного высотными зданиями. Эти снимки расположены в книге параллельно: вот — старый Лондон, вот — Лондон, в кото-

План С.-Петербурга. 1753

ром уже купол собора святого Павла потерял и из-за высотных зданий представляет собой бесформенную массу.

После этого англичане, у которых нет склонности устанавливать какие-либо законы или ограничивать свободу владельцев участков, перестали строить высотные здания в Лондоне. Там, где есть потребность в многоэтажных зданиях, их прячут под землю. Правда, Лондон уже испорчен. Испорчен уже Париж, особенно Монпарнас, этими безобразными зданиями, которые нависли над городом больше, чем Эйфелева башня.

Дело в том, что Эйфелева башня не так портит Париж благодаря своей неархитектурности. Ведь и в Петербурге мы не обращаем внимание на трубы, которые иногда высятся над зданиями. Это не архитектура. Любуясь нашим городом, мы как бы исключаем эти трубы, телевизионную мачту и так далее. И Эйфелева башня поэтому не царапает наше чувство красоты в той мере, в какой царапают высотные здания, потому что эта ажурная башня не воспринимается как архитектурное сооружение.

В упомянутой книге принца Чарльза изложены десять принципов градостроительства, очень важных, особенно для нашего города.

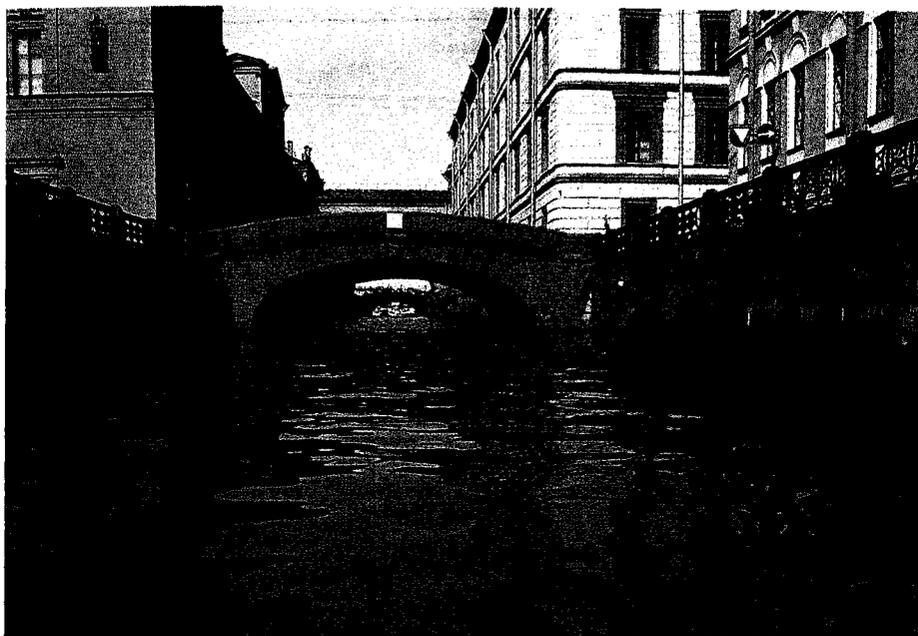
Между прочим, эти принципы актуальны сейчас еще вот почему. Это — принципы «демократической архитектуры». Отдельные принципы говорят, что архитектор, берясь за черчение нового здания, за его планировку, должен прежде всего представлять себе, понравится или не понравится это здание тем, кто будет в нем жить. Он должен уважать мнение простых горожан. Он строит здание не для архитекторов, а для жильцов и для горожан. Этот принцип у нас совершенно отвергается. У нас в градостроительстве принцип тиранический, то есть архитектор строит свои здания потому, что он — специалист и знает, как лучше сделать. Он знает, как будет красиво. Принц Чарльз

Э.-М. Фальконе. Памятник Петру I. 1768—1782

*Львиный мост. Гравюра Мстислава Добужинского из серии
«Петербург в двадцать первом году». 1923*

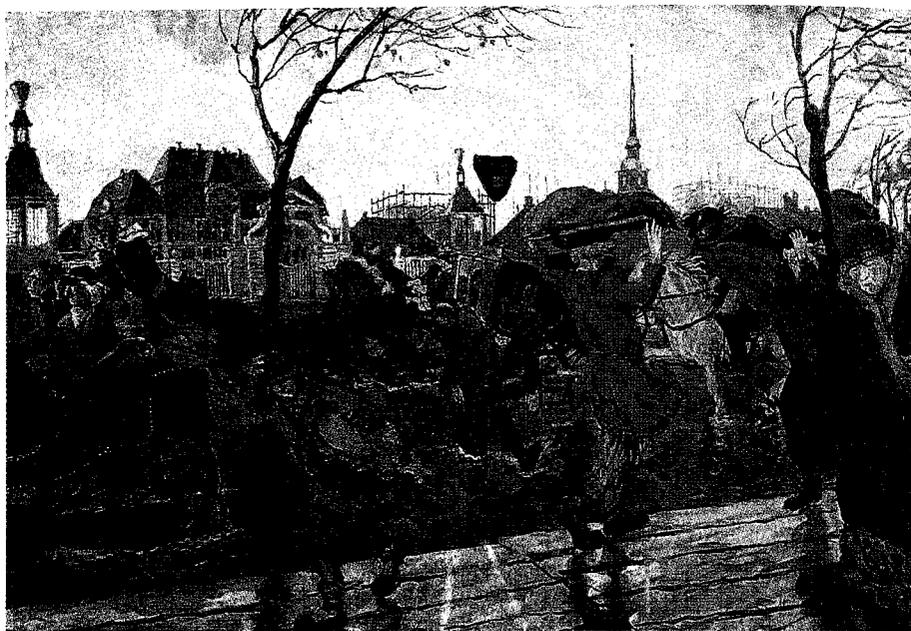

Зимняя Канавка.

считает такой принцип недопустимым, неправильным. Кроме того, у него еще есть целый ряд других соображений, например такое: очень полезными в архитектуре бывают дилетанты. В качестве дилетанта он приводит самого себя, поскольку не имеет, в отличие от других английских королей, архитектурного образования. Дело в том, что король Георг III и другие английские короли имели в своем учебном плане такой предмет, как архитектура. Принц Чарльз обучался уже по новой программе, и вкусу его учила королева-мать, не Елизавета II, а его бабушка, которой он, кстати сказать, и посвятил свою книгу.

Вчера в «Вечернем Ленинграде» опубликована статья о том, чтобы украсить город еще одним «чудом» — высотным зданием на реке Смоленке. Это полное непонимание того города, в котором живешь, тех ощущений, которые он вызывает. Что, собственно, нужно в Петербурге? В Петербурге не нужно никакой специально новой архитектуры. В Петербурге нужна «дополнительная архитектура», то есть та, которая в какой-то мере была бы согласована с традиционной архитектурой нашего центра, с исторической архитектурой. Петербург не нужно переделывать. Его идеи не нужно переделывать. Они заложены Петром, и заложены гениально. Как же быть с увеличением населения в городе?

По этому поводу я уже высказывался в печати. Я считал и считаю, что нужно перестать расширять Москву, Петербург, потому что окраины тогда задавят центр, что все строительство должно быть направлено из Москвы в сторону Петербурга, а из Петербурга — в сторону Москвы по скоростной линии, которая и заложена. Мэрия города пригласила меня на закладку этой скоростной линии, которая сможет разгрузить город, потому что жители городов и станций, расположенных по скоростной линии, смогут приезжать сюда в музеи, в театры и не чувствовать себя провинциалами. Идея скорост-

А.Н. Бенуа. Петербургская улица при Петре I. 1910.
Москва, Музей личных коллекций.

ной линии, которая была предложена мной лет десять назад, постепенно была принята. И теперь скоростная линия строится. Таким образом, отпадает необходимость в еще дополнительных линиях вокруг города.

В заключение хочу вернуться к Петру. Основывая Петербург и закладывая его градостроительные принципы, Петр сделал одну гениальную вещь, которую мы тоже должны помнить. Приблизительно в 15—20-ти верстах от города, одновременно с закладкой самого города, он закладывает Петергоф, Стрельну, Ораниенбаум. Он закладывает кольцо пригородов. Если во всех больших городах пригороды обычно фабричные и въезд в города всегда представлял собой хаотическую, безобразную картину, то Петербург закладывался с кольцом дворцов и парков. Петр не был во всем новатор. Многие его принципы, которые считаются новаторскими, были уже в Древней Руси. В частности, если проследить градостроительные принципы, заложенные Петром в Петербурге, они воспроизводят принципы Новгорода. Ведь все русские города строятся на одной стороне реки, на высокой стороне. Так заложены Киев, Москва, Путивль, Кострома, Ярославль и т.д. На двух сторонах реки одновременно заложен только Новгород в Древней Руси. И он в какой-то мере был предшественником Петербурга, потому что он тоже, как Петербург, стоял на великом торговом пути «из Варяг в Греки». И вокруг Новгорода существует кольцо монастырей. Это уже древнерусский градостроительный принцип. Так построен Псков и любой другой древнерусский город: приблизительно в 10—15-ти верстах от него идет кольцо монастырей. В Новгороде это кольцо частично сохранилось. Этому кольцу монастырей в петровском Петербурге соответствовало кольцо дворцов и парков. Поэтому сейчас очень важно сохранить город в тех размерах хотя бы, в которых он суще-

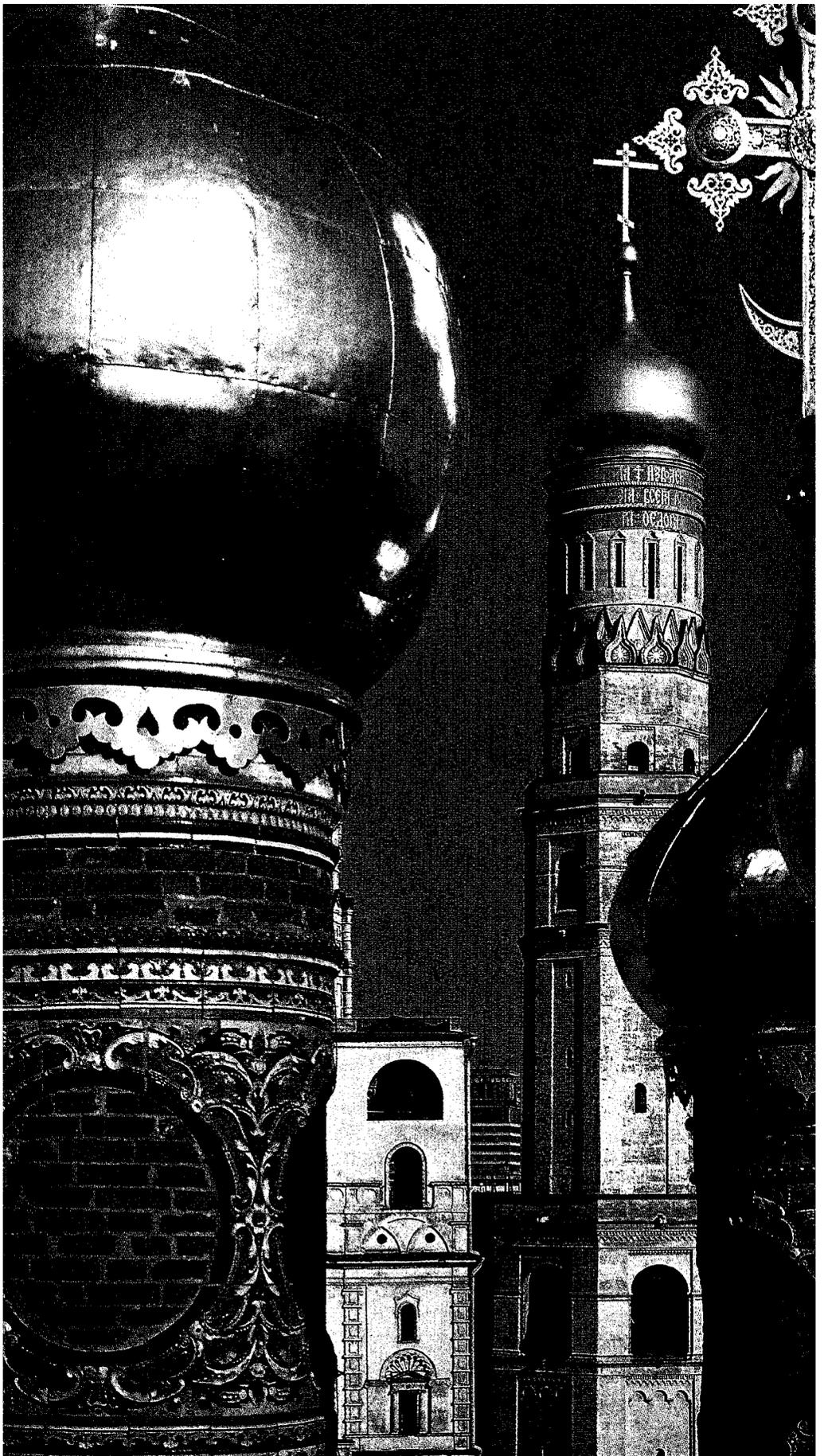
ствует на сегодняшний день. Застраивать пространство между Петербургом и Петергофом, между Петербургом и Царским Селом ни в коем случае нельзя. Это нарушение градостроительного принципа, заложенного Петром.

Если мы любим свой город, мы должны сохранять облик города, созданный в значительной мере при его закладке великим Петром. В первую очередь мы не должны строить высотные здания, от которых уже отказались многие градостроители в Европе.

Будем следовать заветам Петра Великого.

Перехожу к заключению и возвращаюсь к тому, с чего я начал.

Нашему городу возвращено его историческое название — Петербург. А вместе с этим историческим названием мы можем надеяться на полное возвращение его культуре его европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам.

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИТЕКТУРЕ

В современной архитектуре утомительно отсутствие значимости. Значимость придается ей временем, событиями, которые связаны с тем или иным архитектурным сооружением, людскими судьбами, внесенными литературными темами и т.д. Но значимость вносится и самим строителем. Мы должны «узнавать» назначение здания по его архитектурным формам. Мы должны сразу видеть, что перед нами вокзал, а не больница, не гостиница, не школа, не жилой дом. Назначение здания должно быть выделено в нем. Но помимо назначения здания мы должны ясно ощущать вход, подъезд, лестничную клетку. Вместе с тем фасад не должен быть однообразным. Однообразие окон (особенно «ленточных») утомляет не менее, чем однообразие улицы, дороги (на отчетливо прямых магистралях водители засыпают). Районы должны быть разные, разнообразные, разноэтажные.

Проектировать надо фасад не с отдаленной и серединной точки зрения, а с точки зрения прохожего, идущего по тротуару или переходящего улицу. Макеты тоже не годятся, они дают «вертолетный» взгляд на будущие строения. И особенно важны первые, цокольные этажи, мимо которых мы проходим и которые видим «в упор» и чаще всего сбоку. Первые этажи улицы воспринимаются с комнатной точки зрения, они должны быть чистыми, прибранными и... интересными (витрины с чистыми стеклами и интересной экспозицией; подъезды с лакированными и полированными дверями, дороги ручками, за которые можно «поздороваться» с домом и пр.).

Архитектура первых этажей находится сейчас в полном небрежении. Ее не понимают архитекторы. И это связано с другим непониманием — непониманием значения в архитектуре деталей. Все, что не уместается на генеральном общем плане здания, которое чертежник видит с уровня среднего этажа, — все это современному зодчему кажется неважным. А между тем на дом смотрит прежде всего прохожий, и на своем уровне — уровне своих глаз. Он может пройти мимо дома, даже не взглянув на второй, третий и следующие этажи. Но прохожий видит витрины магазинов, входные двери, подъезды и пр. Эркеры очень украшают вид на дома сбоку, с тротуаров.

В начале 20-х годов был объявлен в Петрограде сбор меди. Медную посуду сдавали в обязательном порядке. Комбеды или управхозы, домхозы (не помню — кто тогда был) снимали изящные медные ручки с парадных подъездов и заменяли их деревянными палками с какими-то прикреплениями из

*Главы Верхоспасского собора (1679)
и колокольня Иван Великий*

белого металла. Они и до сих пор стоят на большинстве старых петербургских домов. Входные двери, которые полагалось полировать, и перила лестниц стали красить масляной краской, иногда грубой — половой. Это сразу изменило вид первых этажей. А в блокаду вылетело во время обстрелов большинство зеркальных витрин в магазинах. А какие были до войны в Петербурге «Елисеев», «Александр» и многие другие магазины, которыми славился когда-то Невский.

Принято называть современные дома «коробками». Это неправильно — они чемоданы; старинного скучного фасона, все одинаковые. Около них есть и краны, чтобы их поднимать и переставлять на другое место, — переставлять, заставлять, расставлять, выставлять, просто «влять». Понятно и так. Большие носильщики — архитекторы. Они в любой город готовы перенести их. Только надо «привязать к местности»: это так, кажется, называется на языке этих «чудо-носильщиков».

Высунешься на вокзале из тамбура вагона и крикнешь: «Эй, носильщик, вези мой чемодан в чемодан вашего города». — «В какой?» — «Да в любой — они все одинаковые». А чемоданы входят в них, как куклы в матрешку, только без всякой экономии места.

А то построят для библиотеки в самом центре Москвы огромный книжный шкаф. И он стоит на улице — точно хозяева переезжают. Но шкаф разваливается, потому что улица не место для мебели.

«А это что? Крытый рынок?» — «Нет, это Курский вокзал». — «Тот самый, на который приезжал в Москву Лев Толстой, Тургенев, Бунин? Вся русская литература?» — «Нет, тот сломали». — «А почему построили такой скучный?» — «Да, знаете, некому теперь из писателей приезжать: писатели изволят прибывать в Москву самолетами и больше из-за границы».

Архитектура сейчас онемела, не имеет своего языка. Вокзал может быть выстроен как крытый рынок, крытый рынок как цирк, дворец как один из корпусов завода Форда и т.д. А вот что писал в XVIII веке М.Е.Головин: «Выбор ордена зависит от намерения, с коим здание сооружается. Тосканской орден служит для городских ворот, Арсеналов и проч. Дорической орден пригоден наипаче для храмов и церквей. Ионической посвящен миролюбию и правосудию и употребляется при судебных зданиях, увеселительных домах, внутри покоев и извне строения. Коринфской орден служит украшением дворцов, словом там, где красота и великолепие предпочитают твердости и простоте. Наконец, римской орден украшает здания, богатство изъясляющие»¹. А что говорить о знаковой системе цветов, деревьев, скульптур, павильонов, планировки садов? — здесь мы совершенно неграмотны. Попытка моя намекнуть на существование и такой стороны в книге «Поэзия садов» среди садовых реставраторов успеха не имела.

Дизайн? Говорят, хороший дизайн соответствует хорошим качествам прибора, машины, орудия труда. С машиной хорошего дизайнера и работается легче. Поэтому дизайн — полезное дело. Но беда в том, что дизайн приобрел агрессивность и начинает вытеснять собой другие виды искусства. Дизайн вторгается в живопись, и тогда живопись становится бездушной, лишенной эмоциональности, настроения и пр. Дизайн явно вторгается сейчас в садово-парковое искусство. Реставраторы в старых садах ищут лишь интересного

В.Н.Нечаев. Вид Арбата. 1830—1840

дизайна (поэтому-то, кстати, такая любовь современных реставраторов садов к регулярному садоводству).

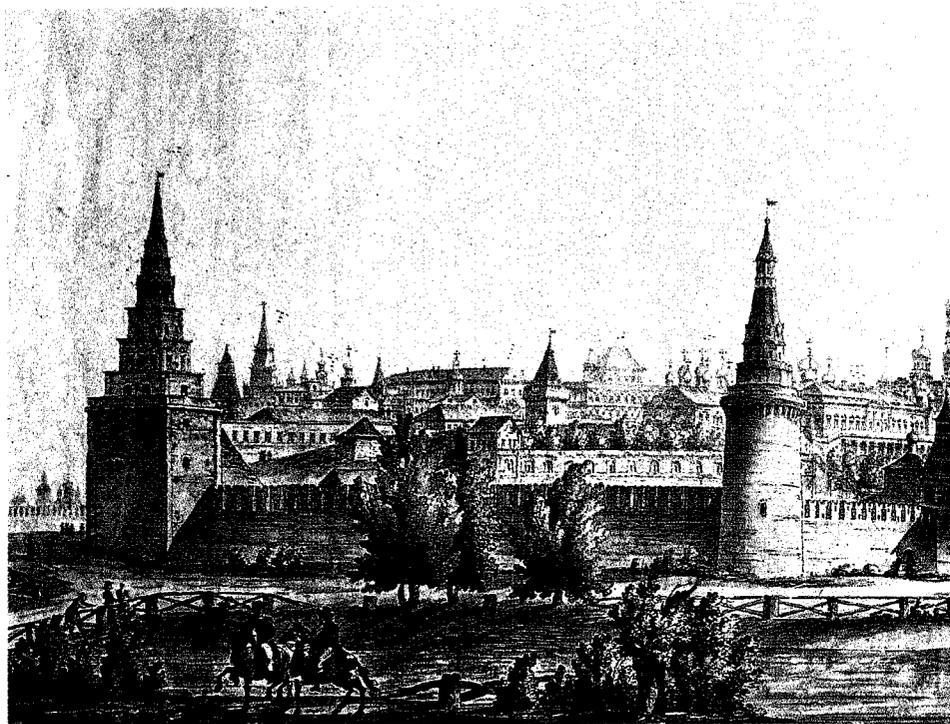
Старые дома обладают эмоциональной выразительностью. Современные хорошие дома — это удачный дизайн, и только.

Самое страшное для меня в современном градостроительстве — это одинаковые, поставленные «забором» дома — «точечные», высотные или спичечными коробками. Этим как бы подчеркивается отрицание индивидуальности у здания: «все одинаковые и довольствуйтесь этим». Апофеоз этих «заборов» — печально знаменитая «вставная челюсть Москвы». Как это не додумаются еще соединить эти столбы между собой какими-нибудь горизонтальными перекладинами типа колючей проволоки? На худой конец, можно по ним пропустить линию электропередач. Ряды одинаковых серых домов без малейших признаков их отличий друг от друга. Это кошмар, которого и во сне не увидишь, но увидишь почти в каждом «растущем» городе.

Какой бы термин придумать для этой «системы» современной архитектурной практики — «простолбить» улицу, «зазаборить» ее, «зазубрить» город? А самое явление это назвать от слова «обнесение» улицы домами-столбами — «обноской». «Обноска» во всех городах...

Придумать прозвище для этого явления было бы хорошо. Слово — величайшая сила. Вот прозвали москвичи Новый Арбат «вставной челюстью Москвы», и никуда уже от этого не денешься. Так и будет это клеймо на архитекторах, его создателях: «протезисты» Москвы.

Дело не только в том, что Александровская колонна на Дворцовой площади — самый большой монолитный монумент в мире: не перестаю удивляться ее красоте — красоте пропорций ее самой и соотношению размеров статуи, постамента, колонны и площади и т.д. Монферран — великий архитектор.

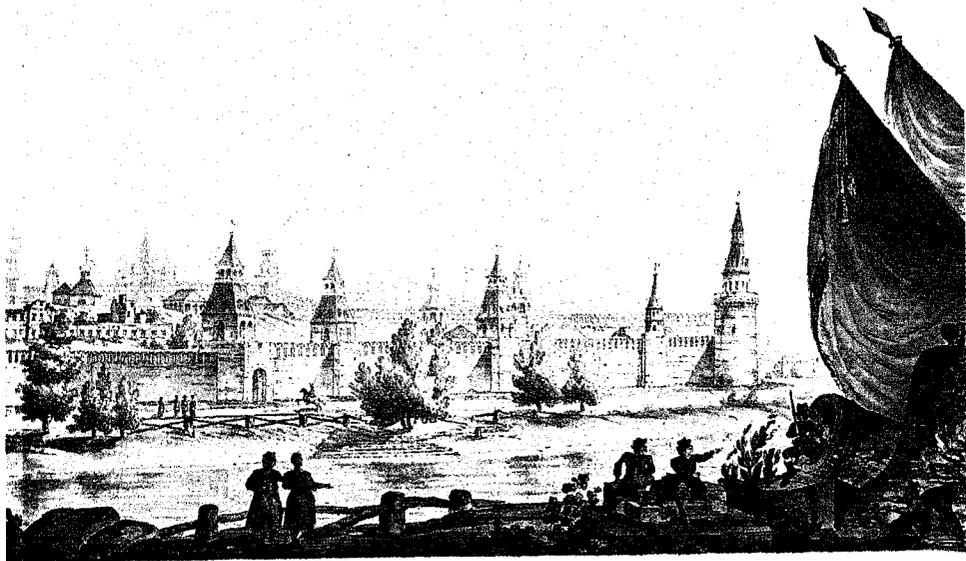
Интересна идея колонны. Мне кажется (не знаю, писал ли уже об этом кто-нибудь раньше), что памятник Александру противостоит памятнику Наполеону — Вандомской колонне в Париже. Но там Наполеон поставлен на чужую колонну, статуя Наполеона в соотношении с колонной мала и вряд ли стоило на такую «неразглядимую» высоту ставить натуралистическое изображение Наполеона. Монферран умно поставил на Александровской колонне лишь символ Александра, понятный для своего времени.

Удивительно, что Монферран, воздвигший такой великолепный памятник Александру, был в юности короткое время (но все же...) солдатом в армии Наполеона (не то в Италии, не то в Испании).

Кстати, раз речь зашла о Вандомской колонне, то для размышлений совсем другого порядка интересно было бы вспомнить о стихах какого-то англичанина, написанных на постаменте после свержения Наполеона:

Тыран, juche sur cette echasse,
Si le sang que tu fis verser
Puovait tenir en cette place,
Tu le boirais sans te baisser.

(«Тыран, поднятый на эту ходулю! Если бы пролитая тобою кровь могла устоять здесь, ты мог бы пить ее не наклоняясь».) Большинство бы сказала — «ты бы в ней захлебнулся», но неизвестный англичанин написал лучше — «мог бы пить не наклоняясь» — куда более сильный образ. Наполеон действительно любил кровь, восхищался (считал «великолепным») поле — сражения «под Можайском» Бородинское, усеянное убитыми и умирающими. И Наполеон не склонял головы («мог бы пить ее не наклоняясь»).

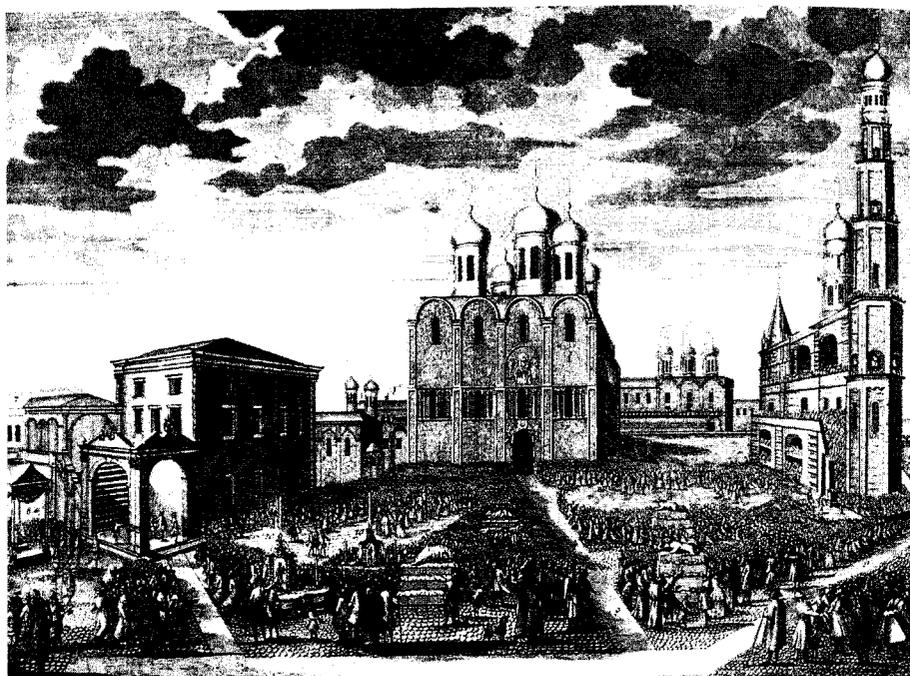

*Джакомо Кваренци. Кремль XVIII в. 1797. Акварель. Москва,
Музей архитектуры им. М.В. Щусева*

Самое трудное для архитекторов создать площадь. В мире не так уж много хороших площадей. Какие я знаю? Конечно, Дворцовая площадь в Петербурге. Конечно, площадь на Капитолии с конной статуей Марка Аврелия. Конечно, площадь Навона с фонтанами в том же Риме, площадь святого Марка в Венеции. Но самая поразительная площадь, которую я знаю, — это Соборная площадь в Московском Кремле. Она удивительна. Все здания стоят как бы отдельно и совершенно свободно, но человек чувствует себя в замкнутом пространстве. Пространство замкнуто, но вместе с тем и раскрыто — главным образом в сторону Москвы-реки. На Москву-реку через площадь смотрит умиротворенным и торжественным взглядом Успенский собор — главный властитель площади, хотя далеко не самый большой и высокий.

А ведь здания площадей все разновременные, но, очевидно, у архитекторов было самое драгоценное для архитекторов чувство — чувство ансамбля. И еще одно свойство было у архитекторов — умение понять, как ощутит себя человек среди зданий. Последнее в Соборной площади Московского Кремля удивительно. Человек на этой площади не принижен, он возвышен и окружен историей. Повсюду здания обращены к нему. Ни одно здание не отвернулось от человека, не пропускает его мимо себя. Торжественность площади не надменна. Русская история, с которой связана площадь, не подавляет человека, а включает его в себя, делает пришедшего на площадь участником истории. Он становится как бы даже выше ростом.

Ошибки архитекторам прощать нельзя. Новое здание МХАТа строил архитектор Кубасов.

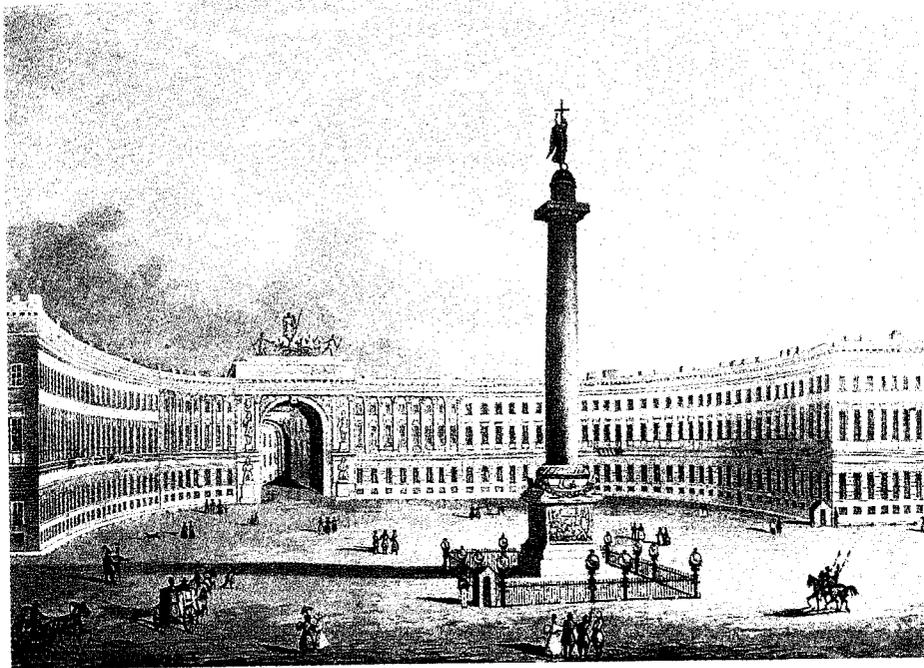
Вид Успенской церкви и Соборной площади Московского Кремля.
Гравюра И.А.Соколова. Конец 1740-х гг.

Понятие реставрации следует соединить с понятием *integrity* — нетронутость, цельность. «Нетронутость» истории, всей жизни объекта реставрации (по возможности) должна быть правилом реставрации. Если жизнь тронула объект (именно жизнь, а не случайность), то и это следует оставить.

Реставраторы часто задаются вопросом «на какое время реставрировать» то или иное здание? Например, такой вопрос стоял перед Меншиковским дворцом в Петербурге в 70-е годы. И сами искусственно создали проблему — Меншиковский дворец или размещавшийся там впоследствии Кадетский корпус? Но и то и другое ценно во многих отношениях, а единого времени и тут найти нельзя: Меншиков постоянно перестраивал и так и не достроил свой дворец, а Кадетский корпус существовал до самой Октябрьской революции, и с ним связано много событий, театральная жизнь, музыкальная жизнь; он описан у Лескова. В нем учились многие выдающиеся полководцы. Надо было найти способ не утратить памяти ни об одном из значительных периодов в жизни этих зданий, а также его связи с городом (при Меншикове дворец не был окружен зданиями, как сейчас).

Почему, спрашивается, нельзя разрушить какой-нибудь дом-коробку из силикатного кирпича или панелей (точное слово «панель», обозначающее и тротуар, и материал стены дома; тут и там «истоптанность»), а ничего не стоит получить разрешение Общества охраны памятников культуры и истории на разрушение в миллион раз более ценного исторического здания?

А вообще-то у меня такое впечатление, что Общество существует главным образом для того, чтобы выдавать разрешения на снос «в виде исключения» или «закрывать глаза». Я бы изобразил символ Общества в виде человеческого лица с завязанными глазами.

Памятник Александру I на Дворцовой площади

Кстати, Общество бахвалится огромными суммами, истраченными на реставрацию, но из этих сумм следовало бы вычесть деньги, пошедшие на ремонт и благоустройство начальственных кабинетов, начальственных зданий и... на установку лесов вокруг разрушающихся исторических строений (самое легкое и выгодное дело; и общественное мнение успокоено: меры приняты).

До чего трудна профессия реставратора. «Выгодные» памятники получают для работы с бою, интриги — больше, чем в театре. Приемка — только при условии «своих» в комиссии и без проверки качества по существу.

И до чего легко отдаются памятники на реставрацию, непременно и только на реставрацию, — когда на самом деле надо бы было не торопиться, подождать настоящих научных данных и ограничиться спасением памятника — его консервацией, во много раз более дешевой, а потому никому не выгодной.

И до чего противоположных результатов достигает иногда реставрация. Вместо подлинника сооружая или выписывая «новодел».

Реставратор настоящий творец только тогда, когда держит себя в строгой узде допустимого и не позволяет себе «творить» красотей. Но как только ему хочется самому создать в реставрируемой вещи что-то «красивое», вступить в конкуренцию с подлинным творцом, он создает — «новодел», который хотя и может обмануть некоторую часть широкой публики, на самом же деле является «надгробной плитой» памятника.

Джон Рёскин где-то якобы сказал: «Реставрация есть наиболее полный вид разрушения, которое памятник может претерпеть». Хорошо бы выяс-

нить, в какой из своих работ Д.Рёскин это сказал. Но мысль важна настолько, что даже неважно — кем и где она была произнесена. В мысли этой есть своя правда, но хороший реставратор и хорошие принципы реставрации всегда очень скромны. Чем меньше реставратор вкладывает своего, тем лучше для памятника.

В «Международной хартии по консервации и реставрации исторических памятников и достопримечательных мест», называемой еще иногда коротко «Венецианской хартией», говорится: «Где начинается гипотеза, там кончается реставрация»². К сожалению, аналогичное приходится сказать во многих случаях и о науке: «Где начинается предположение, там кончается наука».

Архитектурные мечтания. Сидя в летнем плетеном кресле на башне Пушкинского Дома (именно одну из этих башен имел в виду Пушкин, когда в «Медном всаднике» написал «дворцов и башен» — башен тогда было только две — Кунсткамеры и нашей Таможни, отведенной потом под Пушкинский Дом), я думал часто: каким мог бы быть красивым Петербург — и сочинял в воображении свои «градостроительные» проекты. Это «сочинительство» время от времени нарушалось звуком «мессершмиттов». Помню: один из них пролетел настолько низко, что я успел даже увидеть фигуру летчика. «Кто вам теперь целует пальцы?..»³

И вот грандиозный проект, пришедший мне в голову. Снести все безобразные склады на Ватном острове напротив, кроме, разумеется, самого Тучкова буяна, который можно великолепно приспособить под дворец спорта, — лучше всего под дворец водного спорта. «Почистить» от лишних зданий Петровский остров и, в частности, от бедного еще тогда стадиона. Тогда будет создана превосходная цепь парков для больших воскресных прогулок петербуржцев. У Фин-

Гатчина. Павильон Венеры

Гатчина. Приоратский дворец. 1798—1799. Архитектор Н.А.Львов

ляндского вокзала зеленые массивы Военно-медицинской академии, затем через мост зеленый парк мимо китайских шпидз и дворца Николая Николаевича, Кронверкский парк с двойным охватом — одним по задней стороне Петропавловской крепости мимо Артиллерийского музея (эта часть моего проекта осуществлена, и даже лучше, чем мне мечталось), — другим — по Кронверкскому проспекту. Потом со сносом трех-четырех доходных домов зеленый переход против Биржевого моста («Моста строителей»). Затем снова парк на Ватном острове, парк Петровского острова, парк Крестовского острова и парки Каменного и Елагина островов с выходом на Стрелку, чтобы вечерами смотреть закаты, гулять белыми ночами. А начавшееся к тому времени строительство Крестовского стадиона — да ведь это великолепно! Все ложилось в мою схему большого прогулочного парка, доступного без утомительного транспорта всем петербуржцам. Детали: велосипедные дорожки, различные зоологические садики, выставочные помещения, вольеры, спортивные площадки! Все было хорошо: город приобретал фантастическую красоту.

Более спорными и более дорогими были мои проекты преобразования и выявления красоты южного берега Невы. С некоторыми деталями я не мог справиться в воображении. Надо было сносить надстройки над старыми домами и дворцами конца 20-х — начала 30-х годов. Но уже тогда мечталась мне прогулочная зона Невского проспекта с разными (не удовлетворявшими меня полностью) выносами уличного движения.

Как-то в 70-е годы я встретился с бывшим главным архитектором города Барановым: оказывается, и у него были уже такие проекты. Значит, проект был органичным для Петербурга!

Как было бы легко и дешево осуществить хотя бы мой проект большой парковой зоны. Каждый петербуржец мог бы совершать большие пешеходные (самые полезные для здоровья) прогулки из любой части города к морю — на Стрелку, любоваться закатом. Мог бы идти туда зимой на лыжах, не пользуясь никакими выматывающими силы и нервы видами транспорта. Можно было бы даже проложить велосипедные и пешеходные проходы под тремя-четырьмя трассами (у трех-четырех мостов — в зависимости от деталей проекта).

И теперь еще я думаю: а почему не строить новые города по схеме круга с внедряющимся в центр длинным прогулочным парком, ведущим обратной стороной к реке, морю, озеру или, еще лучше, в лес и луга? Не пользоваться транспортом для того, чтобы доезжать до прогулочной зоны, а просто доходить и продолжать прогулку.

За мою жизнь Петербург-Ленинград вырос раза в четыре. И не к лучшему. Жизнь становится все неудобнее. А Москва, а Киев и т.д.

Должен быть создан новый тип населенных пунктов местностей, где жить было бы удобно и с доступом во все культурные центры: в лучшие библиотеки, в лучшие театры, в лучшие концертные залы. Один из проектов такой населенной местности давно мечтается мне в часы отдыха от основной работы.

Москволенинград.

Москва и Петербург-Ленинград соединены между собой идеальной линией: прямой железной дорогой, которую можно как угодно превращать в скоростную магистраль. Проходит эта магистраль по пустынным местам: леса, леса, поля, болота, опять леса, мелкие населенные пункты. Только старая Тверь стоит на этой трассе, да поблизости — Вышний Волочек.

По этой трассе строятся, как мне кажется, линейные города. Длинные, с легким доступом в леса и поля, с сохранением всех памятников культуры (особенно это касается района Селигера, Вышнего Волочка, Клина и пр.). Из такого города на день можно съездить по магистрали в Москву или Петербург — посмотреть музеи того или другого города, побывать на интересных постановках тут и там. По этой «культурной магистрали» строятся только те учреждения, которые имеют отношение к библиотекам, музеям, к театрам. Для заводов, фабрик, шахт — строится другая магистраль городов, где-нибудь поближе к промышленному сырью. Или несколько промышленных магистралей.

Хорошо это или плохо, если учреждения культуры будут все связаны между собой скоростной трассой различных типов, способов передвижения (автомобиль, однорельсовая дорога, электричка скоростного типа и пр. — я говорю примерно)?

Самые бесчеловечные стройки обычно огромные — те, что воздвигаются во имя человека — абстрактного человека. Самые губительные для природы проекты те, что стремятся в грандиозных размерах «улучшить природу». Только то, что строится для конкретного человека и для небольшой конкретной местности, идет им на пользу. Абстракции по большей части ужасны,

особенно грандиозные, то есть не «стелющиеся» по местности, а искажающие местность, высотные, поворачивающие реки и т.д. Об этом прекрасно пишет принц Уэльский Чарльз в своей книге «The Vision of Britain».

Искусство архитектуры — это искусство тяжести. Для меня во всяком случае. В архитектурном сооружении я прежде всего воспринимаю — как распределена в нем тяжесть: достаточны ли стены, колонны, пилястры, чтобы выдержать тяжесть архитрава, фронтона; в новом здании «держат» ли стены верхние этажи, кровлю и т.д.

А вот очаровательные деревянные дома иногда воспринимаются мной не как архитектурное сооружение, а как своего рода большие бонбоньерки! Я ими восхищаюсь, но не так, как северными избами и церквями, тоже построенными из дерева, но с использованием красоты преодоленной тяжести.

Графиня Шуазель-Гуфье в своих «Воспоминаниях об императоре Александре I и императоре Наполеоне I» восхищенно описывает Петербург при первом своем знакомстве с ним. Вот несколько удачных фраз из ее описания. Подъезжая к Петербургу: «Окрестности Парижа, за исключением королевских резиденций, не имеют того великолепия, как окрестности Петербурга, где между тем все создано искусством». Действительно, кольцо пригородов Петербурга основано одновременно с городом. Это единственная в мире столица, так строившаяся. Описывая Неву, «ее сапфировые волны», большую часть года покрытые судами с разноцветными флагами всех народов, она замечает: «Нева составляет красоту Петербурга, его славу, богатство и ужас». И далее: «Вечером этот красивый и пустынный город, при полусвете, не похожем ни на дневной, ни на лунный (были уже белые ночи) и дающим всем предметам какое-то волшебное освещение, казался мне настоящей панорамой».

Образ Петербурга создавали не только архитекторы и его население. Его создавали поэты и писатели: Пушкин, Достоевский, Ахматова, художники — Махаев, Мартынов, Остроумова-Лебедева, Бенуа, Добужинский, а также Анциферов, В.Я.Курбатов и многие другие.

Знаменитый финский архитектор Сааринен жил в детстве в Гатчине. Его отец был там пастором в финской кирке. Великолепная гатчинская архитектура, может быть, воспитала его?

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

История народов — это не история территорий, а история культуры.

Ценности культуры не стареют.

Искусство не знает старения. Истинно прекрасное остается прекрасным всегда. Пушкин не отменяет Державина. Достоевский не отменяет прозу Лермонтова. Рембрандт также современен для нас, как и любой гениальный художник более позднего времени (боюсь назвать какое-либо имя...).

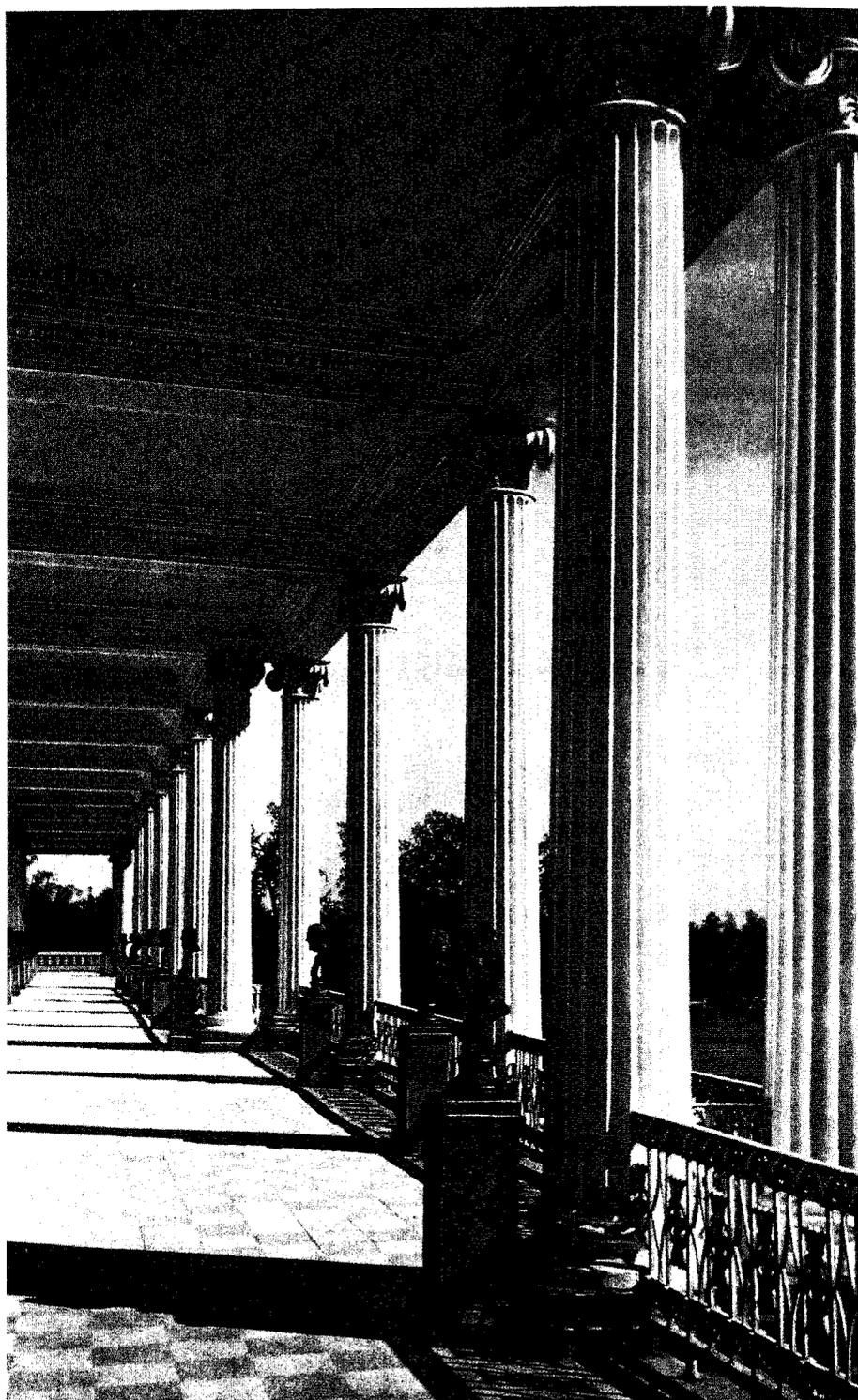
Многие понятия и представления в процессе их жизни в языке и сознании расширяются («расширяющаяся вселенная»). Понятие «памятник» первоначально было довольно узким («монумент»); затем оно охватило памятные дома, дворцы, церкви (по заслугам архитекторов; по знаменитостям, которые в нем жили, работали; по «возрасту»). Теперь памятником культуры может быть назван пейзаж (в Плесе на Волге, связанный с Левитаном), целый район города, улица, город и множество созданий, обязанных своим существованием культурной деятельности человека (коллекция как единое целое, отразившая личность собирателя, и т.п.).

Памятником фольклора первоначально считалось отдельное произведение в узком смысле: свадебная песня, обрядовая песня, сказка и т.д. Они остаются памятниками фольклора и сейчас, но к ним прибавились: свадьба как целое, обрядовые действия вообще (включая танцы, наряды, все обычаи этого действия и т.д.). Памятники фольклора и собрание песен Киреевского, Рыбникова, Гильфединга. Собрания как памятники...

Особое значение в литературе сейчас начинает придаваться сборникам стихотворений, литературным альманахам, даже литературно-общественным журналам.

Не буду продолжать. Стремление к расширению объектов изучения замечается во всем.

Я был на квартире Марины Цветаевой, где она жила с 1914 по 1922 год. Квартира была потом превращена в коммунальную, но, когда дом освободили от жильцов для сноса, она предстала в своей изначальной планировке. Надежда Ивановна (Катаева-Лыткина), единственная оставшаяся в доме, чтобы его не снесли, показывала квартиру нам. Квартира удивительная, типично московская, в Питере таких просто не могло быть. Она расположена в трех ярусах (не могу назвать их этажами) с забежной лестницей, с потолка-

Царское Село. Камеронова галерея

*Анна Ахматова. Царское Село. 1915.
Портрет работы О.Л.Делла Вос-Кардовской. Москва, Третьяковская галерея*

ми разной высоты, с разными окнами. В такой квартире чувствуешь комнату, пространство комнаты, так как нельзя привыкнуть к разной высоте потолков, разной форме окон, ко всем переходам, своеобразным видам из окон, возможностью выйти прямо из окна на крышу, оказаться в комнате, напоминающей собой чердак, и т.д. Удивительная квартира — это памятник культуры. И кто только не бывал у Марины в этих комнатах...

Володарский, выступая 13 апреля 1918 года перед слушателями Агитаторских курсов в Петрограде, сказал:

«Экзамен на разрушение мы выдержали блестяще, на пять с плюсом. Мы разрушили все. А сейчас перед нами стоит другой вопрос: сумеем ли мы оказаться такими же хорошими строителями, какими были разрушителями».

Вскоре Володарский был убит.

Будущие поколения пожалеют, что мы в наше время не успели составить атлас микротопонимики. Мелкие топонимические названия (не только деревень или хуторов, но бухт, болот, возвышенностей, полянок, валунов, даже участков парков) чрезвычайно важны. Они исчезают с усилением передвижений жителей прямо на ушах (нельзя сказать «на глазах»).

Памятники культуры бывают самые неожиданные. Например — дырка от выпавшего кирпича. В Софийском соборе в Вологде такая дырка была и очень береглась. А дело было так. Как известно, Иван Грозный любил Вологду и хотел сделать ее новой столицей своего государства, говорит предание. В один из приездов в Вологду из ноги ангела на своде выпал камень и раздробил палец ноги Ивана Грозного. Грозный принял это за дурную примету и больше в Вологду не приезжал. Как же было не радоваться вологжанам и столетиями не беречь то место, откуда выпавший камень спас Вологду¹?

Традиция сохранять памятники — такая же, как сохранять обычаи. А дырка в фресках могла бы сохранить самые фрески от последующих записей.

Мы часто восхищаемся разнообразием и богатством мира природы, но очень редко (вернее — никогда) восхищаемся богатством и разнообразием мира культуры, который нас окружает. Точно человек не ценит то, что создал сам. В мире культуры мы чаще отвергаем, чем признаем, отказываемся знать, вместо того чтобы изучать и признавать.

Когда-то (примерно десятка два лет назад) мне пришел в голову такой образ: Земля — наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве. Потом я обнаружил, что этот образ одновременно со мной пришел самостоятельно в голову десяткам публицистов. Он настолько очевиден, что уже рождается избитым, шаблонным, хотя от этого и не теряет в своей силе и убедительности.

Дом наш! Но ведь Земля — дом миллиардов и миллиардов людей, живших до нас! Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев (ах, если бы примерно сосчитать, сколько было на земле только одних всеми признанных гениев!). И не только произведений гениев! Сколько обычаев, милых традиций. Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей. Земля вся засыпана бриллиантами, а под ними сколько алмазов, которые еще ждут, что их огранят, сделают бриллиантами. Это нечто невообразимое по ценности.

И самое главное: второй другой жизни во Вселенной нет! Это можно легко доказать математически. Нужно было сойтись миллионам условий, чтобы создать человеческую культуру.

И что там перед этой невероятной ценностью все наши национальные амбиции, ссоры, мести личные и государственные («ответные акции»)!

Земной шар буквально «набит» ценностями культуры. Это в миллиарды раз (повторяю — в миллиарды раз) увеличенный, разросшийся во все области духа Эрмитаж. И эта невероятная драгоценность несется с безумной скоростью в черном пространстве Вселенной. Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве! Страшно за него.

Репутация «великого» или даже просто «талантливого» очень помогает в эстетическом восприятии произведений творца. Самое скромное преподавание литературы в школе важно уже одним этим. Оно создает у людей знание «репутаций», а потому и «ожидание» у читателя, которое затем в той или иной степени реализуется в чтении, облегчает чтение...

Преподавание истории, литературы, искусств, пения призвано расширять у людей возможности восприятия мира культуры, делать их счастливыми на всю жизнь.

Автоматизм присущ всему, кроме мысли, кроме творчества.

Если это так, то, казалось бы, оправдывается всякий выход за пределы традиционности (традиционность — род автоматизма в развитии культуры), следовательно, тем самым оправдывается и всякого рода авангардизм. Нет, это не так: известная доля автоматизма должна быть в работе мысли и мозга. Так же точно доля традиционности необходима и в культурной деятельности. В чем состоит эта «необходимая традиционность» — это другой вопрос. Но от нее не были свободны и авангардисты всех веков (неправильно думать, что это явление только XX века).

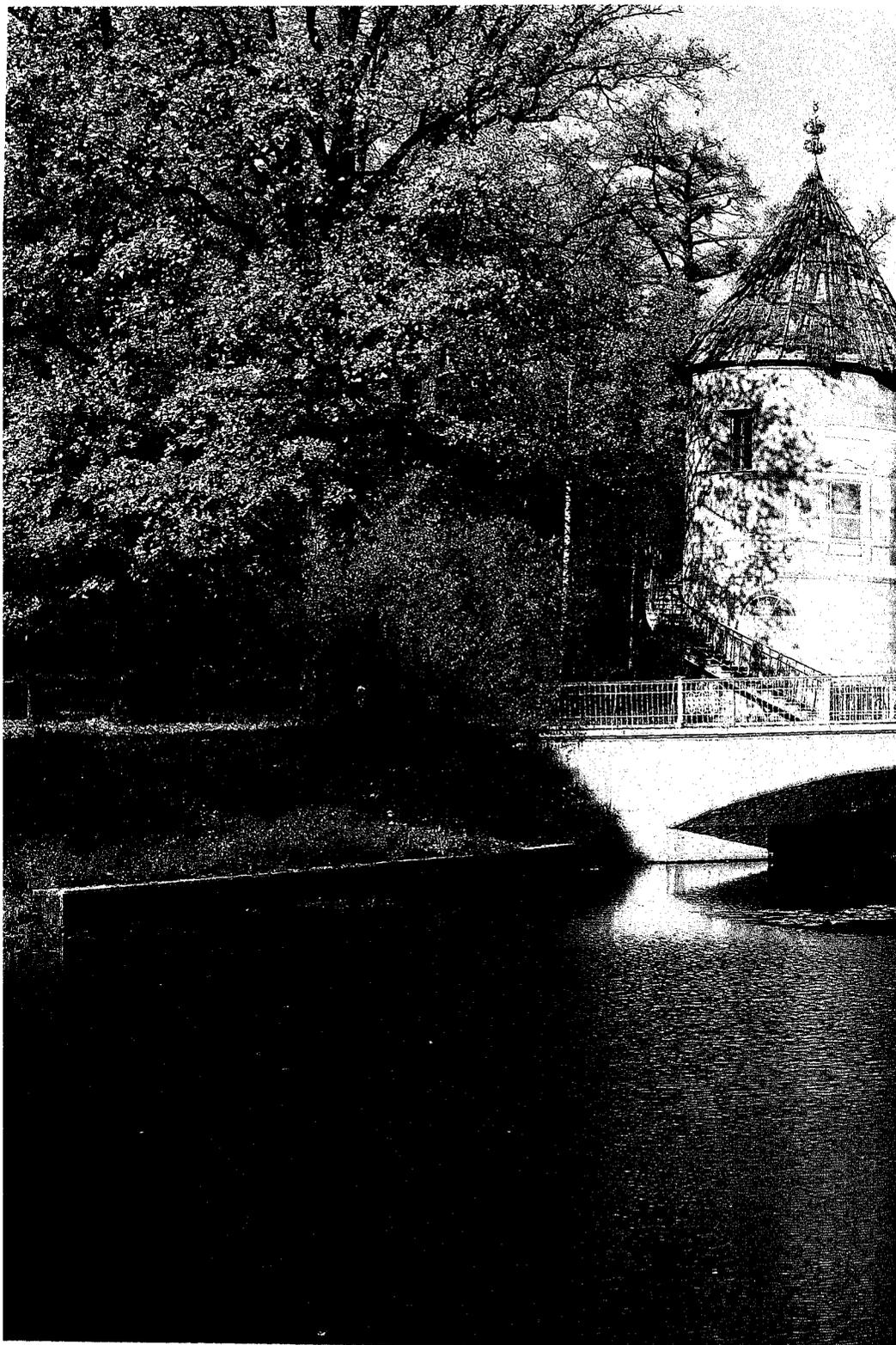
Личность, личностное начало существовали в русской культуре всегда. Разве не личности — митрополит Иларион, князь Владимир Мономах, Даниил Заточник, Афанасий Никитин, Максим Грек, Иван Грозный, а потом — бесчисленное количество деятелей эпохи Смуты и последующего времени, а затем — протопоп Аввакум, царь Петр, Ломоносов, Державин, Новиков и т.д., и т.д.

Но только Пушкин осознал свою свободу от двора, свое истинное значение как человека, как поэта. Памятник ему в его представлении вознесся выше Александрийского столпа, т.е. памятника Александру I. От двора он не принимал, в отличие даже от Державина, золотых табакерок. Именно поэтому для него было так оскорбительно получить звание камер-юнкера — получить свою ступень при императорском дворе.

«Путешествующая культура». В истории древнерусской культуры закрепился штамп: культура Руси в конце XI — начале XIII века идет по пути обособления отдельных областных культур, дробится, ослабляется, приобретает местные черты, и невозможно говорить о единстве культуры Руси. Между тем центробежные силы борются в этот период с центростремительными и в целом побеждают центростремительные.

Центробежные силы основываются на остатках племенных различий, особенностей экономики, даже особенностей климата, географических условий (особенно влияющих на земледелие, охотничье и рыбное хозяйства) и наличии местных строительных материалов, оказывающих воздействие на зодчество. В условиях роста местных богатств эти местные особенности усиленно развиваются.

Однако центростремительные силы значительно активнее. Они обуславливались наличием общего древнерусского языка — единого для всей территории будущей Украины, Белоруссии и Великороссии, единого фольклора, единой исторической памяти и самосознания. А кроме того, единство поддерживалось удивительной подвижностью всей созидающей и господствующей части общества. Художественные артели — дружины строителей, иконописцев, фрескистов переезжают из княжества в княжество. Закончив строительство ряда зданий в одном княжестве, строители переезжают в другое. Последовательность этих переездов прекрасно показана в книге «Зодчество Древней Руси»². Но такие же переезды были свойственны книжникам конца XI — начала XIII века. Создатели «Киево-Печерского патерика» — Симон и Поликарп были первоначально монахами одного Киево-Печерского монастыря, но переписку свою, на основе которой появился Патерик, вели через всю Русь — от Киева во Владимир и из Владимира в Киев. Серапион Владимирский писал в Киеве и во Владимире. Кирилл Туровский писал, может быть, в Киеве, а может быть, в Турове; летопис-

Павловск. Пиль-баиня

цы переезжали вместе с князьями и иерархами церкви из одного монастыря в другой. «Кочевали» из княжества в княжество и сами князья, меняя свои столы — путем «лествичного восхождения» к главному столу Руси — киевскому. Князья переезжали вместе со своими книжниками и строителями. Подвижный характер художественных артелей был в той же мере свойствен Руси, как и всей Европе. Именно этим объясняются и активные связи Руси с Балканским полуостровом, западными славянами, Кавказом и т.д. В сферу «путешествующей культуры» были несомненно включены Киев и Новгород, Псков, Владимир Суздальский и Владимир Вольинский, Галич, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Суздааль, Ростов, Рязань, Тмутаракань, Гродно, Витебск, Полоцк, Ладога и др.

Летописи, «Слово о полку Игореве» и многие другие письменные памятники XI—XIII веков отражают этот «путешествующий характер» культуры Древней Руси в самой своей художественной структуре.

«Прогрессивный консерватизм». Если бы болгары под турецким игмом не проявляли стойкого национального консерватизма, болгары как культурное единение не сохранились бы. Поэтому не всякий консерватизм зло. Примеров можно было бы привести множество.

Ренессанс — поразительный по своей культуре — одновременно ведет к образованию тирании. Завоевания в одной области связаны с потерями в другой.

В каждую эпоху истории культуры есть споры, разногласия, борьба, есть враги. И тем не менее, как борьба характеризует эпохи, так и между борющимися есть много принципиально общего — общего в культурном смысле. Между тем между отцами, детьми и внуками, живущими, казалось бы, в преемственной связи, больше культурных различий.

Григорий Палама³ и Варлаам⁴ — кто из них принадлежит византийскому Предренессансу XIII века, а кто — противник Предренессанса? Оба принадлежали разным убеждениям, но одной эпохе, одному культурному типу мышления. В каждую эпоху между людьми разных убеждений больше общего, чем между людьми разных эпох, хотя бы и принадлежащих к одной традиции.

Для эпохи в равной мере характерны как защитники нового, так и его противники. Савонарола — типичный представитель эпохи Возрождения.

Человек живет не только в определенной биосфере (термин академика В.И. Вернадского), но и в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной и «некультурной» (более редкой) деятельности. Человек осваивает природу (иногда нарушая существующие в ней равновесия), изменяет почву, растительность, создает и свою собственную культуру, менее зависящую от природы, но чрезвычайно для него важную: поколения людей создают язык, письменность, литературу, все виды искусств, науку, обычаи. Традиции формируют его поведение, он наследует бытовые знания и бытовые материальные ценности. С момента появления своего на свет каждый человек оказывается в сфере, созданной тысячами поколений людей. Эту сферу я предложил в свое время назвать по образцу терминов, предложенных В.И.Вернадским, гомосферой («человекоокружением»). В этой гомосфере огромную роль играет литература, через которую человеку передаются нравственные и эстетические представления. Эта передача совершается непосредственно, когда человек читает, слушает или воспроизводит тексты вслух — одновременно «читая» и слушая их. Но передача совершается и

опосредованно, когда человек воспринимает ценности литературы через других, через сформированные под влиянием литературы в обществе нравственные понятия, нормы поведения и эстетические представления.

Роль литературы огромна, и счастлив тот народ, который имеет великую литературу на своем родном языке. Литература обогащает гомосферу.

У каждого народа помимо общей гомосферы, гомосферы человечества, существует и своя, присущая ему гомосфера, своя ее разновидность, свои источники обогащения гомосферы, национальная специфика. Поэтому можно говорить не только о гомосфере, но и об этногосфере.

Чтобы воспринять культурные ценности во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения, заложенную в них культурную память. Чтобы воспринять художественное произведение точно и безошибочно, надо знать, кем, как и при каких обстоятельствах оно создавалось. Так же точно и литературу в целом мы понастоящему поймем, когда будем знать, как литература создавалась, формировалась, как участвовала в жизни народа.

В видеозаписи время отсчитывается секундами. В кинематографе время куда более емко, чем в жизни. На магнитофоне же время измеряется метрами: сколько метров магнитной пленки пошло.

Как в оптике существует «наводка на резкость», так и филологическая интерпретация памятников — есть своего рода «наводка на резкость» в их понимании. Без филологии невозможно четкое понимание словесных памятников.

Перед культурой будут стоять особенно большие задачи в будущем. Когда техника удовлетворит материальные потребности человечества, потребности в комфорте и прочем, наступит век создания культурных ценностей. Создание будет складываться в основном из двух моментов: создание нового и воскрешение старого, введение в культурный обиход современности старых ценностей. Первое не может осуществляться без освоения старых культурных ценностей. Второе — без продвижения вперед по пути создания новых. Роль филологической интерпретации памятников старины в этом освоении культуры прошлого станет особенно велика.

Великие нации пишут свои автобиографии в виде своих великих деяний, перенесенных страданий, созданных произведений искусств и, к сожалению, в произведенных ими разрушениях — у себя и в других странах.

Первобытных людей безосновательно считают грубыми, жестокими, грязными. Если потому только, что они были ближе, чем мы, к животному миру, то ведь животные чистоплотны, обладают исключительным пониманием друг друга, приверженностью к своим обычновениям и т.д.

Я думаю, что у первобытных людей был великий фольклор, прекрасная травная медицина, умение делать хирургические операции, богатые обычаи и свои празднества, а между собой они умели держать слово, были нежны к детям и щедры. Леви-Брюль говорил, что «первобытные люди очень часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий». Сказано тяжело, но верно.

Надэтническое сознание в средние века.

Мы представляем себе культурное влияние как воздействие, как усилие со стороны влияющей стороны. Между тем общество не выносит культурного ва-

куума. Существует потребность в культуре. Происходит втягивание культуры, а не вталкивание ее. Культура естественна для человека: в ней потребность.

Чем больше входишь в эпоху, изучая ее, тем меньше она кажется прошлым. Так бывает с настоящими пушкинистами, с исследователями первой четверти XX века.

Талант — это единственное в человеке, что всегда работает на своем уровне. Можно быть прилежнее или ленивее, аккуратнее или неряшливее, работать больше или меньше, но нельзя преподавать, исследовать, писать более талантливо, чем ты способен, да нельзя и на менее низком уровне. Можно вообще не работать, но это другой вопрос. Вот почему так важно замечание В.И.Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять».

У литературоведов и историков культуры, этнографов и т.д. существует теория первоначального мифологизма. И в общем эта теория, по-видимому, верна. Но вот что интересно. В мифах Древней Греции есть элементы (мотивы, сюжеты и пр.), противоречащие этому: остатки высокоразвитой стадии мышления, индивидуального творчества и духа индивидуализма. Не указывает ли это на то, что были раньше какие-то неизвестные нам культуры (атлантического происхождения), в которых было не до-мифологическое, а после-мифологическое мышление. Эти культуры распались, и на их основе выросли все же гибридные греческие мифы. Ведь личностное начало в этих мифах очень сильно! Если бы такую теорию создать, она была бы сенсационной. Но дело не в том, чтобы создать сенсацию, а чтобы объяснить греческие мифы, которые отнюдь не целиком «мифологичны». Человечность греческих мифов — не их новая стадия, а пережиток культуры-субстрата.

Нет ли в греческой культуре воспоминаний о более древней и высокой, об Атлантиде?

Мы напрасно ищем Атлантиду в исторических сочинениях и свидетельствах. Ее следует искать в самом характере древнегреческой мифологии: двухстадийной.

Всякая молодая и сильная культура создается из слияния предшествующей культуры с новой, нарождающейся.

В процессе развития культуры есть некоторая телеологичность. Она есть в процессе развития любого организма, поскольку за молодостью следует зрелость и старение. Эта телеологичность была и в развитии древнерусской культуры. Она осознавалась людьми — «новыми христианами». И замечательный представитель этого сознания и самосознания митрополит Иларион.

Нужда в «постороннем» начале при построении своей культуры характерна для многих культур. Это черта, в частности, Средневековья, которое нуждается в «чужом» литературном языке, в династии властителей из «чужой» страны, в религии из другой страны, в культуре чужой и общей для ряда стран. Потребность в отделении от родной почвы заставляет обращаться к соседям — за помощью и за единением с ними.

Великие культуры в своей начальной стадии охватывают огромные пространства, многие различные народы и перерабатывают традиции предшествующих культур, различные по характеру.

Центростремительные силы в периоды зарождения и развития преобладают, но, достигая зрелости, начинают распадаться, образуя многие моноязычные культуры — компактные и на строго ограниченных территориях.

Культурный охват при зарождении великих культур значительно шире и больше, разнообразнее и разноязычнее, чем при последующих разделениях на строго ограниченные и национально единые культуры. Текучесть и переменчивость границ, существовавших вначале, сменяются строгой ограниченностью и плотностью отдельных вторичных культур, возникших на почве великих начальных.

Прародина нашей восточноевропейской культуры — не только Греция и Рим, но и та культура, которая зародилась на огромном пространстве, по определению С.С.Аверинцева, «от берегов Босфора до берегов Евфрата», на юге она включала в свой состав Египет и Абиссинию, на севере — Армению и все Предкавказье («пред» — если подходить к Кавказу с юга, со стороны этой образующейся великой культуры).

Перекресток Европы и Азии был очень удобен, чтобы вновь образующаяся культура включила в своей «котел» разнообразные и разноязычные культурные традиции и многонациональные государства — Римскую империю и персидское государство Сасанидов с общим включением в их недра Сирии, еще доаравской.

Питательную сферу для нового религиозного сознания представляла собой сама неустойчивость этой сферы — с религией как культом и религией как системой отвлеченных философских верований.

Если говорить о литературе как о форме великой начальной культуры, то тут была та же обстановка — обилие традиций, иногда очень древних, разноязычие и разнообразие жанров. Особое значение этот византийско-ближневосточный ареал культуры имел для литературы Древней Руси.

Основная задача современной жизни: сочетать развитие техники с гуманизмом. Цивилизация без души — ужас! Вторичное варварство, по выражению Вико.

Накопление без цели. Гигантская мобилизация средств для неизвестной цели. Сократов вопрос «чего ради» никогда не ставится. Технике должны быть даны не только тактические, но и стратегические цели. Всеобщая сытость и быстрота передвижения скоро будут достигнуты, но дальше что? — Развитие культуры! А мы сокращаем культуру, сокращаем преподавание гуманитарных наук в школе.

Необходим отказ от навязчивых идей в сторону здоровых навыков нормальной жизни.

Прерафаэлиты составили «Список бессмертных», в него включены: Иисус Христос, автор книги Иова, Шекспир, Гомер, Данте, Чосер, Леонардо да Винчи, Гете, Китс, Шелли, Альфред Великий, Ландор, Теккерей, Вашингтон, Миссис Браунинг, Рафаэль, Патмор, Лонгфелло, автор «Stories after Nature», Теннисон, Боккаччо, Фра Анжелико, Исайя, Фидий, раннеготические архитекторы, Гиберти, Спенсер, Хогарт, Костюшко, Байрон, Вордсворт, Сервантес, Жанна д'Арк, Колумб, Джорджоне, Тициан, Пуссен, Мильтон, Бэкон, Ньютон, По. Все! Не правда ли, любопытно? Как было бы хорошо (интересно), если бы такие списки бессмертных составлялись почаще: в разных странах и

в разные эпохи. Для русских того же времени он был бы совсем иной, а в наше время особенно. Но кто-то бы оставался: Шекспир и Данте, например. А кто-то бы у всех добавлялся: Толстой и Достоевский, например, сравнительно с приведенным списком прерафаэлитов.

Человеческое познание позволяет проникать в чужое сознание, не ставясь этим чужим. Мы можем понимать то, что нам несвойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам.

Это свойство человеческого познания казалось всегда особенно удивительным в произведениях искусства. Примитивное объяснение способности творца понять явления, которые он изображает, заключается в том, что изображаемое составляет частицу души самого творца, свойственно творцу и представляет собой результат самопознания. Так создаются легенды о том, что художник, проникновенно изобразивший преступление, сам преступник, а объективное восприятие какой-либо идеи принимается за убежденность в этой идее.

Однако в потенции познающего лежит познание всего окружающего его мира, каким бы сложным и посторонним для познающего этот мир ни был. При этом чем глубже и шире развита личность познающего (творца-художника), тем большими способностями проникновения в личности других людей он обладает.

Наше понимание других культур зависит от объема накапливаемых знаний об этих культурах. Культура движется вперед путем познавательных открытий и путем освоения этих открытий, их осмысления в современности и для современности. Но открытия эти и их освоение не требуют перевоплощений, как их не требует и творчество отдельного художника.

Познание чужой культуры или культуры прошлого имеет своим глубоким результатом не внешние заимствования (хотя отдельные частные заимствования и могут оказаться полезными), а общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, «познавательной гибкости», увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора.

Только на самых низких уровнях развития культуры она может отказываться от своего и современного ради внешних заимствований из чужой культуры — другой страны или другой эпохи: переодеться в ее одежды, обзаводиться ее бытом, подражать чисто внешним признакам чужого искусства.

«Как мало из свершившегося было записано, как мало из записанного сохранено» (Гете). Но есть еще одна ступень в отношении к прошлому: непонимание его, искажение, создание своего рода мифов, совершенно не соответствующих тому, что было. Даже исторические личности и исторические события полувековой давности превращены в своеобразные «мифологемы». И что интересно — об одном и том же событии или человеке существуют совершенно различные представления, каждое из которых складывается в цельный образ. Пример — образы Сталина (их больше, чем два).

Один из делегатов международного «Форума за безъядерный мир и разоружение» рассказал мне следующую печальную историю. Муниципалитет столицы Ирландии Дублина решил строить для своих нужд высотное здание. Когда стали рыть землю под фундаменты, обнаружили полностью со-

хранившийся город викингов: улицы, планировка домов, обстановка, посуда, печи — все, все. Решили: предметы роздали по ирландским музеям, а город снесли и построили нужное муниципалитету здание. Пришли протесты из скандинавских стран. Муниципалитет Дублина не имел права сносить культурные ценности других народов.

Спрашивается, а кому принадлежат культурные ценности вообще? Имеет ли право какой-либо музей уничтожить или плохо хранить ценности другого народа. Понятно: возвращать памятники культуры в те страны, которым они когда-то принадлежали, нельзя. Тут возникло бы множество вопросов: какая страна является наследницей какой страны. Культурные ценности разошлись бы по всему свету. Музеи раздробились бы. Ценности перестали бы быть доступными для изучения и обозрения (вообразите: скульптуры Парфенона, перевезенные из Британского музея, где их все знают, и водруженные на фронтоны, где их нельзя будет обозревать с короткого расстояния). Голландские картины, возвращенные в Голландию, французские во Францию, разрушенные этнографические музеи... Помилуй бог. Мы прекратили бы общение народов друг с другом на высочайшем уровне.

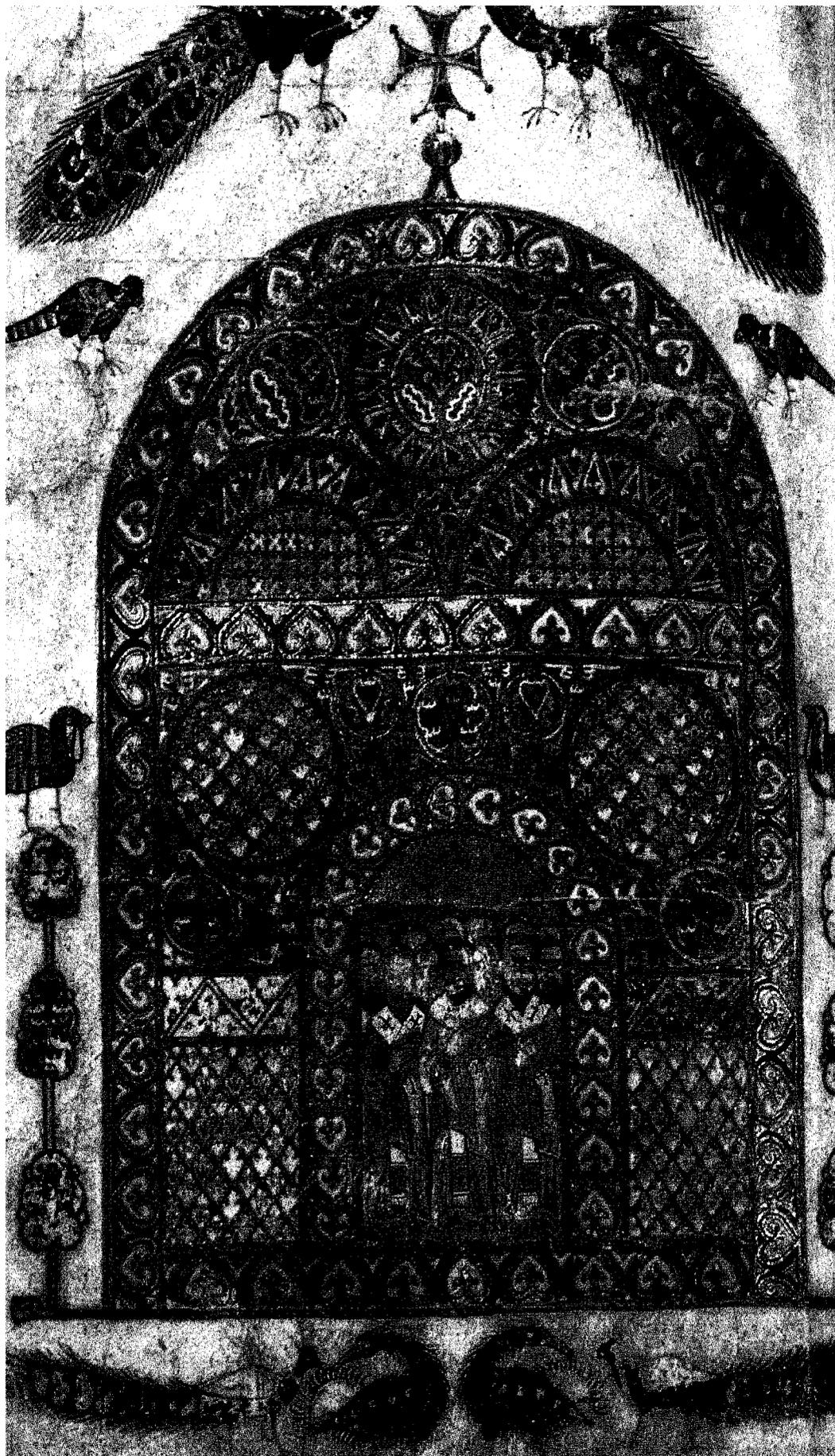
Но, храня у себя даже свои собственные произведения искусства, музеи, города, страны, народы должны ясно осознавать, что культура и ее ценности принадлежат всему человечеству. Они за памятники культуры (все равно — свои или чужие) должны отвечать перед всем миром, как за ценности, находящиеся у них как бы «на подержании». Кижки принадлежат не русскому народу и не карельскому. Они принадлежат всему человечеству, а потому для сохранения их должны привлекаться реставраторы всего мира, иногда собиравшие средства во всем мире.

Культурные памятники (картины, здания, редкие исчезающие языки, фольклор, этнографические ценности и т.д.) должны быть доступны для единой мировой инспекции памятников культуры.

Культура как воздух, как вода в океане, — слава богу, не знает границ!

Когда-то у меня была написана статья для газеты «Кому принадлежит история», в которой я доказывал, что градостроители не имеют права распоряжаться только по своему усмотрению историческими зданиями и историческими городами — они принадлежат всему народу, в том числе и будущим поколениям. Теперь я пришел к выводу значительно более широкому: все культурные ценности принадлежат всему человечеству.

Культура беззащитна. Ее надо защищать всему роду людскому. Юридически тот или иной памятник принадлежит владельцу, но морально — всему человечеству. Необходимо выработать моральный кодекс отношения к памятникам культуры. Заняться этим должны юристы, искусствоведы, культурологи и пр., и пр. Сейчас есть международный орган, который должен был бы и мог бы в крупном масштабе выработать этот моральный кодекс для всех стран и всех владельцев. Это — ЮНЕСКО. Но помимо этого надо было бы тщательно вести учет всего наиболее ценного, что принадлежит всему человечеству.

РАЗНОЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

По мысли Гейне («Флорентийские ночи», глава первая), в Италии «музыка стала нацией». Я бы сказал, искусства стали нацией. В России же (и это мое) нацией стала литература.

Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мир¹

Мы должны в полной мере осознать тот знаменательный факт, что нашим братским литературам — украинской, белорусской и русской — исполнилась тысяча лет.

Почему мы должны это осознать? Что за обязанность лежит на нас? Прежде всего это наш долг перед нашими героическими предками. Героями делаются не только на войне — герои и те, кто вопреки трудностям создает новое, новую культуру, новую форму культуры.

Далее. Мы должны осознать этот факт для того, чтоб оглянуться назад, подвести итоги тысячелетия и с новыми силами, новым взглядом на самих себя продолжать наш путь, раз он того стоит... Мы должны проверить наш компас, нравственный компас, по которому мы движемся в бурном океане современных проблем. Часы, по которым мы, люди письменной культуры, живем, отсчитывают уже второе тысячелетие. Стрелка компаса имела отклонения, но в целом служит нам верно.

Что сохранить нам из наших традиций? Чем мы сильны? Что мы сделали не только для себя, но и для всего мира и мировой культуры, для человечества и человечности? Шли ли мы — украинцы, русские, белорусы — в ногу друг с другом и в ногу с мировой литературой? Что мы взяли у других и что мы им сами дали?

Служили ли мы прошедшую тысячу лет делу мира — мира во всех его смыслах: миру — «тишине», «спокойствию», «мирному времени», и миру — «вселенной», «земному шару», и миру — «человечеству»? (Все три значения слова «мир» не случайно сходятся на одном слове!)

Стремилась ли наша литература развлекать и отвлекать, или, напротив, они влекли к поискам истины, правды (опять-таки в специфически русском значении этого слова, совмещающего в себе истину и справедливость: правда-истина и правда-справедливость)?

Над всем этим мы должны сейчас задуматься, именно сейчас, когда кончается первое тысячелетие существования у нас письменной культуры.

*Изборник Святослава. 1073.
Титульный разворот. Фрагмент.*

Восточнославянская письменная культура, а в недрах ее и наша восточнославянская, еще не разделенная литература Древней Руси — возникли одновременно и постепенно, и внезапно...

От самого начала до нас дошли только «признаки» и «знаки» существования письменности и деловые тексты.

В просторном «Житии» Кирилла-Константина, относящемся к XI в., говорится о том, что в Крыму, где издавна были поселения Руси, Кирилл-Константин нашел евангелие, писанное по-русски — «русьскими» письменами, т.е., по-видимому, на языке Руси, восточнославянском, ибо сам Кирилл-Константин легко стал его понимать. Впрочем, ученые спорят — был ли это язык Руси или какой-то иной, «рушьский». Но вот более достоверное известие и вместе с ним документы: договоры русских с греками 911 и 941 гг. Там сказано, что договоры Руси с греками составляются на двух языках и один экземпляр хранится у греческой стороны, а другой — у русской. Дошедшие до нас тексты в «Повести временных лет» несомненно, как это доказал академик С.П.Обнорский, X в., т.е. перед нами памятники письменности первой половины X в. Письменности (!), но еще не литературы!

Но уже существование на Руси староболгарских книг — переводных с греческого и оригинальных было явлением восточнославянской литературы, ибо книги эти были понятны на Руси, язык их оказался очень близким к русскому разговорному и деловому, хотя более сложным. Еще до официального признания христианства Киевским государством христианство на Руси было уже распространено. Христиане были в составе тех дружин, которые ходили на Константинополь, христиане были и в Киеве, где на Подоле стояла церковь Ильи Пророка. Раз были официально признанные христиане, была церковь, то было и богослужение, совершавшееся по книгам, и тексты в книгах были рассчитаны и на эстетический эффект, а это уже ближе к литературе.

Из этого следует факт более раннего проникновения на Русь чтения. Чтение в широком плане предшествовало на Руси письму, а переводы — собственным произведениям. Как и всякие младенцы, наши предки в X в. раньше научились читать и слушать читаемое, чем писать. Но ведь и это нелегкое дело! Правда, искусство слова существовало издавна, и нельзя даже указать, сколько веков оно существовало, ибо фольклор — ровесник устной речи, а сама устная деловая речь имеет разные эстетические формы: воинские речи, произносившиеся князьями перед битвами и выступлениями в поход (вспомните знаменитые речи князя Святослава), речи на княжеских съездах, на вече, судебные установления, облекавшиеся в кратчайшую и выразительнейшую форму, речи, передававшиеся через послов союзным или враждебным князьям.

Как я предполагаю, еще до официального принятия Русью христианства возникло произведение, пропагандирующее новый христианский взгляд на всемирную историю, — «Речь философа», включенная впоследствии в «Начальную летопись». Это полукомпилятивное произведение должно было дать представление вновь обращаемому в христианство народу о всемирной истории, — и народу, и его правителю.

Можно спорить о том, была ли «Речь философа» русской по происхождению и была ли она уже произведением литературы, но факт тот, что силы, знания, навыки, необходимые для образования литературы в полном смысле этого слова, литературы как особой области культуры, накапливались постепенно в течение и IX и X вв. Накопление это было незаметным — для современников, восточных славян, и для глаз наших исследователей.

Но вот внезапно (подчеркиваю — внезапно) из этого незаметного накопления родилась литература очень высокого уровня — уровня идейного, уровня литературного умения, уровня великолепного литературного языка, как бы сразу достигшего изумительного совершенства.

Литература внезапно поднялась как огромный защитный купол над всей Русской землей, охватила ее всю — от моря и до моря, от Балтийского до Черного, и от Карпат до Волги.

Я имею в виду появление таких произведений, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, как «Начальная летопись» с различным кругом произведений, в нее входящих, как «Поучения Феодосия Печерского», «Поучение князя Владимира Мономаха», «Жития Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского» и т.д.

Весь этот круг произведений знаменуется высоким историческим, политическим и национальным самосознанием, сознанием единства народа, особенно ценным в период, когда в политической жизни уже начиналось дробление Руси по княжествам, когда Русь стала раздираться междоусобными войнами князей. Именно в этот период политического разобщения литература осознает, что князья не в «худой» и не в неведомой стране княжат, и занята вопросом, «откуда пошла» Русская земля; произведения призывают к единению и писаны не в одном центре, а по всему пространству Русской земли — так составляются летописи, проповеди, «Киево-Печерский патерик», так ведется переписка Владимира Мономаха с Олегом Гориславичем, и т.д., и т.п. В литературное творчество удивительно быстро втянуты многочисленные русские города и монастыри: помимо Киева — Новгород Великий, оба города Владимира на разных концах Русской земли — Владимир Волынский и Владимир Суздальский, Ростов, Смоленск и даже маленький Туров. Всюду писатели и особенно летописцы пользуются трудом своих собратьев из самых отдаленных мест восточнославянской равнины, всюду возникает переписка, писатели переезжают из одного княжества в другое.

В пору упадка политического единства и военного ослабления литература заменила собой государство. Отсюда с самого начала и на протяжении всех веков громадная общественная ответственность наших литератур — русской, украинской и белорусской.

Вот почему я употребил выше выражение: *литература поднялась над Русью громадным защитным куполом — стала щитом ее единства, щитом нравственным*.

Взгляд на русскую историю как на часть мировой и чувство ответственности за весь мир стали также отличительной особенностью всех восточнославянских литератур и отчасти были унаследованы ими через единую литературу Древней Руси от славянских просветителей — Кирилла и Мефодия. Это им принадлежит мысль о единстве человечества и ответственности каждой страны, каждого народа в общечеловеческом устройении и просвещении, о служении каждой страны человечеству. Для Кирилла и Мефодия это была Болгария, для писателей Древней Руси — Русь.

Благодаря этой особенности «литературного мировоззрения» восточнославянских литератур они всегда были литературами с «открытыми границами». Переводная литература занимала в них такое же место, как и оригинальная. Рукописи из Балканских стран ввозились и здесь «смешивались» со своими, переписывались на равных с ними основаниях, составлялись свод-

ные редакции — болгаро-русские, сербо-украинские, молдаво-влахийско-болгаро-русские и т.д. Вместе с тем до очень поздней поры литературы трех братских народов воспринимались и развивались как единая литература. Единными они были и в глазах их авторов, переписчиков, печатников, и в глазах самих читателей. Характерна в этом отношении деятельность первопечатника Ивана Федорова: перенося свою деятельность из Москвы во Львов, он не был ни перебежчиком, ни изменником — он делал одно дело.

Не случайно на Русь в XIV—XVI вв. переезжали сербские и болгарские писатели и чувствовали себя здесь как на родине, защищали общее дело восточного славянства, а в монастырях Афона, Болгарии, Сербии, Молдаво-Влахии работали восточнославянские переписчики и книжники. Книжники из Руси работали и в Будапеште, учились в Кракове.

Мысль о каждом народе как о части всечеловечества дожила до нашего времени и в XIX в. получила яркое выражение в знаменитой речи Достоевского при открытии памятника Пушкину. Достоевский только в силу ограниченности представления своего времени о древнерусской литературе не знал, что приписываемые им Пушкину «чувства—идеи» и необыкновенная восприимчивость Пушкина ко всем явлениям культуры Европы существовали уже в Древней Руси, и существовали в полной мере.

Другая особенность наших восточнославянских литератур, также появившаяся как бы сразу, во всяком случае «повзрослевшая» в течение очень короткого времени, — это их учительный характер.

«Неправду» князей уже в середине XI в. разоблачал летописец Никон, затем летописец Нестор и его преемники, потом составители повестей о княжеских преступлениях (об ослеплении Василька Теребовльского, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского, о клятвopреступлении Владимирки Галицкого и проч.), далее с призывами к князьям обращались автор «Слова о князях» и автор «Слова о полку Игореве» (в период монголо-татарского завоевания на неправильное поведение князей указывали авторы северо-восточных повестей о событиях батыевщины и т.д.).

Характерно и чрезвычайно важно, что изобличение неправд идет параллельно с поисками положительных решений. Это не критика ради критики, не дискредитация княжеской, а впоследствии царской власти ради ее дискредитации, а поиски решения вопроса — и об укреплении власти, и о создании справедливого общества. Это особенно характерно для первой половины XVI в., для сочинений Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма, Вассиана Патрикеева, Федора Карпова и многих других авторов. Литература становится «вторым государством», она тоже полна государственных забот, и не случайно это понимают и сами князья и цари, когда берутся за перо, — Владимир Мономах, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Петр Великий и др.

Исполнилось более трехсот лет со дня сожжения протопопа Аввакума², и хотя он был по официальному приговору сожжен «за великие на царский дом хулы», но на самом деле «хулой» он был озабочен меньше всего, а стремился убедить царя до последнего дня и решить проблемы путем слова и убеждения, путем создания положительной программы, которая виделась ему в возврате к прошлому по целому ряду вопросов.

Новый подъем государственного и исторического, общественного значения литературы наступает с конца XVIII — начала XIX в. — в сочинениях Радищева, Новикова, поэтов-декабристов и т.д.

Общественная и национальная миссия литературы в полной мере осознает себя в творчестве Пушкина и Шевченко. Не случайно именно эти два имени стояли на знаменах литературы русской и украинской.

Ни в одной стране мира с самого начала ее возникновения литература не играла такой огромной государственной и общественной роли, как у восточных славян.

И с этим связана характерная черта художественной формы наших литератур. Ответственность ведет за собой ответственность перед словом и своеобразный лаконизм наших литератур. Необычайной лаконичностью отличается и проза Пушкина, и проза Лермонтова, и проза Тургенева. Их романы и повести сравнительно невелики по объему. Все существенное вырезано в них почти что резцом — с ювелирной точностью. Но ведь и кажущаяся многословность Толстого и Достоевского тоже свидетельствует об особой ответственности перед словом. Недаром, знакомясь с черновиками Толстого, мы замечаем, что первоначальный текст был как будто бы глаже: глаже, но не точнее. Во внешне неряшливой и корявой форме сказывалось другое — то, что я бы назвал характерной для всей русской литературы «стыдливостью формы». Писатель заботится прежде всего об истине, о правде и не заботится о красивости сказанного, постоянно нарушает законы жанра, привносит в литературу жанры деловой письменности, изобретает новые жанры или берет жанры «низкой литературы» — рецензии, фельетоны, письма, разного рода документы и т.д. Это в высокой степени свойственно Лескову, Некрасову. Документ говорит читателю больше, чем литература, документу читатель больше доверяет, и вот писатели пишут свои произведения в форме писем, хроник, открытых писем в редакцию, дневников, а то нарушают жанры — объявляют поэму романом в стихах, а роман поэмой. Не важно, как написать, лишь бы правду, лишь бы воздействовать на поведение людей, пробудить в них общественное сознание.

С этим связана всегдашняя конструктивность критики наших литератур: наличие большого и общественно ответственного мировоззрения за всеми критическими выступлениями. С этим связано и единство литературы и критики, литературы и публицистики. История литературы всегда была у нас и историей общественной мысли, всегда включала в себя и историю критики.

Обращаясь к настоящему наших литератур, не найдем ли мы в них все те же черты, присущие всему тысячелетию развития восточнославянских литератур? Разве не для решения важных общественных проблем пишут наши писатели-современники — В.Распутин, В.Белов, В.Астафьев, писали Ю.Трифонов и Ф.Абрамов, пишут В.Быков, Ч.Айтматов и многие другие. Все они не только заинтересовывают своими произведениями, восхищаются лаконизмом, но и тревожат, будят, заставляют думать, призывают к общественной ответственности. Все эти писатели — наши современники — вышли из школы Аввакума, Радищева, Пушкина, Достоевского, Толстого.. А если охватить более широкий круг писателей, то и круг непосредственных учителей окажется гораздо шире — вся наша тысячелетняя литература. Если материалом лучших современных произведений оказывается село и даже появился несправедливый термин «деревенская проза», то ведь круг решаемых проблем отнюдь не сводится к тем, что могут быть интересны лишь деревенским читателям. Если сводить все темы литературных произведений только к

их материалу, тогда окажется, что и Достоевский интересен лишь жителям Петербурга и в лучшем случае Старой Руссы, а Аввакум — староверам... Писатели поднимают общие вопросы на частных случаях — это почти закон художественного творчества. Но характернейшей чертой нашей литературы, продолжающей традиции тысячелетия литератур народов нашей страны, необходимо признать большие общественные и мировоззренческие вопросы, поднимаемые всегда с большой душевной болью, страстью и стремлением к лучшему.

Спрашивается: можем ли мы определить точную дату тысячелетия наших братских литератур? Даты юбилеев по большей части условны. Условны даты юбилеев наших исторических городов, многих учреждений. Мне думается, что для тысячелетия наших братских восточнославянских литератур условной даты устанавливать не следует. Литература — это процесс. Возникновение литературы тоже было процессом. Тысячелетие восточнославянских литератур — это процесс. Такой юбилей не может быть отпразднован одним заседанием, открытием одного памятника или созданием одного труда. Весь конец XX в. есть дата юбилея.

Древнерусская литература

Западники и славянофилы сходятся между собой: в незнании (простительном для своего времени) древнерусской культуры и в неверном противопоставлении Древней Руси Новой России. Это противопоставление начал сам Петр Великий. Ему нужно было противопоставить свое дело Древней Руси, придать пафосность своим реформам, оправдать свою решительность и жестокость. Но никакого решительного перелома не было. Об этом я неоднократно писал. Петровские реформы были порождением процесса, шедшего в течение всего XVII века. Сам Петр и его соратники были людьми, воспитавшимися в Москве. Петр сменил всю знаковую систему в русской культуре — форму военную и одежду гражданскую, знамена, обычаи, увеселения, перенес столицу в новое место, сменил представления о власти монарха, о его поведении, ввел табель о рангах, создал гражданский алфавит и проч., и проч. Все это бросалось в глаза. Он построил флот, но на веслах галер и на реях парусных судов работали все ж таки поморы...

Представления о «переломе» утвердились в равной степени у западников и славянофилов, живы и до сих пор.

Значение славянофилов было в русской культуре нового времени очень велико не только потому, что старшие славянофилы выступали против крепостного права, но потому, что они подготовили правильную оценку древнерусского искусства, способствовали розыску древнерусских рукописей и проч. Всякое движение вперед требует оглядки на старое, в России — на «свою античность», на Древнюю Русь, на те ценности, которыми она обладала. Вспомните Лескова, Ремизова, Хлебникова, а в живописи — Малевича, Кандинского, Гончарову и Ларионова, Филонова и многих других. Их авангардизм наполовину древнерусский и фольклорный. Многие об этом не догадываются, а на Западе увлечение этими художниками шло параллельно увлечению иконами.

Литература Древней Руси фрагментарна. Она сохранилась лишь в осколках. Но разнообразие осколков позволяет судить об огромных размерах целого.

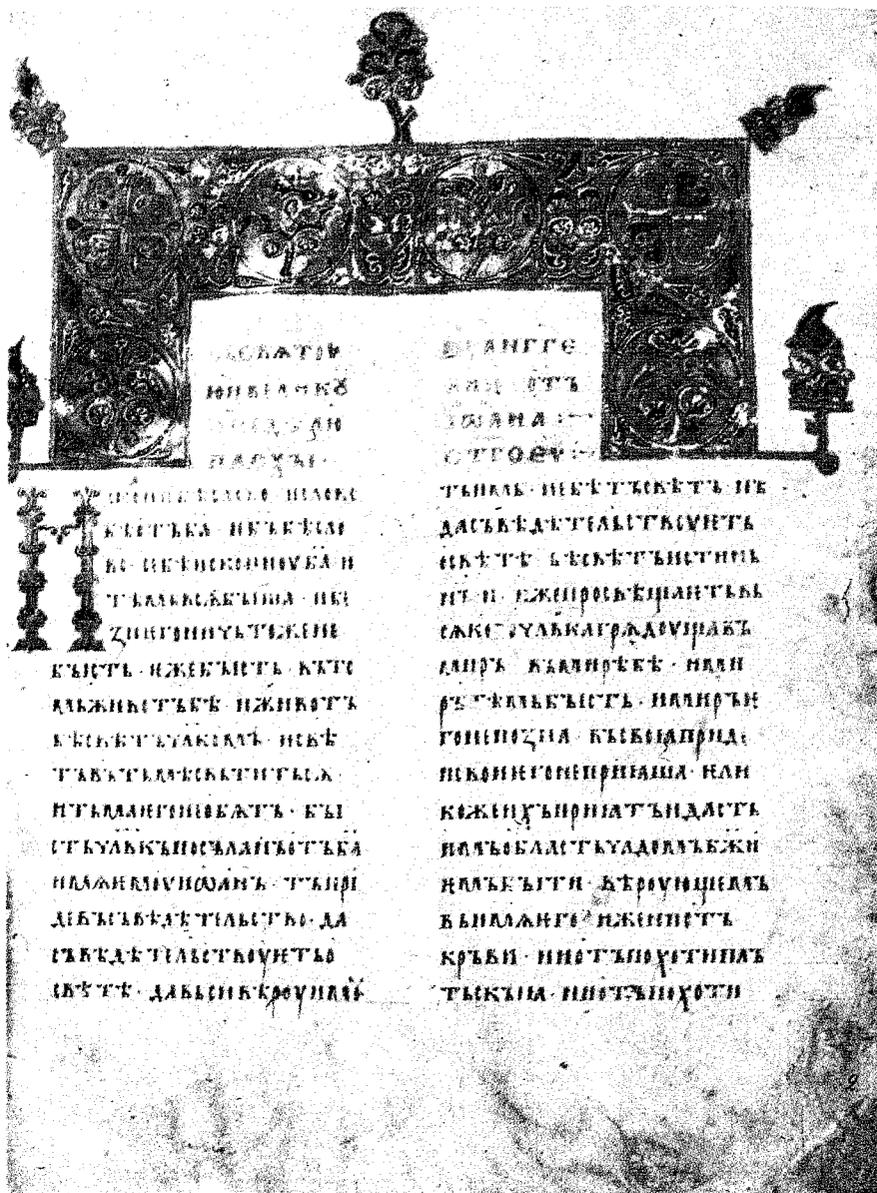
Древняя литература отличается от новой условиями своего бытования, своего существования в целом. Древняя литература распространяется рукописно, путем списков. В списках она и искажается, и совершенствуется. Произведение может отходить от своего первоначального вида в лучшую или худшую сторону. Оно живет вместе с эпохой, изменяется под влиянием изменения среды, ее вкусов, ее взглядов. Оно переходит из одной среды в другую. Писец, а не только писатель, создает произведение. Писец выполняет роль исполнителя в фольклоре. В древней литературе есть даже импровизация, и она создает ту же вариативность, что и в фольклоре.

Существует обывательское представление о «несамостоятельности» древнерусской литературы. Однако не только каждая литература, но и каждая культура «несамостоятельна». Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседней. Может ли развиться зерно в стакане дистиллированной воды? Может! Но — пока не иссякнут собственные силы зерна, затем растение очень быстро погибает. Отсюда ясно: чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее. Русской культуре (и литературе, разумеется) очень повезло. Она росла на широкой равнине, соединенной с Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее корни не только в собственной почве, но в Византии, а через нее в античности, в славянском юго-востоке Европы (и прежде всего в Болгарии), в Скандинавии, в многонациональности государства Древней Руси, в которое на равных основаниях с восточными славянами входили угро-финские народности (чудь, меря, весь участвовали даже в походах русских князей) и тюркские народы. Русь в XI—XII веках тесно соприкасалась с венграми, с западными славянами. Все эти соприкосновения еще шире разрастались в последующее время. Одно перечисление народов, входивших с нами в соприкосновение, говорит о мощи и самостоятельности русской культуры, умевшей заимствовать многое у них и остаться самой собой. А что было бы, если бы мы были отгорожены от Европы и Востока китайской стеной? Мы остались бы в мировой культуре глубокими провинциалами.

Существует ли «отсталость» древнерусской литературы? А что вкладывается в это понятие «отсталости»? Что мы, наперегонки бегаем? Ведь в таком случае должен быть определенный старт, условия и проч. А если народы Европы принадлежат к разным возрастным группам, да и рождение наше не всегда ясно? Византия и Италия продолжали античность, а мы стали развиваться позднее и в других условиях. Одним словом: мой сосед, которому три года, — отстал от меня?

Другое — «заторможенность». Существовала ли она в культуре Древней Руси? Кое в чем — да, но это особенность развития и под оценки она не подпадает. Скажем, у нас не было такого молниеносного перехода от Средневековья к Новому времени, как в Италии. В Италии была «эпоха Ренессанса», а у нас были явления Ренессанса, и они затянулись на несколько веков — вплоть до Пушкина. Наш Ренессанс был «заторможенный», и поэтому борьба за личностное начало в культуре у нас была особенно напряженной и трудной и резко сказалась в литературе XIX века. Хорошо это или плохо?

Еще одно понятие — «художественная слабость литературы». Всякая культура в чем-то слаба, в чем-то сильна. Древнерусская культура была очень сильна в архитектуре, в изобразительном искусстве, а теперь выясняется —

*Мстиславово Евангелие. 1103—1117. Титульный разворот. Фрагмент.
Москва, Исторический музей*

и в музыке. А в литературе? Литература была своеобразной. Публицистичность, нравственная требовательность литературы, богатство языка литературных произведений Древней Руси изумительны.

Картина довольно сложная.

В средние века главное в литературе — создание прочной и устойчивой системы, способной сопротивляться (особенно в условиях чужой государственности и чужой культуры).

Внешний «консерватизм» — это особенность средневековой культуры, и особенно славянской.

Миниатюра из Лествицы и Парнесиса Ефрема Сирина. XVI в.

Философская особенность древнеславянских мыслителей — следовать этому принципу. Отсюда обилие цитат, утверждающих преемственность мысли, ее традиционность. Отсюда же в самом построении произведений — следование анфиладному принципу (на один сюжет как бы нанизываются разножанровые произведения).

В средневековых литературах создание новой стилистической и жанровой систем часто основывается на старых слагаемых (образов, метафор, метонимий, стилистических оборотов, элементов «плетения словес» и канонов). В новое время новое создается в основном из изобретения новых слагаемых.

«Стыдливость формы» — явление очень важное для поступательного развития литературы. Это не только боязнь «замороженности» жанров, их однообразия, но это и стремление к правде, к простоте правды. В той или иной степени оно может быть во всякой литературе, но для русской литературы оно особенно типично. «Стыдливость формы» ведет к простым формам (совсем без формы невозможно), к формам документов, писем, вторичным и второстепенным жанрам, к стремлению избежать «гладкого» слога, «гладкописи» (Достоевский, Толстой, Лесков), к постоянному обновлению литературного языка через разговорный (Достоевский, Лесков, Зощенко и мн. др.), через язык стенографических записей (у Достоевского в «Бесах»), через пародирование иностранных выражений, кажущихся иногда напыщенными и

претенциозными, и пр. и пр. Я об этом писал несколько раз. Отходя от условных форм («стыдливость формы»), литература все время невольно рождает в самой себе новую условность формы, порождает новые жанры и т.д. Реализм дальше всех отступает от условных форм и все ж таки порождает в себе новые условные формы.

Традиционность типична для всех средневековых литератур — литератур времени феодализма. Первый вопрос, который возникает: с чем это связано?

Думаю, что эта традиционность всех средневековых литератур связана с иерархическим построением феодального общества. Общество, разделенное по иерархическому принципу, различается внутри самого себя по правам, власти, и это разделение, обычно очень сложное, закрепляется обычаями, церемониями, этикетом поведения, одеждой (одежда выполняет функцию знаковой системы, указывая — кто перед людьми предстоит).

Все различия иерархического общества настолько дробны и многочисленны, что трудно запоминаются, нуждаются в своем постоянном закреплении. Отсюда склонность к постоянству всей знаковой системы в культуре. И традиционность характерна не только для литературы, но и для всего искусства в целом — для живописи, скульптуры, архитектуры, прикладного искусства и даже для быта, для этикета поведения.

Средневековые церемониальны, а церемонии всегда традиционны. Это свойство любых церемоний. Поэтому-то до сих пор церемонии в королевском или университетском быту Западной Европы совершаются в одеждах многовековой давности и со старинными предметами, в современности не употребляемыми (жезлы, булавы, мечи, нагрудные цепи, мантии и пр.).

Второй вопрос, который возникает в связи с первым: в каких областях литературы традиционность сказывается?

Этих областей в литературе очень много. Прежде всего — традиционность жанровой системы, отличной от одновременно существующей жанровой системы фольклора. Вся система литературы есть некоторая церемониальная система. В свои случаи читаются жития, в свои — хроники, в свои — торжественные слова и проповеди и пр. И каждое «чтение» совершается по-своему: в церквях, в монастырской трапезной или индивидуально в келье, с церковного амвона, или употребляется для справок — как напоминание о том или ином обряде, порядке богослужения. В литературе развита «иерархия жанров»: одни пишутся на «высоком» литературном языке, другие — на более простом и пр. Существуют и традиционные формулы (отдельно для каждого жанра), формулы этикетные, отдельные слова и выражения, употребительные в одних случаях и неупотребительные в других.

Но помимо традиций жанров и их употребления существуют традиции в изображении людей. Есть святые, но и они разные: мученики веры, воины, властители, монахи, высокопоставленные церковные деятели. Каждый из святых изображается по своим правилам, в своих канонах. Но кроме святых есть и простые люди, а среди простых — нищие, крестьяне, чиновные лица. Все они входят в определенные традиции изображения, тем более что и сюжеты повторяются, могут разворачиваться только одним путем, а не другим. Вот маленький пример. Злодей, разбойник может во всех средневековых литературах стать святым. Тут ему путь свободен. Но вот подлинный святой (если он только не лицемер) никогда отступником от правды не станет. Есть определенная «заданность об-

раза», и вот что удивительно: в этой заданности есть своя логика. Традиция не идет вопреки законам психологии.

Одним словом: есть десятки форм традиции, сотни традиционных формул, тысячи путей формализации. Литература беспрерывно вырабатывает традиционность и очень трудно от нее отказывается.

В литературе господствует «обаяние традиционных форм»!

Вопрос третий: как соотносится традиционность и художественность? Не означает ли господство традиционности, что в литературе (да и в искусстве в целом) в средние века отсутствует подлинное творчество?

Нет, в искусстве, и в частности в литературе, есть не только господствующая традиционность, но и борьба с ней. И вот тут-то и возникают «силовые линии» творчества. Искусство всегда есть преодоление «неискусства», но если это «неискусство» выражено слабо, то и восхищающая нас борьба с ним будет тоже слабой. В каждом сильном искусстве ему противостоит сильное же сопротивляющееся «неискусство». В средневековой литературе «неискусством» является традиционность. Боже сохрани подумать, что тем самым я как бы признаю традиционность явлением отрицательным. Скульптору сопротивляется мрамор, и настоящий скульптор это ценит. Не ценят это сопротивление только те лжескульпторы, которые работают с помощью облегчающих их работу устройств, на материале, который позволяет создать что угодно и в каких угодно размерах. Тогда и появляются в искусстве такие монстры, как знаменитая «царь-баба» в Киеве, памятники космонавтике в Москве («Гагарин», или безумная «кривуля» в Останкине) и т.д. Этим «скульпторам» ничего не стоит срыть гору (с помощью машин, конечно), но включить гору в свои художественные задачи — это по-настоящему могли только средневековые зодчие! То же самое в средневековой литературе. Материал традиции огромен, разнообразен, он сопротивляется; художник ощущает его «тяжесть», многообразие языка, канонов в изображении человека и создает изумительные по красоте вещи, произведения.

Вот в «Сказании о Борисе и Глебе». Глеб ведет себя по традициям, предписываемым жанром житий-мartyриий: он не сопротивляется убийцам, но он подетски просит их не убивать его: «Не дѣйте мене, братия моя милая и драгая! Не дѣйте мене, ни ничто же вы зѣла сътворивъ». И т.д. Этот монолог перед убийством довольно длинен, но при этом оправдан возрастом Глеба. Просьба Глеба не убивать его — именно его, Глеба, а не трафаретная: «Помилуйте уности <юности> моя, помилуйте, господь мои!.. Не пожьнете мене отъ жития не съзрѣла, не пожьнете класа <колоса>, не уже съзрѣвша» и т.д.

Таких примеров проникновения искусства в трафарет можно было бы привести много, и именно эти проникновения оживляют традиционное искусство. Традиция служит оправой для драгоценных вкраплений подлинного творчества.

Вопрос четвертый. А какова роль именно этого типа «сопротивления материала» в средневековой литературе — в истории литературы? Средневековые литературы принадлежат к нормам литературы начальной, в которой неясно проявляется личность писателя, его индивидуальность. То же самое ведь в отношении традиционности мы встречаем и в фольклоре. И вот важно, что традиционность облегчает творчество. Плотник рубит избу. Ему не надо изобретать ничего нового, — крупно нового, во всяком случае. Размеры бревен и досок, способы рубки — все это определено веками. Он только чуть-чуть что-то изменит, положит лишнее бревно, вытешет новый в чем-то узор.

Ему легко работать без ошибок. То же самое в фольклоре при создании новой песни или былины, плача по умершему и пр. Но еще яснее это в средневековых литературах. Традиции, каноны, этикет, готовые формы языка позволяют пишущему (вовсе не ощущающему иногда себя писателем) сосредоточиться на главном и создать произведение новому святому или что-то для новой службы старому. Хроникер уже знает, что записать из происходящих событий, какие факты выделить, сообщить о них читателю. Он добавит в это «традиционное видение» истории что-то свое, отразит свое волнение, свою скорбь... Традиционность увеличивает генетические способности литературы, облегчает создание новых произведений.

Вопрос пятый. А зачем нужна эта «генетическая легкость»? Пусть будет меньше произведений, но с другими материалами сопротивления. Этот вопрос сложный. Постараюсь объяснить, в чем тут дело. Литература существует, развивается только при условии известного насыщения «пространства литературы» произведениями. Если произведений мало, литература как живое целое перестает существовать. В литературных произведениях есть «чувство плеча», ощущение соседства. Каждое новое талантливое произведение повышает литературную требовательность пишущего и читающего общества. Если вовсе нет фольклора, — невозможно сочинить былинку. В обществе, где никогда не слышали музыки, нельзя творить не только Бетховену, но и Гершвину. Литература существует как среда. «Братья Карамазовы» могли появиться и существовать только в соседстве с другими произведениями.

Из глубин «литературной вселенной» идут пронизывающие ее «гравитационные волны», излучения. Они идут от других галактик — например византийской, сирийской, коптской, а некоторые даже откуда-то из-за пределов всех возможных галактик. Это волны-традиции. Как астрономы, мы можем по ним сделать предположения о начале литератур, о начале литературной жизни. Никто еще точно не зафиксировал их возникновение, их начало. Изучая традиции, мы сможем понять возникновение литературного творчества. Ближе подошел к решению этого вопроса А.Н.Веселовский.

За пределами русской, армянской, грузинской литератур существуют свои формы устного искусства слова, существует литература Византии, за ней — античность, а за ней что?

Чтобы проникнуть в самые глубины существования искусства слова, мы должны быть астрономами литературы, обладать гигантским научным воображением и гигантской эрудицией.

Не только литературные произведения требуют соседства, но и соседство наук ко многому обязывает. Литературоведение отстало от других наук. Нам многое предстоит сделать.

Современные писатели (писатели Нового времени) гордятся меткостью своих сравнений, сходством внешним. А средневековые писатели стремились увидеть за внешним сущностное. Метафоры были для них символами; внутренняя сущность прорывалась через внешнее сходство — цыпленок выходил из скорлупы яйца...

Когда автор «Слова о полку Игореве» сравнивает Ярославну с кукушкой, он видит в ней не просто птицу (тогда уж лучше было бы сравнить ее с чайкой), а мать, у которой сын находится в чужом гнезде — в гнезде Кончака.

Лебедь в «Слове» — всегда видение предсмертное. И тогда, когда бегущие от русских половецкие телеги кричат по-лебединому. И тогда, когда Дева Обида бьет лебедиными крылами на Синем море — том самом, откуда двигались половецкие полки навстречу Игоревой рати.

Ярославна не случайно обращается с мольбой в своем плаче к Солнцу, Ветру и Днепру, то есть к трем из четырех стихий: свету, воздуху, воде. Ей не надо обращаться к Земле, ибо она сама Земля, то есть родина. Земля не может быть враждебной. Солнце же сперва предупреждало Игоря, а потом скрутило жаждою луки Игоревых воинов. Ветер гнал от моря на Русь тучи и подхватывал половецкие стрелы, чтобы донести их до Игоря. Днепр мог бы помочь насадам Святослава достичь места битвы, но не помог.

И вот в ответ на мольбу Ярославны солнце, предупреждавшее Игоря тьмою, этой же тьмою скрывает бегство Игоря. Ветер смерчами идет от моря на станы половцев. Днепр, главная из русских рек, союзными ему реками помогает Игорю в бегстве на Русскую землю.

Средневековые метафоры создаются по сходству действия, а не по сходству внешности: у Кирилла Туровского святые отцы собора — «реки разумного рая, напоившие весь мир спасенного учения и греховную скверну струями вашего наказания смывающе»³. Император Цимисхий у Манассии: «другой бяше рай божий, четыре реки источаа: правду, мудрость, мужество, целомудрие» (Русский хронограф, гл. 177, с. 383). Человек — трава (псалом 102, ст. 14), финик и кедр (псаломы избранные 34). У Пахомия Серба⁴ Никон Радонежский — «благородный сад» (Яблонский, с. LXIX—LXX). Аввакум в письме Морозовой и Урусовой⁵ называет их: «лоза преподобия, стебель страдания, цвѣт свѣщенїя и плод богоданен».

Развитая метафора. Символика, ставшая картиной. В «Житии Трифона Печенгского» его устное завещание братии перед смертью: «Не любите мира и яже в мире; сами бо весте, колик окаянен мир сей — яко море неверен, мятежен, пропастей (?) покастьми (?) нечестивых духов, ветрами волнуется губительно, лжами горек, наветы дьявольски трясется, пенится, грехами веяния свирепствует и смущается, о погружении <о потоплении> миролюбцев тщится; всюду плачи, пагубы своя простирает, а наконец все смертию осуждает» (Православный собеседник, 1859, ч. 2, с. 113).

В идеологической стороне каждого литературного произведения есть как бы два слоя. Один слой вполне сознательных утверждений, мыслей, идей, которые автор стремится внушить своим читателям и в чем он пытается убедить или переубедить их. Это — слой активного воздействия на читателей. Второй слой — другого характера активности: он как бы подразумеваемый. Автор считает его само собой разумеющимся и общим для него и читателей. Этот второй слой в основном пассивен. Он начинает активно действовать и воздействовать на читателя только тогда, когда произведение переходит в другую эпоху, к другим читателям, где этот слой нов и необычен. Этот второй слой можно было бы назвать «мировоззренческим фоном».

В «Слове о полку Игореве» первый слой — слой действенный — заключен в призывах автора к единению, к защите Русской земли, в попытках автора истолковать всю русскую историю и отдельные исторические факты в

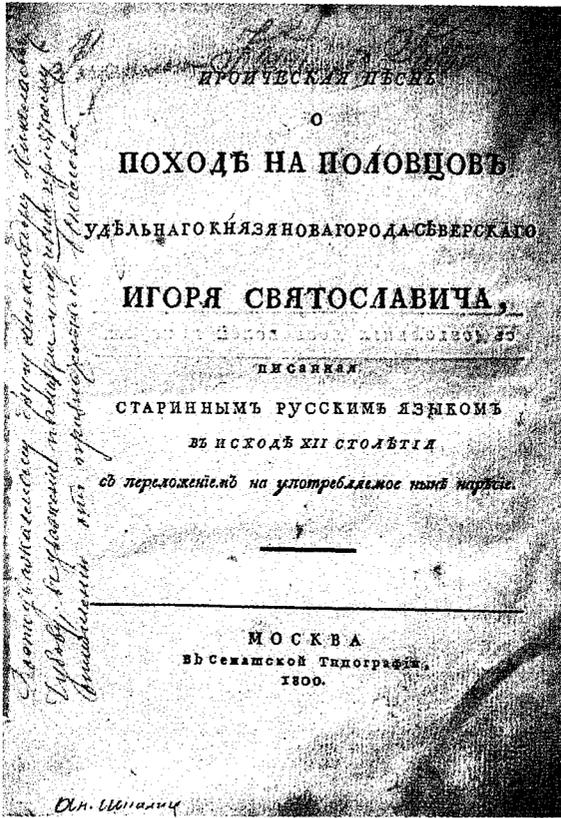
К.П. Брюллов. Портрет графа В.А.Мусина-Пушкина. 1838

духе своей исторической концепции и своих политических убеждений. К этому же слою может быть отнесено «открытое язычество», выраженное, например, в поименном упоминании языческих богов.

Второй слой в «Слове о полку Игореве» скрыт и может быть изучен только путем анализа. К этому второму слою относятся, например, общие языческие представления — о своеобразных аспектах человеческой судьбы, о взаимоотношениях человека и природы, о культе Земли, Воды, Рода, Солнца и Света. К ним же относится вера в приметы, убеждение об особой связи внуков с их дедами и т.д.

«Поучение» Владимира Мономаха обращено именно к князьям: «И седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на лов ехати, или поездити...».

Ту же, что и в «Слове о полку Игореве», «активность» сравнений отмечает и О.М.Фрейдберг для Гомера. «Так, признаком реализма развернутого сравнения становится действительность, движение, убыстренность. Что оно передает? Аффект, шум, крик, всякого рода движения: полет птицы, нападение хищника, погоню, кипение, прибой, бурю, вьюгу, пожары и разливы, бурные потоки ливня, кружение насекомых, стремительный бег коня... Даже в камне подмечается полет, в звезде — момент рассыпающихся искр, в башне — паденье. Сравнения наполнены шумом стихий, воем и стоном вод, жужжа-

Первое издание «Слова о полку Игореве». 1800

нем мух, бляньем овец, ревом животных... Так изображается все, даже вещь: колесо вертится, кожа растягивается, котел кипит и т.д. Перед нами процессы, а не статуарно-измененные положения; и среди них — процессы труда, как молотба, вельне, жатва, охота, ремесло и рукоделье⁷.

То же мы видим и в «Слове»: все описывается в движении, в действии. Как и в «Илиаде», битва сравнивается с грозой, с ливнем. В качестве сравнения приводятся явления космические (князья сравниваются с солнцем, неудача предрекается затмением). Превалируют сравнения с трудовыми процессами: жатва, сеяние,ковка — и с образами охоты и охотничьих зверей (пардусы, соколы). В мир людей входит мир богов — как и в «Илиаде». И вместе с тем «Слово о полку Игореве» — не «Илиада».

Мир «Слова» — это большой мир легкого, незатрудненного действия, мир стремительно совершающихся событий, разворачивающихся в огромном пространстве. Герои «Слова» передвигаются с фантастической быстротой и действуют почти без усилий. Господствует точка зрения сверху (ср. «поднятый горизонт» в древнерусских миниатюрах и иконах). Автор видит Русскую землю как бы с огромной высоты, охватывает мысленным взором огромные пространства, как бы «летает умом под облаками», «рыщет через поля на горы».

В этом легчайшем из миров как только кони начнут ржать за Сулою — слава победы уже звенит в Киеве; трубы только начнут звучать в Новгороде Северском, как стяги уже стоят в Путивле — войска готовы к выступлению

в поход. Девы поют на Дунае — голоса их вьются через море до Киева (дорога от Дуная была морской). Слышен на далеком пространстве и звон колоколов. Автор легко переносит повествование из одной местности в другую. Он достигает Киева из Полоцка. И даже звук стремени слышен в Чернигове из Тмутаракани. Характерна быстрота, с которой перемещаются действующие лица, звери и птицы. Они несутся, скачут, мчатся, перелетают огромные пространства. Люди передвигаются с необычайной быстротой, волком перерывскивают поля, переносятся повиснув на облаке, парят орлами. Стоит сесть на коня, как уже можно увидеть Дон, — точно не существует многодневного и многотрудного степного перехода по безводной степи. Князь может прилететь «издалеча». Он может высоко парить, ширясь на ветрах. Грозы его текут по землям. С птицею сравнивается и птицей хочет перелететь Ярославна. Воины легки — как соколы и галки. Они живые шерешеры, стрелы. Герои не только с легкостью передвигаются, но без усилий колют и рубят врагов. Они сильны, как звери: туры, пардусы, волки. Для курян нет трудностей и не существует усилий. Они скачут с напряженными луками (натянуть лук в скачке необычайно трудно), у них тулы отворены и сабли изострены. Они носятся в поле, как серые волки. Им знакомы пути и яруги. Воины Всеволода могут раскропить Волгу веслами и вылить Дон шлемами.

Люди не только сильны, как звери, и легки, как птицы, — все действия совершаются в «Слове» без особого физического напряжения, без усилий, как бы сами собой. Ветры легко несут стрелы. Только персты лягут на струны, как те уже сами рокочут славу. В этой обстановке легкости всякого действия становятся возможны гиперболические подвиги Всеволода Буй Тура.

С этим «легким» пространством связана и особая динамичность «Слова».

Автор «Слова» предпочитает динамические описания статическим. Он описывает действия, а не неподвижные состояния. Говоря о природе, он не дает пейзажей, а описывает реакцию природы на события, происходящие у людей. Он описывает надвигающуюся грозу, помощь природы в бегстве Игоря, поведение птиц и зверей, печаль природы или ее радость. Природа в «Слове» не фон событий, не декорация, в которой происходит действие, — она сама действующее лицо, нечто вроде античного хора. Природа реагирует на события как своеобразный «рассказчик», выражает авторское мнение и авторские эмоции.

«Легкость» пространства и среды в «Слове» не во всем похожа на «легкость» сказки. Она ближе к иконе. Пространство в «Слове» художественно сокращено, «сгруппировано» и символизировано. Люди реагируют на события массами, народы действуют как единое целое: немцы, венецианцы, греки и моравы поют славу Святославу и кают князя Игоря. Как единое целое, как «купы» людей на иконах, действуют в «Слове» готские красные девы, половцы, дружина. Как на иконах, символичны и эмблематичны действия князей. Игорь высадился из золотого седла и пересел в седло кашея: этим символизируется его новое состояние пленника. На реке на Каяле тьма прикрывает свет, и этим символизируется поражение. Отвлеченные понятия — горе, обида, слава — персонифицируются и материализуются, приобретают способность действовать как люди или живая и неживая природа. Обида встает и вступает девою на землю Трояню, плещет лебедиными крыльями, ложь пробуждается и ее усыпляют, веселие поникает, туга полоняет ум, всходит по русской земле, ушибыцы сеются и растут, печаль течет, тоска разливается.

«Легкое» пространство соответствует человечности окружающей природы. Все в пространстве связано между собой не только физически, но и эмоционально.

Природа сочувствует русским. В судьбах русских людей принимают участие звери, птицы, растения, реки, атмосферные явления (грозы, ветры, облака). Солнце светит для князя, ему же стонет ночь, предупреждая его об опасности. Див кричит так, что его слышат Волга, Поморье, Посулье, Сурож, Корсунь и Тмутаракань. Трава никнет, дерево преклоняется до земли с тугою. Откликаются на события даже стены городов.

Этот прием характеристики событий и выражения к ним авторского отношения чрезвычайно характерен для «Слова», придает ему эмоциональность и вместе с тем особую убедительность этой эмоциональности. Это как бы апелляция к окружающему: к людям, народам, к самой природе. Эмоциональность как бы не авторская, а объективно существующая в окружающем, «разлита» в пространстве, течет в нем.

Тем самым эмоциональность не исходит от автора, «эмоциональная перспектива» многопланова, как на иконах. Эмоциональность как бы присуща самим событиям и самой природе. Она насыщает собой пространство. Автор выступает как выразитель объективно существующей вне его эмоциональности.

Этого всего нет в сказке, но многое подсказывается здесь летописью и другими произведениями древней русской литературы.

Единственное значительное произведение XII века о «наступательном» походе — «Слово о полку Игореве», но мы знаем, что предпринят он был в оборонительных целях «за землю русскую», и это всячески подчеркнуто в «Слове».

Зато сколько появляется произведений на чисто «оборонные» темы, особенно в связи с Батыевым нашествием, нашествиями шведов и ливонских рыцарей: «Повести о Калкской битве», «Житие Александра Невского», «Слово о гибели Русской земли», летописные рассказы о защите Владимира, Киева, Козельска, рассказ о гибели Михаила Черниговского, Василька Ростовского (в летописи княгини Марии), «Повесть о разорении Рязани» и т.д. Конец XIV и XV век снова охвачены целым венком повестей об обороне городов: о Куликовской битве, о Тамерлане, о Тохтамышше, об Эдигее, ряд рассказов об обороне от Литвы. Новая цепь повестей о мужественной защите, но не о мужественных походах — в XVI веке. Главная из них — об обороне Пскова от Стефана Батория.

Нельзя сказать, чтобы для литературы в исторической действительности был недостаток в наступательных темах. Только одна Ливонская война, ведшаяся с переменным успехом, в которой были одержаны выдающиеся победы, сколько дала бы возможностей в этом направлении.

Единственное исключение — это «Казанская история», большая часть которой посвящена походам русских на Казань. То же продолжается в XVIII и XIX веках. Ни одна из великих побед над турками в XVIII веке не дала большого произведения, ни походы на Кавказ и в Среднюю Азию. Зато «кавказская тема», как и «Казанская история», привела к своеобразной идеализации кавказских народов, — вплоть до самой кавказской армии, одетой по распоряжению Ермолова в одежду кавказских горцев.

Только оборонительная война давала пищу творческому воображению больших писателей: Отечественная война 1812 года и Севастопольская оборона. За-

мечательно, что «Война и мир» не касается заграничного похода русской армии. «Война и мир» кончается у границ России. И это очень показательно.

Я не думаю, что это черта специфичная для русской литературы. Вспомним «Песнь о Роланде» и другие произведения Средневековья. Вспомним и произведения Нового времени.

Героизм обороняющихся всегда привлекал внимание писателей больше, чем героизм нападающих: даже в наполеоновской истории. Наиболее глубокие произведения посвящены битве при Ватерлоо, ста дням Наполеона, походу на Москву — вернее, отступлению Наполеона.

Сразу после второй мировой войны в своих лекциях в Сорбонне по истории русской литературы А.Мазон сказал: «Русские всегда смаковали свои поражения и изображали их как победы»; он имел в виду Куликовскую битву, Бородино, Севастополь. Он был не прав в своей эмоциональной, враждебной ко всему русскому оценке оборонных тем. Но он был прав в том, что народ миролюбив и охотнее пишет об обороне, чем о наступлении, и героизм, победу духа видит в героической защите своих городов, страны, а не во взятии другой страны, захвате чужих городов.

Психология защитников глубже, глубже может быть показан только патриотизм именно на защите. Народ и культура народа по существу своему миролюбива, и в широком охвате тем литературы это видно с полной ясностью.

Рецидивов научного спора о древности «Слова» быть не может, но различного рода дилетантов набирается достаточно, а за них никогда поручиться нельзя.. «Слово», как и всякие известные прославленные памятники, любимый объект, чтобы «себя показать». Любители — другое дело. Любящие «Слово» могут открыть много нового, могут войти в науку. Но любители и дилетанты — это разных категорий люди.

Документы всегда входили в состав летописи. Вспомним о договорах с греками 911 и 941 годов, тексты которых включены в «Повесть временных лет». Да и в дальнейшем в летопись наряду с литературными материалами (исторические повести, воинские повести, жития святых и проповеди) очень часто попадали письменные документы, не говоря уже о документах «устных» — речах князей на вече, перед выступлением в поход или перед битвой, на княжеских сменах: они также передавались по возможности с документальной точностью. Однако только в XVI веке летопись сама в полную силу начинает осознаваться как документ — изобличающий или оправдывающий, дающий права или их отнимающий. И это накладывает отпечаток на стиль летописи: ответственность делает изложение летописи более пышным и возвышенным. Летопись примыкает к стилю второго монументализма. И этот пафосный стиль представляет собой своеобразный слав ораторства с государственным делопроизводством.

То и другое развилось в высокой степени в XVI веке и сплелось между собой в вершинах, то есть в литературных произведениях.

Но летопись — разве она вершина литературного искусства? Это очень важное явление русской культуры, но как будто бы, с нашей точки зрения, наименее литературное. Однако, поднятая на колоннах ораторского монументализма и монументализма делопроизводственного, летопись вознеслась до самых вершин литературного творчества. Она стала искусством искусственности.

Как наставления по отношению к правителям государств могут рассматриваться не только «Тайная тайных», «Стефанит и Ихнилат», «Повесть о царице Динаре», многие произведения Максима Грека, послания старца Филофея и «Сказание о князьях владимирских» — последние с изложением теорий (не всегда сходных) права русских государей на престол и на их роль в мировой истории, но и хронографы и хроники, летописи и летописцы. По-разному трактуемая государственная власть все же всегда ставится высоко, повсюду утверждается авторитет государя, всюду утверждается ответственность государей перед страной, подданными и мировой историей, право на вмешательство в судьбы мира. С одной стороны, это разрушало старые представления о великом князе как о простом собственнике людей и земель, но, с другой, возвышая власть государя до единственного представителя и защитника православия после падения независимости всех православных государств, создавало предпосылки для уверенности московских государей в своей полной непогрешимости и праве вмешиваться даже во все мелочи частной жизни.

Поучения, наставления, советы, концепции происхождения рода и власти московских государей — не только ставили власть под контроль общественности, но и одновременно внушали московским государям мысль об их полной бесконтрольности, создавали идеологические предпосылки для будущего деспотизма Ивана Грозного.

О «негромкости голоса» древнерусской литературы. Этот вовсе не в укор ей сказано. Громкость иногда мешает, раздражает. Она навязчива, бесцеремонна. Я всегда предпочитал «негромкую поэзию». А о красоте древнерусской «негромкости» вспоминается мне следующий случай. На одной из конференций сектора древнерусской литературы Пушкинского дома, где были доклады по древнерусской музыке, выступил Иван Никифорович Заволоко — ныне покойный. Он был старообрядец, кончил Пражский Карлов университет, прекрасно знал языки и классическую европейскую музыку, манеру исполнения вокальных произведений. Но и древнерусское пение он очень любил, знал, сам пел. И вот он показал, как надо петь по крюкам. А надо было не выделяться в хоре, петь вполголоса. И, стоя на кафедре, он спел несколько произведений XVI—XVII веков. Он пел один, но как участник хора. Тихо, спокойно, самоуглубленно. Это был живой контраст манере исполнения древнерусских произведений некоторыми из хоров сейчас.

И в литературе авторы умели себя сдерживать. Не сразу и разглядишь такую красоту. Вспомните рассказ «Повести временных лет» о смерти Олега, рассказ о взятии Рязани Батыем, повесть о Петре и Февронии Муромских. И сколько еще этих скромных, «тихих» рассказов, так сильно действовавших на своих читателей!

Что касается до Аввакума, то он на грани Нового времени.

Поразительно «сопереживание» протопопа Аввакума. По поводу потери сына боярыни Морозовой Аввакум пишет ей: «Тебе уже неково четками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки погладить — помнишь ли как бывало?» До физиологичности четко передано ощущение отсутствия сына: некого по головке погладить! Тут и виден Аввакум-художник.

Литература Нового времени восприняла (отчасти незаметно для самой себя) многие черты и особенности литературы древней. Прежде всего

— ее сознание ответственности перед страной, ее учительный, нравственный и государственный характер, ее восприимчивость к литературам других народов, ее уважение и заинтересованность в судьбах других народов, вошедших в орбиту Русского государства, ее отдельные темы и нравственный подход к этим темам.

«Русская классическая литература» — это не просто «литература первого класса» и не литература как бы «образцовая», ставшая классически безупречной благодаря своим высоким чисто литературным достоинствам.

Все эти достоинства, конечно, есть в русской классической литературе, но это далеко не все. Эта литература обладает и своим особым «лицом», «индивидуальностью», характерными для нее признаками.

И я бы прежде всего отметил, что творцами русской классической литературы выступали авторы, обладавшие громадной «общественной ответственностью».

Русская классическая литература — не развлекательная, хотя увлекательность ей свойственна в высокой мере. Это увлекательность особого свойства: она определяется предложением читателю решать сложные нравственные и общественные проблемы — решать вместе: и автору, и читателям.

Лучшие произведения русской классической литературы никогда не предлагают читателям готовых ответов на поставленные общественно-нравственные вопросы. Авторы не морализируют, а как бы обращаются к читателям: «Задумайтесь!», «Решите сами!», «Смотрите, что происходит в жизни!», «Не прячьтесь от ответственности за все и за всех!» Поэтому ответы на вопросы даются автором вместе с читателями.

Русская классическая литература — это грандиозный диалог с народом, с его интеллигенцией в первую очередь. Это обращение к совести читателей.

Нравственно-общественные вопросы, с которыми русская классическая литература обращается к читателям, — не временные, не сиюминутные, хотя они и имели особое значение для своего времени. Благодаря своей «вечности» вопросы эти имеют такое большое значение для нас и будут его иметь для всех последующих поколений.

Русская классическая литература вечно живая, она не становится историей, «историей литературы» только. Она беседует с нами, ее беседа увлекательна, возвышает нас и эстетически, и этически, делает нас мудрее, приумножает нашу жизненную опытность, позволяет нам пережить вместе с ее героями «десять жизней», испытать опыт многих поколений и применить его в своей собственной жизни. Она дает нам возможность испытать счастье жить не только «за себя», но и за многих других — за «униженных и оскорбленных», за «маленьких людей», за неизвестных героев и за моральное торжество высших человеческих качеств...

Истоки этого гуманизма русской литературы — в ее многовековом развитии, когда литература становилась иногда единственным голосом совести, единственной силой, определявшей национальное самосознание русского народа, — литература и близкий ей фольклор. Это было в пору феодальной раздробленности, в пору чужеземного ига, когда литература, русский язык были единственными связующими народ силами.

Русская литература всегда черпала свои огромные силы в русской действительности, в общественном опыте народа, но помощью ей служили и иноземные литературы; сперва византийская, болгарская, чешская, сербская,

польская, античная литературы, а с Петровской эпохи — все литературы Западной Европы.

Литература нашего времени выросла на основе русской классической литературы.

Усвоение классических традиций — характерная и очень важная черта современной литературы. Без усвоения лучших традиций не может быть движения вперед. Нужно только, чтобы не было пропущено, забыто, упрощено в этих традициях все наиболее ценное.

Мы ничего не должны растерять из нашего великого наследия.

«Книжное чтение» и «почитание книжное» должны сохранить для нас и для будущих поколений свое высокое назначение, свое высокое место в нашей жизни, в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтобы не дать замусорить наше сознание различного рода «чтивом» и бессодержательной, чисто развлекательной безвкусицей.

Суть прогресса в литературе состоит в расширении эстетических и идейных «возможностей» литературы, создающихся в результате «эстетического накопления», накопления всяческого опыта литературы и расширения ее «памяти».

Произведения большого искусства всегда допускают несколько объяснений, одинаково правильных. Это удивительно и не всегда даже понятно. Приведу примеры.

Особенности стиля, миропонимания, отраженные в произведениях, могут быть одновременно и со всею полнотою объяснены, истолкованы с точки зрения биографии писателя, с точки зрения движения литературы (ее «внутренних законов»), с точки зрения развития стиха (если это касается стихов) и, наконец, с точки зрения исторической действительности — не только одномоментно взятой, но «развернутой в действии». И это касается не только литературы. Аналогичные явления я замечал в развитии зодчества и живописи. Жаль, что я плохо знаком с музыкой и историей философии.

Более ограниченно, по преимуществу в идеологическом аспекте, литературное произведение объясняется в плане истории общественной мысли (здесь меньше объяснений стиля произведений). Недостаточно сказать, что всякое произведение искусства следует объяснять в «контексте культуры». Это можно, это правильно, но не все к этому сводится. Дело в том, что произведение в одинаковой мере может быть объяснено и в «контексте самого себя». Иначе говоря (и я не боюсь произнести этого) — имманентно, подвергнуться объяснению как замкнутая система. Дело в том, что «внешнее» объяснение произведения искусства (исторической обстановкой, влиянием эстетических воззрений своего времени, историей литературы — ее положением в момент написания произведения и пр.) — в известной мере «расчленяет» произведение; комментирование и объяснение произведения в той или иной мере дробит произведение, упускает из внимания целое. Даже если говорить о стиле произведения и при этом стиль понимать ограниченно — в пределах формы, — то и стилевое объяснение, упуская из виду целое, не может дать полного объяснения произведения как эстетического феномена.

Поэтому всегда остается потребность рассматривать любое произведение искусства как некое единство, проявление эстетико-идеологического сознания.

В литературе движение вперед совершается как бы в больших скобках, охватывающих целую группу явлений: идей, стилистических особенностей, тем и т.п. Новое входит вместе с новыми жизненными фактами, но как определенная совокупность. Новый стиль, стиль эпохи, — это часто новая группировка старых элементов, входящих между собой в новые сочетания. При этом доминирующее положение начинают занимать явления, державшиеся ранее на второстепенных позициях, а то, что считалось ранее первостепенным, отступает в тень.

Когда крупный поэт пишет о чем-либо, — важно не только что он пишет и как, но и то, что пишет именно он. Текст не безразличен к тому, кто его написал, в какую эпоху, в какой стране и даже к тому — кто его произносит и в какой стране. Поэтому-то крайне ограничена в своих выводах американская «критическая школа» в литературоведении.

В Завете святого Ремигия Хлодвигу: «Incende quod adorasti. Adora quod incendisti». «Сожги то, чему поклонялся, поклонись тому, что сжигал». Ср. в «Дворянском гнезде» в устах Михалевича:

«И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал».

Как это дошло от Ремигия до Тургенева? А ведь не выяснив этого, нельзя об этом даже писать в литературоведческих комментариях.

Темы книг: действительность как потенциальная литература и литература как потенциальная действительность (последняя тема требует научного остроумия).

Пушкин

В заметках «История поэзии» С.П.Шевырева» Пушкин пишет: «Россия по своему положению географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. — Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны — примеры тому».

Как жаль, что Пушкин не до конца высказал свою мысль: не привел примеров. Что называл он судилищем? Какой суд имел Пушкин в виду? Приглядываясь к произведениям Пушкина, мы замечаем, какое большое место в них занимают опыты освоения иностранной поэзии, не просто переводы — но «подражания» извлечение наиболее ценного. Здесь лучшее, что было создано на Западе и на Востоке: тут и подражания древним авторам — Овидию, Сафо, Гомеру, Катулле, и средневековым, и возрожденческим, и Шекспиру, и Гете, и Байрону, и Вольтеру, и сербским народным песням, и русскому фольклору, и Корану, Гафизу. И во всех своих «подражаниях» Пушкин не подражает, а судит, показывает в авторах главное, стремится осветить опыт. Сцена из «Фауста» — это суть «Фауста». И то же можно сказать о пушкинских подражаниях Гомеру или Гафизу.

Пушкин судья и тогда, когда стремится разобраться в наиболее драматических коллизиях русской истории, где народ сталкивается с государством, и тогда, когда обращается к наиболее своеобразным личностям русской истории — Борису Годунову, Петру, Пугачеву.

Он не только следует другим, — он создает образцы для следования. Тема «Евгения Онегина» стала в русском классическом романе одной из важнейших. Русскую прозу создали «Капитанская дочка», «Станционный смотритель», «Пиковая дама».

Пушкин теснее любого другого писателя или поэта связан со всей русской культурой. Без Пушкина — нет основных тем русских романов, нет основных русских опер, нет русского романса — самой характерной формы русской музыкальной лирики. Пушкин — это действительно наше все.

В огромной картотеке Б.А.Модзалевского, где зарегистрированы все, даже самые мелкие, писатели, нет карточки на Пушкина. Высшая честь!

Павловцы гордились, что на парадах только они маршировали с ружьями наперевес. Они так храбро шли в атаку в каком-то сражении в Пруссии, что Наполеон приказал собрать с убитых каски, простреленные в бою (впереди у павловцев был медный начищенный высокий верх, заканчивающийся кисточкой), и послал их с восхищением Александру I, к которому питал какие-то доброжелательные чувства. После павловцы носили эти каски на всех парадах, и именно их имел в виду Пушкин, когда писал: «...сиянье касок этих медных, навсквозь простреленных в бою». Это были каски, снятые с убитых...

У Пушкина «Отрывок из письма к Д.» кончается словами: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?»

Пушкин сам здесь обратил внимание на то, сколь большое значение имеет для него воспоминание, память. Воспоминаниям и прошлому, вновь переосмысленному и воспринятому, посвящено у него множество произведений — преимущественно лирических; истории — проза и эпические формы.

На роль памяти в пушкинской лирике впервые обратил внимание Иннокентий Анненский.

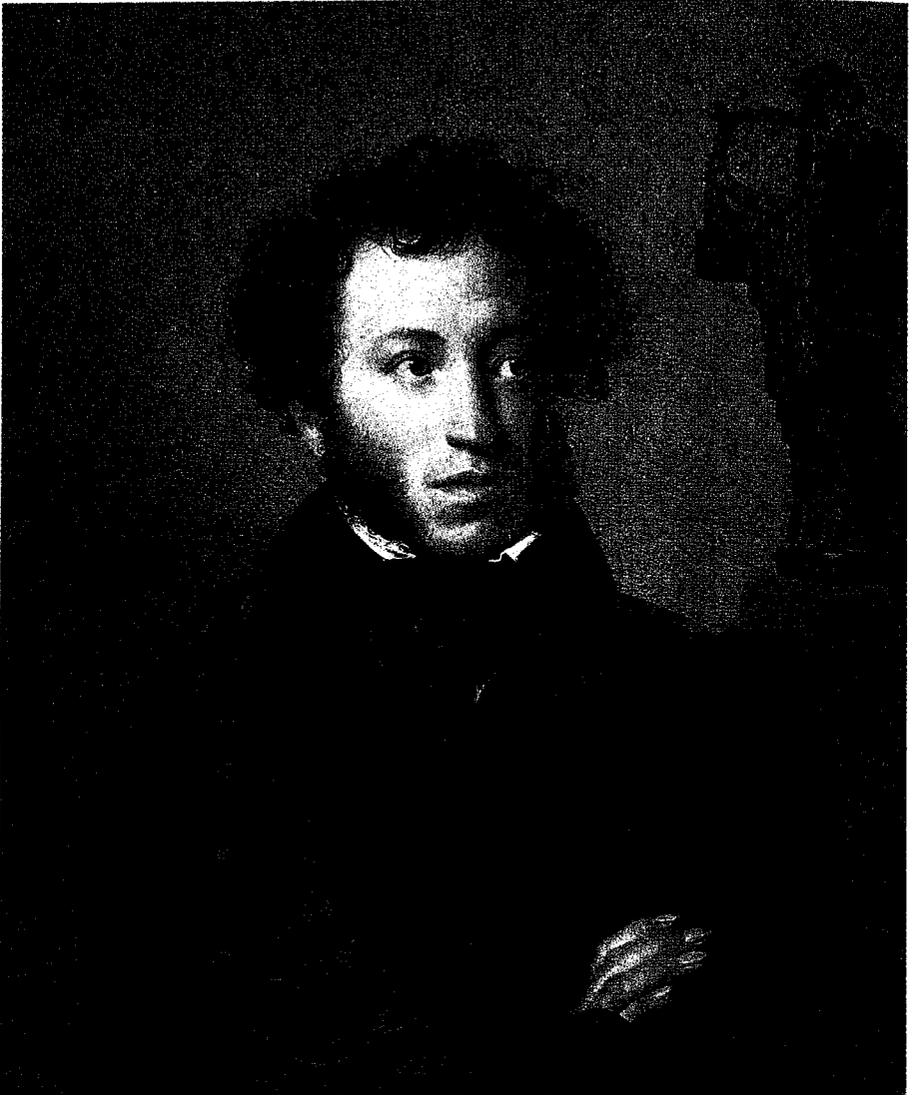
Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко — украинской, Гете — немецкой, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской. И если бы пришлось определять день Праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л.Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов и без Лескова, без Есенина, без Горького.

Так почему же все-таки первым из первых возвышается в нашей культуре Пушкин?

Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить», не просто «изобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин — это *гений возвышения*, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и в

О.А.Кипренский. Портрет А.С.Пушкина. 1827. Москва, Третьяковская галерея

радости в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Пушкин — величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви — возвышенный идеал отношения к женщине-музе («Я помню чудное мгновенье...»). Он создал возвышенный идеал самой печали. Три слова «печаль моя светла» способны были утешить тысячи и тысячи людей. Он создал поэтически-мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Он открыл возвышающее значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости. Воспоминания молодости сливаются с памятью истории. Никто из поэтов не уделял русскому прошлому столько произведений — и эпических, и драматических, и лирических в стихах, и лирических в прозе. Именно в

Михайловское. Кабинет А.С.Пушкина

воспоминаниях родится у Пушкина притягательный, горький образ прошлого и мудрые объяснения настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории, в представлениях о которых мы сохраняем некоторую традиционность, идущую от него. Это образы Бориса Годунова, Петра, Пугачева... Он создал их, как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот.

Он дал основное направление русскому роману XIX века — «усадебному роману», как бы распределив в нем и основные роли: Онегин и Татьяна — это своего рода конфликтные центры, которые мы найдем у Гончарова, Тургенева.

Пушкин в кратчайшей и выразительной форме выразил основные достижения поэзии мировой, дал как бы символы наивысших достижений мировой литературы: «К Овидию», «Из Катюлла», «Подражание Корану», «Суровый Дант не презирал сонета...», «Из Гафиза», «К переводу Илиады», «Из Анакреона», «Подражание арабскому», «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Песни западных славян» и гениальные по проникновению в самую суть художественных произведений «Сцена из «Фауста», «Каменный гость» и многое другое. Не случайно он считал Россию «судилищем» европейской культуры — ее истолкователем и ценителем.

Возвышение духа — вот что характеризует больше всего поэзию Пушкина.

Могут спросить, как это согласуется с тем, что порой сам он мог быть «ничтожен» среди ничтожных? Всегда ли сам он в собственной жизни был так возвышен? Не нужно спрашивать. Это не должно нас интересовать. Цветы растут, и они прекрасны. Разве должны мы пачкать их огородной землей. Он сам творил свой человеческий образ, заботился о его простоте и обыденности. Это не следует забывать. Он хотел быть «как все».

И даже если бы Пушкин оказался застегнут в редингот проповедника на все пуговицы и крючки, — уверен, его поэзия лишилась бы известной доли своей притягательности. Поэт в какой-то мере должен быть «ничтожен» в жизни, чтобы поэзия его приобрела подлинное обаяние возвышенности. Как человек он не мог ходить на котурнах, ибо это создало бы непреодолимую дистанцию между ним и нами. Он играл в наши игры, чтобы суметь овладеть нами в чем-то самом значительном. Поэт непременно должен быть обыкновенен в жизни, чтобы его поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности. Творчество всегда преображение, всегда рождение из сора. На чистом мраморе не растут цветы. И «обыкновенность» Пушкина-человека среди обыденности других людей — другое, таинственное, носящее печать вневременности. Нам необходимо пройти хоть немного вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт, который открывается нам в детстве и остается с нами до смерти.

«Пушкин это наше все», — сказал о нем Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные мгновения нашей жизни.

Собственная гениальность убила Гоголя, измучила Достоевского, но сделала лучезарной личность Пушкина.

В «Отрывке из письма к Д.» Пушкин пишет: «Я думал стихами...» — и далее приводит свои стихи «К чему холодные сомненья?». Вот именно: поэту надо думать стихами, а не облачать в стихи свои думы.

В Пушкине удивительно то, что любое человеческое чувство (любовь, грусть, тоска, бессонница — это тоже особое чувство, дружба, неприязнь и т.д.) он умел поднимать до своего высочайшего поэтического уровня. К живой Керн он совсем не испытывал того, что испытывал к ней в поэзии, то же к любой женщине — для него все они были музами. То, что Пушкин не мог поэтически поднять, так как это лишало бы стих поэтической индивидуальности, связанной с определенным творцом (Дант, Гафиз, Гете и пр.) или с определенным религиозным моментом (молитва), он концентрировал, подвергал чрезвычайному, почти метафизическому сжатию и предлагал читателю в этом сжатом виде. Особенно поражает меня «Сцена из «Фауста». И ведь это есть и в его прозе. Что можно выбросить в его «Капитанской дочке» или «Пиковой даме»? Все создано под высоким давлением духа.

Удивительно — какую огромную роль в жизни и поэзии Пушкина играла дружба. Дружба была вдохновительницей большинства его стихотворений, самых высоких переживаний. Исследовать роль дружбы в творчестве Пушкина и в его жизни (по письмам, например) было бы крайне важно, так как именно это было одним из отличий пушкинской поэзии от предшествующей.

Даже его отношения с женщинами по большей части носили этот характер дружбы (я не говорю, что дружба вытесняла любовь, но нельзя видеть в этих отношениях только любовь, как стремятся многие).

И другое, что было вдохновителем и содержанием поэзии Пушкина, — это воспоминание. Об этом писал сам Пушкин, и об этом напомнил в «Книге отражений» Иннокентий Анненский. В письме к Дельвигу Пушкин писал: «Чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости, как не воспоминаниями?»⁸.

Михайловское. Домик няни.

«Под старость нашей молодости»: здесь интересны два оттенка мысли, первый — молодость «наша», общая, ибо состоит в общении молодых; и второй — каждый возраст, очевидно, имеет на исходе дней свою старость. Старость имеет и молодость.

Многие считают лицейские стихотворения Пушкина слабыми. Но без лицейских стихов и без воспоминаний о лицейских товарищах не было бы его апофеоза дружбы в последующих стихах. Ведь поэзия поэта имеет свою собственную память. Поздние стихи «помнят» о ранних.

Человек не должен всегда быть в мундире своих мнений. Он должен быть внутренне свободным и, если это необходимо, не стыдиться отказываться от

своих старых суждений. Пушкин говорил: «Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть: ведь одни глупые не переменяются» (это по П.В. Анненкову⁹). Сходные мысли высказывал Ф.М. Достоевский. И при этом читатель должен чувствовать в писателе самостоятельность мнений, а не «хорошие манеры» камердинера.

Я считал своим достижением, когда высказал мысль, что стиль Грозного — как бы продолжение его поведения в жизни. То же я говорил и о Курбском — о его «Истории о великом князе московском». Но оказалось, что сходную мысль высказал уже Пушкин: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях; умилительная кротость, младенческое и вместе мудрое простодушие, набожное усердие к власти царя, данной Богом, совершенное отсутствие суетности дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись кн. Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличается от смиренной жизни безмятежных иноков» (Из письма к издателю «Московского вестника» 1828 г.).

Эта мысль о стиле писания как о продолжении стиля поведения может быть продолжена на примере Аввакума. Но не есть ли стиль поэзии — трансформация стиля поведения: Маяковский, Есенин. Даже Пушкин с его культом дружбы в жизни отразил его в стиле своих дружеских посланий, в обращениях к друзьям.

Кстати, не потому ли так близок нам Пушкин, что его культ дружбы нам очень и очень импонирует, и именно в наше время. Мы, современники, как-то малодружны. А дружба приносит нравственное очищение. Даже прикосновение к чужой дружбе — дружбе Пушкина.

Я вспоминаю «театр одного актера» — Владимира Яхонтова. С каждого его чтения я уходил потрясенным; долго звучали в душе яхонтовские интонации. И одно из самых больших моих впечатлений от чтения Яхонтова было чтение им всего текста «Евгения Онегина». Два вечера он читал «Онегина» в Эрмитажном театре. Было это перед самой войной.

Конечно, он не просто читал Пушкина. Он играл Пушкина. И особенно поразительна была его игра Татьяны. Какой идеально женственной, умной, скупой на выражение своих чувств предстала Татьяна! Можно было влюбиться в Татьяну Ларину в истолковании Яхонтовым, в ее изображении Яхонтовым. По-моему, еще никто и никогда не замечал, что мужчина может влюбиться в образ женщины, созданный актером. А ведь это так бывает.

К чему я это говорю? Загадка театра Пушкина разгадывается, как мне, кажется, тем, что это театр слова и мысли. Если театр ситуаций, театр сюжетов, театр настроений, театр мысли, театр театра (вспомним мысли Николая Николаевича Евреинова). Театр слова — один из самых трудных видов театра. Пушкина читать невероятно трудно, ибо его надо читать с предельной простотой, ни на минуту не забывая музыки стиха и драматизма мысли, заложенной во всем произведении и в каждом его отдельном слове.

Владимир Рецептер тоже представляет «театр одного актера». Его опыт чисто словесного изображения крайне важен. И его предложение создать театр Пушкина — театр, где ставился бы Пушкин, один Пушкин по преимуществу, — не только «интересно» и «своевременно» (эти два слова обычны в одобрениях

подобных предложений), но и умно, ибо на Пушкине лучше всего учиться читать поэзию — в драматической, лирической или эпической форме. Опыт пушкинского театра был бы крайне важен для всех театров. На игре Пушкина проверялся бы актер и постановщик. Удачи и неудачи в пушкинских произведениях были бы показательны и поучительны. В.Рецептер не предлагает воссоздать «театр одного актера». Он предлагает нечто иное, но в чем-то близкое: создать театр одного автора, чтобы актеры учились на труднейшем тексте, а зрители сравнивали, вникая тем самым и в слово Пушкина и в игру разных актеров, учились бы слушать, а не просто ожидать развязки.

Театр пушкинского слова насущно необходим.

Б.В.Томашевский называл «паразитическими ассоциациями» попытки видеть за любовными стихами Пушкина узкобиографические факты (о какой именно женщине идет речь в том или ином стихотворении — о Ризнич, Керн, Воронцовой или еще о ком-то). Бывает и литературоведение, работающее на эти «паразитические ассоциации» — литературоведение сплетников. Любимые темы этого литературоведения — смерть Пушкина, любовь Пушкина, Наталия Николаевна и ее сестра Александрина и пр. Увы, этим интересовалась и Ахматова, но Ахматова-дама (при этом ревнующая Пушкина), а не Ахматова-поэт. Второстепенными писателями эти ученые-сплетники обычно не занимаются: важно низвести до себя только великих.

Сколько раз Пушкину пришлось бы вступаться за честь Наталии Николаевны и вызывать на дуэль различных любителей копаться в его семейной жизни. А ведь хуже всего то, что стихов-то Пушкина не знают. На «встрече» со мной во Дворце молодежи в Ленинграде я рискнул и спросил собравшихся (зал был полон): «А кто написал «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...»? Вопрос мой был задан после того, как минут десять перед тем я сказал, что поэзии Пушкина не знают, интересуются только «личностью» Пушкина, то есть его биографией. Из зала посыпались ответы: Плещеев, Державин и т.д.

Если бы Шекспир ожил, он был бы поражен обилием вполне глубокомысленных толкований его драм («Гамлета», например). Но истинно гениальное произведение всегда допускает различные толкования, иные из которых, возможно, идут гораздо дальше осознаваемого автором замысла. Каждая эпоха дает нового Пушкина. Каждый крупный поэт России имеет своего Пушкина.

Случай в Тригорском

Экскурсовод в Тригорском у дуба читает пушкинские слова: «...повесил я цепницу...» Девочка спрашивает: «А где цепница теперь?». И вдруг мальчишеский голос: «Что ты, дура, не знаешь? Тут немцы были, — они и вывезли».

А сейчас С.С.Гейченко обмотал дуб анодированной (под золото) цепью: очевидно, чтобы не спросили: «Кто спер «златую цепь на дубе том»?» и мальчишка бы не ответил: «Спросите Пушкина».

В «Горе от ума» неподвижное искусно противопоставлено подвижному. Чацкий — воплощение подвижности, и к Фамусовым он попал из путешествия. Репетиллов — пародия на Чацкого. У него «мелкая подвижность»: шум без дела, неподвижность, имитирующая подвижность. Друг Чацкого в прошлом — Платон Михайлович — воплощение неподвижности в настоящем (подчинение жене; Софья может стать в будущем такой же женой, как и у Платона Михайловича, — поэтому и конфликт с Софьей).

Настоящая неподвижность — это Фамусов. Это воплощение неподвижности во всех аспектах. Фамусов — идеолог неподвижности. Опора Фамусова в его неподвижности — Скалозуб. Ему бы только в генералы. Москва для Скалозуба — артиллерийская дистанция. Ясно — для подавления волнений и учинения порядка. Даже свою боевую награду он получил за неподвижный подвиг («засели мы в траншею»).

Очень важно было бы проанализировать все построения «Горя от ума» с этой точки зрения.

Плюшкин говорит: «Хороший гость всегда пообедавши!» В прямой речи действующих лиц всегда нужна характеризующая их черточка. А кроме того, прямая речь всегда должна быть в произведении обращена к собеседнику, никоим образом — к читателю. Это как в художественной фотографии — фотографируемое лицо не должно чувствовать присутствия фотографа, даже чуть-чуть — и то не годится. По тому, как автору удастся создать в произведении речи действующих лиц, не поясняющие что-то для читателей, а произносимые только в пространстве произведения, определяется настоящий писатель. Мастер такого «забывания» в прямой речи о читателе — Достоевский. Хотя ведь большинство его произведений обращены своим текстом (через «рассказчиков», «хроникеров» и т.д.) именно к читателю.

М.М.Бахтин безусловно прав, давая характеристику реалистическому роману, но он не прав, когда свойства реализма вообще распространяет на жанр романа как таковой. Вспомним окостенелые формы рыцарского романа или романа эллинистического. М.М.Бахтин с большими натяжками приписывает им то, что является особенностью реалистического романа; указываемые же им признаки последнего идут от реализма, а не от романа как такового. В концепции М.М.Бахтина, подчеркивающего неизменность «изменяемости» романа вообще, есть известная доля неисторичности.

В литературном произведении только с самой примитивной точки зрения непременно должен быть положительный герой. Пушкин писал о «Горе от ума»: «Теперь вопрос: в комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов»¹⁰.

«Воспитывает» читателя точка зрения автора, сам автор и то, что читатель о нем знает. Вот почему автор и в личной жизни, и в своих частных взглядах, в своем повседневном поведении должен быть безупречен. Ничего скрытого. Все скрытое станет явным и разрушит созданное им, как сель — прорвавшийся с гор грязевой поток.

Достоевский

В Петербурге произошел следующий интересный случай. Стоял вопрос о создании в нашем городе скромного памятника-знака Достоевскому. И вот ответственное лицо говорит: «У Достоевского нет положительного героя». И ведь верно! Кого мы можем назвать из действующих лиц в произведениях Достоевского, которому хотелось бы подражать? А между тем воспитательная сила произведений Достоевского исключительно велика: она в нравственной позиции самого Достоевского, умеющего глубоко проникнуть в суть нравственных проблем, — извечно нравственных. Ибо «буржуазная мораль» —

это не настоящая мораль, а искривление морали. В буржуазном обществе (то есть в обществе капиталистов) моральные проблемы решаются, но решаются неправильно. Есть мораль вечная. И это особенно ясно сейчас. Когда наша страна обращается ко всему миру с требованием мира, разве она не апеллирует к вечной общечеловеческой морали? И литература должна решать извечные моральные проблемы — их бесконечное множество и они бесконечно сложны. «Положительному герою», будь даже он атлантом, не вынести решения всех нравственных проблем. Поэтому нужны не только положительные герои, но и более выносливая и более необходимая (читателю) нравственная позиция писателя. Кстати, вот почему личное моральное поведение писателя, особенно поэта, имеет такое большое значение. Писатель, беззащитно карабкающийся вверх, неудержимо падает вниз.

Честертон имел в виду примитивно морализирующих авторов. Морализирование — не путь писателя. Писатель должен только подводить читателя к решению нравственных проблем. Читатель и в нравственных вопросах должен быть сотворцом автора. А если прямо морализировать, то не надо писать художественных произведений: становись проповедником, и все тут!

Первое «заострение», которое я себе позволю, заключается в следующем.

В мире произведений Достоевского существенную роль играет психология — художественная психология, противоречащая, а отнюдь не тождественная той, которая существует в мире действительности.

В самом деле, сказать, что психология действующих лиц Достоевского верно отражает психологическую сложность действительного мира, верно описывает нервные и душевные заболевания, — значит ничего не сказать об этом гигантском этаже возводимого Достоевским своего здания мира.

Достоевский просто не противоречит в своей психологии законам человеческой психики, однако отбирает он из этой психики только определенные черты. Он берет из действительности только строительный материал, но строит он из него другой мир, не всегда похожий на тот мир, в котором мы живем. В этом мире концентрируются определенные черты, делающие возможным разрешение тех философских задач, которые перед ним стоят.

Какие же особенности характеризуют психологический мир Достоевского? Ответить на этот вопрос кратко отнюдь не просто. Нам поможет, однако, художественный мир сказки: неожиданные поступки — неожиданные и для автора, и для читателя, и для самого действующего лица; непредвиденное в поведении человека; непредусмотренное.

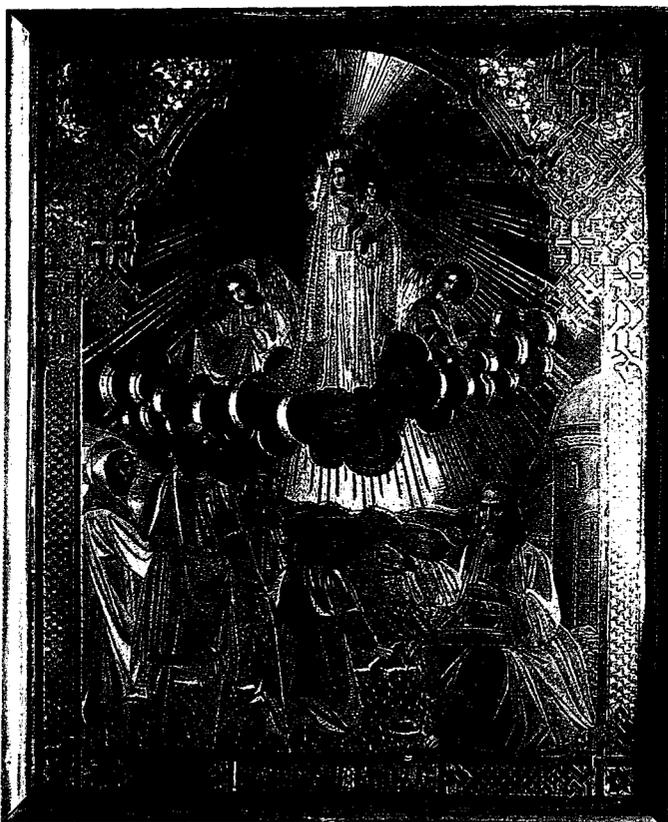
Душевная болезнь важна для Достоевского своими нарушениями психологических закономерностей.

Подросток говорит (глава VIII): «У человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается».

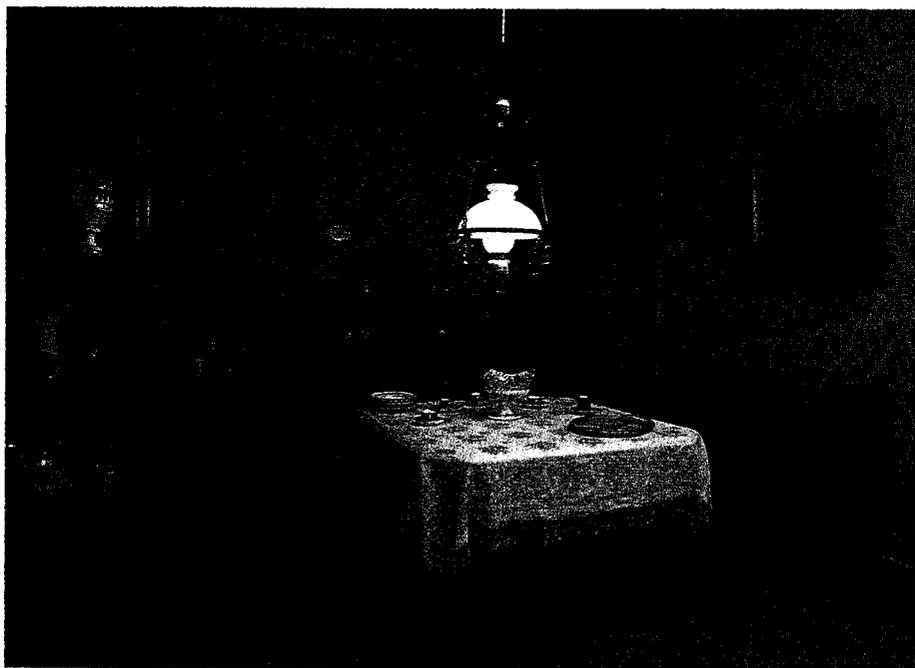
Многое в действии произведений Достоевского остается невыясненным. Неизвестно почему (и эту неизвестность подчеркивает автор) приезжает Алеша к отцу в начале романа «Братья Карамазовы».

Н.И.Чирков в своем труде «О стиле Достоевского»¹¹ говорит: «Писатель о движущих мотивах поведения Мышкина не говорит четко и ясно, не характеризует того или иного мотива полностью, намеренно не ставит точки над «і».

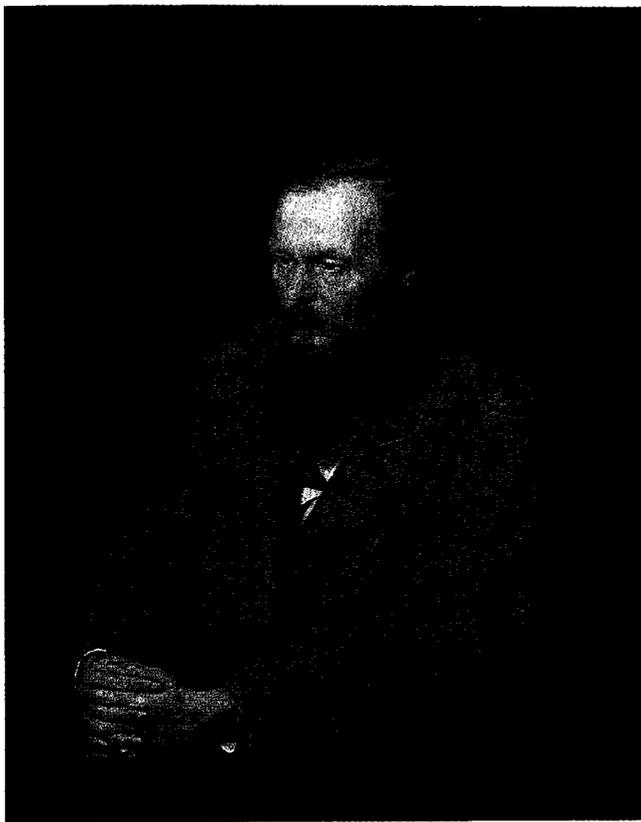
В литературном произведении есть определенные слагаемые, по которым легко определить — опытен автор или неопытен, талантлив он по-на-

Икона семьи Ф.М.Достоевского

Кабинет Ф.М.Достоевского

В.Г.Перов. Портрет Ф.М.Достоевского. 1872. Москва, Третьяковская галерея

стоящему или посредствен. Только настоящий писатель, например, умеет вести диалог. В диалоге не должен «присутствовать» читатель. То есть не должно быть ощущения, что автор озабочен — поймет диалог читатель или не поймет, будет ли диалог или даже разговор нескольких лиц во всем и до конца ясен. Изумительнейший мастер диалогов — Достоевский. Перечтите, например, ну хоть бы начало его главки «За коньячком» в «Братьях Карамазовых». Здесь каждое слово нужно, необходимо, характеризует действующих лиц и одновременно подвигает вперед действие романа.

А затем. Как Достоевский умеет предвирать будущие события. Перечтите первое появление Грушеньки в главе «Обе вместе». Это появление у ее же соперницы — Катерины Ивановны прежде всего невероятно по своей неожиданности: «Поднялась портьера, и... сама Грушенька, смеясь и радуясь, подошла к столу».

Достоевский, описывая появление Грушеньки, часто повторяет одни и те же слова и выражения, постепенно меняя их смысл. Он пишет «радуясь», но когда он снова пишет «радуясь», он берет это слово в кавычки, как бы ставя его под сомнение. А затем под сомнение берется весь облик Грушеньки, все ее поведение, настораживая читателя и подготавливая его к столь неожиданному все же скандалу. Алеша смотрит на Грушеньку: «И, однако же, пред ним стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд...», «полная, с мягкими, как бы неслышными даже движениями тела,

как бы тоже изнеженными до какой-то особенной слащавой выделки, как и голос ее». И далее постоянно: «как бы слишком широко, а нижняя челюсть выходила даже капельку вперед», «несколько выдававшаяся», «и как бы припухла». И далее сомнение в правдивости ее поведения все больше входит в описание Грушеньки: «Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, она именно подошла к столу, «радуясь» и как бы чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством. Взгляд ее веселил душу, — Алеша это почувствовал. Было и еще что-то в ней, о чем он не мог или не сумел бы дать отчет, но что, может быть, и ему сказало бессознательно, именно опять-таки эта мягкость, нежность движений тела, эта кошачья неслышность этих движений...» Я не привожу далее этого описания внешности Грушеньки, описания все более и более проникающего в ее суть, как надвигающееся в объективе кинокамеры изображение. Противоречия во внешности Грушеньки все углубляются, делаются заметнее для Алеши, который в этом описании как бы представляет читателя (для Достоевского это характерно: читатель всегда имеет своего «представителя» в самом тексте его произведений). А затем разражается знаменитый скандал, столь тщательно подготовленный этим портретом Грушеньки.

В произведениях Достоевского очень часто будущее определяет настоящее (нормальный порядок в жизни, как известно, только обратный — прошлые события определяют будущие, последующие).

При перечитывании «Братьев Карамазовых» я нашел несколько таких моментов. В главе «Тлетворный дух»: «Обходя скит, отец Паисий вдруг вспомнил об Алеше и о том, что давно его не видел, с самой почти ночи. И только что вспомнил о нем, как тотчас же и приметил его в самом отдаленном углу скита, у ограды, сидящего на могильном камне...» Или далее в той же главе: «Он (Паисий) остановился и вдруг спросил себя: «Отчего сия грусть моя даже до упадка духа?» — и с удивлением постиг тотчас же (но после), что сия внезапная грусть его происходит, по-видимому, от самой малой и особой причины: дело в том, что в толпе, теснившейся сейчас у входа в келью, заметил он между прочими волнующимися и Алешу, и вспомнил он, что, увидав его...» и т.д. Иными словами причина оказывается после следствия (телега впереди лошади). Сравните в более широком плане: что испытывает князь Мышкин, увидев портрет Настасьи Филипповны у генерала Епанчина, — до того, как он увидел саму Настасью Филипповну, и до того, как произошли все события. В этих всех «вторжениях будущего» в настоящее большую роль играет их непредвиденность, внезапность, определяемая у Достоевского словечком «вдруг». Сколько было уже написано об этом «вдруг» у Достоевского, но никто только не разъяснил точного значения у него слова «вдруг». А «вдруг» имеет несколько значений, и для Достоевского самое важное одно: не просто «порывисто», «внезапно», а «необъяснимо внезапно», ибо слово «вдруг» появляется тогда, когда нарушается естественный ход событий, когда будущее вторгается в настоящее, «дает обратный ход».

В конце главы «Внезапное решение» Ракитин вопреки своему желанию уйти «вдруг» начинает стучать в ворота, и это определяет дальнейшие события. Подойдя к воротам (дома Грушеньки), он (Ракитин) постучался, и раздавшийся в тишине ночи стук опять как бы вдруг отрезвил и обозлил его. К тому же никто не откликнулся, все в доме спали. «И тут скандалу наделаю!»

— подумал он с каким-то уже страданием в душе, но вместо того, чтобы уйти окончательно, принялся вдруг стучать снова и изо всей уже силы». Второе «вдруг» в этом пассаже «мое», то есть явно идущее в плане моего объяснения значения слова «вдруг» у Достоевского.

Великолепный переход от одной лекции к другой в «Публичных чтениях о Петре Великом» С.М.Соловьева. Лекция («чтение») третья кончается: «Необходимость движения на новый путь была создана (в XVII веке); обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился». Лекция («чтение») четвертая начинается, подхватывая конец третьей: «Народ собрался в дорогу и ждал вождя», — сказал я в заключение прошедшего чтения. Такой переход част в романах Достоевского: конец одной главы подхватывается началом следующей.

В «Скверном анекдоте» Достоевского «генерал» Иван Ильич Пралинский говорит: «Нет, строгость, одна строгость и строгость». «Значительное лицо» в «Шинели» Гоголя говорит: «Строгость, строгость и строгость». У Салтыкова-Щедрина Вася Чубиков из «Нашей общественной жизни» говорит сходно: «Дисциплина, дисциплина и дисциплина!» Такие звания к «строгости» и «дисциплине» говорят об отсутствии воли у действующих лиц.

Самая лучшая проза та, которую читаешь всю подряд, в которой нельзя ничего пропустить, — все значительно, важно и интересно. Так у Достоевского — несмотря на его кажущееся многословие (но многословия у него нет!).

Ошибочно мнение тех, кто полагает, что Достоевский писал в духе детективных романов. Детективные романы посвящены истории раскрытия преступления. Достоевский же описывает преступление — систематически, психологически, социально и т.д. ничуть не скрывая от читателя, что автор знает, и чуть-чуть даже забегая вперед и предупреждая читателя о виновниках. Виновники всегда известны у Достоевского. Он их не ищет (ср. «Бесы», «Преступление и наказание» и т.д.).

В черновиках и планах Достоевского к «Идиоту» прототип Настасьи Филипповны носит условное имя «Геро». Никто, как кажется, не давал объяснения — почему. А многие думали — «Геро» сокращенное от «героиня». Но таких сокращений у Достоевского не было. Вместе с тем в черновиках у Достоевского часто условная связь его действующих лиц с их прототипами подчеркивается именами и фамилиями. Геро — это персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего». Связь здесь следующая. Геро у Шекспира невинная невеста, которую ославили как распутную. Скандал происходит в момент венчания в церкви (ср. бегство Настасьи Филипповны из-под венца). Условная смерть Геро примиряет виновников с ее мнимым распутством. Настасья Филипповна, по существу, невинна. Ее смерть примиряет Мышкина и Рогожина.

Образ князя Мышкина заключает в себе черты Христа. Это означает, что и Христос с точки зрения Достоевского обладает чертами Мышкина. (Если N похож на NN, то это значит, что и NN похож на N.) В чем же Христос и Мышкин схожи? В незащищенности.

О.Э.Мандельштам сказал о Ключевском: «Ключевский, добрый гений, домашний дух-покровитель русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания». Это — в заметке о Блоке «Барсучья нора». Это удивительно верно, но почему? Я думаю, что события, какими бы ужасными они ни были, освещаются и освящаются их включением в историю, в осмысленную историю, в историю-повествование, хорошо написанную. Вообще любая гуманитарная концепция, касается ли она истории, искусства, литературы, отдельного произведения или отдельного творца (писателя, скульптора, живописца, архитектора, композитора), делает жизнь «безопасной», оправдывает существование несчастий, сглаживает в них всю их «колючесть».

Достоевский без специалистов по Достоевскому был бы просто непереносим. Он жалил бы своих читателей со страшной жестокостью. Но «объясненный» Достоевский уже не тот — это русский тоже «домашний дух». А с другой стороны, Пушкин не был бы Пушкиным, тем кого мы так остро любим, без пушкинистов...

Историческое знание врачует.

Л.Толстой

Л.Н.Толстой ценил древнюю русскую литературу. Он писал в 1874 году специалисту по древней русской литературе, издателю многих ее произведений, архимандриту Леониду: «Мне сообщили радостное известие, что дело составления для народа книги чтения из избранных житий не только одобрено вами, но что вы обещаете даже и личное ваше содействие этому делу. Я догадываюсь (далее я выделяю текст), *какие сокровища — подобных которым не имеет ни один народ — таятся в нашей древней литературе. И как верно чутье народа, тянущее его к древнему русскому...*»¹².

Льву Толстому, наверное, было скучно наедине со своей «философией». Не могло быть не скучно автору «Двух гусар»...

Философские системы бывают не только верные или неверные, но интересные, богатые и неинтересные, бедные, скучные. То же религии. К ним может быть и эстетический подход.

Анна Каренина, когда ее ищет в театре Вронский, находится в пятом бенеуаре. Скандал — княжна Варвара. Анна постукивает веером по *красному бархату*. Значит, это не петербургский Мариинский театр, а Большой театр в Москве. Последний имеет красную обивку. Мариинский всегда имел голубую. А может быть, Лев Толстой не знал Петербурга?

Лев Толстой о Данте: «Надо бороться со всей ложью, или совсем не бороться. Это, как наводнение... В Петербурге, например. Если защищаться от воды плотиной, и оставить только одну маленькую щель, вода пройдет через эту щель и зальет собой весь город... Тут шутить нельзя»¹³.

Чехов дал неверное название своей пьесе — «Вишневый сад». Варенье — «вишневое», а сад «вишневый». Кроме того, дворянские усадебные сады никогда не были вишневыми. Да и вид у вишневых садов мелкий. Были липовые, дубовые — много было больших и долголетних деревьев для усадебных садов. Имение-то ведь родовое — долголетнее. Ну что поделаешь: Чехов был из Таганрога.

*И.Е.Резин. Портрет Л.Н.Толстого в белой блузе. 1908.
С.-Петербург, Институт русской литературы /Пушкинский дом/*

Подобно тому как бесконечно большая или бесконечно малая величины могут находиться одна в другой (одна бесконечность в составе другой), так и в индивидуальном многообразии творческих возможностей художника находится «однообразие» его личности, самой по себе бесконечно богатой (человек — это одна из форм бесконечности), а затем в эстетическом богатстве настоящего (подлинного) художественного произведения есть его «организованность» стилем. Художественный стиль организует и ограничивает безграничные художественные возможности художественного творчества. Наконец, есть и еще одна важная особенность «эстетики художественного произведения»: при общей ограниченности художественных средств (как в балете, в фольклоре и пр.) эти средства в соединении стиля совершенно различны по эстетическим функциям. Это безграничность в ограниченности!

Новые перспективы открывают не столько те или иные книги, сколько их авторы и предмет изучения. Вечно новые перспективы открывают работы А.Н.Веселовского, М.Бахтина, А.Ф.Лосева, работы Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, С.С.Аверинцева.

А стимулирующими «предметами изучения» являются Достоевский, Лесков, Толстой, разумеется — Пушкин, надеюсь — Державин. Проблемой изучения, наиболее актуальной сейчас ввиду необходимости найти подход к

построению истории культуры, является, на мой взгляд, исследование соответствий и несоответствий (последнее не менее важно, чем первое) между различными видами искусства и культуры.

Бессилие литературоведения ярко сказывается в «анализе» литературного произведения путем пересказа — более или менее подробного. Художественное произведение говорит только в своей форме. Пересказ всегда искажение, упрощение и «оскучение».

Мелочи играют в научных исследованиях исключительно большую роль. Повторение опечатки оригинала позволяет установить копию. Первоначальное имя героя будущего романа открывает замысел. Фамилия и имя говорят об образе действующего лица. Та или иная стилистическая общность свидетельствует о литературном влиянии, о принадлежности к литературному направлению и т.д. В этом огромная роль частных исследований — они доказательны, чаще всего бесспорны и открывают путь обобщениям. Широкие темы, как бы ни заманчиво выглядели их названия, обычно ограничиваются журналистикой и рассеиваются, тают в воздухе, как туман. Поэтому поход против «узких тем», каковы бы они ни были, наносит существенный ущерб науке.

Лесков

Письмо проф. Эджертоу

Дорогой коллега,

спасибо Вам большое за прекрасную книгу переводов из Н.С.Лескова. Подбор произведений и самые переводы сделаны с большим вкусом.

Мне хочется поделиться с Вами некоторыми своими мыслями о Лескове. Может быть, они будут Вам интересны как непосредственные впечатления его русского читателя.

1. Лесков был самым читаемым автором средней русской интеллигенции конца XIX и первой четверти XX века. В среде средней интеллигенции и в провинции его читали больше, чем Толстого, Тургенева и Достоевского. Я вырос в среднеинтеллигентской семье. Мой отец был рядовой инженер. Дома у нас тоже очень любили Лескова. Это было у нас самое любимое чтение. Прочитанное часто обсуждали за чаем. Иногда читали вслух две-три странички, которые особенно понравились. Праведники Лескова были друзьями нашей семьи. Они часто упоминались в разговорах. Особенно, помню, любили Ахилау из «Соборян». Другой автор, которого мы очень любили, много читали, но обсуждали гораздо меньше, был Всеволод Соловьев.

2. Популярность Лескову особенно создавали его чудаки и праведники. В России всегда любили чудаков, и чудаки не были редкостью в нашем быту. Это трудно понять иностранцу. Но на этом строилась и популярность юродивых. А насколько часты были чудаки и праведники, я могу дать Вам представление хотя бы на примере опять-таки нашей семьи. Сестра моего отца была очень некрасива и удивительно просто и добродушно переносила свое несчастье. Всю свою жизнь она помогала окружающим и была блаженной. Она умерла во время блокады Ленинграда, отдавая другим все, что получала сама. Она отдала одной бедной еврейской семье даже свою комнату, а сама переселилась в холодную и сырую пристройку. И все это делалось ею без

всякого надрыва и сознания своей праведности. Напротив, она считала добрыми не себя, а всех окружающих. А лесковский «Однодум» ко мне заходит не реже, чем раз в месяц. Заходит, чтобы решить со мной какой-нибудь вечный вопрос. Ему за восемьдесят лет. Одет он самым бедным образом, хотя зарабатывает много. Все, что он получает, он раздает и считает, что на себя надо тратить как можно меньше. Он кончил Московский университет, но, глядя на него, Вы подумаете, что он простой чернорабочий. Одно из его чудачеств — не признавать трамваев и автобусов. Он ходит пешком, ест главным образом сырые овощи и черный хлеб. Приходит он за десяток километров, чтобы разрешить какой-нибудь вопрос, спросить, что я думаю по тому или иному поводу. И сам над собой посмеивается. Окружающие его любят и уважают и не сердятся, когда он им делает выговор за какой-нибудь проступок. Обаяние чудака! А в Пскове живет еще один чудак — известный археограф и знаток древнерусских древностей. Это Л.А.Творогов. Когда он идет по улице, окруженный собаками и детьми, хромым, но очень красивый несмотря на свой почтенный возраст, то движение останавливается.

3. Русская литература XIX века очень многим обязана культуре устного рассказывания, к которому в старой России предрасполагал медительный быт, длинные, многодневные путешествия на пароходе или по железной дороге. В путешествиях процветали душевные беседы, ценились хорошие рассказчики. Был еще обычай «сумеречничать». Дело в том, что переход от дневного света к ночной тьме совершается на севере очень медленно. Еще в моем детстве, когда не было электричества, экономили керосин и свечи. И вот в сумерки, когда нельзя было уже работать, но еще не было совсем темно, женщины садились и начинались рассказы. В результате вокруг было много изумительно одаренных рассказчиков. С одним таким рассказчиком я познакомился в больнице. Это был старый военный моряк, не раз ходивший вокруг света. Он мне много рассказывал из того, что когда-то слышал в кают-компании своего корабля. Некоторые истории ему рассказывала еще в детстве бабушка. Слушая его рассказы, я понял истоки мастерства Лескова, Станюковича и др. Лесков весь вышел из таких рассказов. Да Лесков этого и не скрывает.

Лесков — удивительно русский писатель, так как он связан своим мастерством с русским бытом и писал он о том, что русские люди действительно любили, чем мучались, что обсуждали и о чем изливали душу в своих долгих беседах в купе поезда, на почтовой станции, на пароходе, в кают-компании, на постоялом дворе, в трактире или просто сумеречничая в своей семье или у знакомых. К этому располагал и самовар, в котором часами не остывал чай, и зимняя стужа, и длинные зимние вечера, и обилие друзей и знакомых, создававшихся былым патриархальным гостеприимством.

Каждый русский человек будет Вам бесконечно благодарен за то, что Вы так хорошо рекомендуете одного из наших самых любимых авторов.

Извините, пожалуйста, за длинное письмо, но я не виноват, что присланная Вами книга возбудила у меня желание написать Вам обо всем этом.

Собираетесь ли Вы приехать в Ленинград?

Искренне Ваш — Д.Лихачев.

Лесков поразительный писатель, но... Лесков искал фэбулу, а Толстой — смысла жизни.

Лесков был сам в плену предрассудков и ошибок. Так любил Пролог, но считал его отреченной книгой. В одном из своих писем называл Пролог — «книга отставная».

Взгляд Н.С.Лескова на литературу выражен в его статье «Испания и испанцы» — писатель «записчик», а не «выдумщик».

О классической прозе

Ничего более интересного и мастерски написанного, чем «Очарованный странник» Лескова, я не читал. Но между мастерской прозой и классической прозой — большое расстояние.

В самом деле, можно ли пародировать сказ «Очарованного странника»? Можно. Не точно сказ рассказчика, но приемы, которыми этот сказ вводится в текст: вопросы, которые задают слушатели «богатырю-черноризцу», да и многое другое. Можно пародировать Тургенева (Гончарова труднее). Но попробуйте пародировать прозу «Капитанской дочки» Пушкина! Ничего не выйдет. Или вы должны будете писать, как Пушкин, подняться до него в прозе. А тогда вы станете вторым Пушкиным в прозе, и только. Попробуйте пародировать историческую прозу Ключевского. Вам придется тогда стать на уровень его мастерства исторических портретов и возьметь его остроумие.

Легко пародировать прозу Белого, прозу Горького, даже драматургические приемы Чехова. Но Бунина трудно. Можно, но трудно. Вот вам простой прием распознать, где мастерская проза, а где классическая. О, «Капитанская дочка», Капитанская дочка»...

Лесков — мастер слова. Он это и сам хорошо сознавал и как писатель, любивший поиграть с читателем¹⁴, затеял в одном из лучших своих и не маленьких произведений — «Очарованном страннике» своеобразную игру в слова. Все произведение строится так: слушатели спрашивают, а полуиннок-богатырь отвечает. Форма, кстати, известная еще в древнерусской письменности.

Начинается с того, что полуиннок разъясняет слушателям главное свое слово — «конэсер» (глава I). В главе II он разъясняет выражение «родительское обещание» и «молитвенный сын». Глава IV — что значит «со скуки поиграть» с легким уланом. В главе V — «наперепор». В главе VI — «подщетинок». В VII — «наташи» да «кольки». В главе IX — «Талафа». В главе X — «настоящее убеждение». В главе XI — «зарядить», «приход» и «усердие». В главе XII — «магнетизм». В главе XIII — «артист» и «краса, природы совершенство». В главе XIV — «артист». В главе XV — «изумруд яхонтовый» и т.д.

А слушатели — нетерпеливо ждут конца и в каждой истории его жизни видят причину того, что он, богатырь, в монастырь пошел.

Получается так, что слушатели рассказа на корабле как бы отождествляются с читателями. Сравнение вполне древнерусское, даже у Аввакума использованное, а прибытие корабля на остров Коневец в монастырь — с «монастырским» окончанием всего повествования и всей жизни полуиннока богатыря (прием тоже древнерусский).

Впрочем, конец этот мнимый — богатырь, он разбойник-полуиннок должен еще дальше — на Соловки идти, как бы предвещающая сюжет, близкий к песне «Жили двенадцать разбойников».

Старый литературный опыт накапливается не только скрыто, но и вполне открыто. У Салтыкова-Щедрина и у Достоевского (не знаю — у кого первого) есть общий литературный прием: они ведут некоторых своих второстепенных персонажей прямо от персонажей Гоголя и Грибоедова (потомки Молчалина, Коробочки и пр.). Не надо объяснять и рисовать «образ»: образ дан старый, но в новой ситуации. Это непременно надо было бы внимательно исследовать. Прием чисто русской литературы и свидетельствующий о великой литературной культуре русских читателей. А у Ключевского целое исследование о предках Евгения Онегина.

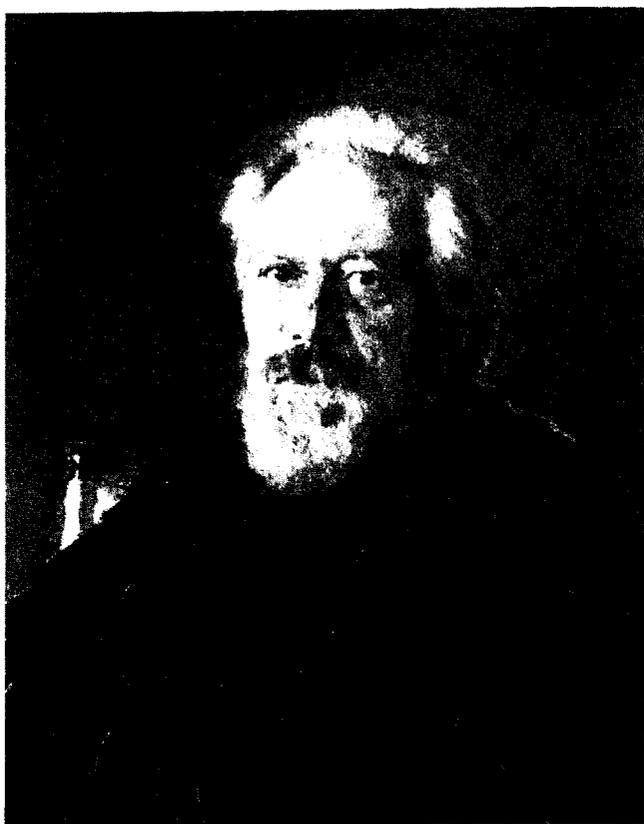
Мы свободны в своих движениях. Мы можем идти вперед, назад, влево, вправо, на восток и запад. Куда нам угодно. Но земной шар совершает с неизмеримо большей скоростью свое движение. Так и в истории литературы. Мы свободны писать что вздумаем, и, тем не менее, незаметно для нас мы движемся с неотвратимостью в одном направлении. Только в одном!

Русские формалисты в литературоведении открыли замечательное явление литературы — «остранение», то есть «делание странным», необычным, удивительным. Термин не очень удачный — не знаешь, от чего он произведен; на слух он путается со словом «отстранение», а даже правильно услышав, не сразу понимаешь, что существительное, от которого он произведен, — «странность», а не «страна» (может быть, правильнее было бы писать этот термин через два «н» — «остраннение»?). Но все равно — это явление, открывающее многое в искусстве. Искусство же, как оказывается, действительно раскрывает глаза на явление, когда смотрит с необычной, «странной» точки зрения.

Однако вот что следует отметить. Формалисты открыли «остранение» на основе изучения литературы нового времени. Для средневековых же читателей главное эстетическое наслаждение было в обнаружении знакомого в незнакомом, использование привычной формы для нового содержания. Искусство древнерусское, например, — это искусство «художественного обряжения» действительности. Писатель — церемониймейстер, создающий традиционное, парадное действо. Поэтому средневековое искусство главным художественным элементом имеет канонические формы.

И далее. Всегда ли средневековое искусство вводит рассказываемое или изображаемое в канонические формы? И всегда ли искусство нового времени стремится к «остранению» обычного? Если это «остранение», то с какой точки зрения? Любое ли «остранение» художественно? На все эти вопросы я сейчас ответить не могу, но вот на какую сторону вопроса хочется обратить внимание. Помимо «остранения», а отчасти пересекаясь с ним, в русской литературе — и средневековой, и новой, — существует другое явление, которое я в какой-то своей статье назвал «стыдливостью формы». И это почти национальная черта русской литературы, хотя я уверен, что не столь последовательно она существует и в других литературах.

«Стыдливость формы» — это стремление авторов для лучшего выражения своей мысли избавиться от слишком законченной, чисто литературной формы. Это стремление писать не литературным языком, а языком разговорным или языком деловых документов. Это стремление нарушать традиции жанров. Это стремление нарушать обрядность литературы. «Остране-

В.А.Серов. Портрет Н.С.Лескова. 1894

ние» — но особого вида — Аввакум. Но ведь то же у Льва Толстого, который испытывает необходимость «точнее» выразить свою мысль в длинной фразе с оговорками и «контроверзами». То же и у Лескова, который обращается не только к разговорному языку, но и к нелитературным жанрам или жанрам второстепенным — письмам в редакцию, рассказам по случаю и т.д. (я об этом писал во втором издании книги «Литература — реальность — литература»). И вся древняя литература, часто ищущая обновления в деловых жанрах письменности, в жанрах фольклорных, в языке документов и т.д.

Мне кажется, что в «плетении словес», развившемся в нашей литературе с XIV века, есть иногда стремление нарочито создать темные по смыслу сочетания, игру слов, лишённую четкого смысла, но обладающую сложными ассоциациями, строго и точно не переводимую. Однако доказать это очень трудно. Вообще при анализе стиля очень трудно доказать намеренность. Намерение автора почти всегда недоказуемо, если нет текстологического анализа черновиков, правки произведения и их текстологического анализа. В этом огромная роль текстологии — исследования истории текста.

Самым актуальным, самым «новым» остается то направление в нашем литературоведении, которое берет свое начало еще в эпохе европейского Ренессанса, — текстологическое. Изучение текста составляет основу литературоведения, ибо что значит любое историческое или литературоведческое изучение не

только произведения, но и любого документа, когда самый текст зыбок и неопределенен? Но изучение текста в разные эпохи совершалось различно, вернее не «совершалось», а постоянно совершенствовалось, становилось и более надежным, и более тонким, проникающим, дающим все более широкую основу для различного рода истолкований текста — и с точки зрения его содержания, и с точки зрения его формы во всех многообразных сочетаниях. У нас так называемая критика текста получила подлинно научное обоснование в результате проникнутого историзмом подхода к своим задачам и особое название, принятое сейчас в большинстве стран мира, — «текстология» (термин, созданный замечательным нашим пушкинистом — Б.В.Томашевским).

Текстология главной своей задачей начала ставить не просто «установление текста» каким-либо из многочисленных предлагавшихся в разные эпохи и в разных странах способов, а изучение истории текста, чем и приобрела право признаваться особой наукой, занимающейся не простым «установлением текста» для издания, а имеющей свой предмет изучения с многочисленными применениями своих результатов: для истории творчества какого-либо автора, для исторической науки, для юридического обоснования правомочности документа, его исторического значения, и среди всего прочего — для издания изучаемого текста, «выбора текста». Именно текстология делает литературоведение наукой, позволяет достигать прочных результатов в любой области литературоведения, включая стиховедение, лингвистическое изучение текста, стилистический его анализ и т.д., и т.п.

Что же достигнуто в этой области сейчас? Возьмем такую область, как пушкинистика. Совершенно неправильно обычное, распространенное мнение о том, что здесь уже нечего изучать и все возможное сделано, или сделано главное в научном отношении, и разнообразие достигается между отдельными работами по пушкинским произведениям только за счет различного эмоционального отношения к тексту и к самому Пушкину. Это эмоциональное разнообразие, конечно, тоже нужно, но самое важное, что кое-что меняется в основах пушкиноведения. Кто не знает огромного значения в рукописном наследии Пушкина его так называемых рабочих тетрадей. Они изучались и перед последним большим академическим изданием Пушкина, но изучались «потребительски», то есть издатель того или иного произведения каждый раз извлекал из рабочих тетрадей Пушкина те тексты, которые имели отношение к интересующему его произведению. Сейчас изучение рабочих тетрадей Пушкина поставлено на новые основы, которые, конечно, предугадывались и раньше, но которые получили свое принципиальное выражение в двух недавно появившихся работах: С.А.Фомичева «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832» и Я.А.Левкович «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841». Обе работы помещены в издании «Пушкин. Исследования и материалы»¹⁵, и обе посвящены важнейшей теме — истории заполнения рабочих тетрадей. Это переворот в изучении пушкинского наследия. Переворот, который вряд ли сразу может быть осознан и оценен. К рукописям Пушкина устанавливается не «потребительское» отношение, а как к предмету целостного изучения. Когда будет выяснена история заполнения Пушкиным своих тетрадей и отдельных листков, можно будет с уверенностью судить об истории текста отдельных произведений и истории творчества Пушкина в целом. Перед нами грандиозные перспективы пушкиноведения, требующие притока молодых научных сил.

Но историзм в текстологии сказывается и в самых разнообразных областях литературоведения. Уже давно он занял передовые позиции в изучении древнерусской литературы. Блестящие успехи могут быть продемонстрированы на книге Р.П.Дмитриевой, посвященной одному из самых привлекательных произведений Древней Руси — «Повести о Петре и Февронии Муромских»¹⁶ Благодаря изучению всех многочисленных рукописей повести (списков, сделанных в разное время) удалось установить с полной бесспорностью и время написания повести, и имя ее автора. Любопытно: при принятых ранее способах и приемах «установления текста» обилие списков всегда было серьезным затруднением. Теперь же обилие списков хотя и удлиняет работу исследователя, но зато приводит к бесспорным и точным результатам.

Значит ли сказанное мною, что текстология должна в основном занимать литературоведа? Нет, конечно. Текстология — дает прочную основу. Она одно из оснований научности литературоведения, его точности. Но на основе выводов по истории текста и на основании самих текстов (одного, допустим, произведения, но на различных этапах своего создания) можно изучать текст в самых различных аспектах и самыми различными науками (лингвистически, стиховедчески, источниковедчески, исторически, с точки зрения истории общественной мысли, истории философии и т.д.).

Один из возможных подходов — структуральный. Но характерно, что в русской советской структуральной системе изучения все настойчивее пробивается исторический подход, который делает в конечном счете структурализм неструктурализмом, ибо историзм разрушает структурализм, позволяя вместе с тем усваивать в нем лучшее. Структурализм открыл много нового в изучении формы в ее связи с содержанием. Я считаю (это мое мнение, которое я никому не навязываю), что работы Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, Б.Ф.Егорова и других очень много дают для расширения изучения литературы. Меня не пугает (а многих она отпугивает) усложненная структуралистская терминология. Из этой терминологии многое исчезнет, но что-то и останется, и это уже очень важно. Слова, термины не только выражают, означают, но они и открывают... Обозначить явление словом — это заметить его. А это настолько важно, что стоит потратить на это некоторые усилия. Неприязнь к структурализму иногда объясняется трудностью чтения структуральных работ. Трудность эта создает психологическое сопротивление, внутреннюю неприязнь к структуральным работам, а заодно и к их авторам. Не будем поддаваться этому чувству.

Объяснение «белого венчика из роз» у Христа в конце «Двенадцати» Блока. В символике православия и католичества нет белых роз, но это могли быть те бумажные розы, которыми украшали чело «Христа в темнице» в народной среде — в деревенских церквях и часовнях. Ведь солдаты в «Двенадцати» — это бывшие крестьяне. См. иллюстрацию на с. 49 в книге «История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря»¹⁷ — «Вид резного изображения Спасителя, находящегося в Филипповской пустыни».

Для характеристики обращения А.Ремизова с народным и древнерусским материалом и, больше того, творчества его в целом крайне важно его «Письмо в редакцию» журнала «Золотое руно»¹⁸, написанное по поводу обвинения его в плагиате у ... народного творчества. Ремизов, между прочим, пишет там: «Только так, коллективным или преемственным творчеством, создается произведение,

как создались великие мировые храмы, мировые великие картины, как написались бессмертная «Божественная комедия» и «Фауст». Ремизов пишет, что он ставит себе задачей «воссоздание нашего народного мифа». Современное ему творчество А.Ремизов называет «одичалым и мучительно-одиноким творчеством, пробавляющимся без истории, как попало, своими средствами из себя, а попросту из ничего, и в результате — впустую». «Работая над материалом, я ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах, апокрифах». А.Ремизов называет свой способ работы «художественным пересказом», «амплификацией», то есть развитием в избранном тексте подробностей или дополнений, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить текст, в этом вся хитрость и мастерство художника».

В сущности, А.Ремизов работал методом древнерусского книжника, и поэтому не может быть даже назван стилизатором. Он не стилизатор, а продолжатель в условиях Нового времени.

Нельзя писать густой прозой: густой от острот (см. Ильф и Петров), густой от деревенского диалекта (иногда с выражениями из разных диалектов — лишь бы были подремучее), густой от изысков (А.Белый, ранний Леонов), густой от старинных выражений или выражений «под старину» (все почти исторические романы наши — что бы их писать попроще, не «наполняя» старыми речениями, а «исключая» слишком современные, — как писал Пушкин свои исторические вещи).

Вот Василь Быков: у него крестьяне говорят как люди, а поэтому и проблемы у него не деревенские, а человеческие. Я сказал об этом В.Быкову, а он мне ответил, что это оттого, что переводит сам свои произведения с белорусского на русский. Ка бы все так! В этом, подумалось, великая сила прозы переводов с иностранного: они делают локальные произведения общечеловеческими. Прав ли хоть немного?

Склоняется ли «Нотр-Дам»? У Ю.В.Бондарева в статье «Критика — категория истины?» есть такая фраза: «Сколько раз повторялись, варьировались в искусстве темы Христа, богоматери, мадонны, темы старой Москвы с ее бесподобным городским уютом, Петербурга с закатными набережными, Парижа с его Нотр-Дамом, Сенной и бульварами (Марке, Писсарро, Коровин)». Самое главное в прозе — ее точность и ясность. Как-то неясно в этой фразе, считает ли написавший ее «богоматерь» и «мадонну» чем-то одним или двумя разными персонажами, что такое «закатные набережные»? — набережные, освещенные закатывающимся солнцем, или набережные, находящиеся на западной стороне Невы — там, где закатывается солнце? Эмоциональность прозы отнюдь не уменьшилась бы, если бы она была более точной. Но самое главное — точность грамматическая. Надо знать, какие из иностранных имен, фамилий, наименований можно склонять, а какие склонять нельзя. Можно ли сказать, «я был в соборе Нотр-Даме», «видел Нотр-Даму», «интересовался Нотр-Дамой». Ошибка непростительная для русского писателя.

Об Илье Эренбурге можно было бы сказать, что он «служил в семи ордах при семи королях». В наше время это было уже своего рода заслугой, ибо, служба, он исправлял и смягчал, но себя, конечно, портил.

Я не понимаю, как можно от большой литературы требовать «ленинградской темы», показа героя из рабочих или милиционеров и пр. Нельзя мельчить литературу. Рабочий наш живет не только интересами своего производства, своего города и пр. Если бы такие требования, которые часто критики предъявляют к современным авторам, предъявлялись к Достоевскому, к Пушкину и др., то мы бы не имели мировой литературы. «Прощание с Матерой» — это произведение не о судьбе сибирского села, затопляемого ради великой стройки. Это произведение на мировую тему, ибо тема отношения к родным местам интересует всех во всем мире, а у Распутина есть ведь в «Прощании с Матерой» множество и других «проклятых вопросов», которые, надо думать, не исчезнут быстро.

В.Б.Шкловский сказал как-то: «Пишущий администратор подобен поющему пожарному в театре».

Член-корреспондент АН СССР известный литературовед Леонид Тимофеев в молодости сочинил чрезвычайно популярную о подонках общества ушпаны песенку:

Купите бублички,
Горячи бублички,
Гоните рублички
Ко мне скорей.
И в ночь ненастную
Меня, несчастную
Торговку частную,
Ты пожалей.
Отец мой пьяница,
Он этим чванится,
Он к гробу тянется
И все же пьет!
А мать гулящая,
Сестра пропащая,
А я курящая —
Смотрите — вот!

Под музыку «Бубличков» в 20-е годы танцевали фокстрот, а в Соловецком театре отбивала чечетку парочка — Савченко и Энгельфедт. Урки ревели, выли от восторга (тем более, что С. и Э. были «свои»). Но в частушечном размере Леонид Тимофеев перевел «Слово о полку Игореве»: «смотрите — вот!»

В произведениях Владислава Михайловича Глинки я больше всего ценю их талантливую достоверность. Исторические произведения непременно должны быть достоверны в мелочах и в главном: в изображении быта и обычаев, интерьеров и всей окружающей обстановки, в изображении событий, исторических лиц и т.д. Но больше всего они должны обладать достоверностью в изображении людей той или иной эпохи. Люди меняются больше, чем их костюмы и формы. Для изображения достоверных людей той или иной эпохи недостаточно знаний, — к знаниям нужен еще большой талант понимания людей иного времени и различных социальных положений.

В.М.Глинке веришь как свидетелю, как «мемуаристу», как человеку описываемой им эпохи. Он был старомоден в хорошем понимании этого слова. Весь его облик и все его манеры внушали совершенное доверие и к его произведениям. Невозможно себе вообразить, что он в чем-то недодумал или

недоисследовал (извините за такое монструозное слово) изображаемое им. Он был талантлив и добросовестен, не жертвовал одним в угоду другому.

Настоящий исторический писатель, писатель, которому веришь, — большая редкость и большая ценность в наши дни. Мы ведь годами стремились очернить наше прошлое и очень осовременить характеры своих исторических героев.

Один из редчайших исторических романистов, знавших изображаемое им время как современник и создававший у читателя ощущение соприсутствия, — Марк Алданов. В его «Истоках» Александр II или Бисмарк показаны так, что потом уже образы их остаются в сознании читателей навсегда. То же и эпоха Наполеона. Недаром Алданова *французы* приглашали быть консультантом в фильмах о Наполеоне.

Каким должен быть исторический роман? Прежде всего без ошибок. На историческом романисте лежит огромная ответственность. Пикуль в передаче для телевидения сам хорошо объяснил причину своего успеха: недостаток исторической литературы. Но это не прощает его крупных ошибок. Надо чаще общаться с профессионалами и не пользоваться общеизвестными подделками, принимая их за документы (например, поддельный дневник Вырубовой). Надо пользоваться не только литературой по тому или иному вопросу, но и архивными данными. И нельзя допускать пошлостей, потакать дурным вкусам, внося элементы сенсационности и пр. Нельзя жертвовать истиной ради «интересности». Вот Владислав Михайлович Глинка: он знал эпоху, о которой писал почти как очевидец. Но мы мало ценим его произведения.

Не хочу называть старого поэта, о котором можно было бы сказать: это любимый поэт всех тех, кто не любит поэзию.

Не берусь судить о критике, но в науке о литературе все проблемы «главные», или, по крайней мере, их много. Наука развивается широким фронтом. Очень опасно сосредоточиваться на узком участке, забывая о других.

Если мы будем стремиться продвинуть только одну область, то в первые моменты сможем добиться в этой одной области успехов, но за первыми успехами придут разочарования: захиреют не только области, которые мы запустили, но и те, которые мы объявили «главными».

Я сам специалист по древней русской литературе. Это уж не такая узкая область: как-никак семь веков, и при этом каких! — полных исторического драматизма, очень разных и многожанровых. Но я не считаю проблемы древней русской литературы главными, хотя и очень ими интересуюсь. Напротив, больше всего меня радует, когда изучение древней русской литературы приносит пользу для понимания других областей русской литературы. Изучение русской литературы во всем ее тысячелетнем объеме способно дать существенные результаты, особенно в вопросе о национальном своеобразии русской литературы (этот последний вопрос волнует меня больше всего).

И еще один аспект изучения первых семи веков русской литературы представляется мне важным. Древняя русская литература принадлежит к особой эстетической системе, малопонятной для неподготовленного читателя. А развивать свою эстетическую восприимчивость — крайне необходимо. Эстетическая восприимчивость — это не эстетство. Это громадной важности общественное чувство. Это одна из сторон социальности современного

человека. Она противостоит чувству национальной исключительности и шовинизму, она развивает в человеке терпимость по отношению к другим культурам — иноязычным или других эпох. Умение понимать древнюю русскую литературу — это умение ценить литературу европейского средневековья, средневековья Азии и мн. др.

Ведь то же самое и в изобразительном искусстве. Человек, который по настоящему способен понимать художественные ценности древнерусской иконописи, не может не понимать искусства Византии, Египта, Европы раннего средневековья и многого другого.

На литературоведах лежит большая и ответственная задача — воспитывать людей с широкой «умственной восприимчивостью». Вот почему еще сосредоточение литературоведов на немногих объектах, на одной только эпохе или одной национальной культуре противоречит основному смыслу существования нашей дисциплины.

В литературоведении нужны разные темы и «расстояния» именно потому, что оно борется с этими расстояниями и стремится сократить преграды между людьми, народами и веками.

Вот почему недопустимы «специалисты» по одному автору в наших литературоведческих институтах. Я понимаю еще существование пушкинистов, ибо Пушкин исключительно широк. Но «некрасоведение», неграмотно называемое у нас «некрасоведением» (точно изучают какого-то неизвестного никому писателя «Некраса»), или «шолохововедение», или даже «леонововедение» — сплошной нонсенс, лишаящий этих специалистов по одному автору необходимого кругозора.

Если говорить о методике добывания новых фактов, то с этой научно-методической точки зрения я бы подчеркнул значение работ акад. М.П. Алексеева, Б.Я. Бухштаба (я имею в виду его книгу — «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века», С.А. Макашина, С.А. Рейсера, И.Г. Ямпольского и многих других).

С точки зрения методики литературоведческой археографии я бы подчеркнул значение работ В.И. Мальшева, И.С. Зильберштейна, И.Л. Андроникова и мн. др.

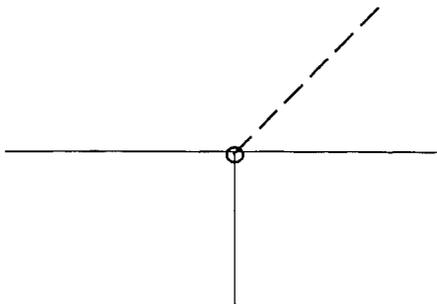
Методика очень близка к методологии. Методика исследования — часть методологии исследования. Разработка конкретных вопросов методики исследования — одна из насущных задач нашей методологии.

Литературу захлестывает журнализм. В литературе у нас очень часто места писателей занимают журналисты. Это нечто прямо противоположное.

Методические традиции «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского кажутся мне наиболее «современными». Впрочем, современное литературоведение ни в коем случае не должно ограничиваться традициями собственной науки. Традиции истории искусств и искусствоведения, языкознания и истории философии могут представить для современного литературоведения не меньший интерес, чем собственные. Литературоведы должны быть широко образованными людьми, берущими и учитывающими все самое интересное и значительное в методологическом отношении у соседних наук.

Литературное произведение окружено «поперечными связями». Оно находится в определенной среде, с которой согласуется и от которой зависит

ее художественная сторона и идейное содержание. Позади произведения — горизонтальная связь с прошлым, традиции, наследие, канонические нормы и пр. Под литературным произведением — уходят вниз глубинные связи: социальная основа, экономическая, классовая, сословная и прочая определенность литературы. Три измерения: ширина, длина и высота. Если нарисовать эти связи, получится самая общая схема самолета:

(пунктирная линия в схеме — это линия, перпендикулярная плоскости листа).

Поперечные связи изучаются преимущественно типологически, если только к типологическим изучением присоединить изучение общего не только с другими литературными произведениями, но и с другими искусствами (общность стилей, объединяющих все искусства, а в определенные периоды истории литературы — науку своего времени, философию, тип богословствования и пр.). Глубинные связи изучаются социологически, а горизонтальный «хвост», тянущийся за этой «схемой самолета», — это изучение традиций, влияний и пр.

Чем же держится в «воздухе» эта схема, похожая на схему самолета? Вопреки примитивным обывательским представлениям о том, что самолет «опирается» крыльями на воздух, он «подсасывается к небу» образующейся над крыльями пустотой. Так и литература «подсасывается к небу» своим стремлением повлиять на окружающий мир, исправить его, заглянуть в будущее, внести в жизнь добрые («небесные») начала.

«Эпоха литературных манифестов». Конец XIX и вся первая половина XX века отмечена чрезвычайным обилием различных деклараций, манифестов, мелких объединений (а иногда и крупных) в литературе, живописи, скульптуре и даже кино. Это явление далеко не случайное. Оно характерно не для одной России.

Если взглянуть на историю развития всех искусств с высоты тысячелетий (а такой взгляд становится все более и более необходимым), то заметим некоторые закономерности. Для русской литературы я определил восемь направлений развития (см. мою статью «Будущее литературы как предмет изучения»)¹⁹.

Остановимся на некоторых из этих направлений, не называя их точно, существенных для нашей темы.

Можно считать, что фольклор исторически предшествует литературе. И вот что для нас важно. В фольклоре господствует традиционность и очень слабо отражается личность творца того или иного произведения. Традиционность облегчает творчество новых произведений (они создаются как бы по «накатанной

дорожке»); а скромность индивидуального начала исключает возможность крупных ошибок в искусстве. Произведение фольклора (не только словесного, но и музыкального, живописного, ремесленного и всякого иного) может быть богаче или беднее, но оно не может быть безвкусным, пошлым, банальным и т.д. В результате всякое произведение народного искусства ценно.

Первые два века русской литературы — одиннадцатый и двенадцатый — начинают собой эпоху принадлежности литературы к тому, что я бы назвал великими стилями. Первый из великих стилей в русской литературе — стиль монументально-исторический. Он охватывает собой не только литературу, но и зодчество, ремесла, по-видимому музыку, изобразительное искусство, даже некоторые явления мировоззрения, поведения людей (их идеал человека), церемониального быта, политического уклада и т.д. Ближе всего этот стиль к европейскому романскому стилю (в Англии он называется еще норманнским).

Этот великий стиль сменяется в XIII веке стилем, близким к западноевропейскому стилю Предвозрождения (однако в России Предвозрождение не породило собой эпохи Возрождения, а лишь явления замедленного Возрождения, растянувшегося на ряд столетий). Следом за эпохой Предвозрождения идет прямо эпоха барокко, которое в России приняло на себя ряд функций Возрождения.

Проследивая развитие этих великих стилей, мы замечаем, как постепенно нарастает в них индивидуальное начало и как все больше сказываются в них стилистические черты, характерные только для одного из искусств. И все же мы можем еще говорить о барокко в литературе, музыке, зодчестве, науке, философии и человеческом типе как о великом стиле.

Однако уже на последних этапах развития барокко для автора все свободнее и свободнее возможен переход к другим стилям в творчестве. Рядом с барокко появляется классицизм, который мы смело можем отнести не к великим стилям, а к *направлениям* в искусстве. Художник мог выбирать между барокко XVIII века и классицизмом XVIII века. Затем следуют такие направления в литературе, как сентиментализм, романтизм, реализм...

Характерно, что реализм возможен в живописи и литературе, но невозможен в зодчестве, музыке, балете. В этой суженности поля применения ярко сказывается отличие реализма как направления от великих стилей, пронизывавших собою гораздо более широкий круг явлений культуры. Кроме того, в реализме индивидуальный стиль сказывался более глубоко и сильно, чем во всех предшествующих направлениях и великих стилях. В этом одна из причин того, что при реализме начинает развиваться критика и история литературы. Реалистическое искусство ищет свое критическое и историко-литературное истолкование.

Вслед за реализмом других отчетливых направлений в искусстве не развивается. Есть индивидуальные стили, есть индивидуальный подход к искусству, и эти стили и подходы иногда более, иногда менее близки к предшествующим стилям и направлениям. В реализме заложены огромные возможности для дальнейшего развития благодаря роли, которую играют в нем индивидуальные стили и подходы. Поэтому он не требует своей смены другими направлениями, — только обогащение индивидуальными стилями.

Однако обратим внимание на следующую особенность в развитии искусства. Всякое действие встречает в искусстве и свое противодействие, движение вперед вызывает встречное движение, которое может быть принято

за тормозящее, но по существу таковым не являющееся. Так, например, наблюдающийся в искусстве отход от традиционных форм, от тех или иных канонов встречается с обратным стремлением к выработке новых канонов, а иногда и возвращением к уже оставленным. Отказ от традиций, как и выработка традиций, действуют одновременно. То же самое происходит и с исчезновением направлений. В искусстве конца XIX и всего XX века (прежде всего в литературе) появляется чрезвычайно сильное стремление преодолеть индивидуальную разобщенность, отсутствие направленных связей и объединений. И это неизбежное следствие распада связей ведет авторов к организации новых объединений: к появлению творческих групп, клубов, ассоциаций и к выработке общих идейных платформ. Отсюда-то в конце XIX и в XX веке такое обилие различных деклараций, манифестов, теоретических выступлений и пр. Авторы объединяются в попытках преодолеть разобщенность и творческое одиночество, а отчасти и с целью занять в искусстве лидирующие позиции.

Естественно, что наиболее «индивидуализированные» искусства, как, например, поэзия, более всего порождают различного рода объединения и манифесты. Но надо иметь в виду, что все литературные объединения в какой-то мере связаны между собой и с другими искусствами, где происходят аналогичные процессы, — живописью, музыкой, кино.

Все это имеет и свои положительные, и отрицательные стороны. Это и естественно, так как жизнь никогда не складывается только из чего-то положительного или чего-то отрицательного. И понять искусство XX века, не считаясь с этими подобиями прежних направлений, невозможно.

Пастор Эндрю Мортон в Эдинбурге применил компьютер для установления авторства. Простой подсчет слов ничего не дал, и не мог дать. Дало только подсчитывание пар слов, целых идиоматических выражений, сочетаний слов. Так, например, ему удалось доказать, что Бэкон не мог быть автором пьес Шекспира. Такие же бесспорные результаты достигнуты им в установлении авторства других произведений. Даже благодаря его подсчетам был оправдан в суде один обвиняемый (четыре наиболее преступных письма оказались не его).

В истории литературы проявляется своеобразная *синергия*: согласованность свободы воли с проявлениями закономерностей, с движением по законам развития литературы (эти законы направления развития, их примерно 8, указаны мною в работе «Будущее литературы как предмет изучения» (работа эта впервые опубликована в журнале²⁰). Свобода воли проявляется в биографических особенностях, определивших характер творчества писателя. Закономерности развития того же творчества писателя проявляются в его зависимости от развития литературы, от особенностей процесса историко-литературного развития, вынуждающего писателя придавать своему творчеству то или иное направление. Замечательно и до сих пор не разгадано то, что писатель зависит от своей жизни и от общей жизни литературы без особых конфликтов между той и другой.

Для моей статьи «Литература будущего» хорошо бы написать еще один раздел после раздела о развитии личностного начала. Суть его в том, что вместе с

развитием личности, индивидуального начала в литературе идет *развитие самоопределения личности в историческом процессе*. Отсюда все более глубокий интерес к истории. Человек не только воспринимает себя, свою эпоху в собственном ряду, но начинает улавливать то, что он сначала определяет как «дух времени», как черты эпохи, а потом как смену эстетических формаций, мировоззренческих комплексов и т.д. Историзм проникает в литературу все больше: от малоисторичных Тургенева и Чехова к «историчному» Бунину, а затем и сугубо историчным писателям — как Булгакову и др. Современность начинает восприниматься для истории! Уже сейчас можем сказать, что интерес к истории возрос чрезвычайно и пронизывает собой и восприятие современности. Этот интерес к истории смыкается с интересом к историческим памятникам, к прошлому вообще. В интересе к истории литература находит выход из «литературной замкнутости». Литература перестает быть литературой в себе, вещью в себе, а сливается с живым интересом к действительности. Границы между жизнью и литературой постепенно размываются, и в прорыв этот между литературой и историей постепенно начинают вливаться «второстепенные» жанры: появляется в равной степени интерес к биографическому жанру, жанру научной фантастики, причем фантастика постепенно становится все реальнее и место фантастического начала заступает начало научной популяризации. Границы художественной литературы и научной литературы также размываются. Происходит именно в этой форме слияние литературы с жизнью, но с жизнью, включающей в себя науку, технику, историю, филологию, литературоведение (напр., В.Б.Шкловский сделал литературоведение объектом литературы) и т.д. Понятия «жизни», «реальности» начинают включать в себя не только «личную жизнь», как она понималась в романе XIX века, но и жизнь человека в науке. Это замечательное явление становится все заметнее. Все заметнее становится интерес к познавательному началу в литературе, причем познавательность все расширяется, захватывает различные отрасли.

Одним из традиционно-познавательных жанров в литературе всегда являлся жанр мемуаров. В XX веке жанр этот становится все более важным, значительным, общественно действенным. Если раньше читателя интересовала прежде всего жизнь писателей, то затем появился интерес к жизни художников (живописцев, скульпторов), затем к жизни полководцев (жанр наиболее близкий к истории государств), а теперь — к жизни ученых, актеров, балерин и танцоров, режиссеров, выдающихся инженеров, конструкторов и организаторов производства, к «показательной» жизни того или иного представителя любой профессии.

Не «научно-популярная», а просто научная литература в ее широко доступной форме — становится все весомее и все больше занимает читателей. При этом роль «посредников» (журналистов, профессиональных популяризаторов) между ученым и читателем постепенно снижается. Сам ученый обращается к читателям, ибо и читатель требует точности и непосредственного общения с ученым, минуя «посредников», которые могут исказить и упростить мысль ученого, научную истину. Вместе с тем не только читатель ищет встречи с ученым, но и ученые все чаще обращаются к встрече с читателями, ибо наука становится все определеннее общественной деятельностью.

Слова блаженного Августина: «Единственным признаком благородства скоро станет знание литературы» Сейчас — знание поэзии, во всяком случае.

Присматриваясь к поведению многих сотрудников литературных институтов, можно полностью разувериться в воспитательной роли литературы... Но нет! Иммунитет к литературе создает «профессионализм», да и просто ремесленное отношение многих литературоведов к своему труду. Они живут полностью отгороженные от литературы. И аморальность их создается именно отсутствием литературы в их духовном кругозоре. Они же лишаются эстетической восприимчивости. А ведь много мешает в восприятии книг и родственная профессия — редакторов. Надо быть очень крепким, чтобы выдерживать натиск рутины в своем собственном труде.

Заметить появление закономерностей можно лишь в больших явлениях, но не в маленьких. Существует порог появления закономерностей. В литературе он очень высок. Можно заметить, однако, что в средневековье этот порог ниже, чем в новое время, и поэтому наблюдать закономерности на основе древнерусской литературы удобнее, чем на основе новой русской литературы.

Я прочитал следующую очень верную мысль М.Шагала: «Большие художники — это те мастера, которые разрывают рамки направлений, оказываются выше их, не скованы правилами и нормами направлений. В рамках направлений полностью ущемляются только посредственности»²¹. Шагала дальше иллюстрирует свою мысль только живописцами, и то — близкими ему по времени или «по противостоянию». Но мысль Шагала относится и к архитекторам (Н.А.Львов, Ринальди), и к писателям (Пушкин, Гоголь, Достоевский), и к древним иконописцам. Чем выше искусство иконописца, тем он больше выпадает из «школы» и времени. Вот почему так противоречивы суждения о «Троице» Рублева или о «стиле» произведений Феофана Грека.

А, возвращаясь к писателям, — стиль Аввакума? Его не втиснешь ни в какие нормы и признаки эпохи, как не вставишь в историю литературы евангелистов. Последних даже не подчинишь жанровой системе I века н.э.

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНО ОБ ИСКУССТВЕ

Заметки о происхождении искусства

О пещерных рисунках. Рисуют бизона с таким необыкновенным умением. Как будто и прогресса нет.

Да, умение поразительное, но ведь только бизон, только дикий бык, пещерный медведь. Чтобы изобразить цель охоты? Но тогда почему нет уток, гусей, перепелов. Ведь на них тоже охотились. Почему нет проса, а ведь его сеяли.

Мое предположение: изображалось в пещерах то, чего боялись. Что могло нанести смертельный вред. Человек рисовал то, что страшно. Он нейтрализовал окружающий его мир в том, что несло ему опасность.

Отсюда родилось искусство.

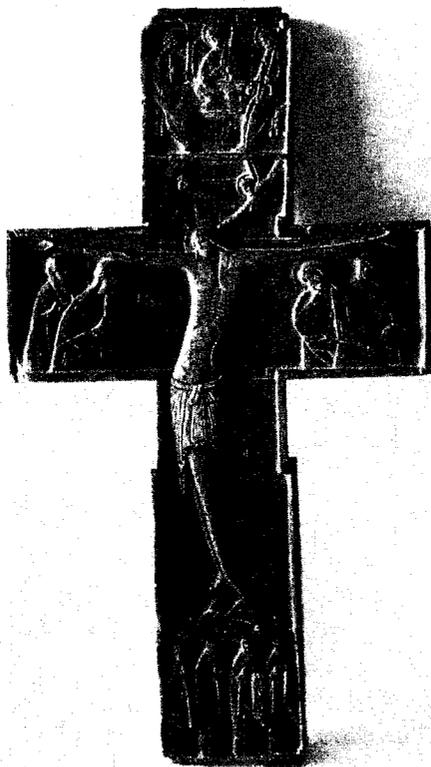
Когда пугало обширное пространство русской равнины, человек ставил на самых высоких местах, на крутых берегах рек и даже среди болот церкви. Церкви населяли обширный мир. Это подавляло страх одиночества. Протяжная песня покоряла пространство. Звон колокола наполнял воздушное пространство. Нос ладьи загибали высоко кверху и вырезали на нем страшлище. Страшное море, страшные волны — надо было и их утратить.

Боялись смерти, безвестности, исчезновения и насыпали курганы. Курганы труднее всего разрушить. Курганы из земли, они бессмертны, как земля. Чтобы разрушить курган, надо его разнести даже не лопатами, а на носилках. Землю лопатой не размечешь: курганы делались большими, и если разрывать курган лопатами, то рядом вырастет другой курган — на расстоянии броска лопатой. Поэтому курган — символ бессмертия, а египетские пирамиды подражают курганам.

А в последующем искусство борется не со смертью, а с бесформенностью и бессодержательностью мира. Искусство вносит в мир упорядоченность. Эта упорядоченность каждый раз различная. Однообразна в безличностном фольклоре, индивидуальна в индивидуальном творчестве, разнообразна в пределах одного личностного творчества: художник в разных творениях может выражать разные идеи, разные стилистические тенденции.

Памятники искусства — это разные «модели», разные попытки внесения системы в бессистемный мир. Человек боится смерти в ее наиболее сложных формах — в «формах» хаоса. Искусство борется даже не с хаосом, ибо и хаос в какой-то мере есть форма существования мира, а с хаотичностью.

*В.Кандинский. Озеро. 1910.
Фрагмент. Москва, Третьяковская галерея*

Резной деревянный крест. Кириллов, Музей

Можно взять и перекопать мир, построить город (город Солнца или что-то подобное). Патриарх Никон острову на Бородаевском озере придал форму креста. Но в основном искусство борется с собственным восприятием мира. Оно стремится ввести восприятие в русло «стиля», понимаемого как единство формы и содержания.

Достоевский боится города, боится человека. Он так ясно видит ужас всего этого, испытывает такой страх перед своим ясным видением человека, что ему трудно обмануть самого себя. Поэтому он меняет мир в своих произведениях «очень мало» («очень мало» — это так кажется ему). Ему нужно уверить самого себя, что мир именно таков, а его видение мира необыкновенно остро, почти что научно (не случайно его творчество совпадает с развитием наук о человеке: психиатрии, психологии; с развитием судебного следствия в реформированных судах, с развитием адвокатуры и прокуратуры, с развитием источниковедения в исторической науке и пр. и пр.). Подобно древнему человеку ему мало нарисовать бизона на стенах своей «пещеры», и человека мало. Ему необходимо изобразить мир таким, чтобы самому поверить в правдивость изображенного, и вот он считает шаги, измеряет путь своих героев, указывает места действия, стремится к топографической точности, стремится иметь прототипы (прототипы не толкают его к изображению, а изображение ищет прототипы, чтобы увериться в своей достоверности: это все равно что отражение в зеркале ищет отраженного).

Но и этот мир не кажется достаточно безопасным. И вот начинается антиреализм — он начинается в импрессионизме с его половиной стога, четвертью Руанского собора, с его уверением зрителя в том, что есть только внешность предмета, но нет самого предмета. Краски уверяют зрителя — нет за ними ничего, есть только мерцание, освещенные плоскости, да плоскостей нет, есть только цвета, пятна — где-то в глазах. Мира нет, человека нет. Это тоже борьба с миром. Также безопасная «модель мира». И совсем уже разрушают мир кубизмы разных толков, абстракционизм и пр., и пр. Возникают антигазеты, антистихи, антитеатр и театр абсурда. Само искусство пугает, как пугает действительность. Где остановиться? Где получить передышку? Где уничтожить смерть? Само уничтожение смерти начинает пугать как действительность.

Если тысячелетиями в древнем мире курган был символом старого искусства, искусства борьбы с временем, то в весь новый период символом нового искусства становится крест. Крест, который ставят на могилах или над церковью. Крест растворяет человека в мире. Его концы направлены во все стороны: вверх, в стороны и вниз — в землю.

Искусство стремится стать крестом, растворяющим, рассеивающим, раздвигающим мир. Крест — символ борьбы со смертью (в христианстве — символ воскресения).

Отдельные сюжеты средневековых скульптур имеют функцию «оберегов»: Вознесение Александра Македонского на грифонах (о характере этого сюжета говорил мне Андре Грабар; такое изображение есть в Сицилии), Три отрока в печи огненной, Семь спящих эфесян, Даниил во рву львином, то же и деисус (Моление за спасение людей на Страшном суде Богоматери и Иоанна Крестителя, или Богослова). Оберегами являются и львы (согласно физиологической саге средневековья, они спят с открытыми глазами). Во всех сюжетах имеется в виду спасение или охранение людей.

Один бенедиктинский монах, показывавший мне остатки романской скульптуры в монастыре в Панонхалме («холм Паннонии»), говорил мне о значении масок (головок) в романских порталах: гротескные — это дьявол, стремящийся не пустить людей в храм. Гротескная маска дьявола в романском портале помещена наверху арки, но несколько сбоку, как бы сдвинута влево: дьявол не может занимать по своей природе центрального положения. Над капителью портала слева — голова ангела, наблюдающего за теми, кто входит в храм. Над капителью справа от входящего — голова ангела, наблюдающего за теми, кто выходит из храма раньше конца службы. Головы ангелов не гротескные. Один улыбается, другой плачет.

Далее. Дьявол стремится подняться по стенам храма, по колоннам вверх и осквернить крест на его главе. Перевязи посередине романских колонн (иногда по форме они сложные) предназначены для того, чтобы нечистая сила, поднимаясь, запуталась и упала вниз. Этой же цели служат и перевязочки в орнаменте. Монастырь не закрывался с XI века: это объяснение — устная традиция.

Сравните в орнаменте храма в Юрьеве-Польском. Черт поднимается снизу по колонкам с желобком (как бы дорога для глупой нечистой силы). Желобок улавливает его и направляет сперва вверх, перевязь задерживает, но если не задержала, колонка с желобком направляется вниз и вдруг обрывается несносным для нечистой силы трилистником (символ божественной Троицы) или двулистником (символ двуединой богочеловеческой природы)

Георгиевский собор 1230-1234; 1471. Юрьев-Польской

Христа). И тут нечистая сила обрывается и падает. Даже поднявшись по хвосту льва, черт встречает ту же ловушку. Бедному черту не проникнуть в церковь и не подняться до креста.

Перекладина креста величайшей святыни Венгрии — короны святого Стефана (делалась в Византии, даровалась папой) не совсем горизонтальна, слегка скошена. Ясно, что это не ошибка и не знак чего-то дурного. Но она должна иметь свое значение.

Я видел эту корону не только на изображениях, но и осенью 1985 года в Будапеште в Национальном музее, где она выставлена для обозрения.

Знаменитые «дыры» в скульптурах Генри Мура могут быть осмыслены по-разному, и сам Мур в разное время различно их объяснял.

Он (Мур) считал, что дыра помогает соединить фас и тыл скульптуры, усиливает ее единство, делает скульптуру существующей в трех измерениях. Дыры могут объясняться как раны, которые он видел в первой мировой войне, как окна через женские (преимущественно) фигуры в мир. Они могут объясняться и как воспоминания о профессии отца-шахтера, вторгавшегося киркой в Мать-Землю. Около женщины с дырой часто дитя: это след того, что ребенок был в ее чреве. Но даже и женщина одна имеет в чреве дыру: напоминание о ее обязанности рожать.

Георгиевский собор. Фрагмент декора. Лев с трилистником

Границы между различными великими стилями всегда нечетки, и великие произведения часто возникают именно в пограничной полосе: примеры тому Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский... и т.д. То же в архитектуре (Ринальди), в живописи (К. Брюллов), в театре и пр., и пр.

Круг, нарисованный от руки, производит впечатление более круглого, чем круг, изображенный циркулем. Потому, может быть, что небольшие неточности заставляют смотрящего активнее относиться к кругу, исправлять круг, энергичнее его воспринимать.

Михай Зичи делал иллюстрации к «Слову о полку Игореве» (литографии, 1853 год). Русские в этих иллюстрациях одеты по-венгерски, а половцы по-турецки (Зичи венгр, долго работавший в России). Поразительный по без-

вкусице этюд М.Зичи второй половины 1870-х годов — «Аутодафе»: сжигают красивую молодую женщину в очень соблазнительном виде (спиной, обнаженная и с «формами»).

Игорь Стравинский даже о современной публике говорил (в «Диалогах»)¹, что она «предпочитает узнавание познаванию». Это согласуется с тем, что он замечает дальше: «Настоящим делом художника и является ремонт старых кораблей. Он (художник) может повторить по-своему лишь то, что уже сказано»². Следовательно, старое отношение к искусству живет даже в современности.

Произведения искусства существуют вне времени. Но для того, чтобы ощутить их вневременность, необходимо понять их исторически. Исторический подход делает произведения искусства вечными, выводит за пределы своей эпохи, делает их понятными и действенными в наше время. Это — на грани парадокса.

Пикассо в интервью Мариусу де Зайас в 1923 году говорил: «Все, что я когда-либо делал, я делал для настоящего и с надеждой, что оно всегда останется настоящим»³.

Все искусства — это одно искусство. Все науки — это одна наука. Поэтому талантливы́й в одном — талантлив и в другом (Микеланджело, Леонардо да Винчи, Ломоносов). Удивительно, что гениальные балерины и художники — прекрасные писатели (Коровин, Карсавина, Петров-Водкин, А.Бенуа и др.).

Б.М.Эйхенбаум в статье «Как сделана «Шинель» Гоголя» пишет, что гротеск требует замкнутости произведения, его отгороженности от остального мира⁴. «Миргород» — фантастический гротескный город, совершенно отгороженный от всего мира».

Но то же в иконе. Мир иконы — мир не похожий на остальной мир. Поэтому икона *вещь* (картина на холсте не вещь, а изображение), она имеет дузгу и поля, ее композиция замкнута и насыщена, нет воздуха, свободного пространства, которое могло бы соединиться с остальным миром.

Здесь действует «закон цельности изображения», типичный для древнерусской литературы.

Некоторые книги, прочитанные мною еще в молодые годы, запали мне в душу, хотя и автор неизвестный и тема иногда странная. Запомнилась мне книга (вернее — брошюрка) какого-то Селиванова «Душа вещей», изданная в начале века где-то в Рязани или другом провинциальном старинном русском городе. Автор утверждает, что вещи имеют душу, волю, привязанности, заставляющие их после многих скитаний по магазинам, перепродаж вернуться в семью их прежних хозяев. Он приводит множество примеров о том, как вещи возвращались.. Имеют ли вещи душу — все-таки остается неясным, но ясно другое: душевное отношение хозяев к семейным креслам, столам, бюро и т.д. Вещи связаны тысячами воспоминаний с их прежними владельцами, с теми, кто ими просто пользовался. Вещи учреждений не менее замечательны в этом отношении, чем вещи семейные.

Но вещи можно любить и за их красоту, за то, что их делали мастера с любовью, тщательно, умно, с выдумкой, а иногда и улыбкой. «Улыбающиеся семейные предметы» — в них что-то бывает диккенсовское, из «Пиквикского клуба» (рассказ старого кресла).

Интересные сведения о красном дереве (mahogany) я прочел в одном английском издании. Оказывается, в XVII веке красное дерево ценили за его чудный запах. Об этом писал в 1672 году Richard Blome в книге «Description of Jamaica» («Описание Ямайки»). Описав разные сорта столярного дерева, он отметил, что в деревянных изделиях можно отметить «many other excellent sweet smellings» («много других превосходных сладостных запахов»). К «красному дереву» принадлежат многие породы деревьев. Вообще, надо сказать, запахи ценились два-три столетия назад больше, чем сейчас: запахи цветов, едва уловимые запахи обработанного дерева и пр. Петр I приказывал сажать в первую очередь душистые цветы, а по дорожкам, вместо того чтобы посыпать их гравием, сажать мяту, которая пахнет, когда по ней ходишь («мнешь ее»). Технические качества красного дерева (прочность, сопротивляемость переменам температуры, возможность делать «sabotole legs» («витые ножки»), изогнутые ручки и пр.) первыми оценили испанцы. Они употребляли его в кораблестроении, а потом в своих домах и в церквях в американских владениях. В Европе красное дерево впервые стали употреблять англичане для маркетри. Ввозили дерево с Ямайки и из Гондураса. Лучшее дерево по крепости и фактуре добывали в горах. Первое по качеству дерево считалось с Ямайки, оттуда ввозилось дерево с начала и до середины XVIII века (точнее до 1780 года), пока его запасы не уменьшились. В XVIII веке дерево ценилось в столярных работах за эстетические качества: во-первых, это дерево экзотическое, во-вторых, хорошо полируется, красива поверхность, цвет, слои (при использовании его для фанеровки), прекрасно годится для резьбы.

В русском военном флоте столяры часто делали мебель из массива. Красное дерево во флоте было относительно доступнее и необходима была в первую очередь прочность. Нашей семье досталось бюро героя Севастопольской обороны адмирала Истомина. Оно стояло у него в каюте. Внизу — три ящика для белья. В средней части — выдвигной письменный столик с ящичками для письменных принадлежностей. Выше — буфет и книжный шкаф. Сверху была раньше решеточка, чтобы не съезжало во время качки или парусного крена что-то, что можно было класть на бюро сверху. Бюро имеет «модные» для пятидесятых годов формы (закругленные углы), но невероятно тяжелое, так как сделано на совесть и из массива. Разумеется, никакого «пламени», достигавшегося при фанеровке красным деревом, в нем нет.

А о «пламени»: самое красивое «пламя» все же в мебели из орехового дерева. Ореховое дерево мягкое, ломкое (а потому редкое), но извивы «второго рокайля» в нем удаются превосходно. Орех — мое любимое столярное дерево в мебели. Это не значит, конечно, что я его собираю или оно у меня есть. Я люблюсь им, главным образом, в санатории Академии наук в «Узком». Там есть удивительное псише, работы фабрики Гамбса в Петербурге, столы и кресла. Боюсь, что и там их век не долгод.

Еще о красном дереве. Испанский флот потерпел поражение у мыса Трафальгар, несмотря на все технические преимущества своих судов. И первое преимущество состояло в том, что он был в основном построен из креп-

чайшего красного дерева, тогда как английские суда — из дуба, а мачты и рей из сосны. Испанцы пользовались огромными запасами красного дерева, росшего на побережье Кубы и нынешнего Гондураса. На испанских верфях Гаваны было построено в XVIII веке около 300 кораблей. На строительство каждого уходило около 3000 деревьев, и около 40 сосен (росших в Мексике) для трехмачтового судна — для рей и мачт.

Самым сильным и самым крупным военным кораблем в Трафальгарской битве был испанский корабль «Сантисима Тринидада» («Святая Троица»), имевший 144 пушки — больше, чем какой-либо другой корабль в битве. Двойные и тройные залпы англичан не смогли потопить судна — пробить его борта из красного дерева, тогда как пушки «Тринидада» пробивали с близкого расстояния дубовые борта английских кораблей толщиной в 1 метр. Команда «Тринидада» имела 1200 матросов и солдат морской пехоты. Команда же флагманского судна адмирала Нельсона — «Виктори» — всего 900 профессиональных моряков.

Почему же английский флот одержал победу над испанским? Главное — потому, что команды английских кораблей были дисциплинированнее и лучше профессионально обучены.

В Эдинбурге в 1967 году мне подарили замечательное воспроизведение картины Модильяни. Я спросил (а я старый типографшик): «На какой печатной машине оно сделано?». Мне ответили — на самой простой, XIX века. Но дело в том, что работали на этой машине настоящие мастера, очень тщательно и медленно, и корректуру цвета вели по подлиннику.

Вильям Блейк назвал Библию «The Great Code of Art»: без Библии нельзя понять большинство сюжетов искусства.

Всем нравится «Медный всадник» Фальконе. Он один на весь город. Но вот оставьте Петербург произведениями Фальконе, пусть даже на разные сюжеты, и не очень много: пять-шесть. Коней Клодта четыре, но это одна группа. А если бы Монферран воздвиг в нашем городе не одну колонну, а пять-шесть в честь разных событий? Нет уж, пусть ставят у нас в городе хорошие скульптуры, самые хорошие, но *разные*. А трижды воздвигнутый одним скульптором Пушкин — да ведь это убийство, еще раз совершенное.

Я всегда считал, что Айвазовский придумывал в море «красивости» или писал море таким, каким оно попросту не могло быть. Но вот в Варне я пошел посмотреть бурю на море рано утром. Солнце вставало, и большие валы катились к берегу, образуя гребешки. Потом разбивались о скалы. И вот, когда волна разбивала гребень, она истончалась и сквозь нее было видно, как через зеленое стекло. Вода походила на уральский камень — оникс. В гребешке сияли бриллианты, которые разносил ветер. И я убедился, что свои «красивости» Айвазовский не придумывал. Единственная фальшь заключалась в том, что эти эффекты могли быть только рано утром или при закате. Он идеализировал море, совмещая несовместимое (внося эффекты, не свойственные времени дня). И в этом уже была большая его фальшь. Но ранние романтические картины Айвазовского хороши, полны настроения.

Написать работу «Эмблематика Древней Руси» (мне или кому-нибудь другому, если у меня не хватит сил).

Просмотреть Радзивиловскую летопись — змея, солнце и пр. — в миниатюрах. В «Слове о полку Игореве»: паполома, синее вино, вдеть ногу в стремя.

Эмблематика Древней Руси и близка, и не совпадает с эмблематикой западноевропейского средневековья, обласканной исследователями и составителями справочников.

Художник пишет пейзаж, натюрморт, портрет: он извлекает из всего этого красоту. Значит, в самой натуре (в природе, в человеке, в растении, в животном и т.д.) есть красота. Иногда эта красота даже не требует «извлечения»: цветы, бабочки, деревья, кристаллы, птицы. Эта красота на самой поверхности.

До какой степени люди в первой половине XIX века «зашифровывали» свои чувства. Вот браслет, изготовленный французским ювелиром около 1820 года. Первые буквы названия каждого из вставленных в него камней составляют слово «Amitié» (дружба): Amethyst (аметист), Malachite (малахит), Iacinth (гиацинт), Turquoise (бирюза), Iacinth (гиацинт), Emerald (изумруд). Тайная любовь? О ней знала только владелица браслета? От кого она могла его получить? Но представляю себе, с какой любовью она носила этот браслет.

Кому-то принадлежит мысль, что образование — враг художественного видения. И действительно, много пропадает, когда мы подумаем, что скрывается за пределами видимого: кости, мозг, сосуды, сухожилия и пр. И то же в отношении всех предметов и объектов природы. Но ведь для того чтобы хорошо работать живописцу, надо знать анатомию. Если не знать анатомию лошади, то и создаются такие «конные памятники», какой поставлен в Новгороде в честь его освобождения. Значит, художник должен не только видеть, но и знать. Взыскательный зритель — тоже, но — забывать о своих знаниях в момент созерцания.

А вместе с тем знание прямым образом способствует эстетическому восприятию: знание мифологии, знание истории, стилей, биографий творцов, истории создания того или иного произведения, жизни произведения после своего создания и т.д. Роль знаний и самый тип знаний в разные эпохи различен. В средние века и после до сегодняшнего дня (у профессиональных искусствоведов) огромную роль играет знание «священной истории» (Библии, истории церкви). Начиная с эпохи Возрождения и в основном по первую половину XIX века необходимо было знание античной мифологии. Для буддистов — знание буддистской. Даже для восприятия произведений искусства примитивных народов необходимо было знание их мифов, их религии. Сейчас, в эпоху реализма, для восприятия произведений искусства большинство зрителей, слушателей и читателей ограничивается элементарными знаниями психологии, а при восприятии абстрактного искусства не нуждается и в этом. Ни в чем не нуждается...

Марк Ротко утверждает: «Только искусство может сделать переносимыми ужас и абсурдность бытия». Это крайне пессимистическое утверждение имеет, однако, некоторый смысл, во-первых, когда речь идет о происхождении искус-

ства и, во-вторых, когда имеется в виду, что искусство вносит порядок в хаотичность наших представлений о действительности. В самом деле, представления человека о мире должны упорядочиваться, приобретать некоторую систему. Человек вносит искусство в действительность, организует ее.

Народное искусство.

Народное искусство наиболее близко к человеку, ибо оно хоровое, рабочее (его держит человек в руке), одевающее его, окружающее его (в избе, например), действующее вместе с ним... Оно насквозь прикладное.

Народное искусство поражает двумя особенностями (наряду с другими): всеохватностью и единством. «Всеохватность» — это пронизанность всего, что выходит из рук и уст человека, художественным началом. Единство — это прежде всего единство стиля, народного вкуса. В едином стиле и дом, и все, что в доме, и все, что сделано человеком вокруг дома, все, что творится им изустно. Обе эти особенности объясняются тем, что искусство во всех его формах подчинено как высшему началу стабильному укладу жизни. Все праздники, все обычаи, все правила поведения создают единое искусство. Каждый предмет, каждая песня, выхваченная из обряда и быта, теряет наполовину значимость и красоту.

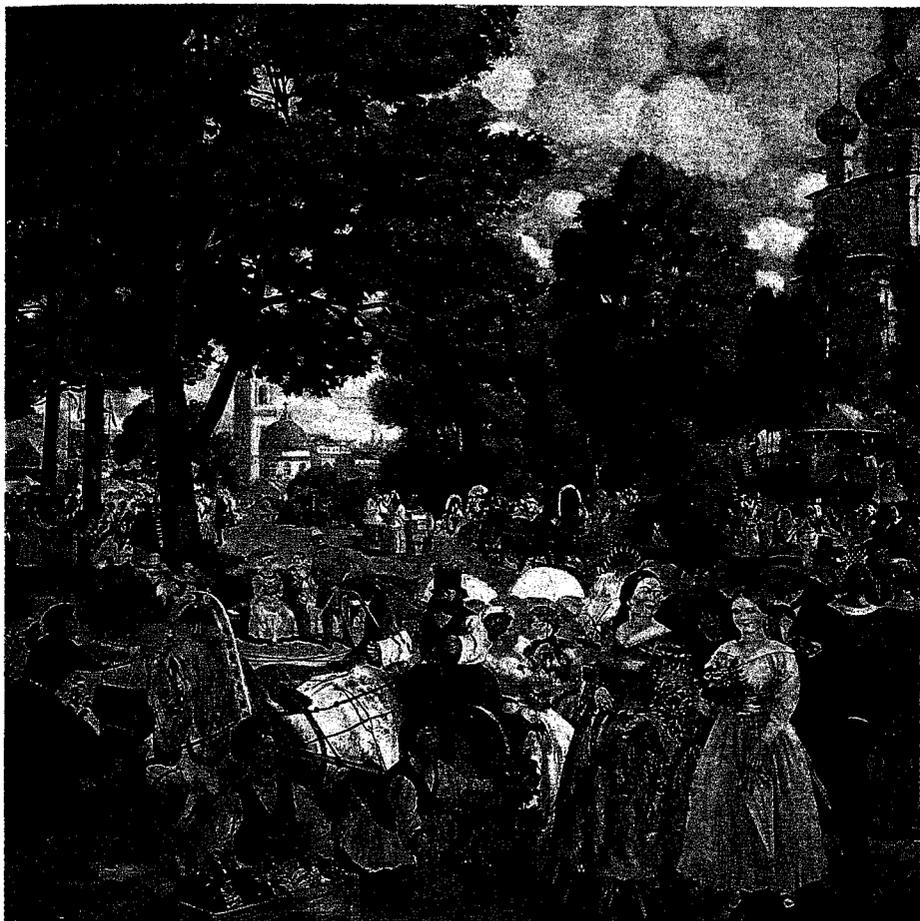
Но столь активный быт, столь единый обиход, командующий искусством, возможен только в обществе, живущем единой жизнью, то есть крестьянской среде, где всем в конечном счете владеет природа, устанавливающая годовые праздники, календарный быт.

Обычаи и обряды наиболее сильно выражаются в праздниках. Народное искусство связано с обиходом и обрядом. Вот почему оно одновременно и празднично. Фольклор вещевой, словесный и музыкальный — это праздничное обряжение жизни.

В Саратовском художественном музее имени Радищева есть картина Кустодиева «Троицын день». Что день на этой картине изображен праздничный — это видно сразу. Но почему Троицын день? Чинно идет купеческая семья. Впереди мать семейства с дочерью лет 18-ти. Тут же стараются передать им цветы молодые люди, заглядывающиеся на девушку. Вдали на скамейке сидит дама, может быть, купчиха, а рядом пожилая женщина в платке, из простых. Перед ними стоит с тросточкой, вероятно, муж дамы и прислушивается к разговору.

А вот что рассказывала мне мать. В Троицын день бывал обычно показ невест. Купеческие семьи с дочерьми (в Петербурге это бывало в Летнем саду) прогуливались по центральной аллее. Женихи стояли по бокам аллеи и высматривали невест. Тут же сновали свахи, которые объясняли — за какую невесту сколько и что дают в приданое. Именно этот показ купеческих невест, но в провинциальном городе, изобразил Кустодиев в своей удивительно праздничной картине.

Традиционность народного искусства в значительной мере объясняется тем, что художественная систематизация впечатлений совершается вся в одном стиле, одними и теми же привычными способами. Поэтому-то крестьянин подчиняет все в своей избе и вне ее одной манере, одному художествен-

Б.М.Кустодиев. Троицын день. 1920. Саратов, Художественный музей им. А.Н. Радищева

ному методу. Его искусство не знает колебаний. Смелость традиции позволяет крестьянину художественно едино создавать прялку, ложку, конек избы, сани, солонку, соху, одежду и т.д. — все бытовые предметы. Все в той или иной округе, все вещи созданы как бы одним мастером. Индивидуальное сказывается еще мало. И при этом нет безвкусицы, нет произведений антихудожественных. Правда, художественность народных произведений то выше, то ниже, но нет безобразных.

Художественный стиль в народном искусстве всегда один в данной местности, у данного населения. Все воспринимается и изображается в одном стилистическом ключе.

Прогресс в искусстве состоит в том, что появляется много различных способов художественного восприятия действительности. Человек постепенно овладевает способностью «видеть» и «слышать», а соответственно и творить в двух или даже нескольких стилистических системах.

Французский классицизм существует рядом с барокко в одной стране и в одно время. Индивидуальное начало растет постепенно (оно всегда есть, конечно, но занимает второе место в стилистической системе). В роман-

тизме индивидуальное начало приобретает уже значение определяющего в стиле, а вместе с тем появляется и интерес к стилям другого времени и других стран. Недаром в романтизме такое важное место занимает обращение к национальным и историческим стилям — к готике, к китайщине, к турецким и арабским особенностям искусства и к народному искусству во всех сферах. Романтик ищет себя среди многообразия стилистических восприятий мира. Он понимает, что мир можно художественно организовать по-разному, в разных «вкусах». И уже в этот период появляется (что отнюдь не случайно) наряду с разными вкусами и безвкусица. Безвкусица XIX и XX веков — это контрастование хаоса, хаоса, притворяющегося искусством, хаоса, организованного хаотически (пусть меня простят за такую бестолковщину в словах), то есть ложно организованного, а по существу остающегося хаосом, но хаосом, обретшим агрессивность и благодаря этому способным сопротивляться попыткам его организовать стилистически. Безвкусица — это не просто отсутствие вкуса, а нечто несущее в себе сопротивление вкусу.

В самом деле. Шум моря, шум леса, даже уличный шум можно организовать музыкально (ср. «Вечера в Вене» Листа), но шум оркестра, фальшиво пытающегося исполнить музыкальное произведение, уже невозможно преобразовать в нечто художественное, если только не заставить оркестр верно исполнить произведение, вернуться к правильному исполнению. Поэтому безвкусица — это хаос, приобретший броню против искусства.

Поскольку появилась опасность ухода от искусства в безвкусицу, в антиискусство, эту опасность стала предотвращать критика. Появилась критика и все виды искусствознания. Это самозащита искусства. Народное искусство в свое время в такой самозащите не нуждалось.

Великие читатели, слушатели, зрители — есть. Это великие критики — критики-литературоведы, искусствоведы, музыковеды. Они руководят массами.

Поразительно, что развитию реализма, широко допускающего индивидуальные стили, индивидуальную инициативу в создании собственных стилей, сопутствует развитие критики. Критика возникает тогда, когда с широчайшими творческими возможностями творца появляется одновременно и опасность творческого произвола, когда различные «измы», к добру или к худу, заполняют собой творческое поле эпохи. Критика — регулятор искусства. Она становится необходимой, без нее невозможно освобождение искусства от лжеискусства.

Единый стиль народного искусства держал его в узде и не допускал промахов. Но это же единство свидетельствовало о недостаточной гибкости эстетического сознания. Воспринимая произведения искусства, человек не мог легко переходить от одного стиля к другому. Легкость, с которой эстетическое сознание нового времени может переходить от одного стиля к другому, воспринимать индивидуальные и национальные отклонения, — свидетельство прогресса в искусстве. Это величайшее достижение многовекового развития художественного творчества. Но одновременно — как легко обмануться, приняв за серьезное нечто совершенно незначительное или фальшивое!

Массовость современная, где смешиваются многие индивидуальности, творческие и нетворческие, требует постоянного контроля критикой, но и

сама критика подчиняется контролю саморегулировки — иначе и она идет по ложному следу — либо по следу лжеавангардизма, либо по следу огульного отрицания всего нового только потому, что оно новое. Но без нового не обходилось в прошлом и сугубо традиционное искусство, ибо традиция только тогда традиция, когда она сама передвигается во времени — не только сохраняет, но и делает традиционное применимым в новой исторической обстановке. Традиция — это не просто *перенесение* старого в новое, это и приспособление старого к новому, то есть обновление старого.

Что такое для меня балет? Прежде всего танец. Не пантомима, не пластические упражнения, не «живые картины», не «художественная гимнастика»! И праздник! Поэтому я не люблю нового балета. Не люблю балета на реалистические сюжеты. Сюжетами для балетов всегда брались — сказки, легенды; всегда прошлое — не современное: «Жизель», «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Эсмеральда», «Корсар», «Щелкунчик», «Конек-Горбунок» и т.д. И еще музыка в балете для танца, а танец вовсе не должен пояснять и интерпретировать музыку. Поэтому танцы на классические музыкальные произведения представляются мне верхом безвкусицы. Музыка есть музыка, и ее нельзя переводить в какие-то зрительные образы.

В годы своего студенчества я часто посещал Филармонию и встречался с И.И.Соллертинским. Однажды мой знакомый сказал при Соллертинском, что он видит в исполнявшемся новом музыкальном произведении «шаг верблюдов». Соллертинский поднял его на смех и часто называл такое «видение» музыки «верблюжачьим».

И вот теперь мне хочется повторить слова, принадлежащие прекрасной балерине К.М.Тер-Степановой: «С болью в сердце сознаешь, что балет Мариинского театра, являвшийся всегда гордостью и славой русского искусства, эталоном, образцом, на который равнялись коллективы страны и мира, свой авторитет постепенно утрачивает». В том же письме ко мне К.М.Тер-Степанова писала: «Незачем перечислять балеты, родившиеся именно на нашей сцене и ставшие классикой русского, а затем и советского балетного искусства. Последние же примеры (письмо писано в 1982 году) — отнюдь не академического качества. И это не случайно. Что касается балета «Ревизор» (балетмейстер О.Виноградов), то если к оценке этого спектакля, с его достоинствами и недостатками, подходить с точки зрения спектакля хореографического, то он просто не выдерживает критики. Говорить о новаторстве тоже не приходится, — подобное, только более талантливое, уже было и прижилось (к сожалению) на нашей сцене. И совсем не обязательно быть артистом балета Мариинского театра, кончившим Хореографическое училище, тем более петербургское, чтобы исполнять этот спектакль», состоящий, добавлю, главным образом из синхронных гимнастических упражнений.

Если бы только новые приемы подобного рода хореографии ограничивались новыми постановками! Но идет постепенный пересмотр классического балетного наследия. Нет сознания, что произведения балетного искусства также должны охраняться законом об охране памятников. «Жизель», бывшая для всего мира эталоном хореографии и исполнительства, безжалостно испорчена. В своем письме К.М.Тер-Степанова напоминает слова Ю.Слонимского: «Мы должны быть бдительны, не позволяя «улучшать» шедевры клас-

сического наследия». И это задача прежде всего Академического Кировского театра. Опыты и эксперименты могут производиться в таких балетных коллективах, как «Хореографические миниатюры», «Ансамбль балета», «Мюзикхолл» и пр. «Высокий профессионализм, академичность, чувство меры, стиль, благородство, тонкость, культура исполнения, актерская глубина всегда являлись отличительными чертами ленинградской манеры исполнения. Немало случаев, когда даже Большой театр пополнял свои ряды лучшими представителями ленинградской школы», — пишет К.М.Тер-Степанова.

Хочется провести одну возможную аналогию. В городах всего мира основная задача главного архитектора города состоит не в том, чтобы строить больше других, а сдерживать архитекторов, сохранять лицо города. В балетном театре нужно также различать функции художественного руководителя (главного балетмейстера) и балетмейстеров-постановщиков. Задача первого — сохранять классическое наследие, «художественную форму» театра, задача других — обогащать театр новыми постановками. Главный балетмейстер не должен быть главным постановщиком и переделывателем классических спектаклей.

Вахтангов говорил: «хорошо сохранившийся труп» — о дурных, застарелых традициях. Однако классический балет — не традиция этого типа. Ее нельзя менять, обновлять. Это особого рода искусство — как, скажем, в изобразительном искусстве есть живопись маслом, но есть и графика. Классический балет не заменим новыми приемами пластики. Его можно отменить приказом, но нельзя обновить — как, скажем, графику масляной живописью.

Ужасной пошлостью веет от балетов, да и вообще от спектаклей, где выводится Пушкин и Наталья Николаевна.

Лев Толстой, не признававший театр и пародийно изобразивший театральное представление, вдруг увидел бы «Анну Каренину», поставленную как балет. Танцующая Анна! Да разве это Анна? Ведь смотреть это все может только человек, совершенно не знающий о том, как должна была бы вести себя Анна! Ведь изящество и аристократическая элегантность Анны ничего общего не имеют с балетными.

Единственная область искусства, где модернизм кажется мне невозможным, — это балет. Он весь традиционен. Утрата традиционности и условности формы — ведет к гибели балета как искусства. Балет станет зрелищем вроде фигурного плавания, ревью, цирковых выходов, только хуже.

«Ревизор» без слов — все равно, что Рембрандт без красок (о балете «Ревизор»).

В 1964 году я шел в Белграде с профессором Радованом Лаличем. Лалич с далекого расстояния указал мне на одну прохожую и сказал: «Вот идет петербургская дама». Я спросил: «Вы ее знаете?» «Нет, но видно по тому, как она держится». О петербургских дамах я прочел в мемуарах Вадима Андреева «Отец». О них есть стихи: кажется, Озупа. Я искал объяснения и, кажется, нашел его: петербургский балет! Мариинский балет был в центре петербургской культурной жизни. Вокруг него объединялись художники (Головин,

Коровин, Бакст и в первую очередь Александр Бенуа), музыканты, просто интеллигенция (Карсавина была сестрой великого русского историка культуры и философа Л.П.Карсавина). Дягилевские антрепризы завоевывали мир. Но, самое главное, балет учил людей культуре движения, культуре тела, неразрывной с культурой духа. В школах Петербурга (не только в институтах благородных девиц) преподаватели следили, как держаться. Девочки порой гуляли в переменах, держа за спиной вертикально гимнастические палки. Девочек в последних классах отучивали (порой высмеивали) от вульгарных движений, от выхлания бедрами. Учили не только нож держать в правой руке, а вилку в левой...

Да, наконец, от балета шло и другое, самое важное, — уважение к даме. Балетный образ женщины, женщины — предмета поклонения мужчины, — шел от классического балета. И это независимо от того, как балерина держала себя в жизни. Женщина в классическом балете — центр. Мужчина, танцор — поклонник женщины. И именно это основа классического балета, балета Мариинского театра. Отсюда умение петербургских дам держать себя со скромным достоинством. Сейчас балет (а вернее танцевальное «шоу») — это швыряние женщины, а женщины на мужчину... Балетный футбол. Откровенность, недостойная человека. В одном из балетов Бежара мужчины изображают действие... в туалете.

Кстати, раз речь зашла о балете, имя Мариус имеет ударение на последнем слогe. Мариус, а не Мариус Петипа. Он же француз. Знакомая моих родителей дочь Петипа была Мария Мариусовна. Я помню.

Анна Павлова редко делала больше 2—3-х пируэтов. Ее искусство было не в технике; не в том, что она делала, а как.

С исполнением созданного для нее в 1905 году Михаилом Фокиным «Умиряющего Лебедя» была связана ее мировая слава. А ведь танец этот очень несложный: *pas de bougee* и плавное движение рук. Но как она его исполняла. Она гастролировала в 44 странах, проделала 350 000 миль, выступала перед публикой, которая часто перед тем ни разу не видела балета. Она умерла 23 января 1931 года, прошептав перед смертью: «Приготовьте мне одеяние Лебедя».

Мне всегда очень нравилась картина Ребёрна «The Rev. Robert Walker Skating» («Преосвященный Роберт Уолкер, катающийся на коньках»). В Национальной галерее в Эдинбурге я видел ее «в натуре». Дело не в живописных достоинствах этой картины (они есть), а в достоинствах конькобежного стиля, чистое катание на коньках. Почтенный пастор (ему, вероятно, под пятьдесят) степенно, свободно и с удовольствием скользит по свободному льду. И судя по следам на льду — кружится. Прекрасно!

И насколько это отличается от современных танцев на льду, от пошлейших «цыганских» страстей их постановщиков. Безвкусица — что-то от мюзик-холла, что-то от балета, что-то от «системы Станиславского», ненужная эмоциональность и изобразительность. А здесь — чистое наслаждение движением. Должно быть, его катание на коньках было очень красивым, пастор движется с достоинством в обыкновенной пасторской одежде, и в его движениях нет ничего, привходящего извне — от других искусств, представлений. И никаких эффектов.

Иконы предназначались не для ярко освещенных ровным светом музейных залов, а для полутьмы соборов, где они были освещены мерцающим светом свечей и лампад. Об этом хорошо сказано в статье И.Е. Даниловой «Андрей Рублев в русской и зарубежной искусствоведческой литературе»⁵. К этому следует добавить: именно потому в них было столько золота и такие оклады. Золотой фон в рублевской иконе «Троицы» был ошибочно убран реставраторами. Это уже понимают и сами реставраторы, тем не менее стремящиеся убрать с икон басму, а именно басма оживляет своим мерцанием при свете лампад и свечей иконы. Иконы жили отражением света, лики икон были неподвижны: они «вечны», а нимбы и фоны — живы, подвижны. Лики икон как бы царственно плывут в этом мерцании.

О «Троице» Рублева. Самопогружение личности в индивидуальные переживания не было в конце XIV — начале XV века уходом от сопереживаний с другими людьми: от чувства сострадания, от чувства материнства, отцовства, чувства ответственности за грехи других людей. Символ этой «соборной индивидуализации» — икона «Троица». Все три ангела погружены в свои собственные мысли, но находятся между собой в гармоническом согласии. И мы верим, что их «безмолвная беседа», согласие между собой знаменуют истинное единение. Они думают одну думу. Поэтому индивидуализация в высшем своем проявлении не есть отход от человеческой культуры, а есть высшая форма проявления культуры человечества.

Мне кто-то рассказывал: когда Рахманинова спросили, «что главное в искусстве», он ответил: «В искусстве не должно быть главного».

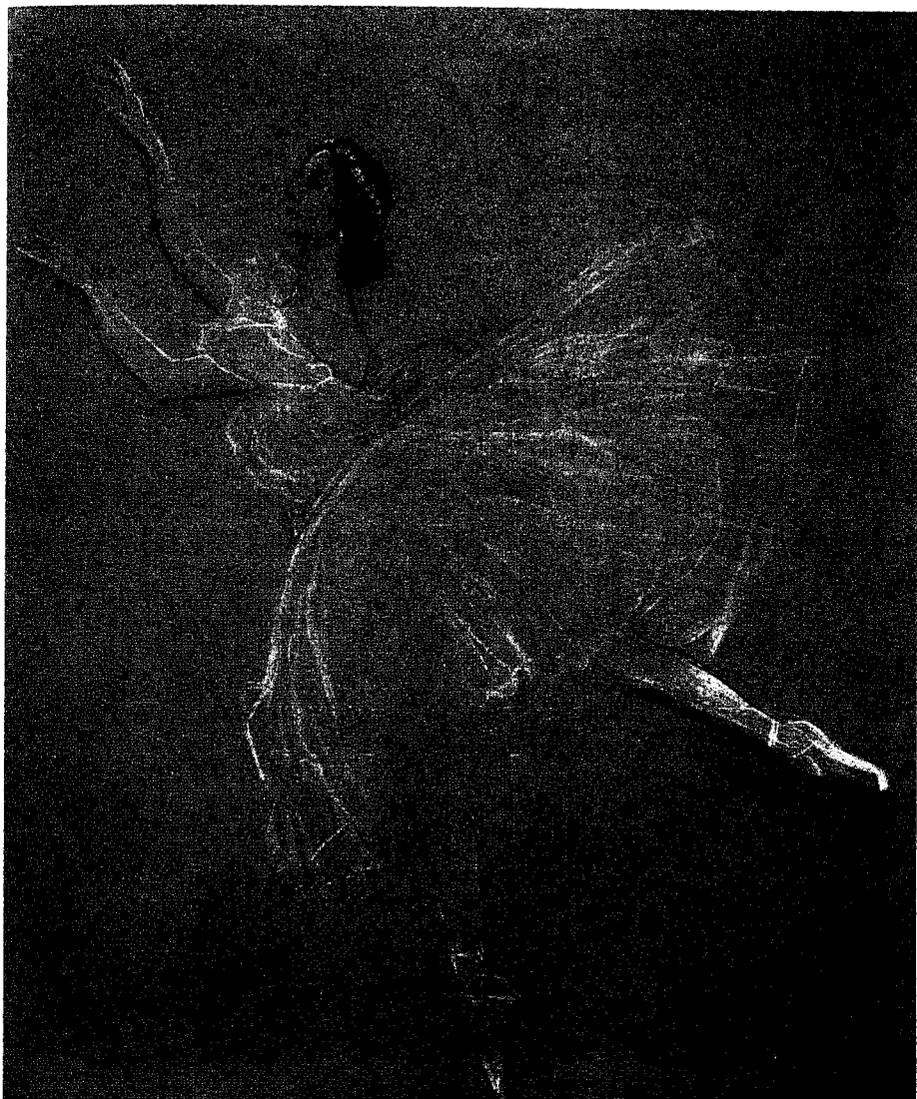
Синтез не может быть сделан в исторических работах коллективно. «Мадонна Альба» не может быть написана совместно. «Дальтон план», провалившийся в педагогической практике, в практике научных институтов по общественным дисциплинам остается.

Популярный полководец, полководец, оваянный славой и восторгом, — явление частое. Но бывает ли овеян любовью, популярностью и славой генеральный штаб? Популярный лидер парламента — обычно, а сам парламента? Что было лучшим для церкви — ее патриарший период или синодальный?

Если бы «Мадонну Альбу» писал не Рафаэль, а группа художников, пусть даже самых лучших, того поразительного единства и гармонии в «Мадонне» наверное бы не было.

Возможно ли, чтобы группа писателей создала «Братьев Карамазовых» или «Идиота»? Произведения Козьмы Пруткина, принадлежащие группе поэтов, удались потому, что они шуточные. Смеяться всегда лучше в компании, чем в одиночестве. Смеющийся в одиночестве — всегда чужак, и это потому, что смеховой мир — мир перевернутый.

Хор должен иметь хормейстера, оркестр — дирижера. Из «Персимфанса» (оркестра без дирижера в начале 20-х годов) ничего не получилось.

В.А.Серов. Анна Павлова. 1909. С.-Петербург, Русский музей

Каким бы большим ни был Институт философии Академии наук, он никогда не заменит одного Канта или одного Гегеля.

Лучшая конституция, конституция, просуществовавшая наиболее длительное время, написана в основном одним человеком — Джорджем Вашингтоном.

Дега сказал: «Только тогда, когда художник перестает знать, что он делает, — он способен создать истинные ценности». А Пикассо говорил: «Тот, кто пытается объяснить картины, как правило, совершенно ошибается». А кто-то из художников ответил на вопрос — работает ли он: «Я цвету».

Атрибутировать произведение удобнее всего по второстепенным деталям. Уши, например, даже великие художники часто пишут всегда для себя одинаково.

Память и история играют тем большую роль, чем выше организация явления. В «мертвой» природе есть явления, вызываемые памятью, а есть и «беспамятные». Так, падение тела является результатом его мгновенного состояния: тело упало, потому что под ним раскрылось пространство. Но если мы сожжем бумагу, расправим и снова сожжем, то бумага вторично сожмется частично по прежним сгибам: в бумаге уже оказалась «память». То же в химической реакции — прошлое как бы стерто или едва заметно. Но в живом организме прошлое играет уже огромную роль, и эта роль учитывается в теориях мутаций, селекций, в генетике. Память, прошлый опыт определяют «поведение» растений, животных. Но культура — это по преимуществу память (хотя и не только память).

В направлениях авангарда характерны попытки освободиться от памяти, от прошлого. Однако чтобы освободиться от одной памяти, всем направлениям авангарда необходимо опереться на «другую память» — не ту, что господствует, но все же именно на память. Кандинский просил, чтобы ему в Мюнхен присылали лубочные издания. Гончарова и Ларионов опирались на народную икону. Пикассо очень часто менял опоры для своего творчества: то испанские мастера, то Брак, то античность. Марк Шагал исходил из народного еврейского и белорусского искусства и оставался верен своему Витебску до конца жизни. Велимир Хлебников находил опору в древнецерковнославянских текстах. Даже когда Пуни и Анненков устраивали свои озорные выставки, они исходили из традиций куоккальских шалостей (Куоккала — местность под Петербургом, где жило много художественной интеллигенции, теперь Репино).

В культурной жизни нельзя уйти от памяти, как нельзя уйти от самого себя. Важно только, чтобы то, что культура держит в памяти, было достойно ее.

Готику перестали понимать в эпоху Ренессанса. Рафаэль в докладе папе Льву X о своем путешествии во Францию назвал готику архитектурой варваров — готов, «готической». Это название закрепил в своем труде Джорджо Вазари. Жан-Жак Руссо писал: «Порталы наших готических церквей высятся позором и для тех, кто имел терпение их строить». Открыли значительность готики Виктор Гюго и Виолле-ле-Дюк.

Искусство — это огромная литота (поэтический троп умаления), так как сущность искусства в том, чтобы недоговаривать и заставлять людей догадываться о целом, а затем восхищаться (внутренне) этим целым как своей догадкой (сложно выражено? но зато коротко).

Тонкое наблюдение Н.А.Деминой о жестах на древнерусских иконах: «сдержанный и церемониальный» — до XVI века, «бытовой» в XVI веке, «танцевально изящный» в XVII веке.

Немногие знают: Карл-Теодор-Казимир Мейерхольд имя Всеволод принял в честь Гаршина! Почему Гаршина? Отец Всеволода Мейерхольда с удовольствием вспоминал «немецкую землю» — свидетельствует Николай Волков в монографии «Мейерхольд», — и держал на письменном столе портрет Бисмарка с личным автографом «железного канцлера». Перешел в русское подданство Мейерхольд только поступая в университет (это было надо). Немецкое происхождение Мейерхольда не делает его менее русским, не разрывает его связи с русским театром.

Удивительные контрасты в театральной жизни. «Кривое зеркало» помещалось в старинном уютном и аристократическом особняке Феликса Юсупова с 1907 по 1917 год. Там, кстати, была поставлена «Вампука, невеста африканская» — «образцовая опера» в 2-х актах, сочиненная Вл.Эренбергом на либретто князя М.Н.Волконского. Затем «Кривое зеркало» переехало в Екатеринбургский театр.

Многое вышло из «капустников» Художественного театра. Н.Ф.Балиев был конферансье на этих капустниках, а затем основал «Летучую мышь» (у храма Христа Спасителя в известном доме Перцова). Реалистические постановки МХАТа не только притягивали, но и отталкивали — даже артистов самого МХАТа, которые искали отдушины в своих «капустниках».

Очень трудно определить механику комического. Им в высокой степени должен обладать режиссер, постановщик комических спектаклей. В постановке Фокиным «Золотого петушка», выдержанной в лубочном стиле, войска Додона, отправляясь в поход, сперва патетически маршируют, а затем внезапно продолжают свой путь вприсядку, уходя со сцены под громовой хохот зрительного зала. Балет был поставлен Фокиным в 1914 году. Шемаханскую царицу исполняла Тамара Карсавина.

В гимназии и реальном училище К.И.Мая, где я учился в 1915—1918 годах, был замечательный преподаватель рисования — М.Г.Горохов. Он великолепно научил нас перспективе — как своего рода разделу геометрии. Когда родители перевели меня в школу Лентовской на Петроградской стороне, преподавателем рисования стал у нас Павел Николаевич Андреев — брат писателя Леонида Андреева. Его методика преподавания была совсем другой. В классе, где стояли большие столы, он раздал нам огромные куски обоев и на обратной белой стороне их предложил писать толстыми кистями «вольные композиции»: зиму, лето, весну, осень. Не помню — какое время года выбрал я, но отчетливо помню, как он подошел ко мне и сказал: «Ну вот — небо непременно синее! А Вы (к ученикам в то время обращались уважительно) попробуйте нарисовать его светло-зеленым, светло-розовым. Ведь и снег не бывает чисто-белым». Я закрасил небо светло-зеленой краской, и только тут я впервые прикоснулся к тому — что такое живопись.

Аристотель утверждает, что учиться рисовать нужно не для того, чтобы стать художником, а чтобы понять искусство⁶. Эту мысль приводит М.В.Алпатов. И это существенно для средней школы. То же можно сказать об уроках музыки. Но это значит, что преподавать должны люди со специальным образованием и высокой культурой.

Преподавание в средней школе рисования и музыки прибавит в каждом окончившем школу «возможности счастья».

Когда настоящий художник создает произведение искусства, он охватывает сразу множество деталей; он видит на столе «сразу» не пять и не шесть, а десятки зерен. Это творческое озарение. Так писал Достоевский, и в этом убеждают его черновики к «Идиоту». Он примеривался, менял ситуации, характеры действующих лиц, пока не сделал главное лицо романа князя Мышкина из отрицательного персонажа (вроде Ставрогина) положительно-пре-

красным. И тогда, как в перенасыщенном растворе соли, все выстроилось, приобрело кристаллическую структуру.

Именно так творит гений — он держит в уме все компоненты будущего произведения, и творение вдруг выходит из-под его власти и «выпадает» прекраснейшим кристаллом.

Фотография и живопись. С появлением фотографии последняя стала воздействовать на живопись — прежде всего на портретную. Можно было бы проследить это воздействие, допустим, на Крамском. Но вот что удивительно. Michael Bartram в своей книге «The Pre-Raphaelite Camera. Aspects of Victorian Photography» (книга вышла во второй половине 80-х гг. нашего века) приводит два снимка: снимок с картины Д.-Г.Россетти и фотография. Композиции очень похожи. Нет сомнения, что одно из созданий (фотограф или художника) повлияло на другое. Но какое было первопечатным?

У Земли, у Вселенной есть своя скорбь, свое горе. Но плачет Земля не слезами — пьяницами, уродами, недоразвитыми детьми, неухоженными, покинутыми стариками, калеками, больными... И еще плачет она без толку вырубленными лесами, обвалами берегов в переполненных слезами Земли водохранилищах, затопленными угодьями, лугами, переставшими лелеять на себе стада и служить человеку сенокосами, асфальтовыми дворами с вонючими баками, между которыми играют дети. Стыдливо заволакивают Землю желтые «производственные» дымки, кислые дожди, навеки скрывается все живое, занесенное в красные похоронные книги. Становится Земля жалкой «биосферой».

Ищут нетронутых уголков земли жалостливые живописцы. Но на смену им приходят более строгие и более стойкие фотографы. Там, где не выдерживают нервы художников, там выдерживают фотографы и их аппараты.

Фотографы-обличители — наша совесть. И хирурги!

Нужно запоминать, видеть, жалеть и размышлять. «Красивыми» и «счастливыми» их снимки быть не могут. Они, как призывы совести, если и облекутся в красивую форму, — станут неизбежно лицемерными и «успокаивающими». Эти фотографии огорчают людей, но все же в них есть своя, особая красота. Только она глубоко спрятана: она в душах фотографов, в их отзывчивости, в их волнении. В них живет вера в мужество зрителей, вернее, их «читателей», ибо фотографии эти должны не рассматриваться, а прочитываться.

Таким внутренне красивым фотографом-художником является литовский страдалец за детей В.Шонта, посвятивший свои работы умственно отсталым и физически недоразвитым детям. Сравнить его можно только с Альбертом Швейцером. Сколько выстрадал сам В.Шонта, когда снимал?..

Изобразительное искусство (и живопись, и графика) — это целый мир самых различных искусств. В одних искусствах — самое главное сюжет, в других — один из видов формы (цвет — решения различные, композиция — различные, рисунки — различные). Необходимо понимать все искусства, не останавливаясь на одном каком-либо «любимом»; тем более нельзя выделять одного «любимого художника».

Я поражаюсь искусству Матисса-рисовальщика, но не мог проникнуть в тайну его мастерства. В чем завораживающая сила его рисунков? Я взял лист тонкой бумаги и стал переводить воспроизведения его рисунков (обводить линии). И тут я поразился движению руки Матисса — спокойной, уверенной, смелой, абсолютно естественной (академически естественной).

Кто-то из известных западных живописцев, посмотрев портреты Налбандяна, сказал: «Зачем ему эти краски?». Просто ему нужны баночки с красками, на которых должны быть этикетки: «для мундира», «для пуговиц», «для лица», «для неба» и т.д.

Живопись в основном — это поиски цвета, цвета, который в обычных условиях не видит зритель. И поиски композиции, поиски линий, но цвета — в первую очередь.

Стремление воспринимать мир в определенном стиле, которое было особенно характерно для ранних периодов развития искусства, подчинить все впечатления от человеческой деятельности и от деятельности природы определенному стилю — другая сторона, вернее, другой способ целостного отношения к мирозданию, но, разумеется, с некоторыми упрощениями.

Ученик Малевича В.В.Стерлигов придавал большое значение первому прикосновению художника к холсту, к бумаге: первому мазку, первому штриху. В науке, в формировании ученого огромное значение имеет его первая печатная работа.

Искусствоведы мыслят аналогиями, когда у них нет глубоких идей.

Современные искусствоведы часто говорят, что рублевская икона «Ветхозаветной Троицы» — символ единения Руси. И это имеет под собой реальные основания: в «Житии Сергия Радонежского» говорится, что Троицкий монастырь и Троица — символы единения. Какого «единения»? На это находим ответ в том же «Житии», где говорится о «ненавистном разделении мира» Руси.

Четыре конных группы барона Клодта на Аничковом мосту так нравились, что они были повторены (повторно отлиты) для Неаполитанского дворца и установлены там в 1846 году. Они были отлиты также для Берлина и еще раз для Старопетергофского Бабигона. Но нигде они не смотрятся так, как на Аничковом мосту. В других местах они заунывны.

Человеческое внимание избирательно. Человек замечает то, что ему нужно. Он не «слышит» тех звуков, которые ему не нужны, не имеют для него непосредственного значения: шум улицы, если он однообразен, шум мотора. Он «услышит» лишь прекращение шума мотора, и то, если он автомобилист: прекращение привычного шума мотора несет в себе опасность — и он его уловил. Мой отец был специалист по типографским машинам, работал в типографии им. Евгении Соколовой (когда-то это была знаменитая типография Маркса). Однажды, вспоминал А.А.Коссой, отец играл в шашки в столо-

вой типографии и услышал через наборный цех, что в печатной машине неполадка.

Внимание человека улавливает значимое и не улавливает обычное. Но особенно замечается то, что таит в себе опасность, сигнализирует об опасности.

Восприятие художественных произведений тоже избирательно, особенно на первых этапах существования искусства.

Массовое искусство (и массовая литература, разумеется, массовая музыка) — понятие темное и неясное. Массовость сама по себе может быть присутствующей и истинному искусству. Массовость — это распространенность. А почему не быть распространенным и настоящему искусству (например, народному)?

Вчера (24 июня 1973 года) был на «Принцессе Турандот» (гастроли театра им. Вахтангова) в зале Дворца имени Ленсовета на Кировском проспекте. Никакого впечатления. А когда-то в том же зале (он назывался «Дворец культуры Промкооперации») я видел тот же спектакль — и это было самое большое впечатление в моей жизни от театрального представления. Это было в 20-е годы. И дело не в актерах. Сейчас это сплошная буффонада. А в 20-е годы две главные роли исполняли «всерьез». Великолепное чтение стихов. Никаких шуток и принцессы и принца. В этом все дело. Их любовь имела трогательность и жизненность, искренность, несмотря на буффонность окружающей игры, обстановки, пошлых шуток. Трогательность при окружающем смехе. А сейчас? Зачем смех в смешном. Сейчас представление утомляет однообразием. А тогда — появление двух героев тушило пошлый смех, восхищало.

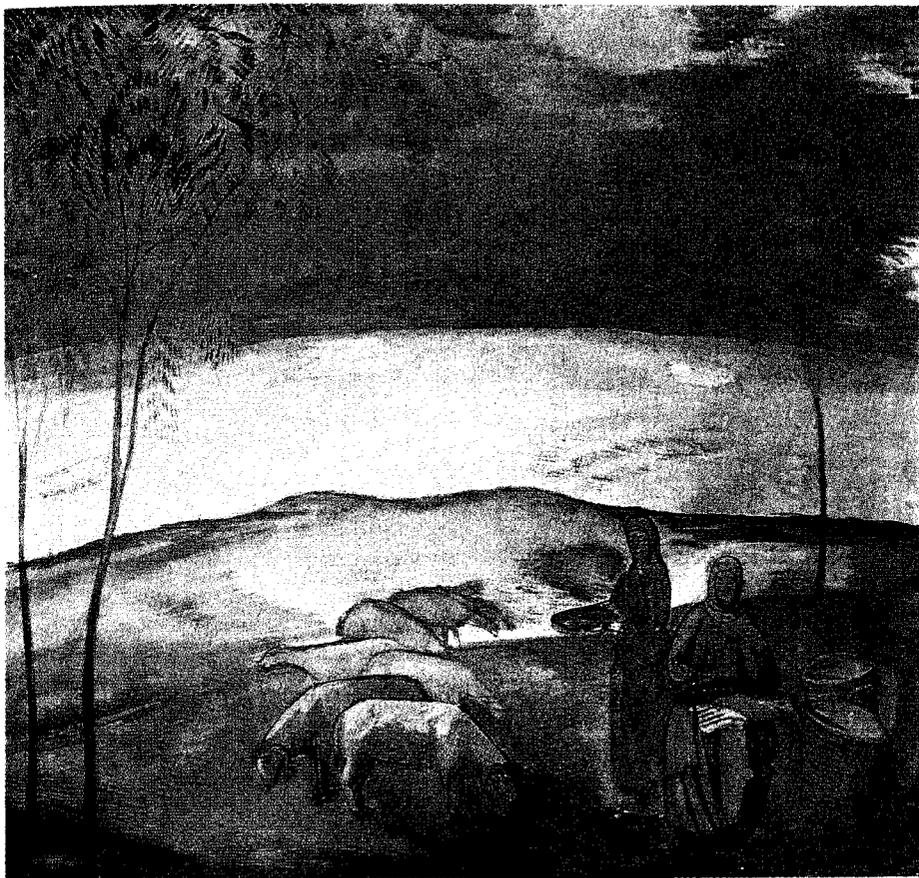
В детстве взрослые говорили нам: «Смейтесь сейчас — будете плакать, когда устанете от смеха». Так и в старой постановке «Турандот»: смех создавал предпосылку для «серьезного» восприятия Турандот, принца и их любви.

Художник Павел Кузнецов, последователь французских художников, пишет на *казахские* темы в *русской* мягкой манере (живописи и композиции).

Наука заключает в себе связь всех, всего человечества. В искусстве эта связь через уже сделанное, в науке — через делающееся.

Новгородский художественный музей лет десять назад посетили космонавты и поразились: на одной из икон изображен Царь Космос на черном фоне (а черный цвет очень разный) — таким точно, каким видели мировое пространство космонавты через иллюминатор своего космического корабля. Откуда знал художник этот цвет? Я думаю: в древнем Новгороде, да и вообще на Руси, много рыли колодезь. Если колодезь глубокий, небо в просвете кажется ночным, черным — может быть, таким же, как его видят из иллюминатора космического корабля. См. О.Берггольц. «Дневные звезды» (то есть звезды, видимые днем из колодезя).

Игорь Грабарь сказал про историю изучения искусств: «История искусств есть история ошибок»⁷, имея в виду ошибки в атрибуции и пр. К сожалению,

Павел Кузнецов. Вечер в степи. 1912. Москва, Третьяковская галерея

того же не скажешь об истории изучения литературы, ибо наука эта гораздо менее научная, и источниковедение, текстология занимают в ней меньшее место (менее значительное). Чем конкретнее наука, тем чаще она ошибается. А «проблемы» просто отмирают.

Великие художники в разных искусствах никогда (беру на свою совесть это «никогда») не являются выразителями одного какого-либо «чистого» стиля.

В Шекспире заметны элементы барокко, и маньеризма, и Ренессанса, Гоголь несомненно реалист, но как бурно вторгается в его творчество романтизм. Н.А.Львов (гениальный архитектор, садовод, поэт и пр.) — романтик и классицист во всех видах своего творчества, и прежде всего в зодчестве.

Мраморный дворец Ринальди подчинен «екатерининскому» классицизму, но как удачен в самом центре фасада «цветок» рококо. К.Брюллов в живописи и реалист и романтик. И т.д.

Красота Рима в смешении в нем различных эпох. Внезапны в нем остатки античности, отдельно стоящие колонны. Барокко — это стиль, больше всего способствовавший смешению стилей. Итальянское барокко позволяло вмонтировать в «дикий» камень изумительные статуи (на площади Навона, на-

пример). Для европейских городов характерно смешение романских и готических, а поверх них и барочных строений. Крестоносцы вывозили из Палестины, Константинополя, Египта отдельные колонны, обелиски, статуи, изваяния, различные украшения и предметы не только по соображениям их собственной ценности, но чтобы создать в своих собственных городах, замках и церквах (соборах) «музейное смешение» эпох.

Раскопки Генриха Шлимана (1822—1890) в местах прославленных поэмом Гомера, казалось, обречены были на неудачу, так как издавна считалось, что «гомеровские поэмы не историческая летопись, а художественная обработка сказаний о героях»⁸. Однако оказалось, что гомеровские поэмы не менее точны, чем летопись, и противопоставление «исторической летописи» художественному произведению не имеет смысла. Шлиман открыл Троя.

Отец (инженер) мне рассказывал. Когда строили в старое время кирпичную фабричную трубу, смотрели, самое главное, за тем, чтобы она была правильно, то есть абсолютно вертикально, поставлена. И одним из признаков был следующий: труба должна была чуть-чуть колебаться на ветру. Это означало, что труба поставлена вертикально. Если труба была наклонена хоть немножко — она не колебалась, была совершенно неподвижна, и тогда надо было разбирать ее до основания и начинать все сначала.

Любая организация, чтобы быть прочной, должна быть эластичной, «чуть-чуть колебаться на ветру».

Техника вопреки обычным представлениям не только развивается, но и отстывает. В период Возрождения строители употребляли не только строительные материалы, добывая их в старых римских строениях, но возрождали и строительную технику; например, в купольных постройках пользовались приемами на основе купола Пантеона. В Колизее древние строители соединяли каменные блоки металлическими стержнями, заливая их свинцом. В какой-то последующий период римляне разучились добывать свинец и брали его «готовым» из блоков Колизея: Колизей потерял устойчивость и при землетрясениях разрушался (обваливался). Заливка мягким свинцом предохраняла Колизей от землетрясений.

Излишняя жесткость, неподатливость делает строение ломким. То же самое в общественных и государственных установлениях — жесткость не признак силы, могущества.

Споры о живописи Ильи Глазунова мне надоели. Интересного спора здесь не получается. Это спор самолюбий, амбиций, но не об искусстве.

Д.В.Айналов считал, что в XIV веке существовал общеевропейский стиль Возрождения в Византии и на Руси. Он называл его восточноевропейским «Преренессансом»⁹. Моя заслуга заключалась в том, что я соединил изучение великих стилей в искусстве с литературой и стал в общем плане рассматривать стиль XI—XIII веков — «исторического монументализма» — как некий широкий вариант романского стиля, включающий зодчество, живопись и

литературу, и распространил понятие русского барокко XVII века на русскую литературу того же времени. Но при этом не делал из этого никаких выводов о высоте или отсталости русской культуры. Средневековье, Ренессанс и барокко имеют каждый в России свои особенности. Это определение отнюдь не оценочное. Если же все-таки подгонять эти понятия под оценки, то следует принять во внимание то обстоятельство, что я отрицаю существование на Руси Возрождения как эпохи и говорю только о «заторможенном Возрождении» как совокупности явлений, обеспечивших переход от средневековья к Новому времени. В этом переходе свое место заняло и барокко, частично принявшее на себя функции Возрождения (в первую очередь — обмирщение культуры и придание ей светского характера). Такова вкратце моя концепция участия России в общеевропейском процессе смен великих стилей.

«МЕЛОЧИ» ПОВЕДЕНИЯ

Апостол Павел говорит: «Не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати <испытывать> вам...» Это говорит о том, что не следует подражать слепо тому, что «век сей» внушает, но иметь с «веком сим» другие гораздо более активные отношения — на основе преобразования себя «обновлением ума», то есть на основе здравого различия, что в «веке сем» хорошо и что плохо.

Есть музыка времени и есть шум времени. Шум часто заглушает музыку. Ибо шум может быть безмерно велик, а музыка звучит в заданных ей композитором нормах. Зло знает это и поэтому всегда очень шумливо.

Зло имеет склонность к стайности. Злые собираются толпой, они единокорны в нападении, но, победив, начинают грызть друг друга. Партии — это те же стаи.

Бездельничество вовсе не состоит в том, что человек сидит без дела, «сложая руки» в буквальном смысле. Нет, бездельник вечно занят: пустословит по телефону (иногда часами), ходит в гости, сидит у телевизора и смотрит все подряд, долго спит, придумывает себе разные дела. Вообще бездельник всегда очень занят...

У физиолога Ухтомского — «закон заслуженного собеседника», который следовало бы учитывать и в быту.

Этажи заботы. Забота скрепляет отношения между людьми. Скрепляет семью, скрепляет дружбу, скрепляет односельчан, жителей одного города, одной страны.

Проследите жизнь человека.

Человек рождается, и первая о нем забота — матери, постепенно (уже через несколько дней) вступает в непосредственную связь с ребенком забота о нем отца (до рождения ребенка забота о нем уже была, но была до известной степени «абстрактной» — к появлению ребенка родители готовились, мечтали о нем).

Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка еще не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит ее. Маль-

*Андрей Рублев. Апостол Павел. Начало XV в.
Икона Звенигородского чина. Москва, Третьяковская галерея*

чики, совсем маленькие, любят собирать грибы, ловить рыбу. Ягоды, грибы любят собирать и девочки. И ведь собирают они не только для себя, а на всю семью. Несут домой, заготавливают на зиму.

Постепенно дети становятся объектами все более высокой заботы и сами начинают проявлять заботу настоящую и широкую — не только о семье, но и о школе, куда поместила их забота родительская, о своем селе, городе и стране...

Забота ширится и становится все более альтруистичной. За заботу о себе дети платят заботой о стариках родителей — когда они уже ничем не могут отплатить за заботу детей. И эта забота о стариках, а потом и о памяти скончавшихся родителей как бы сливается с заботой об исторической памяти семьи и родины в целом. Если забота направлена только на себя, то это эгоист.

Забота — вот то, что объединяет людей, крепит память о прошлом, направлена целиком на будущее. Это не само чувство — это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек — скорее всего человек недобрый и не любящий никого.

У Белинского где-то в письмах, помнится, есть такая мысль: мерзавцы всегда одерживают верх над порядочными людьми потому, что они обращаются с порядочными людьми как с мерзавцами, а порядочные люди обращаются с мерзавцами как с порядочными людьми.

Глупый не любит умного, необразованный образованного, невоспитанный воспитанного и т.д. И все это прикрываясь какой-нибудь фразой: «Я человек простой...», «я не люблю мудрствований», «я прожил свою жизнь и без этого», «все это от лукавого» и т.д. А в душе ненависть, зависть, чувство собственной неполноценности.

Мицкевич где-то сказал: «Дьявол трус, он боится одиночества и всегда прячется в толпе». И еще: «Дьявол ищет темноты, и надо от него прятаться в свете».

Всегда помнить, что есть что-то, до чего ты еще не дорос. Быть храбрым в стремлении воспринимать чужую культуру. Быть смелым к сложной и непонятной культуре, по отношению к тому, что выше тебя по интеллектуальному уровню.

Владимир Набоков сказал о себе незадолго до смерти: «Я мыслю как гений, пишу как средний писатель, а говорю как ребенок». Но первое самое важное, отблеск мысли несет в себе любое плохое письмо и любая детски беспомощная речь.

Удивительно правильная мысль: «Небольшой шаг для человека — большой шаг для человечества». Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, перевести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... и т.д., и т.п. — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Священномученик протопоп Аввакум. Икона работы инока Олимпия. 1994г.¹

Аввакум о себе: «Добрых дел нет, а прославил Бог».

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», ошибочно добрым, то есть не добрым. Повторяю, истинно добрый поступок не может быть глуп, он *вне оценок* с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

«Иисус, увидев идущего к нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства»².

Что означает этот текст? Прежде всего, о каком «лукавстве» идет речь? Лукавство — ложь. Отец лжи — дьявол, «лукавый». Ср. в молитве: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Лукавство — это всех видов притворство, неискренность, искушение чем-то не нужным человеку.

Значит ли сказанное Иисусом, что национальное свойство израильтян — отсутствие в них лукавства? Нет, сказанное означает, что подлинная природа человека любой национальности обнажается, когда спадает шелуха лжи, лукавства, притворства; когда человек вполне искренен, прост.

«Неделя открытых добрых дел». Это тема для размышлений и для небольшого эссе. Действие происходит в неизвестное время. Может быть, в двухтысячный год. Слово «добрый» презирается, и говорят «добренький», когда хотят оскорбить. Должна существовать только «непримиримость». И вдруг указ: можно и даже нужно делать добрые дела — индивидуально делать! Рекомендуются даже заниматься благотворительностью. Можно подавать и просить милостыню. Можно и даже рекомендовано давать и получать в долг. Можно приходить в больницы помогать больным, мыть полы. Можно, можно, можно... И вот люди открывают для себя счастье доброты. Для многих растворяется, как туман, стяжательство, страсть к наживе, к коллекционированию пустяков. Люди улыбаются друг другу, совершив доброе дело. Кто-то переводит через улицу пожилого человека. Не «кто-то», а все уступают в метро места пожилым.

Счастливые лица. Продавщицы с удовольствием продают, с удовольствием тщательно завертывают покупки.

И уже просят продлить неделю открытых добрых дел. Пишут об этом письма наверх.

Революцию добра рьяно подхватывают дети. Они больше всех и первыми заражаются добром. Добро становится для них любимой игрой. Учатся делать добро у деревенских старушек. Ищут нищих, больных, стариков, сирот, которым нужно помочь, находят несчастных. Организуют группы «следопыты добра».

Происходит примирение с миром. Вот зачем есть несчастные: чтобы дать счастье другим. Несчастные становятся счастливыми заботами других, ибо несчастный в одном может быть счастлив в другом.

Стравинский говорил о Вл.Вас. Стасове, что он не отзывался плохо даже о погоде.

Среди множества пустяков самолюбования у В.В.Розанова есть и прекрасные, хорошо выраженные мысли; вот одна: «Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе; например, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается в хороший результат. Но и «сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сидения» его двинулись миры»³.

Для того, чтобы получить «тишину» в путешествии, хорошо вести записи или фотографировать: это как бы разлучает человека с самим собой.

Во время моего юбилея обо мне было написано невероятно много хорошего, но у меня все время такое ощущение, что я читаю не о себе, а о ком-то

другом, а *знают* меня только жена и дочь. Поэтому этот *другой* стоит рядом, но он не я. Я больше радуюсь за этого другого. Но что же, если я создал этого *другого*, то хорошо. Но только «хорошо» — не больше. Славолюбие противно. Кстати, его был действительно лишен Борис Пастернак (в натуре, а не только в своем стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...»).

Самое восхитительное свойство человека — любовь. В этом связанность людей выражается наиболее полно. А связанность людей (семьи, деревни, страны, всего земного шара) — это основа, на которой стоит человечество.

Много для этой связанности затасканных слов и выражений. Все сейчас чувствуют необходимость этой связанности. Надо для этой связанности либо находить новые слова и выражения, либо часто употребляемые употреблять не в затасканном контексте, ощущать их значительность. Не буду перечислять эти выражения, которые мы постоянно слышим и сами употребляем.

Самое дурное (не «самое», но одно из *самых*) свойство человека — не заботиться о жене, не вспоминать родителей, не заботиться о детях (по-настоящему), не посещать могилы близких, оставлять беспомощных стариков, требовать только для себя. Все это с какого-то момента начинает овладевать человеком гуртом, вместе, в совокупности. И поэтому по одному из этих признаков можно определить наличие и всех остальных. Это люди во всех отношениях ненадежные.

В романе Вальтера Скотта «Old Mortality» (в русских переводах он называется «Пуритане») рассказывается о старике, который очищал от мха и лишайников старые могильные плиты с надписями на них.

Знаменитый советский онколог Николай Николаевич Петров (я его помню) был находчив и остроумен. Живой, небольшого роста. Оперировал всегда налегке. Халат надевал прямо на белье. Однажды приехал не менее знаменитый французский онколог: надушенный, напомаженный франг. Повели в операционную. Выходит Петров в подштанниках, подошел к французу и сделал вид, что сдувает с него пылинку.

В Асуане в феврале 1990 г. на Конференции глав государств основателей Александрийской библиотеки глава египетского правительства Мубарак решил показать свою значительность и заставил долго себя ждать. Председательствовавший президент Франции Миттеран блестяще вышел из положения. Он углубился в чтение бумаг и, когда наконец вошел Мубарак, Миттеран не заметил его появления и только через некоторое время, оторвав голову от бумаг, открыл заседание, заставив Мубарака подождать в свою очередь. Самая блестящая речь о значении библиотек вообще и будущем Александрийской библиотеки была на этой конференции бесспорно произнесена именно Миттераном. Мубарак говорил банальности. Я решил произнести очень краткую речь, ибо наше государство не давало средств на библиотеку и мое выступление не могло быть длинным и претенциозным.

Если тяжелоес ставит новый мировой рекорд в поднятии тяжестей, я ему завидую? А если гимнастика? А если в прыжках с вышки в воду?

Начните перечислять все, что вы знаете и чему можно позавидовать: вы заметите, что чем ближе к вашей работе, специальности, жизни, тем сильнее близость зависти. Это как в игре — холодно, тепло, еще теплее, горячо, обжегся! На последнем вы нашли с завязанными глазами запрятанную другими игроками вещь. Вот то же и с завистью. Чем ближе достижение другого к вашей специальности, к вашим интересам, тем больше возрастает обжигающая опасность зависти. Ужасное чувство, от которого страдает прежде всего тот, кто завидует.

Теперь вы поймете, как избавиться от крайне болезненного чувства зависти: развивайте в себе свои собственные индивидуальные склонности, свою собственную неповторимость в окружающем человечестве, будьте самим собой — и вы никогда не будете завидовать. Зависть развивается прежде всего там, где вы сам себе чужой, где вы не отличаете себя от других.

«Никто не герой в глазах своего лакея» (*Руссо Жан-Жак. Новая Элоиза, письмо X, часть IV*).

«Бехтеревский комплекс» — радость при несчастьи у других.

Пастернак говорил то самое, что говорю и я. Я прочел его слова только 1 мая 1988 года: «Нет ничего более полезного для здоровья, чем прямотушие, откровенность, искренность и чистая совесть. Если бы я был врачом, то я написал бы труд о страшной опасности для физического здоровья криводушия, ставшего привычкой. Это страшнее алкоголизма»⁴.

Е.Б.Пастернак, который приводит эту запись в своей рукописи, добавляет: «Ср. слова Дудорова в эпилоге «Доктора Живаго» (ркл., с. 30).

Б.Зайцев. Путь (О Пастернаке): «Петрарка писал из Авиньона в Рим друзьям. Письма отправлял «оказией», с купцами, ездившими в Италию. Иногда купцов грабили под Флоренцией разбойники. Особенно оставались довольны, если в добыче оказывались письма Петрарки — их дорого можно было продать. Но некоторые письма доходили в Рим. Тогда получивший устраивал обед, угощал друзей, а на десерт, как высшее блюдо — письмо Петрарки вслух».

Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л.Пастернака. Мюнхен, 1962, с. 17. Тоже читал вслух письма Пастернака своим друзьям Борис Зайцев.

Человек с самого первого дня своего рождения развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни. Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом он учится отроком и юношей.

И уже приходит время применять свои знания, достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внут-

реннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

С.Ленц («Непричесанные мысли») утверждает: «Каждый приносит в театр свою собственную акустику». Эту мысль можно расширить: каждый приходит в мир со своим собственным его восприятием; это свое восприятие человек сохраняет, развивает или разрушает в течение всей жизни.

Если один из спорящих горячится, то его противнику выгодно быть холодным, подчеркнуто холодным. Горячащийся подставляет бок противнику.

Иван Никифорович Заволоко имел девизом три буквы: Р С Т. Если эти буквы прочесть по их славянским названиям, будет: «рци слово твердо». Не изменяй слову, говори его твердо.

Типичный (как я думаю) разговор болгарской официантки с посетителем. П.Н.Берков (иногда раздражительный) говорит подавшей ему суп официантке: «Я всегда считал, что суп можно есть только ложкой». Умная официантка отвечает: «Я убеждена в том же, поэтому ложка лежит справа от тарелки». Об этом рассказывал мне сам П.Н.Берков (молодец — сумел оценить ответ).

Предубеждения не должны мешать убеждениям.

Нравственности в высокой степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т.д.). Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, вселенной. Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития.

«Человек человеку — волк», — любят повторять люди дурных наклонностей. Но мало кто слышал другую сентенцию: «Человек человеку святыня». Сенека (кажется) утверждал, что «общество человеческое похоже на свод, где различные камни, держась друг за друга, обеспечивают прочность целого». Это удивительно верно. Один только пример: мы идем по улице и доверяем, интуитивно доверяем тысячам водителей, их опытности и элементарным нравственным устоям. Не их дипломам, уличным правилам движения и службе милиции только доверяем, а доверяем им как людям с чувством ответственности...

Замечательная мысль С.Ленца («Непричесанные мысли»): «Самое слабое звено в цепи и есть самое сильное: оно разрывает узы» (всю цепь — какой бы прочной она ни была).

Человек становится человеком, находясь среди себе подобных.

Еще вспоминается мне изречение: «Благоразумие — лучшая часть доблести».

Нравственные понятия, которых нам очень не хватает в оценках людей: порядочность и честь. Очень редко, хваля человека, говорят: «он порядочный человек». И еще реже: «он поступил как подсказывала ему честь».

А между тем подумайте, сколько применений обоим понятиям: порядочность в семейной жизни, порядочность критика, порядочность журналиста, порядочность в любви. Честь врача, честь рабочего, честь инженера, честь школы, честь завода, честь комсорга, честь гражданина, честь мужа или жены. Слово, данное человеком — кем бы он ни был, должно быть сдержано, иначе запятнана его честь. Как правильно быть «невольником чести» — это высшая свобода и независимость!

Если бы Пушкин не вызвал на дуэль, не защитил честь своей жены (хотя от современных нам «сплетников» это ему и не удалось), он никогда бы не защитил и честь своей поэзии. Поэт не может быть с запятнанной честью, ибо личность поэта — часть его поэзии.

И еще одно забытое нравственное понятие — «учтивость» в поведении.

Сохранять независимость естественнее и проще всего, соблюдая учтивость. Учтивым следует быть не только к дамам и с дамами, а со всеми и всегда.

Честь. В сфере морали это понятие чрезвычайно важно, но честь — это двудликий Янус. С одной стороны, есть честь внешняя. Человек защищает свою честь. Он не терпит оскорблений или того, что ему представляется оскорблением. Он это делает главным образом для окружающих. Такова в значительной своей доле была честь дворянина, честь офицера. И именно эта честь пошла ко дну с революцией и потянула за собой другую честь — честь первостепенной важности — внутреннюю, честь перед самим собой, независимую от внешней ее оценки, но все же имеющую громадное значение для общества, для его моральной атмосферы, для моральных взаимоотношений между людьми и общественными организациями (государственными учреждениями, торговыми предприятиями, фабриками и заводами, военными, учебными сообществами и т.д.). В чем внешне выражается эта «внутренняя» честь: человек держит слово и как официальное лицо (служащий, государственный деятель, представитель учреждения), и как просто человек; человек ведет себя порядочно, не нарушает этических норм, соблюдает достоинство — не пресмыкается перед начальством, перед любым «благо дающим», не подлаживается к чужому мнению из выгоды, не упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные счеты, не «расплачивается» с «нужными людьми» за счет государства (различными побрякками, «устройствами» и т.д.), вообще умеет отличать личное от государственного, субъективное от объективного в оценке окружающих.

Честь — это достоинство прежде всего, достоинство положительно живущего человека. Это достоинство в свою очередь бывает внешнее и внутреннее. Внешнее достоинство — это важность, напыщенность, солидность. Внутреннее — это достоинство по существу, когда человек не опускается до мелочности в поведении, в разговорах и даже в мыслях. При развитом чувстве чести и достоинства в обществе не может быть протекционизма, семейственности, обманов людей и учреждений, того, что называется «приписками» и искусственными занижениями планов или погоней во что бы то ни стало за премиями, благодарностями, повышениями по службе.

Честь обязывает человека думать о чести того общественного института, который он представляет. Есть честь рабочего, честь инженера, честь врача, но и честь учащегося определенной школы, честь полка, честь завода, честь учреждения.

Честь рабочего: работать без брака, стремиться создавать хорошие вещи. Как в старое время: честь наборщика, честь литейщика (не останавливать маргеновскую печь даже при забастовках).

Честь администратора: держать слово, выполнять обещанное, прислушиваться к мнению людей, не бояться изменить свое мнение, если факты этого требуют, не придерживаться «лобной психики» и не гордиться тем, что «мнения своего никогда не меняю». Уметь вовремя признать свою ошибку и исправлять допущенную оплошность.

Честь гражданина: не мстить из личных побуждений, не оказывать услуг за счет государства, избегать протекционизма, если он не «деловой», а личный, поддерживать способных людей только по деловым соображениям, не писать и не читать анонимок.

Честь ученого: не создавать не подтвержденных полностью фактами теорий, не занимать должностей, для которых недостает компетентности, не быть «личным» в своих отношениях к научным выводам и работам, не присваивать себе чужих идей, всегда точно и полно ссылаться на предшественников, не подписывать не принадлежащих тебе работ, не присоединяться к группам и группкам, не интриговать, уметь и желать различать стоящее в научном отношении от наукообразного и т.д.

Необходимо создать полный кодекс научной морали. Опубликовать его. Найти способы выявления его нарушений.

В старое время существовали купеческое слово и купеческая честь. Самые крупные сделки между купцами старинного склада совершались и так: шли в церковь и скрепляли сделку молебном. В Петербурге между Думой и Гостиным против портика Руска существовала полуподземная часовня, где купцы служили молебны.

Честь купца!

А в лондонском Сити крупные сделки заключались рукопожатием (к рукопожатиям англичане прибегают редко).

И если купцы и дельцы обладали чувством чести, то почему не развивать его в нашем обществе?

И еще соображение: чувство чести должно быть у дипломатов всего мира. Как часто сейчас слово, обещание, данное дипломатами, расходится с делом! И это по всему миру. Только что прочел в газетах: сокращение вооружений в одной сфере вооружений принимается, чтобы быть компенсированным в другой. Хитрят! Хитрят, как мелкие жулики, как дельцы, которым далеко до русских купцов XIX века.

Отсутствие морали вносит хаос в социальную жизнь. Без морали в обществе уже не действуют экономические законы и невозможны никакие дипломатические соглашения.

Говорят, что в битве при Фонтенуа (1745) французский комендант крепости вышел навстречу англичанам, снял шляпу и прокричал: «Господа англичане, стреляйте первыми!»

А наше варварство докатилось до того, что начинаем войну даже без объявления войны.

Заповеди товарищества

Эти 12 «заповедей» в 1913 году были отпечатаны и разосланы Главным управлением военно-учебных заведений во все кадетские корпуса и военные училища для помещения на стенах.

I

Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании.

II

Военное Товарищество доверяет душу, жертвует жизнью.

III

На службе дружба желательна, Товарищество обязательно.

IV

Долг дружбы преклоняется перед долгом Товарищества.

V

Долг Товарищества преклоняется перед долгом службы.

VI

Честь непреклонна, бесчестное во имя Товарищества остается бесчестным.

VII

Подчиненность не исключает взаимного Товарищества.

VIII

Подвод Товарища под ответственность за свои поступки — измена Товариществу.

IX

Товарищество прав собственности не уменьшает.

X

Отношения Товарищей должны выражать их взаимное уважение.

XI

Честь Товарищей нераздельна.

XII

Оскорбление своего Товарища — оскорбление Товарищества.

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть — всегда исходит из глубины души и совестью в той или иной мере очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т.д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например,

частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее чиновничьей) души.

Мартынов, убивший на дуэли Лермонтова, именно поэтому завещал не писать на могиле его имени и не ставить себе никакого памятника. Какое различие с Дантесом, до конца своей долгой и благополучной жизни убежденного в том, что у него не было «другого выхода» (хотя выход был совсем простой — пожертвовать своей внешней честью ради внутренней).

Не только поступать достойно, но и мыслить с достоинством — достойно нас с вами, отгоняя недостойные мысли.

Достоинство человека выражается и в том еще, как он ест и пьет. В первом послании апостола Павла к коринфянам сказано: «Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о теле Господнем. От того многие из вас немощны и больны, и немало умирает». Что же означало есть и пить достойно? Очевидно: делать все в строгом порядке и в строго определенное время и не переедать, а есть с умеренностью. Так мне кажется, хотя я в этом не уверен.

Боснийская народная поговорка: «Никто из людей не знает — в какой вере он умрет».

Болгарская поговорка: «Направи добро и го хвърли в морето», то есть «Сделай добро и брось его в море» (оно само всплывет, не делай его ради выгоды).

Сергей Сергеевич Аверинцев рассказывал мне, как летом (1986 г.) он снимал дачу рядом с железной дорогой. Поезда мешали ему спать. Наконец он решил: проносятся не поезда, а проезжают люди со своими заботами и мыслями. И шум поездов перестал раздражать его. Он стал спать. Надо развивать в себе благожелательное, «понимающее» отношение к окружающему, и тогда станет легче жить. Злые люди живут короче, чем добрые.

Суворов говорил: «Я 10 раз был ранен: 5 раз в битвах и 5 раз при дворе. Последние раны — все смертельны». Но он не умер: следовательно, знал, как их лечить — полным презрением к ним.

Когда прекратятся на службе (любой, хотя сейчас я думаю главным образом о Пушкинском Доме) всякие склоки и сократится время, затрачиваемое на различного рода собрания? Тогда, когда все будут работать хорошо! Удивительно, что люди противятся единственному средству беречь себя и свои нервы.

Я сам могу возмущаться тем, что может меня не устраивать в моем Пушкинском Доме, где я проработал уже больше полувека, или тем, что случается в моем городе, в моей стране, но если это делают посторонние, то мне это

тем неприятнее, чем шире и серьезнее родной мне «объект нападения». Я сложно выражаюсь, но так записалась мысль и не буду ее изменять.

В.В.Розанов, которого я в целом не очень люблю, записал сходную мысль в «Опавших листьях»: «От «своего» куда уйти? Вне «своего» — чужое. Самым этим словом решается все. Попробуйте пожить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги — из чужих рук».

Бездарность стремится поучать, талант — подавать пример. Но если у таланта отнять время, то и талант будет больше поучать, чем учить примером.

Наполеон графу Шуазелю, объясняя ему пышность своего двора: «Простота не идет человеку, вышедшему из простых солдат; она годится только наследственному государю». Мысль Наполеона можно продолжить и не в столь «самооправдательном» смысле, как у Наполеона: важность нужна людям ничтожным, внешнее «глубокомыслие» — глупым и т.п.

Виктор Гюго был величайшего о себе мнения. Он хранил свои рукописи в чемодане, который возил с собой. Жан Кокто сказал о нем: «Виктор Гюго это сумасшедший, воображивший себя Виктором Гюго».

Не перестаю удивляться примиряющему, целительному, облагораживающему свойству человеческого ума — смеху, которым никогда не сможет обладать никакой самый совершенный компьютер, хотя бы он и исчислил, где, в какой момент и по какому случаю следует смеяться.

В апреле 1826 года должна была произойти дуэль между государственным секретарем (то есть министром иностранных дел) США Генри Клеем и сенатором Джоном Рандольфом. Не буду рассказывать о причинах дуэли, передавать те «fighting words» (оскорбительные слова, обязывающие противника к дуэли), которые были произнесены Рандольфом (кстати, оскорбление, очень жестокое и публичное, было уже не без элемента юмора: Рандольф воспользовался текстом из «Тома Джонса» Фильдинга).

Дуэль должна была состояться по очень жестоким американским правилам — с десяти шагов. При первом обмене выстрелами оба тем не менее промахнулись. «Это детская игра, — заявил Клей, — я требую вторичного выстрела». Его второй выстрел только продырявил одежду Рандольфа. Тогда в ответ Рандольф выстрелил в воздух и объявил: «Вы должны мне стоимость моей одежды!» — «Я рад, что не больше», — ответил Клей, и противники помирились. Острота Рандольфа и удачный ответ Клея спасли обоих от третьего раунда дуэли.

Юмор часто служит психологической защитой от различных общественных невзгод. Он особенно действенен тогда, когда им можно поделиться с окружающими.

А.Модильяни на одном из своих рисунков написал: «Жизнь состоит в дарении от немногих многим, от тех, кто Знает и Имеет, тем, кто не Знает и не Имеет». И это верно, и верно то, что написал И.Шкляревский:

Дай мне все! Я не стану богаче.
Все возьми! Я не стану бедней.

Это свойство духовных ценностей: они не уменьшаются от раздачи и ими нельзя обогатить того, кто их уже имеет.

Оператор телевидения, прожившая несколько месяцев в Антарктике, рассказывала. Когда морозы и ветры становятся особенно большими, пингины становятся в круг. Посередине самые маленькие, дальше побольше, затем взрослые, а вне по кругу, на самом юру — старики, вожакИ. И они погибают, чтобы сохранить род.

Во французском военном уставе якобы записано: кто кого должен на улице приветствовать (отдавая честь) первым. Как правило, младший первым приветствует старшего.

А если встречаются двое совершенно равных по чину и по рангу полков? Тогда первым должен приветствовать другого «самый умный»...

В «Дневнике писателя» Достоевский приводит турецкую пословицу (настоящую турецкую, а не сочиненную о турках): «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели»⁵.

Существенная сторона современной жизни — туризм всех видов и соответствующее развитие различных аттракционов. Аттракцион — это и развод караула перед Букингемским дворцом в Лондоне, и выход папы на балкон своего дворца для благословения народа, собравшегося на площади Святого Петра в Риме. Папа становится для части толпы как бы актером. В еще большей мере актер американский президент. «Специализированный актер» — английская королева.

Не разберешь: кого теперь больше в Святой Земле — паломников или туристов. Скорее всего так паломники приобрели в значительной степени свойства туристов, а истинно молящиеся стали участниками «действия» для туристов.

В ближайшее время туризм распространится и на космос. За столько-то миллионов долларов космонавты-водители будут возить желающих миллионеров или государственных деятелей полюбоваться шариком-Землей, которую они так пакостят.

Еще невероятнее. В аттракцион превращается наука. Ученые становятся постепенно в некоторых областях изобретателями интересных концепций, которые можно эффектно доложить на международных конгрессах. Ученые уже стали туристами — племенем номадов, кочующих с одного международного конгресса на другой, устанавливающих «рекорды» почетных званий и наград.

В самом деле, почему не объявить того или иного ученого абсолютным чемпионом страны или мира по количеству полученных им почетных званий и наград?

Опасность в том, что из всего уходит содержание. Люди, активные по своему отношению к миру, становятся все больше пассивными созерцателями, «болеельщиками» и вот этими самыми туристами. Не идейные приверженцы того или иного религиозного мировоззрения (даже!), а «болеельщики» за концепцию. В религиях все больше увеличивается число лиц, которые не выполняют религиозных требований, треб, обрядов, а являются только пас-

сивными сторонниками той или иной религиозной концепции. И это явление переходит и в другие сферы. Признают мировоззрение и вполне искренне ему не следуют.

Переход от паломничества к туризму один из признаков перехода человечества к «комфортабельной» пассивности. Паломники шли пешком, молились, постились. Туристы летят в комфортабельных самолетах и только смотрят, «глазеют» (иногда купаются, загорают, развлекаются). Разумеется, мое противопоставление паломничества туризму следует понимать только как выразительный пример. Явление более широко.

Перед нами, возможно, умирание общего интеллекта человечества. Человечество обладает, помимо отдельных гениев, творцов, еще и общим единым интеллектом, который сказывался раньше в духовных течениях, заставлявших интеллигенцию ходить в народ, проповедовать революционные учения и т.д. Теперь общий интеллект человечества проявляется все больше в модах — не только на одежду, но и на те или иные течения в искусстве и в науке.

Возможно, это и не так. Я оптимист, но оптимист должен допускать минуты пессимизма (будучи оптимистом, я «потенциальный пессимист» — в данном случае).

Каждый человек *обязан* (я подчеркиваю — *обязан*) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Основной (но, разумеется, не единственный) способ интеллектуального развития — чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время — величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по программе, разумеется, не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читающего интересы. Однако при всех отступлениях от первоначальной программы необходимо составлять для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы.

Чтение, для того чтобы быть эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания.

Составлять для себя программы чтения нелегко, и это нужно делать советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа.

Опасность чтения — это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного рода скоростным методам чтения.

«Скоростное чтение» создает видимость знаний. Его можно допускать лишь в некоторых видах профессий, остерегаясь создания в себе привычки к скоростному чтению, оно ведет к заболеванию внимания.

Некоторые мысли из Изборника 1076 года, предназначавшегося для князей.

«Егда тя оклеветають, разумей: егда есть чьто до тебе въ клевете той; аште ли несть, то мни оны дымъ расходяшту ся клевету».

«Иже слабо живеть, то того не приводи на съветъ».

«Сълнце да не заидеть в гневѣ вашемъ».

«Глаголи к Богу много, а человекомъ мало».

«Лепо есть человеку осужену быти, неже осудити».

А вот мысль из Великих четвѣх миней:

«Подобает бо кормнику <рулевому> с гребцами едину мысль имети, аще ли распрю начнуть имети в себе, то и погрязнет корабль»⁶.

Один помор сказал Ксении Петровне Гемп: «Над нами одно небо, а под нами одна земля». Иначе: мы все равны под небом и на земле.

Язык поморов сохранил многие старинные слова, выражения и даже обычаи. Ср. «присловки» — перед рассказом, сказкой, бывальщиной небольшие, как бы даже не идущие к делу вступления. «Послеловки» — краткие наставления и любые «выводы» после рассказа. «Посмешки» — женские и мужские, необидные шутки, задирания, чтобы слушатели не скучали.

Состояние моря имеет до ста названий, но ни одного бранного. А если что-то утонуло, унесено в море, разрушено волнами, то говорили осторожно — «море взяло».

Изречение из «Пчелы»: «Кажеть <указывает> победа <поражение> храброго, а напасть умнаго». А ведь действительно! — храбрость познается в поражении, а ум в несчастье.

Кто-то мне рассказывал, как в русско-японской войне в битве под... (забыл) русский полк выходил из окружения. Впереди шел священник с крестом, за ним несли знамя, а потом оркестр, игравший марши... Так надо полку, так надо каждому человеку.

«Звезда бо от звезды разнствует в славе».

Учитель Добужинского в Мюнхене художник Ашбе требовал от Добужинского *grosse Linie*. «Nur mit groBen Linien arbeiten» («работать только большими линиями»), — говорил он, и это мудрое правило касается не только живописи. Жить следует «nur mit grossen Linien». Труднопереводимое понятие — «большие линии»? Это не то.

И.Е.Аничков, помнивший викторианскую Англию, говорил о любимой (тогда) поговорке англичан: «An apple a day keeps the doctor away» («Одно яблоко в день позволяет не обращаться к доктору»).

Английская манера — перебрасывать через плечо макинтош. А я еще застал английских чиновников, спешащих утром на работу непременно с большими сложенными зонтиками в руках, которыми они помахивали как тросточками. Это было в Лондоне в 1967 году.

Англичане говорят: чтобы продлить себе жизнь, надо — «not to hurru, not to wogu, not to sagu» («не торопиться, не беспокоиться и не таскать тяжести»).

Два значения слова «сила» часто смешиваются в сознании. Сила как проявление физической мощи и сила как проявление умелости, слаженности, духов-

ного могущества. Сильный мотор, сильная крепость, сильный (физически) человек, а с другой стороны: сильный математик, сильный научный или театральный коллектив, сильная мысль. Государство должно быть сильным во втором смысле; во втором смысле должен быть сильным парламент, конституция, научный коллектив, наука, гипотеза и пр. Сильное законодательство не то, которое часто прибегает к силе, к строгим наказаниям, к смертной казни, а умело составленное, учитывающее все сложности жизни.

Корни тирании в страхе. Власть боится народа и стремится опередить выступления народа (иногда только воображаемые), запугивая народ.

Когда кучер боится потерять управление над лошадьми, он дергает вожжами: «невротический комплекс неуверенности в управлении».

Эйнштейн неряшливо одевался. Когда он только что переехал в Америку, ему сказали: «Неудобно». Эйнштейн ответил: «Не все ли равно: меня здесь никто не знает». Через десять лет ему снова сказали: «Неудобно!» Он ответил: «Все равно: меня здесь все знают».

Про знаменитостей можно рассказывать анекдоты — даже плохие, но обычный анекдот должен быть обязательно со смыслом.

Просматривая сборники афоризмов, удивляешься их общему напыщенному и претенциозному тону. Лишь немногие умели делать афоризмы остроумными или неожиданными (Ленц, Розанов). Не дай Бог, если некоторые мои высказывания примут за афоризмы.

Только тот афоризм хорош, который способен повлиять на поведение человека в лучшую сторону.

Лучшее, что присуще афоризму, — краткость. Сборники афоризмов уничтожают эту краткость, создавая скучные наслоения.

Монахам предписывалось ходить «постно», то есть не прямо. «Постный вид» — это лицемерно скромный. Сейчас это выражение понимают несколько иначе (вид унылый).

Фельдмаршала Кутузова, всего увешанного орденами и даже портретом государя, Александр наградил шпагою с бриллиантовым эфесом и лаврами изумрудов, которая стоила 60 тысяч франков, но Кутузову не понравилась: «Я скажу императору, какая это дрянь». Изумруды казались ему слишком мелкими. Изумительно! Неужели за спасение России ему нужны были изумруды покрупнее?

Забытое слово «бранделясы». Помню его в детстве. Отец говорил о пустяковом разговоре: «бранделясы точить». Или вообще о пустяках: «Это все бранделясы».

Ребенок живет в ожидании будущего. В ожидании будущего живет и подросток, меньше — юноша. Но если это «ожидание будущего» захлесты-

вает вполне взрослого мужчину, то оно становится карьеризмом. Надо уметь вовремя перейти на настоящее.

У Розанова есть: «Надо хорошо вязать чулок своей жизни».

«Ни же грети может студень, <холод>, ни же убелити черность, ни же просвещати тма» (перевод на древнерусский из Давида Дисипата), то есть зло никогда не даст доброго дела, как холод не согреет, чернота не выбелит, умственная темнота не просветит.

Правосознание англичан. Протесты в Лондоне по поводу появления автоматических дверей у автобусов: «Каждый имеет право выпрыгивать на ходу». Автоматических дверей не было и когда я был в Лондоне в 1967 году.

В очерке об англичанах Орестова, напечатанном в «Новом мире», рассказывается следующий типичный именно для английской среды случай. На улицах Лондона столкнулись две машины. Жертв нет, но машины испорчены. Владельцы вышли из них и говорят — как произошло. Из дома напротив выходит дама, несет подносик и две чашки горячего чаю: «Успокойтесь! Выпейте!» Беспокоит одно: был ли на подносике молочник, ведь англичане любят чай с молоком или со сливками.

Представляете, как бы рисковала быть обруганной эта дама у нас?

Человек, непрерывно острящий, — лишен юмора.

Наиболее сильные дозы юмора — гомеопатические, но они нужны и употреблять их следует гомеопатическими способами — размеренно, постоянно. Без юмора нет ума.

Юмор в больших дозах утомителен. Не больше трех анекдотов — и то, если уверены, что эти анекдоты неизвестны. Но настоящий юмор не в анекдотах.

И т.д. (писать много о юморе тоже нельзя).

В споре: имейте смеющихся на своей стороне (кто-то сказал или написал — не помню).

ПРО ТО И ПРО СЕ...

Действительность в моем рассказе была «литературнее» допустимого в литературном произведении. В церкви Рождества на кладбище с великолепными и малоизученными фресками обнаружили при реставрации вверху алтарной апсиды огромный снаряд. Концы снаряда были видны и снаружи и внутри. Вызвали саперов. Они сказали: «Единственный способ — взорвать на месте. Иначе обеспечить безопасность нельзя». Реставраторы чрезвычайно взволновались: «Но погибнут фрески!» Как всегда в чрезвычайных случаях, тут же оказались два мальчика. Услышали, что взрывать будут утром. И вот когда утром приехали саперы — снаряда не обнаружили. Мальчики за ночь вытолкнули снаряд наружу. Он упал на мягкую кладбищенскую землю и, к счастью, не взорвался.

Смотря передачу «В мире животных», я твердо усвоил: хищники нужны для экологического равновесия. Ну а если рассматривать человеческое общество как некое экологическое целое? Зачем нужны в нем прихвостни, доносчики, склочники? Достаточно, чтобы в здоровом коллективе появилось два-три таких хищника — и всякое экологическое равновесие оказывается полностью разрушенным, — сообщество просто перестает существовать. Человеческое общество в экологическом отношении отнюдь не похоже на животный мир.

Правда, в животном мире тоже бывают экологические нарушения: города переполняют вороны, а где есть вода — чайки. Они лишили города певчих птиц. Их нужно отстреливать.

А что делать со склочниками в научных учреждениях, которые тоже уничтожают «певчих птиц» — людей, способных к научной работе. Находят у них идеологические ошибки, перегибы, загибы, уклоны, методологические неправильности и пр.? Я думаю, что наши законы слишком для них демократичны, охраняют их, тогда как полагалось бы охранять здоровую часть коллектива от них. Что, например, делать с громилой В., позорившим нас за рубежом и со все нарастающей силой продолжающим разваливать учреждения, в которых его принимают на работу после изгнания (с огромным трудом) из очередного научно-исследовательского и педагогического института. Ведь он не один! Изменить порядки и привлекать к ответственности за ложные доносы.

Если в письме, обращенном таким хищником в вышестоящие организации, есть неподтвержденные данные, — немедленно привлекать к ответственности. А по телевидению открыть новую передачу «В мире людей», в которой рисовать психологию людей хороших и плохих, порядочных и лжецов, создающих хорошую атмосферу вокруг себя и разрушающих общество. Передачу по психологии поведения.

Курение когда-то (в 1660 году) считалось в Англии медицинским средством, чтобы не заболеть чумой.

Удивительное ощущение — слушать свой голос через микрофон. Первый раз я думал, что это вообще не мой голос. Потом решил — микрофон искажает мой голос.

Конечно, голос для меня другой, отчужденный: это ясно, но ведь он для меня и не меняется с годами. Я не слышу старческой хрипотцы. Он для меня остался тем, чем он был для меня в 19 лет. Этого ведь не объяснишь тем, что он проходит к моему слуховому аппарату через другую среду. Мои интонации ведь не меняются (по идее) от того — через какую среду я слышу свой голос? А между тем мои интонации после появления магнитофонов были для меня своего рода «открытием».

Чужой голос, отделившийся от меня, — это ситуация «Носа» Гоголя. И в какой-то мере то же самое с моим изображением на экране телевидения, и даже на хороших (неприменно хороших) фотографиях. Я вижу чужого человека, который не во всем мне нравится — даже иногда очень не нравится. Особенно не нравится появление во мне на моих изображениях какой-то сладковатости. Кто-то чужой для меня отделился от меня. Мой двойник ходит по экранам, звучит с пластинки фирмы «Мелодия» (я говорю о «Слове о полку Игореве», читаю его текст).

Как сейчас упростилась бы ситуация для Достоевского (с его «Двойником»), для Гоголя. Я думаю, что и Андрей Белый не успел ухватить ситуацию, открывавшуюся перед ним с появлением кинематографа и граммофона.

Поразительные и странные представления у Гоголя о женщинах. Особенно в «Риме». Он пишет, например: «Женщины казались подобны зданиям Италии, они... дворцы».

Все меняется в наших представлениях о красоте. А вот женщина-соблазнительница остается во все века одной и той же. Вот как ее описывает протопоп Аввакум: «А прелюбодеица белилами-румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяжки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, риза красная, сапоги сафьяновы...»

Если из-за чего-то стоит ездить в Кисловодск отдыхать, то это из-за «Косыгинской тропы» (так люди прозвали длинный новый терренкур, проложенный по идее А.Н.Косыгина). Тропа развивается как музыкальное произведение — не только со сменами открывающихся с нее видов, но и настроений. По-разному хрустит под ногами песок, разный в ней воздух — всегда по-своему прекрасный. На этой тропе мы стали встречаться с Козинцевыми:

сперва незнакомые друг другу, потом как-то познакомившиеся, а затем и ставшие уславливаться о совместных прогулках.

С первой же встречи меня поразило лицо Г.М.Козинцева: очень усталое, очень много пережившего человека. Потом я понял: быть автором фильмов это тяжелейший труд и тяжелейшее сопереживание со всеми героями своих фильмов: с Башмачкиным, с Максимом, и с Дон Кихотом, и с Гамлетом, и с королем Лиром. Но и не только с ними — и с Санчо Пансо, и с Офелией, и с Корделией, и со всеми, кто так или иначе входил в плоть и кровь его сострадавших. А ведь бесконечно много читая, обдумывая, режиссерски примериваясь, он вводил в круг своего сострадания все величайшие трагедии мира и историческую драму XX века. Все это отложилось на усталом лице Григория Михайловича — усталом не сиюминутной усталостью, а той усталостью, которая многократно осеняла его лицо за его долгую жизнь. Долгую! Ибо можно прожить коротко и сто лет, но жизнь Григория Михайловича была долгой, ибо он присоединил к ней десятки других жизней, ставших для него своими, частью его мыслей, чувств. В его лице можно было заметить отсветы и Ю.Ярвета, и О.Даля.

В рабочих тетрадях Григория Михайловича, изданных в 1981 году под названием «Время и совесть», я нашел подтверждение своим первым впечатлениям: «Фильм, особенно заканчивающийся, — писал Григорий Михайлович, — всегда являлся для меня почти физическим мучением. Я до более ненавидел, приходил в отчаяние от неудач: они были повсюду, и я выбивался из сил, стараясь их исправить.

Потом, как боль, фильм утихал, оставляя меня.

Боль становилась менее острой, она как бы удалялась. Фильм отделялся от меня, начинал жить отдельной жизнью. Она могла меня радовать или приводить в отчаяние. Но все это уже вне меня. Я жил уже чем-то иным¹.

И все-таки Григорий Михайлович ошибается в этой записи. Разговаривая со мной на «Косыгинской тропе», он время от времени возвращался к уже законченным фильмам. Так, на одном из поворотов, с которого открывался вид на совершенно мертвые, иссеченные тысячелетними ветрами скалы, он остановился и пожалел: «А ведь можно было и здесь снять некоторые сцены «Лиры» (я передаю его мысль; точно слов его я не помню). Значит, «Лир» не оставлял его и после того, как он прошел по всем кинотеатрам мира. Отдыха у него не было...

Из разговоров с Григорием Михайловичем Козинцевым в Кисловодске. О тех «работниках литературы», которые выдумывают разные страхи, видят повсюду идеологические ошибки, обвиняют других в «искривлении линии» и пр., Григорий Михайлович сказал, что они работают на «индустрию страха». На этом производстве они легко наживают немалый политический капитал. И они нужны, так как именно благодаря их деятельности разные наблюдающие и руководящие чины приобретают уверенность в собственной необходимости для общества.

Г.М.Козинцев снимал «Дон Кихота» в Коктебеле и искал Росинанта по окрестным крымским хозяйствам. Наконец получает телеграмму: «Орлик готов служить искусству. Лучшего Росинанта не найдете. Председатель артели — такой-то». (Орлик — имя лошади, престарелой красавицы, отслужившей свое.)

Всем известна деревянная дача, стоящая налево от Каменноостровского моста. Она горела, потом была восстановлена в камне и обшита деревом — как бы старая. Это дача Александра Петровича Ольденбургского. Дача приобретена была в 1833 году от В.В.Долгорукова, а им куплена в 1830 году от графа Г.И.Чернышева. Об этом доме сказано в записках маркиза де Кюстина. Славилась она знаменитыми интерьерами, мебелью. Там была даже детская с мебелью, как у взрослых, но меньше. Обо всем этом писалось. Но мало кто знает, что интерьеры рисовал М.В.Добужинский для своих знаменитых декораций к «Месяцу в деревне» Тургенева.

«Театр начинается с вешалки» — якобы цитата из Станиславского. Между тем Станиславский говорил другое: «театр начинается с гардероба» — и под гардеробом имел в виду одевания актеров.

О книге

Если книга не породила у вас ни одной самостоятельной мысли, значит, она напрасно прочитана (кроме справочников, но они не читаются подряд).

Будьте Колумбами — открывайте хорошие книги в океане незначительных.

Из всех (очень немногих) книг о белом движении, которые я читал, лучше всего передает настроение гражданской войны (передавшееся в свое время тоже мне, мальчику, в Петрограде) эта книга! С.Мамонтов. Походы и кони².

Почему кони? Гражданская война была войной прежде всего конных войск. Она была и трагедией лошадей, коней. Кони в книге описаны как люди — с характерами, повадками, умом, удивительно!

Ни одна армия в Европе не обладала такой большой и хорошо налаженной кавалерией, как русская. Об этом где-то в книге С.Мамонтова.

Книги, по Карлу Попперу, это «третья реальность»; первая — объективно существующая, вторая — субъективная.

Читать, но и перечитывать! Если при перечитывании книга позволяет открыть в ней нечто новое, значит, это полезная книга.

До революции на фабриках потомков Саввы Морозова выделялись различные сорта ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатов, репсов, пике, вывозившиеся в Хиву, Мерв, Китай, Бухару, Персию, Царство Польское, Великое княжество Финляндское.

Ситец стоил восемь копеек аршин. А были и золототканые парчи, материи на бухарские халаты по тридцати пяти рублей за аршин. А кроме наследников Морозовых, были Третьяков и Коншин, Носовы, Лабзин, Осипов, Сапожников, два Барановых и др. У всех были свои «секреты» производства. Кто-нибудь когда-нибудь напишет историю машинно-ткацкой культуры?

Академик А.С.Орлов был большого роста, полный, необычайно представительен: «настоящий академик». Ходил он с Пятой линии по вечерам гулять по набережной. Подходят к нему подростки: «Дед, снимай шубу!» Орлов и

глазом не смигнул: «Вам нужно, вы и снимайте!» На этом все кончилось. Но главное было — не остановиться.

Надпись, сделанная Томашевским на книге, подаренной им Пушкинскому Дому: «Не тебе, не тебе, а имени твоему». Тут и священное писание, и стихотворение Блока, начинающееся «Имя Пушкинского Дома...», и положение Пушкинского Дома в последние десятилетия.

Томашевский в уборной в день проработки «космополитов» в Пушкинском Доме: «Вот единственное место в Пушкинском Доме, где легко дышится».

Плохие чтецы стихов читают стихи «по словам» с выражением для каждого слова отдельно и разрывают логическую связь, портят ритм. Такое чтение «по словам» было принято у актеров Александринского театра. Кошмар! Поэзия переставала существовать, оставалось одно «чтение», рокот голосов.

«Журналист своего воображения!» Так кто-то сказал об Одене.

Все сущее не может быть доказано.

Из книги «Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпеваемых российскими мореплавателями Флота, Капитан-Командором Головиным». Часть четвертая. СПб., с. 93: «Представляя верное описание сего происшествия, не хочу ни увеличивать ужасов, ни уменьшать их. Пусть каждый, носящий в сердце искру чувствительности, пожалеет о несчастных и иногда в молитвах своих попросит Бога, чтобы сохранил нас, бедных мореплавателей, от подобных случаев, грозящих нам в море ежечасно.

Из сего описания видно, что крушение брига «Фальк» последовало от течи, а течь произошла от якоря, на кранбал отданного и пробившего лапою на волнении обшивные доски. С трудом можно поверить, чтобы при нынешнем состоянии мореплавания сыскался еще морской офицер, который не знал бы, что на ходу или при волнении непременно якорь должен отдавать с рустова и кранбал «вдрут»: опытные мореплаватели во всяком случае так поступают. Человек, вовсе не знакомый с морской службою, взглянув на якорь, отданный на кранбал во время волнения или при большом ходе, подумал бы, что это острое орудие свешено нарочно для пробития корабельного дна».

Как хорошо написано! А если что непонятно, то и это хорошо: ищите в словарях; прекрасное занятие.

Где-то я читал, что Гитлер перед своими выступлениями возбуждал себя Баденвейлеровским маршем (подумать только — Баденвейлер, это курорт, где умер Чехов!), а затем выступал, имея перед собой ораторский пульт: нажимая на кнопки, он указывал моменты, когда должен быть произведен снимок, усилен свет прожекторов. От кнопок шло начало рукоплесканий, возгласов, выкриков.

Кто-то сказал: предметы тяготеют к центру земли добровольно, так как боятся одиночества.

Шоп (исконный житель окрестностей Софии в Болгарии) говорит: «Когда все хорошо, это не все хорошо!»

Международное общение в области анекдотов общеизвестно. Сюжеты анекдотов ирландских, еврейских, русских часто переходят в другие страны. Но можно предполагать и самозарождение одинаковых сюжетов. В старое время в России был известен рассказ об иностранце, который удивлялся: в России все железнодорожные станции называются одинаково — «Кипяток». И действительно, я еще помню время, когда вывеска «Кипяток» всегда висела на станциях на самом видном месте и к ней из остановившегося поезда устремлялись с чайниками услужливые молодые люди, приносящие кипяток для всех пассажиров своего купе.

А вот что рассказывает Питер Устинов в своей автобиографии «Уважаемый Я» о впечатлении своей матери, впервые приехавшей в Англию: «Охватившее ее ощущение какого-то кафкианского ужаса тем более усиливалось, что все минувшие поездом станции имели, казалось, одинаковые названия: «Боврия». Придется объяснить непосвященным, что «Боврия» — марка превосходного бульонного концентрата. Будучи продуктом частной предпринимательской инициативы в чрезвычайно конкурентоспособном капиталистическом обществе, концентрат широко и броско рекламировался в отличие от названий железнодорожных станций, которые, хотя тоже являясь частной собственностью, тяготели скрывать свои названия под слоями грязи и пыли, поскольку прямых конкурентов не имели».

Автор принятого во всех средних школах России учебника по физике Хвольсон, очень мало сделавший для науки, сказал по случаю своего избрания почетным академиком: «Различие между академиком и почетным академиком такое же, как между государем и милостивым государем!» (обычное, сухое, официальное обращение в письмах старого времени). Хвольсон в данном случае проявил не только остроумие, но удивительное остроумие, ибо с честью для себя признал свое скромное место в науке. Достаточно быть хорошим педагогом и умным человеком.

Случай на съезде в Варшаве. Делегат случайно обменялся чемоданом с дамой. Дама вспомнила — у кого может быть ее чемодан. Входит в номер делегата. По комнате раскиданы женские вещи, а сам делегат в отчаянии: «Жена забыла положить мой доклад!» Что вещи женские — он не заметил.

Родители Эйнштейна говорили о нем в детстве: «Профессора из него не выйдет, ну а часового мастера мы как-нибудь из него сделаем».

Панамы стали популярны после того, как 16 ноября 1906 года президент США Теодор Рузвельт был сфотографирован в панаме во время своего путешествия по Панамскому каналу. Панамы Рузвельта была сделана из солонки кремового цвета и была невесома. Стоила панамы в то время 200 долларов и носили ее государственные мужи. А теперь этой же формы носят панамы дети, и это самый дешевый головной убор, но тоже преимущественно от солнца...

В Англии нет мышей: англичане любят кошек (впрочем, мыши, может быть, и есть, но так считают сами англичане).

Когда мне давали звание почетного доктора в Оксфорде, я останавливался в «The Randolph Hotel» и оттуда шел пешком на церемонию по Хайстрит в Тейлоровский институт в мантии и в шапочке. Никто не обращал на меня внимания. Во-первых, правила английской вежливости — не разглядывать незнакомых людей; во-вторых — это вполне обычное одеяние.

В начале XVIII века в Англии карикатуры считались по преимуществу итальянским занятием. Затем карикатуры заняли большое место в искусстве Англии. И это связано с особой терпимостью англичан к чужому мнению и к юмору.

Термин caricature появился в Англии в 1750-х годах. Расцвет английской карикатуры приходится на конец XVIII века. Англичанин по пути в свой клуб рассматривал витрины книжных магазинов, где выставлялись свежие карикатуры, и очень надеялся увидеть себя (свою личность, удостоившуюся карикатуры).

Карикатуры, кроме книжных магазинов, выставлялись в кафе, ресторанах, фойе театров, тавернах, в станциях дилижансов. Карикатуры собирались в альбомы и их можно было получить напрокат.

Когда я был в Англии в 1966 году, в Нью Колледже меня поразила профессорская комната: она была сплошь увешана карикатурами — старыми и совсем свежими. Никто из преподавателей не обижается, когда способные студенты рисуют на них карикатуры.

В средние века, а вероятно и раньше, была распространена игра в мареель. Доска к этой игре изображена на шпалере начала XVI века, хранящейся в Лувре (инвентарный номер ОА 9407). На этой шпалере мужчина-секретарь (судя по чернильнице и перу, которые он носит) предлагает господам игральную доску с расчерченными линиями. Чертеж на этой доске точно такой же, как на доске в Новгородском музее, которую Б.А.Рыбаков считает архитектурным пособием. Англичане возобновили выпуск этой игры. Она пользуется успехом. Игра довольно быстрая, двухэтапная: достигнув упрощения положения фигур на доске (путем выигрыша фигур), правила в игре меняются. Название ее «мельница». Я предложил в Новгороде выпускать эту игру вместо глупых сувениров — одинаковых во всех древних городах нашей страны, но... предложение мое осталось без ответа.

Что может быть несбыточнее гадания на кофейной гуще. Недаром выражение это («гадание на кофейной гуще») употребляется как поговорка нелепых и беспочвенных предположений о будущем. Гадают так: когда чашка с кофеем допита, ее опрокидывают в свою сторону, а затем смотрят по разводам растекшейся по чашке гущи. И вот расположение гущи («география» гущи) многозначительно. Сердечные дела — на дне чашки. Они, следовательно, самые важные и самые «глубокие». Выше по стенкам — служебные дела. Сторона чашки ближайшая к губам — это будущее (здесь мы пьем). Противоположная сторона — прошлое (оно ушло от нас). А сторона у ручки — настоящее (им мы управляем). Никто не верит, но все гадают, потому что гадание на кофейной гуще дает повод к разговорам. Можно друг над другом посмеяться. Если бы верили в кофейную гущу, — верно бы, гадали меньше, и то в одиночестве.

Виктор Шкловский сказал, демонстративно уходя с вечера знаменитого отгадчика мыслей Вольфа Мессинга: «Вольф Мессинг будет отгадывать за пять рублей (цена билета) мысли Виктора Перцова, а я не хочу знать их и бесплатно».

Освободить свое время от пустяков.

Два портрета одного лица в одинаковых размерах, расположенные рядом (в альбоме, в рамках) создают удивительную иллюзию движения. Даже просто одна и та же фотография, снятая в движении и расположенная рядом в двух экземплярах, создает ту же иллюзию.

Выписка из журнала *Connoisseur* (1984, august, p. 17). Вопрос: «Когда подделка не является подделкой?» Ответ: «Тогда, когда это честная репродукция».

В XVII—XVIII веках часовой мастер мог сделать за всю жизнь 70—80 часов. На одних из часов XVII века в Львовском музее мастер с гордостью начертал, что это его 134-е часы. Это был его подвиг, знак исключительного трудолюбия! Но я уверен, что качество часов было для него все-таки самым важным, а свой жизненный план цифрами он не выражал.

П.А.Капицу принял в Кембриджский университет Резерфорд. Впоследствии, несколько лет спустя, когда Капица выдвинулся, он спросил Резерфорда: «Почему вы меня приняли тогда: и знал мало и английским владел плохо?» Резерфорд ответил: «Я и сам удивляюсь — почему я вас принял тогда».

Поверие: Рим будет стоять до той поры, пока на Капитолии стоит статуя Марка Аврелия. Я был на Капитолии в мае 1986 года: статуи Марка Аврелия не было — взята на реставрацию.

В Новгороде существовало поверие (оно записано и в Новгородской третьей летописи), что Вседержитель в куполе Храма Софии держит в руке судьбу Новгорода: первый же немецкий снаряд в 1941 году попал в купол, в фреску. А может быть, действительно в каком-то смысле нет ни старого Рима, ни старого Новгорода? Один «взят на реставрацию», другой застроен нелепо.

В холле замка «Aroundell Castle» на юге Англии висит икона Иверской Богоматери работы Фаберже. Ей молилась герцогиня Норфолкская о даровании сына — и получила его, а в их роде все были дочери³.

Питер Устинов (в автобиографии «Уважаемый Я») замечает: «Англичанам принадлежит авторство поразительного количества международно признанных игр» — и далее объясняет в своем ироническом стиле: «И стоит иностранцам превзойти англичан в одной из их же собственных игр, как англичане хладнокровно изобретают другую, в которой какое-то время могут удерживать первенство, поскольку никто, кроме них, не знает ее правил». Устинов шутит, но любовь играть характерна для англичан. Пристрастие англичан к играм происходит от того, что они в основном «большие дети», вернее, подростки. И подростки — мужчины. Основные игры англичан преимущественно мужские. У них нет ни одной игры, отвечающей характеру девушек, — вроде русской игры в горелки. Вообще Англия преимущественно мужск-

кая страна. Женщины-преподаватели колледжей подражают мужчинам-преподавателям: в поведении в профессорских клубах, в поведении за общими со студентами обедами и пр.

В Оксфорде, в женском «Леди Маргарет колледже» я был приглашен к обеду. Женщины-преподаватели перед обедом в отдельной комнате пили аперитив и курили — как мужчины. Они вели себя по мужским «стандартам». Даже рассказывали вполне мужские анекдоты.

Для кулинарной книги. Способ сохранения винограда в Болгарии: хвостик кисти винограда втыкают в свеклу; сохраняется несколько месяцев (сам не проверял). И еще болгарское наблюдение: город Самоков — «курорт для вина». Испорченное вино восстанавливается в Самокове (температура, климат?). (Разумеется, и это я сам не проверял.)

Тишина каждый раз разная. В каждой комнате своя, на открытом воздухе своя — и всегда особая. Это открыли для меня звукооператоры телевидения. Они записывают тишину для пауз в передачах. Тишина не может быть «глухой».

Тишина звучит. Все знают, как выражает ночную тишину скрип половицы в деревянном доме, а тишину летнего дня — жужжание мухи, бьющейся об оконное стекло.

Пение соловья ночью — это громкая тишина, тишина, разразившаяся громом, гигантским щелканьем, великанскими ругадами. Тишина ночи, разорванная...

Так в старых галантерейных магазинах рвали, отмерив аршином, колени приказчики для покупателей.

«Эталонная личность», — то есть личность с определенной системой званий, степеней, должностей и хорошими анкетными данными. В результате — «ученый функционер» или «функционер в науке» (какое из двух выражений здесь уместнее — не знаю).

О тонкости икебаны (японского искусства подбирать цветы в группы, «коллективы») свидетельствует хотя бы следующее. Во время приведения в порядок цветов в букете мечеобразные листья ирисов (эти листья символизируют сами по себе мужество) следует располагать так, чтобы они имели положение плоской стороной к зрителю. Если листья обращены к зрителю острой стороной, то это означает плохую манеру составления, ибо конец меча направляется только на врага⁴.

Портреты Сталина делались очень часто из наборных материалов: из зерен риса, ракушек, соломинок (крашенных), камешков, а портреты Хрущева — из зерен кукурузы. Очевидно, художнику важно было показать свое усердие — преданность, а о вкусе и таланте никто не заботился.

Бумажные обои были во второй половине XVIII века дорогой новинкой. В 1781 году они только начали входить в употребление, но в Павловском дворце ими решались оклеивать только комнаты дочерей.

Дягилев на своих визитных карточках писал себя «De Diaghileff» и играл роль «un grand seigneur en voyage» (путешествующего большого барина), его называли «un vrai boyard russe» (настоящий русский барин). Может быть, это и правильно: он был представителем русского искусства на Западе и без этого самоощущения ему бы не удалось организовать «русские сезоны».

Урок скромности. Рассказ ученика Репина Вербова в Нью-Йорке. Вербов учился также и у Кардовского. Кардовский никогда не хвалил своих учеников. Говорил иногда: «неплохо! неплохо!» Вербов решил добиться, чтобы он сказал ему «хорошо!». Вербов делал портрет и особенно трудился над глазами. Кардовский сказал: «Да, в общем хорошо!», но потребовал исправить один глаз, над которым Вербов особенно трудился, — сдвинуть его на миллиметр. Когда Вербов отказался, сказав, что на это потребуется два дня, Кардовский взял и стер ему глаз. Вербов за несколько часов сделал глаз. Кардовский посмотрел и сказал: «Но и тот, впрочем, был хороший. Я вам велел его переделать, чтобы дать вам урок скромности!»

Вербов как салонный художник (ему за 90) рисовал многих высокопоставленных людей. Ему нравился великий князь Дмитрий Павлович, у которого, впрочем, нос был перебит лошадьёю. Успел он писать и государя в 1916 г. Сказал о нем, что у него был тик, крутил ус и почесывал за ухом.

Мужской романовский полушубок (я такой носил в 1928—1932 годах и в ленинградскую блокаду) застегивается на крючки по-женски — с левой стороны. Так удобнее действовать правой рукой: если бы крючки были справа, пришлось бы натягивать борт полушубка левой рукой. Но на русских косоворотках (удивительно удобная одежда) застёжки тоже были на левой стороне, а под мышками — ластовицы, позволявшие свободно поднимать руки в работе.

В нижегородском Музее деревянного зодчества есть прекрасный образец русской косоворотки: темно-красной с черной вышивкой, очень широкой и с черными ластовицами под мышками.

В царской армии полагалось носить фуражку чуть набекрень: над левым ухом — околыш на три пальца, над правым — на один (для «удобства» воображаемого взмаха саблей с коня).

«Для того чтобы мышца развивалась, она должна уставать» (Сеченов).

Когда легче полоть грядку? После дождя, когда сорняки сыты водой и «довольны».

Стиль модерн в костюмах

«Зеленые и лиловые парики попробовали носить в Париже с легкой руки Бакста и Анисфельда, раскрасивших наш балет, — почище «Les preludes» — но это не привилось»⁵.

«Бал цветных париков» у граф. Е.В.Шуваловой (теперь «Дворец дружбы» на Фонтанке)⁶.

«Аэронавтический опыт» француза Гарнерена (Garnerin) в Павловске в присутствии императрицы Марии Федоровны в 1803 году. Гарнерен запустил шар с привязанной кошкой, а шнур, на котором висела кошка, поджег. Кошка спустилась на парашюте и «была представлена императрице»⁷. Превосходно! Но интересно — как вела себя кошка во время этого «представления» ее императрице? По ритуалу?

Умение смеяться присуще человеку, отличает его от всех других живых существ. Какое бы положение ни занимал человек, он должен смеяться.

Остроумие было в XVIII веке обязательным для государственных деятелей. Остроумной была и Екатерина II. При ней в математике «п» в квадрате обозначалось «пп», а «к» в квадрате «кк». Когда Эйлер ехал морем в Санкт-Петербург, у него во время кораблекрушения утонул сундук со всеми бумагами. Екатерина сказала ему на приеме: «Какое несчастье! У нас погиб сундук со всеми вашими «пипи» и «кака».

Богиня Нике (Победа) изображалась без меча, но с крыльями. Победивший должен оставить меч, быть великодушным и «воскрыленным» гуманными идеями.

О НАУКЕ И НЕНАУКЕ

Научная работа — это рост растения: сперва она ближе к почве (к материалу, к источникам), затем она поднимается до обобщений. Так с каждой работой в отдельности и так с общим путем ученого: до широких («широколиственных») обобщений он имеет право подниматься только в зрелые и пожилые годы.

Мы не должны забывать, что за широкой листвой скрывается прочный ствол источников, работы над источниками.

Прогресс часто состоит в дифференциации и спецификации внутри какого-то явления (живого организма, культуры, экономической системы и пр.). Чем выше на ступенях прогресса стоит организм или система, тем выше и объединяющее их начало. В высших организмах объединяющим началом является нервная система. То же самое и в культурных организмах — объединяющим началом являются высшие формы культуры. Объединяющее начало русской культуры — это Пушкин, Лермонтов, Державин, Достоевский, Толстой, Глинка, Мусоргский и т.д. Но захватываются не только люди, гении, но и гениальные произведения (особенно важно это для древнерусской культуры).

Вопрос состоит в том, каким образом высшие формы могут возникнуть из низших. Ведь чем выше явление, тем меньше в нем элементов случайности. Система из бессистемности?

Уровни законов: физический, выше физического — биологический, еще выше — социологический, самый высокий — культурный. Основа всего в первых ступенях, объединяющая сила — в культурном уровне.

Составитель известного словаря английского языка доктор Самюэль Джонсон утверждал: «Знание бывает двух видов. Мы либо знаем предмет сами, либо знаем, где можно найти о нем сведения». Это изречение имело в английском высшем образовании огромную роль, ибо было признано, что в жизни самое необходимое знание (при наличии хороших библиотек) — второе. Поэтому экзаменационные испытания в Англии проводятся часто в библиотеках с открытым доступом к книгам. Проверяется в письменном виде: 1) насколько хорошо учащийся умеет пользоваться литературой, справочника-

ми, словарями; 2) насколько логично он рассуждает, доказывая свою мысль; 3) насколько хорошо он умеет излагать мысль письменно.

Все англичане умеют хорошо писать письма.

В дореволюционные времена семинаристов считали грубыми и неотесанными. Между тем в семинариях преподавали помимо элементарных предметов логику и психологию, русскую словесность, гражданскую историю (помимо церковной) — русскую и всеобщую, алгебру, геометрию, топографию, физику, естественную историю, сельское хозяйство (на случай если священствовать придется в сельской местности), народную медицину, а из языков — обязательные: греческий, латинский, церковнославянский, а для желающих — древнееврейский, французский и немецкий. В Херсонесе изучали новогреческий и крымско-татарский. В Петербургской семинарии — финский и латышский, в Вологодской — зырянский.

«Хороший тон» в науке. В моей юности (когда я учился в университете) ученые щеголяли знаниями, а «идеи» оставались на втором плане. Сейчас в науке развилось стремление выдвигать идеи — самые невероятные и в большом количестве. Это выражено в книге Эдварда Боно «Рождение новой идеи»: «Возможно... имеет больший смысл располагать значительным числом идей, не боясь, что часть из них окажется ошибочной, нежели всегда быть правым, не имея вообще никаких новых идей»¹.

Как часто бывает — истина посередине, но не просто посередине, а с заимствованием преимуществ той и другой стороны: обоснованность от первой и инициативность от второй.

В филологической науке наиболее долговечны факты, а не идеи. Издания памятников, текстологическая работа, выясняющая историю текста тех или иных произведений, — это бесспорно необходимая на столетия работа, но она никак не может быть признана «лишенной новых идей». Обнаружить авторский текст, определить взаимоотношение редакций, видов списков текстов — это все «идеи». Достаточно вспомнить споры вокруг евфросиновского списка «Задонщины», чтобы понять, что развиваемые здесь идеи имеют колоссальное значение не только для изучения самой «Задонщины», но и для выяснения подлинности «Слова о полку Игореве». А идеи, связанные с определением отношения русской культуры XVI века к западному Ренессансу, если они не основываются на вновь выявленных фактах, документах, произведениях, — устаревают через несколько лет и по большей части не годятся даже для создания новых концепций, новых «комбинаций» фактического материала, ибо материал в такого рода работах обычно получен из вторых рук.

В науке вторичность губительна. Концептуальные же работы по большей части именно вторичны, основаны на материалах, добытых предшественниками. Такого рода метод создания работ «с идеями» я называю «методом добывания творога путем выковыривания его из ватрушек».

В стремлении проявить ученость и проницательность ученые-искусствоведы и палеографы часто преувеличивают и перенапрягают свои возможности точных атрибуций и датировок. Это выражается, например, в «точном» определении района, из которого происходит икона, не учитывающем то обстоятельство, что иконописцы постоянно переезжали из одного места в другое. Выража-

ется это и в «точном» определении времени, к которому относится тот или иной почерк. «Первая четверть такого-то века» или «последняя четверть такого-то века». Как будто бы писец не мог работать 50 лет и более, не приноравливая свой почерк к тому или иному вступившему в моду почерку. Или как будто писец не мог учиться у старика, да еще где-либо в заочной школе.

Однако точность «определений», иногда с точностью до десятилетия, придает «вес» ученому в глазах окружающих.

Мне вспоминается, как мой школьный товарищ Сережа Эйнерлинг (правнук известного издателя «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) показал мне в самом начале 20-х годов выменянные им документы Соляной конторы XVIII века. В эти документы завертывались сеledки на рынке. Они были получены им из «списанных» залежей петроградских архивов. Торговцы охотно меняли эти документы на обычную газетную бумагу — фунт на фунт. Наменял этих документов и я (тем более что жили мы на казенной квартире Первой государственной типографии — теперь Печатный Двор, и всякой бумаги для обменов у нас было много).

Меня очень интересовала красота почерков: у каждого писца — свой почерк. Были почерки суховатые, свойственные XVIII веку, а были и очень размашистые — точь-в-точь XVII век. Документы в большинстве случаев имели даты. Когда я занимался в университете палеографией у академика Е.Ф. Карского, я принес ему часть документов, и он объяснил мне наличие архаичных почерков на датированных документах середины XVIII века: документы были из городов Русского Севера. Туда «культура» доходила медленно, учителями писцов могли быть старики. А не будь дат у документов? Современные «эрудированные» палеографы непременно определили бы их «концом XVII века» или чем-то вроде этого. Разве что догадались бы проверить водяные знаки...

А разве с иконами не могло быть того же самого?

Сам я пишу уже лет семьдесят. За это время мой почерк менялся: стал менее разборчивым — сказывается возраст, но отнюдь не эпоха. Хотя и в новое время почерки меняются по времени.

Академик А.С. Орлов сохранял некоторые старые начертания букв, типичные для XIX века: буква «т», например.

Все виды искусства, а тем более в пределах искусства литература, играют все большую роль в познании мира (в тех случаях, конечно, когда литературное произведение действительно принадлежит к высоким формам искусства). Не случайно физик Эйнштейн находил для себя нечто, стимулирующее мысль, в произведениях Достоевского, а филолог Р.Я.Кобсон — в произведениях Матисса и Пикассо.

Искусство можно рассматривать как один из видов познания действительности. Попробуем определить своеобразие этого познания действительности через искусство.

Познание мира может быть двойным: «успокоенным», чисто созерцательным, констатирующим, утверждающим, как бы неподвижным, — но познание мира может быть и «движущимся», как бы следящим за движением познаваемого, развивающимся, не созерцающим, а следящим, т.е. идущим в след.

Первое познание мира дает наука, второе познание — искусство. Искусство не передает мир как бы в отпечатке его, а как бы ставит эксперимент,

создает ситуации. Это познание творит мир, иногда свой, особенный, а иногда просто односторонний.

Научное познание не ставит себе целью уловить мир в его потенциях, в его движущейся глубине. Познание через искусство в той или иной мере нестабильно, ибо в нем огромную роль играет познающий, само его «бегущее восприятие». Впрочем, элемент искусства есть и в науке, поскольку познание невозможно без познающего. Различие в том — какое из познаний к чему стремится. Научное познание стремится освободиться от познающего, от исследователя, сделать себя «объективным». Познание же, которое дает искусство, напротив, стремится как можно больше вовлечь познающего в свой акт познания. В искусстве познающий (слушатель, зритель, читатель) творит вместе с автором или помимо автора, но по его *подсказке*. В особенно высоких произведениях искусства бывает несколько его осмыслений. Так, по-разному можно осмыслять персонаж литературного произведения (особенно у Достоевского), поэзию Пастернака или музыку Баха. И от этого «познание мира» лишь приобретает большую ценность. В науке же требуется *одно* восприятие, одно осмысление, одно выражение осмысляемого (выражение в виде математической формулы или той или иной концепции).

Все рассуждения об эмоциональности искусства не полны. Эмоции в искусстве лишь одна из сторон извлечения активности из познаваемого.

В создании различных искусствоведческих псевдотеорий и обобщений огромную роль играет суетность исследователей: стремление «сказать свое слово», дать свое определение, название, скрыв, однако, свою зависимость от предшественников или «неприятных» им современников. Иногда искусствоведы (и литературоведы тоже) не ссылаются на своих современников, чтобы отделиться от них по соображениям группового характера или из простой человеческой неприязни.

В недавно вышедшей книге лучшего нашего знатока древнерусского искусства — Г.К.Вагнера — «Канон и стиль в древнерусском искусстве»² есть глава «Постановка проблемы», где с замечательной объективностью и нейтральностью анализируются взгляды на стили в древнерусском искусстве различных ученых начиная с XIX века. В ней ничего не говорится о личных взаимоотношениях между искусствоведами, но, зная эти взаимоотношения, следует пожалеть — как много проигрывает теория от внетеоретических эмоций и эгоизма исследователей, стремящихся к «самоутверждению» или к умалению значения своих современников.

Кстати, существует несколько упрощенных способов создания «новых» подходов и методов в гуманитарных науках. Один из них, самый распространенный, — это объявить необходимость комплексности. Отсюда в педагогике родился в 20-е годы нелепый комплексный метод в преподавании. Комплексные подходы время от времени появлялись в искусствоведении, в литературоведении, в различных вспомогательных дисциплинах. Что скажешь против необходимости «комплексности»? А впечатление — новой игрушки в руках у ученых.

Вторичность в науке. Вторичность — явление, захлестывающее разные стороны культуры. Наука, и в частности литературоведение, также подвержены этому явлению. Ученые часто создают новые гипотезы не на основа-

нии «сырого» материала, а видоизменяя старые, уже бывшие в употреблении гипотезы и теории, со всеми приводимыми в них фактами. Это еще *лучшая* форма вторичности. Хуже, когда ученый пытается поставить себя выше науки и начинает, как милиционер, регулировать движение: этот прав, тот не прав, такому-то следует подправиться, а этому не заходить слишком далеко. Раздает похвалы и шлепки, кого-то милостиво поощряет и пр. Такая вторичность особенно плоха тем, что создает ученому ложный (к счастью, недолговечный) авторитет. Всякий, кто берет в руки палку, начинает внушать невольный страх — как бы от него не попало.

Ко вторичности в науке приближается по чисто внешнему сходству историографический подход. Но историография, если она настоящая, — это не вторичная наука. Историограф науки изучает тоже сырой материал и может прийти к интересным выводам. Впрочем, и историографии в широкой мере грозит вторичность.

Вторичность — вроде соединительной ткани. Она грозит разрастанием и вытеснением живых, «работающих» клеток.

Блаженный Августин: «Я знаю, что это такое, только до той поры, пока меня не спросят — что же это такое!»

Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он безусловно должен их *правильно* ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ.

Самое важное в познании — понять явление как целое: понять историю человечества, народа, историю литературы или искусства как целое. Для градостроителей важно понять город как целое. Для каждого человека следует постараться осмыслить свою жизнь как целое.

Человек не обладает истиной, но неутомимо ее ищет.

Истина отнюдь не упрощает мир, а усложняет его, заинтересовывает в дальнейших поисках истины. Истина не завершает, она открывает пути.

Яркое научное воображение позволяет ученому в первую очередь не столько предлагать решения, сколько выдвигать все новые и новые проблемы.

Наука растет не только накоплениями утверждений, но и накоплением их опровержений.

В.И.Вернадский, известный всему миру своими научными обобщениями, писал: «Настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт, — а не обобщение»³. Правда, рядом он зачеркивает эту мысль, отрицает ее всеобщность, но все-таки...

В письмах из Америки и Канады В.И.Вернадский поражается «роскошью университетского образования», «широтой возможностей научной работы» и малыми результатами. 6 августа 1913 года он пишет из Торонто: «Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средства-

ми; многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь, — детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно...». Николь — канадский ученый, профессор Кингстонского университета. Похоже, что мы вступили в тот же период развития науки, всегда берем многочисленностью, а не талантом больших в науке личностей.

В 20-е годы академик Стеклов не хотел давать вакансии академика для С.Ф.Платонова и сказал между прочим: «Науки делятся на естественные и противоестественные». С.Ф.Платонов нашелся и ответил: «Науки делятся на общественные и антиобщественные».

Гете принадлежит высказывание: «Призрак не видят вдвоем». Эта мысль может быть распространена и на одновременность создания какой-либо сложной теории двумя людьми. Однако бывают случаи, когда какое-либо открытие как бы назревает, состояние науки «позволяет» его сделать.

Одновременность открытий в науке и в технике (а может быть, и стилистических и идейных решений в искусстве).

В 1825 году Янош Болаи получил письмо от своего отца, предупреждавшего своего сына о необходимости скорее опубликовать свою геометрическую теорию, ибо «надо признать, что некоторые вещи имеют, так сказать, свою эпоху, в коей их в разных местах находят одновременно». В самом деле, в феврале 1826 года Н.И.Лобачевский представил доклад, в котором содержалась аналогичная теория, с новым решением проблемы V постулата Эвклида о параллельных прямых.

Историки науки должны заняться специальным изучением одновременности некоторых открытий разными людьми (Попов и Маркони и пр.). В общем плане истории культуры это крайне важно.

А по поводу Лобачевского я бы прибавил еще следующее. Часто открытия делаются играя, в качестве шуточного, веселого предположения. Как кажется, Лобачевский первоначально не придавал особенно серьезного значения своему открытию. В искусстве (особенно в живописи) многое шло от эпатирования, озорства, шутки. Когда я спросил Б.В.Томашевского, правильно ли описал историю литературоведческого формализма Виктор Эраих в своей книге на этот сюжет, Б.В.Томашевский ответил мне: «Он не заметил, что мы вначале просто хулиганили».

В науке знакомое должно идти перед незнакомым.

Мне неоднократно в своих выступлениях приходилось писать и говорить, что доступ к архивным материалам должен быть более открытым, свободным. Научная работа (особенно текстологическая) требует использования по той или иной теме всех рукописных источников (об этом я пишу и в двух изданиях своей книги «Текстология»). У нас же все чаще в архивохранилищах решают — эту рукопись выдать, а эту — не выдавать, и решение это зачастую произвольно. Особенно надо приучать пользоваться первоисточниками научную молодежь, — а она-то все чаще оказывается стеснена в читальных залах рукописных отделов.

Рукописные книги и рукописи надо выдавать почаще — от этого зависит, кстати сказать, и их сохранность. Исследователь контролирует состоя-

ние рукописей, контролирует архивиста, проверяя, так ли он «опознал» рукопись. Я мог бы привести десятки примеров, когда рукописи считались «пропавшими» в результате того, что они подолгу не попадали в руки исследователю и не отождествлялись.

Доступность источника — и рукописного документа, и книги, и редких журналов или старых газет — кардинальная проблема, от которой зависит развитие гуманитарной науки. Препраждение доступа к источникам ведет к застою, принуждая исследователя топтаться на площадке одних и тех же фактов, повторять банальности, и в конце концов отделяет его от науки.

Не должно быть никаких закрытых фондов — ни архивных, ни библиотечных. Как достичь такого положения — этот вопрос должен быть обсужден широкой научной общественностью, а не решаться в ведомственных кабинетах. Свобода доступа к животворным культурным ценностям — наше общее право, право всех и каждого, и обязанность библиотек и архивов — обеспечить осуществление этого права на деле.

Прослать эрудитом проще всего, зная немного, но именно то, чего не знают другие.

Если бы мне пришлось издавать журнал (литературоведческий или культурологический), я бы сделал в нем три главных раздела: 1) статьи (обязательно краткие, сжатые — без фразеологических штампов и излишеств; в целом — не больше полулиста); 2) рецензии (отдел открывался бы общим обзором книг, вышедших за определенный промежуток времени: можно за год по темам, и состоял бы в основном в подробных разборах книг); 3) заметки и поправки (типа тех, что дает И.Г.Ямпольский в «Вопросах литературы»); это внесло бы дисциплину и чувство ответственности в авторский труд, подтянуло бы авторов.

Д.А.Гольдгаммер. Самовнушение при научных исследованиях⁴. Очень интересная статья. На многих примерах она показывает давно известный факт: как результаты наблюдений и экспериментов подгоняются под выводы. Но важно в ней и ново то, что эта «подгонка» совершается часто бессознательно. Исследователь так убежден в заранее составленных им выводах, что во всем видит их подтверждение и действительно не видит ничего, что им противоречит.

Хотя автор ограничивается «точными» науками, но в еще большей мере это касается ведь и гуманитарных дисциплин. В литературоведческой текстологии — это сплошь да рядом. Достаточно посмотреть работы по текстологии «Задонщины»: вариант хуже — значит, он вторичный, вариант лучше — значит, исправили предшествующее чтение, которое было хуже. Уже совсем не уследишь за «самовнушением» в более широких обобщениях, когда необходимо охарактеризовать особенности творчества того или иного автора.

Но самовнушение распространяется не только на творцов, но и на читателей, на зрителей, слушателей. И тут оно играет иногда положительную роль. Репутация автора или художника заставляет внимательнее относиться к их творчеству: читать, смотреть, слушать. А читатель, зритель и слушатель должны быть «искательны», внимательны, вдумчивы, особенно если это касается «трудных» творцов: Пастернака, Мандельштама, постимпрессионистов, сложных композиторов.

Иногда читателю, зрителю, слушателю кажется в результате самовнушения, что он понимает. Ну и пусть кажется! В конце концов поймет или отбросит. Но без периода пытливых поисков всем трем не обойтись. Если все трое хотят совершенствовать свое познание искусства.

Увеличение знаний о явлении ведет иногда к уменьшению его понимания.

В литературоведении вместо исследований все больше развиваются «наднаучные» работы: «ученый» больше всего толкует о том — кто прав, кто нет, кто на правильном пути, а кто скосил с него и пр.

В инквизиции была должность «квалификатора». Квалификатор определял — что есть ересь и что ересью не является. В науке квалификаторы ужасны. Их много в литературоведении.

Ларошфуко: «Человек всегда имеет в себе достаточно мужества, чтобы перенести несчастья других». Добавим: а ученый — неудачи чужого эксперимента или его фактическую ошибку.

Б.А.Романов сказал про одного историка, увеличивавшего список своих работ обилием рецензий: «Он расплевывает свои рецензии направо и налево».

Там, где нет аргументов, там есть мнения.

В одной из своих рецензий Б.А.Ларин написал: «Самой сильной частью книги приходится признать ее оглавление — попытку систематизации вопросов, — разработка же их (т.е. вся книга. — Д.Л.) поверхностна и примитивна». Убийственно точно.

В начале 30-х годов, в пору «перестройки» Академии наук кто-то (не назову фамилии) читал доклад о Пушкине в Большом конференц-зале главного здания Академии наук. По окончании доклада, когда все расходились, в толпе у дверей Е.В.Тарле воздел руки кверху и произнес: «Я, конечно, понимаю, что это Академия наук, но в зале все же были люди с высшим образованием». Вчера читался доклад по советской литературе в Отделении литературы и языка. Я не выдержал и ушел, а знакомым сказал: «Мы-то ко всему привыкли, но стыдно было стенографисток».

Ньютон открыл закон земного тяготения, но он не строил гипотез — что это такое, чем объясняется и т.п. Ньютон об этом декларативно заявил: он сказал, что не строит гипотез о том, чего не знает. И этим он не затормозил развития науки (со слов академика В.И.Смирнова. 15.IV.1971 г.).

Прогресс — это в значительной мере дифференциация и специализация внутри некоторого «организма». Прогресс в науке — это тоже дифференциация, специализация, усложнение изучаемых вопросов, появление все новых и новых проблем.

Количество поднимающихся в науке вопросов значительно обгоняет количество ответов. Следовательно, наука, позволяющая пользоваться силами природы (в широком смысле), одновременно увеличивает количество тайн бытия.

Одно из самых больших удовольствий для автора — выход его книги или статьи. Но... удовольствие это падает с выходом каждой следующей книги: вторая книга — уже половина восторга от первой, третья — треть, четвертая — четверть и т.д. Чтобы сохранить это удовольствие, надо, чтобы труды были новыми, не повторялись — были как бы каждый раз «первыми». Книга должна быть «неожиданностью» — и для читателя, и для самого автора.

Недостаточно быть рыбой, чтобы стать хорошим ихтиологом: это выражение можно применить к одной старой фольклористке из деревни, считавшей себя высшим авторитетом в делах народного творчества.

Раздраженный пустыми социологизированиями одного литературоведа, В.А.Десницкий сказал: «Из этого Пушкину штанов не сошьешь».

Резерфорд сказал: «Научная истина проходит три стадии своего признания: сперва говорят — «это абсурд», потом — «в этом что-то есть» и наконец — «это давно известно!». Вся соль здесь в том, что каждое из этих суждений Резерфорд называет «признанием»!

«Инверсионная система» в науке: доказательная система строится для той или иной концепции. Соответственно подбираются документы и т.д.

С.Б.Веселовский писал: «Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов»⁵.

В.А.Десницкий (бывший семинарист) называл сотрудников Пушкинского Дома, обладающих учеными степенями, «рясофорными».

Барабанный бой эрудиции: имена, названия, цитаты, библиографические сноски — нужные и ненужные.

Выражение Изоргиной: «забогтливые эрудиты».

Анатоль Франс: «Наука непогрешима, но ученые часто ошибаются».

Из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Один из параграфов Устава «О нестеснении градоначальников законами» гласит: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя». Напрасно думают, что это не относится к науке.

«Где, хотел бы я знать, тот тяжеловес, который в состоянии вбить в семь-восемь страничек... историю и теорию, обзоры и методы» (из статьи Марлена Кораллова).

«Избирательное мышление» — бедствие в науке. Ученый, согласно этому избирательному мышлению, выбирает для себя только то, что подходит для его концепции.

Ученый не должен становиться пленником своих концепций.

Суеверия порождаются неполным знанием, полуобразованностью. Полуобразованные люди наиболее опасны для науки: они «все знают».

Об уме

Можно ли захотеть и быть умным? Можно. Надо только понять, что такое ум. В какой-то мере, конечно. Потому что до конца понять, что такое ум, нельзя.

Начну с простейшего примера. Мы говорим: «умная собака», «умная кошка», даже «умная корова». Но переселите этот «ум» в человека, и человек окажется больше, чем идиотом, каким-то «полусуществом».

Мы можем обозначить как «умного» токаря, вагоновожатого, лаборанта, истопника — я не знаю, кого еще перечислить из «среднего персонала». Но сделайте кого-нибудь, закрыв глаза, министром, и в подавляющем большинстве случаев окажется, что министр будет глупым, тупым, «узколобым». Хотя, конечно, могут оказаться и счастливые случаи...

Отсюда ясно: ум соотносителен с положением, которое человек занимает. И отсюда следует: если хотите быть умным — не стремитесь захватить должность, на которой окажетесь глупым.

«Познайте самого себя» и действуйте в жизни сообразно.

И второе наблюдение, не менее важное. Ум — это прежде всего поведение. Умный человек — это тот, кто ведет себя правильно в собственной семье, с товарищами, на работе и т.д. Ум — это тактичность, умение отделить мелкое от важного, предусмотреть будущее... Можно быть умным ученым, а можно быть талантливым ученым. Это разные типы ученых. Умный ученый определяется по поведению в науке, по тому, что он знает истинную цену своим открытиям, своей методике, своему положению в науке. Талантливый ученый создает интересные гипотезы, делает важные открытия (часть из которых может оказаться, впрочем, ложными). Талантливым ученым восхищаются, умного уважают... Талантливым сделаться очень трудно — им надо родиться. Умным стать вполне можно.

А.С.Пушкин в «Наброске статьи о русской литературе»: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Сорные идеи растут особенно быстро.

«Престижные публикации» ученых: 1) для увеличения числа работ (списка работ); 2) для участия в том или ином сборнике, где появление имени ученого само по себе почетно; 3) для участия в каком-либо большом научном споре («присоединение к спору» — «и я имею в этом свое мнение»); 4) для того чтобы войти в историографию вопроса (особенно часты статьи этого рода в спорах о датировке документа); 5) для того чтобы напомнить о себе в каком-либо солидном журнале; 6) для того чтобы выказать свою эрудицию. И т.д. Все эти публикации засоряют науку.

Искусственное раздувание объемов статей: 1) путем подробного и ненужного в ряде случаев изложения историографии вопроса; 2) путем искусственного увеличения библиографических сносок, включения в сноски работ, имеющих малое отношение к изучаемой проблеме; 3) путем подробного изложения пути, которым автор дошел до того или иного вывода. И т.д.

Шаблон в темах научных статей: 1) статья ставит себе целью показать ограниченность той или иной концепции; 2) дополнить аргументацию по тому или иному вопросу; 3) внести историографическую поправку; 4) пересмотреть дату создания того или иного произведения, поддержав уже высказанную точку зрения, особенно если она принадлежит влиятельному ученому. И пр.

Все это часто простая наукообразность, но которую трудно выявить.

Известность и репутация ученого — совершенно различные явления.

Десять самооправданий плагиатора.

Как оправдывается плагиат в научных работах. Во-первых, отмечу, что на плагиат решается прежде всего начальник, а не подчиненный или уж равный у равного. А оправдания следующие: 1) он (жертва) работает по моим идеям; 2) мы с ним (жертвой) работали вместе (вместе — часто означает разговор, подсказку и пр.); 3) я его (жертвы) руководитель; 4) весь институт или вся лаборатория работает, утверждает плагиатор, по «моим» идеям, по «моей» методике и пр. (а к чему, вообще говоря, сводится роль научного руководителя учреждения — на то он и руководитель); 5) заимствование — общее место в науке, всем известное положение, банальность, не стоящая какой-либо сноски, отсылки и пр. Кто же этого положения не знает? 6) я на него и сослался (а сослался на второстепенное положение или в очень общей форме, не дающей читателю понять — что же взято у жертвы); 7) а он сам списал это положение у такого-то (в расчете, что проверять не станут, — особенно если ссылка сделана без точного указания источника); 8) а у меня другое (перефразировка, создание нового термина для того же понятия); 9) а у меня совсем другой материал (если материала много, положение оправдывается другими примерами, этот способ действует особенно легко); 10) положить идею молодого ученого в основу коллективного труда, возглавляемого «заслуженными именами». Вообще — бороться с индивидуальными трудами и стремиться создавать труды коллективные.

Способов обойти совесть бесконечно много. Но результат один: в науке не появляются новые крупные имена, наука хиреет, появляются «тайные труды» — тайные, чтобы не овладели ими бесталанные «организаторы науки».

Наука часто мстит скептикам. Когда Вольтеру сказали, что высоко в Альпах нашли рыбий костяк, он презрительно спросил, не завтракал ли там постыющийся монах. К.Честертон: «Во времена Вольтера люди не знали — какое следующее чудо удастся им разоблачить. В наши дни мы не знаем, какое следующее чудо нам придется проглотить» (из книги Честертона о Франциске Ассизском).

Полузнайство в науке ужасно. Считается, что в науке могут хорошо руководить плохие ученые. Они берутся из полузнаек, ставятся в директора и

заведующие и обычно направляют науку по узким тропам мелкого техницизма, которые ведут к быстрому и мимолетному успеху (или к полным провалам, когда такие полужнайки стремятся к авантюризму в науке).

Силловые методы возникают из некомпетентности. Красный террор возник не потому, что стала представлять большую опасность контрреволюция, а потому, что не знали, как управлять государством. После смерти Ленина не нашлось ни одного человека в «правительстве», который умел бы профессионально решать экономические и государственные вопросы — найти выход из разрухи. Отсюда — попытка решать все с помощью насилия. Насилие возникает из некомпетентности.

Никогда нельзя полагаться на сведения одного рода, на одну аргументацию. Это хорошо может быть продемонстрировано на следующем «математическом» анекдоте. С математиком посоветовались: как обезопасить себя от появления террориста с бомбой в самолете. Ответ математика: «Возить с собой бомбу в портфеле, так как по теории вероятностей очень мало шансов на то, чтобы в самолете одновременно оказались две бомбы».

Еще один вид суетности в науке: стремиться обладать «изысканными знаниями». Это возможно, и такого рода снобизм продолжает существовать, хотя и реже, чем в предшествующие столетия.

Длинный язык признак короткого ума.

Самое легкодостижимое и одно из главных достоинств научного доклада (доклада как такового) — краткость.

Малый прогресс в большом деле важнее большого прогресса в малом (а может быть, я не прав?).

Ошибка, признанная вовремя, — не ошибка.

В научном коллективе необходимы не директивы и распоряжения, а сотрудничество. И главная задача руководителя — достичь этого сотрудничества.

«Ответственный работник» — этот «термин» обычно понимается в смысле «важный», «высокопоставленный начальник», а надо понимать точно согласно значению самих слов: работник, ответственный за свои поступки, за свои распоряжения и поступки. Он не поднят над своими поступками, а подчинен им, подчинен своим обязанностям, наказуем за всякую неправду, этим работником сделанную. С ответственного работника больший спрос, чем с обычного работника. «Ответственный работник» противопоставлен обычному, а не «безответственному» работнику, ибо последний вообще не работник. Всякий работник отвечает за свою работу.

Работа и работник составляют некое единство. Это особенно ясно в научном труде: ученый — это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен. Хорошая работа не просто сделана хорошим работни-

ком, но она сама создает хорошего работника. Работа и работник плотно связаны двухсторонней связью.

Какая утонченная месть, какое злое издевательство: хвалить человека за то, в чем он явно не проявился!

Слышал от физика (кажется, члена французской Академии Абраама): нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Познание в науке идет по двум руслам — более простому и более сложному. *Простой путь познания — сведение сложного к простому, сложный путь — открытие в простом сложного.* Первый путь как бы тяготеет к познанию и стремится его по возможности закрыть. Второй путь — это скрытое или явное восхищение миром, существующим, открытие в бытии Логоса.

Марксизм, фрейдизм, дарвинизм — это все попытки *сведения сложного к простому*, попытки явно несостоятельные... и вредные. Марксистский метод в изучении литературы превращает литературу в иллюстрацию к марксизму, к учению о классовой борьбе, возводит в главную норму жизни ненависть. Ясно, что марксистский метод в изучении литературы отбивает интерес к литературе, к чтению, «ускучивает» самую жизнь. Во что превращаются под пером и языком марксизма такие сложные персонажи, как Обломов, Базаров, Онегин... и пр., и пр.

Вера в Бога — это дар.

Марксизм — скучная философия (и примитивная).

Атеизм — скучная религия (самая примитивная).

И в моей жизни и в науке мне открывался один и тот же сюжет: стремление к свободе. В науке я прослеживал стремление к свободе, расширение тем и форм литературы, культуры... В моей личной жизни самым главным для меня всегда оказывалась необходимость отстоять свою самостоятельность от «веяний времени», мод, господствующих идей, никогда не вступать в какие-либо союзы, группы, противостоять идеологическим схемам и т.д. Это приводило меня к некоторому одиночеству, — особенно тогда, когда друзья юности постепенно ушли в «мир иной», а многие отворачивались от меня (для меня навсегда) из боязни «власть предрержащих». К ним я уже не возвращался...

Наша нетерпимость, возможно, из забвения евангельского: «Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас!» (Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 50).

ИЗ ПРОШЛОГО И О ПРОШЛОМ

Рано или поздно все разрушится, все исчезнет. Да, но лучше, чтобы «поздно», чем «рано». Когда-то человек жил только в настоящем. Но в большом настоящем, помня — кто у него родители и откуда. Открытие истории произошло несколько тысяч лет назад: открытие — в обе стороны: о прошлом легенды, для будущего курганы.

Курганы — лучшая память. Носитель истории — земля. Ведь нужно столько же работать, чтобы разнести курган, сколько чтобы его насыпать. Бульдозеров не было...

Человеку тесно жить только в настоящем. Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее — расширения туда и сюда.

И детям нужно знать, что о своем детстве они будут вспоминать, а внуки будут приставать: «Расскажи, дедушка, — как ты был маленьким». Такие рассказы дети очень любят. Дети вообще хранители традиций.

Когда Владимир Мономах закладывает Успенский собор в Киеве (1073 г.), в Смоленске (1101 г.), в Суздале (1101 г.), во Владимире (1108 г.), в Чернигове (вскоре после 1113 г.) — он закрепляет центр и границы государства Руси, он борется с «пустотой» огромной Русской земли. Одинаковые по посвящению Успению и по внутренним соотношениям храмы в середине кремлей в разных концах Руси необходимы для «преодоления пространства», для закрепления единства Руси.

Древнерусское язычество было связано с культом Земли и Рода. Язычество было земледельческим и племенным. Оно населяло Русь различными племенными богами, но не могло ее объединить. Объединил Русь византийский крест и скандинавский меч, но Русь осталась Русью, язык остался русским, разве что с церковно-литературной надстройкой в виде болгарского письменного языка. Любовь к земледельческому укладу пронизала собой христианство, и после нелегких лет преобразований и последующей за ними дестабилизации междукняжеских отношений наступила новая пора относительно спокойного уклада жизни, богатства еще не скованного крепостничеством крестьянства.

Отъезд русского посольства за границу. Миниатюра из книги "Повесть о Петре". 1697. Москва, Исторический музей.

А дальше так и пошло: разрушение стабильного уклада, шедшее сверху и продолжавшееся обнищанием и внутренними войнами, сменявшееся периодом относительной стабилизации быта и подъема культуры, когда жить становилось более или менее спокойно. Христианизация Руси и овладение ею княжеской династией сменилось в XII в. относительным благополучием, в котором княжеские свары не играли такой уж большой роли, как это может показаться по летописям и «Слову о полку Игореве», главной задачей которых было отмечать то, что выделялось из общего плана: раздоры, походы и междоусобицы князей.

Что, собственно, произошло в это время? Евразийцы были склонны преуменьшать значение восточного нашествия, другие, напротив, преувеличивали. Однако ни те, ни другие не пытались охарактеризовать события в их существе, а это безусловно важнее, чем все попытки оценить перерывы количественно.

Р.Г.Скрынников в своей книге о Грозном приводит хорошую цитату из Энгельса, объясняющую настроение Грозного, его страх смерти. Скрынников пишет, что «эпоху террора» нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. «Напротив того (здесь начинается цитата из Энгельса), это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх» (Письмо Ф.Энгельса к Карлу Марксу от 4 сентября 1870 г)¹.

Самозванчество — это не только факт активности отдельных личностей, но и характерная черта общества. Проявления личностного начала для Древней Руси все были сродни самозванчеству. Появление самозванцев это состояние общества, большое проявление индивидуализма. Его можно найти в разных явлениях культуры XVII века.

Марина Мнишек была настолько маленького роста, что для нее в Успенском соборе были сделаны скамеечки, чтобы ей прикладываться к иконам. Но это делает вероятным, что и Дмитрий Самозванец был невысокий. Не отсюда ли его «наполеонизм»?

По мнению Б.Б.Пиотровского, пирамиды строились потому, что власть фараонов была слаба. Все части Египта выстраивались цепочкой вдоль Нила, и выпадение хотя бы одного звена развалило бы всю государственную власть. Необходимо было обожествить власть фараонов.

К старине должно быть бережливое уважение, а не культ. Мы должны жить со старым, а не молиться на старое. На коленях жить невозможно (больно и неудобно).

Пушкин удивительно написал о Петре: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые нередко жестоки, своенравны и кажутся писанными кнутом»².

Ф.Я.Алексеев. Вид на Воскресенские и Никольские ворота. 1811.
Москва, Третьяковская галерея

Кто были деятели Петровской эпохи? Да все люди, родившиеся в Московской Руси. Разве этого недостаточно, чтобы понять органичность у нас явления Петра?

Кто были нашими учителями? Одни голландцы? Нет, Петр учился во многих странах и у многих учителей. Из них первым был швейцарец. Разве этого недостаточно, чтобы понять самостоятельность Петра?

С.М.Соловьев говорил в своих «Публичных чтениях о Петре Великом»: «В нашей истории выдаются две великие войны, в начале обоих веков нашей европейской жизни: великая Северная война и война 12 года; к обеим Россия не была готова» («чтение седьмое»)³. Сейчас он бы добавил третью великую: Отечественную 1941—1945 годов.

Молодой Карл XII предавался буйным забавам, охотился за зайцем в сеймовой зале. Карл XII тоже деспот, только более «неоправданный» в своем деспотизме, чем его противник Петр, который его и победил.

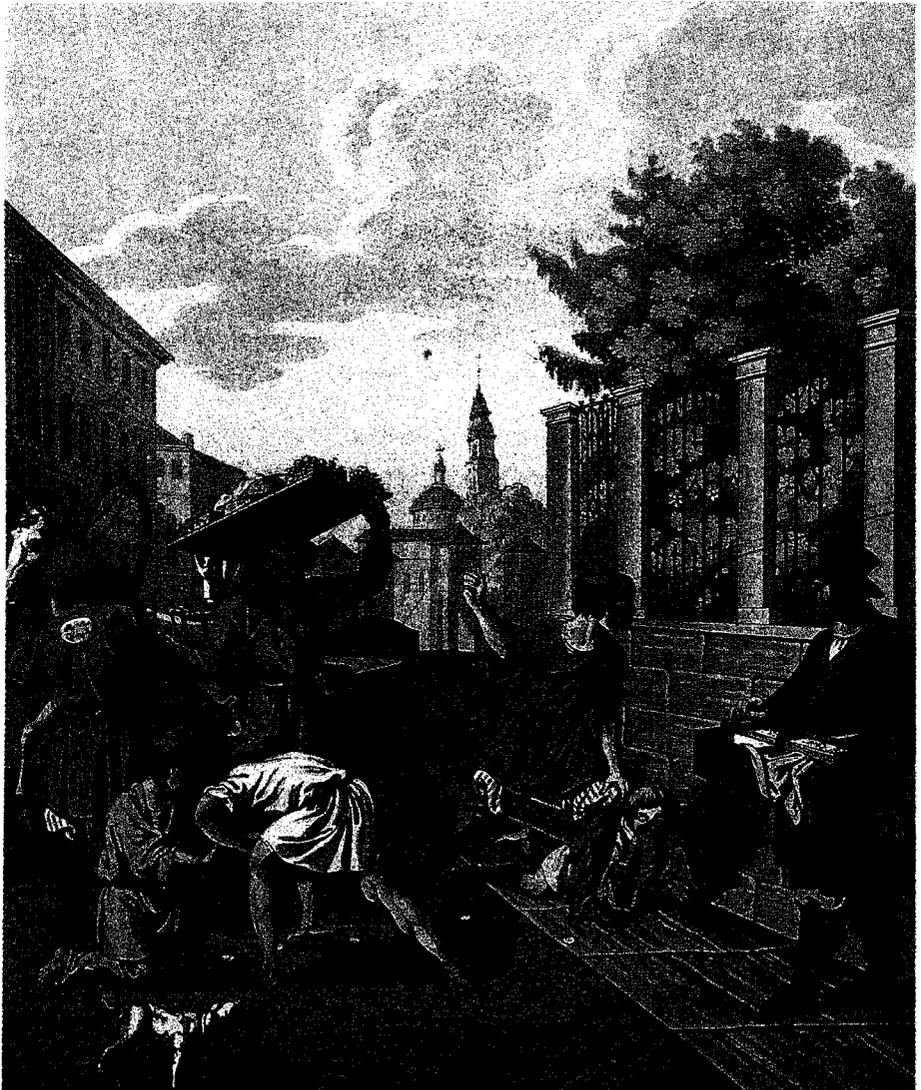
Суждение Льва Толстого о Петре I: «Про Петра говорят, что он был орудием своего времени, что ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был вести Россию в сношение с Европейским миром»⁴.

Дворянская империя все-таки боялась дворян. Вот один пример. Директор Павловска (тогда еще села), ведавший его строительством, К.Кюхельбекер «просил начальствующих лиц при Ладожском канале о пропуске строевого леса для Павловского, по-мимо прочих лесных гонок, не в очередь. Из-

вещенный об этом цесаревич <Павел> писал ему <К.Кюхельбекеру> из Вены, от 11 декабря 1781 г.: «что касается до ваших распоряжений, все, как мне кажется, очень хорошо, кроме пропуска не в очередь, по-мимо других <«по-мимо» здесь и выше означает — не в черед, минуя>, материалов, нам назначенных. Кроме того, что это, по-моему, несправедливо, — оно возбудит ропот в других»⁵.

Кюстин не страшен. Он типичен как иностранец и как человек своего времени. Но вместе с тем его произведение любопытно.

Графиня Шуазель-Гуфье в своих «Воспоминаниях об императоре Александре I и императоре Наполеоне I» замечает после отступления Великой армии из России: «Наполеон только сам себя мог победить». И это очень верно: победить себя ошибкою своего похода на Россию! А вместе с тем, что нового сообщает эта остроумная мысль?

Е.М.Корнеев. Игра в пристенки. 1812.

Е.М.Корнеев. Катающиеся на коньках по Неве. 1812.

«Вызвонить грех» — отлить колокол, чтобы он своим звоном вымолил у Бога прощение. Или — отлить колокол в чью-либо память. Таков был обычай.

Граф Аракчеев отлил колокол на память о своей убитой крестьянами любовнице — Настасье со следующей надписью: «В поминовение усопшей рабы божией Анастасии. Г.А. (т. е. «Граф Аракчеев») в село Оскую 1828-го году. Весу в колоколе... пуд». Это колокол «на память». Но одновременно он отливал колокол по казненным им убийцам Настасьи: «За упокой усопших рабов Божиих крестьян Грузинской вотчины. Г.А. (т.е. «Граф Аракчеев»). В церковь Грузинского кладбища, в 1828 году. Весу в колоколе... пуд». Следовательно, одновременно: и «вызвонить» и «помянуть»!

В имении Аракчеева Грузине на Волхове было на роскошных памятниках огромное количество надписей, в которых Аракчеев изливался в своей любви к сослуживцам, к любовнице Анастасии, к родителям, и прежде всего, конечно, к Александру I. Но когда Александр вызвал его перед смертью в Таганрог, Аракчеев не исполнил предсмертной воли императора — не поехал. Не поехал и к горячо любимой им умирающей матери по ее предсмертному вызову. А 14 декабря 1825 года отказался пойти за Николаем I на Сенатскую площадь.

В центре Грузина высился памятник Александру I, стоивший около 30 000 рублей на тогдашние деньги. К.К.Случевский пишет о доме Аракчеева: «Большого внимания заслуживают хранящиеся здесь знаменитые часы; они, после кончины императора, были заказаны Аракчеевым в Париже за громадную, по тому времени, сумму — 29 000 рублей ассигнациями и должны были бить только один раз в сутки: 10 час. 50 мин. — час кончины государя».

ря (Александра I); в этот час медленно открывается медальон императора Александра I и раздаются грустные звуки «вечной памяти». Уныло разносится звон часов по небольшой комнате, где все сохранилось в первоначальном виде, только нет более на кушетке самого Аракчеева: говорят, во время боя часов он всегда сидел на ней. Небольшая, но мастерски исполненная фигура его (Аракчеева) на часах полна неопишуемой грусти»⁶.

Может существовать историческая память даже при исчезновении самих памятников. Так было, например, в Ярославле. «В Ярославле сохранился очень оригинальный, невидимый след этого рубленого города (деревянного города, построенного еще, возможно, при Ярославе Мудром), о котором нет более и помину: это крестные ходы с иконою Владимирской Божией Матери, которые совершаются, будто бы, как раз по тому пути, где стояли некогда давно позабытые деревянные стены тогда еще (при основании Ярослава) небольшого Ярославля. В те дни, во дни Ярославовы, люди обходили в действительности существовавший город; теперь обходят они не существующий, но невидимо присущий призрак его»⁷.

Было бы правильно отмечать места памятников культуры и истории, разрушенных в 30—50-е годы, да и в последующее время, небольшими памятными знаками (досками, обелисками и пр.). Это было бы хорошей воспитательной мерой для наших часто слишком ретивых градостроителей, заслуживающих названия градоразрушителей.

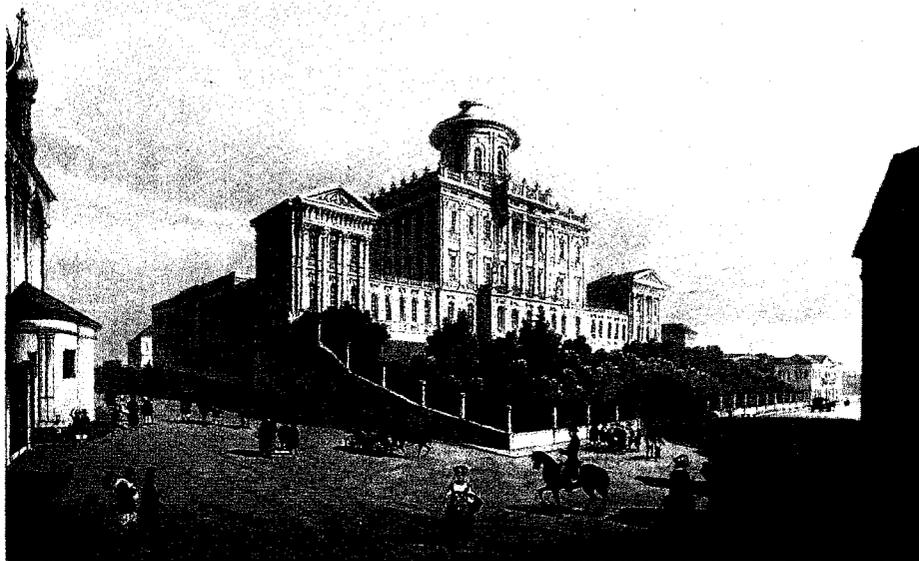
Петр Иванович Трубецкой (род. в 1871 г.) был «большой барин». Большой барин — это не тот, кто играет в щедрость, в широту и пр. В настоящем большом барине должна быть доля наивности.

Когда открылась Московско-Ярославская железная дорога и ехать в свою Ахтырку стало удобнее не на лошадях, а через станцию Хотьково, П.И.Трубецкой сердился: «Как это, — бывало, еду когда хочу в Ахтырку, а теперь и в свое имение должен ехать непременно в два часа дня, когда прикажут, по какой-то чутунке».

Едучи в Москву, он говорил кондуктору: «Скажи, любезный, машинисту, чтобы скорее ехал, а то я опаздаю в сенат». Кондуктора знали старика, брали на чай и говорили: «Слушаюсь, ваше сиятельство».

Особенно неприятно Трубецкому было то, что не всегда можно было иметь отдельное купе I класса и со стариком заговаривали незнакомые пассажиры. «Где изволите служить, ваше превосходительство?» — «Вы спрашиваете, где я служу, — вы спросите, где мне служат! В правительствующем сенате, милостивый государь»⁸.

С вышкой Пашкова до ма (Румянцевского музея) в Москве связано интересное воспоминание. Н.Федоров писал: «Вспомним про забытый исторический факт преклонения в 1818 г. перед Кремлем с вышки Московского Румянцевского музея трех императоров — одного настоящего и двух будущих: прусского короля Фридриха Вильгельма III и двух его сыновей: будущего короля Фридриха Вильгельма IV и будущего короля и императора Вильгельма I, — в благодарность за спасение Россиию Пруссии и Европы от ига

Пашков дом. / 1734—1788/. Архитектор В.И.Баженов. Литография Джузетте Даццаро

Наполеона»⁹. Много ли москвичей знает об этом факте — как-никак заставляющем гордиться русское сердце.

Байрон писал в поэме «Бронзовый век» (1822):

Moscow!..

.....
Thou stand'st alone unrivall'd, till the fire
To come in which all empires shall expire!

(Москва!.. Ты стоишь одна непревзойденная, пока не придет пламя, в котором исчезнут все державы!)

Случайно или не случайно М.Булгаков в «Мастере и Маргарите» поместил своих inferнальных героев на вышке того же Пашкова дома перед их отлетом из Москвы?

Вологодское масло изобрел и стал производить — брат художника Верещагина, офицер Скобелева, принимавший участие в освободительной войне 1877—1878 года. Что в его жизни самое важное (это независимо от того, что вологодское масло было в детстве моим любимым)?

Из рассказов С.С.Гейченко. У каждого государя были сундуки с памятливыми вещами. Был, например, сундук и у Николая I. Были там пеленки, туфельки младенцев, какие-то сувенирчики. При этом Николай I нумеровал вещи и давал разъяснения в списке. По содержанию таких сундуков много можно было бы установить. Если бы Николай I был влюблен в Наталию Николаевну Пушкину, то он сохранил бы какие-либо ее вещи (бантики, цветочки, заколки и т.п.), которые она могла обронить или подарить ему на балу. Но этого не было.

Все эти вещи были уничтожены в Зимнем по распоряжению Иосифа Абгаровича Орбели, сказавшего: «Довольно нюхать царские штаны».

Старый лакей Петергофского дворца показал С.С.Гейченко секретный шкаф, а там были материалы француза-спирита, устраивавшего спиритические сеансы, и была «машина для управления государством». В нее закладывались сведения, и она давала ответы. Например: может ли такой-то быть министром? Эту машину С.С.Гейченко восстановил, и она пользовалась громадным веселым успехом у экскурсантов. А потом кто-то сделал такую же машину, и она «гадала» на Александровском рынке в Петрограде (он помещался на проспекте Майорова — бывшем Вознесенском — угол Садовой). После этого машину и все к ней материалы увезли, и она бесследно пропала.

Александра Федоровна знала наизусть всего «Евгения Онегина» и настолько верила в реальность персонажей, что на спиритических сеансах пыталась вызвать дух Татьяны. Спиритические сеансы происходили у великого князя Петра Николаевича на мысе Ренелла (по южному берегу Финского залива), вдававшемся глубоко в море. У Собственной дачи в Петергофе, где жили Николай II и Александра Федоровна, был также мол. Николая и Александру доставляли в Ренеллу тайно.

Рассказ дворцового камердинера Ильи о покушении Соловьева на Александра II: «Злодей целится, целится, а Его Императорское Величество всемилоостивейше уклоняется». (Из рассказа сына Столыпина.)

Анекдот начала XIX века. Когда пастуха спросили — что бы он стал делать, став королем, он ответил: «Я бы стал пасти своих овец верхом». Теперь такого пастуха не сыщешь.

Старые грунтовые деревенские дороги под вечер жаркого дня пахли ванилью: запах пыли, большую долю которого составлял конский навоз. Теперь это забыто. Только, может быть, один я продолжаю помнить этот запах. Удивительно! А ведь это было таким обычным.

В старой России говорили про роды войск:

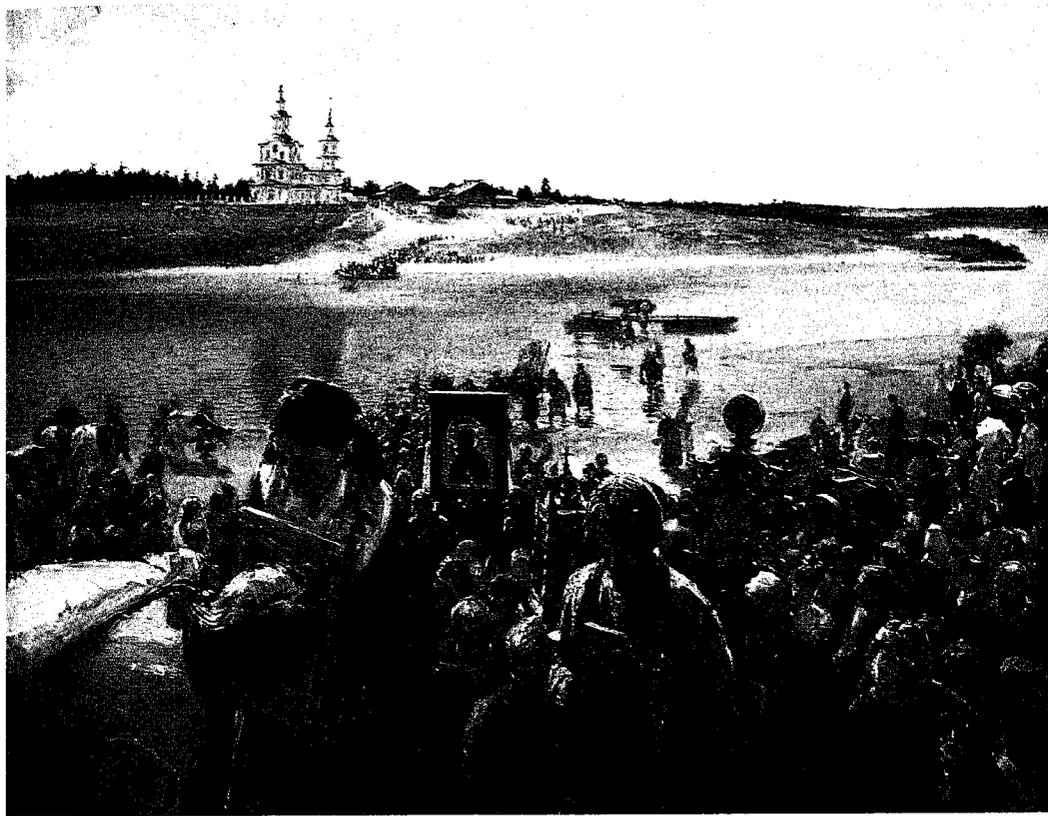
«Умница в артиллерии,

щеголь в кавалерии,

пьяница во флоте, а дурак в пехоте».

Несомненно, сочинено либо кавалеристом, либо артиллеристом.

Поразительно, как могут ошибаться умнейшие люди. Это надо всегда иметь в виду, ссылаясь на «авторитеты». Владимир Сергеевич Соловьев все-рез писал в работе «Национальный вопрос в России»: «Что касается до современных писателей, то при самой доброжелательной оценке все-таки остается несомненным, что Европа никогда не будет читать их произведений»¹⁰. А ведь сейчас в общемировом плане русская литература наиболее читаемая! Далее: «Нужно выставить возрастающих талантов и гениев более значительных, нежели Пушкин, Гоголь или Толстой. Но наши новые литературные поколения, которые имели, однако, время проявить свои силы, не могли произвести ни одного писателя, приблизительно равного старым мастерам. То же самое должно сказать о музыке и об исторической живописи: Глинка и Иванов не имели преемников одинаковой с ними величины. Трудно, кажется, отрицать тот очевидный факт, что литература и искусство в России идут

И.М.Прянишников. Крестный ход. Москва, Третьяковская галерея

по нисходящей линии...»¹¹. То же Соловьев говорит и о русском «научном творчестве». Предрассудок своего времени? Но сколько еще имеем мы предрассудков, унаследованных от XIX века и выращенных нами самими и о нас самих!

В той же книге Вл.Соловьева есть и такое место: «Только в архитектуре и скульптуре нельзя указать ничего значительного, созданного русскими. Древние наши соборы строились иностранными зодчими; иностранцу же принадлежит *единственный* (курсив мой. — Д.Л.) высокохудожественный памятник, украшающий новую столицу России (статуя Петра Великого)».

Мифические представления чрезвычайно распространены в отношении прошлого. Ричард III, как известно из источников, был строен и красив. Только спустя много лет после его смерти был пущен слух о том, что он был безобразен и уродлив. Это понадобилось, чтобы сделать более правдоподобным обвинение его в убийстве племянников. Шекспир изобразил его также отвратительным, и теперь каждый знает Ричарда III Шекспира и не знает, каким он был в действительности¹².

Сейчас против искаженных представлений о наружности человека есть превосходное средство — фотография. Для культуры фотография явилась самым значительным изобретением XIX века. Но как быть с репутациями исторических деятелей? Шекспировские Брут и Кассий — благородные люди. Однако Данте задолго до Шекспира отправил их в Ад — туда же, где Иуда.

«Философия истории» Льва Толстого, как бы внешне она ни была привлекательна, сыграла чрезвычайно трагическую роль в русской истории. Генерал Куропаткин упорно подражал Кутузову (толстовскому, а не реальному), а И.Сталин приказывал уничтожать города и села перед их оставлением немцам. И это исполнялось! В одном панический и беспомощный Сталин не внял Толстому. Толстой оправдывал отступление русской армии во имя ее спасения. Сталин же приказывал: «ни шагу назад», объявлял изменниками попавших в плен и не смог в результате вывести армии из окружения, вынудил пленных становиться «власовцами».

«Настоящее — это последний день прошлого». Для Древней Руси так оно и было: «переднее» (начало) и «заднее» (самое последнее во временном ряду). Мы *позади*, в «обозе» совершавшихся и совершающихся событий. Настоящее — результат, итог прошлого. Поэтому дурное прошлое никогда не может повести к хорошему настоящему, если... если мы не осознаем все ошибки прошлого. Устремляясь в будущее, мы сами станем прошлым. Никакие жертвы и разрушения во имя «прекрасного будущего» недопустимы и аморальны.

Мода очень часто бежит за чем-то серьезным, поверхностно отражает какие-то глубинные явления. Сейчас мода на историю: на исторические романы, на мемуары, на Ключевского, Соловьева и Карамзина. Интерес к истории (пусть часто неглубокий) — явление в основе своей очень важное, значительное и нужное для нашего времени. Интерес к истории связан с необходимостью (духовной необходимостью) искать свои корни, ощущать в нашем шатком мире стабильность, прочность, свое место и предназначение. И это же учит уважению к другим народам, другим культурам и одновременно самоуважению. История приучает ценить современность как результат тысячелетних усилий, подвигов, а иногда и мученичества наших предков. История показывает, сколько ошибок было совершено в прошлом «ради счастья подданных». Она воспитывает чувство ответственности перед будущим.

Ощущать себя в истории крайне важно. Этому ощущению в истории помогают памятники культуры и истории. Особую роль играет в этом ощущении исторический облик наших городов, исторический ландшафт, рядовые застройки целых районов.

Ощущению себя в истории помогает литература, искусство, традиции, обычаи.

Недаром дети так тянутся к старым обычаям, любят рассказы о старине. Это здоровый и крайне важный инстинкт.

Ощущать себя наследником прошлого значит осознавать свою ответственность перед будущим.

Красо та древнерусской жизни во многом, и прежде всего в самой красоте, в развитии эстетического начала. Человеческий мозг не может не работать. Если он меньше, чем в других странах, занят естественными науками, зато весь быт там, где может, организуется эстетически. Об этом свидетельствуют не только искусства, но и бытовые предметы, находимые археолога-

ми. Наши обывательские представления о «некультурности» древнерусской жизни неверны. Прислушайтесь к традиционному фольклору, присмотритесь к сложной обрядности, прочтите свадебные тексты песен, учтите всю истовую вежливость стародавнего поведения. Фильм «Андрей Рублев» основан на обывательских представлениях. Только нищета и бесправие, развившиеся в XV и XVII веках, унизили народ. Крепостное право и деспотизм — вот виновники «некрасиво обнищало́го народа».

И все-таки там, где могла, — красота продолжала существовать и в XVI, и в XVII веках. Русский Север, не знавший крепостного права, доказывает мою мысль.

А основная мысль моя в следующем — облегчает творчество устоявшийся уклад, именно он создает «стиль эпохи» — то, что обеспечивает красоту жизни, если можно так выразиться. Все-таки я рискую быть непонятым. Объясню подробнее в какой-либо будущей работе.

Чаадаева стыдно прятать. Те, кто прячут его, очевидно, втайне верят, что в своем отрицании значения России Чаадаев «может быть, и прав». Неужели не понять, что Чаадаев писал с болью и эту боль за Россию сознательно растравливал в себе, ища возражений. Ему ответила русская историческая наука.

Самое значительное время то, что сейчас (а не будущее).

О ПРИРОДЕ ДЛЯ НАС И О НАС ДЛЯ ПРИРОДЫ

Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего. Современная промышленность начинает «эксплуатировать будущее»: уничтожает природу, запасы полезных ископаемых, все ресурсы, которые нужны не только нам, но которые будут нужны будущим поколениям. Теория — «во имя будущих поколений», практика — «берем от природы и то, что будет нужно будущим поколениям». Так обстояло дело уже в XIX веке и по всему миру. Вот что пишет В.И.Вернадский в одном письме об американской технике: «Та новая техника — американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели всю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на десятки верст — страны превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена, и все для достижения одной цели — быстрой добычи никеля»¹.

У нас слишком мало включали историю садовых стилей в историю культуры. Сады бывают не только регулярные и пейзажные: это очень примитивное деление. В садовом искусстве отражается смена всех великих стилей. Мне хотелось это показать в своей книге² с достаточной степенью ясности.

Ландшафтные сады и парки менялись по своему характеру в зависимости от распространения того или иного стиля. После барокко и классицизма наступило недолгое время рококо. Рококо по существу представляло собой позднюю стадию барокко. Барокко в рококо перешло к совершенно другой идеологической структуре, повлиявшей на изменение характера, стиля. Барокко стало более жизнерадостным и одновременно малозначительным. В стиле стал преобладать измельченный орнамент. Появился интерес к пасторальным сюжетам. Элементы природы входили в садово-парковое искусство вместе с этой пасторальностью.

Не только «озеленение» городов (скверы, бульвары), но и строительство больших прогулочных парков, в которых можно было бы гулять и наслаж-

А.П.Остроумова-Лебедева.

Острова Кирова ранней весной. 1937. С.-Петербург. Русский музей

Березы осенью

даться перемена́ми целый́ день, отвлекаться от повседневных забот, — задача будущих паркостроителей. Города растут, а площади, занятые в них прогулочными парками, катастрофически уменьшаются. Пути прогулок прерываются новым строительством. Большие цепи прогулочных парков превращаются в цепи скверов. Примеры тому — Петербург и Москва.

Надо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и целые пейзажи, так, как это делается, например, в Шотландии, где сохраняется весь «вид» до горизонта. Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохраняемы, как памятники культуры (человеческой и природной). Одним из первых должна быть взята на учет вся зона города Плес на Волге. Центром пейзажной зоны следовало бы в таком случае избрать либо дом, в котором жил И. Левитан, либо березовую рощу на горе.

Другой охраняемый пейзаж — это от земляного вала Новгорода к югу: Красное поле по правому берегу Волхова и от Новгорода до Аркаж, Витославиц и Юрьева монастыря по левому берегу Волхова.

Бородинское поле должно быть также охраняемым пейзажем, Куликово поле, заливные луга по Десне Новгорода-Северского, и многое другое. Пейзажи России должны быть учтены.

Особую ценность представляют собой как историко-архитектурные заповедники Соловецкий архипелаг, Валаам, Ферапонтово (многих пейзажей России я просто не знаю). Соловецкий архипелаг интересен тем, что в нем каждый остров имеет свой климат и свой тип растительности, а кроме

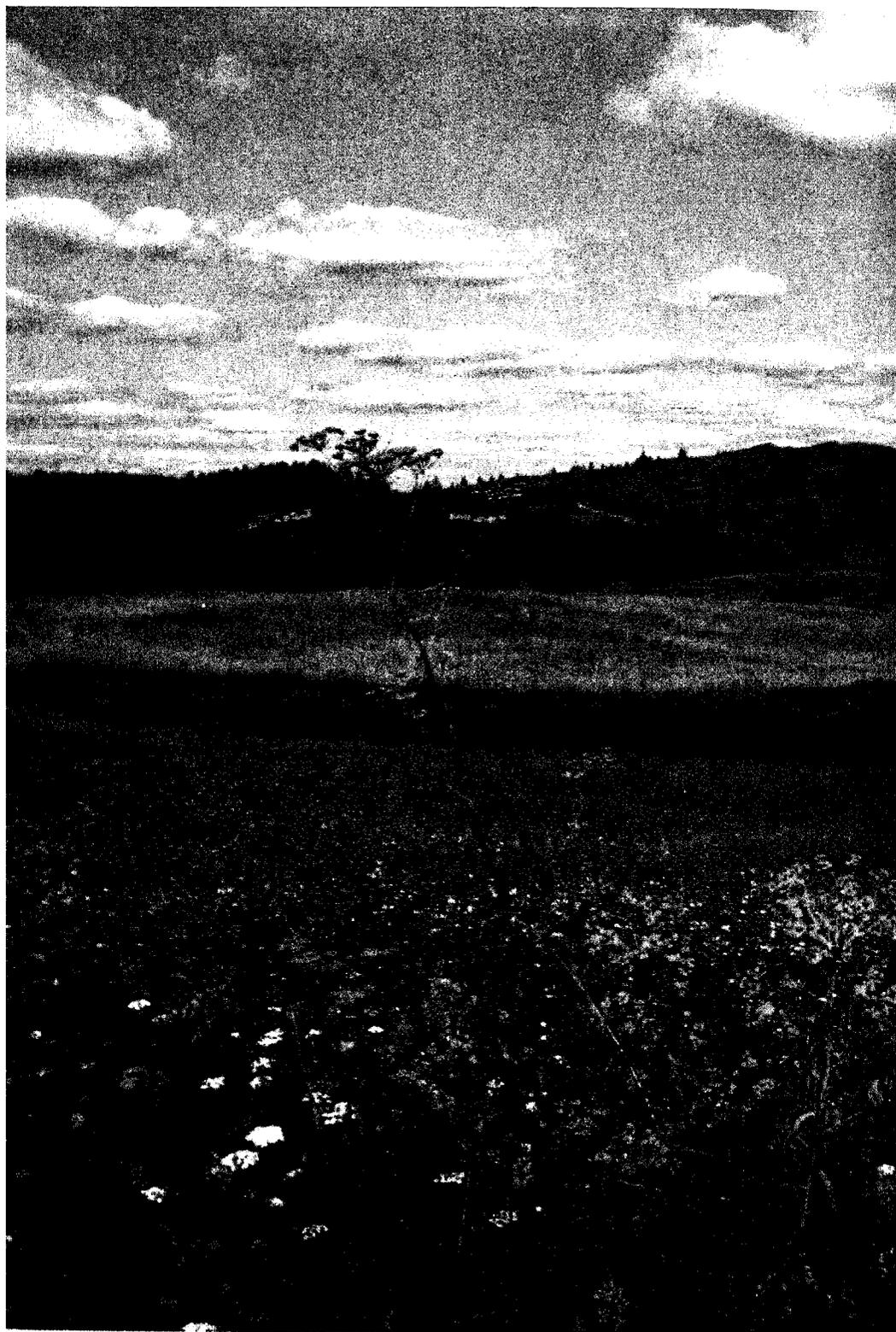
Березы в июне

того — это единственный в России полностью сохранявшийся до XX века, а частично сохранившийся до сих пор музей древнерусской техники (каналы, канализация, водопровод, поварня, хлебопекарня, кузня, портомойня, сушило и пр., и пр. — вся эта техника, а всей и не перечислишь, работала безотказно еще тогда, когда на Соловках был Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН).

Кий — остров целиком искусственный, ибо богомольцы в мешках привозили туда с собой лучшую землю, и на этой привезенной земле выросли целые леса. Земля завозилась богомольцами и на Валаам.

Самые красивые деревья — старые маслины. Поразительные, двухтысячелетние маслины, полные здоровья, я видел в Приморской части Черногогории около Будвы и Святого Стефана. В книге Осии в Библии: «и будет красотою, как красота маслины», то есть выше нет. Маслина сама себя лечит. Она лечит образующиеся в ее стволе дупла, и стволы эти похожи на огромные косточки их плодов.

Святой Франциск Ассизский: «Пожалуйста, братцы, будьте мудры, как братец наш одуванчик и сестрица маргаритка. Они никогда не пекутся о завтрашнем дне, а у них короны, как у королей и императоров, и у самого Карла Великого во всей его славе». Особенно трогает служба для птиц, которую совершал Франциск, «птичья месса».

Поле.

В.Э.Борисов-Мусатов. Весна. 1898—1901, фрагмент. С.-Петербург, Русский музей

Природу следует регулировать методами самой природы (учась у нее). Если задаться целью регулировать литературу, — это надо делать методами самой литературы (учась у нее, а не стоя над ней).

Испить воды из реки на земле врагов, напоить коней из вражеской реки было в Древней Руси знаком победы, символом завоевания: так в «Слове о полку Игореве», во втором послании Грозного Курбскому.

А теперь не так-то просто найти реку, из которой можно было напиться воды. Вот она, символическая непобедимость!

На московском интернациональном Форуме за безъядерное человечество в секции, где председательствовали С.П.Залыгин и я, выступил японец Нобуюки Накамото, который рассказал о пьесе, в которой действуют рыбы, самые безмолвные существа на свете («нем как рыба»), погибающие от радиации в океане. Как там разворачивается сюжет, он не говорил. Но я как председатель подхватил эту тему. Я говорил: человек единственное живое существо в мире, которое может говорить. Весь остальной живой мир лишен возможности выразить свои нужды, требования, свое отношение к происходящему. Весь живой мир в этом смысле беззащитен. Человек должен защищать словом не только самого себя, но говорить за все живое вокруг него. А затем перешел к той мысли, что должен быть составлен кодекс прав животных. Ибо живое обладает своими правами. Человек должен защищать права животных, независимо от того, нужны они ему в хозяйстве или нет. Дельфины, киты, слоны, собаки — мыслящие, но бессловесные существа. За них человек обязан говорить, писать, даже судиться. Потребительское отношение к живому в мире безнравственно.

Велимир Хлебников это понимал еще в 1921 году: «Человек отнял поверхность земного шара у мудрой общины зверей и растений и стал одинок: ему не с кем играть в пятнашки и жмурки; в пустом покое темнота небытия крутом, нет игры, нет товарищей. С кем ему баловаться? Крутом пустое «нет». Изгнанные из туловищу души зверей бросились в него и населили своим законом его степи. Построили в сердце звериные города. Казалось, человек захлебнется в углероде себя. Его счастье было печатный станок, в котором для счета не хватало знаков многих чисел, двоек, троек; и прекрасная задача без этих чисел не могла быть написана. Их уносили с собой в могилу уходящие звери, личные числа своего вида» («Утес из будущего»).

Филонов в своих антиурбанистических картинах показал эти «звериные города».

Природа — поразительной одаренности художник. Стоит оставить ее без человеческого вмешательства на десяток лет, и она создает красивый пейзаж. Посаженные в «коробочном» городе деревья быстро его облагораживают.

Спросим себя — в каком же стиле работает этот «художник»? Классицизм? — нет! Барокко? — нет! Романтизм — это уже ближе. Ландшафтные романтические парки ближе всех к эстетическим устремлениям природы, а природа ближе всего к ландшафтным романтическим паркам.

В романтических парках естественнее всего может быть выражена природа разных стран, разных ландшафтных зон природы.

В поэзии для «открытия» природы больше всего сделал романтизм. Романтическая поэзия отчетливее всех других насыщена описаниями природы. Во всем этом многое говорит в пользу романтизма и в пользу его роли в истории литературы и живописи.

Для меня загадка в природе — это эстетическая согласованность цветов: например, цвет цветка и его листья, цвета полевых цветов, растущих на одной поляне, цвет осенних листьев. На кленовом дереве — всегда разный, но согласованный. Если цвет — это колебания, ничего общего не имеющие с тем, что видит человеческий глаз, то как рассчитываются цвета цветов на их восприятие человеком?

Там, где природа предоставлена самой себе, краски ее всегда согласованы по оттенкам.

Природа — великий пейзажист.

О ЯЗЫКЕ УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ, СТАРОМ И НОВОМ

Русский язык

Самая большая ценность народа — это язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения — только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа, как показатель его культуры, и язык отдельного человека, как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Я хочу писать не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке — «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевками говорит, он выявляет свою единичную сущность.

Русский язык с самого начала оказался в счастливом положении, — с момента своего существования вместе в недрах единого восточнославянского языка, языка Древней Руси.

1. Древнерусская народность, из которой выделились в дальнейшем русские, украинцы и белорусы, населяла огромные пространства с различными природными условиями, различным хозяйством, различным культурным наследием и различными степенями социальной продвинутости. А так как

*Неизвестный художник. Портрет М.В.Ломоносова.
С.-Петербург, Музей им. М.В.Ломоносова*

общение даже в эти древние века было очень интенсивным, то уже в силу этого разнообразия жизненных условий язык был богат — лексикой в первую очередь.

2. Уже древнерусский язык (язык Древней Руси) приобщился к богатству других языков — в первую очередь литературного староболгарского, затем греческого (через староболгарский и в непосредственных сношениях), скандинавских, тюркских, финно-угорских, западнославянских и пр. Он не только обогатился лексически и грамматически, он стал гибким и восприимчивым как таковой.

3. Благодаря тому, что литературный язык создан из соединения староболгарского с народным разговорным, деловым, юридическим, «литературным» языком фольклора (язык фольклора тоже не просто разговорный), в нем создано множество синонимов с их оттенками значения и эмоциональной выразительности.

4. В языке сказались «внутренние силы» народа — его склонность к эмоциональности, разнообразие в нем характеров и типов отношения к миру. Если верно, что в языке народа сказывается его национальный характер (а это безусловно верно), то национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат, противоречив. И все это должно было отразиться в языке.

5. Уже из предыдущего ясно, что язык не развивается один, но он обладает и языковой памятью. Ему способствует существование тысячелетней литературы, письменности. А здесь такое множество жанров, типов литературного языка, разнообразие литературного опыта: летописи (отнюдь не единые по своему характеру), «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника»¹, проповеди Кирилла Туровского², «Киево-Печерский патерик» с его прелестью «простоты и выдумки», а потом — сочинения Ивана Грозного, разнообразные произведения о Смуте, первые записи фольклора и... Симеон Полоцкий, а на противоположном конце от Симеона протопоп Аввакум. В XVIII веке Ломоносов, Державин, Фонвизин, — далее Крылов, Карамзин, Жуковский и... Пушкин. Я не буду перечислять всех писателей XIX и начала XX века, обращаю внимание только на таких виртуозов языка, как Лесков и Бунин. Все они необычайно различные. Точно они пишут на разных языках. Но больше всего развивает язык поэзия. От этого так значительна проза поэтов.

Какая важная задача — составлять словари языка русских писателей от древнейшей поры!

В «Повести временных лет» 3729 слов; из них 2000 слов употреблены по одному разу. Следовательно, сколько слов пропало. Если подумать о киевской литературе, то можно думать, что литературных произведений пропало от того времени еще больше. Сохранились только те, что были нужны для многократного употребления (в церковном или светском обиходе).

Чем был церковнославянский язык в России? Это не был всеобщий для нашей письменности литературный язык. Язык очень многих литературных произведений просто далек от церковнославянского: язык летописей, изумительный язык «Русской Правды», «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника», не говоря уже о языке Аввакума. Церковнославянский

язык, перенесенный на Русь из Болгарии не только через книги, но и устно — через богослужение, сразу стал на Руси своеобразным *индикатором духовной ценности* того, о чем на нем говорилось и писалось. Болгария дала восточным славянам высший слой языка, «полюс духовности», чрезвычайно обогативший наш язык, давший нашему языку нравственную силу, способность возвышать мысль, понятия, представления. Это язык, которому доверяли самые высокие мысли, на котором молились, на котором писали торжественные слова. Он все время был «рядом» с русским народом, обогащал его духовно.

Потом молитвы заменила поэзия. Памятуя молитвенное прошлое нашей поэзии, следует хранить ее язык и ее «высокий настрой».

Наш алфавит называют «кириллицей». Да, письменность наша восходит к делу Кирилла и Мефодия. Но алфавит, который в ходу у нас и у болгар, по составу букв и по их начертаниям создан и указан к употреблению Петром. И мы должны были бы его называть петровским. Но о Петре в этой связи никто и никогда не вспоминает.

О хорошем языке научной работы

1. Требования к языку научной работы резко отличаются от требований к языку художественной литературы.

2. Метафоры и разные образы в языке научной работы допустимы только в случаях необходимости поставить логический акцент на какой-нибудь мысли. В научной работе образность — только педагогический прием привлечения внимания читателя к основной мысли работы.

3. Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

4. Главное достоинство научного языка — ясность.

5. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

6. Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой логическим и естественным, «незамечаемым».

7. Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

8. Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать — к чему они относятся, что они «заменили».

9. Не следует бояться повторений, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке всегда термин). Избегайте только тех повторений, которые приходят от бедности языка.

10. Избегайте слов-«паразитов», слов мусорных, ничего не добавляющих к мысли. Однако важная мысль должна быть выражена не «походя», а с некоторой остановкой на ней. Важная мысль достойна того, чтобы на ней автор и читатель взаимно помедлили. Она должна варьироваться под пером автора.

11. Обращайте внимание на «качество» слов. Сказать «напротив» лучше, чем «наоборот», «различие» лучше, чем «разница». Не употребляйте слова «впечатляющий». Вообще будьте осторожны со словами, которые сами лезут под перо, — словами-«новоделами».

В «Заметках о русском» я пишу о слове «воля» как о типично русском («воля» это свобода плюс простор и природа). Характерно, что в словаре Даля (обнаружил уже после публикации «Заметок») слово «свобода» разъясняется и занимает меньше половины страницы. Слово же «воля» имеет статью на две страницы. В словаре Ожегова словам «на волю» и «на воле» отмечено, что они принадлежат разговорному языку. Характерно, что у Пушкина, типично русского человека и писателя, герои его «ищут волю». Степан Разин у него «вольный человек». В 1968 году Шукшин публикует в журнале «Искусство кино» сценарий о Степане Разине: «Я пришел дать вам волю».

Изучение иностранных языков обостряет чувство языка — и своего в первую очередь. Это воспитательное средство. Особенно важно изучение грамматики и идиом иностранного языка. Русская литература сама воспиталась на изучении церковнославянского и латинского, а в давние времена — греческого.

Главный недостаток современной литературы — ущербное чувство языка.

Мне написал письмо некто, не оставивший на письме своей подписи и адреса. Боюсь, что мнение его имеет распространение, и поэтому, хотя я и не отвечаю на письма без подписей, на это я отвечу печатно.

Смысл письма сводится к следующему: надо, мол, упразднить все нации, все национальные различия в культуре, писать и говорить только по-русски, а тогда, мол, и русский язык перестанет быть русским, а станет «советским». Все проблемы разрешатся, и единая культура на чудном русском языке будет развиваться ускоренным порядком. А в конце письма утверждение: «Все равно к этому дело идет!»

Нет, к этому дело не должно идти. Этому следует оказывать противодействие. Ни один язык не должен забываться. Многообразие языков в нашей стране — это огромное богатство, — богатство, которое необходимо для развития литератур, культур, науки — чего хотите, что только соприкасается со словом.

Своеобразие и разнообразие языков — это огромное богатство. Любость к своему национальному языку — необходимый двигатель словесного творчества. Безнациональный язык (в который неизбежно превратится и русский язык, если у него не будет дружеского соседства с другими языками) — все равно, что цветные фломастеры для живописи. Говорить на нем придется с пересохшим горлом; язык во рту будет шуршать и ерзать, утратит гибкость.

Спросите: «почему?» Да потому, что для языка нужна его история, нужно хоть чуточку понимать историю слов и выражений, знать идиоматические выражения, знать поговорки и пословицы. Должен быть фон фольклора и диалектов, фон литературы и поэзии. Язык, отторгнутый от истории народа, станет песком во рту, негодным даже для создания новой научной и технической терминологии, ибо и для последней необходима образность, традиция...

Язык не может не быть национальным. Конечно, должен быть один язык межнационального общения. В средние века таким был латинский, для восточных и южных славян — церковнославянский, арабский и персидский для народов Ближнего и Среднего Востока.

Но дело не только в общении, нужен единый язык для научной терминологии, технической, специальной. Русский язык для этого хорошо приспособ-

К.А.Сомов. Портрет А.А.Блока. 1907. Москва, Третьяковская галерея

соблен. Но изучение его не должно вести к ущербу в знаниях своего языка для различных нерусских наций и народностей.

Двуязычие никогда не мешало своему языку. Пушкин был двуязычным. В лицее у него было прозвище Пушкин-француз. Думаю, что превосходное чувство русского языка, точность и правильность языка Пушкина неразрывно связаны с его двуязычием. Он видел словесный мир «в цвете».

Факт, однако, в том, что отдельные национальные языки страдают в нашем школьном образовании. Надо, мне кажется, больше втягивать семью в изучение своего языка. Беседы педагогов с родителями, обучение родителей языковой грамотности чрезвычайно важно. Преподаватели же русского языка

должны знать и тот язык, на котором говорят учащиеся: сравнивать, пропагандировать знание своего языка, стимулировать любовь к изучению всех языков, а своего в особенности.

Выразительность русскому языку придают обилие суффиксов и префиксов, предлогов, окончаний и пр., и легкость, с которой с их помощью образуются новые слова, например: догнать, выгнать, согнать, пригнать, угнать, нагнать, отогнать, изгнать, погнать, разогнать, подогнать и просто гнать.

Но это же явление имеет и обратную сторону. Кажется, что предлоги смягчают предложение или вопрос: «не *подскажете* ли вы мне, как пройти...», «*по*председательствуйте за меня...», «пожалуйста, *по*присутствуйте на этом заседании...», «я *приболел*».

Пушкин в одном из писем Вяземскому писал: «Ты достаточно умен, чтобы писать просто» (цитирую по памяти).

Парадоксы нашей издательской практики. Авторы обычно ругают своих редакторов (за редкими исключениями), редакторы в равной мере бранят авторов (тоже за редкими исключениями). Недоумевают: чему может «научить» опытного автора редактор, не издавший ни одного произведения и часто не написавший ни одной строки?

А у меня обычно отношения с редакторами хорошие. Во-первых, я стремлюсь получить себе редактора, с которым я уже работал, которого я знаю. Во-вторых, я сам говорю своему редактору — что следует проверить в моей рукописи. Вообще говоря, я не всегда внимателен... Но предупреждаю: у меня есть свои принципы в стилистическом оформлении мыслей, есть своя расстановка слов, не люблю длинных фраз и, когда речь идет об одном и том же, стремлюсь употреблять одно и то же слово. «Разнообразить» мои мысли каждый раз новыми словами не надо. Мы разделяем наши функции, уславливаемся о принципах, и все идет хорошо. Но бывает, что в издательстве, где меня не знают и где за мой текст берется молодой редактор, которому хочется «показать свою работу», как можно больше направить, у нас возникает взаимное раздражение, и тогда я хочу (внутренне) обратиться к своему редактору со словами, с которыми как-то обратился мой учитель акад. В.М.Жирмунский: «Я пишу уже полвека, а у вас какой опыт авторской работы?»

Я как-то спросил акад. А.С.Орлова, как бы он определил сущность некоторых знаменитостей. Он был очень меток и зол на язык. Вот что мне запомнилось:

Блок — тоскун.

Маяковский — оратор.

Пастернак — гурман.

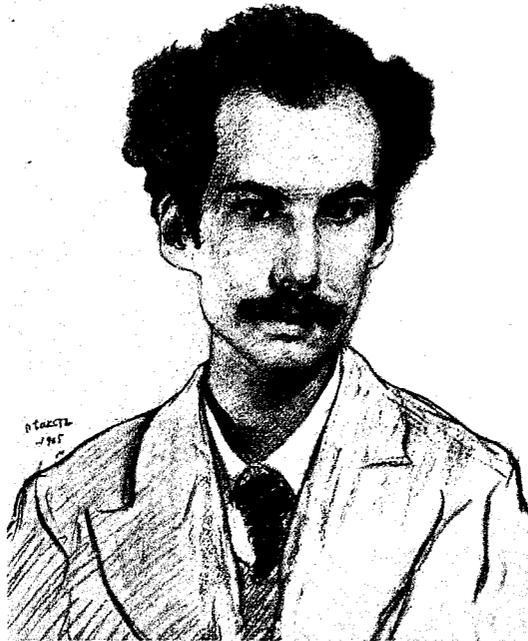
Екатерина II — мадам Помпадур, добившаяся трона.

Пушкин — солнышко.

Никитин — песнь ямщика.

А других я не называю. Тут шли такие определения: «ярмарочный зазывала», «запевала», «прихлебала». Иных прозвищ, данных им моментально, я и не называю: сразу можно узнать — кому они даны.

Длинные слова в древнерусской литературе XV—XVI веков иногда необыкновенно выразительны именно трудностью своего прочтения и произ-

А.С.Бакст. Портрет Андрея Белого /Б.Н.Бугаева/. 1905

ношения: «мертвотрупогладательные псы» (псы, которые искали мертвечину), «богонадежное слово», «мудродруголюбные советы», «драгоценномудроплетенны», «светосиятельный», «грехоозябший», «люботоржественный», «всездравственный» и «всеизряднейший»; выражения: «многогщательный попечитель», «ненасыщаемая очима сладость», «всерадостное веселие», «предивный сиротского стадовождения сирокормитель»...

У Гоголя поразительно созданные сложные слова, можно сравнить со сложными словами периода «плетения словес»: «умно-худощавое слово» («Мертвые души»), «обоюдно-слиянный поцелуй» («Тарас Бульба»), «глухотответная земля» («Тарас Бульба»), «длинношейный гусь» («Сорочинская ярмарка»), «короткошейная бутылка» («Коляска»), «древнеразломанные горы» («Страшная месть»), «зеленолиственные чащи» («Мертвые души»), «трепетнолистные купола» («Мертвые души»), «дюженогие запорожцы» («Тарас Бульба»). Многие из этих сложных слов отмечены в замечательной книге о Гоголе Андрея Белого.

«Да» и «нет» в нашем языке... Но как много синонимов мы можем подобрать к «да» («конечно», «безусловно» и т.д. и т.п.) и как мало к «нет». Соглашаемся всевозможными способами, а отвергаем немногими.

Различные записанные мной «удачные» ошибки: «Безобразие, которому цены нет». «Облицован доверием». «Задорный (вм. «здоровый») интерес». «Желаю вам плодородной работы» (из приветствия участникам съезда). «Прокростова рожка».

Другая оговорка в речи официального лица: вместо «мы можем приступить к прениям» — «мы можем приступить к премиям».

Про одну даму сказали: «Она совершенно разочаровательна!»

Удачные выражения: «Его нос — подарок для карикатуристов». «Мечта отрубленной головы» (польская поговорка о совершенно несбыточной мечте). «Сам на себя облизывается» (о Лебедеве в «Идиоте» Достоевского). «Красота входит не спрашивая».

Еще одна смешная оговорка: «...переполнила каплю воды». Непонимание значения слова: «грехи» вместо «грехи», «погрешности».

Интересные выражения: «музееспособные картины», «дары и удары судьбы», «неблагополучие благополучия» (с религиозной точки зрения), «мучительная обстоятельность слога», «молитвенно верить».

Вл.Набоков о действии хорошего стиля: «не столько грамматически, сколько ароматически».

Не люблю глупо претенциозного языка многих искусствоведов, изошряющихся в разных «красивостях». Вспоминается — «О друг мой, Аркадий Николаевич! — воскликнул Базаров, — об одном прошу тебя: не говори красиво». И тем не менее у очень талантливых искусствоведов есть и в этом искусственном языке свои удачи. В каких-то работах Е.Ф.Ковтуна я читал о ксилографии Фаворского: «черное у него помнит, что было куском», «не плоскостное изображение, а уплощение», «штихель вспахивает», «мыслить в материале». Вспомнил: это у меня запись из превосходной статьи Е.Ф.Ковтуна «Плоскость и пространство».

Терминология охотничья, военная, морская удивительно меткая. См. «Записки мелкотравчатого» Дрианского и рукопись охотничьего словаря, которую передали наследники в Институт русского языка АН.

В кавалерии не оркестр, а «хор трубачей».
Острые шпоры назывались «строгие шпоры».

Слово в его одиночестве сильнее слова, перегруженного дополнительными определениями. «Я вас люблю» — сильнее, чем если сказать — «я вас очень люблю». Можно сказать при встрече «привет!» И это будет серьезно. Но произнести «горячий привет» — почти насмешка.

По образу слов «аспиранты», «докторанты», «лаборанты», «адьютанты» можно создать слова «чертанты» (служители и ученики черта). Наверное, у чертантов есть и аксельбанты.

Характерные ошибки в современном русском языке: *зажарил* яичницу, *пожарил* картошку.

В языке петербургской интеллигенции было очень много иностранных слов, прежде всего потому, что были некоторые явления быта и просто блю-

да, заимствованные у немцев и англичан, но прежде всего у немцев: «фрыштывать» (завтракать), «арме ритер» (сладкая яичница с вымоченной в молоке булкой), «шарлотка» (обычно с яблоками), «форшмак» (особая запеканка из картофеля с селедкой) и пр.

Довольно много было полужаргонных словечек полусветской молодежи: «жолимордочка» (хорошенькая девица), «бакфиш» (девочка, становящаяся барышней), «шармёр» (светский очарователь). Эти и другие слова воспринимались и произносились как русские. Однако было принято пересыпать русскую речь французскими выражениями. Это не совсем то, что подразумевалось под смесью французского с нижегородским. Смесь та — была стародворянской, принятой среди людей, хорошо говорящих по-французски, но к русскому языку привыкших от нянюшек и дворовых мальчишек, с которыми эти бары играли в детстве. «Смесь» петербургская была другой, в других пропорциях и по другим причинам (вернее, с другим назначением). Было много понятий, которые плохо передавались по-русски (даже на хорошем, интеллигентском русском языке), и эти понятия привычнее было определять французскими словами, произнесенными именно как французские слова «faire des conquêtes» (одерживать любовные победы), «faussé pruderie» (ложная стыдливость), «prude» (недотрога, «чистоплюйка»), «une soiree dansante» (в вульгарном варианте по-русски — «танцулька», или «une sauterie»), «talents de société» (талант веселить, развлекать общество), «beaux esprits» (острословие), «a la longue» (со временем), «distingués» (изысканные), «le mot roug rige» (смешные замечания на заседаниях, делать которые вменялось в обязанность председательствующему), «grand seigneur» (большой барин). Или немецкие: «Abendbrot» (ужин).

Для петербургского языка. Обгонять на своих санях другие на Невском называлось «обжигать».

В дореволюционное время слово «фронт» означало только строй солдат. Сообщения же с фронта военных действий назывались «сообщениями с театра военных действий».

Не было слова «продукты» в современном смысле этого слова, а говорили «провизия». На рынке (на юге — на базаре) покупали провизию. Для армии закупали провиант.

Говорили — «скурильность»: грубое шутовство, пошлость, жалкое паясничанье.

«Укромное местечко», снабженное водопроводом, — английское изобретение, ставшее прививаться в Петербурге в начале 50-х годов XIX века. Отсюда его эвфемистические названия из английского языка — «ватерклозет», «клизет», «ватер» и даже «Биконсфильд» или «англичанин». Последние два быстро исчезли, а первые три слова были основными для обозначения «кабинета уединения» в дни моей молодости. Теперь говорят иначе: «туалет» или «уборная».

Поразительна способность старой аристократии во всех случаях выразиться «прилично», никто, даже покойного, не обижал своей прямоотой. Гра-

К.А.Сомов. Портрет Вяч. Иванова. 1906. Москва, Третьяковская галерея

финя Шуазель-Гуфье в своих «Воспоминаниях об императоре Александре I и императоре Наполеоне I» в одном месте пишет: «В Петергофе я осмотрела любимый дом Петра Великого, его спальню, шлафрок, ночной колпак и башмаки Екатерины, доказавшие мне по своему размеру, что она хорошо и прочно стояла на своем месте» (несомненно, в двух значениях).

Напрасно существует мнение, что сокращения по буквам или по слогам появились только после революции. Сокращения существовали в вензелях в XIX и начале XX века. Больше того, существовали и шуточные их истолкования.

ППКК — «Петровский Полтавский Кадетский Корпус». Полтавские кадеты читали его слева направо и справа налево: «Петр Позволил Кадетам Курить», и в обратном направлении — «Кадеты Курили Петра Похвалили».

Наталья Евгеньевна Маясова (искусствовед) сказала про Георгия Карловича Вагнера на обсуждении его работ 14 июня 1983 года, выставявшихся на премию: «Он сумел улыбнуться всем», то есть всем сделал, написал что-то нужное, что-то для их работы, необходимое — искусствоведам, источниковедам, литературоведам, археологам и пр. Прекрасно сказано, особенно уместно в отношении именно Г.К.Вагнера — милого, доброжелательного, доброго, справедливого (мост между личностью исследователя и его трудами — улыбка).

Те, кто выступает против сложной научной терминологии в литературоведении, сами часто пишут так: «Конкретное претворение намеченных мероприятий в практическую деятельность позволит сосредоточить работу правления Союза писателей на ключевых направлениях литературной работы...» и т.д., и т.д. Нет уж!

В разбойничьей шайке Робина Гуда самый сильный и высокий имел прозвище Маленький Джон (кажется, так), и это прозвище «по противоположности» считается типичным для английского юмора. Но вот на Волге наш громадный теплоход «Владимир Ильич» сел на мель, и вытягивать нас был прислан сильнейший буксир — «Череповецкая Пионерия». Я думаю — это название дано не без юмора. Впрочем, юмористические названия у нас редкость. Мы очень «серьезные» люди. Естественное юмористическое название, которое я еще знаю, — это столовая на Кронверкском проспекте в Петербурге: «Демьянова уха». Если вспомнить, что Демьян угощал так, что его гость бежал от него без памяти, «схватив кушак и шапку», то юмор этого названия покажется даже смелым для коммерческого предприятия.

Юмор очень национален. Стоит только вспомнить различные анекдоты, сочиняемые обычно про себя же в народной среде. Чем грубее юмор, тем он меньше считается с национальными границами. Как кажется, самый тонкий, но и самый «трудный» юмор — английский. Выразитель этого юмора английский журнал «Punch». Он стал своего рода «представителем» английской нации. Но понятен почти что только самим англичанам.

О карьере в Болгарии говорят: «службагон».

Вот о чем не пишут историки и что производило в свое время очень большое впечатление: это «атмосфера обращений» друг к другу.

1. Когда в 1918 году всюду стали говорить друг другу вместо «господин», «госпожа» (на юге — «мадам») — «товарищ». Это производило такое впечатление.

А. Амикошонство. Человек, обращавшийся к незнакомому «товарищу», казался набивающимся в друзья, в собутыльники. Часто отвечали: «Гусь свиные не товарищ!» И это было не классовое, а исходило как бы из самосохранения. Профессор, говоривший студентам «товарищи», казался ищущим популярности и даже карьеристом, ибо ректора университета избирали студенты. Таким избранным ректором и в самом деле был будущий академик Н.С.Державин. Поэтому серьезные ученые (Жирмунский даже демонстративно) продолжали обращаться к студентам «коллеги» (Жирмунский плохо произносил «л»).

Б. Поражало в этом обращении и то, что женщины и мужчины не различались. К женщинам тоже обращались «товарищ» (теперь этого нет и все женщины стали «девушками», вернее, остались без способа обращения).

2. Постепенно к концу 20-х годов к обращению «товарищ» привыкли. И это стало даже приятно — все люди были если не товарищами в подлинном смысле этого слова, то во всяком случае равными. Со словом «товарищ» можно было обратиться и к школьнику, и к старухе. Но вот начались сталин-

ские чистки (кстати, чистки «классово чуждых» были и раньше, и массовые расстрелы заложников, «подозреваемых» и пр. — тоже, но в «сталинских» была видимость преодоления каких-то государственных препятствий: брали любых, любых категорий — и «хорошо одетых», и бедно одетых), и вот в какую-то неделю не помню какого года жители стали внезапно замечать, что милиционеры, кондукторы, почтовые служащие прекратили говорить слово «товарищ» и стали обращаться «гражданин» и «гражданка». А эти слова носили отпечаток отчужденности, крайней официальности (сейчас это исчезло и появилось даже слово «гражданочка»). И это обращение, по существу новое (хотя редко бывало и раньше, когда злились друг на друга или задерживали нарушителя законов), стало заполнять улицы, официальную жизнь, создало атмосферу. Каждый человек оказался подозрительным, под подозрением; над всеми нависла угроза возможного ареста; в слове «гражданин» и «гражданка» мерещилась тюрьма.

Приказ прекратить употребление слова «товарищ» был, видимо, секретным, но его все сразу ощутили. Одновременно исчезли списки квартирантов, до того висевшие в подворотнях и очень облегчавшие поиски живущих в доме. Одновременно стали запирают лестницы, чтобы бездомным и скрывающимся негде было ночевать. Одновременно в издательствах стали бояться печатать имена авторов глав и статей (их выносили в отдельные листки, которые, в случае ареста кого-либо из авторов, легко могли быть вырваны, перепечатаны и вклеены на место прежних). Одновременно прекратили печатать библиографии и началось гонение на сноски с упоминанием живых авторов. Одновременно... Да много еще было этих «одновременно», когда люди перестали себя чувствовать людьми, а самые умные стали переезжать из одного города в другой, менять адреса и таким образом действительно избегали неизбежного как будто бы ареста (А.Обновленский, предупрежденный на улице в Ленинграде, сходу переехал в Житомир, через полгода в Казань и т.д. — и остался жив, на свободе, хотя и был ордер на его арест).

Боже! Что это была за атмосфера. Чуть-чуть она передана в повести Л.К.Чуковской «Опустелый дом» (другое название этой хорошей повести «Софья Петровна»).

Раньше говорили не «симпозиум» (на латинский лад), а «симпозион» (греческое слово) и подразумевали вечернюю пирушку. В университете говорили не «семинар», а «семинарий».

Почему в народе и до сих пор претензия на ум выражается в манере говорить загадками, обиняком? Ср. прямую речь героев «Дома» Федора Абрамова. Но загадками говорит и «мудрая дева» Феврония в «Повести о Петре и Февронии Муромских». В чересчур «ученой» речи некоторых гуманитариев, пересыпающих свой язык «умными словами», есть поэтому что-то лакейское (ср. Петрушка у Гоголя или Смердяков у Достоевского).

О нашем языке. Мы почти забыли о склонении числительных. Поразительно, что даже в Академии наук в отчетных докладах, где постоянно фигурируют цифры, эти цифры не склоняются. «Более триста», а не «более трех-

сот»; «до пятьдесят», а не «до пятидесяти». А когда дело доходит до сложных числительных и докладчик в самом деле попытается склонять их, — затыкает уши.

Отказ от склонения названий населенных пунктов особенно интенсивно пошел во время Великой Отечественной войны. В сводках с фронта: «Наши войска освободили город Рига», а не «город Ригу». Признаться, эта тенденция ведет к обеднению языка. Я предпочитаю вместо «живу в городе Ленинград», слышать — «живу в городе Ленинграде».

А женский род должностей или жен должностных лиц? Когда говорят «генеральша», ясно, что это о жене генерала. А «докторша»? — Что это такое: жена доктора или сама доктор? Можно ли сказать «докторша наук» или «кандидатша»? Я думаю, что правильно за последние годы почти исчезло «докторша». Иногда шутливо говорят «докторесса», но не шутливо говорят «поэтесса», а я думаю, что о женщине-поэте, если она настоящий поэт, следует говорить «поэт», а не «поэтесса». А.Ахматова это слово ненавидела Цветаева тоже.

Но вот еще один вопрос. Чехи говорят «чиновничка» вместо «женщина чиновник». По-русски сказать так нельзя. Мы говорим «секретарша», а не «секретарка».

По-видимому, только старые женские профессии сохраняют и будут еще долго сохранять женский род — «парикмахерша», «маникюрша», «кухарка», но в целом постепенный отказ от женского рода в названиях профессий — процесс естественный и не режущий уха.

Сочиненная мною «под древнерусскую» поговорка: «Не только «днесь», но и тамо взвесь».

Справка: слово «нигилизм» было богословским термином и означало атеизм. В политическом общественном смысле оно впервые было употреблено Н.И.Надеждиным (1804—1856) в статье «Сонмище нигилистов» в «Вестнике Европы» за 1829 год.

Древняя русская письменность (именно письменность, а не только литература) — неисчерпаемый клад богатств русского языка. В одном только совсем небольшом «Почтении» Владимира Мономаха сколько чудесных выражений: «мыслити безлепицу» (думать о чепухе), «управити сердце свое» (совладать со своими чувствами), «больногого присетити», «привечать» человека («и человека не минете не привечавше»), «ни свереповати словом, ни хулити беседою», «старыя чти яко отца, а молодыя яко братью» и т.д.

Но дело не только в языке, но и в умении рассказа. Шедевры выразительной краткости: летописный рассказ о смерти Олега, о четырех местах Ольги, о походах Святослава, о его смерти и многое другое. Один из лучших рассказов — это «Повесть о разорении Рязани Батыем», или «Повесть о Петре и Февронии Муромских». И еще я люблю «Повесть о Тверском Отроче монастыре». Что касается до протопopa Аввакума, то это вообще первый гений в русской литературе. Не оттого первый, что до того просто не было, а потому, что литература, как фольклор была не личностной.

В поликлинике для слепых не говорят «слепой», а говорят «незрячий». В нашей обыденной терминологии много таких же слов и выражений, считающихся более «приличными» или, вернее, «менее ранящими» сознание.

Когда мне был 21 год, я написал маленькое эссе (на одной-двух страничках). Называлось оно «Феноменология вопроса». Я описал «жизнь вопроса» как слова. Подборка у меня не сохранилась, но было в ней десятка три выражений: что делается с «вопросом» в течение его «жизни». Примерно так: «Вопрос зарождается, поднимается, выдвигается, касается, разрабатывается, излагается, ставится на обсуждение, будируется, ставится ребром, становится наболевшим, исчерпывается, снимается». Я подбирал эти «идиомы» с неделю, а чем больше их я находил, тем смешнее и «сатиричнее» становилась вся жизнь «вопроса».

Е.В.Тарле в своем «Наполеоне» очень хорошо пользуется скобками для своих иронических замечаний.

Многие поговорки известны у нас в укороченном виде. Сперва все знали их в полном и потому понимали с начальных слов, а потом поговорка казалась понятной и без продолжения: поговорка — и все тут. Так, например: «Лиха беда начало...» Почему беда? А вот что сказал Петр, по преданию, когда первым в 1702 году стал вбивать свайку в особенно бурной реке, переводя свои фрегаты из Белого моря в Онежское озеро: «Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остальные все там же будут». А вот другая поговорка: «Не выметай из избы сору»; полный ее вид: «Не выметай из избы сору к чужому забору».

Кстати, восстановление первоначальной полной формы поговорок могло бы быть темой особой научной работы (и очень важной).

Графика и орфография могут выражать экспрессию. Пример тому — «Письма русского путешественника» Карамзина, где большими буквами выражен целый ряд понятий (Республика, Народ и пр.).

Меня интересует психология сознательной порчи языка. Этому вопросу посвящена моя работа 1964 года: «Арготические слова профессиональной речи». Как мне кажется, мне удалось объяснить появление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий или учащихся. Жаль, что положения статьи не используются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение.

Старайтесь не говорить вычурно. Не говорите «объяснить», «волнительно». Не надо употреблять милиционерских терминов или выражений, пришедших из детективных романов: «получать прописку» — в смысле «поселить» какое-либо растение, рыбу, животное в новом месте («сиг получил прописку в озере N»), «выходить на кого-либо» в значении «связаться с кем-либо» или «получить доступ к кому-либо». И не употребляйте штампованных выражений (если то или иное слово часто употребляется в газетах — бойтесь его): «высвечивать», «высвечиваться», «эмоциональный настрой», «контакты» вместо «связи» и некоторые др.

И еще надо думать о конкретном значении тех выражений, которые употребляешь. Вот выписки из газет: «...находят простор злые языки», «однако есть отдельные злостные шептуны и прочие антиподы, проявляющие свое истинное лицо именно в такие переломные моменты».

Мы все (и я в том числе) не умеем склонять числительные. Мы ставим неправильные ударения. Нарушаем грамматические правила при фонетической передаче самоназваний новых государств.

У нас нет словарей, издающихся систематически (но язык — живой, происходит «наплыв» новых слов, многие слова меняют ударения). У нас нет пособий по подысканию нужного слова или выражения (типа Роджерса, издающегося ежегодно). Издание словарей идет медленно, да и то крайне многочисленных.

А язык наш беднеет...

Завет Гоголя: «Со словом надо обращаться честно».

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Коран: «Обязательно посади дерево, — даже если завтра придет конец света».

Жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен.

Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе. Нельзя верить в Бога «попутно», «между прочим», признавать Бога как постулат и вспоминать о нем только, когда спрашивают.

Предсказания и предвидения в науке и пророчества не так далеки друг от друга: и те, и другие не суть утверждения неизбежности, а прогнозы на данный момент и в данных условиях. Неизбежность всегда разрушительна для морали. Человек способен в той или иной мере изменять будущее — хотя бы свое.

Когда святого Гонзаго, римского семинариста, спросили во время его игры в мяч со своими сверстниками: что бы он делал, если бы ему сказали твердо, что сейчас наступит конец мира, — он сказал: «Продолжал бы играть в мяч». Но это, конечно, в случае полной неизбежности. А настоящий его ответ перед своею совестью, когда он что-то мог изменить, был другой, — он был дан его смертью: он скончался 23 лет, ухаживая за чумными больными.

Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
.....
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен¹.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слу-

шали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье — это когда дома достаток и на службе хорошо», или: «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили — «Это гармония между чем-то и чем-то» — недалеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

Мне девяносто лет. Как к этому относиться? Респектабельный возраст!

Пастух, которому 110 лет, но который никогда или редко сходил со своих гор, — прожил короткую жизнь.

«Разве нет у вас вечности для отдыха...»

Жизнь была бы неполна, если бы в ней совсем не было печали и горя. Жестоко так думать, но это так.

Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно — нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением. Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо. Если он перестает быть творческим существом и быть устремленным в будущее (свое и своей страны), он перестает быть Человеком. В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая.

Утешают: переселение душ! Но какое может быть утешение, когда душа переселяется одна, в чужую семью, в другой быт, а с детства ничего не помнит из прежней жизни (если бы даже могла) и кричит только: «Уа, уа!»

Вызывают духов, занимаясь столоверчением. Покойники, даже самые знаменитейшие и архигениальные, говорят вызвавшим их людям вполне на их уровне: ничего интересного, невероятного, никаких гениальных советов, наставлений, указаний, кроме банальнейших.

А вместе с тем что-то же должно остаться?

Закон сохранения энергии касается же энергии душевной и духовной. Но эта энергия все же недолго имеет личностную форму. Сперва (более года) Вера² мне снилась и утешала меня, но теперь — нет. Энергия ее растворилась, и там, где была Вера (дочь), я ощущаю пустоту... Девять дней, сорок дней, год — и все. Не могут же люди, жившие миллионы лет назад, продолжать существовать заочно и сейчас? Это непредставимо. «Места не хватит», даже не изобретая для них расселения по Вселенной: способ, предложенный Н.Федоровым³. Но боль не проходит.

Если человек ни о ком и ни о чем не заботится, его жизнь тоже «бездуховна». Ему нужно страдать от чего-то, о чем-то думать. Даже в любви должна быть доля неудовлетворенности («не все сделал, что мог»).

Коломенское. Слева один из дубов Старого Вознесенского сада

Жизнь человека — это не отдельные события, связывающиеся в незаконномерную последовательность, а своего рода организм, «биографическое целое». Поступки и события — только звенья цепи, имеющей свою форму, свою одухотворенность и свою индивидуальность. Существует индивидуальность — как человек, и есть индивидуальность — как его жизнь. Последняя зависит от первой, но обе законченные цельности. И человек должен это знать, а не жаловаться («не повезло в жизни»).

«Et in Arkadia ego» («И в Аркадии я»). Смысл этого широко известного, но и неясного по происхождению изречения толковался различно. В эпоху рококо считали, что «я» (ego) — это смерть. Смерть заявляет о своем присутствии даже в счастливой Аркадии. В садах рококо при всей их «счастливой сущности» очень часто бывали могильные памятники или памятники, посвященные умершим — друзьям, родным. Такие памятники есть, например, в Павловском парке. В имении «Узком» под Москвой на одной из картин, изображающей сад, написан саркофаг с такой же надписью. Человек в самые счастливые моменты своей жизни должен был не забывать о своей смертности. В Этнографическом музее в Будапеште мне рассказывали, что женщина

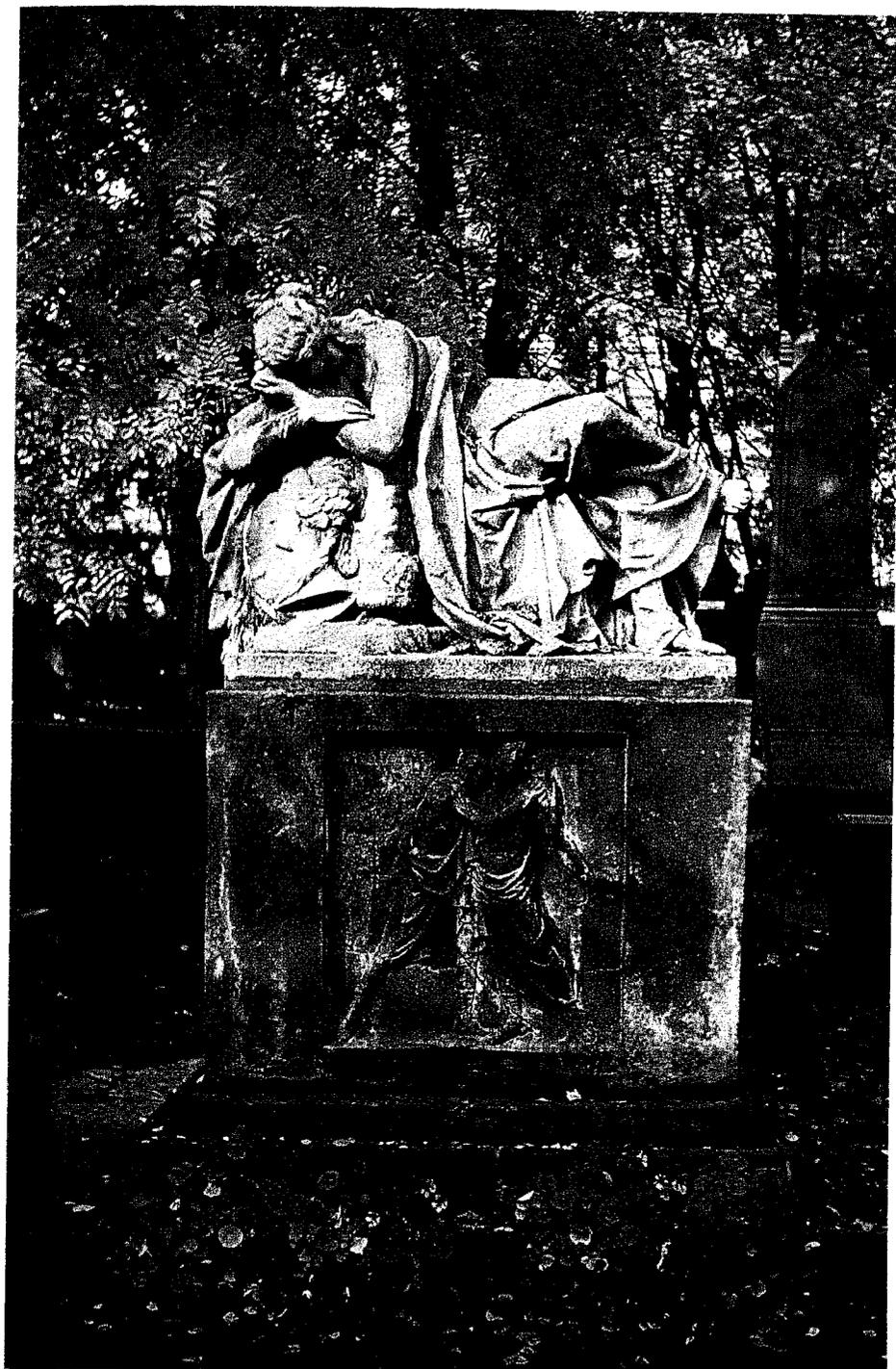

*И.П.Мартос. Надгробие кн. С.С. Волконской. 1782.
Москва, Третьяковская галерея*

в первый же день своего замужества должна была делать первые стежки на своем саване. Этот саван делался красным. Через двадцать пять лет он должен был быть готов, и женщина начинала вышивать синий саван. Еще через двадцать пять лет она готовила себе белый саван. «Народное искусство не только красиво, — оно мудро», — сказала мне сотрудница музея.

Понимание другого, восприятие другого есть сознание существования меня самого за пределами меня. И это сознание особенно сильно, когда мы имеем дело с произведением искусства. Искусство расширяет наше я, позволяет женщине переселиться в мужчину, человеку добродетельному в преступника и, несмотря на сопротивление зла, — злему в доброго, переселиться в другую эпоху, в другую среду, в человека другой религии или почувствовать себя собакой, лошадью («Холстомер»).

Всякое искусство в той или иной мере дублирует жизнь в представлениях автора. Если эти представления, отраженные в произведении искусства, в достаточной мере высоки, читатель или зритель может удвоить и утроить

*И.П.Мартос. Надгробие кн. Е.С.Куракиной. 1792.
С.-Петербург, Александро-Невская лавра*

свой жизненный опыт. Он может оказаться в ситуациях, которые не только в его личном опыте отсутствовали, но о которых он даже не имел понятия. Искусство просто открывает нам новые миры со своими особыми законами. Лет двадцать тому назад я написал статью на тему «Легкий мир «Слова о полку Игореве», где показал, что в этом произведении законы передвижения в пространстве и во времени совершаются иначе, чем в нашем мире.

В романах Достоевского действует другая человеческая психология, обнажен нравственный мир и пр. Особая роль принадлежит поэзии, вводящей нас в особый ассоциативный мир.

Следовательно, литература приумножает, обогащает человеческий опыт.

Человек, много читавший, может считать себя прожившим несколько жизней и иногда более сложных и высоких, чем его собственная.

Витражи часто бывали так высоко, что их нельзя было разглядеть.

Фриз Пантеона в Афинах, когда он был не в Британском музее, а на своем месте, тоже был «невидим» для зрителя.

Следовательно, архитекторы, скульпторы, витражисты и фрескисты творили для Бога, для правды, а не для зрителя, который часто не мог разглядеть детали.

В раннехристианской эстетике особое место занимают зрительные образы. В послании Павла евреям говорится: «Все открыто перед очами Господа». Поэтому так часты в священном писании «очи души», «очи сердца». Библия — книга не только слов, но и зрительных образов. Иов отдает предпочтение глазам перед ушами, он говорит Богу: «Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь» (*Иов*, 42, 56). И так как «все открыто перед очами Господа», то в стенописях церквей с одинаковой старательностью выписываются даже те детали, которые снизу не видны молящимся, но «видны Богу». Н.Н.Воронин обратил внимание на то, что в Боголюбове рельефный орнамент охватывал храм даже в той его части, которая сразу же скрывалась строительством примыкающей к нему лестничной башни. Никакого обмана, никакой иллюзии, ничего скрытого от глаз Бога.

Одно из самых важных отличий человека от животных и от компьютерных машин — чувство юмора. Машина не может смеяться, хотя может выявлять, регистрировать смеховые ситуации (если человек проанализирует предварительно сам — какие ситуации могут вызывать смех (важно для ораторов, педагогов и пр.).

Но вот говорят: «Христос никогда не смеялся» — и даже еще серьезнее: «никогда не улыбался». Но! Это говорится на основании повествований о нем в евангелиях, а мог ли евангелист описывать Христа смеющимся, шутящим и пр.? Ведь это было просто невозможно, это было бы по-человечески бестактным, имея в виду всю трагичность описываемой жизни. Что касается улыбки, то улыбка не регистрировалась в дореалистическом литературном искусстве. Она воспроизводилась в скульптурах античности (лицо Афродиты или Венеры часто изображается улыбающимся; и улыбается Богоматерь, обращаясь к своему Младенцу).

Но вот Бог явно смеялся, творя мироздание. Я уверен, что некоторых насекомых, рыб и пр. Бог создавал смеясь. И он создавал их для себя — не для

нас, ибо самые смешные творения спрятаны им глубоко в воде или в скрытых от человеческих глаз местах.

Создавал ли Бог смешные ситуации — в истории, в жизни «малого значения»? Создавал! Я в этом уверен, глядя особенно на смешное самодовольство тупых чиновников, на наряды «диких» людей или некоторых «цивилизованных дам». Такого человеку, даже самому остроумному, не выдумать!

А в целом, глядя на созданный Богом мир, следует сказать, что Бог заботился и о своей «репутации». Заботился очень серьезно. Заботился о моральной оправданности своего творения. Говоря без шуток, с полной искренностью, именно христианство это заметило. Ибо оправдать сотворенные Богом страдания людей можно было только одним путем: путем собственного крестного пути. В истории Христа отражено что-то вечное, постоянно совершающееся. Бог не только две тысячи лет назад страдал на кресте, — он страдает постоянно, всегда. Всегда его бьют, поругают на дворе Пилата.

Мои представления о мире («В чем моя вера»)

Умер человек. Умер близкий мне человек. Я не могу примириться с тем, что он будет забыт. Все хорошее и все плохое вокруг него забудется. Забудутся все его мечты, надежды, маленькие или даже большие заботы. Это непереносимо.

Забылись целые культуры. Мы представляем себе первобытного человека как совершенно примитивное, грязное существо. А у него были обычаи, представления о нравственности, фольклор, не дошедшая до нас своеобразная культура. Я верю в «пещерного человека».

Даже культура Древней Руси представляется нам упрощенно: «отсталая», «грубая» и пр. Это явно неверно. И одна из моих главных жизненных задач состояла в том, чтобы разбить это представление.

Даже представления о России XIX — начала XX века как об отсталой стране неверны, тенденциозны. В представлениях о прошлом действуют мифы.

«Страшный суд» должен охватывать не только всех людей, но и все историческое прошлое человечества, а может быть, и еще шире — весь существовавший мир и тот, что будет существовать. Иначе нельзя жить: должна быть восстановлена справедливость.

Как это возможно? И что значат слова Апокалипсиса: «Времени больше не будет»?

Если времени не будет, если воскреснут мертвые, т.е. все прошлое, то времени в нашем его ощущении (я не говорю «понимании», ибо понимания времени у нас вообще нет) вообще не существует. Время — наше субъективное восприятие мира.

Мы смотрим в окно быстро мчащегося поезда. Ребенку кажется, что существует в настоящий миг только то, что он видит в окне. Того, мимо чего мы промчались, больше не существует. То, к чему мы приближаемся, еще не существует...

Муравью, ползущему по плоской поверхности, кажется, что то, мимо чего он прополз, уже не существует.

Настоящее — это звук, снятый с пластинки иглой проигрывателя. Но прошлое и будущее на этой пластинке есть, существует, неистребимо... Этим решаются нравственные проблемы: каждый человек, существовавший, существующий и кому еще надлежит существовать, представлен перед Страш-

ным судом, совершающимся постоянно, во всех своих поступках и помыслах. «Срока давности» нет. Ни для плохого, ни для хорошего... Древняя Русь не исчезла. Она существует, и в отношении ее наш тенденциозный «суд истории» недействителен. Есть Высший суд, находящийся над временем.

Вот почему нельзя совершать плохое для хорошего, губить людей во имя «счастливого будущего». Настоящее не трамплин для будущего. И т.д.

Вот почему, кстати, возможно предвидение будущего и общение с прошлым, «умершими» (по-настоящему никто не умирает). Кстати, необходимо обладать суеверной самоуверенностью, чтобы отрицать многочисленные факты предсказаний или общения с умершими.

Уверен, возможность «передвижек» человека в прошлое и будущее будет доказана физиками. Физики уже подошли к правильным представлениям о времени.

Вопрос о надвременном характере (сущности) мироздания для меня абсолютно ясен. Я не просто верю, — я уверен в том, что мой ответ ясен и соответствует действительности. Иначе все существующее лишено смысла. Если все проходит, то нет смысла существования чего бы то ни было.

Теперь коснемся другого вопроса, в ответе на который я менее уверен, но верю. Если все существующее находится вне времени, а время есть только форма проявления надвременно существующего, то свободен ли человек в своих поступках, в своем поведении, отвечает ли он за то, как живет?

Прежде всего обращу внимание на то, что понятие ответственности очень сложное. Приведу такой пример. Камни существуют тысячелетиями и не меняются. Ответственны ли они за свою ценность? Существует гранит, существуют алмазы. Ценность их различна. Существуют дурные люди и хорошие. Каждый отвечает за то, какой он. А может ли он отвечать за свой поступок? Иначе говоря, свободен ли человек, живя в надвременности?

В богословии есть понятие синергии. Я думаю, что в аналогичном тому положении, в котором проявляет себя Бог, находится и человек. Его поступки и свободны и предопределены одновременно. Время есть не только способ восприятия мира, но и форма проявления свободы человека. Свободен не только человек — свободна природа (это хорошо выразил Тютчев)⁴.

Как совмещаются два начала — время и надвременное, трудно представимо. Вернее сказать, просто не представимо. Но мало ли что непредставимое обнаруживается в бытии! Современная математика и физика разве не обнаруживают многое, что не представимо?

«Времени больше не будет!» Значит, в конце существования жизни на Земле во времени не будет нужды. Какой смысл существования Жизни вообще — нам знать не дано. И я могу догадываться — почему, с нравственной точки зрения. Ибо если бы мы знали ответ на это «почему», знали бы точно (а не только свободно верили в существование Бога), мы были бы лишены свободы. Знание не только достигается свободой, но и лишает на последних своих ступенях свободы человека. Поэтому-то Бог открывается только тем, у кого вера в него достигает уверенности знания, т.е. только святым.

Теперь постараюсь ответить на третий сложнейший вопрос. Я говорил о Боге. Но о Боге и богах свидетельствуют разные религии, а в религиях разные вероисповедания. Кто прав?

Ответ на этот вопрос люди обычно получают от родителей. Наиболее взыскующие истины могут найти его сами, если станут внимательно изу-

чать религии с точки зрения того, на какое количество вопросов («проклятых вопросов») отвечает та или иная вера. Если она соответствует большему количеству вопросов, дает наилучшие ответы, особенно на нравственные требования, — она и наиболее верная. Но при этом необходимо учитывать и национальные традиции, национальные уклады, так как болт охватывает винт.

Что для меня лично самое важное в православии? Православное (в отличие от католического) учение о триединстве Бога. Христианское понимание Богочеловечества и Страданий Христа (иначе не было бы оправдания Бога) (кстати, спасение человечества Христом было заложено в надвременной сущности человечества). В православии для меня важна сама древность обрядовой стороны церкви, традиционность, постепенно отменяемая даже в католичестве. Экуменизм несет в себе опасность безразличия к вере.

Пока все...

Есть вопросы, на которые я не знаю ответа. Думаю, на эти темы вообще нельзя говорить. Любовь. Вера... Об этом следует молчать. Отцы Церкви говорили: «Кто много и пристально на солнце смотрит, у того глаза повреждаются; кто Бога любопытно рассматривает, у того ум помрачается...»

Когда погибла Вера, моя дочь, мир для меня вдруг потерял цвет. Я не различал красок. В ее комнате все осталось, как при ней. Мне хочется думать, что она просто вышла ненадолго... Человеческие события не кончаются внезапно, а служат началом чего-то нового. мне хочется так думать...

А самым страшным в жизни мне кажутся две вещи: предательство и смерть. Смерть все-таки страшна. Но предательство — страшнее...

Мы редко и слишком мало думаем о смерти. О том, что все мы конечны, что все мы здесь — на очень короткое время. Забывчивость эта помогает расцветать подлости, трусости, неосторожности... В человеческих отношениях важнее всего быть осторожным: не обидеть, не поставить другого в неловкое положение, не забыть обласкать, улыбнуться...

Молитва играет роль монолога. Ею герой выражает свое душевное состояние, но не индивидуальное, а типизированное.

Икона всегда имеет в виду молящегося. Она обращена к нему. Она принимает его молитву, утешает его и наставляет. Такое есть отчасти и в некоторых произведениях нового времени, но только «отчасти». В иконописи — третий (кроме иконописца и самого произведения) очень силен.

Отчасти такое же положение у читателя древнерусского произведения. Поэтому в нем так сильны ораторские черты. Любая прямая речь, диалог в литературном произведении рассчитаны на то, чтобы быть прочитанными читателем.

Искусство прямой речи в новое время сказывается в том, что автор как бы забывает о читателе. Это особенно ясно в произведениях удивительного мастера прямой речи — Достоевского.

Атанас Далчев с необыкновенной мудрой примиренностью относился к смерти. Вот одно наблюдение над старостью как переходом в небытие: «До-

стигнув известного возраста, начинаешь понимать, что жизнь, в сущности, — непрерывная утрата. Теряешь не только зубы, волосы, блеск глаз, но и все силы и богатства души: способности, привязанности, воспоминания, чувства и даже желания. Один за другими падают, перерубленные, тросы, прикреплявшие дух к земле, и, почти освобожденный, он трепещет от собственной легкости». И еще: «Со смертью наших близких постепенно умираем и мы».

А вот на ту же тему замечательное стихотворение Атанаса Далчева «Вечер» в переводе Марии Петровых:

Бреду один по улицам, где вечер
над ряно-красной черепицей кровель
такой же ряно-красный догорает.
И, глядя на закат, я вспоминаю:
сейчас и над Неаполем он рдеет,
и блещут окна верхних этажей,
пылающие блики отражая,
и Неаполитанского залива
светлеют волны, тронутые ветром,
и зыблются, как на лугу трава,
и возвращаются мычащим стадом
в шумливый порт под вечер пароходы.
На набережной пестрая толпа
благословеньем провожает этот
минувший день, прожитый беззаботно,
но в той толпе меня теперь уж нет.
Закат сейчас горит и над Парижем.
Там запирают Люксембургский сад.
Труба звучит настойчиво и страстно,
и словно на ее призыв протяжный
нисходит сумрак в белые аллеи.
Толпа детей за сторожем идет
и слушает в молчанье, в упоенье
повелевающую лесню меди,
и каждому хотелось бы поближе
к волшебному пробиться трубочу.
Из тех резных ворот, открытых настежь,
выходят люди весело и шумно,
но в их толпе меня теперь уж нет.
Зачем не можем мы одновременно
быть там и здесь, всегда и всюду, где
клокочет жизнь могуче и бескрайно?
Мы непреодолимо умираем,
вседневно умираем, исчезая
оттуда и отсюда — отовсюду,
пока совсем не сгинем наконец.
1930

Я встретил А.Далчева в 1973 году стариком на углу Русского бульвара и улицы Раковского — в самом шумном месте Софии. Нас познакомил П.Н.Диников. Я не помню, какими словами мы обменялись, но живо помню только то ощущение покоя и тишины, которым вопреки шуму софийских вечерних улиц был окружен Атанас Далчев... А на следующий год, 1974-й, он прислал мне свою книжечку «Избранное».

Успехи медицины

Наконец-то медицина сделала благодатные открытия для всего человечества: оказалось возможным пересаживать человеку вместо большого сердца два здоровых (если, конечно, человек этого заслуживал), пересаживать печень, мозг, не говоря уже о таких пустяках, как кожа и кости. Просто удивительно! И как хорошо: теперь не страшны любые болезни, лишь бы вовремя, вовремя...

Потребность в здоровых органах возросла до крайности. И цена тоже. И все-таки «запчастей» не хватало. Велся строгий учет всем здоровым людям, всем здоровым органам. Ни один здоровый орган не должен был пропасть. Вовремя перехватить у умершего, лучше всего внезапно погибшего, опустить эти органы в особую жидкость, держать все это при особых условиях и... пересадить их достойному больному.

И как изменился весь социальный строй жизни. Общество разделилось на «бессмертных» (номенклатурные работники с хорошими анкетными данными) и на «запчасти», как называло себя в шутку остальное население. Правда, «бессмертные» представляли собой как бы некие комбинации, которые все время несколько перестраивались внутри (особенно когда пересаживался мозг или какие-нибудь железы), но зато анкетные данные, «автобиография», награды, ордена оставались вечно, а следовательно, «комбинация» могла вечно занимать свой ответственный пост.

Прогрессировала не только медицина. Прогрессировало и идейное воспитание. Церквей и в помине не стало, но некоторые «традиции» все же остались. Почему-то отмечали девятый и сороковой день после смерти. И в годовщину тоже ходили на кладбище, где в стройных буфетиках, как хрустальные бокалы, хранились урны с прахом «населения».

Наступила годовщина смерти попавшего в аварию молодого спортсмена. Но матери его некуда было пойти: все тело его разошлось по живым людям. И решила она отдать дань старому обычаю и пойти по тем людям, в которых «схоронен» был ее сын.

И первым решила навестить знаменитого литературоведа, которому пересажено было сердце ее сына. «Все-таки человек, верно, гуманный, литературой занимается. Поймет он материнское сердце. Не так страшно и разговор завести».

Позвонила. Открыли. Удивленно посмотрели. «Вы, наверно, рукописи предложить пришли?» — «Нет, но поговорить, повидать, по-родственному!»

Позвали профессора. Профессор сидел в столовой перед телевизором. Устал, выполнял срочное задание: готовилось новое собрание сочинений Достоевского и надо было доказать, что «Бесы» подделка. Сложно — рукописи остались, но справился. И вот теперь отдыхал, наблюдая, как на экране мускулистая дама, стоя на голове, делала шпагат.

Когда позвали, недовольно крикнул: «И отдохнуть не дадут», но пошел и даже пригласил в кабинет. Придвинул стул. Сам сел напротив в уютное кресло.

«Петров, говорите? Иван Петрович? Олимпийский чемпион? Согласитесь, однако, что знать это неприятно». Схватился рукой за сердце: от жеста этого уже давно отвык, но теперь вспомнилось. Слегка затошнило, закружилась голова. «Нет, нет, избавьте, пожалуйста, от подробностей. В конце концов это совсем не деликатно с вашей стороны».

Когда мать ушла и знаменитый литературовед вернулся к телевизору, под конец выступлений мускулистой дамы он почти успокоился и подумал:

«Но если чемпион, олимпийский, значит, до следующей пересадки сердца еще очень не скоро.

Надо будет подумать: «Записки из подполья» тоже бы печатать не следует. И черновиков не сохранилось! Из поликлиники Двадцать четвертого управления, наверное, уже не открепят».

Сколько зерен, рассыпанных на столе, может человек охватить взором сразу и не считая, не деля на группы — определить их число? Одно зерно — ясно, что одно. Два зерна — тоже не требует мысленного счета. Три — тоже. Четыре — уже возникает соблазн разбить на две группы по два зерна, чтобы лучше уяснить число. Но еще не считает. Пять — труднее, и счет в уме возможен. То же шесть. А семь и последующее число зерен, пожалуй, требует уже счета. Познание превращается в процесс. Во всяком случае, вы не можете сказать сразу, «не думая», — сколько лежит на столе.

И вот, если бы меня спросили — как представить себе «Высший разум», я бы сказал — это то, что способно охватить мысленным взором сразу всю Вселенную, и не только ту, что есть сейчас, но и ту, что была и будет, — во всех измерениях — и держать ее в сознании с такою же ясностью, «не считая», как мы можем осознать наличие одного, двух или трех зерен, лежащих на столешнице.

Вопрос о том, существует ли всевидящий «Высший разум» или не существует, может решаться только с осознанием невероятной сложности его существования, — сложности, показанной мною на трех зернах, лежащих на столе, но раздвинутой на всю Вселенную.

Как быть в старости? Как преодолевать ее недостатки? Об этом отчасти я написал несколько строк в своей книге «Прошлое — будущему». Но есть более подробная и вполне правильная статья акад. В.А.Гинзбурга «Когда годы берут свое»⁵. С мыслями этой статьи я вполне согласен. Она полезна. Пусть ее прочтут. Но статья неполна. Главное и не учитываемое В.А.Гинзбургом в его статье вот в чем: старость — это не просто угасание, успокоение, постепенный переход к покою (могу сказать — к «вечному покою»), а как раз напротив: это водоворот непредвиденных, хаотических, разрушительных сил. Это мощная стихия. Какая-то засасывающая человека воронка, от которой он должен отплыть, отойти, избавиться, с которой он должен бороться, преодолевать ее.

Не просто уменьшение памяти, а *искажение* работы памяти, не угасание творческих возможностей, а их непредвиденное, иногда хаотическое измельчение, которому не следует поддаваться. Это не снижение восприимчивости, а искажение представлений о внешнем мире, в результате чего старый человек начинает жить в каком-то особом, своем мире.

Со старостью нельзя играть в поддавки; ее надо атаковать. Надо мобилизовать в себе все интеллектуальные силы, чтобы не плыть по течению, а уметь интуитивно использовать хаотичность, чтобы двигаться по нужному направлению. Надо иметь доступную для старости цель (считая и укорачивающиеся сроки и искажение возможностей).

Старость расставляет «волчьи ямы», которых следует избегать.

Старость — это тоска. Так важно в старости понимание другими — твоего стариковства.

Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение легким и простым.

Иоанн Богослов в молчании. Середина XVII в. Суздальская школа. Частная коллекция

Старость делает людей ворчливее, болтливее (вспомните поговорку: «По года к осени дождливей, а люди к старости болтливей»). Нелегко для молодых переносить и глухоту старых. Старые люди недослышат, невпопад ответят, переспрашивают. Надо, разговаривая с ними, повышать голос, чтобы старики расслышали. А повышая голос, невольно начинаешь раздражаться (наши чувства чаще зависят от нашего поведения, чем поведение от чувств).

Старый человек часто обижается (повышенная обидчивость — свойство старых людей). Одним словом — трудно не только быть старым, но и трудно быть со старыми.

И тем не менее молодые должны понимать: все мы будем старыми. И еще должны помнить: опыт старых ох как может пригодиться. И опыт, и знания, и мудрость, и юмор, и рассказы о былом, и нравочения.

Вспомним пушкинскую Арину Родионовну. Молодой может сказать: «Но моя бабушка совсем не Арина Родионовна!» А я убежден в обратном: всякая бабушка, если ее внуки захотят, может быть Ариной Родионовной. Не для всякого Арина Родионовна стала бы такой, какой ее сделал для себя Пушкин.

У Арины Родионовны были признаки старости: например, она засыпала во время работы. Вспомните:

И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.

Что значит слово «медлят»? Она не всегда медлила, а «поминутно», время от времени, то есть так, как это бывает с время от времени засыпающими стариками. И Пушкин умел находить в старческих слабостях Арины Родионовны милые черты: прелесть и поэтичность.

Обратите внимание, с какой любовью и заботой Пушкин пишет о старческих чертах своей няни:

Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь,
То чудится тебе...

Стихи остались неоконченными.

Арина Родионовна стала для всех нас близкой именно потому, что рядом с ней был Пушкин. Не было бы Пушкина — осталась бы она в короткой памяти окружающих ее болтливой, поминутно задремывающей и озабоченной старухой.

Но Пушкин нашел в ней лучшие черты, преобразил ее. Муза Пушкина была доброй. Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты. Другие этого не умеют и сами становятся неприятны, докучны, раздражительны, тоскливо скучны.

Старики не только ворчливы, но и добры, не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только глуховаты, но обладают хорошим слухом на старые песни.

В каждом почти человеке совмещаются разные черты. Конечно, одни черты преобладают, другие — скрыты, задавлены. Надо уметь разбудить в людях их лучшие качества и не замечать мелкие недостатки. Спешите установить с людьми добрые отношения. Почти всегда добрые отношения устанавливаются с первых слов. Потом — труднее.

Достоевский где-то говорит (может быть, устами своего персонажа), что в этом мире все начинается и ничто не кончается. Это очень верно. Это подтверждает, в жизни нет случайностей.

Старые деревья служат предметом усиленного ухода и почитания в Прибалтике, на Кавказе, на Балканах...

В Черногории двухтысячелетние оливковые деревья — поразительные по красоте (около г. Будвы). В Болгарии распространяются изображения «одного старого дерева», растущего около местечка... забыл какого. Год его «рождения» — 16... Тоже забыл, — ясно помню, XVII века. А у нас в селе Коломенском деревья (дубы) имеют по 500 лет и не пользуются должным почитанием и вниманием. Гибнут. Может быть, это явление вообще типичное для нас, русских, когда старикам не уступают место в транспорте?

Какой контраст с Кавказом! Мы путешествовали в 87 году по Волге на теплоходе, на котором было много пассажиров-грузин с детьми. Грузинский

мальчик лет 13-ти, которого все на теплоходе считали большим шалуном, на каждой пристани выходил одним из первых и помогал у трапа выйти нам с женой и другим пожилым людям!

Один канадец рассказывал мне, что у них старые деревья, именно старые, получают медали, и эти медали прикрепляются к ним. Есть деревья-рекордсмены: самые старые в своей местности, самые высокие, самые толстые в стволе. В Эстонии, в Латвии все старые деревья на учете.

В языческие времена на Руси существовало поклонение старым деревьям и были священные рощи. Около Новгорода до сих пор существует «священная роща» в урочище Перынь (от «Перун» — тут стоял его идол). Но сохранность рощи никого не волнует, и самовозобновление сосен прекратилось. Устроили какой-то дом отдыха, а может быть, туристический центр (не помню), и корни сосен вытаптываются, земля вокруг сосен уплотняется, и никого это не беспокоит.

Почему в некоторых местностях старики живут до 100 лет и больше? На Кавказе, в Абхазии, в Болгарии! Ищут ответы то в горном воздухе, то в привычном образе жизни, то в болгарской простокваше и пр., и пр. А дело, мне кажется, проще: живут старики дольше там, где их уважают, где они себя чувствуют лучше, где, как им кажется, больше приносят пользу своими советами.

ГРЕГОРИИ СТАСИ И СЮЖАНИ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский.

Н.Бердяев постоянно отмечал поляризованность русского характера, в котором странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолобие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничужение с национальной гордыней и шовинизмом. Да и многое другое. Другая причина в том, что в русской истории играли огромную роль различные «теории», идеология, тенденциозное освещение настоящего и прошлого. Приведу один из напрашивающихся примеров: петровскую реформу. Для ее осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было больше сближения с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т.д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такою энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана. Создателем мифа об истории России был Петр Великий. Он же может считаться создателем мифа о самом себе. Между тем Петр был типичным воспитанником XVII века, человеком барокко, воплощением заветов педагогической поэзии Симеона Полоцкого — придворного поэта его отца, царя Алексея Михайловича.

В мире не было еще мифа о народе и его истории такого устойчивого, как тот, что был создан Петром. Об устойчивости государственных мифов мы знаем и по нашему времени. Один из таких «необходимых» нашему государству мифов — это миф о культурной отсталости России до революции. «Россия из страны неграмотной стала передовой...» и т.д. Так начинались многие бахвальские речи последних семидесяти лет. Между тем исследования академика Соболевского по подписям на различных официальных документах еще до революции показали высокий процент грамотности в XV—XVII веках, что подтверждается и обилием берестяных грамот, находимых в Новгороде, где почва наиболее благоприятствовала их сохранению. В XIX и XX

А.И.Боголюбов. Храм Христа Спасителя в Москве. 1856.
Москва, Музей личных коллекций. Собрание И.С.Зильберштейна

веках в «неграмотные» записывались все старoverы, так как они отказывались читать новопечатные книги. Другое дело, что в России до XVII века не было высшего образования, однако объяснение этому следует искать в особом типе культуры, к которой принадлежала Древняя Русь.

Твердая убежденность существует и на Западе и на Востоке в том, что в России не было опыта парламентаризма. Действительно, парламенты до Государственной думы начала XX века у нас не существовали, опыт же Государственной думы был очень небольшой. Однако традиции совещательных учреждений были до Петра глубокие. Я не говорю о вече. В домонгольской Руси князь, начиная свой день, садился «думу думать» со своей дружиной и боярами. Совещания с «градскими людьми», «игуменами и попы» и «всеми людьми» были постоянными и положили прочные основы земским соборам с определенным порядком их созыва, представительством разных сословий. Земские соборы XVI—XVII веков имели письменные отчеты и постановления. Конечно, Иван Грозный жестоко «играл людьми», но и он не осмеливался официально отменить старый обычай совещаться «со всей землей», делая по крайней мере вид, что он управляет страной «по старине». Только Петр, проводя свои реформы, положил конец старым русским совещаниям широкого состава и представительным собраниям «всех людей». Возобновлять общественно-государственную жизнь пришлось только во второй половине XIX века, но ведь все-таки возобновилась же эта общественная, «парламентская» жизнь; не была забыта!

Не буду говорить о других предрассудках, существующих о России и в самой России. Я не случайно остановился на тех представлениях, которые изображают русскую историю в непривлекательном свете.

Когда мы хотим построить историю любого национального искусства или историю литературы, даже когда мы составляем путеводитель или описание города, даже просто каталог музея, мы ищем опорные точки в лучших произведениях, останавливаемся на гениальных авторах, художниках и на лучших их творениях, а не на худших. Это принцип чрезвычайно важный и совершенно бесспорный. Историю русской культуры мы не можем построить без Достоевского, Пушкина, Толстого, но вполне можем обойтись без Маркевича, Лейкина, Арцыбашева, Потапенко. Поэтому не считите за национальное бахвальство, за национализм, если я буду говорить о том самом ценном, что дает русская культура, опуская то, что ценно не имеет или имеет ценность отрицательную. Ведь каждая культура занимает место среди культур мира только благодаря тому самому высокому, чем она обладает. И хотя с мифами и легендами о русской истории разбираться очень трудно, но на одном круге вопросов мы все же остановимся. Вопрос этот состоит в том: Россия — это Восток или Запад?

Сейчас на Западе очень принято относить Россию и ее культуру к Востоку. Но что такое Восток и Запад? О Западе и западной культуре мы отчасти имеем представление, но что такое Восток и что такое восточный тип культуры — совсем не ясно. Есть ли границы между Востоком и Западом на географической карте? Есть ли различие между русскими, живущими в Петербурге, и теми, кто живет во Владивостоке, хотя принадлежность Владивостока к Востоку отражена в самом названии этого города? В равной степени неясно: культуры Армении и Грузии относятся к восточному типу или к за-

падному? Думаю, что ответа на эти вопросы и не потребуется, если мы обратим внимание на одну чрезвычайно важную особенность Руси, России.

Россия расположена на огромном пространстве, объединяющем различные народы явно обоих типов. С самого начала в истории трех народов, имевших общее происхождение — русских, украинцев и белорусов, — играли огромную роль их соседи. Именно поэтому первое большое историческое сочинение «Повесть временных лет» XI века начинает свой рассказ о Руси с описания того, с кем соседит Русь, какие реки куда текут, с какими народами соединяют. На севере это скандинавские народы — варяги (целый конгломерат народов, к которым принадлежали будущие датчане, шведы, норвежцы, «англыане»). На юге Руси главные соседи — греки, жившие не только в собственно Греции, но и в непосредственном соседстве с Русью — по северным берегам Черного моря. Затем отдельный конгломерат народов — хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане.

Значительную роль в усвоении христианской письменной культуры играли болгары и их письменность.

Самые тесные отношения были у Руси на огромных территориях с финно-угорскими народами и литовскими племенами (литва, жмудь, пруссы, ятвяги и другие). Многие входили в состав Руси, жили общей политической и культурной жизнью, призывали, по летописи, князей, ходили вместе на Царьград. Мирные отношения были с чудью, мерей, весью, емью, ижорой, мордвой, черемисами, коми-зырянами и т.д. Государство Русь с самого начала было многонациональным. Многонациональным было и окружение Руси.

Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX—XI веках европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы, — на пути «из Варяг в Греки». На торговых реках основываются Полоцк, Чернигов, Смоленск, Владимир.

А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к «морю-окиану», к новым торговым путям — в Вологду, и только случай не дал этому осуществиться. Петр Великий строит новую столицу на опаснейших рубежах страны, на берегу Балтийского моря, в условиях незаконченной войны со шведами — Санкт-Петербурх, и в этом (самом радикальном, что сделал Петр) он следует издавней традиции.

Учитывая более, чем тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным. И это нам необходимо осознать, ибо мост этот, облегчая общение, облегчает одновременно и вражду, злоупотребления государственной власти.

Хотя в национальных злоупотреблениях государственной власти в прошлом (разделы Польши, завоевание Средней Азии и т.д.) русский народ не виноват по своему духу, культуре, тем не менее делалось это государством от его имени. Злоупотребления же в национальной политике наших десятилетий не совершались и даже не прикрывались русским народом, который ис-

пытывал не меньшие, а едва ли не большие страдания. И мы можем с твердостью сказать, что русская культура на всем пути своего развития непричастна к человеконенавистническому национализму. И в этом мы опять-таки исходим из общепризнанного правила — считать культуру соединением лучшего, что есть в народе. Даже такой консервативный философ, как Константин Леонтьев, гордился многонациональностью России и с великим уважением и своеобразным любованием относился к национальным особенностям населявших ее народов.

Не случайно расцвет русской культуры в XVIII и XIX веках совершился на многонациональной почве в Москве и главным образом в Петербурге. Население Петербурга с самого начала было многонациональным. Его главная улица Невский проспект стал своеобразным проспектом веротерпимости, где бок о бок с православными церквями находились церкви голландская, немецкая, католическая, армянская, а вблизи от Невского финская, шведская, французская. Не все знают, что самый большой и богатый буддийский храм в Европе был в XX веке построен именно в Петербурге. В Петрограде же была построена богатейшая мечеть.

То, что страна, создавшая одну из самых гуманных универсальных культур, имеющая все предпосылки для объединения многих народов Европы и Азии, явилась в то же время одной из самых жестоких национальных угнетательниц, и прежде всего своего собственного, «центрального» народа — русского, составляет один из самых трагических парадоксов в истории, в значительной мере оказавшийся результатом извечного противостояния народа и государства, поляризованности русского характера с его одновременным стремлением к свободе и власти.

Но поляризованность русского характера не означает поляризованности русской культуры. Добро и зло в русском характере вовсе не уравнены. Добро всегда во много раз ценнее и весомее зла. И культура строится на добре, а не на зле, выражает доброе начало в народе. Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию.

Самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, начиная с Руси X—XII веков, общей праматери трех восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, — ее вселенскость, универсализм. Эта черта вселенскости, универсализма, часто искажается, порождая, с одной стороны, охаивание всего своего, а с другой — крайний национализм. Как это ни парадоксально, светлый универсализм порождает темные тени...

Таким образом, вопрос о том, Востоку или Западу принадлежит русская культура, снимается полностью. Культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока. Именно на этой основе, на многонациональной почве, она выросла во всем своем своеобразии. Не случайно, например, что Россия, ее Академия наук создала замечательное востоковедение и кавказоведение. Упомяну хотя бы несколько фамилий востоковедов, прославивших русскую науку: иранист К.Г.Залеман, монголовед Н.Н.Поппе, китайисты Н.Я.Бичурин, В.М.Алексеев, индологи и тибетологи В.П.Васильев, Ф.И.Щербатской, индолог С.Ф.Ольденбург, тюркологи В.В.Радлов, А.Н.Кононов, арабисты В.Р.Розен, И.Ю.Крачковский, египтологи Б.А.Тураев, В.В.Струве, японовед Н.И.Конрад, финноугроведы Ф.И.Видеман, Д.В.Бубрих, гебраисты Г.П.Павский, В.В.Вельяминов-Зернов, П.К.Коковцев, кавказовед Н.Я.Мартр и многие другие. В ве-

М.В.Нестеров. Богоматерь с младенцем. Собрание семьи И.И.Шагина

ликом русском востоковедении всех не перечислишь, но именно они сделали так много для народов, входивших в Россию. Многих я знал лично, встречал в Петербурге, реже в Москве. Они исчезли, не оставив равноценной замены, но русская наука — это именно они, люди западной культуры, много сделавшие для изучения Востока.

В этом внимании к Востоку и Югу прежде всего выражается европейский характер русской культуры. Ибо европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению и сохранению и отчасти усвоению. Далекое не случайно, что среди названных мною выше русских востоковедов так много обрусевших немцев. Немцы, ставшие жить в Петербурге со времен Екатерины Великой, оказались и в дальнейшем в Петербурге представителями русской культуры в ее всечеловечности. Не случайно, что и в Москве обрусевший немецкий врач Ф.П.Гааз оказался выразителем другой русской черты — жалости к заключенным, которых народ называл несчастенькими и которым Ф.П.Гааз помогал в самом широком масштабе, часто выходя на дороги, где шли этапы на каторжные работы.

Итак, Россия — это Восток и Запад, но что дала она тому и другому? В чем ее характерность и ценность для того и другого? В поисках национального своеобразия культуры мы должны прежде всего искать ответа у литературы и письменности.

Позволю себе одну аналогию.

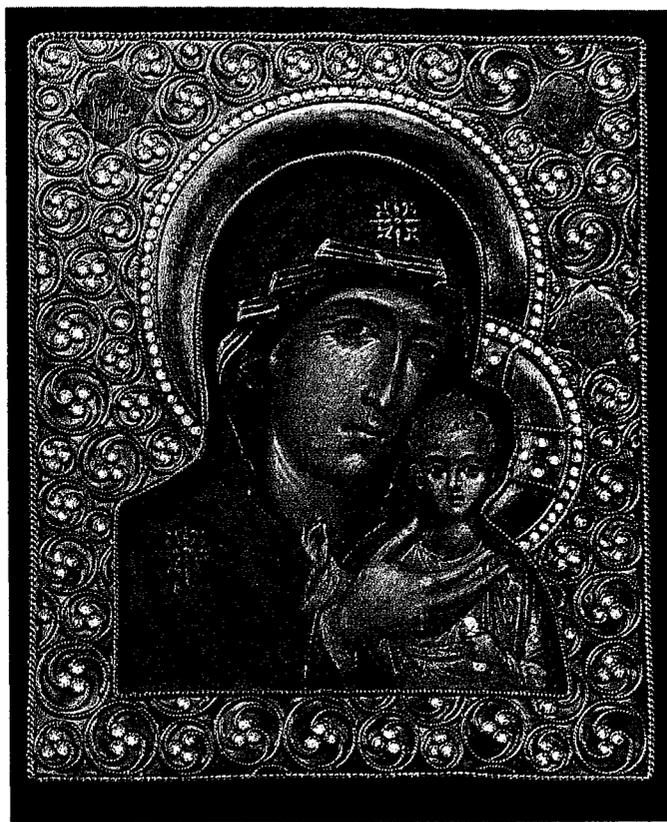
В мире живых существ, а их миллионы, только человек обладает речью, словом, может выражать свои мысли. Поэтому человек, если он действительно Человек, должен являться защитником всего живого на земле, говорить за все живое во вселенной. Так же точно в любой культуре, представляющей собой обширнейший конгломерат различных «немых» форм творчества, именно литература, письменность яснее всего выражает национальные идеалы культуры. Она выражает именно идеалы, только лучшее в культуре и только наиболее выразительное для ее национальных особенностей. Литература «говорит» за всю национальную культуру, как «говорит» человек за все живое во вселенной.

Возникла русская литература на высокой ноте. Первое произведение было компилятивное сочинение, посвященное мировой истории и размышлению о месте в этой истории Руси. Это была «Речь философа», впоследствии помещенная в первую русскую летопись. Тема эта не была случайной. Через несколько десятилетий появилось другое историософское произведение — «Слово о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Это было уже вполне зрелое и искусное произведение, в жанре, не знавшем себе аналогий в византийской литературе, — философское размышление о будущем народа Руси, церковное произведение на светскую тему, которая сама по себе была достойна той литературы, той истории, которая зарождалась на востоке Европы... В этом размышлении о будущем — уже одна из своеобразных и значительнейших тем русской литературы.

А.П.Чехов в повести «Степь» обронил от себя лично такое замечание: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить»; то есть он не живет настоящим, и действительно — только прошлым или будущим! Я считаю, что эта самая важная русская национальная черта, далеко выходящая за пределы только литературы. В самом деле, об особом интересе к прошлому свидетельствует чрезвычайное развитие в Древней Руси исторических жанров, и в первую очередь летописания, известного в тысячах списков, хронографий, исторических повестей, временников и т.д.

Вымышленных сюжетов в древней русской литературе крайне мало — только то, что было или представлялось бывшим, было достойным повествования до XVII века. Русские люди были преисполнены уважения к прошлому. За свое прошлое умирали, сжигали себя в бесчисленных «гарях» (самосожжениях) тысячи староверов, когда Никон, Алексей Михайлович и Петр захотели «поручить старину». Эта черта в своеобразных формах удержалась и в новое время.

Рядом с культом прошлого с самого начала в русской литературе находилась ее устремленность к будущему. И это опять-таки черта, далеко выходящая за пределы литературы. Она в своеобразных и разнообразных, иногда даже искаженных, формах свойственна всей русской интеллектуальной жизни. Устремленность к будущему выражалась в русской литературе на всем протяжении ее развития. Это была мечта о лучшем будущем, осуждение настоящего, поиски идеального построения общества. Обратите внимание: рус-

*А. Соколов. Богоматерь с младенцем Иисусом Христом.
Современная икона. Москва*

ской литературе, с одной стороны, в высшей степени свойственны прямое учительство — проповедь нравственного обновления, а с другой — до глубины души захватывающие сомнения, искания, недовольство настоящим, разоблачения, сатира. Ответы и вопросы! Иногда даже ответы появляются раньше, чем вопросы. Допустим, у Толстого преобладает учительство, ответы, а у Чаадаева и Салтыкова-Щедрина — вопросы и сомнения, доходящие до отчаяния.

Эти взаимосвязанные склонности — сомневаться и учить — свойственны русской литературе с первых же шагов ее существования и постоянно ставили литературу в оппозицию государству. Первый летописец, установивший самую форму русского летописания (в виде «погодных», годовых записей), Никон, вынужден был даже бежать от княжеского гнева в Тмутаракань на Черном море и там продолжать свою работу. В дальнейшем все русские летописцы в той или иной форме не только излагали прошедшее, но разоблачали и учили, призывали к единству Руси. Это же делал и автор «Слова о полку Игореве».

Особенной интенсивности эти поиски лучшего государственного и общественного устройства Руси достигают в XVI и XVII веках. Русская литература становится публицистичной до крайности и вместе с тем создает грандиозные летописные своды, охватывающие и всемирную историю, и русскую как часть всемирной.

Настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса. И это типично для русской истории. Вспомните: были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные? Период княжеских распрей или тирании московских государей? Петровская эпоха и период послепетровского царствования? Екатерининская? Царствование Николая I? Не случайно русская история прошла под знаком тревог, вызванных неудовлетворенностью настоящим, вечевых волнений и княжеских распрей, бунтов, тревожных земских соборов, восстаний, религиозных волнений. Достоевский писал о «вечно создающейся России», а А.И.Герцен отмечал: «В России нет ничего оконченого, окаменелого: все в ней находится еще в состоянии раствора, приготовления... Да, всюду чувствуешь известь, слышишь пилу и топор».

В этих поисках правды-истины русская литература первой в мировом литературном процессе осознала ценность человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в обществе и независимо от собственных качеств этой личности. В конце XVII века впервые в мире героем литературного произведения «Повесть о Горе-Злочастии» стал ничем не примечательный человек, безвестный молодец, не имеющий постоянного крова над головой, бездарно проводящий свою жизнь в азартной игре, пропивающий с себя все — до телесной наготы. «Повесть о Горе-Злочастии» была своеобразным манифестом русского бунта.

Тема ценности «маленького человека» делается затем основой моральной стойкости русской литературы. Маленький, неизвестный человек, права которого необходимо защищать, становится одной из центральных фигур у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и многих авторов XX века.

Нравственные поиски настолько захватывают литературу, что содержание в русской литературе явственно доминирует над формой. Всякая устоявшаяся форма, стилистика, то или иное литературное произведение как бы стесняют русских авторов. Они постоянно сбрасывают с себя одежды формы, предпочитая им наготу правды. Движение литературы вперед сопровождается постоянным возвращением к жизни, к простоте действительности — либо путем обращения к просторечию, разговорной речи, либо к народному творчеству, либо к «деловым» и бытовым жанрам — переписке, деловым документам, дневникам, записям («Письма русского путешественника» Карамзина), даже к стенограмме (отдельные места в «Бесах» Достоевского).

В этих постоянных отказах от устоявшегося стиля, от общих направлений в искусстве, от чистоты жанров, в этих смешениях жанров и, я бы сказал, в отказе от писательского профессионализма, что всегда играло большую роль в русской литературе, существенное значение имело исключительное богатство и разнообразие русского языка. Факт этот в значительной мере утверждался тем обстоятельством, что территория, на которой был распространен русский язык, была настолько велика, что одно только различие в бытовых, географических условиях, разнообразие национальных соприкосновений создавало огромный запас слов для различных бытовых понятий, отвлеченных, поэтических и т.д. А во-вторых, тем, что русский литературный язык образовался из опять-таки «межнационального общения» — русского просторечия с высоким, торжественным староболгарским (церковнославянским) языком.

Многообразие русской жизни при наличии многообразия языка, постоянные вторжения литературы в жизнь и жизни в литературу смягчали гра-

Николай II, император всея Руси с семьей. Неизвестный иконописец. XX в.

ницы между тем и другим. Литература в русских условиях всегда вторгалась в жизнь, а жизнь — в литературу, и это определяло характер русского реализма. Подобно тому как древнерусское повествование пытается рассказывать о реально бывшем, так и в новое время Достоевский заставляет действовать своих героев в реальной обстановке Петербурга или провинциального города, в котором он жил сам. Так Тургенев пишет свои «Записки охотника» — к реальным случаям. Так Гоголь объединяет свой романтизм с самым ме-

лочным натурализмом. Так Лесков убежденно представляет все им рассказываемое как действительно бывшее, создавая иллюзию документальности. Особенности эти переходят и в литературу XX века — советского периода. И эта «конкретность» только усиливает нравственную сторону литературы — ее учительный и разоблачительный характер. В ней не ощущается прочности быта, уклада, строя. Она (действительность) постоянно вызывает нравственную неудовлетворенность, стремление к лучшему в будущем.

Русская литература как бы сжимает настоящее между прошлым и будущим. Неудовлетворенность настоящим составляет одну из основных черт русской литературы, которая сближает ее с народной мыслью: типичными для русского народа религиозными исканиями, поисками счастливого царства, где нет притеснения начальников и помещиков, а за пределами литературы — склонностью к бродяжничеству, и тоже в различных поисках и устремлениях.

Сами писатели не уживались на одном месте. Постоянно был в дороге Гоголь, много ездил Пушкин. Даже Лев Толстой, казалось бы обретший постоянное место жизни в Ясной Поляне, уходит из дома и умирает как бродяга.

Литература, созданная русским народом, — это не только его богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью.

Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, я не хочу сказать, что подобных ценностей нет у других народов, но ценности русской культуры своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Самая характерная живопись для России — портрет. Я не смогу этого здесь доказать. Пусть это останется моим мнением. Но русский портрет не перестает меня восхищать всякий раз, когда я обращаюсь к русской живописи, даже древнерусской. Ибо в древнерусской живописи ее портретная выразительность — в нравственной поучительности образа. Стоя перед фреской или иконой, испытываешь как бы давление противостоящей тебе личности — почти как перед живым собеседником.

Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, с действительностью, с осознанием ценности человека самого по себе.

Русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность.

Русская классическая литература — это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения.

На основе нравственных сил русская культура, выразителем которой является русская литература, объединяет культуры различных народов. Именно в этом объединении ее миссия. Мы должны внять голосу русской литературы.

Итак, место русской культуры определяется ее многообразнейшими связями с культурами многих и многих других народов Запада и Востока. Об этих связях можно было бы говорить и писать без конца. И какие бы ни были трагические разрывы в этих связях, какие бы ни были злоупотребления

связями, все же именно связи — самое ценное в том положении, которое заняла русская культура (именно культура, а не бескультурье) в окружающем мире.

Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности.

И последний вопрос, на котором следует остановиться. Можно ли считать тысячелетнюю культуру России отсталой? Казалось бы, вопрос не вызывает сомнений: сотни препятствий стояли на пути развития русской культуры. Но дело в том, что русская культура иная по типу, чем культуры Запада. Это касается прежде всего Древней Руси, и особенно ее XIII—XVII веков. В России были всегда отчетливо развиты искусства. Игорь Грабарь считал, что зодчество Древней Руси не уступало западному. Уже в его время (то есть в первой половине XX века) было ясно, что не уступает Русь и в живописи, будь то иконопись или фрески. Сейчас к этому списку искусств, в которых Русь никак не уступает другим культурам, можно прибавить музыку, фольклор, летописание, близкую к фольклору древнюю литературу. Но вот в чем Русь до XIX века явно отставала от западных стран, это наука и философия в западном смысле этого слова. В чем причина? Я думаю, в отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования. Отсюда многие отрицательные явления в русской жизни, и церковной в частности. Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное.

Русская культура представляла собой в средние века (да и позднее) подвижное соединение различных центров культуры. В этих центрах были образования разновременные и разнохарактерные... Центры были разъединены между собой территориально и социально. Это вело к тому, что в русской культуре могли сосуществовать очень древние слои и очень новые, легко образующиеся.

Для русского исторического развития характерны одновременно консерватизм и быстрые смены общественных настроений, взглядов. Кажется, что даже самые смены поколений совершаются в России через меньшее число лет, чем на Западе. Это происходит не просто из-за некоторой неупорядоченности русской жизни, но и потому еще, что в русской жизни непременно что-то остается от старого и даже от неправдоподобно старого, а с другой стороны, есть страстность, развивающая это старое и зыскующая нового. Кто бы мог подумать, что у нас продолжается традиционное древнерусское иконописание, составление житий святых (и неплохих) и переписка рукописей древнерусскими приемами? Структура русской культуры не была монолитной, при которой она развивалась бы как единое целое — относительно равномерно и неуклонно.

Культурный уклад России менялся, с одной стороны, кардинально, а с другой — оставлял целостные системы старого. Так было и в эпоху Петра. С

одной стороны, решительные перемены, а с другой стороны, не изменившийся уклад жизни крестьянства и решительно с «идеологической основой» сохранявшийся старый уклад жизни старообрядчества.

Русская история — как река в ледоход. Движущиеся острова-льдины сталкиваются, продвигаются, а некоторые надолго застревают, натолкнувшись на препятствия.

Эту особенность русской культуры можно оценивать двойственно: и как благоприятную для ее развития, и как отрицательную. Она вела к драматическим ситуациям. Но важно еще и то, что благодаря ей русская культура включается в удивительно широкие рамки. Особенности русской культуры чрезвычайно трудно оценить в немногих и однозначных категориях. Как и русскую природу, впрочем. Можно только удивиться богатству и разнообразию того, что русская культура в себя включает.

В настоящее время мы владеем огромным и при этом живым, развивающимся наследием — наследием полей культуры. Часть этих культурных явлений продолжает живую жизнь в современности (как, например, уже упоминавшееся старообрядчество), а другая живет в сбережении музеев, книг, памятников архитектуры и памятников градостроительства (что не следует отождествлять с архитектурой отдельных домов). Это наследие (особенно если оно действительно сберегается как наследие) может оказывать влияние на свободу творческого выбора. Свобода выбора увеличивалась и благодаря открытости русской культуры. Культура всей Европы, всех европейских стран и всех эпох оказывается в зоне нашего наследия. Рядом с Русским музеем существует Эрмитаж, оказавший колоссальное влияние на развитие русской живописи. Перейдя Неву, воспитанники Академии художеств учились у Рембрандта и Веласкеса, у «малых голландцев», которые так повлияли на будущих передвижников...

Русская культура благодаря совмещению в ней различных наследий полна внутренней свободы. К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в безвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов, художников — интеллигенцию в целом.

Итак, нет сомнений, что одно из богатств русской культуры и ее широких творческих возможностей — в свободном и широком выборе учителей, путей, наследия, которое отнюдь не узко одно. И не случайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в русской философии: в философии Бердяева, Франка, Карсавина, а до них — у Достоевского. Сознание предлагаемого выбора было остро у Тютчева и у многих других. Необходимость свободы почти болезненно ощущалась в философской лирике Блока и Владимира Соловьева.

Чтобы самим владеть путями нашей культуры, надо прежде всего изучить особенности истории и культуры России. Осмыслить русскую историю, выявить существенные черты России чрезвычайно важно для современности, ибо многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется и будет еще определяться тем, что представляет собой Россия. И интернационализм, и характер продвижения к будущему, и отношение к прошлому — все это должно корректироваться тем, что представ-

ляет собой Россия. Перед нами стоит задача восстановить полноту русской культуры.

Прошлая Россия в наше время не может быть сброшена со счетов даже тех, кто искренне стремится к ее будущему утверждению в веках.

О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? О чем свидетельствуют «уроки России»? Прежде всего — о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, о неожиданности появления нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против самого дурного, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое и совестьливое. Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей.

Россия не абстрактное понятие. Развивая ее культуру, надо знать, что представляла ее культура в прошлом и чем она является сейчас.

Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ, я думаю, ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры надо развивать университетское образование. Здесь без общения с Западом не обойтись.

Позволю себе заключить свои заметки одним проектом, который может показаться фантастическим. Европа и Россия должны быть под одной крышей высшего образования. Вполне реально создать общеевропейский университет, в котором каждый колледж представлял бы одну какую-либо европейскую страну (европейскую в культурологическом смысле, то есть и США, и Японию, и Ближний Восток). Впоследствии такой университет, созданный в какой-либо нейтральной стране, смог бы стать общечеловеческим. В каждом колледже была бы представлена своя наука, своя культура, взаимопроницаемая, доступная для других культур, свободная для обменов.

В конце концов, поднятие гуманитарной культуры во всем мире — это забота всего мира.

О РУССКОМ И ЧУЖЕСТРАННОМ

Своеобразное и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого. В этом жизненном процессе особое значение имеет познание и осмысление собственной старины.

Для современной русской культуры не случаен интерес к художественному наследию Древней Руси. Здесь особенное значение имеют отдельные стороны искусства Древней Руси, ответившие потребностям ее бурной истории и национальному подъему: ее стремление к монументальности содержания и форм, чувство величия мира и чувство возвышенного, ощущение связей всех и всего с судьбами мира, способность подниматься над узкими интересами одной национальности до осознания своего единства со всем человечеством.

Подлинное освоение культуры прошлого не терпит подражательности. Оно требует творческого преобразования ценностей прошлого, точного понимания этого прошлого.

Обращение новой русской культуры к культуре Древней Руси началось тогда, когда культура Древней Руси окончательно отступила в прошлое в результате Петровских реформ и решительного поворота к Западной Европе в XVIII веке. Но это обращение было «донаучным». Ранние славянофилы стремились вернуться к Древней Руси, понимая ее недостаточно и ограниченно.

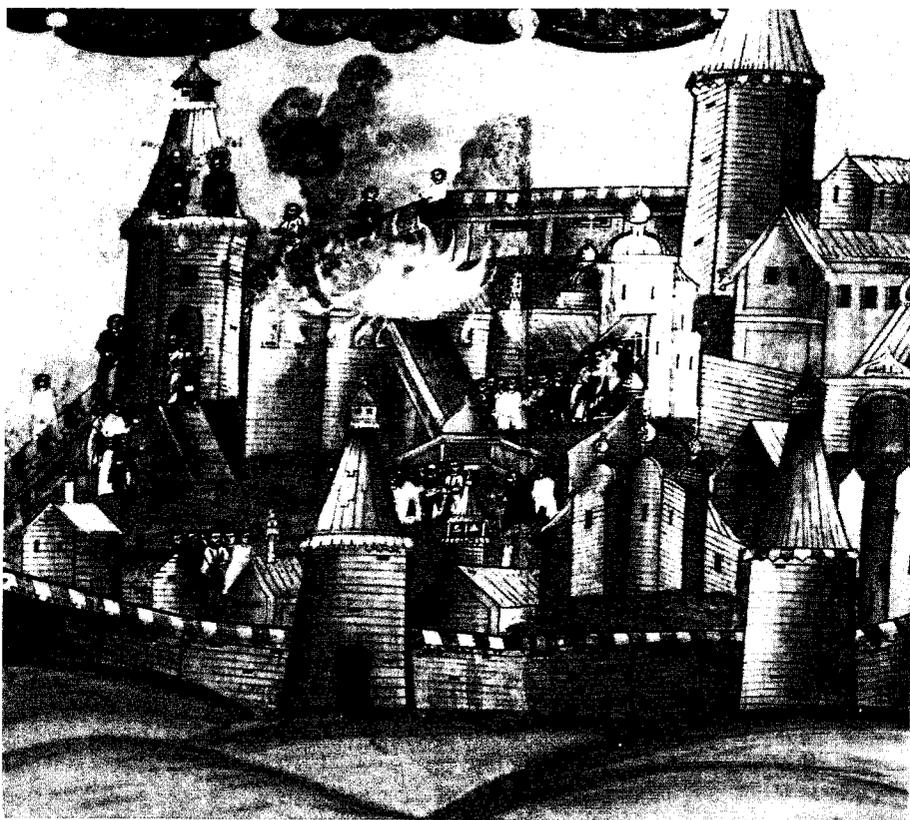
Древнюю Русь искали только в живых остатках прошлого: в общинно-патриархальном быте крестьянства, в одеждах и домашнем быте купечества и старообрядцев, в религиозности современной им церкви.

Эти поиски Древней Руси в живых остатках привели к характерным искажениям представлений о ней.

От Древней Руси, естественно, оставалось лишь косное, неизменяемое. Отсюда косность и неподвижность казались характерными свойствами древнерусской культуры вообще.

Остатки Древней Руси обнаруживались лишь в низших слоях современной славянофилам России, и поэтому культура Древней Руси представляется как культура, близкая крестьянству и не разграниченная социально.

И.В.Киреевский писал: «...этот русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел, почти неизменно, в низших классах общества: он уцелел, — хотя живет в них уже почти бессознательно,

Чудо о Борисе и Глебе. Фрагмент иконы из церкви Спаса на Валушках в Каргополе. 1719

уже в одном обычном предании...»¹. Ср. ниже: «И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская — все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинакою потребностью общего блага»².

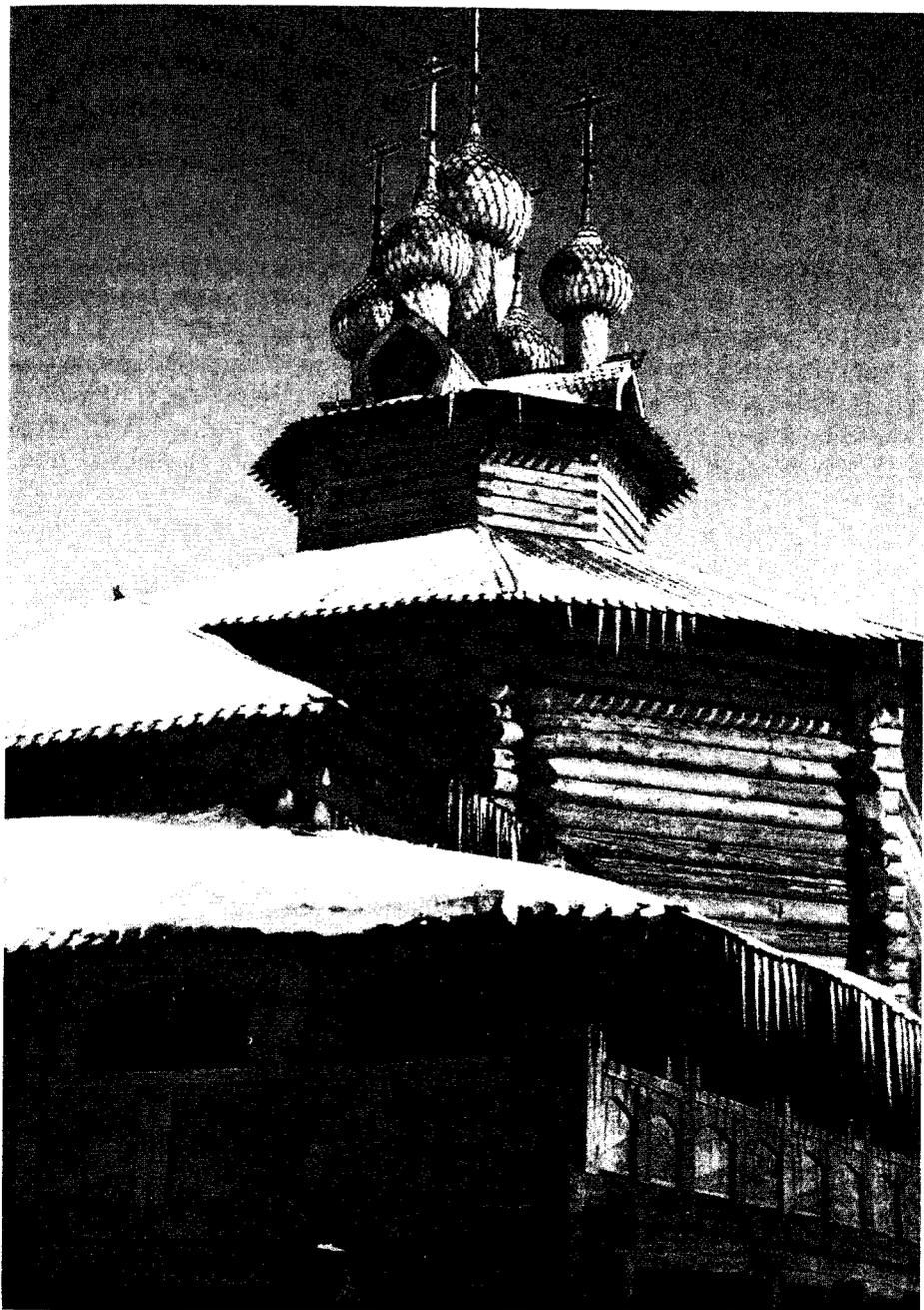
Оставалось от Древней Руси по преимуществу то, что не было затронуто европейской культурой, и поэтому Древняя Русь воспринималась как замкнутая, «китайски обособленная» и отделенная от Запада Великой китайской стеной.

Больше всего остатков Древней Руси дожило в новой России от XVII века, и поэтому именно XVII век вытеснил собой в представлениях о Древней Руси все остальные века. Любую эпоху Древней Руси художники и писатели рядили в одежды XVII века, обставляли архитектурными формами XVII века, бытом XVII века, нравами XVII века. XVII век оказался той эпохой, в формах которой были канонизированы представления о всех семи веках Древней Руси в целом.

При этом казалось, что Древняя Россия «не блеснула художествами»³.

Эти представления о Древней Руси широко проникли в литературу, изобразительное искусство, драму, оперу и даже в архитектуру второй половины XIX века (в так называемый «ропетовский стиль»). Они сочетались с официальной идеологией и идеями национальной нетерпимости.

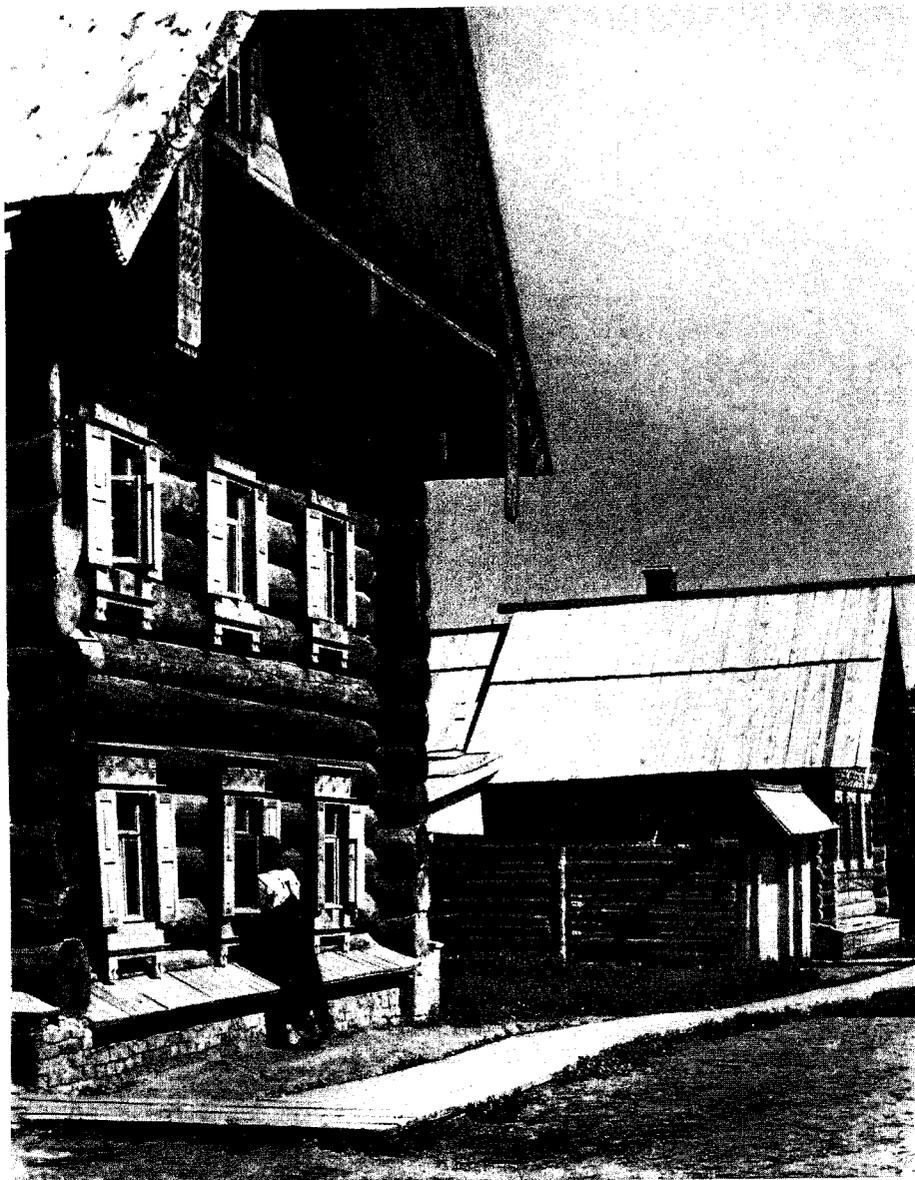
Но наука никогда не могла быть славянофильской и не могла мириться с этими обывательскими представлениями о Древней Руси.

*Деревянная церковь из села Холм. 1552.
Самый ранний из сохранившихся шедевров деревянного зодчества*

Научное представление о Древней Руси, создававшееся в результате широкого фронта открытий и исследований начала и всей первой половины XX века, решительно разрушало эти представления о Древней Руси.

В результате открытий и исследований XX века Древняя Русь предстала не как неизменное и самоограниченное семивековое единство, а как разнообразное и постоянно изменяющееся явление.

Крестьянская изба. Кладка бревен «в обло»

История древнерусского зодчества — это история коренных смен стилей — и в отдельных областях Руси, и в ее целом. Это история ее разнообразных связей, взаимодействий и история разнообразных архитектурных форм, различного понимания образа отдельных зданий и целых ансамблей.

История древнерусской живописи позволяет по признакам стиля определять памятники живописи с точностью до полувека и видеть различные местные школы: не только, скажем, новгородскую, московскую, тверскую, но даже кашинскую или каргопольскую.

История древней русской литературы столь же разнообразна и пестра, несмотря на все присущие ей общие черты и объединяющие все ее произведения единые типологические признаки.

*Церковь Преображения из села Козлятьева.
1756 и церковь Николая из села Глотова. 1766. Музей деревянного зодчества. Суздаль*

Резкие социальные различия сказываются в культуре Древней Руси, как и в культурах других стран.

Древняя Русь — это целый мир, мир с широкими культурными связями и сложными процессами развития, разнообразившими ее лицо по векам и областям.

И вместе с тем Древняя Русь была полна поисков и устремлений. В ней жила неудовлетворенность своим настоящим: верный признак жизнеспособности и жизнедеятельности. В ней жила боль по поводу социальной несправедливости, жила скорбь по поводу народных бедствий, жила великая совесть. В ней не было ни самоудовлетворенности, ни благодушия. Вопросы, поднимавшиеся в ее публицистике, были для своего времени самыми острыми, самыми основными, всеобъемлющими. Они не ограничивались мелкими бытовыми неурядицами. Публицистов, писателей, художников волновали коренные вопросы мировоззрения и мироустройства. И в этом смысле художественное наследие Древней Руси зовет не к подражанию своему статусу, а требует творческого усвоения своих устремлений.

Бессмысленно механически подражать тому, что само было полно неудовлетворенности и искало разрешения в будущем.

Культура обладает своим объединяющим ее стилем. В этом стиле всякое ценное явление прошлого должно найти свое творческое и органическое применение. Но самое главное состоит в том, что познание культур других

народов и культур прошлого обогащает культуру, поднимая ее уровень, расширяя ее базис, делая ее еще более многообразной и гибкой, увеличивая ее общечеловеческую значимость.

Последнее особенно важно: человеческие ценности, заключенные в культуре, должны быть как можно более многообразными и охватывать собой самый широкий круг достижений человечества. Чем больше культура вбирает в себя, тем больше она отдает.

В моих «Заметках о русском» сделана попытка описать как бы народный идеал русских — их лучшие качества, как они представляются самим русским. Сейчас для меня ясно одно серьезное упущение в «Заметках». Говоря о «лучшем» для характеристики русских (лучшее всегда выделяется в историях искусств или историях литератур и именно по нему судится и об искусстве и о литературе), в «Заметках» ничего не говорится о тех вершинах, которые существуют и в самих вершинах — в искусстве, в литературе, в философии, в национальных особенностях религии.

Что можно о них сказать совсем кратко? Выразителями «вершин» всегда являются мыслители (философы, богословы, критики). С западноевропейской точки зрения, философов и богословов в России как бы и нет. Они растворены в художественном творчестве всех родов: в иконописи, в музыке, в поэзии и т.д. Наиболее сильные и оригинальные мыслители на Руси — это Андрей Рублев, Дионисий, безвестные творцы церковной музыки, Иларион, князь Владимир Мономах, протопоп Аввакум, Ломоносов и Державин, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Чаадаев, Достоевский, Владимир Соловьев, Мусоргский, Скрябин, Рерих и др.

В чем причина такой особенности русской философии? Русская философия очень конкретна, чуждается абстрактной мысли и направлена прежде всего на познание мира, а не на гносеологические проблемы. Познание же мира как целого связано прежде всего с художественным его осмыслением.

Важно подчеркнуть, что великие стили — романский (а на Руси монументально-исторический), готический (а на Руси предвозрожденческий), барокко (и в его русской форме), классицизм — это стили, познающие мир, стремящиеся обнаружить в мире единство, подчиненность мира единым мировоззренческим принципам (содержательно-формальным). По одному этому история философии должна учитывать стилистическое осмысление мира, которое легко понять, изучая единые признаки стиля в разных областях художественного творчества (в архитектуре, живописи, скульптуре, литературе, музыке, даже — модах и обычаях).

Поэтому и отдельные поэты, писатели, живописцы (и иконописцы), композиторы являются мыслителями, отражающими в своем творчестве собственное понимание мира. Это художественное понимание мира отличается гораздо более сильным внутренним ощущением общего в мире, чем логическое его познание.

И вот характерно, что хотя во все века и у всех народов существовали и существуют художники-мыслители (Гете, Бетховен, Моцарт, Вагнер, Пуссен и т.д.), в России познание мира больше всего стремилось увидеть в мире его единство, цельность, увидеть, ощутить, эмоционально передать другим это свое ощущение.

Но характерно и другое: художественное познание мира русскими художниками почти во всех случаях было связано с ощущением трагичности

Кижы. Церковь Покрова (1874) и церковь Преображения (1714)

совершающегося в мире — в истории (Мусоргский), в современности (Достоевский), в природе (Тютчев), во всем мире (Владимир Соловьев), трагическим восприятием будущего (Лермонтов, Соловьев, Блок).

Если вернуться теперь к тому простому, о чем я писал в своих «Заметках о русском» — к доброте, воле, свободе и пр., то и там в конечном счете мы найдем эту трагичность. Трагична русская доброта, русское понимание воли, удачи. Трагична основа русской беспечности и беззаветной (то есть существующей без завета) удали.

Но это все требует особого и очень сложного осмысления. Явления эти далеко не просты.

Возвращаясь к характеру русской философии, обратим внимание на то, что главным аргументом в пользу выбора из всех религий византийского православия был аргумент эстетический: красота богослужения в константинопольском храме Софии. И пошли отсюда храмы Софии, Премудрости Божией, в Киеве, Новгороде, Полоцке. Главный аргумент в пользу истинности — красота.

Русский Север! Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морьям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песен и сказок, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось — только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти» сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота. А какой необыкновенный язык, песни, рассказы... А ведь я был совсем еще

мальчиком, и пребывание на Севере было совсем коротким — всего месяц, — месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя более восьмидесяти лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой «философской»), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба, грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они северяне, многие из них вышли из деревни («вышли», но в какой-то мере и остались), — им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я родился в Петербурге и всю жизнь прожил только в этих трех городах: Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о моей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно..

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины.

Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень. Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга.

Из английских впечатлений. Английский дом развивался и приобрел свой типичный для XIX века вид в течение столетий. Характерная черта внутреннего убранства типичного богатого английского дома: эклектизм — вещи разных эпох и стилей, накопившиеся в семьях, связанные с семейными воспоминаниями и типичным английским бытом. Обилие картин на стенах (особенно типичны — акварели и карикатуры). Вещи, привезенные в столетие колониальных завоеваний из Индии, Китая, Японии, Персии, Америки.

Внутренним убранством английского «country house» («загородный дом») много занимались архитекторы Вильям Кент и Роберт Адам, Генри Холланд, Вильям Чеймберс, сэр Джон Стоун — создатели палладианского стиля, столь же типичного для английских загородных домов, как екатерининский классицизм и ампир для русских усадебных домов. Этот стиль еще более развил эклектизм, смешение стилей, эпох и стран в английских богатых домах, объединенных, однако, любовью их английских хозяев к уюту (ка-

мины почти во всех комнатах), к садам и паркам (цветы живые в горшках и вазах и изображения цветов на картинах, растительные орнаменты и цветочные букеты на английских обивочных ситцах). И вместе с тем — любовь англичан к «скромной эlegantности»: ковры слегка потертые, кожа слегка поношенная, ситец чуть блеклый. Ничто не должно выглядеть новым, ярким, реставрированным или только что купленным.

В Кембридже я несколько дней провел в типично английском гостеприимном доме. Он был двухэтажный с лифтом во второй этаж, с комнатой для гостей (на полке над кроватью — Библия и детективы). Одна дверь открывалась на двор, соединенный с улицей, где подъезжали машины. Другая вела в сад прямо на газон, без дорожек. Сад разделен кустами на две половины: одна — ближайшая и другая — отдаленная. С боков кусты, за которыми ухаживает садовник (садовник обязателен, но нет другой прислуги). Садовник же сажает цветы. Был март, и на вечно зеленом газоне цвели желтые нарциссы (daffodils). Цветы были в комнатах — в вазах и в горшках. Англичане выпускают природу в свои дома.

Но дело не в этом. Хочу сравнить с русскими загородными усадьбами. Приведу описание большой русской усадьбы Трубецких «Ахтырка» (недалеко от Абрамцева; сейчас не существует): «Это была величественная барская усадьба Empire, один из архитектурных chefs d'oeuvres начала XIX столетия. Усадьба эта и сейчас (речь идет о 1917 году) славится как одна из самых дивных подмосковных старинного типа. Как и все старинные усадьбы того времени, она больше была рассчитана на парад, чем на удобства жизни. Удобство, очевидно, приносилось тут в жертву красоте архитектурных линий.

Парадные комнаты — зал, билиардная, гостиная, кабинет были великолепны и просторны; но рядом с этим — жилых комнат было мало, и были они частью проходные, низкие и весьма неудобные. Казалось, простора было много — большой дом, два флигеля, соединенные с большим домом длинными галереями (так же, как и в «Узком» под Москвой), все это с колоннами Empire и с фамильными гербами на обоих фронтонах большого дома, две кухни, в виде отдельных корпусов Empire, которые симметрично фланкировали с двух сторон огромный двор перед парадным подъездом большого дома. И, однако, по ширине размаха этих зданий помещение было сравнительно тесным. Отсутствие жилых комнат в большом доме было почти полное... жизнь должна была подчиняться... стилю. Она и в самом деле ему подчинялась. Характерно, что стиль этот распространялся и на церковь, также с колоннами, также Empire, и как бы срощуюся в одно бытовое и архитектурное целое с барской усадьбой. Эта была архитектура очень красивая, но более усадебная, чем религиозная». Даже о быте Трубецкой говорит, вспоминая обед: «Этот обед... был слишком стильным»⁴.

Отмечу, что центр английского загородного дворца — «drawing room» (гостиная) был полной противоположностью танцевального и музыкального залов русских усадеб.

Русское ли все это? Я как-то еще до войны спросил академика А.С.Орлова — в какой социальной среде был лучший, самый правильный и красивый русский язык? Александр Сергеевич подумал и не сразу, но уже уверенно ответил: у среднего дворянства, в их усадьбах. В тех же воспоминаниях Евгения Трубецкого я нашел описание такой «средней» усадьбы Лопухиных — Меньшова, где царил «стародворянская уютность жизни, которая нашла себе

гениальное изображение в семействе Ростовых толстовского романа»⁵. «Дом городской и деревенский был для них не местом парада, — а уютным и теплым семейным гнездом»⁶, «все комнаты всегда неизменно полны гостей, переполняющих дом до последних пределов вместимости»⁷. Соответственной была планировка и обстановка. Кстати, очень часто стены были из некрашенных тесаных бревен, на которых выделялись прекрасные картины, главным образом пейзажные. Изображения таких интерьеров сохранились.

И кстати еще — обилие диванов во всех комнатах, чтобы было где уложить всех гостей. Диваны были и обычные, и длинные, и угловые, где удобно было разговаривать или играть.

Саксонский диалект всегда казался немцам комическим. Но поразительно, что этот комический эффект использовался в XIX веке русскими писателями при изображении того, как немцы говорили по-русски.

Юродство не есть явление национальное. Юродивые существовали в Византии, Италии, России, на Востоке и т.д. Юродивые есть у православных, католиков, мусульман; их нет только у протестантов, лютеран, но там они просто имеют некую иную форму.

Юродивый стремится превратить свои поступки в поучения. Поступок юродивого — символ. В Петре многое от «культуры юродства».

Обаятельный образ Франциска Ассизского связан с нищетой. И то же — Сергей Радонежский. Но Франциск — нищенствующий святой, а Сергей — нищий крестьянин. И в этом существенное различие.

Сергий сам плотничал, ставил кельи, таскал бревна, носил воду в двух водоносах, пек хлеба, сам шил одежду и тачал обувь — делал всю черную работу и даже нанимался плотничать за гнилые хлеба. Когда слава его прошла уже по всей Руси, он все же не изменял своего трудового образа жизни. Именно поэтому он получил в народе огромную славу и непререкаемый авторитет, с которым вынуждены были считаться самые верхи московского государства и русской церкви.

Приходившие к нему на поклонение люди принимали его за простого работника и не хотели верить, что перед ними сам прославленный по всей Руси игумен. К нему приезжает сам великий князь Дмитрий Донской за советом и помощью. И помощь его действительна. Когда нижегородский князь Борис не покорился Москве, по слову Сергия были затворены в Нижнем все церкви, и Борис, опасаясь народа, вынужден был покориться. Дмитрию Донскому перед выступлением в поход против Мамая Сергий дает в войско двух иноков, веля им сражаться. Это было против церковных обычаев, запрещавших инокам воевать. Тем самым Сергий освятил поход против Мамая как святое дело и способствовал подъему духа в войске Дмитрия.

Самые большие коллекции этнографических материалов по Аляске — в Ленинграде-Петербурге, а другая в Хельсинки-Гельсингфорсе. Последний губернатор русской Аляски был финн по происхождению. Интересом к этнографии он обязан Лёнроту — собирателю Калевалы. Любовь к своему народу подсказала ему любовь к американским индейцам.

Очень верная мысль высказана С.М.Соловьевым в его «Публичных чтениях о Петре Великом» по поводу пресловутой, популярной в обывательских

представлениях мысли об «отсталости» России: движение народов по историческому пути нельзя сравнивать... с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово «отстать». Внутренние силы могут быть больше у того, кто движется медленнее. Я добавляю к мысли Соловьева и следующее: дело может быть и в возрасте — тот, кто моложе, тот может быть и менее образован того, кто старше, может отстать от старшего по возрасту и на служебной лестнице. А потом обогнать...

«Россия, нищая Россия». И это совершенно верно. Но какое богатство в дворцах знати, императорской фамилии. Достаточно сравнить пригороды Петербурга с Шенбруннским дворцом Франца-Иосифа под Веной. А богатства монастырей, библиотек! И все-таки Россия — нищая, ибо богатство или нищета — это богатство или нищета народа, общего уровня жизни.

А вот неверное, избитое, набившее оскомину, несколько раз с бахвальством повторенное в докладах на общих собраниях Академии наук СССР ее президентом академиком Александровым утверждение: «Наша страна из страны почти сплошной неграмотности при царском правительстве...» Откуда взято это утверждение? Из старых статистических данных? Но тогда записывали в неграмотные всех старообрядцев, отказывавшихся читать книги гражданской печати. А эти «неграмотные» любили книгу, знали свои книги лучше, чем сборщики сведений — свои. И читали больше.

Наши представления об истории и о прошлом — это по большей части мифы. Один из мифов — «потемкинские деревни». А князь Потемкин населил Новороссию и строил Одессу, Николаев и многие другие города как раз там, где он якобы строил свои «деревни».

Тем не менее истина в этом мифе о «потемкинских деревнях» была: в России очень любили строить для «начальственного ока».

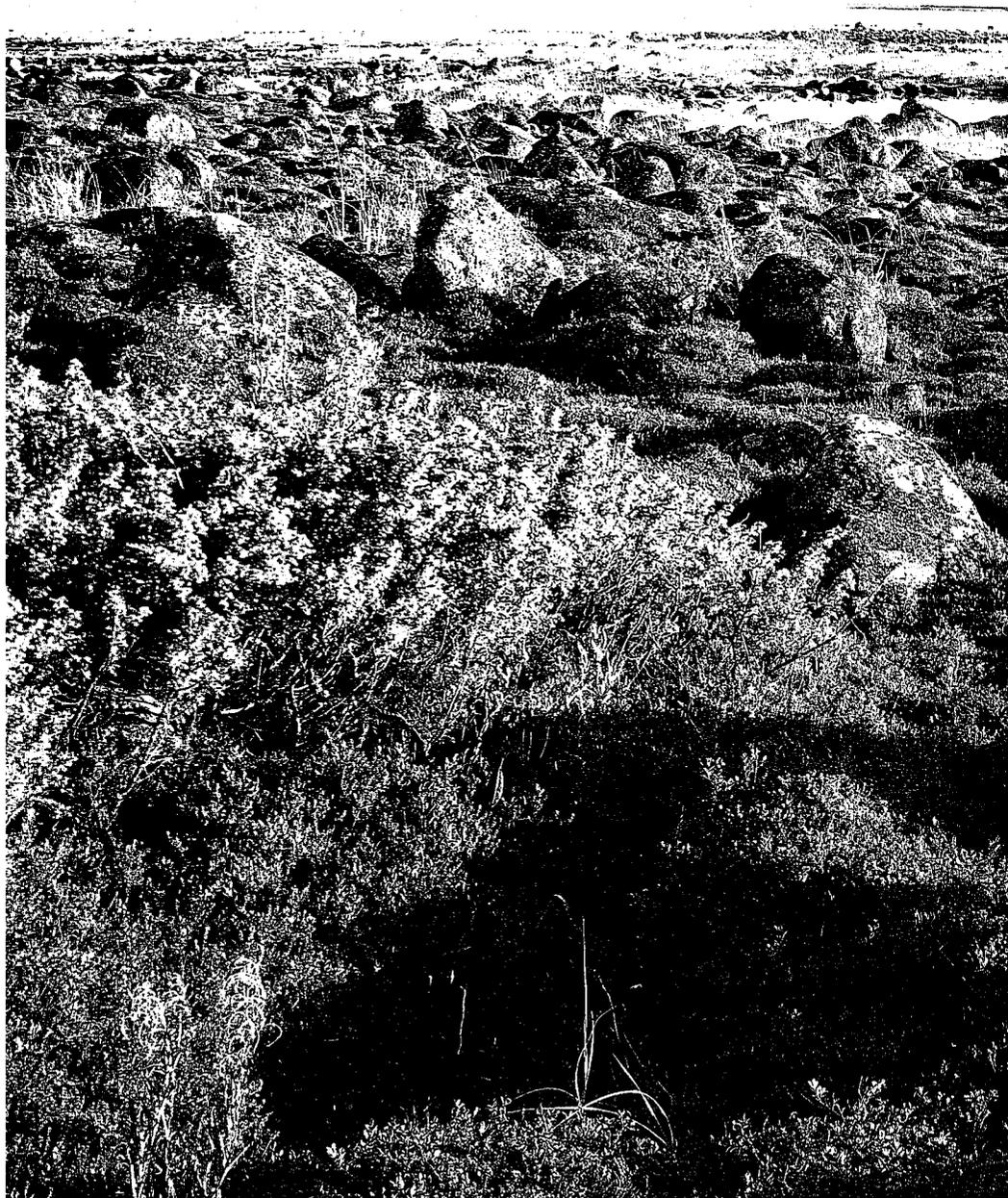
Эпоха воздействует на человека, даже если он ее не принимает. Нельзя «высочить» из своего времени. Некоторые считают, что Максим Грек противник Возрождения, а потому вне Возрождения. Да, противник Возрождения, но и в этом типичный его представитель, как и учитель Максима — Савонарола.

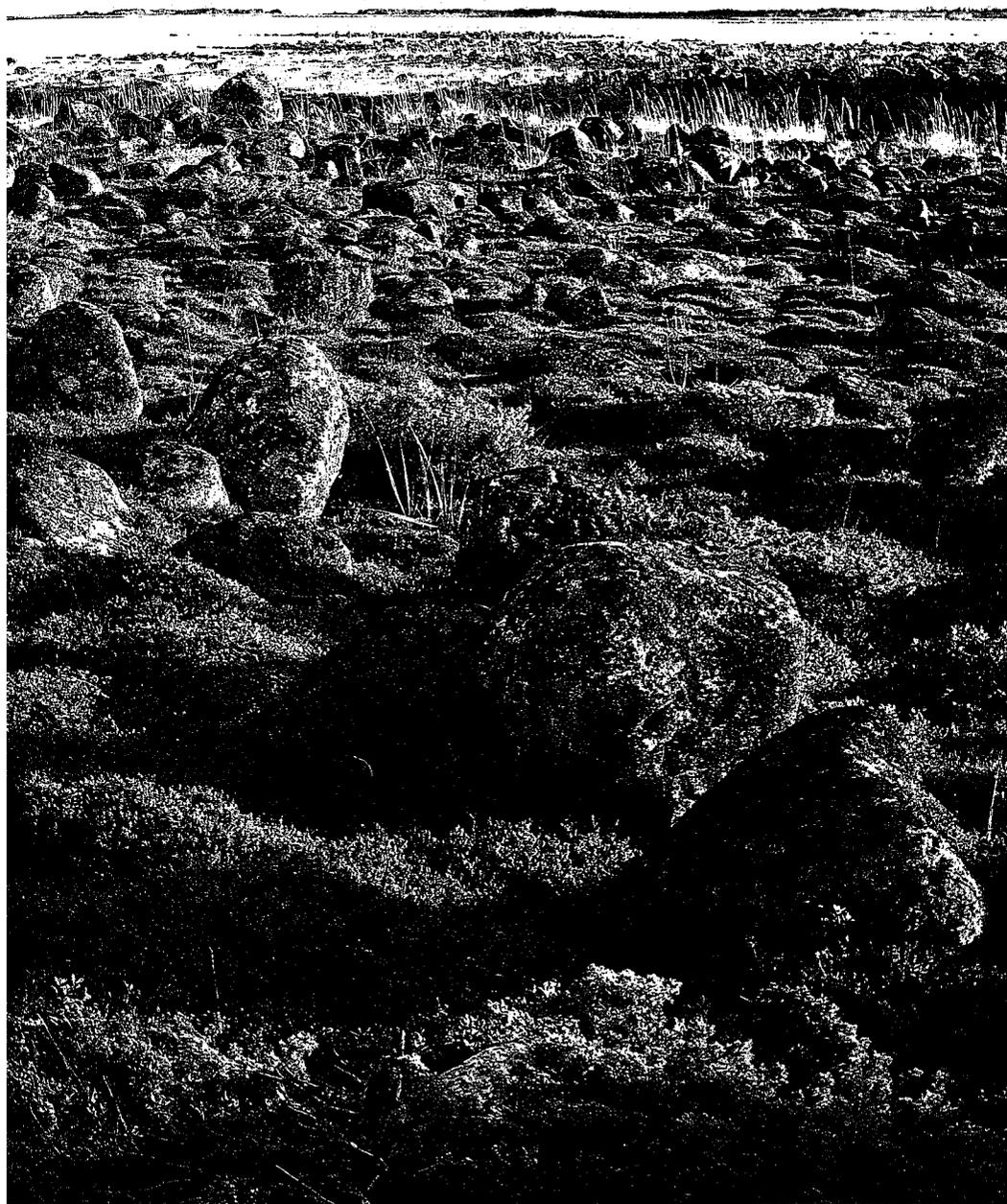
Леруа-Болье, полемизируя с мнением — «поскребите русского и вы найдете татарина», — ответил — «снимите налет татарского ига и вы найдете в русском европейца». Исторически ведь он несомненно прав: татарское иго вторично!

Кто были столпами русской государственности в ее хорошем повороте: капитан Миронов, Максим Максимович, Тушин...

Термин «мещанство» идет от Герцена, который разумел под ним коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности. Подобного понятия нет в других языках. Уж очень ненавистно было всегда мещанство в России. Поэтому и утвердилось это понятие.

Европейская культура универсальна. Она принимает в себя все культуры мира — и те, что были, и те, что существуют сейчас. Европа началась в Греции, Греция родила европейский, все принимающий, терпимый и свободный тип культуры.

Соловки. Валуны на побережье

Центр европейской культуры должен вернуться в Грецию.

Строители Успенского собора Киево-Печерского монастыря из Греции.

Популярность Влахернского монастыря на Руси также связана с победой над русскими. Когда Аскольд подошел к Царьграду, греки вынесли ризу Богоматери, окунули в море, поднялась буря и разбила корабли русских язычников.

Мне уже приходилось говорить и писать об умении русских сочувствовать врагам в их несчастьях и об отсутствии у русских чувства национального превосходства. Так видно по всем литературным произведениям вплоть до XVII века. Самое удивительное в этом отношении произведение — обширная «Казанская история». Поразительно прежде всего то, что присоединяется к Русскому государству не просто земля и население, присоединяется царство с его историей. Завоевание Казани ознаменовано составлением на русском языке для русских читателей истории Казани. И эта история Казанского царства, «разбойничьего гнезда», по выражению современных историков, составлена внимательно и с полным уважением к самим казанцам. В описании сражений и штурмов Казани воздается похвала храбрости казанцев — и это не один раз. «Един бо казанец бияшеся со сто русинов, и два же со двема сты». Гибель воинов оплакивается автором без разбора их национальной принадлежности. «И мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасныя». Это о врагах-то — «цветы прекрасныя». Это удивительно. Как бы прося извинения у читателей за восхваление врагов, автор пишет: «Да нихто же мя осудит от вас о сем, яко единовѣрных своих похуляюще и поганых же варвар похуляюще: тако бо есть, яко и вси знают и дивятся мужеству его <казанского царя Шигалея>, и похваляют».

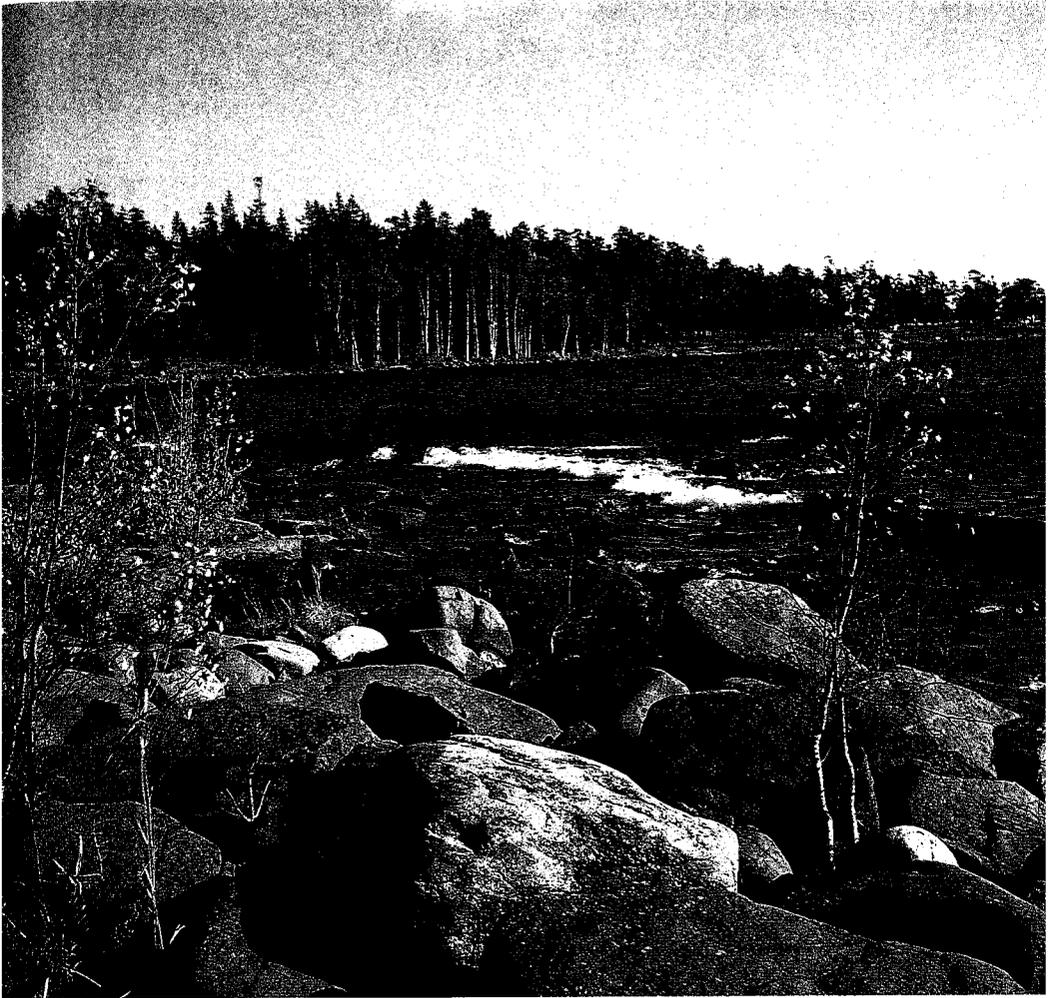
Вся «Казанская история» наполнена восторженным описанием красоты Казани и крепости ее стен. Но самое удивительное — это лирические плачи царицы Сююмбеки, уводимой из Казани в Москву. Три плача могут сравниться с ними в русской литературе: плач Ярославны, плач Евдокии по Дмитрии Донском и плач Евпраксии по погибшим от Батыя.

Удивительно сопереживание автора с нею: Сююмбека называет русских людей «незнаемыми», Иван Грозный для нее «некий царь». И все-таки все плачи Сююмбеки целиком сочинены автором «Казанской истории» в духе русских народных песен. Но их нужно прочесть — они большие.

Рассказывают, что на невольничьих рынках Средиземноморья особенно ценились русские женщины в няньки. И ведь няни из крепостных так и остались у нас самыми сердечными и умными воспитательницами. Помимо Арины Родионовны см.: Шмелев. «Няня из Москвы»; кн. Евгений Трубецкой. «Воспоминания». София, 1921; кн. С.Волконский. «Последний день. Роман-хроника». и пр.

«Бытовая демократия» всегда была более сильна в России, чем на Западе. Несмотря на крепостное право! Помещики, особенно их дети, часто дружили с дворовыми. Были и няньки и дядьки из крестьян — Арины Родионовны, Савельичи. На этом фоне и Лев Толстой не был удивителен.

Англичанин Грэхем в книге «Неизвестная Россия» писал: «Русские женщины всегда стоят перед Богом; благодаря им Россия сильна».

Остров Валаам. Берега Ладоги

Вл. Соловьев сказал, перефразируя Евангелие: «Люби все другие народы как свой собственный». Для развития культуры чрезвычайно важно сочувственное вживание в культуру других народов.

В последнее время много и горячо спорят о том, следует ли *народу* обижаться на то, что в литературном произведении другого народа один из его представителей выведен в отрицательном виде. Возьмем пример не из советской литературы (чтобы не растревать раны), а из старой русской, классической. В «Братьях Карамазовых» в Чермашине Митя называет пана Врублевского «подлайдак» и «подлеченочек». На что Калганов «сентенциозно» замечает Мите: «Перестали бы вы над Польшей-то насмеяться». На что Митя отвечает ему: «Молчи, мальчик! Если я ему сказал подлеца, не значит, что я всей Польше сказал подлеца. Не составляет один лайдак Польши». Вряд ли эти слова Мити случайны. Здесь скрыто и мнение Достоевского.

И тем не менее, не желая упрекнуть Достоевского, скажу: если народ обижается тем, что его представитель («представитель» не в собственном смысле, а

один из его людей) выведен в дурном виде, то писатель должен это учитывать. Пусть русские, как это утверждают некоторые, не обижаются, когда их выводят в отрицательном свете в инонациональных литературах (а может быть, все-таки немного обижаются именно за то, что в «инонациональных»?); надо для сохранения нормальных отношений не обижать тех, кто обижается.

И попутно одно замечание вообще об обидах. Обижаться следует только тогда, когда вас *хотят* обидеть, если же говорят что-то невежливое по невоспитанности, по неловкости, просто ошибаются, — обижаться нельзя.

Интересуясь вопросом о том, как Достоевский относился к Польше и полякам, нужно прежде всего задаться вопросом: хотел ли Достоевский в сцене в Чермашине обидеть «*всю Польшу*»?

Будем поступать в аналогичных случаях так, как поступают в обществе: обижается человек на какой-то, с нашей точки зрения, пустяк, — не будем этот «пустяк» применять в разговоре, в литературном произведении — где угодно.

А вообще-то лучше и не обижаться тоже...

Бисмарк был одно время послом в России и путешествовал по ней. Его спросили — как он путешествовал? Ответил: «Запрягают долго, ездят быстро».

Достоевский писал в заметке «Два лагеря теоретиков»: «...Народ наш с беспощадной силой выставляет свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать себя. Иногда он даже несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, к истине.

Неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни?..

Сила самоосуждения прежде всего — сила; она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру. Негодование на общественные язвы предполагает страстную тоску о здоровье».

Хорошо бы этими словами дополнить мои «Заметки о русском».

У всякого народа есть свои достоинства и свои недостатки. На свои надо обращать внимания больше, чем на чужие. Казалось бы, самая простая истина.

Эту книгу я писал всю жизнь...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Интервью с акад. Д.С.Лихачевым¹

Роль А.С.Пушкина в Вашей жизни?

Определить роль творчества Пушкина в моей жизни мне очень трудно. Это почти так же, как определить в чьей-либо жизни роль того или иного органа тела. Скажем, какова роль правого уха, левой руки и прочее. Пушкин — одна из важнейших моих привязанностей, привязанностей души.

Помните ли Вы свою первую встречу с творчеством Пушкина?

Моя первая встреча с Пушкиным произошла очень рано — тогда, когда я слушал взрослых, читавших мне сказки Пушкина, прежде всего «Сказку о царе Салтане».

Случались ли в Вашей жизни какие-то особые моменты, когда Вам необходимо было читать Пушкина?

Особый момент был у меня, когда я оказался на грани ненависти к Пушкину. Я учился в пору различных педагогических экспериментов в советской школе. Одно время обязательным было участие в «хоровых чтениях». Учитель словесности собирал группу учеников (человек 15—20) и заставлял их громко читать какие-либо «воспитательные» стихи под дирижерскую палочку. Считалось, что это воспитывает коллективизм, коллективное самосознание, «чувство плеча». Это было что-то вроде обучения маршировке новобранцев. Особенно «удобны» были для такого хорового исполнения стихи Пушкина и Маяковского. Десятки раз наш класс во всю мощь своих молодых легких читал «Медного всадника». Стоявшие в последних рядах веселили себя тем, что приплясывали или мимировали. Долгое время я не мог после этого слышать не только «Медного всадника», но и все остальное у Пушкина и до сих пор не люблю Маяковского. Но результат был не только в этом. У меня отшибло желание работать в коллективе. Я стал ярким противником всякого рода молодежных объединений и коллективных акций, «дружных голосований» и пр. Спасибо за это Пушкину! Только через несколько лет у меня восстановилось нормальное отношение к поэзии Пушкина. Подозреваю, что отрицательное отношение Синявского к Пушкину также выросло на хоровых декламациях, которые практиковались и в концентрационных лагерях, — на Соловках и на строительстве Беломорканала. Это хоровое чтение практиковалось там в виде «живых газет». Группы заключенных читали хором газетные тексты. Такой коллектив назывался «живгазетой». Не робели «живгазетчики» перед Пушкиным.

Одинаково ли Ваше отношение к поэзии Пушкина и его прозе?

Нет, не одинаково. Дело в том, что в прозе у Пушкина больше слабых произведений, чем в поэзии. В поэзии сама поэтическая форма была контролем вкуса. В поэзии бедность содержания могла компенсироваться блестящей формой — компенсироваться и контролироваться (например, в стихах «Клеветникам России»), а в прозе бедность содержания ничем не компенсировалась (например, в «Дубровском»).

Вы долгие годы были во главе Пушкинского Дома. Могли бы Вы рассказать об этом периоде Вашей жизни? Или, может быть, вспомнить некоторые интересные эпизоды, оставшиеся неизвестными читателям по тем или иным причинам?

Тут какое-то недоразумение. Я никогда не был во главе Пушкинского дома или в составе его дирекции. Бог уберет! Для занятия «руководящей должности» нужно было стать членом партии (разумеется, КПСС). Я же никогда не был членом партии, членом комсомола или даже пионером. Я был и остаюсь до сих пор заведующим Отделом древнерусской литературы. Конечно, я знаю много такого, что не проникало в печать. Скоро выйдут вторым изданием мои «Воспоминания», где я вставил главу о «проработках» в Пушкинском доме, Союзе писателей и в университете. Я мог бы эту главу сильно расширить, главным образом за счет различных отрицательных явлений в этих «коллективах», но я ставил себе целью показать, что и при советской власти было у нас Сопротивление. Поэтому зло я показывал только как фон для рассказа о добрых людях. Я не рассказал о многих отрицательных поступках, так как в этом случае должна быть очень строгая проверка, которую мне в моем возрасте сейчас осуществить уже трудно. А затем даже у очень дурных людей часто бывают прекрасные, глубоко порядочные дети и внуки, которых не хочется огорчать.

В Вашем представлении Пушкин все же поэт Петербурга или Москвы?

Ни то, ни другое. Зачем сужать значение Пушкина, объявляя его поэтом одного города? Обычно петербуржцы заявляют свои «права» на Пушкина, а москвичи свои, но и те и другие

ПРИЛОЖЕНИЕ

умаляют Пушкина. Пушкин — поэт всей России. В поле зрения, вернее, в поле поэтического ощущения Пушкина, находились и Москва, и Петербург, и Гурзуф, и Бахчисарай, и Молдавия, и Кавказ... Разве только нет Сибири и Беломорья. И это поэтическое ощущение своей страны каждый раз связано со своим особым поворотом «исходных позиций», не допускающих количественных оценок. Так, например, Петербург воспринимается Пушкиным как город одного «чудотворного строителя» — Петра Великого («люблю тебя, Петра творенье»), Москва же воспринимается в ее истории и в связи со спецификой ее русского быта. Но немаловажную роль в поэзии Пушкина играют Царское Село — город его юношеской любви и проказ, усадебный быт Тригорского и Михайловского. Если бы Пушкину разрешили выезда за границу, о чем он постоянно мечтал, то он был бы поэтом всей Европы. Вспомним, что его произведения в той или иной мере охватывают Францию, Шотландию, Англию, Испанию, Грецию, южных славян, Германию... Пушкин постоянно расширял свой кругозор во всех отношениях, осваивал различные культуры, осваивал все литературные жанры, «менял перо»... Трудно сказать, где и на чем он бы остановился.

Охватывая мысленным взором эту «расширяющуюся вселенную» Пушкина, радуешься и хочется воскликнуть вместе с ним: «Ай да Пушкин!»

И все-таки не могу оторваться от темы заданного мне вопроса. Хочется писать об этом «чуде» пушкинского понимания «чужих стран» и других культур. Приведу один пример пушкинского понимания «чужих стран», уже обращавший на себя внимание исследователей. В «Каменном госте» Лаура говорит Дону Карлосу:

Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!»
А далеко на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует...

Пушкин как бы переселился в Мадрид и судит о Париже как житель Мадрида: «далеко на севере», холодный дождь, ветер. Это ли не «переселение души»?

Думаете ли Вы, что изучение творчества Пушкина, особенно зрелых произведений («Борис Годунов», «Капитанская дочка», то есть тема самозванной власти), может быть полезно племени младому незнакомому?

Чем отличаются те, которые любят Пушкина от прочих смертных?

Изучение исторических взглядов Пушкина может быть чрезвычайно полезным, ибо Пушкин был умен, независим и умел рассматривать проблемы во всей их сложности. Вопрос о самозванстве сливался у него с разрешением множества сопутствующих нравственных проблем. Это хорошо видно в его «Капитанской дочке». Мне кажется, что различие проходит не между любящими Пушкина и «всеми прочими», а внутри любящих. Самое большое различие — между искренне любящими и «любящими лицемерно, по долгу профессии (учителя, экскурсоводы и т.д.)». Последние легко достигают «обратных результатов»...

В какой мере творчество Пушкина может способствовать возрождению национальной культуры, стать объединяющим началом, основой культуры будущей России?

Творчество Пушкина, объединяющее многие народы России, могло бы стать и в будущем основой для нравственного объединения при правдивости его интерпретации. Необходимо сказать об ошибочности позиции Пушкина, занятой им в стихотворении «Клеветникам России». Интерпретировать и по-настоящему понимать Пушкина нельзя, стоя перед ним на коленях. Мы любим Пушкина таким, каким он был, иначе он вообще «не состоялся бы». Ведь человек не может быть без недостатков, без следов своей эпохи в своих высказываниях, в своем творчестве в целом.

*Интервьюировал Рене Герра, Париж
12 февраля 1999 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Культура как целостная среда

- ¹ Я писал положительные отзывы на рукописи талантливейшего историка-фантаста евразийца А.Н.Гумилева, писал предисловия к его книгам, помогал в защите диссертации. Но все это не потому, что соглашался с ним, а для того, чтобы его печатали. Он (да и я тоже) был не в чести, но со мной, по крайней мере, считались, вот я и полагал своим долгом ему помочь не потому, что был с ним согласен, а чтобы он имел возможность высказать свою точку зрения, скрепляющую культурно разные народы нашей страны.

Историческое самосознание и культура России

- ¹ Впервые в своем вступительном слове на Византийском конгрессе в Москве в 1989 году.
- ² *Сергеевич В.И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867.
- ³ *Leibmann K.* Der Königsfreude der Nordgermanen. Leipzig, 1886, S. 7 (см.: *Пресняков А.* Княжеское право в Древней Руси. М., 1993, с. 61).
- ⁴ *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. Л., 1955.
- ⁵ *Соколов Платон.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
- ⁶ *Лихачев Д.С.* Плач о реке Нарове 1665 г. («Труды Отдела древнерусской литературы». М.—Л., 1948. Т. VI).
- ⁷ В XIX веке Россия сделалась крупнейшей библиотечной державой. Кроме императорской Публичной библиотеки в Петербурге, занимавшей третье место в мире по числу книг, библиотек Академии наук, Румянцевской, Киевского университета, духовных академий в Петербурге, Казани, Киеве, библиотек университетов, высших учебных заведений, военных корпусов, гимназий и реальных училищ существовали великолепные частные библиотеки, особенно усадебные, благодаря которым в провинции, а иногда и в деревенских условиях, воспитывались замечательные писатели и ученые.

Два русла русской культуры

- ¹ *Иларион*, митрополит Киевский с 1051. Первый митрополит из «природных русских». Кроме «Слова…» до нас дошли: «Исповедание веры», «Слово к брату-столпнику» и др.
- ² *Филофей*, старец (или игумен) Трехсвятительского Псковского Елеазарова монастыря. Автор известных посланий к вел. князю Василию Ивановичу, к царю Ивану Грозному и др. В своих посланиях впервые развивает теорию о Москве как третьем Риме, хранящем правую христианскую веру.
- ³ *Филипп*, святой, в миру Федор Степанович Кольчов (1507—1569). С 1548 игумен Соловецкого монастыря. С 1566 митрополит Московский и всея Руси. Выступал за отмену опричнины, обличал кровавые ужасы и беззакония, творимые Иваном Грозным, вступался за гонимых, за что и был низложен и в заточении в Отроч монастыре задушен Малютой Скуратовым. В 1652 царь Алексей Михайлович принес покаяние церкви за низложение и мученическую смерть св. Филиппа. Его мощи были перенесены из Соловецкого монастыря в Успенский собор Московского Кремля.
- ⁴ *Гермоген*, патриарх Всероссийский с 1606 по 1612, в Смутное время путем проповеди и рассылаемых по городам грамот призывал народ стоять за православную веру. За отказ сотрудничать с поляками и переметнувшимися к ним боярами был заключен в Чудов монастырь. Из заключения под угрозой смерти благословил Минина и Пожарского, собиравших народное ополчение. «Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да излиется гнев Божий, и да будут прокляты они в сем веке и в будущем», — писал Гермоген в грамоте, посланной в Нижний Новгород. Умер он голодной смертью в заточении 17 февраля 1612 г.
- Дионисий* (ок. 1570—1613), архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, соратник патриарха Гермогена. Вместе с ним выходил к народу с патриотической проповедью, рассылаал грамоты по городам России, призывая ратных людей спасать Отечество от поляков, побуждая всех имущих к пожертвованиям на вооружение народного ополчения.

- ⁵ *Серафим Саровский*, преподобный, в миру Прохор Сидоров Мошнин. (1759—1833), старец-пустынник и затворник. Прославлен подвигами молчаливости и затворничества. По выходе из многолетнего затвора трудился над устройством Дивиевской женской общины, а также Ардатовской женской обители и Зеленогорской общины. Открытие его мощей последовало 19 июля 1903 года.

Три основы европейской культуры и русский исторический опыт

В основу публикации положена речь на международной конференции «Великая Европа культуры», которая проходила в римском католическом университете Ла Сапиенца в апреле 1991.

Роль крещения Руси в истории культуры Отечества

- ¹ *Владимир I* Святославич, великий князь Киевский, святой и равноапостольный. Крестился в 987 г. и ввел христианство в качестве государственной религии на Руси в 989 г.
- ² *Феодосий Печерский* (ок. 1036—1074), преподобный, игумен Киево-Печерский, первый учредил иноческое общежитие в русских монастырях. Выступал против княжеских раздоров и междоусобиц. Обличал насилие в посланиях к Святославу. Оставил пять поучений инокам с обличением темных сторон монастырской жизни, два послания к вел. князю Изяславу о чистоте православной веры и обрядах, два поучения ко всему народу. Одно из них — с обличением остатков языческих поверий, а также против таких пороков, как своекорыстие, мздоимство, грабеж и пьянство. Второе поучение исключительно против пьянства. Дошли до нас также две молитвы, из которых одна — «за все христиану».
- ³ *Андрей*, святой апостол, брат Петра. Согласно евангелисту Иоанну (Ин, 1,41) был учеником Иоанна Крестителя и раньше своего брата был призван на Иордане Иисусом. Поэтому в греческом предании он назван Первозванным. По свидетельству русских летописей Андрей проповедовал на территории будущей Руси, доходил до Киева, где водрузил крест, и до Новгорода. В России и в Шотландии учрежден орден в честь св. Андрея Первозванного.
- ⁴ *Фотий*, константинопольский патриарх (ок. 820—890). Способствовал распространению влияния византийской церкви в Болгарии, Моравии и на Руси.
- ⁵ Стих Ф.И.Тютчева. Впервые опубликовано в «Русском архиве», 1879, с датой 15 сентября 1834 г.

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой;
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Но видите ль? Собравшись в дорогу
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла дорогу,
А дом ее уж пуст и гол стоит...

- ⁶ *Храбр Черноризец*, болгарский монах (конец IX — начало X в.). Ему принадлежит одно из древнейших свидетельств о начале письменности у славян.
- ⁷ *Пересвета и Ослябя*.
- ⁸ *Епифаний Премудрый* (конец XIV — начало XV в.), неканонизированный святой, иеромонах, ученик Сергия Радонежского. Ему принадлежит «Житие Сергия Радонежского», начатое через год после смерти святого и завершённое через 26 лет.
- ⁹ *Фотий*, архимандрит, в миру Петр Никитич Спасский (1792—1838), известен сомнительным сотрудничеством с Аракчеевым, ожесточенной борьбой против Библейского общества.

Размышления о русской истории

- ¹ *Кюстин Астольф де* (1790—1857), маркиз. По приглашению Николая I посетил Россию. Его книга «Россия в 1839» полностью переведена на русский яз. только после Окт. революции 1917 г.
- ² *Ключевский В.О.* Памяти С.М.Соловьева. — «Научное слово», 1904, кн. VIII, с.127.
- ³ *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1894, чтение восьмое.
- ⁴ *Авраамий Палицын* (?—1626), в миру Аверкий Иванович, известный деятель Смутного времени. Келарь Троицкой лавры. Способствовал продовольственной помощи Москве, осажденной «тушинским воеводой». Автор ценного исторического источника: «Истории в память сущим предыдущим родам» и, возможно, части «Иного сказания».
- ⁵ *Пересвет* (Александр), инок Троице-Сергиевой лавры. До пострижения боярин из Брянска, участвовал вместе с иноком *Ослябей* (Романом, в монашестве Родионом) в Куликовской битве по благословению Сергия Радонежского. Пал смертью храбрых в единоборстве с татарским богатырем *Челибеєм* (Темир-мурзой).

- ⁶ *Минин Козьма* (?—1616). Народный герой. Нижегородский посадский, земский староста. Организатор народно-освободительной борьбы в Смутное время. Один из руководителей 2-го Земского ополчения.
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, полководец, народный герой. Участник 1-го Земского ополчения и один из командиров 2-го Земского ополчения, сражавшихся против польских интервентов.
- ⁷ *Гааз Федор Петрович* — Хаас Фридрих Иосиф (1780—1853), главный врач московских тюрем, самоотверженный филантроп. Он «раздал свои средства... отдал все свое время и все свои силы на служение «несчастливым», сходясь во взгляде на них с воззрением простого русского человека» (А.Ф.Кони). В своей книге «Федор Петрович Гааз» А.Ф.Кони приводит такой эпизод: митрополит Филарет, которому наскучили постоянные ходатайства Гааза за «невинно осужденных» арестантов, сказал ему: «Вы все говорите о невинно осужденных... Таких нет. Если человек подвергнут каре, значит за ним есть вина». Доктор Гааз вскричал: «Да Вы о Христе позабыли, владыко!» Филарет поник головой и после минутного раздумья ответил: «Нет, Федор Петрович! Когда я произнес поспешные слова, не я о Христе позабыл, — Христос меня позабыл» (Кони А.Ф. Федор Петрович Гааз. СПб., 1906, с. 97—98).
- ⁸ *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом, с.27.

Мысли о России

- ¹ *Максим Грек* — наст. имя Михаил Триволис (1480—1556), родился в Арте (Албании) в высокообразованной семье, учился в Италии, где сблизился с известным издателем классиков Алдом Мануцием. Но на его мировоззренческую, нравственную позицию оказал влияние Савонарола. В 1507 Максим Грек постригся в афонском Ватопедском монастыре. В 1515 прибыл в Москву. Его первый труд — перевод толковой Псалтири заслужил одобрение духовенства и «сутубую мзду» от вел. князя Василия Ивановича. Но домой его не отпустили. Далее Максим Грек продолжил свои труды по переводам и исправлению богослужебных книг: Триоди, Часослова, Апостола, вместе с Вассианом Патрикеевым осуществил пересмотр Кормчей книги — свода церковных постановлений и «градских законов» византийских императоров. В вопросе о монастырских вотчинах выступил на стороне Нила Сорского и заволжских старцев против иосифлян. Известны обличительные сочинения Максима Грека против многочисленных «честроений» московского быта, противоречащих христианскому идеалу: от лихоимства и ростовщичества до распущенности и суеверий. В 1525 приговором церковного собора Максим Грек был осужден к заключению и сослан во враждебный ему Волоколамский — иосифлянский монастырь. В 1531 повторный соборный суд в оковах отправил его в заточение в тверской Отроч монастырь. Здесь он провел более 20 лет. Об освобождении и отпущении на родину тщетно просили святогорская братия, патриархи антиохийский и константинопольский. Безуспешны были и просьбы самого Максима Грека, обращенные к Ивану Грозному и митрополиту Макарию, который отвечал: «узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Причиной, по которой Максима Грека удерживали в Москве, был страх обличений, поскольку его высокий научный и нравственный авторитет создавался и его изомышниками.
- ² В похвалу Андрею Боголюбскому летописец подчеркивает, что князь был «нищелюбив».
- ³ *Максимilian Волошин* (1877—1932), известный русский поэт. Большую часть жизни прожил в своем владении в Коктебеле (Крым).
- ⁴ *Громько М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- ⁵ *Вавилов Н.И.* Об изменении географии земледелия. М., 1931.

Экология культуры

- ¹ Термин «экология культуры» вводился мною впервые в иностранной прессе. На русской почве: «Экология культуры». — «Москва», 1979, № 7, с. 173—179; «Памятники Отечества», М., 1980, № 2, с. 10—16; «Знание — сила», 1982, № 10, с. 6, с. 3—11; «Клуб и художественная самодеятельность», 1984, № 1, с. 18—21. Еще ранее термин «экология культуры» употреблялся мною в устных выступлениях и в отдельных статьях и интервью. Термин «гомосфера» впервые введен мною в печатных выступлениях в 1984 г.: «Гомосфера — термин наших дней». — «Огонек», 1984, № 34, с. 17—19.
- ² *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1903, с. 359—360.

Русская интеллигенция

- ¹ *Апостол Павел.* Послание к Римлянам. 2, 10—11.
- ² *Князь Сергей Григорьевич Волконский* (1788—1865), один из руководителей Южного общества, генерал-майор, участник войн с наполеоновской Францией 1805—1807, Отечественной войны 1812 и др. Осужден на вечную каторгу по I разряду. Каторгу отбывал в Нерчинских рудниках, Чите и на Петровском заводе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ³ *Матвей Иванович Муравьев-Апостол* (1793—1886), старший брат казенного декабриста Сергея Ивановича Муравьева-Апостола, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Осужден по первому разряду к 20 годам каторги, по высочайшему повелению сослан в Вилуйск.
- ⁴ *Никита Михайлович Муравьев* (1795—1843) — идеолог декабристского движения, историк. Один из организаторов Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, автор проекта «Конституции»: выпускник МГУ, участник заграничных походов 1812—1814, служил в Гвардейском генеральном штабе. Осужден по I разряду. Каторгу отбывал в Чите и на Петровском заводе. Умер в ссылке.
- ⁵ *Александра Григорьевна Муравьева* (1804—1832), урожденная графиня Чернышева. Одна из героических женщин-декабристок. С ней А.С.Пушкин передал ссыльным декабристам свое «Посание в Сибирь». Умерла в ссылке.
- ⁶ Письмо в редакцию журнала «Новый мир», 1993, № 2.
- ⁷ Предисловие к кн.: Репрессированная наука. Л., «Наука», 1991.

Провинция и великие «малые» города

- ¹ *Макарьевский монастырь* основан в 1435 Макарием Желтоводским с целью обращения чувашей и мордвы. В 1439 обитель была сожжена татарами с запретом на восстановление. В 1620 монастырь возобновлен.

Краеведение как наука и как деятельность

- ¹ Симонов монастырь, основанный в 1370 г. учеником и племянником Сергия Радонежского Феодором (название монастырь получил по имени монаха Симона, в миру боярина Ховрина, который пожертвовал для монастыря землю), в 1923 г. превращен в музей. Но в ночь на 21 января 1930 г., в шестую годовщину смерти В.И.Ленина, были взорваны 5 из 6 церквей, башни Тайнинская и Сторожевая, а также большая часть стен. В настоящее время церковь Рождества Богородицы восстановлена. Большую часть территории Симонова монастыря занимает клуб автозавода им. Лихачева.

Градостроительные заветы Петра Великого

Выступление на юбилейном вечере литературно-мемуарного цикла Санкт-Петербургского фонда культуры «Белое и думы» 26 октября 1993 г.

Заметки об архитектуре

- ¹ Цит. по: *Евщина Н.А.* Архитектурная теория в России второй половины XVIII — начала XIX века. М., 1985, с.43.
- ² См. сб.: *Методика и практика сохранения памятников архитектуры.* М., 1974.
- ³ *Сааринен Элиэль* (1873—1950) — основоположник национального романтизма в финской архитектуре.

Ценности культуры

- ¹ Это предание позднее. Иван Грозный умер в 1584, а роспись Софийского собора в Вологде начата лишь в 1686. По другой легенде, на голову Ивана Грозного «упадала плинфа красная», когда он наблюдал за постройкой свода. Существуют и другие версии, объясняющие, почему царь отказался от мысли перенести столицу в Вологду.
- ² *Ратпорт П.А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
- ³ *Григорий Палама* (1296—1359), византийский богослов, поборник исихазма, этико-аскетического учения о пути к единению человека с богом через «очищение сердца» и самососредоточение мысли. Известен его спор о Фаворском свете с представителем теологического рационализма калабрийским монахом *Варлаамом*, который переселился в Византию, будучи вначале ревностным православным. Но, ознакомившись с религиозной практикой исихастов — афонских монахов — молчальников и затворников, которые в экстатическом самопогружении стремились «увидеть Бога телесными очами», подверг их насмешливой критике. В богословском споре о природе Фаворского света победил Григорий Палама. Варлаам был предан анафеме, возвратился в Италию и перешел в католичество.

Разное о литературе

- ¹ Впервые опубликовано в журнале «Иностранная литература», 1982, №10.
- ² Священномученик *Аввакум* сожжен 16 апреля 1681 года.
- ³ *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси, М.-Л., 1947, с. 50.
- ⁴ *Пахомий Логофет*, по национальности серб. Появился в Москве ок. 1440, 20 лет провел в Троицкой лавре, прославился как выдающийся стилист, занимался составлением житий и переписыванием книг.

- ⁵ *Морозова Феодосия Прокофьевна*, урожденная Соковнина, 17 лет от роду выдана замуж за боярина Морозова Г.И., занимавшего видное место при дворе царя Алексея Михайловича. Оставшись вдовой всецело отдалась религии и делам благочестия. Пламенная соратница протопopa Аввакума. Сослана в заточение в Боровск вместе со своей сестрой Евдокией — кн. Урусовой. Ее уморили голодом в земляной тюрьме в 1672.
- ⁶ *Граф Мусин-Пушкин А.И.* (1744—1817), археограф, член Российской академии, президент Академии художеств. Собрал коллекцию памятников русской истории. В 1800 г. издал «Слово о полку Игореве».
- ⁷ *Фрейденберг О.М.* Происхождение поэтического сравнения (на материале Илиады). — Труды юбилейной научной сессии 1819—1944. Ленинградский гос. университет, Л., 1946, с.113.
- ⁸ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1984, с.96.
- ⁹ Там же, с.159.
- ¹⁰ Там же, с.135.
- ¹¹ *Чирков Н.И.* О стиле Достоевского. Л., 1964, с.58.
- ¹² Это контаминация из писем Толстого к Леониду от 22 ноября 1874 г. и 16 марта 1875 г.
- ¹³ *Толстой А.Л.* Отрывок из моего дневника 1903 года (9-е марта). — «Столица и усадьба», 1914, № 4, с.5.
- ¹⁴ См. мои статьи о Лескове.
- ¹⁵ См. сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. XII, 1986.
- ¹⁶ *Дмитриева Р.П.* «Повесть о Петре и Февронии муромских». Л., 1979.
- ¹⁷ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.
- ¹⁸ *Ремизов А.М.* Письмо в редакцию. — «Золотое руно», 1908, NN 7—9, с.145—148.
- ¹⁹ *Лихачев Д.С.* Будущее литературы как предмет изучения. Работа эта впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1969, № 9. В последний раз в книге «Прошлое — будущему». 1985.
- ²⁰ См. сноску № 19.
- ²¹ Интервью с М.Шагалом А.Каменского. — «Огонек», 1987, № 27, с.25.

Непрофессионально об искусстве

- ¹ *Стравинский И.Ф.* Диалоги. М., 1971, с.288.
- ² Там же, с.302.
- ³ *Duthy R.* Picasso's prints. — *Connoisseur*, 1983, February.
- ⁴ *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. М., 1984, с.332.
- ⁵ *Данилова И.Е.* Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971, с.61.
- ⁶ *Аристотель.* Политика, VIII, 2. Пер. С.А.Жебелева. М., 1911.
- ⁷ *Грбаварь И.Э.* О древнерусском искусстве. М., 1966, с.296.
- ⁸ *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1957, с.20.
- ⁹ *Айналов Д.В.* Византийская живопись XIV столетия. Записки классического отделения Русского археологического общества, т. 9. Пг., 1917.

«Мелочи» поведения

- ¹ Акварель хранится в Тверской старообрядческой общине в Москве.
- ² Евангелие от Иоанна, 1,47.
- ³ *Розанов В.В.* Уединенное. СПб., 1912, с.153.
- ⁴ В кн.: *Гладков А.* Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки.
- ⁵ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Полное собрание сочинений, т. X, ч. I, СПб., 1895, с.45. Цитирую по старому изданию, но оно — Анны Григорьевны.
- ⁶ Великие четгы минеи, под 13 ноября, с.1053.

Про то и про се

- ¹ *Козинцев Г.М.* Время и совесть. М., 1981, с.213.
- ² *Мамонтов С.* Походы и кони. Париж, Ymca-Press, 1981.
- ³ «Столица и усадьба», 1914, № 1, с.22, а изображение перед тем.
- ⁴ *Trivedi Devika.* Ikebana. Delhi—Bombay, 1975, p.49.
- ⁵ «Столица и усадьба», 1914, № 3, с.21 (раздел «Из разговоров»).
- ⁶ «Столица и усадьба», 1914, № 4, с.17 (фотография).
- ⁷ Павловск. Очерки истории и описание. 1777—1877 (Составлено по поручению е.и. высочества государя великого князя Константина Николаевича). СПб., 1877, с.22.

О науке и ненауке

- ¹ *Боно Э.* Рождение новой идеи. М., 1976, с.84.
- ² *Вагнер Г.К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве, М., 1987.
- ³ *Вернадский В.И.* Страницы автобиографии. М., 1981, с.286.
- ⁴ *Гольдгаммер Д.А.* Самовнушение при научных исследованиях. — «Научное слово», 1905, кн. X, с.5—22.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵ Весселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. 1963, с.11.

⁶ Chesterton G.K. St. Francis of Assisi. N.Y., 1987, ch.9.

Из прошлого и о прошлом

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 33, с.45.

² Пушкин А.С. История Петра (Подготовительные тексты). 1721. Места, исключенные из тетрадей Пушкина (до нас не дошедших) цензурой в 1840 г.

³ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1894, чтение седьмое.

⁴ Толстая С.А. Мои записки разные для справок. Ясная Поляна, 14 февраля 1870 года. — Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891. М., 1928, с.30.

⁵ Павловск. Очерки истории и описание, с.22.

⁶ Случевский К.К. По северо-западу России. Т. I. СПб., с.14—15.

⁷ Там же, с.152.

⁸ Кн. Трубецкой Е.Н. Из прошлого, с.19.

⁹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела, т. II, 1913, с.221.

¹⁰ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. СПб., 1888, с.140.

¹¹ Там же, с.140—141.

¹² Там же, с.139, примечание.

О природе для нас и о нас для природы

¹ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981, с.258 и 259.

² Лихачев Д.С. Поэзия садов. СПб., «Наука», 1991.

О языке устном и письменном, старом и новом

¹ Даниил Заточник, уроженец Переяславля, XIII в. О нем есть заметка как об историческом лице в летописи от 1378. Его «Моление» о помиловании представляет собой подбор изречений из всех, бывших в то время в обращении книг: из Св. Писания, саалтири, Пчелы, Слова о злых женах и т.п. Жалоба на опалу обретает характер сатиры на пороки современного Даниила общества. Ценный исторический источник.

² Кирилл Туровский, святой, епископ, выдающийся церковный писатель XII в., тонкий стилист, вдохновенный лиризм и красноречие его проповедей снискали ему славу выдающегося ритора, «Златоуста». Но в парящей риторике невозможно обнаружить никаких отзвуков современной Кириллу жизни.

О жизни и смерти

¹ Пушкин А.С. Поэма «Полтава».

² Вера Дмитриевна Лихачева (4 августа 1937 — 11 сентября 1981), талантливая искусствовед. Трагически погибла. Труды: Искусство Византии IV—XV веков (книга выдержала 2 издания); Художественное наследие древней Руси и современность (совместно с Д.С.Лихачевым). Л., 1971 и др.

³ Федоров Н.Ф. Философия общего дела.

⁴ Не то, что мните вы природа

Не слепок, не бездушный лик.

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык.

Русская культура в современном мире

В основу публикации положен доклад, прочитанный на VII конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), 1990 год.

О русском и чужестранном

¹ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е.Е.Комаровскому). — Полн. собр. соч. в 2-х томах, т. I. М., 1911, с.203.

² Там же, с.206.

³ Там же, с.118.

⁴ Кн. Трубецкой Е.Н. Из прошлого, с.8—9.

⁵ Там же, с. 22 и след.

⁶ Там же, с.24.

⁷ Там же, с.26.

Приложение

¹ Интервью Рене Герра с академиком Д.С. Лихачевым впервые опубликовано в «Новом журнале» (Нью-Йорк), 1999, №215.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Ф.А. 215
 Аввакум, священномученик 201 214—216 224
 229 238 251—252 263 310 356 367 408
 Август, император 24 36
 Августин св. бл. 263 325
 Аверинцев С.С. 207 248 301
 Адам Р. 410
 Адрианова-Перетц В.П. 426
 Айвазовский И.К. 272
 Айналов Д.В. 288
 Айтматов Чингиз 215
 Аксаковы 167
 Алданов Марк (МА.) 257
 Алевиз Новый 35
 Александр I 26 27 64 185 186 188 191 195 201
 233 235 306 339-340 364
 Александр II 26 105 257 342
 Александр III 26
 Александр Македонский 267
 Александра Федоровна 67 342
 Александров, акад. 413
 Алексеев В.М. 392
 Алексеев М.П. акад. 258
 Алексеев Ф.Я. 337
 Алексей митрополит 25
 Алексей Михайлович, царь 23 24 63 64 71 72
 214 387
 Алпатов М.В. 283
 Альба, герцог 68
 Альфред Великий 207
 Андреев Леонид (Л.Н.) 283
 Андреев П.Н. 283
 Андрей Апостол 52 422
 Андрей Боголюбский кн. 214 424
 Андроников И.А. 258
 Анжелико Беато фра 207
 Анисимов А.И. 146
 Анисфельд Б.И. 318
 Аничков И.Е. 114 305
 Анна 51
 Анненков П.В. 238 425
 Анненков Ю.П. 282
 Анненский И.Ф. 233 237 238
 Анциферов Н.П. 109 118 195
 Аракчеев А.А., граф 339
 Аристотель 283 425
 Аристотель Фиораванти 34 37 40
 Арциховский А.В. 28
 Арцыбашев М.П. 390
 Аскольд 58
 Аскольдов—Алексеев С.А. 109
 Астафьев В.П. 215
 Ахматова А.А. 111 195 199 239 367
 Ашбе А. 305
 Багратион П.И., кн. 171
 Баженов В.И. 28 341
 Байрон Дж. Г. 207 232 241
 Бакст А.С. 278 318 361
 Балиев Н.Ф. 283
 Баранов 192
 Баратынский Е.А. 124 161
 Батый 23 228 239 416
 Бах И.-С. 324
 Бахтин М.М. 118 240 248
 Бежар М. 279
 Белинский В.Г. 171 292
 Белов В.И. 215
 Белый Андрей /А.Н.Бугаев/ 250 255 310
 361
 Бенуа А.Н. 182 195 270 281
 Берг А.И. 176
 Берггольц О.Ф. 286
 Бердяев Н.А. 24 28 42 387 400
 Берков П.Н. 297
 Бертрам М. 286
 Бетховен Л. ван 408
 Бисмарк О. 257 282 418
 Бичурин Н.Я. 392
 Блейк Вильям 272
 Блок А.А. 18 28 86 124 167 254 313 359 360
 400 408
 Блум Р. 271
 Боголюбов А.И. 389
 Боккаччо Дж. 207
 Болаи Я. 326
 Бондарев Ю.В. 255
 Боно Э. 322
 Борис, св. 70
 Борис Годунов 233 235
 Борис-Михаил, кн. 58
 Борисов-Мусатов В.Э. 167
 Брак Ж. 284
 Браунинг Э. 207
 Брюллов К.П. 224 269 287
 Бубрих Д.В. 392
 Булавин К.А. 69
 Булгаков М.А. 263 341
 Булгаков С.Н., о. 24 28 42 43 113 184
 Бунин И.А. 124 186 250 262 356
 Бухштаб Б.Я. 258
 Быков Василь 215 255
 Бэкон Ф. 208 261
 Вавилов Н.И. 89 118

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Вавилов С.И. 118
 Вагнер Г.К. 324 364 365 425
 Вагнер Р. 408
 Вазари Дж. 284
 Валк С.Н. 118
 Варда Фока 51
 Варлаам 204 424
 Василий II 51—52
 Васильев В.П. 392
 Васильк Ростовский 227
 Васильк Теробовальский 214
 Вахтангов Е.Б. 278 288
 Вашингтон Дж. 207 281
 Введенский А.И. 110
 Веласкес 400
 Вельяминов-Зернов В.В. 392
 Веникс Я. 76
 Вербов 318 321
 Вернадский В.И. 28 83 92 204 206 325 347
 Веселовский А.Н. 83 222 248 259
 Веселовский С.Б. 329 426
 Видеман Ф.И. 392
 Вико Дж. 207
 Виолле ле-Дюк Э. 12 282
 Вильгельм I 341
 Владимир I 51—52 58—59 422
 Владимир II Мономах 22—23 52 58 111 201
 212 367 408
 Владимир Галицкий кн. 214
 Власий, св. 57
 Волконская С.С., кн. 374
 Волконский С.Г., кн. 106
 Володарский В., 199
 Волошин М.А. 88 424
 Вольтер (Аруз М.-Ф.) 232 331
 Вордсворт У. 207
 Воронин Н.Н. 376
 Воронихин А.Н. 28 171
 Воронцова Е.К., кн. 240
 Всеволод, кн. 226
 Вухтерс Д. 73
 Вырубова А.А. 258
 Вышинский А.Я. 95
 Вяземский П.А. 360
- Гааз Ф. П. 76 393 424
 Галилей Г. 24
 Гаршин В.С. М. 282
 Гафиз 18 232 236
 Гегель Г.-В.-Ф. 280
 Гейне Г. 211
 Гейченко С.С. 239 341—342
 Гемп К.П. 305
 Георг III 181
 Георг Л.В. 118
 Герасим, епископ Коломенский 21
 Гермоген св., патриарх 422
 Гершвин Дж. 223
 Герцен А.И. 395 413
 Гете И.-В. 207 208 232 233 236 237 408
 Гиберти Л. 207
 Гильфердинг А.Ф. 197
 Гинзбург В.А. 382
- Гитлер А. 120 313
 Глазунов И.С. 288
 Глеб, св. 70 221
 Глинка В.М. 257 343
 Глинка М.И. 28 48 83 321
 Гоголь Н.В. 14 16 24 28 42 161 167 251 263
 269—270 280 287 310 343 361 366 369 396
 Головин А.Я. 278
 Головин М.Е. 186
 Гольдгаммер Д.А. 327
 Гомер 207 224 232 288
 Гонзаго, св. 371
 Гончаров И.А. 236 251
 Гончарова Н.С. 216 282
 Горохов М.Г. 283
 Горький Максим 116 233 236 250
 Грабар А. 267
 Грабарь И.Э. 286 290 399
 Гревс И.М. 118
 Греков Б.Д. 176
 Грибоедов А.С. 16 93 240 251
 Григорьев А. А. 86 236
 Громыко М.М. 28 54 89
 Грушевский М.С. 23
 Гумилев Л.Н. 421
 Гюго В. 282 302
- Давид Дисипат 307
 Далчев А. 379—380
 Даль В.И. 358
 Даль О. 311
 Даниил во рву 269
 Даниил Заточник 201 356 426
 Данилевский Г.П. 24 28
 Данилов Кирша 124 138
 Данилова И.Е. 280 425
 Данте А. 207 208 233 236 237 247 344
 Дантес Ж. 301
 Дациаро Дж. 40 160 341
 Дега Э. 281
 Делла-Вос-Кардовская О.Л. 199
 Дельвиг А.А. 237
 Демина Н.А. 282
 Державин Г.Р. 28 59 86 113 197 201 239 249
 321 356 408
 Державин Н.С. 365
 Десницкий В.А. 329
 Джонсон С. 321
 Джорджоне 207
 Димитрий Прилуцкий, св., преп. 37
 Диников П. 380
 Дионисий 37 408
 Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевой
 лавры 421
 Дионисий Глушицкий 56
 Дир 58
 Дмитрий Донской 21 62 412 416
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 318
 Дмитрий Самозванец 336
 Дмитриева Р.П. 254 422
 Добронравов Викторин 113
 Добужинский М.В. 178 195 305 312
 Долгоруков В.В., кн. 312

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Достоевский Ф.М. 12 19 27—29 42 45 56 59
83 87 105 109 195 197 208 214—216 219—
220 233—236 240—246 248 251 256 266 269
271 283 306 312 321 323 362 366 376 379 390
395 396 400 408 418
Дудинская Н.М. 83
Дягилев С.П. 278 318

Евреинов Н.Н. 238
Евсина Н.А. 424
Егоров Б.Ф. 254
Екатерина II, Великая 64 319 360
Елизавета II /англ. королева/ 181
Ельчанинов А.В. 42 113
Епифаний Премудрый 62 422
Ермолай-Еразм 214
Ермолов А.П. 227
Есенин С.А. 233 236 238
Ефрем Сирин 219

Жанна д'Арк 207
Жебелев С.А. 425
Жирмунский В.М. 360 365
Жуковский В.А. 356

Заволоко И.Н. 229 297
Зайас М. де 270
Зайцев Б.К. 296
Залеман К.Г. 392
Зальгин С.П. 352
Захаров А.Д. 171
Зеньковский В.В. 42
Зильберштейн И.С. 169 182 258 389
Зичи М. 269
Зощенко М.М. 219

Иафет /библ./ 78
Иван III 24
Иван IV Грозный 40 48 67—69 75 81 111
200—201 214 229 336 352 356 390 391 416
424
Иванов А.А. 83 343
Иванов Вяч. И. 24 364
Иванов Н.И. 171
Игорь Ольгович, кн. 214
Игорь Святославич, кн. 224—225 226
Иисус Христос 10 207 246 254 256 267 270
285 293—294 371 376 377 422-423
Иларион 35 36 52 201 213 394 408
Ильф И.А. 122 255
Илья пророк 99 212
Иоанн /евангелист/ 14
Иоанн Богослов 269 384
Иоанн Креститель 267
Иов /библ./ 207 376
Истомин В.И. 271
Иштван I /Стефан/ 58

Кандинский В.В. 216 265 284
Кант И. 280 294
Капица П.А. 316
Карамзин Н.М. 28 112 323 344 356 368
Кардовский Д.Н. 318

Карл Великий 58 352
Карл XII 337
Карпов Ф.И. 214
Карсавин А.П. 278 400
Карсавина Т.П. 18 83 85 270 278 283
Карский Б.Ф. 257 323
Карташев А.В. 24
Катаева-Лыткина Н.И. 197
Катулл 232
Кваренти Дж. 171 187
Кент В./У./ 410
Керн А.П. 327 240
Кипренский О.А. 234
Киреевский И.В. 403-404 426
Киреевский П.В. 197
Кирилл Белозерский, преп. 56
Кирилл-Константин, св. 58 212 213 357
Кирилл Туровский 201 223 356
Китс Дж. 207
Клей Г. 302
Клодт П.К. 272 285
Ключевский В.О. 71 246 250—251 344 422
Ковтун Е.Ф. 362
Козинцев Г.М. 311—314 426
Козьма Прутков 283
Кокорцев П.К. 392
Кокто Ж. 302
Колумб Х. 207
Комарович В.А. 111
Комаровский Е.Е. 427
Кони А.Ф. 424
Кононов А.Н. 392
Конрад Н.И. 109 118 392
Константин VIII 51
Константин Багрянородный 51
Кончак 224
Коперник Н. 24
Кораллов М. 329
Корнеев Е.М. 338—339
Коровин К.А. 255 270 278
Коссой Л.А. 286
Костюшко Т. 207
Косыгин А.Н. 310
Крамской И.Н. 284
Крачковский И.Ю. 111 392
Крылов И.А. 16 93 356
Кузнецов П.В. 167 286—287
Куракина Е.С., кн. 375
Курбатов В.Я. 195
Курбский А.М., кн. 111 238 352
Куропаткин А.Н. 344
Кутузов М.И. 88 306—344
Кустодиев Б.М. 274 275
Кушелев-Безбородко И.О.
Кшесинская М.Ф. 83
Кюстин А. де, маркиз 69 81 312 338 422
Кюхельбекер К. 337—338

Лавр, св. 57
Лалич Радован 278
Ларин Б.А. 328
Ларионов М.Ф. 216 282
Ларошфуко Ф. де 328

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Леблон Ж.-Б. 112
 Лев X 282
 Леви-Брюль А. 205
 Левитан И.И. 161 197 348
 Левкович Я.А. 254
 Лейкин Н.А. 390
 Леманн К. 22
 Лемешев С.Я. 83
 Лендор У.-С. 207
 Ленин В.И. 332, 424
 Лёнрот Э. 413
 Лентовская 283
 Ленц С. 297 306
 Леонардо да Винчи 207 270
 Леонид, архимандрит 246
 Леонов Л.М. 255
 Леонтьев К.Н. 24 42 103 391
 Лермонтов М.Ю. 124 197 215 269 301 321 408
 Леруа-Болье 413
 Лесков Н.С. 190 215 216 219 248 253 356 396
 Ливеровский А.А. 89
 Лист Ф. 276
 Лихачев Д.С. 422
 Лихачева В.Д. 372 379 426
 Лобачевский Н.И. 28 83 326
 Ломоносов М.В. 28 83 201 270 355—356 408
 Лонгфелло Г.-У. 207
 Лопухины 411
 Лосев А.Ф. 110 248
 Лосский Н.О. 96
 Лотман Ю.М. 118 248 254
 Лысенко Т.Д. 95
 Львов Н.А. 150 193 263 287
 Людовик XIV 72
- Мазон А. 228
 Май К.И. 283
 Макарий, митрополит 423
 Макашин С.А. 258
 Максим Грек 81 103 111 201 229
 Максимов Д.Е. 111
 Малевич К.С. 83 216 285
 Мальшев В.И. 258
 Мамай 412
 Мамонтов С.И.
 Мамонтов С. 312
 Мандельштам О.Э. 246
 Мануций Альд 111 424
 Мария Федоровна 319
 Марк, евангелист 67
 Марк Аврелий 287 319
 Марке А. 255
 Маркевич А.И. 390
 Маркони Г. 326
 Марр Н.Я. 95 392
 Маркс К. 336
 Мартос И.П. 374—375
 Мартынов А.Е. 195
 Матисс А. 285 287 323
 Махаев М. И. 195
 Маяковский В.В. 238 360 419
 Маясова Н.Е. 364
 Мейер А.А. 42 109—111 118
- Мейерхольт В.Э. 282
 Менделеев Д.И. 28 83
 Меншиков А.Д. 190
 Мессинг В. 316
 Мефодий, св. 58 213 357
 Микеланджело 270
 Мильтон Дж. 208
 Минин К. 76
 Миттеран Ф. 295
 Михаил Архангел 61
 Михаил Федорович Романов 42
 Михаил Черниговский кн. 70 227
 Мицкевич А. 88 292
 Мнишек Марина 336
 Модзалевский Б.Л. 233
 Модильяни А. 272 302
 Монферран О. 185 188 189 274
 Морозова Ф.П. боярыня 224 229 425
 Морозов Савва 312
 Морозовы 10
 Мортон Э. 261
 Моцарт В.-А. 408
 Мстислав, кн. 22 23
 Мубарак М.-Х. 295
 Мур Г. 268
 Муравьев Н.М. 107 424
 Муравьева А.Г. 107 424
 Муравьев-Апостол М.И. 106 424
 Муסיцкийский Г. 176
 Мусин-Пушкин В.А., граф 224
 Мусоргский М.П. 28 48 83 87 321 408
 Муссолини Б. 120
 Мухин Н. 387
- Набоков В.В. 292 362
 Надеждин Н.И. 367
 Налбандян Д.А. 287
 Наполеон I Бонапарт 26 188 195 228 233 257
 302 339 341 364
 Нарышкина Н.К., царица 75
 Некрасов Н.А. 124 215
 Нельсон Г. 272
 Нестеров М.В. 83 393
 Нестор 214
 Нечаев В.Н. 187
 Нечаев С.Г. 113
 Нижинский В.Ф. 83
 Никитин Аф. 201
 Никитин И.С. 360
 Николай I 64 339 341—342 395
 Николай II 67 224? 342 397
 Никон, летописец 214
 Никон Радонежский 223
 Никон, патриарх 24 41 63 64 73 265
 Нил Сорский 423
 Нитецкий А.В. 37
 Новиков Н.И. 112 201 215
 Ньютон И. 208 328
- Обновленский А. 316
 Обнорский С.П. 212
 Овидий 232
 Оден 315

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ожегов 358
 Олег кн. 78 230 367
 Олег Гориславич, кн. 217
 Ольга, кн. 64 367
 Ольденбург С.Ф. 392
 Ольденбургский А.П. 314
 Орбели И.А. 342
 Орбели Л.А. 109 111
 Орлов А.С. 312 323 360 411
 Осябя Родиян 76 169 423
 Осоргин Г.М. 110
 Осоргина Иульяния 62
 Остроумова-Лебедева А.П. 195 347
- Павел, Апостол 291 301 376 424
 Павел I 26
 Павлов И.П. 83
 Павлова Анна (А.П.) 83 279
 Павский Г.П. 392
 Палама Григорий 204 424
 Палицын Авраамий 76 423
 Пастернак Б.А. 296 297 324 360
 Пастернак Е.Б. 296
 Патрикеев Вассиан 214
 Патмор К. 207
 Пафнутий Боровский 62
 Пахомий Серб 223 426
 Пересвет Александр 76 169 422
 Персегов И.С. 214
 Перов В.Г. 243
 Перцов В.О. 316
 Петипа М. 279
 Петипа М.М. 279
 Петр I 23 24 26 27 30 42 48 64 69 71—76 81
 111—112 175 181 201 214 216 233 235 271
 336 343 357 364 387 390 391 399
 Петр Муромский, кн. 230 367
 Петрарка Ф. 296
 Петров Е.П. 122 255
 Петров Н.Н. 295
 Петров-Водкин К.С. 109 270
 Петровых М. 380
 Пигулевская Н.В. 109
 Пикассо П. 270 281—282 323
 Пикюль В.С. 258
 Пилат Понтий 377
 Пиотровский Б.В. 336
 Писсарро Ф. 255
 Платонов С.Ф. 326
 Платонов А. П.
 Плещев А.Н. 239
 По Э. 208
 Победоносцев К.П. 103
 Поварнин С.И. 110
 Погодин М.П. 153
 Пожарский Д.М., кн. 76
 Поликарп, писатель XIII в. 201
 Половцев К.А. 109
 Полоцкий Симеон 71 356 387
 Попов А.С. 326
 Поппе Н.Н. 392
 Поппер К. 314
 Потапенко Игн. Н. 390
- Потемкин Г.А., кн. 413
 Предтеченский А.В. 118
 Прокофьев С.С. 28 83
 Прянишников И.М. 343
 Пугачев Е.И. 69 233 235
 Пуссен Н. 207 408
 Пушкин А.С. 12 18 27 29 83 88 112 124 153
 161 169 192 195 197 201 214 215 217 232—
 241 249 251 253 255 256 258 263 269 274 278
 298 321 328—330 336 343 356 358 360 383—
 384 390 396 398 408 419-421
- Радищев А.Н. 112 215 274
 Радлов В.В. 392
 Разин С.Т. 69 358
 Рацгольд Дж. 302
 Раппопорт П.А. 424
 Распутин В.Г. 215 256
 Растрели В.В. 171 191
 Рафаэль 207 280 282
 Рахманинов С. В. 28 83 87 280
 Реберн Г. 279
 Резерфорд Э. 316 329
 Рейсер С.А. 258
 Рембрандт Х. ван Рейн 197 278 400
 Ремигий, св. 232
 Ремизов А.М. 216 255 425
 Ретин И.Е. 247 318
 Рерих Н.К. 408
 Рескин Дж. 192
 Рецеттер В. 239
 Резнич А. 239
 Римский-Корсаков Н.А. 83
 Ринальди А. 14 215 263 269 274 290
 Ричард III 343—344
 Розанов В.В. 294 302 306—307 425
 Розен В.Р. 392
 Романов Б.А. 118
 Росетти Д.-Г. 284
 Росси К.И. 171
 Ротко М. 273
 Рублев А. 41 59 62 87 263 280 408
 Рузвельт Т. 314
 Руссо Ж.-Ж. 282 296
 Рыбаков Б.А. 315
 Рыбников П.Н. 197
 Рюриков 22 36 78 115
- Сааринен Э. 195 425
 Савонарола Дж. 204 413
 Салтыков-Щедрин М.Е. 16 119 245 251 329
 394
 Самарин Ю.Ф. 24
 Сасаниды 207
 Сафо 232
 Свак Д. 71
 Святополк Окаянный, кн. 70
 Святослав, кн. 58 150 212 226 367
 Сенека 297
 Серапим Владимирский 201
 Серафим Саровский, св., преп. 41—42 83 114
 203 422
 Сервантес М. де 208 233 238

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Сергеевич В.И. 22
 Сергей Радонежский, св, преп. 31 62 83 288 412
 Серов В.А. 83 281
 Сеченов И.М. 321
 Симон 201
 Синеус 22 115
 Скобелев М.Д. 341
 Скотт В. 295
 Скрябин А.Н. 28 87 408
 Скрынников Р.Г. 336
 Слонимский Ю. 277
 Случевский К.К. 426
 Смирнов В.И. 328
 Собинов А.В. 83
 Соболевский А.И. 28 59 387
 Соколов И.А. 190
 Соколов П.Ф. 107
 Соколов Платон 25 421
 Солженицын А.И. 105 108
 Солмертинский И.И. 277
 Соловьев А. 342
 Соловьев В.С. 24 28 42 59 98 342 343 400 408 417
 Соловьев В.С. 249
 Соловьев С.М. 74 77 245 337 344 422
 Сомов К.А. 359
 Спенсер Э. 207
 Спасивцева О.А. 83
 Спиридон-Савва 24 35
 Срезневский Изм. И. 15
 Сталин И.В. 49 69 86 120 208 317 344
 Станиславский К.С. 83 279
 Станкокович К.М. 249
 Старов И.Е. 28
 Стасов В.П. 28
 Стасов В.В. 294
 Стеклов В.А. 326
 Стерлигов В.В. 285
 Стефан, св. 268
 Стефан Баторий 227
 Столыпин П.А. 342
 Стоун Дж. 410
 Стравинский И.Ф. 270 294
 Строганов 10
 Струве В.В. 392
 Суворов А.В. 88 301
 Сумароков А.П. 112
- Тайбалин Г.Г. 110
 Тамерлан 227
 Тарле Е.В. 328 368
 Творогов Л.А. 250
 Теккерей У. 207
 Теннисон А. 207
 Тер-Степанова К.М. 277 278
 Тимофеев А.И. 256
 Тициан 207
 Ткачев П.Н. 113
 Толстая С.А. 426
 Толстой А.А. 425
 Толстой А.Н. 12 28 86 124 186 208 215 219 233 236 246—247 250 253 278 321 337 343—344 390 394 396 398 417
- Томашевский Б.В. 239 253 313 326
 Тохтамыш 227
 Трифонов Ю.В. 215
 Тронский И.М. 425
 Тропинин В.А. 106
 Трубецкой Е.Н., кн. 411 416 426
 Трувор 22 115
 Тургенев И.С. 186 215 232—233 235 248 251 262 314 355 396
 Тучков А.А. 171
 Тютчев Ф.И. 42 59 167 378 400 408 422
- Уланова Г.С. 83
 Унбегаун Б. 15
 Урусова Е.П. 224 425
 Успенский Б.А. 248 254
 Устинов П. 314 316—316
 Уткин Н.И. 106
 Ухтомский А.А. 291
 Ушинский К.Д. 152
- Фаберже 319
 Фаворский В.А. 362
 Фальконе Э.-М. 179
 Феврония, св, кн. Муромская 230 367
 Федор, боярин 70
 Федоров И. 214
 Федоров Н.Ф. 24 28 340 426
 Федосова Арина (И.А.) 214
 Федотов Г.П. 109
 Феодосий Печерский 52 422
 Феофан Грек 133 152 263
 Фет А.И. 124
 Фидий 207
 Филарет, митрополит (Дроздов В.М.) 423
 Филарет /Федор Никитич Романов, отец царя/ патриарх 41
 Филатьев Тихон 91
 Филипп, св. /Федор Степанович Кольчнев/ 40 62 421
 Филдинг Г. 302
 Филонов П.Н. 216 353
 Филофей 24 36 229 421
 Флаккер А. 12
 Флетчер Дж. 27
 Флор, св. 57 61
 Флоренский П.А., о. 42 113
 Флоровский Г.В. 24
 Фокин М.М. 279 283
 Фонвизин Д.И. 16 356
 Фора 186
 Фотий, патриарх 58 422
 Фотий, архимандрит (Спасский П. Н.) 64 422
 Франк С.Л. 28 42 400
 Франс А. 329
 Франц-Иосиф I 413
 Франциск Ассизский, св. 3 62 331 349 352 412
 Фрейденберг О.М. 224 425
 Фридрих-Вильгельм III 341
 Фридрих-Вильгельм IV 341
- Хвольсон О.Д. 314
 Хлебников Велемир 167 216 282 353

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Хлодвиг 232
 Хогарт У. 207
 Холланд Г. 410
 Хомяков А.С. 42 404
 Храбр 60 422
 Хрущов Н.С. 29 317
- Цветаева М.И. 197 199 367
 Цимиский 24
 Чаадаев П.Я. 28 345 394 408
 Чайковский П.И. 152
 Чарльз, принц Уэльский 177 178 181 194
 Чеймберс В. 410
 Чернышевский Н.Г. 58 113
 Чернышов Г.И., граф 314
 Честертон Г.-К. 241 331 426
 Чехов А.П. 28 83 87 124 247 251 262 316 394
 Чирков Н.И. 243 425
 Чосер Дж. 207
 Чуковская Л.К. 366
- Шагал М. 263 282
 Шаляпин Ф.И. 83
 Шахматов А.А. 15 83
 Швейцер А. 284
 Шевченко Т.Г. 161 215 233
 Шевырев С.П. 232
 Шекспир У. 14 207 208 232—233 236 240 246
 261 287 343—344
 Шелли П.-Б. 207
 Шигалей 416
 Шкловский В.Б. 256 262 316
 Шкляревский И. 302
 Шлиман Г. 288
- Шмелев И.С. 287 416
 Шонта В. 244
 Шостакович Д.Д. 28
 Штакеншнейдер А.И. 28
 Штиглиц А.Л. 10
 Шувалова Е.В., гр. 319
 Шукшин В.М. 358
- Щербатский Ф.И. 392
 Щукины 30
 Щусев А.В. 142
- Эвклид 326
 Эджертон 249
 Эдигей 227
 Эзоп 73
 Эйлер Л. 24 319
 Эйнерлинг С. 323
 Эйнштейн А. 306 317 323
 Эйхенбаум Б.М. 118 270 425
 Энгельс Ф. 336
 Эренберг Вл. 283
 Эренбург И.Г. 256
 Эрлих В. 326
- Юдина М.В. 109
 Юсупов Ф.Ф., кн. 283
- Якобсон Р. 14 323
 Ямпольский И.Г. 258 327
 Ярвет Ю. 311
 Ярослав Мудрый 22 340
 Яхонтов В.Н. 238

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На суперобложке:

- Поставление в священники святого Димитрия. Клеймо N 2 иконы Преподобный Димитрий Прилуцкий в житии. 1503. Круг Дионисия. Вологда. Областной краеведческий музей. Фото А.Нитецкого.
- с.8 Собор Св. Софии. 1045—1050. Новгород.
- с.11 Христос. Начало XIII в. Фрагмент иконы Деисусного чина из Успенского собора Московского Кремля. Москва, Третьяковская галерея.
- с.13 Богоматерь. Фрагмент той же иконы.
- с.17 Ангел. Конец XII в. Фрагмент иконы Спас Эммануил с ангелами. Москва, Третьяковская галерея.
- с.20 Герасим, епископ Коломенский, благословляет князя Дмитрия и его воинство. Лицевой летописный свод XVI в., т. II (Куликовская битва) л. 121. С.-Петербург, БАН.
- с.25 Сретение иконы Владимирской Богоматери. 1640. Икона из церкви Алексея митрополита в Глинищах в Москве.
- с.32 Сергей Радонежский. Шитый покров. Начало XV в. Фрагмент. Сергиев посад, Троице-Сергиева лавра.
- с.34 Успенский собор Московского Кремля. 1475—1479. Зодчий Аристотель Фиораванти.
- с.35 Архангельский собор Московского Кремля. 1505—1508. Зодчий Алевиз Новый.
- с.37 Преп. Димитрий Прилуцкий с житием. Освященная копия-реконструкция иконы 1503. Круг Дионисия. Написана для Спасо-Прилуцкого монастыря в 1995 г. Иконописец А.Нитецкий.
- с.38—39 Спасо-Прилуцкий монастырь. XV—XVI вв. Фото А.Нитецкого.
- с.40 Вид Саровской пустыни. XVIII—XIX вв. Литография фирмы Джузеппе Дациаро.
- с.41 Преп. Серафим Саровский. Икона начала XX в. Москва. Музей Андрея Рублева. Фото А.Сапроненкова.
- с.44 Возведение храма Покрова Богородицы «на Рву» (храм Василия Блаженного). 1555. Лицевой летописный свод, Синодальный том, л. 167. Москва, Исторический музей.
- с.47 София—Премудрость Божия. Икона начала XVII в. Москва, Третьяковская галерея.
- с.50 Христос Пантократор. Мозаика центрального купола собора св. Софии в Киеве. 1043—1046.
- с.53 Мозаики собора св. Софии в Киеве. 1043—1046.
- с.54 Панорама Троице-Сергиевой лавры. XV—XVIII вв. Фото В.Некрасова.
- с.55 Преподобный Сергей Радонежский. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского», конец XVI в., л.230. Москва, Российская государственная библиотека.
- с.56 Дионисий Глушицкий (?) Кирилл Белозерский. 1424. Икона из Кирилло-Белозерского монастыря. Москва. Третьяковская галерея.
- с.57 Кирилло-Белозерский монастырь. XV—XVI вв. Фото В.Некрасова.
- с.59 Св. Власий. Икона второй половины XV в. Из церкви св. Флора и Лавра в селе Мегрета, Петрозаводск, Карельский художественный музей.
- с.61 Чудо Архангела Михаила о Флоре и Лавре. Конец XV в. Новгородская школа. Москва, Третьяковская галерея.
- с.63 Ипатьевский монастырь. XVI—XVIII вв. Вид со стороны реки Костромы.
- с.66 Евангелист Марк. Остромирово Евангелие. 1056—1057. С.-Петербург, Публичная библиотека.
- с.70 Богоматерь Азовская. Икона начала XVIII в. Москва, Исторический музей.
- с.72 Неизвестный художник. Портрет Царя Алексея Михайловича. 1670. Щербаков, Краеведческий музей.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- с.73 Патриарх Никон с клиром. Ок. 1660. Парсуна работы Даниила Вухтерса. Фрагмент. Новоиерусалимский монастырь.
- с.74 Неизвестный художник. Портрет царицы Натали Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I. Конец XVII в. Ярославль. Городской музей. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.75 Вид царского дворца в селе Коломенском. Фото В.Некрасова.
- с.76 Ян Веникс. Портрет Петра I. 1697.
- с.80 Церковь Покрова на Нерли. 1165. Луковичная глава XVII в. Фото В.Некрасова.
- с.87 Андрей Рублев. Троица. Ок. 1411. Москва, Третьяковская галерея.
- с.90 Тихон Филатьев. Иоанн Предтеча в пустыне. 1689. Фрагмент иконы из церкви Козьмы и Дамиана в Кадашах в Москве.
- с.96 Рождество Христово. Ок. 1680. Фрагмент иконы из церкви Ильи Пророка в Ярославле.
- с.97 Недреманное око. Середина XVII в. Фреска в главном алтаре церкви Троицы в Никитниках в Москве. Фото В.Некрасова.
- с.99 Илья Пророк с житием. Вторая половина XVII в. Фрагмент иконы из церкви Ильи Пророка в Ярославле.
- с.103 Масим Грек. 1697. Фрагмент росписи Покровского придела церкви Ильи Пророка в Ярославле.
- с.106 В.А.Тропинин. Портрет князя С.Г.Волконского. 1824. С.-Петербург, Эрмитаж. НИИ.Уткин. Портрет М.И.Муравьева-Апостола. 1823—1824.
- с.107 П.Ф.Соколов. Портрет Н.М.Муравьева. 1622. Автолитография. П.Ф.Соколов. Портрет А.Г.Муравьевой. Декабрь 1825 — до 5 января 1826.
- с.127 Ярославль. Вид с колокольни Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря. Фото В.Некрасова.
- с.128—129
Ярославль. Вид на церковь Богоявления /1684—1693/ и Спасский монастырь. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.130 Ярославль. Церковь Ильи Пророка. 1647—1650. Фото В.Некрасова.
- с.121 Потоп. Роспись северной паперти церкви Ильи Пророка, 1715—1716.
- с.132 Спас оплечный. XVI в. Самарский художественный музей. Фото В.Некрасова.
- с.133 Самарская Лука. Фото В.Некрасова.
- с.134—135
Владимир зимой. Вид на Вознесенскую горку. Фото А.Нитецкого.
- с.136 Аркатурный пояс Дмитриевского собора во Владимире. Фото В.Некрасова.
- с.137 Дмитриевский собор во Владимире. 1194—1197. Фото В.Некрасова.
- с.138 Ярославово Дворище в Новгороде. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.139 Феофан Грек. Пантократор. 1378. Роспись в куполе церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород.
- с.140 Суздаль. Спасо-Евфимиев монастырь. XVI—XVII вв. Фото А.Нитецкого.
- с.141 Суздаль. Кидекша. Колокольня. XVII в. Фото А.Нитецкого.
- с.143 Богоматерь Умиление. XIV в. Из Покровского монастыря в Суздале. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.144—145
Суздаль. Покровский монастырь. XVI—XIX вв. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.146 Богоматерь в молении. XV в. Ростов Великий. Городской музей. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.147 Ростов Великий. Торговые ряды и Кремль. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.148 Никола Можайский. XVII. Дерево. Резьба, раскраска. Переславль-Залесский. Городской музей. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.149 Переславль-Залесский. Никитский монастырь. XVI в. Фото В.Некрасова.
- с.150 Торжок. Надвратная церковь Борисоглебского монастыря. 1811. Архитектор Н.А.Львов. Фото В.Некрасова.
- с.151 Торжок. Митино. Чертов мост. Фото В.Некрасова.
- с.158 Плес. Начало осени. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.160 Вид Бородина. Литография фирмы Джузеппе Дацциаро.
- с.161 Бородино сегодня. Фото Б.Крудко.

- с.162 Инок Пересвет сражается с татарским богатырем Темир-мурзой. Куликовская битва. Лицевой летописный свод XVI в., л. 174. С.-Петербург, БАН.
- с.163 Куликово поле. Слияние Непрядвы с Доном. Современный вид. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.164 Усадьба И.С.Тургенева Спасское-Лутовиново. Фото В.Некрасова.
- с.165 Спасское-Лутовиново. Аллея в парке. Фото В.Некрасова.
- с.170 Тарханы. В парке. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.174 Вид на Петропавловскую крепость. Фото П.Завадовского.
- с.176 Петр I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади в Петербурге. 1723. Миниатюра работы Григория Мусикийского. Эмаль, золото. С.-Петербург, Эрмитаж. Фото А.Сапроненкова.
- с.177 Нева. День Преполовления. 1815. Раскрашенная гравюра. С.-Петербург. Музей города. Фото С. и О.Чехониных.
- с.178 План Санкт-Петербурга. 1753.
- с.179 Э.-М.Фальконе. Памятник Петру I. 1762—1782.
- с.180 Львиный мост. Гравюра Мстислава Добужинского из серии «Петербург в двадцать первом году». 1923.
- с.181 Зимняя Канавка. Фото П.Завадовского.
- с.182 А.Н.Бенуа. Петербургская улица при Петре I. 1910. Москва. Музей личных коллекций. Собрание И.С.Зильберштейна. Фото В.Некрасова.
- с.184 Главы Верхоспасского собора. 1679 и колокольня Иван Великий.
- с.187 В.Н.Нечаев. Вид Арбата. 1830—1840. Фото В.Некрасова.
- с.188—189
Джакомо Кваренги. Кремль XVIII в. 1797. Акварель. Москва, Музей архитектуры им. М.В.Щусева.
- с.190 Вид Успенской церкви и Соборной площади Московского Кремля. Гравюра И.А.Соколова. Конец 1740-х гг.
- с.191 Памятник Александру I на Дворцовой площади в С.-Петербурге.
- с.192 Гатчина. Павильон Венеры.
- с.193 Гатчина. Приоратский дворец. 1798—1799. Архитектор Н.А.Львов.
- с.196 Петергоф. Портретный зал Большого дворца.
- с.198 Царское Село. Камеронова галерея.
- с.199 Анна Ахматова. Царское Село. 1915. Портрет работы О.А.Делла Вос-Кардовской. Москва, Третьяковская галерея.
- с.202—203
Павловск. Пиль башня. Фото А.Сапроненкова.
- с.210 Изборник Святослава. 1073. Титульный разворот. Фрагмент. Москва, Исторический музей.
- с.218 Мстиславово Евангелие. 1113—1117. Титульный разворот. Фрагмент. Москва, Исторический музей.
- с.219 Миниатюра из «Лествицы и Парнесиса» Ефрема Сирина. XVI в.
- с.234 О.А.Кипренский. Портрет А.С.Пушкина. 1827. Москва, Третьяковская галерея.
- с.235 Михайловское. Кабинет А.С.Пушкина. Фото И.Стин и А.Фирсова.
- с.237 Михайловское. Домик няни. Фото В.Некрасова.
- с.242 Икона семьи Ф.М.Достоевского. Фото В.Некрасова.
Кабинет Ф.М.Достоевского в квартире на Б. Гороховой в С.-Петербурге. Фото В.Некрасова.
- с.243 В.Г.Перов. Портрет Ф.М.Достоевского. 1872. Москва, Третьяковская галерея.
- с.247 И.Е.Репин. Портрет Л.Н.Толстого в белой блузе. 1908. С.-Петербург, Институт русской литературы /Пушкинский Дом/.
- с.252 В.А.Серов. Портрет Н.С.Лескова. 1894. Москва, Третьяковская галерея.
- с.264 В.Кацдинский. Озеро. 1910. Фрагмент. Москва, Третьяковская галерея.
- с.266 Резной деревянный крест. Кириллов, Музей.
- с.268 Георгиевский собор. 1230—1234; 1471. Юрьев-Польской.
- с.269 Георгиевский собор. Фрагмент декора. Лев с трилистником.
- с.275 Б.М.Кустодиев. Троицын день. Саратов. Художественный музей им. А.Н.Радищева. Фото Р.Савкина.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- с.281 В.А.Серов. Анна Павлова. 1909. С.-Петербург, Русский музей.
- с.287 Павел Кузнецов. Вечер в степи. 1912. Москва, Третьяковская галерея.
- с.290 Андрей Рублев. Апостол Павел. Начало XV в. Икона Звенигородского чина. Москва, Третьяковская галерея.
- с.293 Священномученик протопоп Аввакум. Акварель работы инока Олимпия. 1994. Москва, Тверская старообрядческая община.
- с.308 Фреска церкви Рождества на кладбище. 1381—1382. Новгород.
- с.320 Инициал Евангелия. 1499. Москва, Оружейная палата.
- с.334 Отъезд русского посольства за границу. Миниатюра из книги «Повесть о Петре». 1697. Москва, Исторический музей.
- с.337 Ф.Я.Алексеев. Вид на Воскресенские и Никольские ворота. 1811. Москва, Третьяковская галерея.
- с.338 Е.М.Корнеев. Игра в пристенки. 1812.
- с.339 Е.М.Корнеев. Катающиеся на коньках по Неве. 1812.
- с.341 Пашков дом. /1734—1788/. Архитектор В.И.Баженов. Литография Джузеппе Дацциро.
- с.343 И.М.Прянишников. Крестный ход. Москва, Третьяковская галерея.
- с.348 А.П.Остроумова-Лебедева. Острова Кирова ранней весной. 1937. Фрагмент. Акварель. С.-Петербург, Русский музей.
- с.348 Березы осенью. Фото В.Некрасова.
- с.349 Березы в июне. Фото В.Некрасова.
- с.350—351
Поле. Фото А.Нитецкого.
- с.352 В.Э.Борисов-Мусатов. Весна. 1898—1901. Фрагмент. С.-Петербург, Русский музей.
- с.354 Неизвестный художник. Портрет М.В.Ломоносова. С.-Петербург, Музей им. М.В.Ломоносова.
- с.359 К.А.Сомов. Портрет А.А.Блока. 1907. Москва, Третьяковская галерея.
- с.361 Л.С.Бакст. Портрет Андрея Белого (Б.Н.Бутаева) 1905.
- с.364 К.А.Сомов. Портрет Вяч. Иванова. 1906. Москва, Третьяковская галерея.
- с.370 Старый дуб. Коломенское. Фото В.Некрасова.
- с.373 Коломенское. Слева один из дубов Старого Вознесенского сада.
- с.374 И.П.Мартос. Надгробие кн. С.С.Волконской. 1782. Москва, Третьяковская галерея. Фото Ю.П.Маркина.
- с.375 И.П.Мартос. Надгробие кн. Е.С.Куракиной. 1792. С.-Петербург, Александро-Невская лавра. Фото П.Завадовского.
- с.383 Иоанн Богослов в молчании. Середина XVII в. Суздальская школа.
- с.386 Н.Мухин. Спаситель. Современное письмо. Кострома. Фото В.Некрасова.
- с.388—389
А.П.Богомоллов. Храм Христа Спасителя в Москве. 1856. Москва, Музей личных коллекций. Собрание И.С.Зильберштейна. Фото В.Некрасова.
- с.393 М.В.Нестеров. Богоматерь с младенцем. Собрание семьи И.И.Шагина. Фото В.Некрасова.
- с.395 А.Соколов. Богоматерь с младенцем Иисусом Христом. Современная икона. Москва.
- с.397 Николай II, император всея Руси с семьей. Неизвестный иконописец. XX в.
- с.402 Ширков погост. 1764. Тверская область.
- с.404 Чудо о Борисе и Глебе. Фрагмент иконы из церкви Спаса на Валушках в Каргополе. 1719.
- с.405 Деревянная церковь из села Холм. 1552. Самый ранний из сохранившихся шедевров деревянного зодчества.
- с.406 Крестьянская изба. Кладка бревен «в обло».
- с.407 Церковь Преображения из села Козлятьева 1756 и церковь Николы из села Глотова. 1766. Музей деревянного зодчества. Суздаль.
- с.409 Кижки. Церковь Покрова, 1874 и церковь Преображения, 1714.
- с.415 Соловки. Валуны на побережье.
- с.417 Остров Валаам. Берега Ладоги.

SUMMARY

Academician Dmitri Sergeyeovich Likhachev (28 November, 1906 - 30 September, 1999), the eminent philologist, historian, cultural philosopher and author of world-famous works on the literature and culture of mediaeval Russia even had a small planet (2877) named after him.

«Russian Culture» is a kind of summing up of the selfless labours of this great scholar, who devoted his whole life to the study of Russia and defence of her cultural values.

At the centre of his attention is the humanist concept of a «single cultural space». Academician Likhachev stresses the European character of Russia's millenium-old culture which adopted the Christian values of respect for the individual and freedom, universalism and openness. At the same time he discusses the problem of Russia's national distinctiveness, showing that the question of «foreign» influence should not be examined without taking into account the «counter action» of national tradition. In extensive cultural contacts Russia does not lose its individuality, because «foreign» values are transformed in the crucible of national culture in keeping with the long-standing laws of Russian aesthetics: the aesthetics of large forms, vast expanses and prophetic visions.

With great spiritual fervour Academician Likhachev speaks of culture as the deep-rooted basis of social organisation and of all socio-economic development, as the aim and purpose of human existence. His historiosophical thinking is alien to Marxist dogma. «It is not being that determines consciousness,» he writes, «but consciousness of the need for change that produces changes in being.» Likhachev revives the tradition interrupted by militant atheism and reminds the reader that «In the beginning was the Word...» He seeks to restore to everyday usage that layer of spiritual culture which was wrenched out of our life and which demands at least a working knowledge of the Holy Scriptures, the underlying foundation of art over an historical period that now measures more than 2000 years.

As a thinker of the Russian philosophical school, Dmitri Likhachev avoids categorical definitions. He introduces into his argument the key concepts of «conscience» and «freedom», the experience of his own life and the revelation of the Christian faith. Culture, according to him, expands the area of conscience, which is the «custodian of human freedom». He reveals the moral essence of culture and traces the cultural forms of embodying the moral ideal. The Russian idea, he asserts, can be understood only through an historiosophical and ethico-aesthetic study of culture in all its hypostases.

Academician Likhachev discusses the problem of cultural ecology. Here too we see the rebirth of a tradition which was rejected for decades. Examining cultural ecology as a moral problem, he appeals to the authority of Vladimir Solovyov who asserted the need to recognise the rights of nature and the earth (arable land), which is helpless before God and man, but has rights like all things

created. Together with Dmitri Likhachev, we regard this as a timely protest against technocratic ideology which is leading inevitably to ecological catastrophe.

The tradition of a spiritual-moral attitude to nature is older than Vladimir Solovyov and the 19th century, however. The author points to its deep roots in mediaeval Russian piety. Religious experience, the experience of a benevolent attitude to the earth and nature, which goes back to pre-Christian times and was sanctified by the baptism of Russia, he believes, lie at the root of presentday problems of the philosophy and ethics of ecology, on the solution of which the life and destiny of mankind now depends.

In this final book Academician Likhachev's talent as a writer is even more striking. His pen brings history to life. He offers the reader a living image of Russia's cultural history with its high spirituality, self-sacrifice and prophetic role of aesthetic choice.

This is a serious and profoundly personal book which will help the reader acquire a sense of belonging to a great culture and being responsible for the fate of national cultural values. It is inestimable gift from Academician Likhachev to the whole of Russia.

Лихачев Д.С.
Л65 Русская культура. — М.: Искусство, 2000. 440 с.: илл., портр.

Последняя книга выдающегося ученого современности, академика Д.С.Лихачева, является итогом всестороннего изучения тысячелетней русской культуры и ее историческое осмысления. Академик Д.С.Лихачев отстаивает гуманистическую концепцию единого культурного пространства, обосновывает европейскую ориентацию русской культуры, вобравшей в себя христианские ценности, и в то же время раскрывает природу национальной самобытности России, проявляющейся в канонах исконно русской эстетики, в православной религиозной практике. Книга эта проблемная и глубоко личная подарит каждому россиянину сознание причастности к великой культуре и ответственности за судьбу России.

УДК 008(=161.1)
ББК 71.0

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Редактор *Л.Р. Мариупольская*
Художник *И.В. Балашов*
Верстка *Н.Б. Масловой*
Корректор *Н.А. Медведева*

АР № 010157 от 14.02.97.
Сдано в набор 02.10.1999.
Подписано в печать 13.03.2000.
Формат издания 70x108/16.
Бумага мелованная. Гарнитура Лазурского.
Печать офсетная. Усл. печл. 38,5.
Усл. кр.-отт. 156,12
Уч.-изд. л. 42,35. Тираж 5000.
Изд. № 9. Заказ тип. 2274.
Издательство "Искусство".
103009 Москва, М.Кисловский пер., 3.
Отпечатано в ОАО "Иван Федоров"
191119, Санкт-Петербург,
ул. Звенигородская, 11

